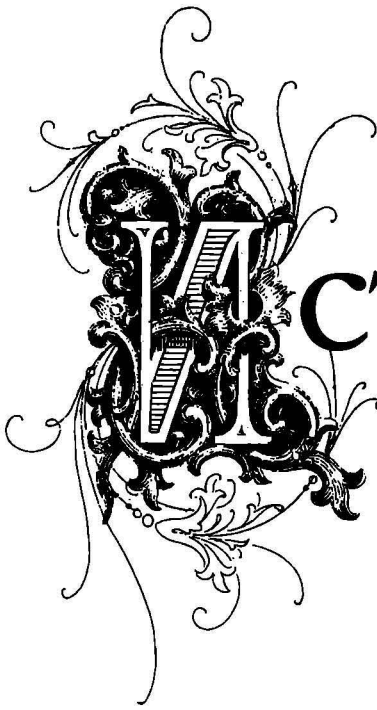


Д. П. Бутурлин

История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году

Кучково поле
Союз семей военнослужащих России
2011

стория нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году

ИСТОРІЯ

НАШЕСТВІЯ

ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА

НА

РОССІЮ

ВЪ 1812-мъ ГОДУ.

Съ оффиціяльныхъ документовъ и другихъ достовѣрныхъ бумагъ Россійскаго и Французскаго Генералъ-Штабовъ,

СОЧИНЕННАЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Флигель-Адъютантомъ,

ПОЛКОВНИКОМЪ Д. БУТУРЛИНЫМЪ.

Съ Французскаго же на Россійскій языкъ переведена Свиты ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА по Квартирмейстерской части,

Генералъ-Маіоромъ А. Хатовымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Военной Типографіи.

1837.

УДК 94
ББК 63.3(2)47
Б93

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Бутурлин Д. П.

Б93 История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году / Пер. с фр. А. Хатова. — М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих, 2011. — 512 с., ил.

ISBN 978-5-9950-0212-3

Одно из первых описаний Отечественной войны 1812 года, созданное русским историком, участником боевых действий, Его Императорского Величества флигель-адъютантом, генерал-майором Д. Бутурлиным (1790–1849). В распоряжение автора были предоставлены все возможные русские и французские документы, что позволило ему создать труд, фактический материал которого имеет огромную ценность для исследователей и сегодня. Написан на французском языке, в 1837 году переведен на русский язык.

Для широкого круга любителей истории 1812 года и наполеоновских войн.

УДК 94
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0212-3

© Кучково поле, 2011

Часть I

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

Переложив на отечественный язык историю нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году, я приемлю смелость повергнуть труд сей к стопам Вашего Императорского Величества как первого виновника блистательных успехов, ознаменовавших сию достопамятную в летописях мира войну, только прославившую оружие Вашего Императорского Величества и приготовившую падение Наполеона.

Счастливым сочту себя, если труд сей, для распространения военных познаний предпринятый, удостоится милости воззрения Вашего.

Всемилостивейший государь!
Вашего Императорского Величества
верноподданный Александр Хатов,
квартирмейстерской части генерал-майор

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

от сочинителя

История похода 1812 года еще не была написана. Всё, досель появившееся в Европе по сему предмету, или неполно, или несправедливо. Сочинитель, уверившись в сей истине, не упустил ничего для соделания труда своего в вышней степени достоверным. Будучи очевидцем большей части происшествий, им описываемых, он имел еще возможность почерпать в архиве генерал-квартирмейстера главного штаба Его Императорского Величества. Официальные документы Российской армии, равно и неприятельские, по участи войны доставшиеся россиянам, составляют драгоценный источник, из коего почерпая с величайшим тщанием и разборчивостью, он чрез то мог устранить все частные описания, почти всегда с пристрастием и уже после событий составленные.

Сочинитель знал трудность своего предприятия. Нелегко написать современную историю. Человек, не умеющий поступать противно совести своей, неминуемо должен подвергнуться негодованию оскорбленного честолюбия и ненависти духа партий, коих пристрастные суждения не могут быть подтверждены историей. Гордясь тем, что писал сходно с собственным убеждением, он ищет одобрения только людей благородно беспристрастных, но не тех, кои правду считают обидной или преступлением. При всем том он не имеет смешанного высокомерия воображать, чтобы не мог погрешить в суждениях своих, и с признательностью примет все замечания, которые благоугодно будет сделать ему для пользы военной науки.

Еще остается ему изъявить сожаление свое, что не мог поместить в сей книге частных подвигов, без всякого сомнения величайшей похвалы достойных, но которые непременно затмились бы между великими и важными происшествиями, в ней описанными. Военная история не занимается лицами, но одними событиями и следствиями оных. Для сего есть записки и собрания анекдотов, коими принадлежит соделать частные подвиги известными обществу, почему сочинитель и надеется, что благоволившие сообщить ему сведения по сему предмету прогневаются, что он не воспользовался оными.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ
от издателя

Убежденный в достоинстве книги, по содержанию своему долженствующей быть занимательной для каждого русского, а по беспристрастным и на истинных правилах стратегии основанным суждениям об ошибках, с обеих противных сторон сделанных в знаменитый поход 1812 года, могущей быть весьма поучительной и, следовательно, полезной для занимающихся военной наукой, издатель переложил ее на отечественный язык для тех, кои не могут пользоваться подлинником, и составил к ней карты и план, без коих было бы затруднительно следовать за ходом военных действий и вникать в суждения, сделанные сочинителем.

Читатель не должен искать здесь ни красоты, ни утонченной правильности слога, переводчик — солдат, а солдат довольно хорошо объясняется, если товарищи его понимают. Взамен он найдет в переводе точный смысл подлинника, без малейшей перемены.

Сочинитель долгом счел выпустить многие подробности, полагая, что историю его читать будут более иностранцы, для коих они действительно показались бы утомительными, тем более что растянули бы повествование, ничего не прибавив к существу дела. Напротив того, издатель думает, что сказанные подробности могут быть занимательны для русских, а потому и решился некоторые из них прибавить в виде примечаний, помещенных внизу страницы[1]. Впрочем, сии подробности извлечены из достоверных документов и особенно из журнала, во время войны веденного генерал-квартирмейстером Толем.

[1] Примечания переводчика и сочинителя в сносках помечены соответственно. Сноски, не имеющие указаний авторства, принадлежат редактору 1-го издания *(прим. ред. 2-го изд.)*.

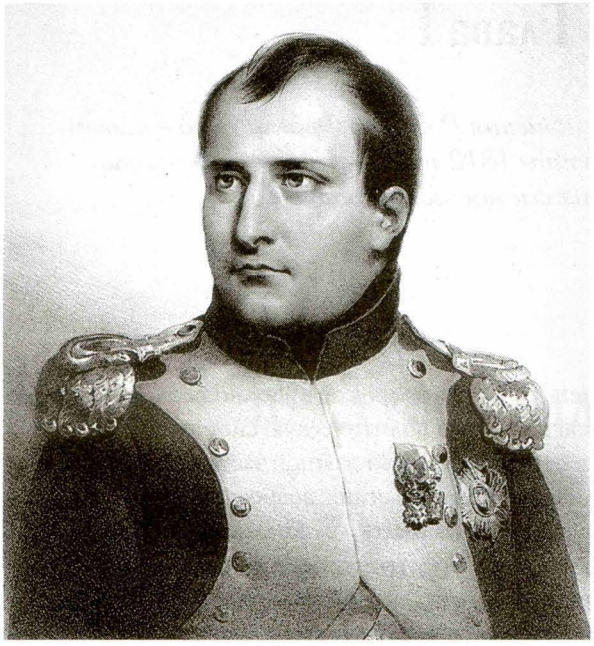
Глава I

Взгляд на политические сношения России с Францией со времени Люневильского мира до войны 1812 года. – Изложение причин, произведших сей последний разрыв.

События, ознаменовавшие конец XVIII столетия, совершенно переменили отношения держав и ниспровергнули всю прежнюю политическую систему Европы.

В то время, когда раздел Польши переменил вид восточной части Европы, увеличивая могущество трех дворов, разделивших оную, Франция, возрожденная революцией, приняла направление, которого не могли остановить две коалиции, последовавшие одна за другой. Необходимость удержать распространение правил, всякому порядку противных, которые были отличительным свойством французских революционеров, была побудительной причиной вооружения Австрии и ее союзников, но победы французов и несогласие, водворившееся между союзниками, разрушили обе коалиции, и Австрия, принужденная заключить мир, подписала Люневильский трактат, к коему впоследствии приступили и прочие державы твердой земли, еще не примирившиеся с Францией. Даже сама Англия, увлеченная общим примером, уклонилась на время от системы Питта и подписала Амиенский трактат, довершивший успокоение Европы.

Казалось, что сей мир долженствовал быть прочным. С одной стороны, расширение пределов Франции, признанное Люневильским трактатом, заменяло для сей державы важные приобретения, сделанные Россией, Австрией и Пруссией на счета Польши. С другой, возвышение Бонапарте на степень первого консула, утвердившее наконец внутреннее правительство во Франции, достаточно обнадеживало Европу в уничтожении революционных правил. Можно было надеяться, что Бонапарте, довольный высоким достоинством своим, будет помышлять только об успокоении Франции под сенью лавров, им пожатых, и даст ей время изгладить глубокие раны, причиненные революцией всему составу государства. Но только миролюбивые расположения совсем несовместны были с личным нравом начальника французского правительства. Необыкновенный человек сей, один из величайших полководцев всех времен, присоединил к превосходным военным дарованиям искусство редкое и важное — управлять умами и всегда подчинять их непреклонной воле своей. Удачно пользуясь счастливым стечением обстоятельств, в которые судьба привела его, он сам поставил себя преемником революции и захватил верховную власть столь мощной рукой, что противники общественного порядка принуждены были умолкнуть. Один он, устояв на развалинах партий, раздиравших Францию, восстановил общественное здание, которое мятежливые и не терпящие начальства люди успели ниспровергнуть. Уже вся Франция, возвращенная к миру и спокойствию, благословляла имя его и изъявляла должную признательность за все благодеяния, твердым правлением его на нее излитые. Европа удивлялась ему и считала



Наполеон I
(1769–1821)

его поборником справедливости и доброго порядка. Но сии мечты благоденствия недолго существовали. Все великие качества, коими Бонапарте одарен был, затмевались неограниченным и ненасытным честолюбием, наполнившим его сердце. Единственная страсть сия управляла всеми поступками и помышлениями его, и ей подчинял он все свои деяния. Не довольствуясь каждой степенью возвышения, им достигнутой, он почитал ее только ступенью, служащей к большему еще возвышению. Малоразборчивый в средствах, он употреблял и добро, и зло без различия: в начале политического поприща своего он сделал много добра единственно потому, что сей путь прямее вел к его цели — на прочном основании утвердить власть свою внутри Франции, но достигнув сего, он принял иные меры. Объяв оком гения политическое положение Франции и ее отношение к другим державам, он скоро заметил, что она была могущественнее того, какой желали и думали оставить ее державы, договаривавшиеся с ней в Люневиле. Правда, что республики Батавская, Гельветическая, Цизальпинская и Лигурийская составляли владения, не зависящие от Франции, но независимость сия была только мнимая. Находясь под непосредственным влиянием сей последней, они как верные спутники слепо следовали политической ее системе. Вскоре Европа дорого заплатила за ошибку свою, что упустила взять надежные поручительства в действительной независимости сих республик. Бонапарте почувствовал, что, имея в распоряжении своем почти 50 миллионов жителей, он безбоязненно может исполнять все замыслы, внушаемые ему предприимчивым и беспокойным духом, для увеличения своего могущества и овладения общественным мнением — торжество, которого он более всего домогался.

Первое старание его было закрепить оковы, привязывавшие Цизальпинскую республику к Франции. И он совершенно успел в том, приказав избрать себя в председатели сей республики, которой дал честолюбивое наименование Италийской. Другая республика, Гельветическая (Швейцария), раздираемая внутренними смятениями, принуждена была признать его в качества посредника и принять от него конституцию, отвергаемую мнением большей части народа. Незадолго пред тем Пиемонт, окончательно присоединенный к Франции, умножил число ее департаментов. Поелику со времени Люневильского мира Пиемонт оставался под управлением Франции, то присоединение сие едва было бы примечено, если б оное не обнаружило честолюбие Бонапарте, ибо,

перенеся пределы республики за Альпийские горы, он поступил вопреки объявлению, сделанному Францией, что она никогда не преступит естественных пределов, начертанных ей рекой Рейном и хребтами Альпийских и Пиренейских гор.

Европа с удивлением и беспокойством взирала на сии перемены, столь явно нарушавшие Люневильский трактат, однако потребность мира и изнеможение от войны были столь велики, что она довольствовалась одним роптанием, и Англия, в то время опять возвратившаяся к системе, более сообразной с тогдашними ее пользами, не могла найти себе союзников. Поступки Бонапарте вскоре доставили ей оных.

Александр I
(1777–1825)

Объявление войны со стороны Англии послужило первому консулу предлогом к новым насилиям. Ганновер, имевший правление, совсем отделенное от английского, никогда не почитался обязанным ответствовать за сию последнюю державу. Даже революционное правительство французское уважало сие различие, основанное на самых неоспоримых началах народного права. Несмотря на сие, Бонапарте занял курфюршество Ганноверское, не уважив при том ни германской конституции, ни посредничества берлинского и петербургского кабинетов, ручавшихся за неприкосновенность оной. В то же время другая Французская армия вступила во владения короля Неаполитанского, который тщетно прибегал к своему нейтралитету. Наконец, посягательство на особу герцога Ангиенского, сделанное вопреки владельческих прав одного из князей империи, совершено и пред глазами всех обнаружило всю обширность того самовластия, которое Бонапарте хотел присвоить себе над соседственными владениями. Тогда первенствующие державы европейские изъявили негодование свое, и Россия вступила в состязание.

Император Александр, вступив на престол всероссийский, с искренностью и прямодушием старался утвердить дружеские сношения между Россией и Францией, коим император Павел положил первое основание. Александр полагал, что тесная связь между сими двумя державами поддержит и сделает прочным мир на твердой земле. В делах Германии действительно все устроилось согласно с великодушными видами российского императора, но в итальянских делах сент-клудский кабинет поступал самопроизвольно и постоянно устранял посредничество петербургского двора,

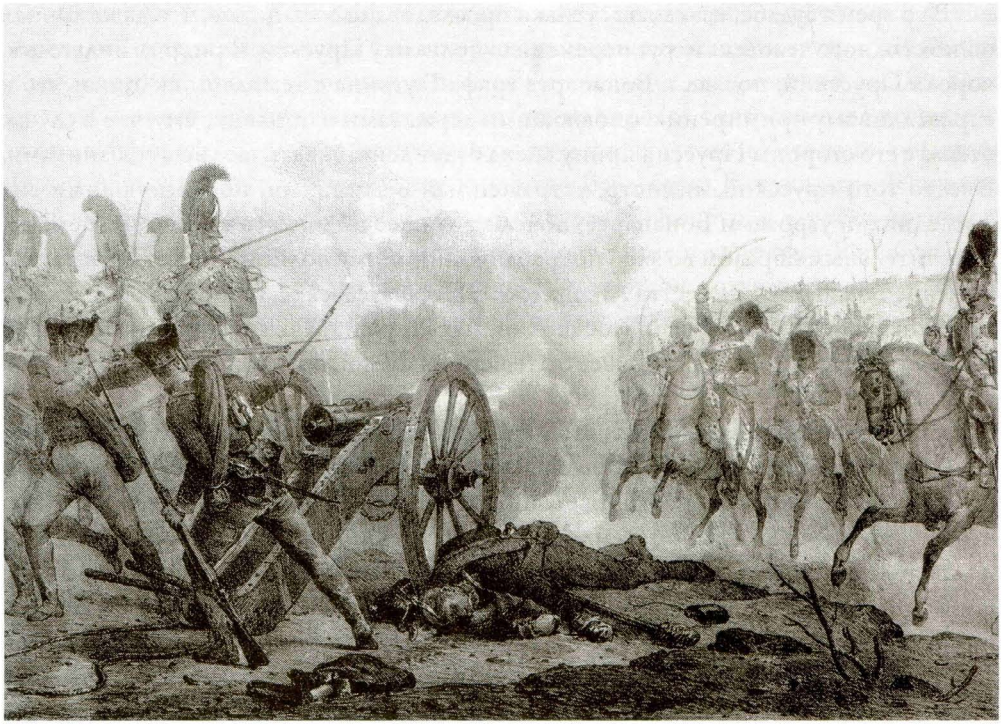
следствием чего и было приметное охлаждение между обоими кабинетами, которое от насильственного занятия Ганновера и неаполитанских владений, естественно, долженствовало еще более увеличиться. При всем том Россия еще колебалась явно объявить себя против Франции, но убиение герцога Ангиенского прекратило ее нерешимость в выборе политической системы, которой надлежало ей следовать. Император Александр для чести своего престола и для безопасности Европы не мог долее оставаться в союзе с правительством, учинившим столь неслыханное злодеяние.

Тогда Питт, снова принявший кормило правления в Англии и с нетерпением выжидавший случая составить против Франции новую коалицию, сильнейшую двух прежних, достигнул верха своих желаний. Россия, негодующая на неправедные поступки Бонапарте, решилась уже силой оружия привести в надлежащие пределы то чрезмерное могущество, которое он столько во зло употреблял. Австрия, всех более сим могуществом угрожаемая, равномерно чувствовала необходимость силой отразить опасные похищения Франции. Новая коалиция могла еще полагаться на вспомоществования Швеции и короля Неаполитанского. Британское министерство не отчаивалось убедить также и берлинский кабинет ко вступлению в сей великий союз, но не успело в том: король Прусский не решился отступить от нейтральной системы своей, ибо полагал, что на ней основано уважение, коим кабинет его пользовался в Европе.

Коалиция готовилась уже обнаружиться, однако же император Александр не хотел начинать войны, не истощив сперва всех кротких средств, совместных с его достоинством. Государь сделал последний опыт для получения от Наполеона справедливого удовлетворения на требование России и для того приказал Г. Новосильцову отправиться в Париж, но сей принужден был остановиться в Берлине, поелику новые перемены, происшедшие в Италии, уничтожили последнюю надежду к примирению с Францией. Бонапарте не только не думал отвращать грозу, на него собиравшуюся, но, казалось, еще старался, чтобы оная скорее разразилась. К титулу императора Французского присовокупил он титул короля Италийского и, отправившись в новое королевство свое, еще присоединил к Франции Лигурию и пармские владения, а княжество Лукку отдал шурину своему Бачиокки. Новые сии похищения становились тем оскорбительнейшими, что сделаны были в то самое время, когда Европа оспаривала еще у него законность прежних его присоединений. Союзные державы поспешили к оружию.

Австрия выставила три армии, из коих одна двинулась в Италию, другая — в Тироль, а третья — в Баварию. Сия последняя долженствовала быть усилена россиянами, вступившими уже в Галицию. Один корпус российских войск сделал высадку в Померанию и должен был войти в Ганновер вместе со шведами и англичанами. С другой стороны, российские и английские войска перевезены были в Королевство Неаполитанское, которое французы оставили, дабы сосредоточить силы свои на австрийских границах.

Поход сей соделался несчастливым для союзников по многим причинам: во-первых, страх, внушаемый именем Бонапарте, подействовал на Баварию, и Баварская армия присоединилась к Французской. Баден и Виртемберг последовали сему примеру. Пруссия колебалась. От сего произошло, что Австрийская армия в Германии должна была одна выдержать нападение превосходных сил Бонапарте, против нее обращенных, и сия армия, управляемая или невежеством, или изменой, была уничтожена как бы уда-



Битва под Аустерлицем
2 декабря 1805 г.

ром волшебного жезла. Наконец, россияне, соединившиеся с остатками австрийцев, претерпели поражение под Аустерлицем.

Несмотря на то, дела союзников, может быть, находились еще не в отчаянном положении. С одной стороны, новая российская армия приближалась на подкрепление к разбитой. С другой — эрцгерцог Карл и Иоанн могли скоро приспеть с 80 000 австрийцев, выведенных из Италии и Тироля. К тому же Бонапарте во время действий своих против австрийцев нарушил нейтралитет прусских пределов. Оскорбленный сим кабинет берлинский наконец приступил к коалиции, и прусские войска готовы были уже двинуться в тыл Французской армии, которая, зайдя в средину австрийских владений, недовольно обезопасила свой путь действий. Итак, кажется, что в сих обстоятельствах нетрудно было вознаградить поражение, претерпленное под Аустерлицем, но провидение иначе определило. Пагубное уныние скрыло от австрийских министров способы, которые еще у них оставались, и они заключили сперва перемирие, а вскоре засим и мирный трактат, подписанный в Петербурге. Австрия лишилась около трех миллионов жителей, которых Бонапарте в намерении блеснуть бескорыстием роздал союзникам Франции, и именно: Королевству Итальянскому, курфюрстам Баденскому, Виртембергскому и Баварскому, из коих последние двое получили к тому еще титул короля. Однако и при сем разделе завоеваний Бонапарте не забыл большую часть оных назначить Королевству Итальянскому, коего корона самому ему принадлежала.

В то время судьба, казалось, столько преследовала союзников, что даже личная ошибка одного человека вдруг переменила политику Пруссии. Фридрих Вильгельм, король Прусский, послал к Бонапарте графа Гаугвица с тем, дабы склонить его к справедливому примирению с воюющими державами и объявить ему, что в случае отказа с его стороны Пруссия принуждена будет действовать заодно с союзниками. Вместо того прусский министр, устрашенный бедствиями, постигнувшими сих последних, и угрозами Бонапарте, почел за лучшее подписать трактат, в коем, непростительным образом во зло употребляя данное ему полномочие, отдал в распоряжение Бонапарте княжества Аншпахское, Нефшательское, герцогства Клевское и Бергское взамен Ганновера, присоединенного к Пруссии. Таким образом посольство графа Гаугвица, долженствовавшее быть неприязненным в рассуждении Франции, кончилось ко вреду того государства, коего Пруссия предприняла защиту, и еще более скрепило дружественную связь, перед тем существовавшую между берлинским и тюльерийским кабинетами. Король Пруссии неблагоразумным поступком своего производителя переговоров приведен был в столь затруднительное положение, что ему оставалось на выбор — или немедленно учинить разрыв с Францией, или подтвердить договор, графом Гаугвицем заключенный. И он принужден был решиться на последнее. Бонапарте отдал княжество Нефшательское маршалу Бертье, герцогства Клевское и Бергское — шурину своему маршалу Мюрату, а княжество Аншпахское послужило к распространению владений короля Баварского, которого Бонапарте умышленно осыпал благодеяниями, дабы показать всем, сколь высоко надлежало ценить союз его.

Из всех великих держав твердой земли одна только Россия не договаривалась с Францией. Император Александр не изъявил согласия своего на перемирие, заключенное австрийцами после битвы Аустерлицкой, однако, уступая просьбам императора Франца, вывел войска свои из австрийских владений. В таковых обстоятельствах его величество рассудил, что ему оставалось только сберегать силы свои до другого, удобнейшего времени. Вследствие сего возвратил он также войска свои, находившиеся в Ганновере и сделавшие высадку в Неаполь, ибо очевидно было, что сии два корпуса, оставшись против неприятеля, чрез то подверглись бы неизбежной погибели без всякой пользы для общего дела.

Король Неаполитанский нашелся в самом опасном положении. Англичане сели на суда еще до отъезда россиян. Неаполитанская армия не в силах была противостоять французской, приближавшейся к Неаполю, а между тем Бонапарте торжественно объявил, что поколение Бурбонов перестало царствовать в Неаполе. Фердинанду IV оставалось только спасаться бегством, и он нашел себе убежище на Сицилии.

Бонапарте, заняв Королевство Неаполитанское, отдал его брату своему Иосифу. Он начал окружать империю свою престолами, занимаемыми государями его фамилии. Сие было следствием *союзной системы*, им вымышленной, с помощью коей располагал он постепенно поработить себе все державы твердой земли. За возвышением Иосифа Бонапарте последовало возведение на престол другого брата его — Людовика. Республика Голландская, преобразованная в королевство, принуждена была признать его государем своим.

Германия также не замедлила почувствовать действие новой союзной системы. Древняя Империя Германская была разрушена, и из частей оной составился Рейнский союз, который, признав Бонапарте покровителем своим, существенно отдался в его опеку. Союз сей первоначально составлен был из королей Баварского и Виртенбергского, курфюрста Баденского, архиканцлера, герцога Бергского и Клевского, ландграфа Гессен-Дармштатского, князей Нассау-Узингена и Вейльбурга, Гогенцоллерн-Гешингена и Зигмарингена, Сальм-Сальма, Сальм-Кирбурга и Изенбурга, герцога Аренберга и графа Лейена. Вскоре потом приступил к нему также и курфюрст Вирцбургский. Император Франц принужден был признать законной сию новую несправедливость и потому, отказавшись от короны Империи Римской, удержал только титул императора Австрийского. Князья германские, не вступившие в Рейнский союз, получили полную независимость, которой, однако, не позволили им пользоваться долгое время.

Прежде, нежели сделалось известным в Европе сие важное происшествие, предавшее Германию во власть Бонапарте, можно было еще несколько надеяться, что спокойствие возвращено будет просвещенной части мира. Смерть похитила у Англии великого министра, управлявшего ею. Воспоследовала перемена в министерстве, и знаменитейший член оппозиции (стороны, противной министерству) Фокс получил управление Департаментом иностранных дел. Новый министр, дотоле постоянно объявлявший себя против войны, по необходимости должен был стараться о сближении сент-жамесского и тюльерийского кабинетов. Для сего начались переговоры, но ход оных с самого начала замедлен был отказом Англии трактовать без соучастия союзника своего — России.

Император Александр, желая не допустить Францию представлять его единым препятствием в заключении мира, отвратил помянутое затруднение, послав в Париж со своей стороны Г. Убри для непосредственных переговоров с Францией. Российский поверенный, пораженный опасностью, которой присутствие французских войск в Германии угрожало Австрии, долгом почел согласиться на величайшие пожертвования для спасения сей монархии, сохранение коей было столь важно для поддержания политической системы в Европе. Преступив меру данного ему полномочия, он поспешил заключить трактат, по коему взамен простого обещания возвратить за Рейн французские войска согласился признать законными все предыдущие похищения Бонапарте, не истребовав даже никакого поручительства против возобновления подобных похищений. Он согласился даже отдать Сицилию королю, постановленному Бонапарте в Неаполе, а в вознаграждение за сию уступку Фердинанд IV должен был получить острова Балеарские. Император Александр отказался подтвердить сей договор, который, кроме других неудобств, представляемых оным, столь явно нарушал пользы его союзника. Переговоры с Англией равномерно остались без успеха. Бонапарте соглашался возвратить королю Английскому Ганновер и оставить за англичанами остров Мальту и мыс Доброй Надежды, но не хотел отказаться от требований своих на Сицилию, а кабинет сент-жамесский тем не менее мог удовлетворить оные, на что российский император, от пользы коего он не хотел отдалять своих выгод, объявил, что не согласится ни на какое примирение, доколь обладание Сицилией не будет утверждено за Фердинандом IV. Воспоследовавшие между тем смерть Фокса и неприятельские приготовления Пруссии против Франции ускорили разрыв сих переговоров.

Бонапарте, принудив Пруссию взять Ганновер, успел поссорить сию державу с Англией и отдалить ее от политической системы Европы. Тогда, видя ее без союзников, а следовательно, и без подпоры, он почел за лишнее наблюдать осторожность в сношениях своих с нею и принял голос столь повелительный и наглый, что привел тем в негодование кабинет берлинский. Предложение возвратить королю Английскому Ганновер, которое Бонапарте сделал без всякого затруднения, и учреждение Рейнского союза, испровергнувшее Римскую империю, о коем он даже не удостоил предуведомить Пруссию, хотя она составляла часть сей империи, были сугубым оскорблением, открывшим наконец глаза прусскому министерству.

Тогда усмотрело оно в полной мере опасность, угрожавшую королевству, и необходимость отвратить ее оружием. Решимость его в сем случае была даже слишком поспешна. Правда, что разрыв с Францией неминуемо доставлял Пруссии двух сильных союзников — Россию и Англию, но союзники сии, не будучи предварены о столь внезапной перемене в расположениях берлинского кабинета, не были еще в готовности поддержать его надлежащим образом. От сего последовало, что в самом начале войны Пруссия могла надеяться только на союз, почти приневоленный, курфюрста Саксонского. С такой-то слабой помощью Прусская армия вступила в борьбу с огромными силами Франции, умноженными еще присоединением войск государей Рейнского союза.

Поход 1806 года был кратковременен, но решителен и пагубен для Пруссии. Несчастное сражение под Иеной одним ударом превратило в прах все способы сего государства. Прусская армия была истреблена, и лучшие крепости преданы неприятелю самой подлой изменой. Королю Прусскому после тщетных покушений получить мир осталось только прибегнуть под защиту России, не успевшей еще выступить из пределов своего государства.

Курфюрст Саксонский поспешил принести покорность свою победителю. Бонапарте простил ему связь его с Пруссией, однако с условием, чтобы приступил к Рейнскому союзу, и он занял место между государями сего союза с титулом короля. Герцоги Саксонские, дома Ангальтский и Рейсский и князья Шварцбург-Рудольфштат, Шварцбург-Зондергаузен, Балдек и Липп также вступили в союз.

Курфюрст Геассенский не был так счастлив, как курфюрст Саксонский. Государь сей, всегда державшийся прусской системы, в сию последнюю войну объявил себя нейтральным, однако Бонапарте не уважил сего нейтралитета, утверждая, что оный был притворен. Курфюрст изгнан был из Касселя, и французы заняли его земли. Владения герцогов Брауншвейгского и Ольденбургского, Мекленбург и вольные города ганзейские испытали ту же участь.

Император Александр приготовлял вооружения свои в том только предположении, чтобы в случае надобности поддержать Австрию или Пруссию. Вместо того неожиданное падение сей последней державы принудило его печься о безопасности собственных пределов, к коим Французская армия направляла торжественное шествие свое. К несчастью, в то время дух согласия и собратства, долженствовавший некогда низложить исполинское могущество Наполеона, не одушевлял еще все дворы, выгода коих требовала противоборствовать оному, и Австрия осталась спокойной зрительницей в сем важном обстоятельстве.

Битва при Фридланде
14 июня 1807 г.

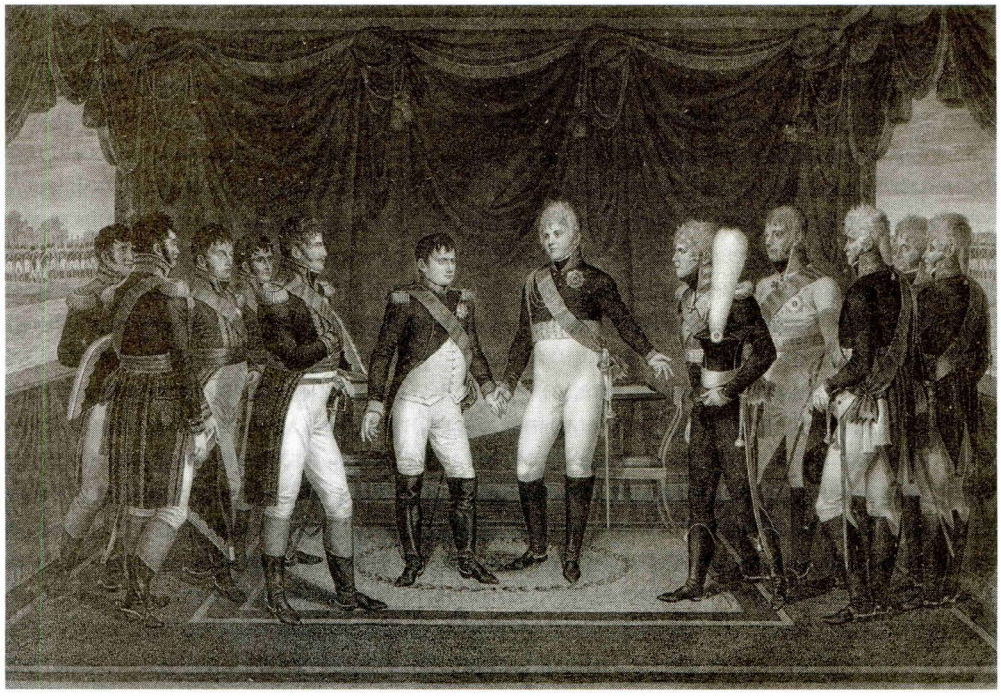
Затруднительность положения России увеличена была еще войной, недавно возгоревшейся между нею и Портой Оттоманской. Бонапарте происками своими в Константинополе заставил диван забыть нашествие свое на Египет, столь оскорбительное для Порты, и возобновить прежние дружественные связи с Францией. Посланник Бонапарте в Константинополе, не довольствуясь одним поддержанием сих связей, успел даже поставить диван против России: искусно воспользовавшись трактатом, заключенным Г. Убри в Париже, уверил он турок, что император Александр для того только отказался подтвердить сей трактат, что одной из статей оного утверждалась неприкосновенность владений Порты. От сего произошло приметное охлаждение в сношениях Порты с Россией, которое вскоре превратилось в совершенную распрю, ибо диван начал делать требования, совершенно противные содержанию существующих трактатов. Император Александр, предвидя, что война должна быть неминуемым следствием такового несогласия, долгом почел отдалить театр оной от собственных пределов и, дабы предупредить приготовления турок, приказал одной армии российской занять Молдавию и Валахию.

Между тем, несмотря на развлечение, делаемое сей новой войной в вооружениях россиян против Бонапарте, и на слабую помощь, которую доставляло им присоединение остатков Прусской армии, едва из 20 000 человек состоявшей, Российская армия в продолжение шести месяцев со славою выдерживала трудную борьбу с превосходными в числе силами французов. Победа колебалась до несчастного сражения под Фридландом, которое утвердило за неприятелем успех сего похода.

Александр, угрожаемый неприятельским нашествием на собственные владения свои, должен был помышлять о безопасности оных. Австрия не трогалась. Пруссия уже не существовала. Шведы, слишком слабые, чтобы подать какую-нибудь помощь союзникам своим, сами с трудом держались в Стральзунде. Англия, равномерно находившаяся в затруднительных обстоятельствах, казалось, не расположена была вести войну с деятельностью. В таком положении дел спасение Европы сделалось невозможным, и император Александр, продолжив войну, только бы пожертвовал кровью храбрых войск своих без всякой пользы. Единственная цель, которую государь мог еще иметь в виду, состояла в том, чтобы хоть отчасти восстановить Пруссию, но и сего нельзя было с верным успехом достигнуть иначе, как посредством тесного союза между Россией и Францией. Надлежало предполагать, что Бонапарте в возмездие за честь быть признанным в достоинстве императора единственным государем твердой земли, дотоль отказывавшей ему в сем титуле, смягчит условия, которые будет предписывать Пруссии. И таковые причины побудили российского императора согласиться на сближение, предложенное неприятелем.

Достопамятное свидание между императором Александром и Бонапарте, на плоту среди реки Неман воспоследовавшее, дало новое направление политике и переменило положение Европы, а последствием оного был мирный трактат, в Тильзите подписанный.

Мир сей долженствовал быть тягостным для Пруссии, однако ходатайством императора Александра возвращены ей были все области ее от реки Эльбы до Немана,



Встреча Александра I с Наполеоном на Немане

кроме города Данцига, объявленного независимым, и большей половины тех областей, которые 1 января 1772 года составляли часть бывшей Польши. Сии последние, переименованные в Герцогство Варшавское, составили независимое владение под правлением короля Саксонского. Прусские области, по левую сторону реки Эльбы лежащие, купно с владениями Брауншвейгскими и Гессен-Кассельскими, составили новое королевство, названное Вестфальским, которое и отдано было Иерониму Бонапарте, брату Наполеона.

Россия уступила Голландии землю Еверскую, а взамен получила Белостокский округ, отделенный от земель, назначенных к составлению Герцогства Варшавского. Сверх того, император Российский обязался вывести войска свои из Молдавии и Валахии и принять посредничество Франции для окончания распрей своих с Портой Оттоманской. Александр, со своей стороны, равномерно должен был предложить посредничество свое Англии, и если бы кабинет сент-жамесский отказался заключить мир, основанный на свободе мореплавания, в таком случае Россия обязывалась действовать заодно с Францией и с общего согласия требовать от Швеции, Дании и Португалии, дабы, приняв их систему, заперли англичанам все гавани свои. Наконец, одной из статей трактата положено было условие восстановить герцогов Саксон-Кобургского, Мекленбургского и Ольденбургского в их владениях.

Такова была сущность сего столь известного Тильзитского трактата, объявшего ужасом Европу. Легко можно заметить, что трактат сей не представлял ни одного из тех ручательств, которые потребны в сделках сего рода. Учреждение Герцогства Варшавского была мера, видимо, неприязненная против России, а умысел Наполеона отдать сие герцогство во владение королю Саксонскому, происходящему от прежних королей польских, еще более обнаруживал намерение его внушить полякам надежду, которая не могла исполниться без ущерба для России, ибо угрожала ей потерей областей, слишком за 14 лет пред тем к ней присоединенных. Даже самое право, которое предоставил себе Наполеон, — занимать Данциг до заключения мира на морях, показывало, что город сей надлежало считать сборным местом французов для предбудущих действий против России.

Император Александр не мог не знать, с каким намерением деланы были все сии распоряжения, но несчастные обстоятельства, в коих находилась тогда Европа, предписывали ему закон прекратить войну во что бы ни стало. Особенно нужно было выиграть время, потребное к тому, чтобы надлежащим образом приготовиться к борьбе, которая, по всем расчетам, должна была некогда возобновиться. Впрочем, Александр как верный исполнитель своего слова располагался с точностью соблюдать все обязательства, возложенные на него союзом, им заключенным, доколе сам Наполеон не нарушит явным образом условий трактата.

Французский император, уверенный в том, что со стороны России не встретит более препятствий в исполнении своих замыслов, обратил виды свои на унижение Англии. Поскольку географическое положение Великобританских островов спасало их от его оружия, то он и не нашел лучшего средства дать им почувствовать всю силу могущества своего, как разорив совершенно их торговлю. Для сего вымыслил он систему твердой земли (континентальную), которая долженствовала запереть все гавани твердой земли для английской торговли и их товаров. Принятие сей системы сделалось одним из

первых условий союза с Наполеоном, и всякая держава, отказывавшаяся в полной мере участвовать в оной, считалась врагом Франции.

Между тем как Наполеон старался вооружить против Англии все народы, великобританское правительство совершило против Дании один из тех поступков, которые, может быть, оправдываются обыкновенной политикой, но всегда отвергаются справедливостью и нравственностью — единственными основаниями здравой и истинно полезной политики.

Кабинет сент-жамесский с беспокойством предвидел, что Наполеон, уважавший трактаты не более, сколько для него нужно было, не преминет вторгнуться в Данию, дабы овладеть морскими силами сего королевства, и чтобы отвратить сей удар, решился сам захватить корабли датские. Сильный английский флот более нежели с 30 000 человек высадного войска внезапно является пред Копенгагеном и требует у датчан, дабы отдали ему на сохранение морские силы свои до заключения мира на морях. Датское министерство с негодованием отвергло столь неслыханное предложение, но жестокое бомбардирование, обратившее в пепел большую половину столицы, принудило генерала, начальствовавшего в оной, сдаться на договор и выдать датский флот, который и отведен был в Англию.

Дания была держава дружественная России, и потому Россия, не могшая равнодушно видеть бомбардирование Копенгагена, решилась не отлагать долее разрыва с Англией и запереть гавани свои для ее торговли. Но таковые меры не могли иметь полного действия, доколе англичане сохраняли свободный вход в гавани Балтийского моря, принадлежащие Швеции. Итак, сей последней державе объявлено было, чтобы отреклась от союза с Англией и пристала к системе твердой земли. Густав IV отказался исполнить требования России, почему император Александр, объявив ему войну, ввел войска свои в Финляндию.

В то время Наполеон занят был предприятием, коего не исчислил всех затруднений и которое впоследствии сделалось для него неисчерпаемым источником бедствий — Испания, со времени Базельского мира управляемая министром сколь наглым, столько же и неспособным, слепо следовала внушениям Франции. Наполеон всегда находил в ней покорного и усердного союзника, но князь мира сам начинал уже чувствовать тяжесть ига, угнетавшего Испанию, и в сердце своем предпринял свергнуть оное при первом удобном случае. Ему показалось, что разрыв между Пруссией и Францией представляет сей случай: Испанская армия тотчас приведена была на военное положение, и даже сделано к народу воззвание, приглашающее его содействовать к защите отечества. Известие о поражении пруссаков под Иеной заставило прекратить сии приготовления, и Испания возвратилась к системе французской с покорностью, еще большей прежней. Но Наполеон не мог уже более ошибаться в тайных намерениях мадридского двора и с того времени замыслил свергнуть с престола Бурбонов, царствовавших в Испании.

При всем том он скрыл свое негодование, ибо намерен был поработить сие королевство без явной войны. На сей конец прежде всего надлежало найти предлог ввести французские войска в пределы Испании. Подлое снисхождение князя мира способствовало приведению в действо сего предприятия, ибо он всякими низостями старался изгладить то неприятное впечатление, которое двуличные поступки его долженствовали сделать на французское правительство. Наполеон, пользуясь таковым расположением

испанского министра, без труда согласил его на договор, заключенный в Фонтенебло, по коему определено было разделить Португалию, дабы наказать сие королевство за тесную связь его с Англией. Область Энтре-Дуеро-и-Минго (между реками Дуеро и Минго) назначена была королю Этрурскому в вознаграждение за Тоскану, которую Наполеон присоединил к собственным владениям своим. Дабы польстить честолюбию князя мира и более усыпить его, обещано было отдать ему во владение Алентеио и Альгарвию, прочие же области португальские долженствовали быть занятыми французскими и испанскими войсками до заключения всеобщего мира.

Вследствие сего договора одна Французская армия, соединенно с испанскими войсками долженствовавшая завоевать Португалию, вступила в Испанию и направилась к Лиссабону; другая армия собралась в Баине, дабы в случае надобности поддерживать действия первой. Лиссабонский двор, не находя никаких средств удержать нашествие, ему угрожавшее, решился уступить буре и искать себе убежища в Бразилии. Португалия, преданная несчастной участи своей, без сопротивления досталась во власть французов, которые и стали управлять ею от собственного имени, не заботясь об условиях Фонтенеблоского трактата.

Наполеон, руководствуясь коварной, но глубокой политикой, одним ударом успел низложить Португалию и сделался властителем судьбы Испании, которую введение французских армий внутрь полуострова, так сказать, предавало на произвол тюльерийского кабинета. Князь мира, слишком поздно увидевший всю великость погрешности своей, не осмелился ни требовать исполнения Фонтенеблоского трактата, ни противиться занятию крепостей Пампелуны, Сан-Себастьяна, Фигуэраса и Барцелоны, в которые французы ввели свои гарнизоны, не испросив на то согласия мадридского двора.

Наполеон, ободренный преступным молчанием испанского министра, послал к Мадриду вторую Французскую армию, которая, по силе Фонтенеблоского трактата, могла вступить в Испанию только в таком случае, если бы англичане угрожали нападением первой их армии. Князь мира, коего природная робость еще более увеличилась от ссоры, случившейся у него с принцем Австрийским, уговорил короля Испанского, чтобы по примеру лиссабонского двора удалился в Мексику. Намерение сие, не могшее оставаться совершенной тайной в народе, произвело всеобщее возмущение и подало повод к известным происшествиям в Аранжуеце, причем Карл IV для спасения любимца своего от рук яростной толпы принужден был отречься от престола в пользу сына своего Фердинанда VII.

Переворот сей хотя и расстроил замыслы французского императора, однако не мог принудить его отказаться от оных, а заставил только принять иные миры. Испанская королевская фамилия вероломными советами привлечена была в Баиону, куда и Наполеон также прибыл. Здесь Фердинанд VII принужден был возвратить корону отцу своему, который уступил ее французскому императору, сей отдал брату своему Иосифу, а место сего последнего на престоле неапольском заступил Мюрат, великий герцог Бергский.

Между тем все уже предвещало, что новый король Испанский не будет спокойно владеть своим королевством. Наполеон принял надежные меры, дабы утвердиться на полуострове вооруженной рукой и рассеять слабые армии, которые Испания налицо содержала, но он не предвидел того, что встретит сильное сопротивление от народа, свято приверженного к независимости своей. По первому известию о насильствах,

учиненных в Баионе, вся Испания добровольно вооружилась. Один французский корпус, вошедший в Андалузию, окружен был превосходными силами и принужден положить ружье, а Французская армия, занимавшая Мадрид, находя себя не в состоянии удержаться в сей столице, оставила оную и отступила за реку Эбро. Португальцы также последовали великодушному примеру испанцев. Возмущение их подкреплено было присутствием Английской армии, высаженной на берег в окрестностях Лиссабона. Генерал Жюно, предводительствовавший Французской армией в Португалии, не мог избегнуть неминуемой погибели иначе, как согласившись на капитуляцию, по силе коей войска его перевезены были на судах во Францию.

Происшествия столь необычайные привели французского императора в затруднительную необходимость или отказаться от замыслов своих на Испанию, или прибегнуть к открытой войне. Выбор его не мог быть сомнителен, но прежде, нежели начать сию войну, он хотел обезопасить себя со стороны Европы, утвердив союз, соединявший его с Россией, дабы тем устрашить Австрию, которая в то время производила чрезвычайные вооружения, очевидно, назначенные против Франции. В Эрфурте воспоследовало между российским и французским императорами новое свидание, в коем сей последний получил от союзника своего согласие на возведение Иосифа на престол испанский и обещание действовать заодно с Францией в случае объявления войны со стороны Австрии. Взамен того Наполеон обязался не противиться совершенному присоединению Молдавии и Валахии к Российскому государству, тем не менее что разные обстоятельства воспрепятствовали российским войскам выступить из сих областей, которые по силе Тильзитского трактата они должны были оставить после перемирия, заключенного с турками в Слободзее.

Наполеон перестал заботиться о пользах Порты Оттоманской, потому что расположение дивана к Франции переменилось. Султан Селим III, которого доверенностью овладел французский посланник, сделался жертвой возмущения, случившегося в серале, а новый султан Мустафа IV, напротив того, сблизился с англичанами, которые и успели внушить ему подозрение касательно тесной связи, существовавшей между петербургским и тюльерийским кабинетами.

Император Александр в сношениях эрфуртских не оставил, сколь возможно, облегчить также и участь Пруссии, ибо бедствия сего государства не окончились еще вместе с войной, и Тильзитский трактат служил для Франции только предлогом, чтобы беспрестанно делать новые требования насчет Пруссии. По силе условия французские войска должны были выступить из прусских владений, коль скоро они уплатят военные поборы, на них наложенные. Но как обе стороны не согласны были в определении количества сего долга, то после весьма продолжительных переговоров, в коем со стороны французского министерства истощены были все притязания, поддерживаемые злоупотреблением права сильного, берлинский кабинет принужден был согласиться на уплату 140 миллионов франков вместо всех недоимок, от военных поборов происходящих. В поручительство за сию сумму крепости Глогау, Штетин и Кистрин должны были оставаться занятыми французскими гарнизонами до совершенной уплаты долга, и, сверх того, король Пруссии обязался в продолжение десяти лет содержать налицо не более 42 000 человек войска, однако, несмотря на все сии пожертвования, французские войска медлили выходить из Пруссии. Наконец, посредничество императора

Александра заставило их решиться на сие выступление, и сверх того его величество успел еще склонить Наполеона, чтобы уступил Пруссии 20 миллионов франков из всего количества признанного ею долга.

Санкт-петербургский кабинет желал согласить Порту на уступку ее областей, по северную сторону Дуная лежащих, не возобновляя военных действий, приостановленных со времени примирения, заключенного в Слободзее, но как переговоры, начатые по сему предмету, не имели успеха, то война на Дунае и возгоралась сильнее прежнего.

Между тем Наполеон, обезопасив себя со стороны Германии, послал сильное подкрепление к армиям своим в Испанию и сам отправился туда для управления их действиями. В один блистательный поход, казавшийся решительным, успел он рассеять Испанскую армию, опять занял Мадрид и принудил Английскую армию, приблизившуюся уже к городу Торо, обратно сесть на суда в Коруние. Успехи сии, по-видимому, предвещали уже скорое завоевание всего полуострова, но деятельность, с которой Австрия продолжала свои вооружения, принудила французского императора оставить Испанию и поспешно возвратиться в Париж.

Пожертвования, Пресбургским трактатом у Австрии исторгнутые, были столь велики, что венский кабинет не мог терпеливо сносить оных. Однако расстройство его армий, неизбежное следствие частых поражений, ими претерпевших, препятствовало ему доселе приступить к исполнению тайных намерений своих. Мы уже видели, что венский кабинет упустил удобный случай обнаружить себя, который война России с Францией ему представляла. Он почел благоприятнейшими к тому затруднительные обстоятельства, в которые происшествия, в Испании случившиеся, приводили Наполеона, а потому и начал смело свои военные приготовления. Свидание в Эрфурте увеличило опасения министров императора Франца, но как приготовления их не достигли еще надлежащей степени, то они и вознамерились скрывать намерения свои от Франции, и им удалось до того усыпить Наполеона, что, полагаясь на их обнадеживания, он не усомнился послать в Испанию большую часть сил своих. Пользуясь сими обстоятельствами, Австрия начала вооружаться с такой ревностью, что не оставалось уже никакого сомнения о видах ее.

Наполеон искренно желал избегнуть новой войны, неминуемо долженствовавшей причинить развлечение в испанских делах. Но все поступки его, клонящиеся к примирению, австрийцы принимали за сознание в слабости и тем более еще стали упорствовать в своих намерениях, ибо они уверились, что захватят Францию врасплох.

Тогда Россия нашлась в затруднительном положении: с одной стороны, противно было ее выгодам споспешествовать погибели единственной державы, которая еще составляла промежуточную громаду между нею и империей Наполеона; с другой — невозможно было отказаться содействовать Франции без явного нарушения обязательств, с ней заключенных: обязательств, коих святость не была еще ослаблена ни одним нарушением со стороны Наполеона. К тому хотя бы кабинет петербургский, побуждаясь видами глубокой политики, и решился преступить сии нравственные начала, дабы поддержать Австрию, то не мог сделать сего с успехом по причине отдаления армий своих, занятых войной против шведов и турок. Слабый же корпус войск, оставшийся у нее на границах Галиции, не в силах был отвратить бедствий, угрожавших Австрии, а только создавался бы участником в оных. Нейтралитет также невозможен был для России:

чрез то она только бы поссорилась с Францией, нимало не пособив Австрии. Таковые причины по необходимости предписывали петербургскому кабинету закон не уклоняться от черты поведения, назначенной существующими трактатами. Однако император Александр, с сожалением видевший, что Австрия добровольно стремилась к погибели своей, истощил все средства к отвращению венского кабинета от пагубного намерения его. Государь объявил, что, будучи связан с Францией торжественными трактатами, он не может отказать ей в своем содействии, но в то же время, дабы успокоить Австрию в рассуждении будущих предприятий Наполеона, с согласия самой Франции предложил поручительство России за целость австрийских владений. Представления сии не сделали никакого впечатления на министерство австрийское. Оно хотело употребить в пользу великие вооружения свои, тяжесть коих расстроенное состояние государственных доходов Австрии не позволяло ему сносить долгое время, а потому и считало долгом поспешить с войной, дабы не позволить французам окончить дела их с Испанией.

Сильная Австрийская армия под предводительством эрцгерцога Карла перешла реку Инн и вступила в Баварию. Другие корпуса войск пошли в Италию и к Варшаве. Армия, собранная Наполеоном на берегах Дуная, числом была слабее Главной австрийской армии, но искусные соображения французского императора утвердили за ним победу. Сражение Экмюльское отверзло ему путь к Вене. Эрцгерцог Карл, отступив по левому берегу Дуная, расположился напротив сей столицы. Первая переправа через Дунай, учиненная Наполеоном, имела следствием кровопролитное сражение Эслингское, в коем французы были разбиты и прогнаны за реку. Вторая переправа была счастливее для французского императора. Австрийская армия в битве на равнинах ваграмских претерпела совершенное поражение, за коим и последовало перемирие, обыкновенно предшествующее миру.

Между тем петербургский кабинет не оставался в бездействии. Российский корпус от 30 до 40 тысяч человек, вступивший в Галицию, помог полякам овладеть сей областью. Австрийская армия, защищавшая оную, отступила в Моравию. Усилия единственного союзника, которого Австрия в то время имела, не были удачны, да к тому ж, кажется, и не благоразумно были соображены. Поиск англичан на остров Вальхерен, почти без цели учиненный, произвел только слабое развлечение, а потому и не имел никаких последствий.

Наконец, Австрия увидела, что единственное спасение могла найти в мире, и, подписывая оный в Шенбрунне, она принуждена была согласиться еще на новые пожертвования. При сем случае она потеряла еще три миллиона с половиной жителей: Наполеон оставил за собой Карниолию, австрийский Фриуль, Триест, Верхнюю Каринтию, Фиум, венгерскую Далмацию и военное начальство (Généralat) Карлштатское. Сии области вместе с Истрией и Венецианской Далмацией с ее островами составили новое государство, получившее название Иллирийских провинций. Зальцбург, Инфиртель и часть Гаусрюка присоединены были к Баварии, которая взамен оных сделала несколько уступок в пользу Италии, великого герцога Вирцбургского и короля Виртембергского, а сей последний также сделал несколько уступок великому герцогу Баденскому. Западная Галиция с Замосцьским округом и окрестностями города Кракова послужила к распространению пределов Герцогства Варшавского. России отдана была Тарнопольская область с 400 000 жителями.

Шёнбруннскому миру предшествовал Фридрихсгамский, заключенный между Россией и Швецией.

В продолжение войны шведские войска вытеснены были из всей Финляндии и Восточной Ботнии, и россияне перенесли победоносное оружие свое даже на западные берега Ботнического залива. С другой стороны, датчане отразили Шведскую армию, выступившую против Норвегии, и сами вторглись в Херьедален. Упорство Густава IV твердо держаться политической системы, однажды им принятой, несмотря на отказ англичан в помощи, которой он требовал у них, подвергало опасности существование самой Швеции и возбудило все умы против короля. Возмущение началось в армии, противопоставленной датчанам, которая и обратилась к Стокгольму. Густав IV лишен был престола, а на место его возведен Карл XIII, дядя его. Новый король поспешил начать переговоры, следствием коих был Фридрихсгамский мир с Россией и Енкепингский с Данией. Швеция уступила России Аландские острова, всю Финляндию, Восточную Ботнию и часть Западной Ботнии, лежащую по восточную сторону рек Торнео и Муонио. Сверх того, обязалась она приступить к континентальной системе и воспретить вход в гавани свои английским кораблям, за исключением нагруженных солью и колониальными произведениями, коих ввоз себе предоставила. Границы между Швецией и Норвегией остались в том же положении, в котором до войны находились.

Шёнбруннский трактат вознес Наполеона на высочайшую степень могущества, но, полагая, что одно только вступление в родственную связь с каким-либо из главнейших владетельных домов в Европе может сделать оное прочным, он разорвал брачный союз с супругой своей императрицей Иозефинией под предлогом бесплодия и простер было виды свои на одну из великих княгинь Российских. Но холодность, с которой приняты были в Санкт-Петербурге предложения его по сему предмету, показала ему, что здесь он не должен был ожидать от переговоров удовлетворительных для себя последствий. Тогда обратился он к Австрии и был счастливее. Венский кабинет охотно согласился на такой союз в надежде найти в нем поручительство за политическое существование монархии австрийской, в коем чрезмерное распространение империи Наполеона заставляло уже сомневаться. Брак французского императора с эрцгерцогиней Марией Луизой вскоре свершился, несмотря на отказ Папы дать разрешение, потребное на оный.

Важное происшествие сие сделалось источником новых перемен в политике европейской. Наполеон, обезопасив себя со стороны Австрии, которую полагал уже навсегда привязанной к своей системе, счел, что не имеет более надобности осторожно поступать с Россией, ибо она одна только могла действовать как независимая держава и препятствовать исполнению замыслов его сделаться всемирным обладателем, почему и считал ее главным врагом своим. К тому же он раздражен был затруднениями, которые встретил в Петербурге в намерении своем вступить в брак с одной из великих княгинь Российских, и пламенно желал найти случай отмстить за сие, дав почувствовать императору Александру всю силу безмерного своего могущества. Но как он предвидел, что, напав на Россию, должен будет выдержать войну, ужаснейшую изо всех, доселе им произведенных, то и вознамерился скрывать еще свои замыслы, дабы сперва окончить несметные приготовления, которых исполинское предприятие его требовало, и притом еще располагался употребить сие время на окончание испанских дел сходно со своим желанием. Война в сей последней стране продолжалась с переменным успехом:

Герцог Веллингтон
(1769–1852)

несогласие, вкравшееся между англичанами и испанцами, помешало им надлежащим образом воспользоваться сильным развлечением, которое война Наполеона с Австрией произвела в их выгоду, равно как и победой при Талавере, одержанной над французами предводителем Английской армии генералом Веллингтоном. Посему-то поход 1809 года не имел ни одного из тех блистательных последствий, которые ослабление французских армий на полуострове обещало испанцам. Французы не токмо удержали за собой все области, коими тогда владели, но и присоединили еще крепость Жерону к прежним завоеваниям своим. Наполеон, возгордясь таковыми успехами, вообразил, что, усилив свои армии, окончит завоевание полуострова в течение 1810 года. Вследствие сего маршал Сульт получил приказание с 50 000 человек вторгнуться в Андалузию, а маршал Массена с 70 000 армией назначен был овладеть Лиссабоном. Однако же надежды французов не исполнились: правда, что маршал Сульт беспрепятственно вошел в Андалузию, но он не мог взять города Кадикса, в коем испанцы укрепились. С другой стороны, маршал Массена, искусной обороной лорда Веллингтона завлеченный внутрь Португалии, испытал, что счастье, доселе всегда ему сопутствовавшее, оставило его перед крепкими линиями Торрес-Ведрас, и он принужден был отступить, дабы спасти хотя часть армии своей, изнуренной недостатками всякого рода.

Признаки охлаждения, начавшего показываться в сношениях России с Францией, не могли укрыться от прозорливости императора Александра. Его величество усмотрел, что союз с Францией, в Тильзите заключенный и подтвержденный в Эрфурте, не мог существовать долгое время, ибо не был уже сообразен с выгодами Наполеона, и что приближался решительный перелом, долженствовавший или утвердить всемирную монархию, которую Наполеон хотел основать на твердой земле, или разорвать цепи, удерживавшие под игом его почти все народы европейские. Российский император, твердо решившийся никогда не соглашаться ни на какое условие, не совместное с достоинством и независимостью его престола, счел разрыв с Францией не токмо неизбежным, но даже и весьма близким, и с того времени занялся под рукою своею приготовлением

всех средств к обороне, которые несметные способы обширных владений его представляли к выдержанию предстоящей борьбы, тем ужаснейшей, что Россия одна должна была противостоять соединенным силам большей части Европы.

Маршал Сульт
(1769–1751)

Чрезмерное распространение Герцогства Варшавского, от присоединения к нему новой Галиции происшедшее, начало уже внушать справедливые опасения российскому министерству. Для обеспечения себя оно предложило Наполеону подписать условие, коим он обязался бы никогда не признавать восстановления Королевства Польского. Французский император хотя и обнадеживал, что сие восстановление отнюдь не входит в его политическую систему, однако отказался подписать помянутое условие под маловажным предлогом, что таковой акт не совместен с его достоинством. И сей отказ обнаружил, сколь мало было искренности в дружественных расположениях, им еще оказываемых России.

Петербургский кабинет усмотрел, что в таковых обстоятельствах прежде всего надлежало стараться принудить турок к миру, дабы чрез то, избегнув всякого развлечения, получить возможность соединить все военные способы свои на западных пределах государства. Но чтобы согласить турок на такое примирение, какового желала Россия, нужно было устрашить их, почему и положено было вести войну с деятельностью, дабы окончить ее прежде, нежели обнаружатся замыслы, питаемые Наполеоном против России. Армия, в 1810 году назначенная для нашествия на Булгарию, состояла почти из 90 000 человек строевых под предводительством генерала графа Каменского, особенно отличившегося в последнюю войну против шведов.

Начало сего похода было самое блистательное: город Базарджик взят приступом, засим последовало взятие Силистрии, которая сдалась на договор после кратковременной осады, и Российская армия двинулась к Шумле, между тем как один из ее корпусов, оставленный на Дунае, производил осаду Рущука. Но верховный визирь занял при Шумле столь твердую укрепленную позицию, что все усилия графа Каменского вытеснить турок из оной оказались тщетными. Российский полководец, видя, с одной стороны, невозможность предпринять что-либо важное против Шумлы, а с другой — что осада Рущука не подвигалась, решился идти к сей последней крепости с частью войск своих, дабы тем скорее принудить ее к сдаче. Тогда действия его приняли оборот не столь благоприятный: правда, что верховный визирь тщетно покушался

оттеснить наблюдательный корпус, оставленный против него графом Каменским, но под Рущуком дела находились в самом худом положении. Граф Каменский, желая скорее решить дело, учинил приступ к крепости, но оный был неудачен. Россияне, как то всегда бывает в безуспешных предприятиях сего рода, претерпели значительный урон, и участь осады была тем сомнительнее, что неприятель в то время собирал на реке Янтре 40-тысячный корпус, назначенный к освобождению Рущука. Турки, ободренные сим возвратом счастья, вообразили, что опять настали для них времена Магомета II, и уже победные крики раздавались на улицах Константинополя, но веселье их недолго продолжалось. Граф Каменский, дабы не дать неприятелю близко стеснить себя, принял превосходное намерение оставить под Рущуком только войска, необходимо нужные для продолжения осады, а с остальными выступить навстречу турецкому корпусу, расположенному на Янтре. Нашед его укрепившимся при Батине, он вступил с ним в кровопролитное сражение, следствием коего было совершенное истребление турок. Сдача крепостей Систова, Кладова, Рущука, Журжи, Никополя и Турны была плодом сей важной победы. Известие о сражении при Батине произвело в Константинополе тем большее опасение, что об отступлении графа Каменского от Шумлы разглашено было как о преславной поверхности, за коей надлежало ожидать еще важнейших успехов. Однако, несмотря на уныние, в которое внезапное испровержение сих надежд привело турок, Порта Оттоманская, побуждаемая представлениями английского посла и даже тайными происками французских агентов, ополчилась против несчастья и, вместо того чтобы искать мира, приготовилась продолжать войну с жаром, большим прежнего. И так поход 1810 года, хотя и славный для россиян, не был решителен, и петербургский кабинет нашелся в необходимости начать новый поход, а сие было для него тем тягостнее, что точно в самое то время в сношения с Францией начали вкрадываться несогласия, в коих легко можно было приметить начало еще важнейших распрей.

Наполеон не отказался еще от своей системы *завоеваний без войны,* которую прикрывал названием *присоединений*. Еще в 1808 году отнял он у Папы в наказание за отказ его объявить войну англичанам провинции Урбино, Анкону, Мачерато и Камерино, которые и присоединил к Королевству Итальянскому. А как сия несправедливость не могла сделать Папу покорнейшим к исполнению воли Наполеона, то он в 1809 году лишил его всех владений и вместе с городом Римом присоединил их к Империи Французской. Присоединения, сделанные в 1810 году, были еще важнее: французский император недоволен был королем Голландским, которого обвинял в ободрении английской торговли. Людовик не мог избегнуть гнева брата своего иначе, как подписав договор, по силе коего он уступил Франции Зеландию, голландский Брабант и часть Гельдерна, лежащую на левом берегу реки Ваала. Таковыми пожертвованиями думал он купить сохранение независимости своего королевства, но вскоре узнал, что тщетной питался надеждой, и новые притеснения французского императора побудили его отказаться от престола в пользу своего сына. Наполеон, не согласившийся признать нового короля, присоединил все области голландские к Империи Французской и таким образом перешел черту Рейна, за которую повторительными обещаниями обязывался никогда не переступать. В то же время Вализерланд, дотоле составлявший независимую республику, равномерно присоединен был к Французской империи. Наконец, чтобы дополнить меру несправедливостей, Наполеон захватил еще герцогство Лауенбургское,

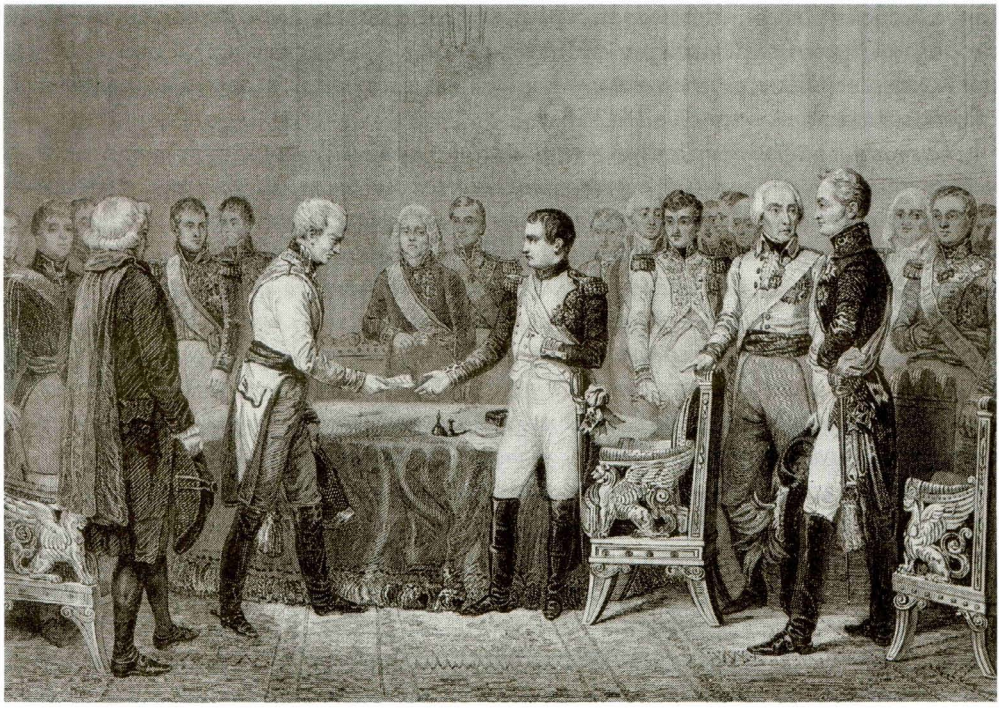
город Любек на Балтийском море и страну, по берегу Северного моря лежащую, вместе с городами Бременом и Гамбургом. Ничто не может лучше показать действия, которые новые присвоения сии произвели в Европе, как следующая выписка из манифеста, обнародованного Австрией в 1813 году.

Сие насильственное действие совершилось без всякого даже наружного права, с пренебрежением всех приличий, без предварительного извещения или сношения с каким-либо кабинетом, под самопроизвольным, ничтожным предлогом, что война с Англией повелевала избрать сию меру. Определение, коим на морском берегу Германии основано новое французское владение под именем тридцать второго военного отделения, само по себе должно было обеспокоить все соседственные государства, оно служило несомнительным предвестием будущей еще большей опасности. Сим определением ниспровержена была без дальнего оправдания или объяснения система так называемых естественных границ, в самой Франции составленная, и хотя прежде уже несколько раз нарушенная, но все еще постоянной провозглашенная. Даже собственные творенья Наполеона уничтожены с беспримерным самовольством. Ни государи Рейнского союза, ни Королевство Вестфальское, ни одна великая или малая область не были пощажены при исполнении сего ужасного, хищного присвоения. Граница, быв, по-видимому, слитою прихотливостью начертана, простиралась без всякого правила или плана, без всякого внимания к старым или новым отношениям, попереч чрез земли и реки отнимала у средних и южных германских государств всякое сообщение с Северным морем, перешла Эльбу, отторгла Данию от Германии, приблизилась даже к Балтийскому морю и, казалось, стремилась к черте занятых в сие время прусских крепостей по реке Одеру. При всем том сие неправедное завладение, толь насильственно нарушившее все права и вторгавшееся во все области, во все географические и воинские разграничения, обнаруживало столь мало признаков конченной, округленной области, что необходимо должно было почитать оное вступлением к большим еще насильствам, долженствовавшим соделать половину Германии французской областью, а императора Наполеона — действительным властителем твердой земли.

Сие новое присоединение было тем оскорбительнее для России, что поглотило также и владения герцога Ольденбургского, близкого сродника и союзника российского императорского дома.

Император Александр, ограничив себя словесным смыслом Тильзитского трактата, не делал возражений против прежних присоединений, но не мог с тем же равнодушием видеть сие последнее, лишающее владений государя, которого восстановить Франция торжественно обязалась по силе одной из статей Тильзитского мира. В ответ на представления, сделанные петербургским кабинетом по сему предмету, Наполеон довольствовался тем, что предложил герцогу в вознаграждение город Эрфурт с поместьем Бланкенгайн — владения, со времени Тильзитского трактата остававшиеся в управлении французов. Но таковой обмен не мог быть принят, потому что в Герцогстве Ольденбургском считалось 130 000, между тем как в округе Эрфуртском вместе с Бланкенгайном было только 45 000 жителей. И так государь принужден был для чести своего дома объявить следующий протест, который посланники его и представили всем дворам, при коих они находились.

Его Величество император Всероссийский с крайним удивленьем известился, что Его Величество император Французский, король Итальянский, союзник его, давал по



1808 г. Свидание в Эрфурте.

сенатскому определению новые границы своей империи, включил в оные и герцогство Ольденбургское. Его Величество представил на вид императору, союзнику своему, равно как представляет на вид всей Европы, что по Тильзитскому трактату именно обеспечено было спокойное обладание сказанным герцогством законному государю оного.

Его Величество напомнил французскому императору и напоминает всем державам, что Россия, по предварительному договору 1766 и по трактату 1773 года, отдала королю Датскому все владенья свои в герцогстве Голштинском, а взамен оным получила графства Ольденбургское и Дельменгорстское, которые по известным сделкам, в коих многие державы по необходимости участвовать долженствовали, обращены были во владетельное герцогство, в пользу младшего колена того же самого голштейн-готторпского дома, к коему Его Императорское Величество принадлежит по ближайшим кровным связям. Российский император полагает, что владение сие, великодушием его империи основанное, не может быть уничтожено без крайнего нарушения справедливости и собственных прав его. А потому и находит себя принужденным, употребив право представления себе, взять под защиту свою и наследников своего престола на вечные времена все права и обязательства, от вышеупомянутых трактатов происходящие.

Какую цену могли б иметь союзы, если б трактаты, на коих основаны оные, не сохранили своего достоинства? Его Величество, дабы не подать повода к какому-либо недоразумению, сим объявляет, что важные политические причины побудили его вступить в союз с Его Величеством императором Французским, что причины сии еще существуют,

а потому он намерен пещись о сохранении сего союза и ожидает подобного же взаимного попечения и со стороны монарха, на дружбу которого он имеет право.

Таковое соединение выгод обоих государств, предположенное Петром Великим, но как в его время, так и впоследствии встретившее столько препятствий, принесло уже пользу империи Его Величества, да и Франция, со своей стороны, также приобрела оную.

И так, кажется, выгода обеих империй требует стараться о соблюдении сего союза, и Его Величество посвятит на то все попечения свои. Нижеподписавшийся... сходно с повелением императора, всемилостивейшего государя своего, доставляет сей, г-ну.., причем свидетельствуя, и проч.

Около того ж времени принятая императором Александром мера, до государственного управления касающаяся, послужила еще новым поводом к несогласиям, возникшим между обеими империями. Россия, объявив войну Англии, чрез то самое лишилась всякого способа к вывозу своих произведений, которые, состоя большей частью в невыделанных товарах, как то: лесе, поташе, пеньке, железе и прочем, не могут быть перевозимы иначе как морем. От того последовало, что перевес торговли, обратившись совершенно в ущерб России, произвел упадок променного курса и понижение государственных ассигнаций, что и угрожало расстройством всех денежных способов в государстве. Дабы отвратить толь затруднительное положение, не отказываясь притом от континентальной системы, российское министерство положило ограничить также и ввоз иностранных товаров.

Новым тарифом, обнародованным 19 декабря 1810 года, запрещен был ввоз почти всех товаров, доселе составлявших предмет внешней торговли, и запрещенные товары назначено уничтожать. Колониальные произведения были позволены, лишь бы не составляли собственности англичан, а в сем последнем случае положено оные конфисковать, как принадлежащие земле неприятельской. Поелику запрещения, сим новым тарифом сделанные, большей частью простирались на произведения Франции и ее промышленности, то Наполеон, хотевший разорить Россию, не вредя выгодам собственной торговли с сей державой, с огорчением жаловался, называя помянутую меру неуважением к его особе, и воспользовался сим предлогом для оправдания конскрипции 1811 года, которую, однако же, он предписал еще прежде, нежели узнал о новом тарифе.

Набор сей конскрипции, чрезвычайные вооружения поляков Герцогства Варшавского, постепенное умножение французских войск в Германии и перемещение их главной квартиры из Регенсбурга в Гамбург были несомнительными признаками неприязненного расположения Франции. Тогда император Александр рассудил за благо немедленно собрать большую часть сил своих на западных пределах государства, дабы через то привести себя в оборонительное положение. Одна дивизия войск российских, со времени последней шведской войны остававшаяся в старой Финляндии, получила приказание следовать к верхней части Двины-реки; в Дунайской же армии, которая в конце 1810 года состояла из девяти дивизий, оставлено только четыре, а прочие пять дивизий переведены были на реку Днестр.

Такие приготовления встревожили Наполеона, полагавшего, что россияне осмеливались столь значительно ослабить армию свою на Дунае единственно потому, что уверены были в заключении мира с Турцией, между тем как сам он, более нежели

когда-либо озабочиваясь войной в Испании, принужден был тратить на нее множество войск без удовлетворительных последствий. Он рассудил, что в сих обстоятельствах благоразумие требовало от него притворствовать еще против России, а потому и сделал петербургскому кабинету новые обнадеживания о желании своем сохранить доброе согласие между двумя великими империями. При всем том обнадеживания сии были токмо ничтожные приветствия, не подавшие никакого повода к окончательному разбору существовавших распрей.

Очевидно было, что французский император хотел только выиграть время, нужное для окончания его приготовлений. И посему казалось бы, что польза петербургского кабинета требовала предупредить его, начав войну с наступлением весны 1811 года, но политическое и военное состояние Европы не позволяло России действовать наступательно. Правда, что 150-тысячная армия, которую император Александр мог выставить на западной границе, вероятно, без сопротивления овладела бы Герцогством Варшавским и, подвинувшись к реке Одеру, принудила бы и Пруссию также объявить себя против Франции. Но сии кратковременные успехи только что подвергли бы опасности Российскую армию, принудив ее ослабить себя корпусами, которые по необходимости надлежало оставлять позади для облежания крепостей Данцига, Торуня, Модлина и Замосцья и для прикрытия своего пути действий от покушений австрийцев, коих расположение в пользу России было весьма сомнительно. Такое ослабление не могло быть достаточно вознаграждено присоединением Прусской армии, ибо со времени Тильзитского мира оная состояла токмо из 40 000 человек. И в сем-то невыгодном положении Российская армия нашлась бы принужденной противостоять Французской армии в Германии, которая вместе с войсками, расположенными в Голландии, хотя и состояла только из 60 000 человек, но могла быть усилена более нежели 100 000 человек войск Рейнского союза и 20-ти или 30-тысячной армией Герцогства Варшавского. Сия последняя, вероятно, уклонялась бы от сражения с превосходными силами россиян и обезопасила бы себя благовременным отступлением за реку Эльбу.

Из сего видно, что отважное движение россиян к самому Одеру, не произведя никакого выгодного для них последствия, неминуемо кончилось бы несчастным отступлением. Вместо того чтобы добровольно подвергаться сему бедствию, несравненно выгоднее было для России ожидать неприятеля в собственных пределах, где воспламенение народной войны долженствовало доставить ее армиям полезных и верных союзников. Причины сии побудили императора Александра ожидать происшествий, оставаясь в наблюдательном положении на своих границах.

Между тем военные действия опять начались на Дунае. Граф Каменский, одержимый смертельной болезнью, сменен был генералом от инфантерии Голенищевым-Кутузовым. Новый главнокомандующий, имевший, как уже сказано, только четыре дивизии в распоряжении своем, по необходимости должен был действовать оборонительно. Не желая раздроблять сил своих, он приказал срыть все турецкие крепости на правом берегу Дуная, за исключением одного Рущука, который сохранил вместо предмостного укрепления, дабы владеть переправой через реку на случай перемены оборонительной войны в наступательную. Коль скоро Оттоманская 60-тысячная армия, самим верховным визирем предводительствуемая, подвинулась из Шумлы к Рущуку, то генерал Кутузов ввел в него достаточный гарнизон, дабы в случае надобности обезопасить

свое отступление, а сам перешел за Дунай с 20 000 человек, составлявшими главные его силы, и расположился перед крепостью. Турки напали на него 22 июня. После упорного сражения победа осталась на стороне россиян, постоянно отражавших все усилия неприятеля, однако, несмотря на сию победу, Кутузов считал себя не в состоянии держаться на правой стороне Дуная, почему, разорив укрепления Рущука, он возвратился на левый берег реки.

М. И. Голенищев-Кутузов (1747–1813)

Известие о сем происшествии исполнило радостью французского императора. Поелику мир между Россией и Портой казался быть отдаленнее прежнего, то он и не находил уже более побудительных причин скрывать намерения свои. Доселе в распрях между петербургским и тюльерийским кабинетами сохраняема была потаенность, подававшая еще некоторую надежду о сближении и оставлявшая умы в неизвестности насчет важности сих распрей. Наполеон сам рассеял таковое недоумение, позволив себе делать российскому посланнику, среди дипломатического круга в Тюльерийском дворце 3 августа собранного, жестокие упреки и вероломные обвинения, которые наконец открыли всем иностранным послам, при сем присутствовавшим, тайну несогласий, возникших между обеими империями. Наполеон, без всякого сомнения, не поколебался бы тогда же начать и неприятельские действия, если б сему не препятствовало позднее время года. Опасение изнурить войска свои утомительным походом в позднюю осень побудило его отложить замыслы свои до будущей весны. К тому же он хотел пользоваться зимним временем для отправления подкреплений в Испанию, где лорд Веллингтон продолжал удерживать его армии, которые в войне с гверильясами (земскими ратниками) повседневно истощали силы свои.

Между тем конец похода 1811 года на Дунае не соответствовал надеждам, которые отступление генерала Кутузова внушило врагам России. Турки, возгордженные тем, что наконец увидели Российскую армию, отступающую перед ними, осмелились сами перейти Дунай в окрестностях Рущука, дабы перенести театр войны в Валахию. Намерение сие, празднованное в Константинополе наравне с победой, приведено было в действие 28 августа и сделалось гибельным для турок. Генерал Кутузов противостал Оттоманской армии, дабы не позволить ей распространиться в Валахии, а 30 сентября отрядил корпус под начальством генерала Маркова, приказав ему перейти Дунай выше Рущука и напасть на турецкий резерв, оставшийся на правом берегу реки. Таковое

действие увенчано было желанным успехом: турецкий резерв был совершенно разбит и прогнан в Рущук. Оттоманская армия, лишенная сообщения с правым берегом и окруженная со всех сторон, в продолжение нескольких недель оставалась в сем положении и наконец принуждена была сдаться. Порта, совершенно обезохоченная сим великим несчастьем, просила мира, и в декабре месяце открыт был конгресс в Бухаресте. Столь неожиданная перемена в положении обеих противных сторон на Дунае испровергнула расчеты Наполеона, надеявшегося на развлечение, которое турецкая война долженствовала сделать в его пользу в то время, когда он откроет поход против России. Тщетно старался он всеми играми ободрить Порту, внушая ей, что поелику сам он намерен в скором времени сделать разрыв с Россией, то и она не должна спешить с заключением мирного трактата. По крайней мере, происками своими успел он замедлить ход переговоров в Бухаресте.

В начале 1812 года все предвещало скорое приближение великого происшествия, устрашавшего Европу. Военное положение Наполеона в Германии было уже грозно: данцигский гарнизон, умножившийся от последовательных подкреплений, состоял уже из 20 000 человек. Гарнизоны крепостей на реке Одере также усилены были. В одном Штеттине находилось более 17 000 человек. Сверх того, во Французской армии в Германии считалось более 100 тысяч человек строевых, и она ожидала еще новых подкреплений, находившихся уже в следовании к ней. Военные силы Франции, и без того уже столь огромные, долженствовали еще увеличиться новым набором конскрипции 1812 года. Французская армия в Италии также получила приказание быть в готовности к выступлению.

Положение французского императора было тем грознее, что, кроме военных способов Империи Французской и Королевства Италийского, он самовластно распоряжался также и способами союзников, или, справедливее сказать, подручников, своей империи, каковы были король Неаполитанский, Швейцария, все государи Рейнского союза и Герцогство Варшавское. За исключением России, Англии и Турции, в целой Европе не оставалось независимых держав, кроме Дании, Пруссии, Австрии и Швеции. Наполеон не упустил стараться и их также привлечь к своему союзу.

Дания, со времени несчастного происшествия с Копенгагеном слепо следовавшая внушениям тюльерийского кабинета, не отказалась действовать обще с Францией, однако же сия последняя не могла получить от того никакой пользы, ибо весьма ограниченные военные способы Дании едва достаточны были к защите собственных ее владений против покушений англичан и союзников их.

Пруссия находилась в самом опасном положении: будучи со всех сторон окружена войсками Герцогства Варшавского, Саксонии и Французской Германской армией, которая могла прийти в Берлин в несколько переходов, она видела еще, что французы, занимая Данциг и три крепости на реке Одере, утвердились также и среди ее владений. В толь бедственном положении Фридрих Вильгельм имел справедливое опасение быть первой жертвой предстоявшей войны, а для избежания сего ему не оставалось иного средства, кроме тесного союза с Францией. Но предложения тюльерийскому кабинету, по сему предмету им сделанные, и в течение 1811 года многократно повторяемые, принимаемы были с холодностью, обнаруживавшей тайную мысль Наполеона начать неприятельские действия против России уничтожением прусской монархии, дабы не

оставить у себя в тылу ненадежного союзника, который при малейшей неудаче мог превратиться в явного врага. Однако в начале 1812 года новые настояния со стороны прусского министерства успели переменить ход политики французской в отношении к Пруссии. Наполеон начал опасаться, что приведши Фридриха Вильгельма в крайность принудить его искать себе защиты у России, между тем как, склонившись на предложения Пруссии, должен был получить возможность располагать ее войсками. И так он рассудил, что противно политике было упорствовать в системе, следствия коей лишать его армию небесполезной помощи, и вместо того усилить неприятеля, с которым готовился он сразиться. При всем том, позволив Пруссии соединиться с собою, французский император не упустил ослабить ее еще новыми налогами. По силе условий, присовокупленных к союзному договору 12 (24) февраля, подписанному прусским посланником в Париже, Фридрих Вильгельм обязался отдать в распоряжение Франции для употребления против России 20 000 человек с 60 орудиями и доставлять Французской армии все потребное продовольствие во время прохождения ее через прусские владения.

Всего важнее было для Наполеона склонить Австрию, дабы решилась взять его сторону. Правда, что брак с эрцгерцогиней давал ему значительное влияние на совет императора Франца, но при всем том Австрия не могла не знать, что дело России было дело всей Европы, а посему и не оказывала большего желания споспешествовать унижению державы, падение коей неминуемо долженствовало уничтожить последнюю надежду на освобождение твердой земли. Но как Наполеон не соглашался признавать иного нейтралитета, кроме совершенно обезоруженного, а через сие Австрия лишилась бы всякого способа воспользоваться счастливыми случаями, которые военные происшествия могли ей представить, чтобы дать политике своей ход наиболее сообразный с истинными ее пользами, то венский кабинет и нашелся принужденным заключить союз, по которому, отдавая в распоряжение Франции 30-тысячный корпус с 60 орудиями, по крайней мере сохранил силы монархии для употребления оных сходно с обстоятельствами. Договор сего союза был подписан в Париже 2 (14) марта.

Наполеону оставалось еще склонить Швецию на свою сторону, но все покушения его остались без успеха. Мы уже видели, что по Фридрихсгамскому трактату позволен был Швеции ввоз соли и колониальных произведений. Наполеон не согласился признать сего условия, и Швеция принуждена была отказаться от оного по силе Парижского договора, по коему Франция, окончив несогласия свои с сей державой, возвратила ей Померанию. Невзирая на сей трактат, торговля между Англией и Швецией продолжалась по причине, что расположение берегов Швеции весьма способствует к произведению запрещенного торга. Раздраженный сим Наполеон обвинил шведское министерство в потворствовании врагам его и в конце 1810 года решительно требовал, дабы оно торжественно объявило войну Англии. Стокгольмский кабинет, которого приближение зимы лишало помощи англичан, уступил воле французского императора. В самое сие время шведы избрали маршала Бернадота в наследники престола, почему все вообще и полагали, что сей французский генерал навсегда привяжет Швецию к политической системе Франции. Однако новый наследный принц, наблюдая пользу народа, его избравшего, имел в виду токмо обязанности свои к новому отечеству. С другой стороны, Англия, несмотря на объявление войны, дружески поступала со шведскими

судами, и французский император, еще более раздраженный таковыми поступками, дал в 1811 году позволение своим арматорам нападать на шведские суда, а в январе 1812 года приказал войскам французским занять шведскую Померанию и остров Рюген. При всем том Наполеон не терял еще надежды склонить Швецию ко вступлению с ним в союз. Он предложил возвратить ей Померанию и принудить Россию к возвращению Финляндии с тем условием, чтобы она начала открытую войну с Англией и собрала армию от 30 до 40 тысяч человек для нападения на Россию. Но шведский кабинет весьма уверен был, что не может принять сего союза, не отказавшись от независимости своей, и для сохранения оной, совершенно вопреки требованиям Наполеона, решился тесно соединиться с Россией. 24 марта (5 апреля) был подписан в Санкт-Петербурге договор между Россией и Швецией, по коему сия последняя держава обеспечена была в обладании Норвегией. Постановлено было сперва предложить Дании, дабы приступила к сему союзу и отказалась от Норвегии, получив взамен оной другую равностоющую область, взятую в Германии, по соседству с ее владениями. В случае отказа со стороны Дании Россия давала шведам 35-тысячный корпус для вспомоществования в завоевании Норвегии, по окончании же сего действия шведский корпус от 25 до 30 тысяч человек, соединенно с 15 или 20 тысячами россиян, должен был сделать высадку на берега Германии, дабы учинить диверсию в тылу Главной Французской армии.

Наполеон, сколь ни спешил с приготовлениями своими, но, приближаясь к великой развязке, еще раз хотел усыпить кабинет санкт-петербургский, а дабы успеть в том, почел за нужное изъявить ему желание свое начать переговоры. Полковник Чернышев, флигель-адъютант императора Александра, употребленный для некоторых тайных сношений между обоими императорами, находился тогда в Париже. На другой день после подписания трактата с Пруссией Наполеон отправил его в С.-Петербург с предложением заняться отвращением жалоб, с обеих сторон приносимых. Жалобы сии заключались в следующих четырех статьях: 1) недоверчивость, внушенная России распространением пределов Герцогства Варшавского; 2) присоединение к Франции Герцогства Ольденбургского; 3) узаконение о торговле английскими товарами и о (batimens denationalisés) судах, потерявших права народному их флагу присвоения; и 4) распоряжение тарифа 1810 года. Касательно до первой статьи Наполеон точно объявлял, что не будет споспешествовать никакому предприятию, посредственно или непосредственно клонящемуся к восстановлению Польши. Относительно до Ольденбурга он требовал, дабы император Александр или совсем отказался от вознаграждения герцогу, или решился бы принять такое, которое бы не состояло ни в городе Данциге, ни в другом каком-либо владении Герцогства Варшавского. По третьей статье Россия должна была обязаться соблюдать условия Тильзитского трактата и меры, принятые против английской торговли, за исключением некоторого облегчения к вывозу российских произведений взамен ввозимых предметов, то есть приняла бы с общего согласия систему позволений, по коей торговые выгоды не обращались бы единственно в пользу англичан, но в равной мере разделялись между обеими торгующими державами. Наконец, по четвертой статье Наполеон предлагал заключить торговый договор, по силе которого надлежало учредить новый тариф, на основании тарифа 1810 года, но таким образом, чтобы выгоды России соблюдены были без ущерба французской торговле.

Сии новые переговоры, очевидно, предложены были токмо в намерении скрыть от санкт-петербургского кабинета истинные виды Франции и, внушив ему беспечность, побудить к прекращению приготовлений его к обороне. Император Александр ясно видел, что вышеизложенные жалобы касались только до побочных дел, но что самая сущность вражды, разделявшей обе империи, состояла в самовластном владычестве, которое Франция присваивала себе над всей Европой. И так, хотя бы и успели отвратить помянутые жалобы, то ничего бы еще не было сделано, потому что главный вопрос о диктаторской власти Франции над всеми прочими державами не мог быть решен иначе, как силою оружия, ибо, с одной стороны, Наполеон никогда не согласился бы отказаться от требований своих, а с другой — император Александр не мог согласиться на них, не оскорбив достоинства народа, им представляемого. При всем том российский император, искренно желавший отнять у неприятеля всякий предлог к нападению, не отказался бы вступить в переговоры на основании, предложенном Францией, если бы введение французских войск в Пруссию не присовокупило к существующим распрям еще нового повода к несогласию.

Вскоре по заключении трактата с Пруссией Французская армия, находившаяся в Германии, вошла в ее владения и подвинулась левым крылом и центром к реке Одеру, а правым крылом — к реке Эльбе. Сие привело Россию в такое положение, что она должна была прибегнуть к решительным мерам, и император Александр тотчас отправился из С.-Петербурга в Вильно, где находилась главная квартира Первой армии. В то же время послано было повеление князю Куракину, послу российскому в Париже, объявить французскому правительству, что сохранение Пруссии и независимость ее от всякой политической связи, направленной против России, были тем необходимее для императора Александра, что твердые и прочные сношения с Францией не могут быть восстановлены, доколе не останется между нею и Россией земля нейтральная, не занятая войсками ни которой из обеих держав, и что вследствие сего первое основание всяких переговоров долженствует быть точное обязательство совершенно оставить владения и все крепости прусские, в какое бы время и по каким бы причинам они ни были заняты французскими или союзными им войсками. Сверх того, Россия требовала, дабы гарнизон Данцига был уменьшен и приведен в то состояние, в коем находился прежде 1 января 1811 года, чтобы войска французов выведены были из шведской Померании, а с королем Шведским приняты были меры, способные к взаимному удовлетворению обеих корон — французской и шведской. По принятии сих предварительных условий, но не прежде, послу повелено было дать именем императора Александра следующие обязательства: 1) не вводить никакой перемены в принятых и дотоле строго наблюдаемых в России мерах против беспосредственной торговли с Англией; 2) согласиться с французским императором о *системе позволений*, которую должно будет ввести в России по примеру Франции, однако же с тем, что сия система принята будет не иначе как по предварительном исследовании, что приведение оной в действо не может увеличить ущерба, и без того уже претерпеваемого российской торговлей; 3) договориться особенным постановлением о некоторых переменах в тарифе 1810 года, коих Франция может желать для выгод своей торговли; наконец 4) согласиться на заключение трактата о промене Герцогства Ольденбургского на приличное и равностоящее вознаграждение, которое предложено будет импера-

ром французским, и в сем последнем случае уничтожить обнародованный протест российского императора.

Предложения российского посла целых две недели оставались без ответа, несмотря на то что обстоятельства не терпели отлагательства. Наконец французский министр иностранных дел прервал сие молчание, но только тем, что спросил у посла, имеет ли он потребное полномочие к постановлению и заключению предлагаемых им трактатов. Князь Куракин ясно показал неосновательность сего запроса, сделав замечание, что звание, в которое он облечен был, делало излишним всякое особенное полномочие. Отъезд Наполеона в Дрезден, воспоследовавший 27 апреля, прервал сии переговоры, и князь Куракин, не получая ответа, принужден был просить себе пропуска для возвращения в Россию.

Между тем все еще оставалась слабая надежда к примирению. Наполеон перед отъездом в Дрезден послал в Вильно генерал-адъютанта своего графа Нарбона с предложениями, подобными привезенным полковником Чернышевым. Кажется, что Наполеон, приближаясь к развязке, самим им приведенной, не был изъят от некоторого беспокойства. Великость предприятия, им начинаемого, коего предусматривал он все трудности, казалось, устрашала его. Иногда он ласкался даже мыслью, что российский император при виде страшных сил, против него собранных, потщится отклонить войну, согласившись на все его требования. С удовольствием занимаясь сей мыслью, столь лестною для его кичливости, он воображал, что успеет исполнить все замыслы свои, не подвергаясь случайным происшествиям, которые сам почитал небезопасными; и, по мнению его, послание графа Нарбона долженствовало побудить императора Александра к изъявлению тех миролюбивых расположений, которые он толь самопроизвольно предполагал в нем. Наполеон совершенно обманулся в ожидании своем: граф Нарбон сам признался, что нашел российского императора в наилучшем расположении духа, не показывающего ни робости, ни самохвальства. Он привез в Дрезден отзыв, что Александр неотменно требует ответа на предложение, сделанное послом его в Париже, и не иначе соглашается вступить в переговоры, как по принятии упомянутых предварительных оснований.

Наполеон дал еще повеление генералу Лористону, посланнику своему в С.-Петербурге, дабы, испросив себе позволения ехать в Вильно, представил канцлеру российскому, сопутствовавшему императору Александру, что величавое требование о выводе войск французских из прусских владений было оскорбительно для Франции и посягало на независимость Пруссии, ибо сие значило требовать от короля Прусского разрыва политических обязательств, которые он заключил по праву, принадлежащему всем государям. Сие лжемудрое и посмеяния достойное рассуждение не обещало кротких видов со стороны французского министерства. К тому же император Александр не рассудил за благо принять французского посланника среди войск своих и велел предложить ему, дабы представил канцлеру на письме сообщения, которые имел сделать ему. Происшествия, скоро одно за другим последовавшие, не позволили продолжать сего дела.

Пребывание Наполеона в Дрездене ознаменовано было свиданием его с австрийским императором и королем Прусским, приехавшими в сей город. Император Австрийский сопровождаем был императрицей, супругой своей. Великолепные празднества, по сему случаю данные, продолжались до возвращения графа Нарбона из

Вильно. На другой день, то есть 17 мая, Наполеон отправился из Дрездена в Торунь, куда и прибыл 24 числа того же месяца. Видя, что император Александр, не страшась множества сил, против него собранных, продолжал делать отзывы, приличные достоинству государя, решившегося сохранить свою независимость во что бы ни стало, он вознамерился не отлагать долее открытия похода из опасения, дабы не потерять в бесплодных переговорах времени, способнейшего к военным действиям. Чрез несколько дней по прибытии своем в Торунь приказал он послать к князю Куракину пропуски, им требуемые, и написать к генералу Лористону, дабы и сей равномерно потребовал себе пропуска. Тогда французские войска перешли уже реку Вислу и приближались к пределам России.

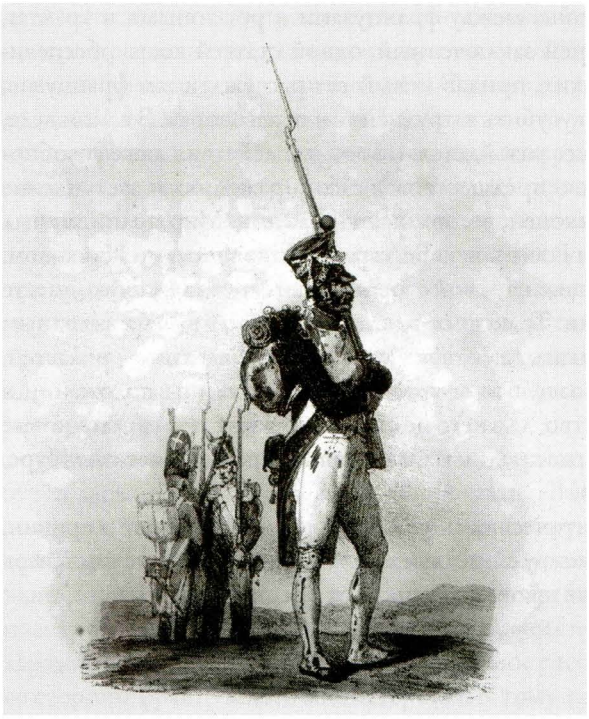
В то время, когда решался разрыв между Францией и Россией, сия последняя держава успела окончить дела свои с турками. Сношения в Бухаресте продолжались уже несколько месяцев, а уполномоченные не могли еще согласиться в статьях трактата. Переговоры сии были тем затруднительнее, что все опыты снисхождения, со стороны российских уполномоченных оказываемые, французские агенты представляли турецким поверенным как знак слабости, пользуясь которой, Порта должна была еще увеличивать свои требования. Наступающая война между французами и россиянами и трактат, 2 марта между Францией и Австрией заключенный, одной статьей коего обеспечивалась целость владений оттоманских, придав новый вес рассуждениям французов, казалось, долженствовали бы еще усугубить затруднения в переговорах. В самом деле, начинали уже опасаться, что конгресс разойдется, и военные действия даже возобновились на Дунае, но воспоминание о предшествовавших поражениях и заступление Англии и Швеции превозмогли, наконец, все происки Франции. Мир подписан был в Бухаресте 16 мая. Порта уступила России всю Бессарабию с крепостями Измаилом, Килиею, Акерманом и часть Молдавии, на левой стороне реки Прута лежащую, вместе с крепостями Хотином и Бендерами. Трактат сей должно почитать весьма выгодным для России. Правда, что она отказалась от остатка Молдавии и Валахии — областей, обладание коими утверждено было за нею в эрфуртских сношениях, но в положении, в котором находилось тогда государство, для него не столько нужно было сделать новые приобретения, как, обезопасив южные пределы свои, все силы противопоставить буре, готовящейся разразиться от Запада.

Сделав краткое изложение политических сношений России с Францией и причин, побудивших к последнему разрыву между сими двумя державами, мы представим теперь читателю понятие о приготовлениях и военных способах обеих противных сторон.

Глава II

Внутренние приготовления к войне с обеих сторон. — Состав армий. — Описание театра войны.

Наполеон, решившись внести войну в самое сердце России, знал опасность своего предприятия и что не должно было пренебрегать никакими способами к увеличению своей армии, дабы превозмочь россиян превосходством сил, против них выставленных. Во Французской империи со времени присоединения к ней Голландии и германских департаментов считалось 43 100 000 жителей, не включая в то число иллирийских провинций с 1 500 000 жителей и Королевства Италийского, коего население простиралось до 6 400 000 душ. Итак, Наполеон, располагавший громадою более 50 миллионов народа, легко мог не только пополнить, но и увеличить многочисленную армию, налицо им содержимую.



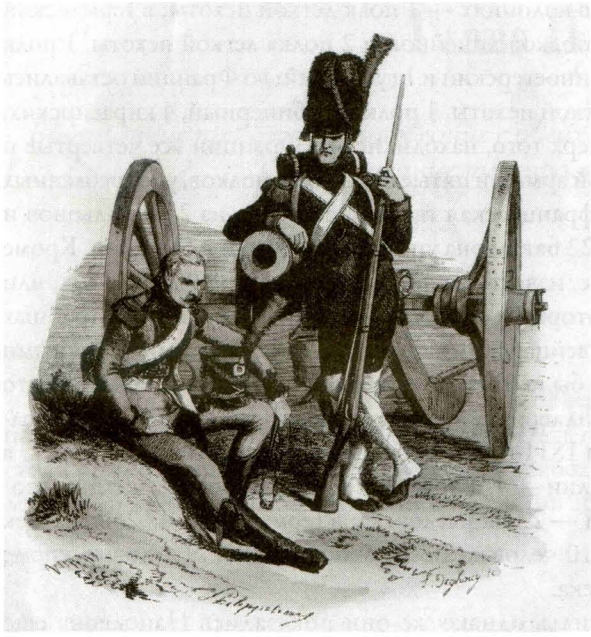
Французский пехотинец. 1808 г.

В конце 1810 года Французская армия состояла из 100 полков линейной и 28 полков легкой пехоты, 2 полков карабинерных, 14 кирасирских, 30 драгунских, 26 конноегерских и 11 гусарских. Почти во всех пехотных полках было по 5 батальонов и во всех кавалерийских — по 4 эскадрона. Войска сии распределены были следующим образом: в Испании находились 53 полка линейной и 16 полков легкой пехоты, 1 полк кирасирский, 25 драгунских, 8 конноегерских и 5 гусарских; в Италии было 16 полков линейной и 1 полк легкой пехоты, 5 полков драгунских, 4 конноегерских и 1 гусарский; в Иллирии и на Семи островах — 5 полков линейной и 3 полка легкой пехоты и 2 полка конноегерских; в Голландии — 5 полков линейной пехоты, 5 пол-

ков конноегерских и 1 гусарский; в колониях — 1 полк легкой пехоты; в Германской армии маршала Даву состояло 11 полков линейной и 2 полка легкой пехоты, 1 полк карабинерный, 9 кирасирских, 1 конноегерский и 1 гусарский; во Франции оставались 10 полков линейной и 5 полков легкой пехоты, 1 полк карабинерный, 4 кирасирских, 8 конноегерских и 3 гусарских; сверх того, находились во Франции все четвертые и пятые батальоны полков Германской армии и пятые батальоны полков, употребленных в других землях; Императорская французская гвардия состояла из 24 батальонов и 22 эскадронов, из которого числа 22 батальона употреблены были в Испании. Кроме сих войск находились еще и другие, известные под названием вспомогательных, или не вошедших в состав корпусов, которые и состояли большей частью из иностранных войск. Сии последние вместе с 4 швейцарскими полками, 3 варшавскими линейными полками и легионом Вислы, в коем было 6 батальонов и 4 эскадрона, составляли всего 62 батальона и 20 эскадронов. Артиллерия разделена была на 8 полков пеших и 6 полков конных. По списку 15 февраля 1811 года состояло налицо действующих войск: в Испании — 305 245 человек; в Италии — 47 846 человек; в Иллирии и на Семи островах — 16 685 человек; в Голландии — 22 823 человека; в Германии — 47 250 человек и, наконец, во Франции — 198 610 человек. Всего вообще 648 459 человек, кроме гвардии, в коей было 37 302 человека.

Сколь ни велики были сии силы, однако же они показались Наполеону еще недостаточными. В течение 1811 года Военный департамент с необыкновенной деятельностью занимался пополнением старых корпусов и составлением новых, в чем и успел с помощью конскрипции и присоединения бывших голландских полков. Тогда число полков линейной пехоты возросло до 107, а легкой пехоты — до 31. Полки, уже находившиеся в Германии, сформированы были в шесть батальонов, из коих пятые поступили в число действующих, а шестые остались внутри государства. Кавалерия также была умножена. Правда, что из 30 прежних драгунских полков оставлено только 24, но расформированные полки, равно как и два полка польских улан, считавшиеся в числе войск, не вошедших в состав корпусов, послужили к сформированию новых девяти легкоконных полков. К 26 уже существовавшим конноегерским полкам прибавлен еще один полк; каждый кирасирский полк приведен в 1100 человек; наконец, к девяти полкам пешей артиллерии прибавлен еще один полк. Императорская гвардия составлена была из 58 батальонов и 24 эскадронов, и намеревались еще увеличить оную.

Войска, не вошедшие в состав корпусов, были: два полка Средиземного моря, каждый из 5 батальонов; Валхеренский полк, 4-батальонный; полк острова Ре, 5-батальонный; четыре иностранных полка, из коих в одном было 5, в одном 6, а в остальных двух по 2 батальона; Испанский 4-батальонный полк; легион Вислы из четырех 2-батальонных полков; Португальский легион из трех 2-батальонных полков; полк Бель-Иль из 5 батальонов; Парижская гвардия из двух полков — одного 2-батальонного, а другого из одного батальона пехоты и одного эскадрона драгун; 6 полков кроатских, 2-батальонных; Албанский полк из 6 батальонов; один батальон острова Эльбы; Вализерландский батальон; Семи-Островский батальон; Римский батальон; Ганноверский батальон; Тосканские велиты; батальон возвратившихся егерей (Chasseurs rentrés); 3 иностранных батальона; 3 батальона горных егерей и, наконец, 4 батальона колони-



Французские артиллеристы. 1808 г.

альных фузилеров. К сему должно присовокупить еще четыре швейцарских 4-батальонных полка и Нефшательский батальон.

По расписанию от 15 октября 1811 года все помянутые войска, составлявшие 815 батальонов и 380 эскадронов, и в них 850 тысяч человек, распределены были следующим образом:

В Испании находилось: 57 полков линейной пехоты, 17 полков легкой пехоты, 1 полк кирасирский, 20 драгунских, 9 конноегерских, 4 гусарских, 1 легкоконный, 2 полка иностранных, легион Вислы, Вализерландский и Ганноверский батальоны, 3 батальона горных егерей и батальон Нефшательский; всего 270 батальонов и 145 эскадронов.

В Италии состояло: 7 полков линейной и 1 полк легкой пехоты, 4 полка драгунских, 3 конноегерских, 1 гусарский, 2 полка иностранных и Испанский полк; всего 48 батальонов и 24 эскадрона.

В Иллирии и на Семи островах было: 2 полка линейной пехоты, 3 легкой пехоты, 1 конноегерский, 6 кроатских, Албанский полк и Семи-Островский батальон; всего 33 батальона и 2 эскадрона.

В Германии употреблены были 15 полков линейной и 4 полка легкой пехоты, 8 полков кирасирских, 4 конноегерских и 2 гусарских; всего 87 батальонов и 56 эскадронов.

В лагере при Утрехте (в Голландии) находились 4 полка линейной пехоты и 1 полк конноегерский; всего 16 батальонов и 5 эскадронов.

В лагерь при Зюйдлаарене (также в Голландии) было 3 полка линейной пехоты и 1 конноегерский; всего 13 батальонов и 4 эскадрона.

В лагерь при Булони — 6 полков линейной пехоты; всего 28 батальонов.

Внутри государства оставались: Императорская гвардия, 10 полков линейной и 6 полков легкой пехоты, 2 полка карабинерных, 5 кирасирских, 8 конноегерских, 4 гусарских, 8 легкоконных, 2 полка Средиземного моря, полки Вальхеренский, Иль-де-Ре, Бель-Иль, Иллирийские егеря, Португальский легион, Парижская гвардия, батальоны Эльбы, Римский, Тосканские велиты, батальон возвратившихся егерей, 3 батальона иностранных, 4 батальона колониальных фузилеров и 4 швейцарских полка. Сверх того, там же находились 147 резервных батальонов и 18 запасных эскадронов от полков, употребленных за границей; всего 320 батальонов и 146 эскадронов.

Кроме вышеупомянутой многочисленной армии Наполеон располагал еще всеми силами Королевства Италийского, Герцогства Варшавского, государей Рейнского союза и короля Неаполитанского.

Армия Королевства Италийского состояла из 5 батальонов пешей гвардии, 1 полка конной гвардии, 7 полков линейной и 3 полков легкой пехоты, 1 Далматского пехотного полка, 2 драгунских и 2 конноегерских. В пехотных полках было по 3 батальона, а в кавалерийских — по 4 эскадрона. В 1810 году наличное число людей сей армии простиралось до 49 800 человек, из коих 20 000 употреблены были в Испании.

Армия Герцогства Варшавского в 1811 году состояла из 17 полков пехотных, 1 кирасирского, 11 уланских, 2 конноегерских и 2 гусарских. Каждый пехотный полк состоял из 3 батальонов, а батальон из 840 человек; кавалерийские полки составлены были из 4 эскадронов, в каждом по 160 человек. Кроме сего находился еще один полк пешей артиллерии, один полк конной артиллерии и один саперный батальон. Три пехотных и два кавалерийских полка употреблены были в Испании. Войска, остававшиеся в герцогстве, по приведении их в полный комплект долженствовали составить более 45 000 человек. В начале 1812 года Наполеон дал повеление сформировать во всех пехотных полках еще четвертые батальоны, вместе с коими армия Герцогства Варшавского простиралась почти до 60 000 человек.

Армия короля Баварского составлена была из 12 полков линейной и шести батальонов легкой пехоты, шести полков легкоконных и одного артиллерийского. Линейные пехотные полки были 3-батальонные, из коих один резервный, в каждом батальоне находилось по 812 человек. Батальоны легкой пехоты состояли из восьми рот, в том числе двух резервных, в каждой роте было по 153 человека. Легкоконные полки состояли из 7 эскадронов, из коих один запасной, в каждом эскадроне было по 129 человек. Артиллерийский полк в 2035 человек состоял из 4 батальонов, в каждом по 5 рот, а в роте по 6 орудий. Вся Баварская армия в полном комплекте долженствовала состоять из 43 000 человек, в том числе 31 000 действующих в поле.

Король Саксонский имел один гвардейский гренадерский полк в 1666 человек, восемь полков линейной пехоты, каждый в 2075 человек, один полк конной гвардии, два кирасирских, четыре легкоконных и один гусарский. В каждом кавалерийском полку было по 718 человек, кроме гусарского, который состоял из 1002 человек. Все пехотные полки были 2-батальонные, а кавалерийские 4-эскадронные. В Саксонской армии вместе с артиллерией состояло всего 29 670 человек.

Вестфальская армия составлена была из одного эскадрона конной гвардии в 168 человек; одного гвардейского легкоконного полка в 688 человек; одного гвардейского гренадерского батальона в 1005 человек; одного гвардейского егерского батальона в 654 человека; одного батальона гвардейских егерей-карабинеров в 434 человека; девяти полков линейной пехоты, в каждом по 2550 человек; одного батальона легкой пехоты в 850 человек; двух кирасирских полков — одного легкоконного и двух гусарских, в каждом из сих последних полков было по 829 человек. Все пехотные полки были 3-батальонные, а кавалерийские — 3-эскадронные. Три пехотных полка, батальон легкой пехоты и легкоконный полк находились в Испании. Вся Вестфальская армия в полном комплекте долженствовала состоять из 31 706 человек, из того числа около 7000 находились в Испании.

Армия короля Виртембергского состояла из одного полка конной гвардии в 375 человек; двух батальонов пешей гвардии и одного батальона гвардейских егерей, в каждом батальоне по 532 человека; двух полков легкоконных, двух конноегерских и одного драгунского, в каждом полку по 500 человек; восьми полков линейной пехоты, в каждом по 1064 человека, и четырех батальонов легкой пехоты, в каждом по 532 человека. Пехотные полки были 2-батальонные, а кавалерийские — 4-эскадронные, за исключением конногвардейского полка, который состоял только из 3 эскадронов. Вся Виртембергская армия в полном комплекте, вместе с артиллерией, состояла из 15 693 человек.

Великий герцог Баденский имел гренадерский полк в 1400 человек; полк линейной пехоты, употребленный в Испании, в 1800 человек; два других полка линейной пехоты, в каждом по 1656 человек; один батальон пеших егерей в 828 человек, один эскадрон конной гвардии в 178 человек и, наконец, один драгунский и один гусарский полки, в каждом по 678 человек. Пехотные полки были 2-батальонные, а кавалерийские — 6-эскадронные. Все войска Великого Герцогства, считая в комплекте вместе с артиллерией, состояли из 9024 человек; из того числа 1800 человек находились в Испании.

Участки прочих князей Рейнского союза составляли вообще более 23 000 человек, из коих около 20 000 находились в Испании.

В предыдущей главе уже сказано, что Наполеон усилил себя еще союзами, заключенными с Пруссией и Австрией.

Прусская армия, значительно уменьшенная после Тильзитского мира, в 1811 году состояла только из 47 081 человека, считая вместе с 369 пионерами и 3688 человек гарнизона. Пехота разделена была на шесть бригад, из коих в одной считалось 5219 человек, в двух — по 4632, а в остальных трех — по 4231 человеку. Кавалерия также разделялась на шесть бригад, соответственных пехотным, из коих в одной было 2316 человек, а в прочих пяти — по 1503 человека. Артиллерия состояла только из трех бригад, в каждой по 2039 человек. Вспомогательный корпус прусских войск, по силе союзного трактата отданный в распоряжение Франции, состоял из 20 батальонов, в каждом по 664 человека, и 24 эскадронов, в каждом по 164 человека; всего почти из 20 000 человек с 60 орудиями.

Военные силы Австрийского государства состояли из 38 2-батальонных полков немецкой пехоты; 15 3-батальонных полков венгерской пехоты; 11 полков пограничной пехоты; 9 батальонов егерей; 8 кирасирских и 6 драгунских 6-эскадронных полков; 6 легкоконных, 11 гусарских, одного полка пограничных гусаров, трех уланских 8-эскадронных полков и, наконец, четырех полков артиллерии, в каждом по 16 рот. Каждый батальон немецкой пехоты состоял из одной гренадерской роты в 116 человек и шести рот фузилерных, в каждой по 125 человек. Кадры третьего батальона в каждом полку состояли только из 98 человек, разделенных на четыре роты. Венгерские пехотные полки состояли из 18 рот, в том числе двух гренадерских, в каждой по 116 человек, и 16 фузилерных, в каждой по 145 человек. Из числа пограничной пехоты в шести полках было по 12 рот, в каждой по 206 человек; в одном полку 16 рот, в каждой по 206 человек, и в четырех полках по 12 рот, в каждой по 180 человек. Егерские батальоны были 2-ротные, в каждой роте по 144 человека, но в военное время прибавлялось к ним еще по две роты. В каждом кавалерийском эскадроне было по 120 человек, исключая

пограничный гусарский полк, в коем эскадрон состоял из 149 человек, и уланские полки, имевшие в эскадроне по 130 человек. Артиллерийские роты состояли каждая на 170 человек. Из сего видно, что Австрийская армия долженствовала состоять почти из 200 000 человек, но часть их находилась в отпуске.

Вспомогательный корпус, данный Австрией Наполеону, состоял из шести полков немецкой пехоты, четырех 2-батальонных полков венгерской пехоты, двух сводных гренадерских батальонов, трех батальонов пограничной пехоты, двух батальонов егерей, одного полка драгунского, двух легкоконных и четырех гусарских; всего из 30 000 человек с 60 пушками.

Из всего вышесказанного следует, что громада военных сил Наполеона в начале 1812 года состояла из следующих войск:

Французская армия	850 000	человек
Итальянская	50 000	
Герцогства Варшавского	60 000	
Баварская армия	40 000	
Саксонская	30 000	
Вестфальская	30 000	
Виртембергская	15 000	
Баденская	9 000	
Войска Рейнского союза	23 000	
Прусский вспомогательный корпус	20 000	
Австрийский вспомогательный корпус	30 000	
Неаполитанская армия	30 000	
Всего:	1 187 000	человек

Французский император, повелевая более нежели миллионом воинов, легко мог выставить против России сильную армию, не ослабляя армий своих, находившихся в Испании, однако ж, несмотря на несметность способов, бывших уже в его распоряжении, он помышлял еще о средствах приготовить сильный резерв. Способ, доставляемый конскрипцией, казался ему уже истощившимся, почему и приказал он из всех людей, способных к оружию как в Империи Французской, так и в Королевстве Италийском, составить народную стражу (Garde nationale), разделенную на три набора: в первом наборе заключались люди от 20 до 26 лет; второй набор составлен был из людей от 26 до 40 лет; а последний — из людей от 40 до 60 лет. По силе сенатского определения даже и первый набор, прежде прочих созванный, не должен был выходить из пределов империи, ибо исключительно назначался для содержания внутреннего порядка и охранения границ, больших приморских депо, арсеналов и крепостей. Сто когорт сего первого набора, каждая в 1120 человек, немедленно долженствовали поступить в распоряжение военного министра. Столь сильные оборонительные меры, каких Наполеон никогда еще не употреблял в прежних войнах своих, ясно показывают, что он верно исчислил всю трудность предприятия, на которое отваживался, и с того времени уже предвидел, что, перейдя за реку Неман, подвергался опасности быть прогнанным назад к Рейну.

Маршал Лефевр (1755–1820)

Французский император, устроив начала, необходимо нужные для составления новых сил, занялся образованием Главной армии, назначенной для нашествия на Россию. Она составлена была из 13 пехотных и 4 резервных кавалерийских корпусов следующим образом: Отдельный гвардейский корпус под начальством маршалов Лефевра, Мортье и Бессиера состоял из 32 батальонов и 27 эскадронов Французской гвардии, Лефевр-Нефшательского батальона, возвратившегося из Испании, 6 батальонов Дармштатских войск, гвардейских велитов принца Боргезе, велитов Тосканской гвардии, Испанского пионерного батальона, Португальского конноегерского полка, пришедшего из Эпинала, одного эскадрона почетной гвардии, одного легкоконного полка, возвратившегося из Испании, и, наконец, из легиона Вислы, который, равномерно пришед из Испании, присоединился к гвардейскому корпусу уже по открытию похода. В сем корпусе находилось 54 батальона и 35 эскадронов.

1-й корпус под начальством маршала Даву состоял из 13 полков линейной пехоты; 4 полков легкой пехоты и трех конноегерских полков Германской армии; двух испанских батальонов полка Иосифа Наполеона, пришедших из Нимвегена; одного полка баденской пехоты; трех батальонов мекленбургских и одного полка польских улан; всего из 88 батальонов и 16 эскадронов.

2-й корпус под начальством маршала Удино составлен был из одного пехотного линейного полка Германской армии; двух пехотных линейных полков, взятых из лагеря при Зюйдлаарене; двух пехотных линейных и одного конноегерского полков из лагеря при Утрехте; двух пехотных линейных полков из лагеря при Булони; одного Кроатского полка, пришедшего из Иллирии; одного полка легкой пехоты, прибывшего из Антверпена; другого такого же полка из Везеля; 3-го Португальского полка из Оксона; четырех швейцарских полков; одного конноегерского полка, пришедшего из Страсбурга; другого такого же полка из Гренингена; третьего полка, возвратившегося из Испании; и, наконец, одного легкоконного полка, прибывшего из Седана; всего из 51 батальона и 20 эскадронов.

3-й корпус под начальством маршала Нея состоял из одного пехотного линейного полка Германской армии; двух пехотных линейных полков из лагеря при Утрехте;

трех из лагеря при Булони; 1-го Португальского полка, пришедшего из Тула; 2-го Португальского из Лиона; одного полка легкой пехоты из Парижа; Иллирийского полка, прибывшего из Турина; одного конноегерского полка из Турина; одного гусарского из Фонтеная; одного легкоконного из Доля и, наконец, пяти пехотных линейных полков, четырех батальонов легкой пехоты и трех конноегерских полков виртембергских войск; всего из 48 батальонов и 24 эскадронов.

Маршал Удино
(1767–1847)

4-й корпус, составленный из войск, приведенных вице-королем Евгением из Италии, находился под его начальством. В нем было шесть полков линейной пехоты, возвращенных из Италии; два полка легкой пехоты — один Кроатский и один легкоконный, взятых из Иллирии; два батальона Испанского полка Иосифа Наполеона, возвратившихся из Италии; один легкоконный полк, пришедший из Пармы; пять батальонов и четыре эскадрона Итальянской гвардии и, наконец, два полка линейной пехоты, два полка легкой пехоты, один Далматский, один драгунский и два конноегерских полка итальянских войск; всего 57 батальонов и 24 эскадрона.

Генерал Ренье
(1771–1814)

5-й корпус под начальством генерала князя Понятовского составлен был из одиннадцати полков пехотных, одного кирасирского, двух конноегерских, одного гусарского и одного уланского польских войск Герцогства Варшавского; всего из 44 батальонов и 20 эскадронов.

6-й корпус под начальством генерала графа Гувион-Сент-Сира состоял из одиннадцати полков линейной пехоты, шести батальонов легкой пехоты и четырех легкоконных полков баварских войск; всего из 28 батальонов и 16 эскадронов.

7-й корпус под начальством генерала Ренье составлен был из трех гренадерских батальонов, семи полков пехотных, одного драгунского, одного гусарского и одного уланского полка саксонских войск; всего из 17 батальонов и 16 эскадронов.

Маршал Ожеро
(1757–1816)

8-й корпус под начальством генерала Жюно состоял из трех батальонов гвардии, пяти полков линейной пехоты, трех батальонов легкой пехоты и двух гусарских полков вестфальских войск; всего из 16 батальонов и 8 эскадронов.

9-й корпус под начальством маршала Виктора составлен был из одного полка линейной пехоты, пришедшего из лагеря при Зюйдлаарене; двух полков линейной пехоты из Булоньского лагеря; одного резервного полка, составленного из трех батальонов, взятых из Булоньского лагеря; одного полка легкой пехоты, прибывшего из Бреста; другого такого же полка, равномерно взятого изнутри Франции; четырех пехотных и одного уланского полков бергских войск; двух полков линейной пехоты, одного батальона легкой пехоты и одного гусарского полка баденских войск; трех польских пехотных полков Герцогства Варшавского; двух пехотных и одного драгунского полка саксонских войск; одного Вестфальского пехотного полка и, наконец, одного пехотного и одного драгунского полков дариштатских войск; всего из 54 батальонов и 16 эскадронов.

10-й корпус под начальством маршала Макдональда состоял из трех польских пехотных полков, одного баварского пехотного, одного вестфальского пехотного и, наконец, шести полков линейной пехоты, двух батальонов легкой пехоты, двух драгунских и двух гусарских полков прусских войск; всего из 36 батальонов и 16 эскадронов.

11-й корпус под начальством маршала Ожеро составлен был из одного полка легкой пехоты, взятого из Италии; двух полков линейной пехоты, пришедших из Бреста; третьего такого же полка из Шербурга; четвертого из Тулона; Бель-Ильского полка, прибывшего с острова Бель-Иля; Валхеренского полка, пришедшего из Миддельбурга; 1-го морского Средиземного полка из Пияченцы; 2-го морского Средиземного из Поркероля; полка Ре, прибывшего с острова Экс; десяти резервных полубригад, составленных из батальонов, оставшихся внутри Франции; восьми драгунских полков, взятых из Испании; одного пехотного полка и одного легкоконного эскадрона вирцбургских войск; пяти пехотных полков и четырех эскадронов неаполитанских

войск; одного пехотного полка великого герцога Франкфуртского; трех пехотных полков князей Рейнского союза и, наконец, одного саксонского пехотного полка; всего из 83 батальонов и 37 эскадронов.

Вспомогательные австрийские войска составляли отдельный корпус под начальством генерала князя Шварценберга. Корпус сей состоял из четырех гренадерских батальонов, четырех полков венгерской пехоты, шести полков немецкой пехоты, двух батальонов пеших егерей, трех батальонов пограничной пехоты, одного драгунского, четырех гусарских и двух легкоконных полков; всего из 27 батальонов и 54 эскадронов.

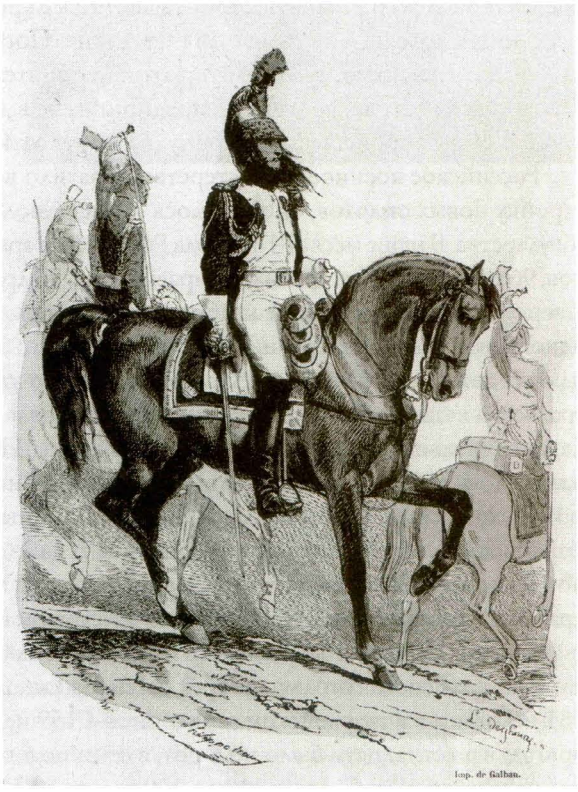
1-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала графа Нансути составлен был из пяти кирасирских полков, одного конноегерского и двух гусарских, взятых из Германской армии; одного кирасирского, прибывшего из Тионвила; одного легкоконного из Шартра; другого легкоконного из Амиена и третьего из Вильдесгаузена; двух польских уланских полков и одного прусского гусарского полка; всего из 60 эскадронов.

2-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала Монбрюна составлен был из двух карабинерных полков, пришедших из Люневиля; четырех кирасирских, прибывших из Меца, Понт-а-Мусона, Бове и Сарр-Луи; двух конноегерских из Вердюна и Сент-Мигеля; двух легкоконных из Суассона и Шатодюна; двух полков гусарских из Стеная и Нев-Бризаха; одного польского гусарского, одного виртембергского конноегерского и одного прусского уланского; всего из 60 эскадронов.

3-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала графа Груши состоял из трех кирасирских полков Германской армии; четырех драгунских, трех конноегерских и одного гусарского, взятых из Италии; одного легкоконного полка, пришедшего из Монмеди; двух баварских легкоконных и одного саксонского драгунского; всего из 60 эскадронов.

4-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала Латур-Мобурга составлен был из двух саксонских кирасирских, двух вестфальских кирасирских и семи польских уланских полков; всего из 44 эскадронов.

В апреле месяце все корпуса сии пришли в движение: 1, 2, 3,



Французский драгун. 1810 г.

6, 7 и 8-й пехотные корпуса вместе с 1-м и 2-м кавалерийскими вступили в прусские владения и Саксонию и, по переходе чрез реку Одер, подвинулись к Висле. 4-й корпус и 3-й кавалерийский, выступив из Вероны, прошли через Тироль в Силезию. 5-й корпус и 4-й кавалерийский расположились по реке Висле. 10-й корпус собрался между Данцигом и Кенигсбергом. Австрийский корпус собрался в Галиции, в окружностях города Лемберга. Гвардия Наполеона выступила из Парижа к Дрездену. 9-й корпус оставался в резерве, между реками Эльбой и Одером. 11-й корпус начинал составляться в окрестностях Майнца.

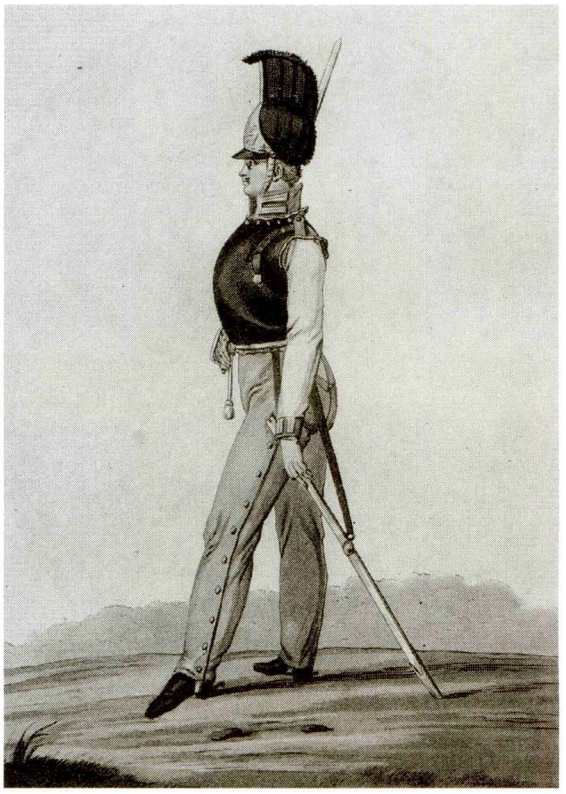
В начале мая месяца Французская армия достигла берегов реки Вислы. 1-й корпус пришел в Эльбинг и Мариенбург, 2-й — в Мариенвердер, 3-й — в Торунь, 4-й и 6-й — в Плоцк, 5-й — собрался в самой Варшаве, 8-й — по правую сторону Варшавы, 7-й — в Пулавах, а гвардия прибыла в Дрезден.

В то время, когда Наполеон вышесказанным образом приготовлялся к нападению, император Александр, со своей стороны, также принимал деятельные меры к обороне. Мы видели, что в 1810 году можно было уже предвидеть близкий разрыв между обоими государствами, и с того самого года российское правительство начало военные приготовления свои, положив укрепить некоторые пункты, дабы впоследствии они могли служить опорой действий для его армий. На сей конец приказано было усилить оборону крепостей Киева и Риги и построить две новые крепости: одну — в Бобруйске на реке Березине, а другую — в Динабурге на Двине. Постройка Бобруйска производилась с такой деятельностью, что при открытии неприятельских действий крепость сия была почти совсем готова, но работы, предпринятые в Динабурге, только что начаты были, когда военные происшествия принудили прекратить их.

Российское военное министерство обратило внимание свое не на одну только постройку новых оплотов, оно занялось также пополнением и умножением военных сил государства. В июне месяце 1810 года Российская армия состояла из 13 гренадерских полков, 96 пехотных, 32 егерских, 6 кирасирских, 36 драгунских, 11 гусарских и 5 уланских. Сверх того, находилась еще лейб-гвардия, составленная из трех полков гренадерских, одного егерского, одного Финляндского егерского батальона, двух полков кирасирских, одного драгунского, одного гусарского, одного уланского, одного казачьего и сотни уральских казаков. Российская артиллерия состояла из 25 бригад, не считая гвардейского пешего батальона и гвардейской конвойной роты. Пионеров было два полка. Сверх того, находилось 105 гарнизонных батальонов, в том числе один гвардейский. Все гренадерские, пехотные и егерские полки были 3-батальонные, кроме лейб-гвардии Преображенского полка, состоявшего из 4 батальонов. В каждом батальоне линейных войск было по 738 человек, в каждом гвардейском батальоне по 764 человека. Все кирасирские и драгунские полки были 5-эскадронные, а гусарские и уланские — 10-эскадронные, кроме гвардейских гусарского и уланского полков, в коих было по 5 эскадронов. Лейб-гвардии казачий полк состоял только из трех сотен. В каждом кавалерийском эскадроне было по 151 человеку, а в гвардейском эскадроне — 159 человек. Из числа 25 артиллерийских бригад, в шестнадцати было по 6 рот, в семи по 5 рот, а в двух по 4 роты. В каждой артиллерийской роте было от 240 до 250 человек с 12 орудиями.

Вся армия, состоявшая из 437 батальонов и 399 эскадронов, разделялась на 25 дивизий; 1-я дивизия составлена была из полков лейб-гвардии с присовокуплением одного

гренадерского и одного пехотного полков. В 6-й дивизии было пять пехотных полков, один егерский, один кирасирский, один драгунский и два уланских. 15-я и 17-я дивизии состояли каждая из четырех пехотных полков, двух егерских и двух драгунских. В 19-й дивизии было три полка пехотных, один егерский и четыре драгунских. В 20-й дивизии — два полка гренадерских, шесть пехотных, три егерских и один драгунский. В 23-й дивизии находилось только два полка пехотных и один драгунский. В 25-й дивизии — три полка пехотных, один егерский и два драгунских. В 13, 21 и 24-й дивизиях, составленных из одних пехотных и егерских полков, не было кавалерии: 13-я дивизия состояла из восьми, 21-я из шести, а 24-я из двух полков. Остальные четырнадцать дивизий составлены были каждая из шести полков гренадерских, пехотных или егерских, двух полков кирасирских или драгунских и одного полка гусарского или уланского.



Кирасир русской армии. 1810 г.

Все сии войска разделялись на три армии, пять отдельных корпусов и три отдельные дивизии. 1-я отдельная дивизия под начальством Его Императорского Высочества великого князя цесаревича Константина Павловича находилась в С.-Петербурге и состояла из 21 943 человек.

Корпус генерал-лейтенанта Штейнгеля, расположенный в Финляндии, состоял из 17, 21 и 6-й дивизий, кроме кавалерии, принадлежавшей к сей последней; в нем считалось 33 040 человек.

Корпус генерал-лейтенанта графа Витгенштейна, назначенный для охранения берегов Балтийского моря, расположен был в Лифляндии и состоял из 14-й и 5-й дивизий, за исключением двух драгунских полков и пяти уланских эскадронов, принадлежащих к 5-й дивизии; в нем было всего 29 414 человек.

Корпус генерал-лейтенанта Эссена 1-го, находившийся в Литве, состоял из 2, 3 и 4-й дивизий, в коих пехотные полки были 2-батальонные, а кавалерийские 4- и 8-эскадронные; в нем было всего 36 779 человек.

Корпус генерала от инфантерии Дохтурова, расположенный на Волыни, состоял из кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Меллера-Закомельского, составленного из кавалерийских полков 5-й и 6-й дивизий, к коим присовокуплен был еще один

П. Х. Витгенштейн (1768–1843)

кирасирский полк от 22-й и один драгунский от 18-й дивизии и из 7, 25 и 9-й дивизий. Из сей последней дивизии взяты были один льготный полк и четыре эскадрона гусаров, но взамен того придан к ней один драгунский и один гусарский полки от 10-й дивизии. Все полки сего корпуса также были пехотные 2-батальонные, а кавалерийские 4- и 8-эскадронные; в нем находилось всего 38 298 человек.

Резервная армия под начальством генерала от инфантерии Милорадовича, расположенная вдоль по Двине и Днепру, составлена была из резервных батальонов и запасных эскадронов 4, 2, 3, 7, 10, 25, 9 и 18-й дивизий и запасных эскадронов 5, 6 и 22-й дивизий; в ней считалось всего 38 350 человек.

Молдавская армия под начальством генерала от инфантерии графа Каменского 2-го, действовавшая против турок, состояла из одного пехотного полка 9-й дивизии, четырех пехотных полков 13-й дивизии, всех пехотных полков 10-й дивизии и из целых 11, 12, 15, 16, 18 и 22-й дивизий, за исключением одного гусарского полка от 12-й дивизии, одного драгунского от 18-й дивизии и одного кирасирского от 22-й дивизии. Три полка 13-й дивизии и все полки 10-й и 18-й дивизий были пехотные 2-батальонные, а кавалерийские 4- и 8-эскадронные. Число войск Молдавской армии простиралось до 115 687 человек. Впоследствии она усилена была еще пехотными полками 9-й дивизии, которые приказано было генералу Дохтурову отправить к ней для пополнения урона, понесенного сей армией на неудачном приступе к Рущуку.

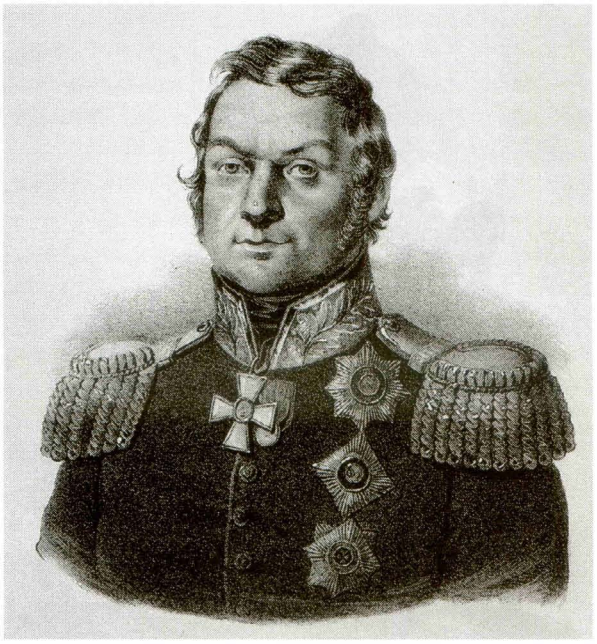
Корпус генерал-лейтенанта герцога Ришелье, расположенный в Одессе и в Крыму, составлен был из пяти гусарских эскадронов от 9-й дивизии, одного драгунского полка от 10-й дивизии, одного гусарского полка от 12-й дивизии и из всей 13-й дивизии, за исключением девяти батальонов, употребленных из Молдавской армии. В сем корпусе находилось всего 14 862 человека.

Грузинская армия под начальством генерала от кавалерии Тормасова, действовавшая против персиян, состояла из 19-й и 20-й дивизии, в которых было всего 34 837 человек.

23-я дивизия под начальством генерала от кавалерии князя Болконского, расположенная на пограничной Оренбургской линии, состояла из 5580 человек.

Наконец, 24-я дивизия под начальством генерал-лейтенанта Глазенапа, расположенная на пограничной Сибирской линии, состояла из 4169 человек.

Из вышесказанного видно, что во всей Российской армии находилось около 400 тысяч человек регулярных войск, к коим должно еще присовокупить с лишком 70 тысяч человек гарнизона и более 100 тысяч нерегулярных войск.



Д. С. Дохтуров (1759–1816)

В течение 1811 года как в составе, так и в размещении армии произошли большие перемены. В конце 1810 года правительство для пополнения обыкновенной убыли людей в корпусах и потерь, понесенных Молдавской армией в кровопролитном походе, ею выдержанном, повелело сделать рекрутский набор по три человека с 500 душ мужского пола во всей империи, кроме новоприобретенных Финляндии, Грузии и областей Белостокской и Тернопольской. Люди сего набора употреблены были для пополнения уже существующих полков и сформирования новых: один пехотный полк переименован был в гренадерский, а 14 пехотных же полков — в егерские; взамен их сформировано 15 новых пехотных полков и 4 егерских, от чего армия и составилась из 14 полков гренадерских, 96 пехотных и 50 егерских. К прежним шести кирасирским полкам было вновь сформировано еще два полка. Лейб-гвардия равномерно была увеличена. В Преображенском 4-батальонном полку убавлен один батальон, который и послужил основанием к составлению нового гренадерского 3-батальонного полка. Из лейб-гвардии Финляндского батальона также составлен новый комплектный егерский полк. Таким образом, в Российской армии состояло всего 498 батальонов и 409 эскадронов, не считая 97 гарнизонных батальонов.

Внутренний состав дивизий также изменился: кавалерия, отделенная от пехоты, разделена была на две кирасирские, восемь кавалерийских и одну гвардейскую кавалерийскую дивизии. В каждой кирасирской дивизии находилось по пяти полков вместе с двумя гвардейскими полками, поступившими в состав 1-й кирасирской дивизии. Каждая кавалерийская дивизия состояла из четырех драгунских и двух гусарских или уланских полков, кроме 4-й дивизии, которая была сильнее прочих одним гусарским полком, и 8-й дивизии, составленной токмо из трех драгунских и одного гусарского полка. Гвардейские кавалерийские полки, за исключением двух кирасирских, составили гвардейскую кавалерийскую дивизию. Из пяти драгунских полков, не вошедших в состав дивизии,

Офицер и пехотинец русской армии

два оставлены были в Финляндии при корпусе генерал-лейтенанта Штейнгеля, один присоединен к 19-й пехотной дивизии, находившейся на Кавказской линии, а два последние остались при 20-й пехотной дивизии, употребленной в Грузии. Вся пехота разделена была на 27 дивизий, не считая лейб-гвардии, составившей отдельную дивизию. В двух первых пехотных дивизиях находилось в каждой по шесть гренадерских полков; все же прочие дивизии, за исключением 19, 20, 23 и 25-й, состояли каждая из четырех полков пехотных и двух егерских. 19-я и 23-я дивизии остались по-прежнему, каждая из трех пехотных и одного егерского полка. 20-я дивизия состояла из двух гренадерских, пяти пехотных и четырех егерских полков. Наконец, в 25-й дивизии были только один пехотный и два егерских полка, но в случае войны положено было усилить ее тремя морскими полками, находившимися в Кронштадте.

В состав 1-й гренадерской дивизии поступили гренадерские полки, расположенные в С.-Петербурге и в бывших польских губерниях; а в состав 2-й дивизии — все гренадерские полки Молдавской армии. Тогда 2-я пехотная дивизия переименована была в 11-ю, а имевшая прежде сей номер расформирована. 23-я и 24-я дивизии соединены в одну дивизию, получившую номер 23. 25-я дивизия названа 24-й, и составлены еще новые три пехотные дивизии, означенные номера 25, 26 и 27. Кроме сих дивизий находились еще 28-я и 29-я, составленные из одних гарнизонных батальонов.

Несогласия, возникшие между петербургским и тюльерийским дворами, сделались наконец столь важными, что невозможно уже было долее сомневаться в скором разрыве, почему император Александр и счел за нужное усилить корпуса, расположенные на западной границе его государства. Для сего собран был новый корпус войск между реками Двиной и Вилией, а корпус генерала Дохтурова, значительно увеличенный, преобразован в армию и поступил под начальство генерала от инфантерии князя Багратиона.

В то же время 17-я пехотная дивизия, отчисленная от Финляндского корпуса, переведена была на Двину-реку, и главнокомандующему Молдавской армией дано повеление отослать за реку Днестр пять дивизий из числа девяти, составлявших его армию. Однако ж необходимость удержать чрезвычайные усилия турок, которые в конце похода 1811 года сами перешли на левый берег Дуная, принудила снова отправить к Молдавской армии две из упомянутых дивизий, расположенных на Днестре.

Взамен того 23-я пехотная дивизия, выведенная из Оренбурга и Омска, получила приказание следовать в Могилев на Днепр.

1 января 1812 года военные силы Российского государства распределены были таковым образом:

В Финляндии находился корпус генерал-лейтенанта Штейнгеля, составленный из двух драгунских полков и 6, 21 и 25-й пехотных дивизий; всего из 30 653 человек.

В С.-Петербурге расположен был корпус Его Императорского Высочества цесаревича Константина Павловича, состоявший из гвардейской кавалерийской дивизии, гвардейской пехотной дивизии, двух гвардейских кирасирских полков, двух гренадерских и одного пехотного полка; в коих было всего 28 526 человек.

Ф. Ф. Штейнгель (1762–1831)

В Лифляндской и Курляндской губерниях размещен был корпус генерал-лейтенанта графа Витгенштейна, составленный из 1-й кавалерийской и 5-й и 14-й пехотных дивизий; всего из 34 290 человек.

В Виленской и Витебской губерниях стоял корпус генерал-лейтенанта Багговута, составленный из 1-й кирасирской, 2-й кавалерийской, 1, 4 и 17-й пехотных дивизий, за исключением двух кирасирских и двух гренадерских полков; всего из 47 520 человек.

В Гродненской, Минской и Могилевской губерниях находился корпус генерал-лейтенанта Эссена 1-го, составленный из 3-й кавалерийской и 23, 3 и 11-й пехотных дивизий, за исключением одного пехотного полка из сей последней; всего из 41 045 человек.

На Волыни и в Подолии расположена была армия генерала от инфантерии князя Багратиона, составленная из 2-й кирасирской, 4-й и 5-й кавалерийских, 2, 7, 12, 18, 24 и 26-й пехотных дивизий; всего из 104 322 человек.

На реке Дунай стояла Молдавская армия генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова, составленная из 6-й и 7-й кавалерийских, 8, 9, 10, 15, 16 и 22-й пехотных дивизий, за исключением восьми батальонов 9-й дивизии; в ней было всего 87 026 человек.

В Крыму и поблизости сего полуострова находился корпус генерал-лейтенанта герцога Ришелье, состоявший из 8-й кавалерийской, 13-й пехотной дивизий и восьми батальонов, отделенных от 9-й дивизии; всего из 19 501 человека.

На Кавказской линии был корпус генерал-лейтенанта Ртищева, составленный из одного драгунского полка и 19-й пехотной дивизии; всего из 9928 человек.

В Грузии находился корпус генерал-лейтенанта маркиза Паулуччи, составленный из двух драгунских полков и 20-й пехотной дивизии, в котором было 23 745 человек.

В Москве, во вновь сформированной 27-й пехотной дивизии, состоял 10 641 человек.

Присовокупив к вышеупомянутым войскам 2417 человек учебных войск, 4051 пионера, 4851 человека резервной артиллерии и 69 166 человек гарнизона и служащих инвалидов, окажется, что в то время все сухопутные силы Российской империи состояли из 517 682 человек регулярных войск.

Образование столь многочисленной армии не истощило деятельности российского правительства: оно пеклось также и о составлении сильных резервов. Высочайшим указом от 16 сентября 1811 года уже предписан был рекрутский набор по четыре человека с 500 душ мужского пола во всей империи, кроме новоприобретенной Финляндии, Грузии и областей Белостокской и Тернопольской. Сей набор послужил к составлению многочисленных рекрутских депо, расположенных во внутренних губерниях, ближайших к тем, в коих собирались армии.

Дабы обеспечить продовольствие войск, собранных на границе, главные депо с провиантом и фуражом учреждены были в Новгороде, Соснице и Трубчевске. Главные магазины размещены в Риге, Динабурге, Бобруйске, Киеве, Вильно, Заславе и Луцке, а другие, меньшие магазины — в Дриссе, Великих Луках, Шавле, Вилкомире, Свенцанах, Гродне, Бресте-Литовском, Слониме, Слуцке, Пинске, Мозыре, Старом Константинове, Житомире, Остроге, Дубне и Ковеле.

Сколь ни явны были неприязненные расположения французского императора, однако российское правительство весьма затруднялось в военных приготовлениях своих необходимостью сохранять наружный вид миролюбия, дабы не дать Наполеону никакого предлога обвинять Россию в вызове на войну. Но когда вступление французских войск в Пруссию и движение к реке Висле подало несомненный знак к разрыву, тогда император Александр, признав, что наступило уже время отложить всякую осторожность, занялся единственно составлением действующих армий на западной границе государства. Гвардия получила повеление выступить из С.-Петербурга в Вильно, и в то же время предписано было генералу Кутузову, дабы отослав из Молдавской армии две пехотные дивизии, присоединившиеся к ней в конце похода 1811 года, направил их к городу Луцку, назначенному местом соединения для армии князя Багратиона. Сверх того, крайность обстоятельств побудила императора Александра повелеть новый рекрутский набор по два человека с 500 душ мужского пола, посредством коего умножено число людей, находившихся в рекрутских депо.

Все войска, собранные на западной границе государства, составили две армии, разделенные на разные корпуса:

Первая Западная армия, вверенная военному министру генералу от инфантерии Барклаю де Толли, имела главную квартиру свою в Вильно и состояла из шести пехотных и двух резервных кавалерийских корпусов.

1-й корпус, или отдельный правого крыла, под начальством генерал-лейтенанта графа Витгенштейна состоял из 5-й и 14-й пехотных дивизий, двух драгунских и одного гусарского полков от 1-й кавалерийской дивизии, трех артиллерийских бригад и трех казачьих полков.

Во 2-м пехотном корпусе под начальством генерал-лейтенанта Багговута находились 4-я и 17-я пехотные дивизии, один гусарский полк от 2-й кавалерийской дивизии,

две артиллерийские бригады и рота конной артиллерии.

3-й пехотный корпус под начальством генерал-лейтенанта Тучкова 1-го составлен был из 3-й пехотной и 1-й гренадерской дивизий, двух артиллерийских бригад, роты конной артиллерии, лейб-гвардии казачьего и еще одного казачьего полка.

4-й пехотный корпус под начальством генерал-адъютанта графа Шувалова состоял из 11-й и 23-й пехотных дивизий, одного гусарского полка от 2-й кавалерийской дивизии и двух артиллерийских бригад.

Ф. К. Корф
(1773–1823)

5-й корпус под начальством Его Императорского Высочества цесаревича Константина Павловича составлен был из дивизий: гвардейской пехотной, 1-й кирасирской и сводной гренадерской с гвардейской артиллерией.

В 1-м резервном кавалерийском корпусе под начальством генерал-адъютанта Уварова находились: гвардейская кавалерийская дивизия, за исключением лейб-казаков, два драгунских полка от 1-й кавалерийской дивизии, один драгунский полк от 3-й дивизии и рота конной артиллерии.

2-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерал-адъютанта барона Корфа состоял из одного уланского полка от 1-й кавалерийской дивизии, четырех драгунских полков от 2-й дивизии и четырех рот артиллерии.

6-й корпус, или отдельный левого крыла, под начальством генерал-лейтенанта Эссена 1-го составлен был из 7-й и 24-й пехотных дивизий, 3-й кавалерийской дивизии за исключением одного драгунского полка, двух артиллерийских бригад и четырех казачьих полков. Сия кавалерия составляла 3-й резервный кавалерийский корпус, который, следовательно, и был соединен с 6-м корпусом.

Все вышеупомянутые корпуса размещены были следующим образом: 1-й — в Шавле; 2-й — в Вилкомире; 3-й — в Вильно; 4-й — в Василишках; 1-й кавалерийский — в Оникштах; 2-й кавалерийский — в Новогрудке и 6-й корпус — в Пружанах.

Сверх того, летучий корпус из 15 казачьих полков с ротой Донской конной артиллерии, находившийся в Белостоке, под начальством войскового атамана генерала от кавалерии Платова равномерно составлял часть Первой Западной армии.

Вторая Западная армия находилась под предводительством генерала от инфантерии князя Багратиона, коему и дано было повеление перевести главную квартиру свою из Житомира в Луцк. Сия армия состояла из четырех пехотных и двух резервных кавалерийских корпусов.

Офицеры и солдаты русской армии

7-й пехотный корпус под начальством генерал-лейтенанта Раевского составлен был из 26-й и 12-й пехотных дивизий с двумя артиллерийскими бригадами.

В 8-м пехотном корпусе под начальством генерала от инфантерии Каменского 1-го находились 18-я пехотная и сводная гренадерская дивизии с одной артиллерийской бригадой.

9-й пехотный корпус под начальством генерал-лейтенанта Маркова состоял из 15-й и 9-й пехотных дивизий с двумя артиллерийскими бригадами.

10-й пехотный корпус под начальством генерала от инфантерии Дохтурова составлен был из 2-й гренадерской и 2-й кирасирской дивизий.

4-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерал-майора Чаплина состоял из 4-й кавалерийской дивизии.

5-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерал-адъютанта графа Ламберта состоял из 5-й кавалерийской дивизии. Сверх того, при Второй армии находились 12 рот артиллерии и десять казачьих полков.

Все пехотные полки, поступившие в состав двух действующих армий, были двухбатальонные; полки тяжелой кавалерии состояли каждый из четырех эскадронов, а полки легкой кавалерии — каждый из восьми эскадронов. Одни только шесть пеших гвардейских полков, исключительно сего правила, выступили в поход в трех батальонах.

Третьи батальоны пехотных, пятые эскадроны тяжелых кавалерийских, девятые и десятые эскадроны легких кавалерийских полков поступили в состав резервных войск. Однако из гренадерских рот, взятых от резервных батальонов, составлены были сводные гренадерские батальоны. 5, 14, 3, 11, 7 и 24-я пехотные дивизии удержали при себе свои сводные гренадерские батальоны, но батальоны 1-й гренадерской, 4, 17 и 23-й пехотных дивизий составили сводную гренадерскую дивизию Первой армии; гренадерские же батальоны от шести пехотных дивизий Второй армии составили сводную гренадерскую дивизию при оной.

Вышеупомянутые резервные батальоны и запасные эскадроны поступили в состав новых восьми пехотных и четырех кавалерийских дивизий: 30-я пехотная дивизия состояла из резервных батальонов 14-й и 4-й дивизий; 31-я дивизия — из батальонов 5-й и 17-й дивизий; 32-я — из батальонов 1, 23 и 11-й дивизий; 33-я — из батальонов 3-й и 7-й дивизий; 34-я — из батальонов 24-й и 26-й дивизий; 35-я — из батальонов

2-й и 12-й дивизий; 36-я — из батальонов 18-й и 15-й дивизий; а 37-я — из батальонов 27-й и 29-й дивизий.

9-я кавалерийская дивизия составлена была из запасных эскадронов 1-й кирасирской, гвардейской и 1-й и 2-й кавалерийских дивизий; 10-я — из эскадронов 3-й и 4-й кавалерийских дивизий; 11-я — из эскадронов 4-й и 5-й кавалерийских и 2-й кирасирской дивизий; а 12-я — из эскадронов 6-й и 7-й кавалерийских дивизий, находившихся в Молдавской армии.

Из этих резервных войск составлены были два корпуса: 1-й резервный корпус под начальством генерал-лейтенанта барона Меллера-Закомельского, имевший корпусную квартиру свою в городе Торопце, состоял из 32-й и 33-й пехотных дивизий и 9-й кавалерийской; 2-й резервный корпус под начальством генерал-лейтенанта Эртеля, имевший корпусную квартиру свою в городе Ромне, состоял из 27-й дивизии, сформированной в Москве, 34, 35 и 36-й пехотных и 10-й и 11-й кавалерийских дивизий; 30-я и 31-я дивизии составили гарнизон Риги под начальством военного губернатора сего города генерал-лейтенанта князя Лобанова-Ростовского. Наконец, 12-я кавалерийская дивизия, оставшаяся в резерве у города Ольвиополя, находилась в готовности присоединиться, смотря по обстоятельствам, к Молдавской или ко Второй Западной армии. Причем должно заметить, что все резервные батальоны и запасные эскадроны были весьма слабы, ибо из них пополнены были действующие батальоны и эскадроны, и к тому еще резервные батальоны, по взятии от них гренадерских рот, были только трехротные.

Тридцать шесть рекрутских депо, в три линии расположенных по внутренним губерниям, ближайшим к театру войны, назначены были к пополнению убыли в действующих войсках. Депо первой линии находились в селении Подгоще, городах Старой Русе, Холму, Торопце, Белом, Вязьме, Ельне, Рославле, Стародубе, Новгород-Северском, Конотопе, Ромне, Сумах, Змиеве, Изюме, Чигрине, Новомиргороде, Елисаветграде и Ольвиополе. Депо второй линии были в городах Петрозаводске, Новгороде, Твери, Москве, Калуге, Туле, Орле, Курске, Харькове и Екатеринославле. Наконец, депо третьей линии размещены в городах Вологде, Ярославле, Владимире, Рязани, Тамбове, Воронеже и Черкасске. Кроме сих тридцати шести депо было еще пять, учрежденных в городах Каргополе, Олонце, селении Ивановке вблизи Славяносербска, Таганроге и Азове. Два первые долженствовали служить для 6-й и 21-й дивизий, оставшихся в новоприобретенной Финляндии. Ивановское депо назначено было для 13-й пехотной дивизии, расположенной в окрестностях Одессы и в Крыму, а Таганрогское и Азовское депо принадлежали к 19-й и 20-й дивизиям, находившимся в Грузии и на Кавказской линии. Дабы сделать подвижными депо первой линии, то из них составлены были четвертые батальоны пехотных, шестые эскадроны тяжелых кавалерийских, и 11-й и 12-й эскадроны легких кавалерийских полков, употребленных в действующих корпусах. Сии батальоны и эскадроны, названные запасными батальонами и эскадронами, составили девять новых пехотных дивизий, означенных номерами 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46 и 47, и четыре кавалерийские дивизии за номерами 13, 14, 15 и 16. Каргопольское и Олонецкое депо равномерно составили пехотную дивизию номер 38; в состав 39-й пехотной дивизии из 4500 человек поступили шесть батальонов Подгощинского и столько же батальонов Старорусского депо; в состав 40-й дивизии из 5400 человек — шесть батальонов Холмского и шесть батальонов Торопецкого депо; 41-й дивизии из

5500 человек — шесть батальонов Белого и шесть батальонов Ваземского депо; 42-й дивизии из 7800 человек — четыре батальона Еленского, пять батальонов Рославльского и шесть батальонов Стародубовского депо; 43-й дивизии из 5300 человек — шесть батальонов Новгород-Северского и шесть батальонов Конотопского депо; 44-й дивизии из 6600 человек — шесть батальонов Роменского и шесть батальонов Сумского депо; 45-й дивизии из 6200 человек — шесть батальонов Изюмского и шесть батальонов Змиевского депо; 46-й дивизии из 4700 человек — шесть батальонов Чигринского и шесть батальонов Новомиргородского депо; 47-й дивизии из 5000 человек — шесть батальонов Елисаветградского и шесть батальонов Ольвиопольского депо; 13-я кавалерийская дивизия из 4000 человек составлена была из эскадронов Подгощинского, Старорусского, Холмского, Торопецкого, Еленского и Рославльского депо, в каждом депо по 4 эскадрона; 14-я кавалерийская дивизия из 1600 человек состояла из шести эскадронов Новгород-Северского депо и четырех эскадронов Конотопского депо; 15-я кавалерийская дивизия из 1400 человек — из четырех эскадронов Роменского и четырех эскадронов Сумского депо и, наконец, 16-я кавалерийская дивизия из 2500 человек — из эскадронов Чигринского, Новомиргородского, Екатеринославского и Ольвиопольского депо, в каждом депо по четыре эскадрона. Сим новым дивизиям предположено было следующее назначение: 39, 40, 41 и 42-я пехотные и 13-я кавалерийская дивизии должны были усилить Первый резервный корпус, а 14-я кавалерийская дивизия присоединиться ко второму резервному корпусу; между тем как 43, 44, 45, 46 и 47-я пехотные дивизии, 15-я и 16-я кавалерийские составили бы новую резервную и вместе наблюдательную армию, которая, будучи усилена 12-й кавалерийской дивизией, собралась бы при городе Дубно под начальством генерала от кавалерии Тормасова. Скорое открытие похода воспрепятствовало окончить формирование упомянутых дивизий, а батальоны и эскадроны, долженствовавшие поступить в состав оных, постепенно употреблены были для усиления действующих армий.

Российское правительство обратило внимание свое также и на учреждение резервных артиллерийских парков. Парки первой линии размещены были: в Вильно — для трех дивизий, в Динабурге — для пяти, в Несвиже — для одной, в Бобруйске — для двух, в Полонном — для трех и в Киеве — для шести дивизий. Парки второй линии находились: в Пскове — для четырех дивизий, в Порхове — для четырех, на Шостенском пороховом заводе — для пяти, в Брянске — для четырех и в Смоленске — для двух дивизий; наконец, парки третьей линии расположены были: в Москве — для двух дивизий, в Новгороде — для восьми и в Калуге — для девяти дивизий. По устроении всех вышесказанных мер император Александр отправился из С.-Петербурга в Вильно и, прибыв туда 16 апреля, вскоре засим изволил отъехать для осмотра корпусов Первой армии, расположенных в окрестностях сего города.

Поскольку казалось весьма вероятным, что страна между реками Неманом, Березиной и Двиной сделается театром войны, то и положено было устроить укрепленный лагерь на левом берегу Двины, при городе Дриссе, дабы в случае надобности иметь безопасный пункт, к коему могли бы отступить разные корпуса Первой армии. Укрепления сего лагеря скоро были окончены. Кроме сего построено также предмостное укрепление на реке Березине, при городе Борисове, дабы владеть переправой в сем важном пункте, лежащем на большой дороге из Вильно через Минск и Смоленск в Москву.

Между тем как россияне вышесказанным образом приготавливались к обороне на своих границах, Французская армия продолжала движение к реке Неману. В конце мая месяца маршал Даву прибыл в Кенигсберг, маршал Удино — в Велау, маршал Ней — в Гольдаш, вице-король Итальянский с 4-м и 6-м корпусами — в Растенбург, король Вестфальский с 8-м и 7-м корпусами — в Варшаву, а князь Понятовский со своим корпусом — в Пултуск. 31 мая Наполеон подвинул главную квартиру свою в Кенигсберг.

Сии движения, очевидно показывавшие, что главные военные действия производиться будут на нижней части реки Немана, требовали перемены в составе и назначении Второй Западной армии, почему рассуждено за благо сблизить ее с Первой армией, а для прикрытия Волыни составить Третью армию. На сей конец князь Багратион получил повеление перейти из окрестностей Луцка в Пружаны, со 2, 19 и 26-й пехотными дивизиями, 2-й кирасирской дивизией и 4-м резервным кавалерийским корпусом, за исключением Павлоградского гусарского полка. 6-й пехотный корпус, над коим генерал Дохтуров принял начальство, переведен был из Пружан в Волковиск и присоединен ко Второй армии. Генерал-лейтенант Эссен 1-й, дотоле командовавший сим корпусом, назначен был генерал-губернатором в Ригу, на смену генерала князя Лобанова-Ростовского, которому приказано отправиться во Владимир на Клязьме для надзора за формированием новых резервных войск. 9, 15 и 18-я пехотные дивизии, Павлоградский гусарский полк и 5-я кавалерийская дивизия, оставшаяся в окрестностях Луцка, составили Третью Западную армию, предводительство над коей вверено было генералу от кавалерии Тормасову. Сия армия усилена была еще 8-й кавалерийской дивизией, отделенной от корпуса герцога Ришелье, находившегося в Одессе, и 36-й и 11-й пехотными дивизиями, взятыми из Второго резервного корпуса. 27-я льготная дивизия, равномерно назначенная в состав сего 2-го резервного корпуса, получила приказание продолжать марш свой через Минск ко Второй Западной армии для усиления оной.

После таковых перемен Вторая армия состояла из трех пехотных и двух резервных кавалерийских корпусов, полагая в то число 3-й кавалерийский корпус, соединенный с 6-м пехотным корпусом. Состав сего последнего ни в чем не изменился. 7-й пехотный корпус также остался в прежнем составе, только прибавлен к нему один гусарский полк от 4-й кавалерийской дивизии; 8-й пехотный корпус под начальством генерал-лейтенанта Бороздина состоял из 2-й гренадерской дивизии, сводной гренадерской дивизии, составленной из сводных гренадерских батальонов 7, 24, 26, 12 и 2-й пехотных дивизий и 2-й кирасирской дивизии; 4-й резервный кавалерийский корпус составлен был из четырех драгунских полков и одного уланского полка от 4-й кавалерийской дивизии. Сверх того, при сей армии находилось девять казачьих полков под начальством генерал-майора Иловайского 5-го.

Третья Западная армия составилась из трех пехотных корпусов и одного резервного кавалерийского. В корпусе генерала от инфантерии графа Каменского 1-го находились 18-я пехотная дивизия, сводные гренадерские батальоны 9, 15 и 18-й пехотных дивизий и Павлоградский гусарский полк с четырьмя артиллерийскими ротами. Корпус генерал-лейтенанта Маркова состоял из 15-й и 9-й пехотных дивизий, одного гусарского полка от 5-й кавалерийской дивизии и семи рот артиллерии. Корпус генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена состоял из 36-й пехотной и 11-й кавалерийской дивизий, одного гусарского полка от 8-й кавалерийской дивизии и двух рот артиллерии.

Резервный кавалерийский корпус генерал-адъютанта графа Ламберта состоял из трех драгунских полков от 8-й кавалерийской дивизии и четырех драгунских и одного гусарского полков от 5-й кавалерийской дивизии. Сверх того, при сей армии находились три роты резервной артиллерии и девять казачьих полков.

Французская армия продолжала свое движение. 5 июня Наполеон перевел главную квартиру свою в Инстербург, 7-го — в Гумбинен, а 8-го — в Вилковишки. Поскольку громада сил его взяла направление к городу Ковно, то россияне и усмотрели необходимость еще подкрепить свою Первую армию, более прочих подверженную неприятельскому нападению. Для сего 6-й корпус, снова присоединенный к Первой армии, получил приказание перейти из Волковиска к Лиде. Генерал Платов со своим летучим корпусом перешел из Белостока к Гродно; князю Багратиону также предписано было перевести Вторую армию из окрестностей Пружан к Волковиску. Едва окончены были сии движения, как неприятель открыл военные действия. Но прежде чем описывать их, мы считаем за нужное представить читателю общее обозрение страны, вскоре долженствовавшей сделаться театром войны.

Тогдашняя западная граница России, начиная от местечка Полангена вблизи Балтийского моря до города Залещиков на реке Днестре, простиравшаяся почти на тысячу верст, самой природой разделена на три неравные, весьма различные части. Правая часть границы, от Полангена до Гродно, почти везде прикрыта рекой Неманом, которая отделяет ее также и от средней части. Река сия, вытекающая из болот Долгиновичских между местечками Шацком и Уздой, направляется от востока к западу, через Новый Свержень, Столпцы, Любчу и Белицу к городу Гродно, при коем круто поворачивает на север к Ковно, в окрестностях сего последнего города она опять делает поворот и течет на северо-запад до впадения своего в залив Куришьгаф. Граница России простирается вдоль правого берега Немана от Гродно, через Меречь, Олиту, Ковно и Юрбург, в десяти же верстах ниже сего последнего местечка, оставив реку в левой стороне, она упирается к морю вблизи Полангена. Река Неман начинает быть судоходной при местечке Столпцах, где имеет уже 30 сажен ширины. Выше Ковно она расширяется от 90 до 110 сажен, а ниже сего города, приняв в себя воды реки Вилии, увеличивается еще на 50 или 60 сажен. Сия река от города Гродно до устья своего течет в глубокой долине, составляемой высокими, крутыми горами, отчего и имеет только малое число и то довольно затруднительных переправ. Выше Гродно почти везде правый берег повелевает противолежащим. Сообщение между обоими берегами обеспечивается посредством мостов при Новом Свержене, Белице, Мостах и Гродно. Ниже сего последнего города переправа чрез реку производится в Ковно и Юрбурге на паромах, против Юрбурга — вброд, а в Тильзите — по мосту, находящемуся уже во владениях короля Прусского.

Река Вилия, под г. Ковно впадающая в Неман, вытекает из болот при местечке Шклянцах и, направляясь от востока к западу, образует большие изгибы. Правый берег ее почти везде повелевает левым. Она имеет мало бродов, а переправляются через нее в Вильно и Ковно по мостам и во многих местах на паромах. Ширина ее в городе Вилейке не более 8 или 10 сажен, но при устье от 100 до 120 сажен.

Страна, между реками Вилией, нижним Неманом и Двиной лежащая, гориста, лесиста, болотиста и изрезана множеством речек, в весьма глубоких оврагах текущих,

которые все впадают или в какую-либо из трех вышеупомянутых рек, или в море. К востоку от города Вилкомира местоположение пересекается еще множеством небольших озер, почти беспрерывной цепью простиравшихся до истоков реки Вилии и окрестностей города Полоцка. К северу от города Шавель, в направлении через Митаву и Бауск к реке Двине, местоположение становится ровнее, однако же не менее того покрыто лесами и болотами. Страна по левую сторону Вилии, между сею рекой и верхним Неманом лежащая, в направлении от Вильно к Ковно, Гродно и Белице, покрыта густыми лесами, которые к стороне Ошман становятся реже, а в окрестностях сего последнего города, также местечек Ольшан и Липнишек находятся обширные равнины. Все вышеупомянутое пространство, заключающее в себе Курляндскую, Виленскую и части Минской и Гродненской губерний, несмотря на плодородие почвы в некоторых округах, представляет мало способов для многочисленной армии. Деревни в ней малы и бедны, местечки и города, равно как и во всех польских областях, суть токмо убежища евреев, тщетно усиливающихся деятельностью промышленности своей вознаградить недостаток даже самых необходимых произведений. Одни только большие города Вильно и Минск могут доставить способы к учреждению в них больших депо. Первый из сих городов, древняя столица литовская, лежит на левом берегу реки Вилии, в ста верстах от границы по Ковенской дороге. Город Минск, построенный среди обширных лесов, отделяющих источники реки Вилии от вершин Немана, находится в 180 верстах позади Вильно.

Средняя часть западной границы российской заключает в себе пространство между городами Гродно и Брестом-Литовским. В Гродно пограничная черта переходит на левую сторону реки Немана и, направляясь к истокам реки Бобры, по левому берегу оной спускается до впадения ее в Нарев, а по правому берегу сей последней реки поднимается к Суражу. От сего местечка граница, перейдя в речку Нурцу, упирается в нее в 10 верстах ниже Брянска, потом спускается по левому берегу Нурца до впадения в Буг и по правому берегу сей последней реки поднимается чрез местечки Дрогичин, Мельники и Немиров к Бресту-Литовскому.

Река Бобра, имеющая начало свое в 16 верстах к юго-западу от Гродно, течет по широким болотам, чрез которые находится малое число проходов, да и те легко защищать можно. Река Нарев, вытекающая из Беловежского леса, при местечке Новом Дворе, направляется от востока на запад к Суражу, при сем местечке поворачивает она на север к Тикочину, но недоходя его, опять поворачивает она на запад и, в сем направлении продолжая течение свое, входит в земли Герцогства Варшавского, где и впадает в реку Буг под Сероцком, близ Варшавы.

Река Нарев, точно как и Бобра, окружена широкими болотами, делающими доступ к ней затруднительным; пространство же между слиянием сих двух рек и местечками Гонюндзом и Тикочиным совершенно непроходимо.

Река Нурец, образующаяся из двух ручьев, которые, вытекая от местечек Клещели и Мелетичи, соединяются выше местечка Боцки, также имеет берега весьма болотистые. Сначала течет она на северо-запад, но ниже Брянска поворачивает на юго-запад и там составляет границу государства. Нижняя часть сей реки, от местечка Цехановца до устья, удобопроходима, ибо не окружена уже болотами, простирающимися только до Цехановца.

Полоса земли между городом Гродно и рекой Бугом, непосредственно за пограничной чертой лежащая, состоит из Белостокской области, страны плодородной и хорошо возделанной, особенно в южной части ее по левую сторону реки Нарева. Белосток, в 14 верстах от границы по дороге в Тикочин лежащий, есть один из богатейших и наилучше выстроенных городов во всей Польше.

Промежуток рек Нарева и Нурца, окрест Бельска и Орлы состоящий из прекрасных равнин, с восточной стороны загражден болотистым лесом Беловежским, лежащим почти в 40 верстах от границы, за местечками Наревым, Орлово и Клещелями. Сей лес, имеющий около 50 верст в длину и 40 верст в ширину, соединяется посредством лесистых болот реки Яселды с другими обширными лесами, простирающимися от Пинска к Слониму. Страна между Беловежским лесом и рекой Неманом довольно открыта и орошается речками Свислочью, Россой и Зельвой, которые, взяв начало свое или при самой опушке леса, или в болотах реки Яселды, текут от юга на север, параллельно к границе, до самого впадения своего в Неман. По южную сторону помянутого леса до берегов реки Буга и обширных болот, вокруг местечка Дивина и при Ратно лежащих, находятся равнины, изрезанные болотистыми речками, впадающими в Буг.

Река Припять, выходящая из вышесказанных болот, течет от юго-запада на восток к городу Мозырю, при коем склонившись на юго-восток, вливает воды свои в Днепр, в 70 верстах выше Киева. Эта река имеет от 15 до 50 сажен ширины и малое число бродов. От истока своего до Мозыря окружена она непроходимыми болотами, простирающимися от Пинска до Мозыря с лишком на 200 верст; и на сем расстоянии находятся только в трех местах сообщения, но столь дурные, что не могут служить для прохождения корпуса войск.

Город Пинск есть пункт, заслуживающий особенного внимания, ибо, находясь при впадении реки Яселды и Стыря в Припять и на единственной большой дороге, с правой стороны Припяти внутрь Литвы ведущей, он составляет главное средоточие сухопутных и водяных сообщений всего края. Пространство по левую сторону реки Припяти, между городами Пинском, Слонимом и местечками Глуском и Петриковым, покрыто обширным болотистым лесом, в коем изредка встречаются бедные деревушки, а сообщения, его перерезывающие, непроходимы для корпуса войск, кроме одной большой дороги из Пинска в Несвиж. К препятствиям, которые встретил бы неприятель, зашедший в сию глухую страну, должно присовокупить еще и затруднительность переправы чрез судоходный канал Огинского. Сей канал соединяет реку Яселду, вытекающую из болот, между Пружанами и Волковиском лежащих, и вливающуюся в Припять ниже Пинска, с рекой Щарой, которая, взяв начало свое близ Несвижа, омывает город Слоним и впадает в Неман между Белицей и Гродно. Берега Щары болотисты и лесисты. Между рекой и верхним Неманом, в направление от Новогрудка и Слонима чрез Несвиж под самый Слуцк, простираются хорошо возделанные поля с перелесками. Сия прекрасная страна ограничивается великими лесами, на правой стороне верхнего Немана лежащими, которые от окрестностей Минска простираются чрез Глуск и связываются с лесами, покрывающими левую сторону реки Припяти. Часть сих лесов, между местечками Воложиным, Николаевым и Столицами наполненная болотами и не имеющая никаких дорог, вовсе непроходима. Между Столицами и Глуском есть несколько сообщений, но в малом числе и в весьма худом состоянии, кроме двух дорог: из Несвижа через Койданов

и Минск в Борисов и из Несвижа чрез Слуцк и Глуск в Бобруйск. Сверх того, имеется еще хорошая поперечная дорога из Минска чрез Игумен в Бобруйск.

Река Припять и болота, из коих она вытекает, составляют естественное разделение между средней и левой частями западной границы государства. Пограничная черта сей последней части продолжается от Бреста-Литовского вверх по правому берегу Буга, но за семь верст не доходя местечка Сокал, уклоняется вправо от сей реки и вогнутой дугой, простирающейся почти на 250 верст, направляется к реке Днестру, к коей и примыкает в 25 верстах выше города Залещиков. Все это протяжение сухой границы в 1812 году обезопасено было нейтралитетом Галиции, постановленным на том основании, что хотя Австрия и вспомоществовала Франции, однако не была в явной войне с Россией.

Река Бут, имеющая вершину свою в Галиции близ Злочова, течет в направлении от юга на север к Бресту-Литовскому, здесь поворачивает она на северо-запад к местечку Нуру, при коем опять склоняется влево и таким образом, продолжая бег свой на запад, впадает в Вислу при Новом Дворе, ниже Варшавы. Ширина ее при местечке Устилуг от 12 до 14 сажен, а под Дрогичиным — в 40 сажен. Летом переходят ее вброд во многих местах, особенно между Влодавой и Брестом-Литовским. В части течения реки Буга, составляющей российскую границу, левый берег везде повелевает правым, кроме нескольких мест при Устилуге, Опалине, Бресте, Немирове и Дрогичине, где выгоды военной позиции находятся на правом берегу. От местечка Устилуга до окрестностей Бреста правый берег покрыт болотами, которые находятся в связи с лежащими при местечках Ратно и Дивине.

Страна, простирающаяся от Устилуга чрез Владимир, Луцк, Дубно и Острог к Новгороду-Волынскому, включает в себе плодородные и хорошо возделанные поля Волынии, орошаемые многими реками, вливающими воды свои в Припять, из коих примечания достойны Стырь и Горынь, тем более что на правом берегу сих рек, текущих с юга на север, находятся хорошие оборонительные позиции против неприятеля, наступающего от Устилуга. Вышеупомянутая прекрасная страна ограничена с севера лесистыми болотами, примыкающими к Припяти, столь же глухими, как и страна, лежащая по левую сторону этой реки; с востока — великими лесами, простирающимися от Новгорода-Волынского чрез Житомир и Овручь к реке Днепру и нижней Припяти; а с юга — лесистой полосой, около 150 верст длины и 20 верст ширины, которая, связываясь с большим лесом, что при Житомире, отделяет Дубенский и Острожский уезды от богатых жатвой холмов Подолии. Пространство между сей последней губернией и рекой Днепром занято необозримыми плодородными равнинами Украины.

За средней пограничной частью, углубляясь далее внутрь страны, встречается река Березина, которая вышла из болот при местечке Докшицах, течет на юго-восток чрез обширные леса до самого впадения своего в Днепр, в 60 верстах ниже Рогачева. Верховье сей реки соединяется с рекой Улой, впадающею в Двину посредством судоходного Березинского канала. Березина между каналом и устьем своим имеет от 25 до 50 сажен ширины. Она по всему течению своему окружена широкими болотами, которые затрудняют доступ к ней ниже Веселова, а выше сей деревни делают ее совершенно непроходимой. Березинский канал, проведенный чрез болота, столь же недоступен. Правый берег Березины превышает противоположный, исключая места при Веселове, Борисове и Нижнем Березине, где левый берег повелевает правым. Переправы чрез

эту реку находятся в Борисове и Бобруйске по мостам и во многих местах на паромах. Летом бывает на ней много бродов. Ниже Борисова сообщения на правом берегу лучше находящихся на левом, напротив того выше сего города одни только дороги на левом берегу проходимы, между тем как на правом берегу, в болотах, между местечками Верхним Березиным, Докшицами, Плещеницами и Зембином лежащих, не проложено никакого пути, кроме тропины, из Верхнего Березина чрез Заречье и Зарембы в Зембин ведущей, которая однако ж для войск неудобопроходима. Чтобы пройти из Верхнего Березина в Зембин, корпус войск нашелся бы принужденным сделать ведший обход чрез Докшицы, Долгинов и Плещеницы. Оборонительная линия, рекой Березиной образуемая, усиливается еще новой Бобруйской крепостью, лежащей на правом берегу, по дороге из Несвижа в Рогачев. Российское правительство намеревалось было заградить также и другой проход чрез леса посредством крепости, заложенной при городе Борисове, что на большой дороге из Минска в Оршу, но как вскоре возгоревшаяся война воспрепятствовала производству предположенных работа, то и удовольствовались на первый случай построить только одно предмостное укрепление на правом берегу Березины, против Борисова.

Оборонительная линия березинская упирается правой оконечностью своей к Двине, а левой — к Днепру. Первая из сих рек, вышедшая из озера между городами Осташковым и Торопцем, течет на юго-запад чрез Велиж, Сураж и Витебск до местечка Бешенковичей, при коем повернув на северо-запад, продолжает путь свой чрез Полоцк, Десну, Дриссу, Динабург, Якобштат, Фридрихштат и Ригу и ниже сего последнего города вливает воды свои в Рижский залив при Динаминдской крепости. Она начинает быть судоходной при городе Сураже, между Витебском и Динабургом имеет от 60 до 100 сажен ширины, под Ригой — 330 сажен, а в устье — почти 600 сажен.

От Витебска до Друи левый берег Двины почти везде превышает противолежащий, но отсюда до Риги правый берег повелевает левым. Переправы чрез реку находятся в Велиже, Сураже, Витебске, Динабурге и Риге — по мостам, а в Будиловом, Бешенковичах, Уле, Полоцке, Диене, Дриссе, Леонполе, Друе, Креславе, Якобштате и Фридрихштате — на паромах. В летнюю жару по всей реке бывает много бродов. Крепость Рига, на правом берегу Двины, в 15 верстах выше ее устья и в 270 верстах от границы, по дороге из Полангена лежащая, есть богатый торговый и многолюдный город. Цитадель, по северную сторону крепости воздвигнутая, усиливает оборону оной, а укрепление Кобершанц, на левом берегу Двины построенное, прикрывает мост и чрез то обеспечивает сообщение между обоими берегами реки.

Устье Двины защищается крепостицей Динаминде, на левом берегу реки лежащей, на острове, образованном морем, Двиной и двумя рукавами реки Болдер-Аа. Россияне заложили было крепость также и при городе Динабурге, в 214 верстах выше Риги, на правом берегу Двины лежащем, но не имели времени окончить постройку оной. Город Витебск, на обоих берегах реки Двины расположенный, в 270 верстах к северо-востоку от Минска, есть один из важнейших во всей стране. В 200 верстах ниже Витебска и в 100 верстах выше Динабурга построен был укрепленный лагерь на левом берегу Двины, против города Дриссы. Лагерь сей долженствовал прикрывать прямую дорогу из Вильно в Петербург, служить местом соединения для всех корпусов Первой армии и в случае нужды обеспечивать отступление за реку Двину.

Край по северную сторону верхней Двины, между Балтийским морем, Чудским озером (Пейпусом) и Финским заливом лежащий, заключает в себе Лиландию и Эстландию — губернии, составляющие, так сказать, обширное болото, покрытое лесом и пересеченное дорогами, образующими почти беспрерывные теснины. Здешние селения дурно построены и рассеяны малыми деревушками в один, два и три двора. Следуя вверх по Двине к Полоцку и Витебску, вступаешь в страну, пересеченную озерами, болотами, лесами и холмистыми равнинами, по коим извиваются речки, впадающие в Двину. Примечательнейшая из сих речек есть Дрисса, ибо течет почти параллельно с Двиной и правый берег ее повсюду повелевает противолежащим, почему она и представляет хорошую оборонительную позицию против неприятеля, перешедшего Двину между городом Дриссой и устьем речки Уды.

Река Днепр, выходящая из болот между городами Сычевкой и Белым, сначала направляется от севера на юг до окрестностей Дорогобужа, а потом, повернув направо, течет на юго-запад почти параллельно с Двиной, чрез Смоленск до Орши, при сем последнем городе она опять круто поворачивает налево и, взяв прежнее направление от севера на юг, продолжает бег свой чрез Копыс, Могилев, Старый Быхов, Рогачев, Речицу, Киев, Черкасы, Кременчуг, Верхнеднепровск, Екатеринославль, Александров и Херсон до самого Черного моря, в которое и несет дань вод своих, умноженных на пути присоединением больших рек Березины, Сожи, Припяти и Десны. Днепр начинает быть судоходным при Дорогобуже, где и имеет уже тридцать сажен ширины, между Смоленском и Старым Быховым он расширяется от 35 до 60 сажен, между Старым Быховым и устьем Припяти — от 60 до 200 сажен, а между сею последней рекой и Кременчугом — от 200 до 700 сажен. Правый берег Днепра везде повелевает левым, исключая места при селениях Катани, Дубровне и городе Орше, где выгоды военной позиции переходят на сей последний. Переправы чрез реку находятся в Смоленске, Могилеве и Киеве по мостам и во многих местах на паромах. В летнюю жару бывают на ней также и броды: при селении Хомине, близ местечка Лядов, в Могилеве, Новом Быхове и Вышгороде, в 16 верстах выше Киева. Важнейшие из городов, омываемых Днепром, суть Смоленск и Киев. Сей последний есть ключ нижнего Днепра, точно как Смоленск служит ключом верхнего Днепра. Киев, некогда бывший столицей России, ныне имеет при себе крепость и есть один из знатнейших городов в государстве. Он лежит в 430 верстах от границы по дороге из Бродов и, будучи построен на повелевающих высотах правого берега Днепра, прикрывает важную переправу, к коей сходятся с одной стороны все дороги из Малороссии, а с другой — дороги из Волынии, Подолии и Украины. В последние годы укрепления его были исправлены и умножены.

Смоленск, лежащий на соединении дорог из Орши, Поречья, Духовщины, Дорогобужа, Рославля и Мстиславля, составляет главное средоточие всех больших сообщений с внутренностью государства. Сей город, расположенный на высотах левого берега Днепра, защищен только одной каменной стеной, и к тому еще повелевают им превышающие его высоты правого берега. Смоленск довольно богат, хорошо выстроен и находится в 300 верстах позади Минска.

Промежуток рек Двины и Днепра между Оршей и Витебском имеет 80 верст ширины и покрыт лесами и болотами, простирающимися в одну сторону до города Сенно, а в другую — до Поречья и Смоленска.

Промежуток Днепра и Березины итого еще лесистее: обширный болотистый лес, около Минска и Глуска находящийся, продолжается также и по левую сторону реки Березины и становится реже только в окрестностях Орши и в нескольких других местах, прилежащих к Днепру.

Дав понятие о топографии страны между западной границей России и реками Двиной и Днепром, покажем теперь главные пути из Пруссии и Герцогства Варшавского, к сим рекам ведущие, коими неприятель мог пользоваться, дабы проникнуть внутрь государства.

Все протяжение границы от пределов Галиции до Балтийского моря представляет пять главных проходов, соответствующих большим дорогам, из чужих земель ведущих внутрь России. Проходы сии суть: Устилуг и Брест-Литовский на реке Буг, Гродно и Ковно на реке Неман и Полангеи близ Балтийского моря. Дорога, пролегающая чрез Устилуг, ведет из Люблина чрез Владимир-Волынский, Луцк, Дубно, Кунин, Острог и Новгород-Волынский в Житомир. От сей дороги отходят на полдень четыре другие: 1) дорога из Дубно чрез Кременец в Чепелевку, где и падает она на большую дорогу из Новгорода-Волынского в Лемберг; 2) дорога из Острога, пересекающая первую в Кременец и ведущая чрез Радзивилов в Лемберг; 3) дорога из Острога чрез Заслав в Старый Константинов, где она выходит на 4) большую дорогу из Новгорода-Волынского чрез местечко Рогачев, Полонное, Старый Константинов, Красилов, Чепелевку, Волочиск и Тарнополь в Лемберг. Сверх того, есть еще другая дорога из Старого Константинова, ведущая чрез Проскуров в Каменец-Подольский к реке Днестру.

От Житомира равномерно отходят еще три дороги, из коих одна ведет в Бердичев и далее в Подолию и Украину, другая — чрез Радомысл в Киев, а третья — чрез Овручь и Мозырь в Якимову Слободу, где разделившись надвое, ведет направо в Горваль и налево чрез Солонное в Ждобин.

Большая дорога, пролегающая чрез Брест-Литовский, направляется из Варшавы чрез Станиславов, Мендзиржиц и Брест в Кобрин, где, разделившись, ведет вправо — чрез Евлаши и Пинск в Несвиж, а влево — чрез Пружаны, Ружану, Слоним и Сталовичи также в Несвиж. Дорога из Бреста-Литовского в Пинск имеет два сообщения с дорогой из Устилуга в Житомир. Первое из сих сообщение от самого Бреста-Литовского направляется чрез Ратно в Ковель, где и разделяется на две ветви, отходящие к Владимиру и Луцку. Второе сообщение отделяется от Брестской дороги в Евлашах и, пролегая чрез Любашево и Ровно, падает в Кунине на Устилугскую дорогу. Между Брестом-Литовским и Гродно находятся еще шесть проходов: Дрогичин, Гранна, Цехановец, Хороща, Гониондз и Домброва, но все заграничные пути, из Варшавы, Иоганнисбурга и Олецка чрез них ведущие, выходят на поперечную дорогу, которая из Дрогичина направляется через Боцки, Бельск, Белосток, Васильков, Соколку и Кузницу в Гродно. Дорога из Олепка чрез Рачки, Сейны и Голынку также выходит в Гродно.

Дорога из Гродно, внутрь страны ведущая, пролегает вдоль правого берега реки Немана, чрез Скидель, Камионку, Щучин и Жолудек в Белицу; здесь, перейдя Неман, направляется она чрез Новогрудек, Кореличи, Турец и Мир в Несвиж, где и соединяется с дорогами, отходящими из Бреста-Литовского. От сей дороги отделяются две ветви к югу и две ветви к северу. Отделяющиеся к югу служат поперечными сообщениями с дорогой из Кобрина чрез Слоним в Несвиж и ведут: одна из Камионки чрез Мосты,

Пески и Волковиск в Ружану, а другая из Белицы чрез Дзенциол в Слоним. Ветви же, направляющиеся к северу, отходят из Щучина и Белицы и, соединившись в Лиде, ведут чрез Бенякони в Вильно. Из Несвижа идут две дороги: первая чрез Романов, Слуцк, Глуск, Бобруйск и Поболов в Жлобин, другая чрез Новый Свержень, Койданов, Минск, Борисов, Коханов, Бараны, Оршу и Красный в Смоленск. Между сими двумя дорогами есть поперечное сообщение из Минска чрез Игумен в Бобруйск.

Дорога, пролегающая чрез Ковно, ведет из Гумбинена чрез Вилковишек, Ковно и Жижморы в Вильно. Здесь, разделившись надвое, направляется она вправо чрез Ошмяны и Сморгони в Молодечно, а тут, снова раздвоившись, одной ветвью ведет чрез Радошковичи в Минск, а другой — чрез Вилейку, Докшицы и Диену в Лозовку, где и выходит на большую дорогу из Риги в Витебск. Дорога, направляющаяся влево, ведет чрез Свенцаны, Видзы, Браслав и Друю в Придруйск. Другая дорога из Ковно пролегает чрез Кейданы и Шадово в Шавли, где и выходит на дорогу из Мемеля в Митаву. Между Ковно и Полангеном есть еще три пути: из Нейштата в Вилиону и из Тильзита в Юрбург и Таураген. Первые два пути выходят на дорогу, вдоль по правому берегу реки Немана ведущую из Юрбурга чрез Вилиону и Средник в Ковно. Третий путь из Тильзита направляется чрез Таураген, Нимокшты и Кельм в Бубпо, где и падает на дорогу из Мемеля в Митаву. Дорога из Кенигсберга чрез Мемель входит в Россию в Полангене, из коего ведут на Митаву две дороги: правая пролегает чрез Тельш Бубию, Шавли и Янишки; а левая — чрез Шрунден и Фрауенбург. От сей последней дороги отделяются еще две другие, ведущие к морю: первая из Шрундена чрез Газенпот в Либаву, а вторая из Фрауенбурга чрез Годьдинген в Виндаву. Из Митавы выходят две дороги, из коих одна направляется чрез Бауск, Фридрихштат, Альт-Зельбург и Якобштат в Крейпбург, а другая — чрез Сент-Олай в Ригу. Дорога, ведущая из сего последнего города в Витебск, пролегает вдоль по правому берегу реки Двины, чрез Кокенгаузен, Крейцбург, Динабург, Придруйск, Дриссу, Лозовку, Гамзелево, Полоцк и Куриловщину.

Дорога из Витебска в Киев ведет чрез Бабиновичи к Орше на правый берег Днепра и вдоль сей реки чрез Бараны, Шклов, Могилев, Старый Быхов, Рогачев, Жлобин, Солонное, Горваль и Речицу в Лоев, здесь переходит она за Днепр и, оставив его в правой стороне, продолжается чрез Великую Весь, Чернигов и Козелец в Шев. Из местечка Коханова, что на пути из Минска в Оршу, отделяются две поперечные дороги: одна ведет на полдень, чрез Староселье в Шклов, а другая — на север, чрез Сенно и Будилову Пристань в Куриловщину, где и выходит она на дорогу из Полоцка в Витебск.

Дорога от берегов Двины, ведущая к С.-Петербургу, направляется из Риги, Динабурга, Придруйска, Полоцка и Витебска. Дорога из Риги проходит по Лифляндии чрез Вольмар, Валк, Дерпт, Нарву и Ямбург. Дорога из Динабурга ведет через Режицу и Люцынь, дорога из Придруйска — чрез Замошье, а дорога из Полоцка — чрез Гамзелево и Кляссицы. Последние три дороги соединяются в Себеж, откуда уже один путь направляется чрез Опочку и Остров в Псков. Из сего последнего города можно идти к Петербургу или чрез Гдов и Нарву, или чрез Боровичи и Лугу. Дорога из Полоцка чрез Юревичи и Невель, дорога из Витебска чрез Городок и Невель и, наконец, дорога из Витебска чрез Сураж и Усват равномерно соединяются в Сеньковом в один путь, ведущий в С.-Петербург чрез Великие Луки, Порхов, Боровичи, Лугу, Гатчину и Царское Село. Эта последняя дорога, равно как и Псковская, пролегает чрез Псковскую

и С.-Петербургскую губернии, которые по неплодородию своему представляют мало способов для содержания армии. Между Великими Луками и Порховом находятся холмистые обширные равнины, но за последним городом не видно ничего, кроме печальных, сосновыми лесами пересекаемых, болотистых кустарников, которые почти беспрерывно продолжаются до самого С.-Петербурга. Дорога из Себежа в Псков и далее в Боровичи или в Нарву пролегает страной, наполненной теснинами, лесами, болотами, и, следственно, для прохода войск весьма затруднительна.

Пути от Днепра, ведущие к Москве, отходят из Киева и Смоленска. Киевская дорога пролегает через Козелец, Нежин, Борзну, Кролевец, Глухов, Севск, Дмитровск, Кроны и Орел, а отсюда ведет в Москву или чрез Мценск, Тулу, Серпухов и Подол, или чрез Болхов, Белев, Лихвин, Калугу, Малый Ярославец и Боровск. Она проходит чрез Черниговскую, Курскую, Орловскую, Тульскую и Калужскую губернии, которые полагаются в числе плодороднейших в государстве. Калужская губерния не столь плодородна, как прочие, но взамен того содержит значительное число заводов и фабрик, распространяющих между обывателями довольство и благосостояние. Дорога из Киева проложена чрез необозримые равнины, пересеченные лесами, сначала частыми, но по мере приближения к Москве оные становятся все реже и реже, так что за городом Орлом уже токмо местами встречаются небольшие рощицы.

Мы говорили уже о путях, соединяющихся в Смоленске и делающих столь важным положение сего города. Дорога из Смоленска чрез Духовщину ведет в Белой. Дорога в Поречье далее направляется чрез Велиж в Усват, где и выходит на большую дорогу из Витебска чрез Великие Луки в С.-Петербург. Мы уже видели, что дорога чрез Оршу ведет также и в Минск, откуда можно идти чрез Вильно в Ковно, чрез Белицу в Гродно и чрез Несвиж в Брест-Литовский. Дорога, ведущая в Мстиславль, далее идет чрез Пропойск, Новую Белицу и Чернигов в Киев. Дорога, пролегающая чрез Рославль, ведет в одну сторону чрез Стародуб в Чернигов, а в другую чрез Брянск в Орел. Наконец, дорога из Смоленска в Дорогобуж продолжается чрез Вязьму, Гжать и Можайск на Москву. В Вязьме от главной дороги отделяются три другие — две на север и одна на полдень. Эта последняя проходит чрез Юхнов в Калугу. Две северные дороги ведут: одна чрез селение Настасьино в город Белой, а другая чрез Сычевку и Зубцов в Старицу, где, раздвоившись, выходит она в Торжок и в Тверь, лежащие на большой дороге из Москвы в С.-Петербург. Из Гжати равномерно отделяется дорога, которая, направляясь к северу, выходит между Сычевкой и Зубцовым на дорогу из Вязьмы в Старицу.

Печальные леса литовские, не простираясь за реку Днепр, оканчиваются не доходя Смоленска. От сего города в направлении к Москве страна, сделавшись открытее, состоит в полях, хорошо возделанных и пересеченных удобопроходимыми лесами средственной величины. По мере приближения к Москве красота и богатство земли постепенно увеличиваются. Сами французы сравнивали ее с наилучшими местами Франции и Германии. Здесь усовершенствованное земледелие успело преодолеть затруднения, которые свойство не весьма плодородной почвы против полагало успехам оного. Выше сего уже упомянуто о благосостоянии Калужской, Тульской, Орловской и Черниговской губерний, лежащих по южную сторону дороги из Смоленска в Москву. Тверская и Новгородская губернии, простирающиеся к северу от сей дороги, далеко не столь изобильны, как вышесказанные. Особенно Новгородская губерния,

большей частью покрытая лесами, озерами и болотами, представляет способы весьма ограниченные.

Москва есть средоточие всех сообщений государства. Семь главных путей, из нее выходящих, направляются во все стороны до самых отдаленных пределов России. Первый из сих путей чрез Можайск в Смоленск уже описан. Второй и третий пути ведут чрез Боровск в Калугу и через Серпухов в Тулу — о них также упомянуто, говоря о сообщении Киева с Москвой. Четвертый путь направляется чрез Бронницы, Коломну, Рязань и Тамбов в Астрахань. Пятый, пролегая чрез Богородск, Владимир, Нижний Новгород, Казань и Пермь, ведет даже внутрь Сибири. Шестой проходит чрез Переславль-Залесский, Ярославль и Вологду в Архангельск. Наконец, седьмой путь идет чрез Клин, Тверь, Торжок и Новгород в С.-Петербург.

Из всего вышесказанного следует, что города Митава, Вильно, Несвиж и Житомир суть четыре места, в коих пересекаются все главные сообщения пограничных губерний Российского государства. Но то неоспоримо, что, сколь бы велико ни было протяжение какой-нибудь границы, всегда находится токмо один решительный пункт, на коем необходимо нужно соединить армию, назначенную для ее обороны. В тогдашних обстоятельствах россиян сей пункт без сомнения был Вильно, ибо заранее можно было предвидеть, что неприятель, собиравшийся в Восточной Пруссии, не преминет направить громаду сил своих к сему городу. Впрочем, даже и в том случае, если бы неприятель по ошибке взял направление к Митаве, Российская армия, перейдя от Вильно к Шавли, получала возможность действовать на его сообщениях и оттеснить его в полуостров, составляемый западной частью Курляндии. Направление к Несвижу представляло столько же опасностей Наполеону, а потому не его бы искусству свойственно было зайти между Российской армией, владевшей промежутком рек Немана и Вилии и болотами Припяти, в которые он мог быть загнан после малейшей неудачи, претерпенной левым крылом его.

Еще менее того можно было ожидать, чтобы Наполеон обратил главные усилия свои на Житомир, ибо сей путь действий, кроме излишнего отдаления, представлял ему еще и другую важную неудобность: Российская армия, пользуясь временем, которое неприятель должен был употребить на сосредоточение сил к правому крылу своему, находившемуся в Люблине, могла перейти от Вильно к Пинску, и если бы неприятель продолжал движение свое к Житомиру, то вскоре нашелся бы запертым между Днепром, болотистыми лесами Припяти и Российской армией, которая, выступив из окрестностей Пинска, зашла бы ему в тыл через Ровно и Острог и овладела бы его сообщениями.

Движения, нами здесь означенные, ясно показывают неосновательность вообще почти всеми военными людьми принятого мнения, что граница, для обороны выгодная, должна быть стеснена. Слова, не у места употребленные, утвердили сей предрассудок. Конечно, труднее охранять все пункты линии слишком растянутой, нежели короткой, однако защита границы не в том состоит, чтобы не позволить неприятелю перейти ее в каком-либо месте, но дабы после сего перехода воспретить ему прочно утвердиться в стране, прикрываемой этой границей. Многие, не постигнув такового различия, смешали выгодное для таможенного кордона с тем, что должно быть полезно для армии, имеющей поручение оборонять страну. В самом деле, чем длиннее протяжение границы, тем удобнее можно действовать во фланги неприятельской армии, вторгающейся

чрез оную, и подвиг армии, обороняющей страну, облегчается по мере того, чем более находит она глубоких и, следственно, превосходных путей военных действий, ведущих во все стороны. Напротив того, когда граница стеснена, то армия, обороняющая ее, будучи затруднена в своих движениях, не может действовать во фланги неприятеля, не подвергаясь опасности быть самой сжатой между его армией и препятствием местоположения, стесняющим границу, и тогда она принуждена бывает к перпендикулярному отступлению, лишающему ее способов пользоваться удобными случаями возвратить области, которые на отступлении своем оставляет она неприятелю.

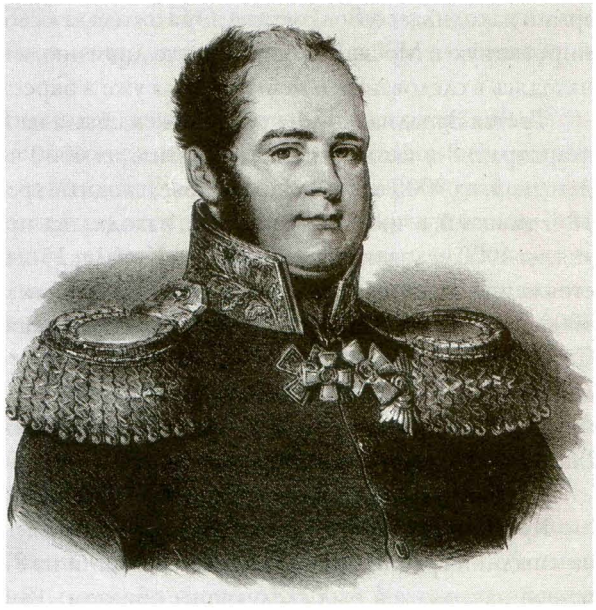
Россияне, в полной мере знавшие важность положения Вильно, соединили Главную армию свою в окрестностях сего города и даже сблизили к нему Вторую армию. Однако, отдавая полную справедливость рассудительному выбору пункта Вильно, должно признаться, что путь отступления, который, как то укрепленный лагерь при Дриссе показывал, назначено было направить из Вильно к сему лагерю, избран был не столь удачно. Сей путь, удалявший Первую армию от Второй, сверх того представлял еще и другую неудобность, ибо давал неприятелю способ предупредить Первую армию в важном занятии города Смоленска и стать между ней и плодородными южными губерниями. Кажется, выгоднее было бы отступать из Вильно к Минску, где Первая армия нашлась бы в тесной связи со Второй и на самом естественном пути своих действий, т. е. на средней дороге чрез Смоленск в Москву. События похода, к описанию которого приступаем, оправдают это замечание.

Глава III

Положение армий при начале военных действий. – Наполеон переходит реку Неман. – Отступление Первой Западной армии к реке Двине. – Отступление Второй Западной армии. – Укрепленный лагерь при городе Дриссе. – Первая армия отступает к Полоцку. – Император Александр отъезжает в Москву для приготовления новых вооружений внутри государства. – Первая армия продолжает отступление свое к Витебску. – Бой при местечке Островне. – Первая армия уклоняется к Смоленску. – Вторая армия отступает на Могилев. – Бой при деревне Салтановке. – Обе российские армии совершают соединение свое под Смоленском. – Наполеон останавливается в Витебске.

Прежде, нежели начнем повествование о происшествиях, ознаменовавших открытие похода, считаем за нужное напомнить читателю о положении, которое обе российские армии занимали в то время.

1-й отдельный корпус правого фланга под начальством генерал-лейтенанта графа Витгенштейна, в числе около 23 000 человек, находился при Россиене и Кейданах; авангард его под начальством генерал-майора Кульнева, состоявший из двух егерских полков, четырех гусарских эскадронов и двух казачьих полков с ротой легкой артиллерии, стоял при местечке Ераголе. 2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Багговута, из 16 500 человек, простирался правым флангом к реке Свенте, а левым упирался к реке Вилие, при селении Оржишках; авангард его под начальством генерал-майора Всеволожского, из одного гусарского полка, четырех егерских полков и роты конной артиллерии состоявший, занимал оба берега реки Вилии, впереди местечка Янова. 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Туч-



К. Ф. Багговут (1761–1812)

кова 1-го, из 18 500 человек, находился при городе Новых Троках; авангард же его под начальством генерал-майора князя Шаховского, состоявший из двух егерских полков, лейб-гвардии казачьего и еще другого казачьего полка и полуроты конной артиллерии, стоял при местечке Высоком Дворе. 4-й пехотный корпус генерал-адъютанта графа Шувалова, из 13 500 человек, был при Олкениках; авангард его под начальством генерал-майора Дорохова, из одного гусарского и двух егерских полков составленный, находился при Оранах. 5-й корпус под начальством Его Императорского Высочества цесаревича, из 20 500 человек, сосредоточивался на город Свенцаны. 1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Уварова, из 3000 человек, стоял при городе Вилкомире. 2-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа, из 4000 человек, был при Сморгонах. Войсковой атаман генерал Платов, с 7000 донских казаков, находился при Гродно. 6-й пехотный корпус генерала от инфантерии Дохтурова, отделенный от Второй армии для присоединения к Первой, находился при городе Лиде и состоял из 20 500 человек, включая в то число 3-й кавалерийский корпус, поступивший в состав пехотного корпуса. Авангард 6-го корпуса под начальством генерал-майора графа Палена 1-го, состоявший из двух егерских и двух гусарских полков с ротой конной артиллерии, находился при местечке Лебиоде. Все вышеупомянутые корпуса, в числе около 127 000 человек, составляли Первую Западную армию, главная квартира коей находилась в Вильно.

8-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Бороздина, из 15 000 человек, был у города Волковиска. 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Раевского, из 16 500 человек, стоял при местечке Новом Дворе. 4-й кавалерийский корпус генерал-майора графа Сиверса, из 3500 человек, находился у местечка Зельвы. Эти три корпуса составляли Вторую Западную армию, коей сила простиралась до 59 000 человек, включая в то число 4000 казаков, растянутых от Бельска до Бреста-Литовского. Главная квартира Второй армии находилась в Волковиске. Она ожидала к себе на подкрепление еще вновь сформированную в Москве 27-ю пехотную дивизию, в числе около 9000 человек, которая, находясь в следовании к ней, прибыла уже в окрестности Минска.

Третья Западная армия расположена была на Волыни, по дивизиям, в кантонир-квартирах: 8-я кавалерийская дивизия, из 4000 человек, стояла при Любомле; 18-я пехотная, из 7000 человек, в Мациове; сводные гренадерские батальоны от 9-й, 15-й и 18-й дивизий, в числе 3000 человек, находились при Ковеле; 5-я кавалерийская дивизия, из 4000 человек, также была при Ковеле; 15-я пехотная дивизия, из 6000 человек, стояла при Торчине; 9-я пехотная, из 6000 человек, у города Луцка; 36-я пехотная, из 4000 человек, у города Заслава; 11-я кавалерийская дивизия, из 2000 человек, у города Старого Константинова; 4000 казаков, растянутые от пределов Гродненской губернии до местечка Ягорлыка, что в Подолии на реке Буг, также принадлежали к Третьей армии, число коей, вместе с 3000 человек артиллерии, простиралось до 43 000 человек. Главная квартира ее находилась в Луцке.

Таким образом, во всех трех действующих армиях состояло около 217 000 человек.

Кроме войск, выставленных в первой линии, россияне, как уже сказано, имели на западной границе еще резерв, состоявший из 87 батальонов и 54 эскадронов. Сей резерв расположен был следующим образом: 18 батальонов, в числе 5600 человек, находились в Риге и Динаминде; 12 батальонов и 4 эскадрона, всего 3400 человек, в Митаве; 19 батальонов, в них 7000 человек, при Динабурге; 20 эскадронов, в числе

3200 человек, размещены были на временных квартирах по правую сторону реки Двины от города Валка до Невеля; 2 батальона, в обоих 500 человек, находились в городе Борисове; 18 батальонов, в них 5200 человек, были в Бобруйской крепости; 12 батальонов и 14 эскадронов, всего 5300 человек, стояли при городе Мозыре; 6 батальонов, в них 2500 человек, в Киеве и, наконец, 16 эскадронов, в коих было 1600 человек, стояли по квартирам на левой стороне реки Буга при Ольвиополе. Число всех войск второй линии вообще могло простираться до 35 000 человек. Мир, в апреле месяце заключенный с Портой Оттоманской, позволял еще располагать Молдавской армией, состоявшей из 72 батальонов, 80 эскадронов, 17 рот артиллерии и 14 казачьих полков, в коих, кроме казаков, считалось более 50 000 человек. Предводительство над этой армией, назначенной для вторжения в Италию, чрез Сербию, Боснию и Кроацию, вверено было адмиралу Чичагову.

М. Б. Барклай де Толли (1757–1818)

Сосредоточение главных сил неприятельских при городе Ковно, в стране, лишенной способов продовольствия, заставляло предполагать, что Наполеон не замедлит перейти реку Неман для нашествия на Россию. Главная российская армия, растянутая на слишком длинной линии, не в силах была воспрепятствовать сему нашествию: она не могла вводить порознь корпуса свои в дело против великой громады сил Наполеона без того, чтобы все виды к успеху не обратились на сторону неприятеля. Главнокомандующий Первой армией генерал Барклай де Толли рассудил справедливо, что он должен был уклоняться от сражения, пока не соединит все корпуса, составляющие его армию. Для этого назначил он общее сборное место при городе Свенцанах, пункте, почти в равном расстоянии отстоящем от местечка Кейдан, занятого оконечностью правого крыла Первой армии, и от города Лиды, к коему примыкало левое крыло оной; и все корпусные начальники получили предварительные приказания отступать по назначенному для каждого из них направлению, коль скоро начнутся военные действия. Граф Витгенштейн с 1-м отдельным корпусом должен был прийти в четыре перехода от Кейдан к местечку Солоку; генерал-адъютант Уваров с 1-м кавалерийским корпусом, также в четыре перехода, — от Вилкомира к Пелуше; генерал-лейтенант Багговут со 2-м пехотным корпусом, в четыре перехода, — от Оржишек к местечку

Колтынянам; генерал-лейтенант Тучков 1-й с 3-м пехотным корпусом, в четыре перехода, — от Новых Трок к Свенцанам; граф Шувалов с 4-м пехотным корпусом, в четыре перехода, — от Олкеников к Свенцанам; наконец, генерал-адъютант барон Корф со 2-м кавалерийским корпусом, в три перехода, — от Сморгони к местечку Константинову; генерал от инфантерии Дохтуров с 6-м корпусом должен был идти от города Лиды и местечка Ольшан двумя колоннами к Кобыльникам и Мядзиолу. Однако корпусным начальникам предписано было не прежде начинать это отступление, как по получении вторичного приказания из главной квартиры; одному только графу Витгенштейну позволено было начать движение по собственному его усмотрению в том случае, если бы неприятель обратил большие силы против его правого фланга или корпус Багговута принужденным нашелся податься назад. Генерал Платов с казаками получил приказание действовать во фланг и в тыл неприятельских корпусов, которые станут переправляться чрез реку Неман, а в подкрепление к нему назначен был генерал князь Багратион со Второй армией. Генерал Тормасов, предводительствовавший Третьей армией, получил повеление наблюдать движение неприятеля, и если сей обратит против него превосходные силы, то отступать к Киеву; напротив того, если неприятель не противопоставит ему больших сил, в таком случае он должен был идти к Пинску с частью своей армии, расположенной в окрестностях Луцка, дабы угрожать правому флангу неприятельских корпусов, которые действовать будут против князя Багратиона. В последнем случае генерал-лейтенант барон Остен-Сакен должен был оставаться при Старом Константинове с 36-й пехотной и 11-й кавалерийской дивизиями и некоторым числом казаков, дабы угрожать австрийской Галиции.

Между тем как в российской главной квартире в Вильно принимали эти меры, император Наполеон располагался к открытию похода. Он разделил все действующие силы свои, простиравшиеся почти до 500 000 человек, на три больших отделения. Сам он со своей гвардией, пехотными корпусами маршалов Даву, Удино, Нея и резервными кавалерийскими корпусами генералов Нансути, Монбрюна и Груши, всего с 250 000 человек, готовился стремительным нападением на центр Первой Западной армии уничтожить ее прежде, нежели успеет она сосредоточиться. Король Вестфальский с пехотными корпусами генералов Жюно, Понятовского, Ренье и резервным кавалерийским корпусом Латур-Мобурга, составлявшими громаду в 80 000 человек, должен был произвести то же движение против Второй Западной армии. Вице-королю Итальянскому со средней, также почти 80 000 армией, из собственного его корпуса и корпуса генерала Сент-Сира составленной, предписано было врезаться между двумя вышеупомянутыми российскими армиями, дабы пресечь взаимное их сообщение и не позволить им соединиться. Кроме этих трех больших армий, неприятель составил еще два отдельных боковых корпуса. На левом фланге маршал Макдональд почти с 30 000 корпусом своим должен был вступить в Курляндию, дабы, угрожая правому флангу россиян, вместе с сим показывать вид, что намеревается сделать покушение на город Ригу. На правом фланге князь Шварценберг с Австрийским вспомогательным также 30 000 корпусом получил назначение удерживать армию генерала Тормасова и заслонять от нее путь действий Главной Французской армии.

Обе противные армии, стоя одна против другой, с нетерпением ожидали повеления к открытию неприятельских действий. Что война неизбежна, в том никто уже не

сомневался, однако никакое всенародное объявление не возвестило еще оной. Наконец, Наполеон выдал 10 июня в императорской квартире своей в Вильковишках следующее воззвание:

Солдаты!

Начинается вторая война Польская. Первая кончилась под Фридландом и Тильзитом: в Тильзите Россия клялась иметь вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого объяснения в странных поступках своих, доколе орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Неужели почитает она нас переменившимися? Разве мы не те уже воины, которые сражались под Аустерлицем? Россия поставляет нас между бесчестием и войной, выбор не может быть сомнителен. Итак двинемся вперед. Перейдем Неман. Внесем войну в ее пределы. Вторая Польская война, точно как и первая, прославит оружие французское; но мир, который заключим мы, будет прочен и положит конец сему кичливому влиянию, которое Россия уже пятьдесят лет производит на дела Европы...

Неприятельские армии 11 июня занимали следующее положение: маршал Макдональд с 10-м корпусом из 31 000 человек стоял при Тильзите. Неаполитанский король, имевший под начальством своим генерала Нансути с 1-м кавалерийским корпусом из 13 000 человек и генерала Монбрюна со 2-м кавалерийским корпусом из 10 000 человек, находился против города Ковно и при местечке Пренах. Генерал Груши с 3-м кавалерийским корпусом из 7000 человек был у селения Кордаков, на дороге из Пильвишек в Ковно. Маршал Даву с 1-м корпусом из 83 000 человек находился перед Пильвишским лесом. Маршал Удино со 2-м корпусом из 47 000 человек, включая в то число кирасирскую дивизию Думерка, стоял позади 1-го корпуса. Маршалы Лефевр и Бессьер с гвардией из 55 000 человек расположились перед Вильковишками. Маршал Ней с 3-м корпусом из 43 000 человек — впереди Мариенполя. Генерал Гувион Сент-Сир с 6-м корпусом из 27 000 человек — впереди Олецка. Вице-король с 4-м корпусом из 52 000 человек — у самого Олецка. Генерал Латур-Мобург с 4-м кавалерийским корпусом из 7000 человек стоял против Гродно. Князь Понятовский с 5-м корпусом из 39 000 человек, генерал Ренье с 7-м корпусом из 18 000 человек и генерал Жюно с 8-м корпусом из 18 000 человек находились в окрестностях Новгорода на реке Нарев. Князь Шварценберг с Австрийским 30 000 корпусом приближался к Дрогичину на реке Буг.

Наполеон вознамерился не отлагать долее открытия похода, несмотря на то что его армии центра и правого крыла, остававшиеся сзади, не могли действовать единовременно с Главной армией. Он опасался потерять много времени в ожидании, пока вице-король и король Вестфальский войдут в линию с ним, и чрез то дать российским армиям удобность сосредоточить свои силы. Напротив того, поспешив со своей стороны нашествием, он надеялся воспользоваться разделением российских корпусов и сражаться с ними порознь. 11 июня в 2 часа пополуночи Наполеон прибыл на передовые посты свои против Ковно и, надев на себя шинель и шапку польского улана, в сопровождении инженерного генерала Гаксо осмотрел берега реки Немана, дабы назначить место для переправы.

Вследствие сего обозрения приказал он навести три моста выше Ковно, в колене, образуемом рекой Неманом, между Ковно и местечком Понемуни. В 10 часов пополудни прибыли к берегам Немана понтонеры под начальством генерала Эбле, и генерал Моран переправился чрез реку на судах с тремя волтижерными ротами своей дивизии, дабы прикрывать наведение мостов, которые тотчас спущены были на воду. Один из мостов поставлен был против кургана, находящегося по левую сторону деревни Лежи, а другие два — между этим мостом и местечком Понемуни, в 150 саженях один от другого. В 11 часов мосты были изготовлены, и корпус маршала Даву начал переправу, которая и произведена была беспрепятственно, ибо россияне имели на противном берегу только одни извещательные казачьи пикеты.

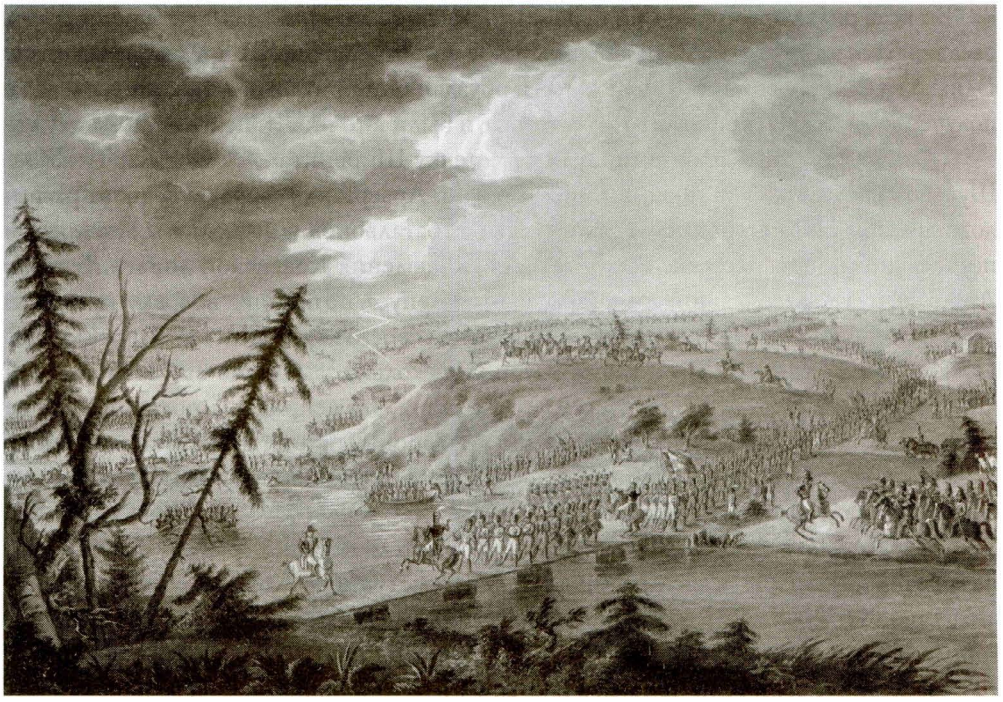
В половине второго часа пополуночи весь 1-й корпус был уже построен на правом берегу Немана. 12 числа в полдень генерал Пажоль со своей легкой кавалерийской бригадой и одним батальоном дивизии Морана оттеснил казаков и занял город Ковно. Под вечер Наполеон перевел туда главную квартиру свою и приказал поставить мост на реке Вилие. Маршал Даву, следуя вверх по Неману, прибыл в Румшишки, а король Неаполитанский с кавалерией расположился позади селения Якштан. 12 и 13 июня неприятельская армия продолжала свою переправу.

16 числа вечером кавалерия короля Неаполитанского, опередив 1-й корпус, протянулась до города Жижмор. Маршал Ней следовал к местечку Кормелову, а маршал Удино, перейдя реку Вилию, взял направление к Кейданам. 14 числа неприятель продолжал свое движение: Удино перешел в Ясвоин, Ней — в Скорули, а король Неаполитанский подвинулся к местечку Еве, гоня перед собой казачью цепь, которая, не будучи подкрепляема, без сопротивления уступила ему место.

Известие о переправе неприятельской армии чрез Неман пришло в российскую главную квартиру Вильно вечером 12 числа. Генерал Барклай де Толли, видя, что надлежало без потери времени сосредоточить свою армию, тотчас разослал ко всем начальникам корпусов приказания, дабы начинали отступать по данным заранее направлениям. В то же время отправлены были к генералу Платову и князю Багратиону курьеры с извещением, дабы начинали действовать сходно с предначертанием, которое прежде сего им сообщено было.

13 июня император Александр объявил войскам своим об открытии войны, следующим приказом:

Из давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений при всем Нашем желании сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши, но и тогда, лаская еще примирением, оставались в пределах Нашей империи, не нарушая мира, а будучи токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нами спокойствия. Французский император нападением на войска Наши при Ковно открыл первый войну. Итак, видя его никакими средствами не преклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды Всемогущего Творца небес, поставить силы Наши против сил



Вторжение наполеоновской армии в Россию
24 июня 1812 г.

неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим об их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, Свободу. Я с вами. На начинающего Бог.

АЛЕКСАНДР

Это воззвание в высочайшей степени возвысило дух в войсках, и без того уже горевших желанием сразиться с неприятелем[1].

[1] Народу объявлено было о войне следующим рескриптом его величества к главнокомандующему в С.-Петербурге фельдмаршалу графу Салтыкову:

Граф Николай Иванович! Французские войска вошли в пределы Нашей империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством престола и пользой моего народа. Все старания мои были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых с недавнего еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается мне иного, как поднять оружие и употребить все врученные мне Провидением способы к отраженью силы силою. Я надеюсь на усердие моего народа и храбрость войск моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственной им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное мое дело. Оборона отечества, сохранение независимости и чести народной принудило Нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем. Пребываю Вам благосклонный

АЛЕКСАНДР.

Вильно, июня 13, 1812 года.

Во всех рядах армии видимо было единственное желание: заставить неприятеля раскаиваться в том, что нарушил неприкосновенность священных пределов отечества. Однако в то время воинственный жар сей обуздан был приказаниями к отступлению, полученными из главной квартиры, которые и были в точности исполнены.

14 июня генерал Багговут прибыл к местечку Ширвинтам, а генералы Тучков и Шувалов соединились в позиции пред Вильно. Арьергард генерала Тучкова расположился при Новых Троках; отряд из четырех батальонов и нескольких эскадронов поставлен был при местечке Рыконтах для наблюдения Ковенской дороги. Генерал Дорохов, начальствовавший арьергардом 4-го корпуса, не получил вовремя приказа к отступлению, почему, не последовав за движением своего корпуса, остался при Оранах. Поскольку наступление Французской армии несколько замедлено было переправой чрез реку Неман, то генерал Барклай де Толли, видя, что неприятель показывался еще не в больших силах, вознамерился, со своей стороны, приостановить отступление. Вследствие сего генералы Багговут, Тучков и граф Шувалов получили предписание остановиться до нового приказания.

Граф Витгенштейн, известившись, что неприятель перешел границу, равномерно начал отступать, но, опасаясь, чтобы французы, выступив из Ковно, не предупредили его в Вилкомире, он условился с генералом Уваровым, дабы сей держался в означенном городе до его прибытия[1].

14 числа Витгенштейн пришел в Шаты, а 15-го — в Вилкомир. Арьергард его под начальством генерал-майора Кульнева, из четырех батальонов, четырех эскадронов и трех сотен казаков состоявший, с шестью орудиями занял пост при местечке Девелтове[2].

Того же числа маршал Удино прибыл в Шаты, а на другой день двинулся вперед. Авангард его, встретившись поутру при Девелтове с арьергардом генерал-майора Кульнева, отражен был огнем российской артиллерии. В полдень Удино со всем корпусом своим возобновил нападение. Кульнев, к коему между тем присоединился драгунский полк, присланный генерал-адъютантом Уваровым, хотел было еще держаться, но видя невозможность противостоять превосходным силам, на него напирающим, начал отступать к Вилкомиру. Неприятельская кавалерия быстро прошла чрез местечко Девелтово, в намерении преследовать россиян, но генерал Кульнев, вместо того чтобы поспешить с отступлением, решился стоять твердо, дабы дать время главному корпусу перейти за

---

[1] *Примечание переводчика.* Поскольку авангард 1-го корпуса, имевший сборное место при городе Россиен, легко мог быть отрезан неприятелем, следовавшим на Бейданы, то граф Витгенштейн предписал генерал-майору Бульневу, дабы спешил к нему на соединение только с четырьмя эскадронами гродненских гусаров. Остальным войскам авангарда, сделавшимся уже токмо боковым отрядом правого фланга и состоявшим из 24-го и 24-го егерских, Родионова 2-го и части Платова 4-го казачьих полков с легкой ротой № 9, под начальством полковника Властова дано было приказание направить отступление свое чрез город Поневеж, местечки Оникшты и Вижуны. Между тем вечером 12 июня собран был при местечке Жеймах отряд из 25-го егерского полка, двух сводных гренадерских батальонов 5-й пехотной дивизии, двух эскадронов Ямбургского драгунского волка и легкой роты № 27 под начальством генерал-майора Базачковского, который, следуя чрез местечко Шаты на Девелтово, прикрывал отступление 1-го корпуса.

[2] *Примечание переводчика.* По прибытии генерал-майора Бульнева к Девелтову составлен был новый арьергард из 23-го и 25-го егерских полков, четырех эскадронов гродненских гусаров в 300 казаков, с шестью орудиями конной роты № 3, всего из 3000 человек. Отряд генерала Базачковского, смещенный сим арьергардом, поступил в состав корпуса.

реку Свенту. Российская артиллерия и кавалерия целых два часа удерживали неприятеля; наконец, Кульнев, уведомившись, что граф Виттенштейн уже оканчивает свою переправу, опять начал отступать к Вилкомиру, что и произвел в совершенном порядке и не позволив ни разу себя расстроить. Будучи принужден преследовавшим его неприятелем перейти за реку Свенту, он оставил город Вилкомир по зажжении магазинов, в нем находившихся. В сей сшибке Кульнев потерял 60 человек убитых и 38 раненых. Неприятельский урон состоял в 50 человеках, выбывших из строя[13].

Я. П. Кульнев (1763–1812)

Первая встреча приносит много чести генералу Кульневу и его войскам, которые, неустрашась великого превосходства сил неприятельских, производили движения свои с хладнокровием и порядком. Граф Виттенштейн спокойно отступил к Перкале. Генерал Уваров взял то же направление. Неприятель только на три версты подвинулся за Вилкомир. Корпус генерала Багговута перешел от Ширвинт к Гедройцам.

Между тем как это происходило на правой стороне реки Вилие, Наполеон продолжал движение свое к Вильно. По приближении неприятеля генерал Барклай де Толли решился совсем отступить к Свенцанам. 16 числа в 4 часа пополуночи армия, снявшись с лагеря под Вильно, выступила тремя колоннами: 1-я, составленная из 3-й пехотной дивизии, перешла реку Вилию по Зеленому мосту и взяла направление через местечки Кальварию, Верки и Решу к селению Любову, при коем и остановилась. Арьергард ее состоял из 20-го егерского, лейб-гвардии Уланского и Тептарского казачьего полков с шестью орудиями конной артиллерии под начальством генерал-майора князя Шаховского. Вторая колонна, из 1-й гренадерской дивизии состоявшая, прошла чрез город Вильно и предместье оного Антоколь, далее чрез селения Тартак, Антовиль и, переправившись чрез реку Видно в Братанишках, остановилась у сего селения. Арьергард ее состоял из 21-го егерского, лейб-гвардии Казачьего и Каргопольского драгунского полков с шестью орудиями конной артиллерии. 4-й пехотный корпус составлял третью

[1] *Примечание переводчика.* По показанию французов, но у них зато было человек 90 пленных, между тем как с российской стороны не потеряно ни одного.

колонну, которая, пройдя чрез виленское предместье Остробраму в деревню Варжовку, прибыла к селению Копунж. Генерал-майор Дорохов со своим отрядом долженствовал составить арьергард этой колонны, но так как он не мог соединиться со своим корпусом, то движение генерал-адъютанта графа Шувалова прикрыто было одной сотней черноморских казаков. Главная квартира генерала Барклая де Толли перешла в Братанишки. Генерал Багговут отступил от Гедройцев к Окмянцам. Неприятель показался в то время, когда арьергард, находившийся при Рыконтах, готовился уже оставить это местечко. Наполеон, с нетерпением желавший овладеть г. Вильно, двинул вперед кавалерию короля Неаполитанского, поддерживая ее корпусом маршала Даву, но российский арьергард, по размене нескольких пушечных выстрелов с неприятельской легкой кавалерийской дивизией графа Брюера, отступил к городу и прошел через него в хорошем порядке. Князь Шаховской с арьергардом своим, перейдя реку Вилию по Зеленому мосту, зажег его. Магазины городские равномерно были сожжены. Дивизия Брюера, близко следовавшая за россиянами, заняла Вильно и преследовала арьергард средней колонны, отступавшей по большой дороге к Свенцанам. При Антокольском предместье завязалась сшибка, в коей неприятель потерял несколько человек пленных. Под вечер россияне отступили к Антовилю. Едва успели они выйти из Вильно, как город отправил к Наполеону депутатов для поднесения ему ключей. Французский император, в полдень вступивший в Вильно, тотчас приказал починить Зеленый мост с великой деятельностью, а по исправлении его часть неприятельской кавалерии, перейдя реку Вилию в 6 часов пополудни, атаковала князя Шаховского, стоявшего при Верках, который и отступил к Любову. Российская левая колонна была преследуема, однако граф Шувалов рассудил за благо оставить в 14 верстах позади Копунжи полковника Бистрома с четырьмя батальонами, шестью орудиями и сотней казаков для прикрытия обозов, еще не успевших пройти.

17 числа в 3 часа пополуночи Российская армия опять выступила. Левая колонна, перейдя реку Вилию в Брижах, прибыла к Повевиорк. Средняя колонна расположилась у Подбродья, а арьергард ее — при Юсине. Правая колонна отступила к Подубинкам, арьергард ее — к Скирлянам. Главная квартира переведена была в Боярели; 1-й корпус пришел к Покольне, а 2-й корпус — к Лобонарам и Мальзунам. 18 числа армия имела роздых, дабы дать время обозам очистить Свенцанскую дорогу, но 1-й и 2-й пехотные корпуса, продолжая отступное движение свое, прибыли: 1-й к Таурогинам, а 2-й к Колтыцанам. 1-й кавалерийский корпус, служивший связью между корпусами графа Витгенштейна и генерала Багговута, пришел к Антоломесту. 5-й корпус, составлявший резерв при городе Свенцанах, равномерно отступил к Старым Даугелишкам, дабы очистить место для войск, долженствовавших сосредоточиться под Свенцанами. 19 числа 3-й и 4-й пехотные корпуса и 2-й кавалерийский соединились на позиции в двух верстах впереди Свенцан. Арьергарды их оставлены были при селениях Люнине и Соре: 2-й пехотный корпус остался при Колтынянах, 1-й кавалерийский корпус пришел к Полуше, а 1-й корпус — к местечку Солок, оставив арьергарды свои при Таврогинах и Давгели.

Наполеон рассудил за благо остановиться в Вильно с гвардией своей, в ожидании прихода армии вице-короля Итальянского, которая, перейдя реку Неман 19 числа в

Пиланах, близ местечка Румшишек, следовала к Вильно. Прочие корпуса Главной Французской армии получили приказание продолжать свое движение. Маршал Удино взял направление от Вилкомира к Двине-реке. Король Неаполитанский с кавалерийским корпусом Монбрюна и пехотными дивизиями Фриана и Гюдена от корпуса маршала Даву должен был преследовать Российскую армию по дороге к Свенцанам. За ним в подкрепление шел корпус маршала Нея. Генерал Нансути с двумя дивизиями Брюера и Сент-Жермена своего кавалерийского корпуса и пехотной дивизией Морана от корпуса Даву послан был от местечка Неменчина к Михалишкам, дабы стараться отрезать 6-й пехотный корпус генерала Дохтурова и препятствовать соединению его с главными силами Российской армии. Маршал Даву с остальными своего корпуса дивизиями Дессе и Компана, легкими кавалерийскими бригадами Бордесульта и Пажоля и кирасирской дивизией Баланса от корпуса генерала Нансути пошел по дороге из Вильно в Ошмяны, дабы, следуя между армиями князя Багратиона и генерала Барклая де Толли, препятствовать соединению их и таким образом заступить место вице-короля Итальянского, который, оставшись слишком позади, не мог уже исполнить своего первоначального назначения. Генерал Груши со своим кавалерийским корпусом, взяв направление на Ольшаны, должен был содействовать движениям маршала Даву. Неприятельские боковые корпуса правого и левого флангов также ускорили движение, дабы войти в линию с Главной армией. Маршал Макдональд перешел реку Неман в город Тильзит 19 июня, а 18 числа прибыл в Россиену. Король Вестфальский перешел ту же реку 18 числа в Гродно; казаки генерала Платова, занимавшие этот город, отступили к Лиде. Князь Шварценберг не мог вступить в пределы российские раньше 21 июня, что и произвел, переправившись чрез реку Буг в Могильнице близ Дрогичина.

Французы с такой быстротой двинулись к Вильно, что 6-й пехотный корпус генерала Дохтурова и отряд генерал-майора Дорохова едва не были отрезаны. Генерал Дохтуров находился в Лиде во время перехода неприятельского чрез границу. Приказ к отступлению, полученный им из главной квартиры Вильно, побудил его сосредоточить свой корпус 15 июня при местечке Ольшанах. 16 числа продолжал он отступать двумя колоннами, из коих первая шла чрез Ошмяны и Соллы к Дунашеву, а вторая — чрез Куцевиче к Сморгони. 18 числа соединил он свой корпус при Дунашеве. Того же дня в 8 часов пополуночи генерал-майор Крейц с Мариупольским гусарским и Сибирским драгунским полками, прикрывавшими движение его со стороны Вильно, встретил в Ошмянах два неприятельских эскадрона и выгнал их из города. Пленные объявили, что эти эскадроны составляли передовые войска авангарда маршала Даву, почему генерал Дохтуров, видя, что неприятель идет с ним бок о бок, почувствовал необходимость поспешить со своим отступлением. 19 числа перешел он от Дунашева к местечку Свиру и посредством сего 42-верстного перехода успел опередить головы колонн, направленных неприятелем из Вильно в намерении пресечь его путь отступления. 20 числа генерал Дохтуров прибыл в Кобыльники, вступил в линию и в непосредственную связь с Главной армией, собравшейся под Свенцанами. Таким образом, сей генерал деятельностью своей обеспечил соединение 6-го корпуса с Главной армией.

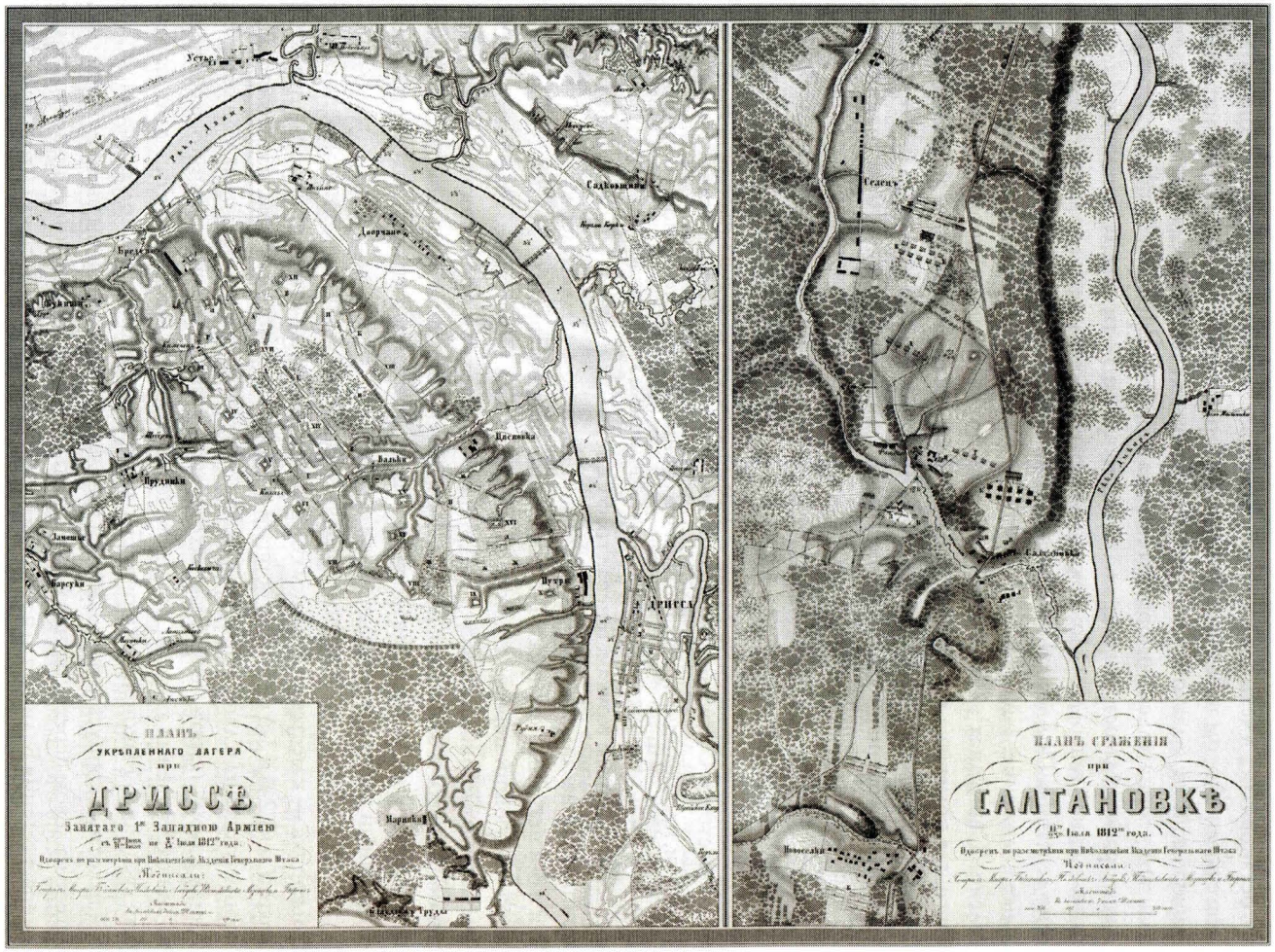
Генерал-майор Дорохов был не столь счастлив. Начальствуя авангардом 4-го пехотного корпуса графа Шувалова, находился он 12 июня вместе с резервом своим при

местечке Оранах, а остаток его войск, разделенный на малые отряды, содержал передовые посты от Даугжи до Марциканцев. По несчастному случаю приказ об отступлении, в то время по всем командам разосланный, не дошел до него. Тщетно ожидал он сего приказания целых двое суток, 13 и 14 июня, наконец, не получая никакого известия от 4-го корпуса и видя себя уже окрыленного неприятелем, подвинувшимся из Ковно к Вильно, генерал Дорохов решился 15 числа отступить к Олкеникам. На сем переходе получил он наконец приказание от главнокомандующего идти через местечко Рудники на Михалишки, но как Рудники были уже заняты неприятелем, то он и нашелся принужденным сделать большой обход. 17 числа Дорохов прибыл в Большие Солешники, где принужден был остановиться на несколько времени, дабы притянуть к себе две егерские роты, стоявшие в Марциканцах и еще не успевшие присоединиться к нему. 18 числа он атакован был двумя неприятельскими полками легкой кавалерийской бригады Бордесульта, которую маршал Даву отрядил по дороге к городу Лиде, однако опрокинул неприятеля и, пользуясь им, с безопасностью отступил к местечку Девенишкам. 19-го генерал Дорохов прибыл в Ольшаны и оттуда располагался идти далее через Кревы на Зашкевичи, но, узнав, что авангард маршала Даву уже занял город Ошмямы, начал опасаться, что он предупредит его в Зашкевичах, а потому и решился повернуть через Богданово на Воложинь. Об остальных движениях сего генерала упомянуто будет при описании действий Второй Западной армии князя Багратиона, к коей он принужден был присоединиться.

Главная российская армия 20 июня дневала при Свенцанах. Под вечер арьергард ее потревожен был неприятелем, который однако не успел одержать никакой поверхности. Прибытие 6-го корпуса в Кобыльники довершило сосредоточение Первой армии, так что в два перехода она могла быть беспрепятственно собрана при Свенцанах, в числе около 115 000 человек. Несмотря на сие, генерал Барклай де Толли справедливо рассудил, что благоразумие требовало не отваживаться на сражение с неприятелем, почти вдвое превосходящим его в силах, и он решился продолжать свое отступление к укрепленному лагерю при городе Дриссе, в коем надеялся соединиться со Второй армией и положить конец неприятельским успехам, противопоставив ему большую громаду сил. 21 числа 2-й и 3-й пехотные корпуса расположились при Старых Даугелишках, а 4-й и 2-й кавалерийские корпуса — при Мелигане. Арьергарды их оставлены были при Пошманах и позади Свенцан. 1-й кавалерийский корпус стал при Новых Даугелишках, а 5-й корпус отступил к городу Видзам. Главная квартира переведена была в Старые Даугелишки. Граф Виттенштейн пришел в Римшаны, а генерал Дохтуров — в Поставы. Колтынанские и свенцанские магазины были сожжены.

22 июня 2-й и 3-й пехотные и 1-й кавалерийский корпуса перешли реку Дисну при селении Кочергишках, заняли позицию у Видзы-Воловщизны, куда генерал Барклай де Толли перевел и главную квартиру свою. 4-й пехотный корпус вместе со 2-м кавалерийским расположились при Тверече. Арьергард под начальством генерал-адъютанта барона Корфе стал при Старых Даугулишках и Мелигане. Генерал Дохтуров прибыл в Козяны.

Того же дня неприятель, преследовавший Российскую армию, расположился: маршал Удино — в Аванте, маршал Ней — в Малятах, а король Неаполитанский —



Карта Дрисского лагеря.
1812 г.

в Свенцанах. Генерал Нансути, не могший предупредить генерала Дохтурова при местечке Свире, находился в следовании к Поставам.

23 числа 4-й пехотный и 2-й кавалерийский корпуса равномерно перешли реку Дисну, остановились в четырех верстах позади Твереча. 5-й корпус занял позицию между местечками Угором и Замоше. Российский арьергард имел при Даугелишках весьма жаркую сшибку с легкой кавалерийской бригадой генерала Сюберви, составлявшей авангард неприятельского корпуса генерала Монбрюна. Генерал Корф, отступив за реку Дисну, разломал мост, несмотря на огонь батареи о 30-ти орудиях конной артиллерии, поставленной генералом Монбрюном на правом берегу реки для воспрепятствования сему действию. Под вечер Российская армия опять выступила и 24 числа заняла следующее положение: 1-й отдельный корпус — у местечка Дрисвят, арьергард его — при селении Свинцанах[1]; 2-й и 3-й пехотные и 1-й кавалерийский корпуса — при местечке Опсе, где помещена и главная квартира; 4-й пехотный корпус — у Гайдуковщизны; 2-й кавалерийский — при Альбенгофе; 5-й корпус — при Иказни; а 6-й — у селения Новой Шарковщизны. Того же дня войска поднялись в поход в 10 часов пополудни, а 25 числа главная квартира прибыла в селение Бельмонт, при котором расположились 2-й и 3-й пехотные корпуса и 1-й кавалерийский; 1-й корпус стал при городе Браславе; 4-й пехотный — при Навлоках, а 5-й — у селения Милашева. Генерал Дохтуров с 6-м корпусом отступил к деревне Новы-Грады. Того же дня король Неаполитанский прибыл в местечко Опсу, где постепенно присоединились к нему маршал Ней и генерал Нансути, прошедший через Поставы и Козяны. 26 числа, после нового ночного марша, Российская армия еще сблизилась к реке Двине. 6-й корпус генерала Дохтурова пришел к селению Старым Крукам. Генерал граф Остерман, по случаю болезни графа Шувалова принявший начальство над 4-м пехотным корпусом, подвинулся к деревне Бассинее. 2-й и 3-й пехотные корпуса и 1-й кавалерийский поставлены были при Малявке. Главнокомандующий перевел главную квартиру свою в Перебродье. Граф Витгенштейн с 1-м корпусом прибыл к местечку Друе, где и нашел три моста, поставленные на реке Двине. Генерал-майор князь Репнин-Волконский с восемью батальонами, пришедшими из Динабурга, и тремя кавалерийскими полками резервных войск, составлявшими 4-тысячный корпус, находился у Придруйска.

27 числа 2-й и 3-й пехотные корпуса и 1-й кавалерийский пришли к Милашеву; 5-й корпус — к местечку Леонполю, а 4-й пехотный — в лагерь при городе Дриссе. На другой день 2-й и 3-й пехотные корпуса и 1-й кавалерийский прибыли к Леонполю, 5-й корпус отступил в лагерь при Дриссе. Граф Витгенштейн получил приказание перейти Двину в Друе и снять мосты, там находившиеся, за исключением одного, назначенного для отступления казаков 1-го корпуса, которых он должен был оставить на левом берегу Двины. Наконец, 29 июня, Первая армия соединилась под Дриссой. 2, 3, 4 и 5-й пехотные корпуса, равно 1-й и 2-й кавалерийские, помещены были в укрепленном лагере на левом берегу Двины. 1-й отдельный корпус расположился на правом фланге лагеря, у селения Балина, что на правом берегу реки, против местечка Леонполя. Корпус

[1] *Примечание переводчика.* Здесь присоединился к 1-му корпусу отряд полковника Властова, который, выступив из города Россиемы через Поневеж, 17 июня прошел в местечко Рагово, 19-го — в Вижуны, 20-го — в селение Будраны, что между Давгели Солока, 21-го — в Солок, 22-го — в Схольвы и 24-го — в Дрисвяты.

сей усилен был еще 4-тысячным отрядом князя Репнина-Волконского, находившимся прежде сего у Придруйска. 6-й пехотный корпус равномерно перешел на правый берег Двины и расположился на левом фланге укрепленного лагеря, на правом берегу реки Дриссы, у селения Прудников.

Неприятель только слегка тревожил последние переходы Российской армии, ибо главные силы авангарда короля Неаполитанского не проходили далее местечка Опсы, и один только маршал Удино продолжал движение свое к Динабургу.

Поскольку беспрерывное отступление от самого Вильно до Дриссы, производимое Российской армией, могло иметь опасное влияние на дух войск, то и надлежало ободрить их, представив им, что сие отступление сделано было только для сосредоточения разных корпусов, Первую армию составляющих. На сей конец император Александр издал на другой день следующий приказ, подписанный 27 июня, в день знаменитой победы Полтавской.

Русские воины! Наконец вы достигли той цели, к которой стремились. Когда неприятель дерзнул вступить в пределы Нашей империи, вы были на границе для наблюдения оной. До совершенного соединения армии Нашей временным и нужным отступлением удерживаемо было кипящее ваше мужество остановить дерзкий шаг неприятеля. Ныне все корпуса Первой Нашей армии соединились на месте предназначенном. Теперь предстоит новый случай оказать известную вашу храбрость и приобрести награду за понесенные труды. Нынешний день, ознаменованный Полтавской победой, да послужит вам примером! Память победоносных предков ваших да возбудит к славнейшим подвигам! Они мощною рукою разили врагов своих; вы, следуя по стезям их, стремитесь к уничтожению неприятельских покушений на Веру, Честь, Отечество и семейства ваши. Правду нашу видит Бог и ниспошлет на вас Свое благословенье.

АЛЕКСАНДР

В лагере при Дриссе.

Июня 27 дня 1819 года.

Наполеон, оставшийся в Вильно, старался сделать полезным пребывание свое в сем городе, учреждая внутреннее правление в Литве, которое уже более не существовало, поскольку россияне на отступлении своем вывезли из всех городов архивы и увели с собой гражданских чиновников. Французы учредили генеральное временное правление и назначили префектов и подпрефектов. Они помышляли также и об учреждении земской полиции. Для чего во всех округах назначено было составить жандармские эскадроны, а город Вильно выставил два батальона народной стражи (Gardee nationales). Наполеон, желавший сделать для себя сборное место (place d'armes) из сего города, приказал укрепить развалины древнего замка князей Литовских, лежавшего на горе на левом берегу Вилии, а на правом берегу сей реки устроить укрепленный лагерь, который бы имел сообщение с городом посредством пяти мостов. Комиссия генерального временного правления литовского предписала также набор шести пехотных и четырех кавалерийских полков, но последняя мера сия никогда не была совершенно исполнена. Поляки Герцогства Варшавского, упоенные успехами Наполеона, вообразили, что если он мог беспрепятственно достигнуть до Вильно, то Россия была уже совершенно низложена,

П. И. Багратион
(1765–1812)

и потому, не будучи остановлены неприличностью поступка, ими предпринимаемого, самовольно объявили восстановление Королевства Польского. После чего отправили они к Наполеону депутацию, дабы, уведомив его о сем происшествии, вместе с тем испросить и его покровительства, однако ж французский император, довольно сухо принявший сию депутацию, сделал ей двусмысленный ответ. Несмотря на то, временное правление литовское приступило к Варшавской конфедерации актом, обнародованным 2 июля, но жители бывших польских областей, не занятых неприятельскими армиями, были спокойны, ибо умели оценить сей акт по истинному достоинству оного.

Прежде, нежели приступим к описанию дальнейших действий Главной российской армии, кажется, прилично будет показать движения Второй армии.

Князь Багратион коль скоро узнал об открытии действий, то и начал сосредоточивать войска свои, дабы, сходно с данным ему предварительным предписанием, быть в готовности подкреплять казаков генерала Платова. Но в главной квартире уже отменено было предположение сделать диверсию в правый фланг и в тыл неприятеля; к тому ж Наполеон, прикрыв сей фланг армией короля Вестфальского, учинил таковое предположение вовсе неисполнимым. Вследствие сего генерал Барклай де Толли, выступая из Вильно, послал к генералу Платову и к князю Багратиону новые приказания. Первый должен был отступить из Гродно через города Лиду и Сморгони к Свенцанам, а князю Багратиону сообщено было, дабы старался не быть отрезанным от городов Минска и Борисова и для того немедленно перешел бы на правую сторону реки Щары. В вечер 16 июня Багратион выступил из Волковиска к Зельве. Генерал-адъютанту Васильчикову вверено было начальство над арьергардом, состоявшим из одного гусарского и одного уланского полков и всех казаков Второй армии, которые были еще расположены по границе и не могли присоединиться к нему иначе как в несколько переходов. В подкрепление же к арьергарду назначен был генерал-майор граф Воронцов, с его сводной гренадерской дивизией.

Князь Багратион намеревался продолжать движение свое к Минску, куда по данному маршруту и должен был прийти 25 июня, но 18 числа привез к нему в местечко Зельву

Его Императорского Величества флигель-адъютант полковник Бенкендорф новое повеление от государя, которое и заставило его переменить помянутое направление. Поскольку силы, обращенные Наполеоном против Первой российской армии, были числом несравненно превосходнее оной, то и сочтено за нужное соединить обе армии, дабы противопоставить неприятелю большую громаду сил. Вследствие сего Второй армии назначено было идти в лагерь при Дриссе, к коему и Первая армия равномерно готовилась взять направление. Дабы выполнить такое приказание, князь Багратион решился идти через Новогрудек на Вилейку.

19 июня главная квартира Второй армии переведена была в город Слоним, 20-го — в местечко Дворец, 21-го — в Новогрудек, а 22-го армия соединилась на берегу реки Немана, против местечка Николаева. Главнокомандующий приказал немедленно поставить мост у Николаева. Недостаток способов и вода, от необыкновенно сильных дождей высоко поднявшаяся в Немане, много сему препятствовали, однако, несмотря на то, успели поставить довольно порядочный мост, удобный даже для артиллерии. Тяжелый обоз должен был переправляться чрез Неман по другому мосту, поставленному выше, у деревни Колодзеной. 22 числа пополудни часть Второй армии перешла реку. На другой день должен был переправляться и остаток оной, но в ночи полученное донесение от генерала Платова заставило сделать еще новую перемену.

Генерал Платов оставил Гродно в ночь с 16 на 17 июня, и вследствие вышеупомянутого предписания пошел по дороге к городу Лиде. 17 числа прибыл он в Мильковщизну, 18-го — в Ищолно, а 19-го — в Лиду. По сожжении магазинов сего города располагался он продолжать движение свое по назначенному направлению на Сморгонь, но узнав, что неприятель в больших силах находился в окрестностях местечка Ольшаны, взял правее и 21 числа прибыл в Ивие. На другой день намеревался он перейти в Вишнев, но получив от разъездов своих донесение, что местечко сие уже занято было сильным неприятельским корпусом, решился идти в Бакшты в намерении следовать оттуда на Воложин, дабы соединиться там с отрядом генерал-майора Дорохова, который, как мы уже видели, в это время находился в Воложине. Пленные, взятые казаками в сшибках 21 и 22 числа, уведомили, что в Вишневе стоял маршал Даву со всем корпусом своим, силу коего показали они, в 60 000 человек. Платов немедленно известил о сем князя Багратиона.

Хотя французские корпуса, посланные против генерала Платова и князя Багратиона, далеко не были столь многочисленны, как сказывали пленные, однако они в самом деле занимали места, ими означенные. 22 июня маршал Даву прибыл в Вишнев, а генерал Груши, накануне находившийся в Трабах, подвинулся к местечку Субботникам. Наполеон весьма хитро поступил, разделив корпус маршала Даву, ибо через то привел россиян в недоумение. Князь Багратион тем скорее уверился, что имеет против себя 60 000 человек, что по прежним известиям сила корпуса маршала Даву долженствовала даже многим превосходить упомянутое число, между тем как в самом деле у сего маршала вместе с генералом Груши было не более 46 000 человек. Князь рассудил, что неблагоразумно было бы вступать в дело с превосходной в числе армией, проходя из Николаева к Воложину по весьма худым дорогам, проложенным через леса и болота и составляющим почти беспрерывные теснины, выходы из коих занимал неприятель. К тому же в

Маршал Груши
(1766–1847)

случае неудачи Российская армия не имела иного пути к отступлению, как по дурным мостам при Николаеве и Колодзиной, почему и подвергалась опасности быть совершенно истребленной на переправе через реку Неман. Причины столь важные побудили главнокомандующего отменить движение на Воложин и стараться достигнуть города Минска усиленными переходами через местечки Кореличи, Мир, Новый Свержень, Койданов.

23 июня утром войска, уже переправившиеся за Неман, возвратились на левый берег реки, и вся армия прибыла к Кореличам. Генералу Платову приказано было вместе с генерал-майором Дороховым держаться у Воложина до 26 числа, а потом отступить к Новому Сверженю через местечки Камень, Хатово и Столицы. Но приказание сие оказалось неисполнимым: генерал Дорохов еще 22 числа отступил в Камень, а 23-го сам маршал Даву прибыл в селение Вобровичи, вблизи Воложина. Кавалерийская бригада Пажоля, составлявшая его авангард, подвинулась в Першай, а кавалерийская бригада Бордесульта, назначенная для прикрытия его правого фланга, пришла в Бакшты. Генерал Платов, не имевший достаточных сил, чтобы вытеснить неприятеля из его позиций, начал отступать по дороге, взятой князем Багратионом.

24 июня Вторая армия пришла к местечку Миру. Князь Багратион намерен был в следующие дни продолжать движение свое к Минску, но донесение, от генерал-майора Дорохова полученное, снова расстроило его предположения. Дорохов писал, что его теснит неприятель, коего главные силы уже находились в окрестностях местечка Ракова. Князь, видя невозможность достигнуть Минска без сражения с неприятелем, счел за должное не подвергаться опасностям оного. Правда, что, соединившись с генералами Платовым и Дороховым, он мог противопоставить маршалу Даву армию, почти равную его силам, которую полагали в 60 000 человек, но в сражении, данном в таких обстоятельствах, выгоды, от победы полученные, были бы несравненно значительнее для неприятеля. Одержав поверхность, россияне только что совратили бы путь свой для соединения с Первой армией, а маршал Даву отступил бы к главным силам Французской армии через местечки Городок и Радошковичи или через Плещеницу и Докшицу, чему нельзя было воспрепятствовать. Напротив того, князь Багратион в случае потери сра-

жения не имел иного отступления, как по дороге из Несвижа через Новый Свержень, но сию дорогу мог пресечь король Вестфальский, ибо потеря времени, причиненная покушением россиян перейти реку Неман у Николаева, доставила ему возможность приблизиться ко Второй армии, которую назначено было ему преследовать. Причины сии побудили князя Багратиона избрать единственный путь к реке Березине, еще не занятый неприятелем, — чрез города Несвиж и Слуцк в Бобруйск.

25 числа 8-й пехотный корпус прибыл к Несвижу. Князь Багратион с остатком армии пошел к Новому Свержеию, дабы притянуть к себе отряд генерал-майора Дорохова, который под вечер и прибыл к сему местечку. 26-го вся армия соединилась при Несвиже. Того дня маршал Даву, продолжавший движение к Минску, занял сей город.

Князь Багратион решился остановиться на три дни в Несвиже, чтобы дать время артиллерийским паркам и обозам пройти к Слуцку и очистить сию дорогу, а между тем доставить некоторое отдохновение войскам своим, сделавшим без роздыха девять весьма утомительных переходов. Генерал Платов получил приказание стать у местечка Мира для наблюдения за неприятелем, который начал уже показываться в окрестностях Новогрудка.

Мы уже видели, что вестфальский король перешел реку Неман 18 июня в Гродно. В следующие дни продолжал он подвигаться к Белице, где вторично перешел Неман с пехотными корпусами генералов Жюно, князя Понятовского и резервным кавалерийским корпусом Латур-Мобурга. Корпус генерала Ренье, несколько отставший от прочих, следовал по левому берегу Немана. 26 числа, неприятельская кавалерия авангарда короля Вестфальского, показавшаяся при местечке Кореличах, прогнана была казаками опять к Новогрудку. 27-го вестфальский король прибыл в Новогрудек со всею армией своей, за исключением корпуса генерала Ренье, находившегося еще у Слонима. Того же дня Польская кавалерийская дивизия генерала Рознецкого, составлявшая его авангард, подвинулась к местечку Миру. Князь Багратион усилил генерала Платова двумя казачьими полками своей армии и послал к нему на помощь еще генерал-адъютанта Васильчикова с тремя кавалерийскими и одним пехотным полком. Сам он со сводной гренадерской дивизией и 7-м пехотным корпусом генерала Раевского был в готовности подкрепить свой авангард. Но казаки окончили дело еще до прихода генерала Васильчикова: три полка польской кавалерии под начальством генерала Турно, приблизившиеся к местечку Миру, были совершенно разбиты и прогнаны казаками с потерей 200 человек пленных. На другой день генерал Рознецкий, желая отмстить, выслал шесть полков своих, что и подало повод к блистательному кавалерийскому делу. Казаки, вспомоществуемые кавалерией генерал-адъютанта Васильчикова, еще раз успели опрокинуть поляков, претерпевших великий урон.

Князь Багратион охотно желал бы воспользоваться сим первым успехом, невероятно возвысившим дух войск его армии, дабы вступить в сражение с королем Вестфальским, коего силы мог предполагать почти равными своим силам, но он рассудил, что заводить дело с Иеронимом было бы гнаться за побочностью с упущением главного, ибо через то маршал Даву получил бы возможность предупредить его на реке Березине. Сверх того, к королю Вестфальскому каждый час мог присоединиться генерал Ренье, что и доставило бы ему чрезмерное превосходство числа над Второй российской армией. Но возвратимся к Первой армии.

Маршал Удино, прибыв 1 июля к Динабургу, немедленно атаковал предмостное укрепление, построенное россиянами на левом берегу реки Двины. Генерал-майор Уланов, занимавший Динабург с 2500 человек резервных войск, в продолжение целого дня с успехом оборонял помянутое укрепление. На другой день неприятель опять сделал несколько неудачных покушений к овладению оным. Поскольку по тогдашним обстоятельствам занятие Динабурга не представляло россиянам большой пользы, то они намеревались уже оставить сей пост, как вдруг маршал Удино, получив приказание соединиться с королем Неаполитанским, сам отступил от Динабурга в ночь с 3 на 4 число и пошел к местечку Опсе, где находился еще Иоахим со своим авангардом[1].

Граф Витгенштейн, приметив, что неприятель имел в Друе только одни кавалерийские пикеты, приказал генерал-майору Кульневу, начальствовавшему его авангардом, навести в ночь со 2 на 3 июля мост на Двине против сего местечка и, перейдя реку, атаковать неприятельские передовые посты. Кульнев переправился ночью и 3 числа утром двинулся из Друи к селению Чернову. В одной миле от Друи сделал он внезапное нападение на два кавалерийских полка дивизии генерала Себастьяни, разбил их совершенно и взял в плен генерала Сент-Женье и 143 человека. После сего успеха он спокойно возвратился за Двину[2].

---

[1] *Примечание переводчика.* Динабургский гарнизон состоял из десяти резервных батальонов и четырех эскадронов сводного гусарского полка под начальством генерал-майора Уланова. Маршал Удино, подступив 1 июля под Динабург, атаковал предмостное укрепление большей частью своего корпуса, однако, испытав весьма сильное сопротивление, был отбит и принужден отступить к деревне Калкумен. Между тем главнокомандующий Первой армией поручил графу Витгенштейну оборону Двины, дав ему предписание оставить Динабург, коль скоро неприятель в силах перейти реку по близости оного. Вследствие сего послан был туда начальник артиллерии 1-го корпуса генерал-майор князь Яшвиль, дабы управлять обороной и упразднением Динабурга. 9 июля неприятель снова атаковал предмостное укрепление, но без малейшего успеха. 3 числа он произвел столь же неудачное нападение, а в ночь на 4 число маршал Удино, получивший повеление соединяться с королем Неаполитанским, оставил окрестности Динабурга. Российский гарнизон, сделав вылазку против его арьергарда, занял деревню Балкумен и у местечка Езероса взял у него 80 человек пленных.

[2] Генерал-майор Кульнев со своим авангардом, состоявшим из казачьего Платова 4-го, Гродненского гусарского, 23-го и 25-го егерских полков с шестью батарейными и 12 легкими орудиями, начал переправляться 3 числа вместе с рассветом. Казаки первые перешли за Двину, тотчас напали на неприятельские передовые посты, занимавшие местечко Друю, и прогнали их к деревне Оникштам, у которой стояли Французский 11-й конноегерский и Польский 10-й гусарский полки, в числе 8 эскадронов. Российский авангард перешел мост, расположился вдоль речки Друйки, а казаки продолжали перестрелку с неприятелем, пока полковник Ридигер, прибывший к ним на подкрепление с четырьмя эскадронами гродненских гусаров, ударил на неприятеля и прогнал его к оврагу, находящемуся при деревне Литишки, за коим он опять построился в четыре колонны. Полковник Ридигер, видя, что за ним следуют остальные четыре эскадрона его полка, приближавшиеся развернутой линией, разделил бывшие при нем эскадроны на две части, обошел овраг, ударил в оба фланга неприятельской кавалерии и, опрокинув ее, принудил отступить в величайшем беспорядке к деревне Яги. Здесь неприятель снова построился на близлежащей высоте и, спешив часть своих конных егерей, составил из них стрелковую цепь. Несмотря на сие, гродненские гусары в третий раз атаковали неприятеля с фронта, между тем как казаки заехали ему во фланг, и неприятель, совершенно опрокинутый, преследуем был до селения Чернова. Пехота генерал-майора Бульнева оставалась на месте, дабы прикрывать действия своей кавалерии от главного неприятельского авангарда, стоявшего против российского укрепленного лагеря при Дриссе. По сделании полковником Ридигером предположенного обозрения генерал-майор Бульнев возвратился за Двину со всем авангардом своим, за исключением казаков, оставшихся на левом берегу реки. В сем блистательном кавалерийском деле, в коем Гродненский гусарский полк явил первый опыт той храбрости, которою не переставал он отличаться во все продолжение похода, урон с русской стороны состоял только в 12 человеках убитых и шисти офицерах и 57 рядовых раненых. Напротив того, неприятель потерял более 300 человек, выбывших из строя, не считая 144 человек, взятых в плен, в числе которых находился бригадный генерал Сент-Женье с тремя офицерами.

Лагерь, занимаемый Первой российской армией, укреплен был с большим тщанием и находился на левом берегу Двины, в колене, составляемом сей рекой между городом Дриссой и деревней Бредзиово. Протяжение дуги, образуемой сим коленом, содержало в себе 3900 сажен на хорде в 2600 сажен. Фронт лагеря защищаем был десятью редутами, расположенными по выпуклой черте длиной в 3200 сажен, которая обоими концами своими упиралась к реке, а в промежутках редутов построены были батареи. Каждый редут прикрыт был ложементом длиной в 100 сажен, расположенным в 60 саженях впереди оного. Впереди левого крыла лагеря находился болотистый лес, которым мог бы воспользоваться неприятель, почему часть леса была вырублена, а из поваленных деревьев в 190 саженях перед 6, 7, 8 и 9-м редутами (считая с правого фланга) сделана была засека с лишком в 1000 сажен длины и в 60 сажен ширины. Дабы еще увеличить оборону сей части лагеря, в промежутке 7-го и 8-го редутов построили большой люнет, имевший перешеек почти в 140 сажен и связанный с помянутыми двумя редутами посредством некоторого рода куртин длиной в 74 сажени. За срединой сего люнета, почти в 100 саженях от перешейка его, построили еще новый редут. Пять других редутов составляли вторую линию в расстоянии около 260 сажен от фронта первой линии, а в 400 саженях позади центра второй линии находился еще один редут. Большой люнет, равно как и почти все редуты, снабжены были палисадом, поставленным во рвах оных, а последние шесть редутов окружены тройным рядом волчьих ям, с острым колом в каждой яме. Сообщение лагеря с правым берегом Двины обеспечено было посредством четырех мостов, из которых два средние прикрыты были большим тенальным укреплением. Правый и левый мосты, отстоявшие от средних, первый — в 700, а последний в — 1000 саженях, также защищены были тенадьными укреплениями, но меньшего размера. Войска, занимавшие сей лагерь, распределены были следующим образом: в каждом из десяти редутов первой линии, равно как и в редуте, построенном позади большого люнета, находилось по одному пехотному батальону. Ложементы, построенные впереди редутов, также защищаемы были каждый одним егерским батальоном, кроме двух крайних по крылам лагеря, которые, будучи длиннее прочих, заняты были каждый двумя егерскими батальонами. Таким образом, 23 батальона употреблены были для охранения укреплений. Правое крыло армии, поставленное позади 1-го и 2-го редутов, простиралось правым флангом к самой реке и состояло из восьми батальонов в первой и четырех во второй линии. За ним в подкреплении находились восемь эскадронов драгун и девять эскадронов лейб-гвардии казачьего и Тептарского полков. 15 батальонов, построенные позади 3, 4, 5, 6 и 7-го редутов, составляли центр, а за ними во второй линии находилось 11 батальонов. Кроме того, центр подкрепляем был еще двумя линиями кавалерии, из которых первая состояла из 16 эскадронов драгун, а вторая также из 16 эскадронов гусар и улан. Первая линия левого крыла, состоявшая из восьми батальонов, расположена была позади 8, 9 и 10-го редутов. За ней во второй линии находились два батальона, восемь эскадронов драгун и восемь эскадронов улан. Резерв, расположенный позади редутов второй линии, имел в первой линии 13 батальонов, а на каждом из флангов второй линии, состоявшей из шести батальонов, находилось по восемь эскадронов кирасир, 132 орудия, расставленных на батареях между редутами, защищали доступ к позиции. 222 орудия оставались

Казаки.
1812 г.

в резерве. Из вышесказанного видно, что армия, запершаяся в лагере, состояла из 90 батальонов и 81 эскадрона. Сверх того, на правом берегу Двины, против правого фланга лагеря, поставлен был отряд из трех батальонов и пяти эскадронов с 12 пушками. Другой отряд, из четырех батальонов и пяти эскадронов с 12 пушками, расположен был также за Двиной, против левого крыла, позади города Дриссы. Сей последний отряд устроил в самом городе батарею о четырех орудиях, дабы сбоку оборонять левый фланг лагеря. Остаток армии, как уже сказано, находился на правом берегу реки, против местечка Леонполя и у селения Прудников, под начальством генералов графа Витгенштейна и Дохтурова[1].

Позиция, нами здесь описанная, несмотря на некоторые погрешности в самом расположении укрепления, была довольно крепка, однако не могла быть полезна для Российской армии. Она представила бы превосходный стратегический пункт в таком случае, если б Наполеон в самом деле вознамерился идти на Псков или в Лифляндию, но как он учинил на левом крыле своем один только вид нападения, а главную громаду сил своих обратил к правому крылу, то россияне и не могли оставаться долее при Дриссе, не подвергнувшись опасности быть обойденными с левого фланга и оттесненными в

[1] *Примечание переводчика.* 2-й пехотный корпус, подкрепляемый частью 1-го кавалерийского, составлял правое крыло; 3-й пехотный корпус, имевший за собой остаток 1-го кавалерийского и часть 2-го кавалерийского корпусов, стоял в центре; а 4-й пехотный корпус с подкреплением 2-го кавалерийского находился на левом крыле. 5-й пехотный корпус с 1-й кирасирской дивизией расположен был в резерве позади центра и частью за левым крылом. За рекою Двиной, против местечка Леонполя, стоял 1-й корпус, а у города Дриссы и селения Прудников — 6-й пехотный корпус.

Лифляндию и к морю с совершенной потерей всех сообщений своих с внутренними губерниями государства. Для избежания столь пагубных последствий положено было оставить лагерь при Дриссе и вверх по правому берегу Двины идти через Полоцк к Витебску. Направление сие было тем лучше избрано, что кроме выгоды сближения армии к важному среднему пути действий, проходящему через Смоленск на Москву, оно встречалось еще с путем, по которому должен был следовать князь Багратион, и таким образом облегчало столь желанное и необходимое соединение обеих армий. В окрестностях Дриссы оставлен был только один 1-й корпус генерал-лейтенанта графа Витгенштейна, в котором вместе с отрядом князя Репнина-Волконского состояло 25 000 человек. Граф Витгенштейн получил приказание прикрывать С.-Петербургскую дорогу и вследствие чего, действуя только оборонительно, не переходить за реку Двину. Но если бы неприятель начал теснить его превосходными силами, в таком случае путь отступления был назначен ему через Себеж и Псков на Новгород.

2 июля Первая армия, оставив лагерь при Дриссе, перешла за Двину-реку. 2-й пехотный корпус стал при деревне Покаевцах; 5-й корпус — при городе Дриссе, на правом берегу речки того же названия. 3-й и 4-й пехотные корпуса дошли до деревни Юстиновой, а 6-й пехотный корпус пошел к местечку Валынцам. Главная квартира находилась в Дриссе. 2-й и 3-й кавалерийские корпуса остались на левом берегу Двины для подкрепления передовых постов.

3 числа 2-й пехотный корпус соединился с 5-м, а прочие корпуса имели роздых. На другой день граф Витгенштейн сменил 2-й пехотный корпус при Покаевцах. Армия опять выступила[1] двумя колоннами: левая, состоявшая из 2-го и 5-го пехотных корпусов, остановилась при местечке Валынцах, а 3-й и 4-й пехотные корпуса, составлявшие правую колонну, пришли к селению Прудникам. Главная квартира переведена была в Прилуки; 6-й пехотный корпус расположился при деревне Костоломах; арьергард его, состоявший из 3-го кавалерийского корпуса, под начальством генерал-майора графа Палена 2-го перешел Двину при Дисне и стал на правом берегу реки против сего города[2]. Генерал-адъютант барон Корф со 2-м кавалерийским корпусом, перешел Двину при городе Дриссе, составив арьергард правой колонны.

5 июля левая колонна пришла к селу Саколищам, а правая — к деревне Барауху, куда генерал Барклай де Толли перевел и главную квартиру свою. 6-й пехотный корпус имел дневку. 6 числа армия прибыла к Полоцку и, пройдя сей город, расположилась лагерем на Витебской дороге. Главная квартира была переведена в Полоцк. 6-й пехотный корпус сменил правую колонну при Барауxе[3].

Опасение россиян в рассуждении левого крыла их оказалось основательным. Наполеон в самом деле предпринял обойти сие крыло громадой сил своих, а для исполнения сего намерения он поджидал только прибытия корпуса вице-короля Италианского. Сей последний пришел 22 июня в Новые Троки и через два дня получил от Наполеона повеление следовать на Докшицы, куда и прибыл 6 июля, проходя через Ошмяны, Сморгони и Вилейку. Маршал Мортье с частью гвардии выступил из Вильно 27 июня, а

---

[1] *Примечание переводчика.* Вверх по правому берегу реки Двины.

[2] Имея передовые посты на левом берегу Двины.

[3] 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, оставаясь при городах Дриссе и Дисне, составили арьергард армии.

4 июля пришел в местечко Глубокое. Остаток гвардии и Баварские войска, составлявшие корпус генерала Сент-Сира, следовали за маршалом Мортье на расстоянии нескольких переходов. Сам Наполеон прибыл в Глубокое 6 июля. Король Неаполитанский, узнав об оставлении россиянами лагеря их при Дриссе, равномерно выступил из местечка Опсы по дороге к Полоцку.

Его величество император Александр, оставив армию при Полоцке, изволил отъехать в Москву, дабы личным присутствием своим придать более деятельности вооружениям, производимым внутри государства. Наполеон вторгнулся в Россию с громадой сил, превосходнейшей той, которую полагали, что мог он употребить в дело, а от сего произошло, что Российская армия оказалась весьма малочисленной и для усиления ее надлежало прибегнуть к новым наборам. К тому ж необходимо нужно было составить сильные резервы для поддержания войны, которая могла сделаться продолжительной, ибо император Александр принял твердое намерение *не отлагать оружия, доколь не будет изгнан неприятель из пределов отечества.*

Высочайшим указом, данным в лагере при Дриссе, от 1 июля уже объявлен был рекрутский набор в губерниях Витебской, Могилевской, Подольской, Волынской, Лифляндской и Эстляндской по пяти человек с каждых 500 душ мужского пола, но как мера сия оказалась еще недостаточной, то его величество решился обратиться к верным подданным своим, объявив им о положении дел и о нуждах отечества. Первое воззвание к городу Москве было следующего содержания:

Первопрестольной столице Нашей Москве.

Неприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять любезное Наше отечество. Хотя пылающее мужеством ополченное российское воинство готово встретить и низложить дерзость его и зломыслие, однако ж по отеческому сердоболию и попечению Нашему о всех верных Наших подданных не можем оставить Мы без предварения их о сей угрожающей им опасности, да не возникнет из неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имея в намерении для надежнейшей обороны собрать новые внутренние силы, наипервее обращаемся Мы к древней столице предков Наших Москве, она всегда была главою прочих городов российских; она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру ее из всех прочих окрестностей текли к ней, наподобие крови к сердцу, сыны отечества, для защиты оного. Никогда не настояло в том вящей надобности, как ныне. Спасение Веры, Престола, Царства того требует. И так да распространится в сердцах знаменитого дворянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и Православная Наша церковь; да составит и ныне сие общее рвенье и усердие новые силы и да умножатся оные, начиная с Москвы, во всей обширности России! Мы не умедлим Сами стать посреди народа Своего в сей столице и в других государства Нашего местах для совещания и руководства всеми Нашими ополчениями, как ныне преграждающими пути врагу, так и вновь устроенными на поражение оного везде, где только появится. Да обратится погибель, в которую мнит он низринуть Нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России.

АЛЕКСАНДР

Июля 6 дня 1812. В главной квартире вблизи Полоцка.

Воззвание сие сопровождаемо было следующим манифестом:

Божию милостью Мы Александр I император и самодержец всея России и проч., и проч., и проч.

Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силой и соблазнами потрясти спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем ему в преграду войска Наши, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и кротость их твердую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных Наших подданных, что собранные им разнодержавные силы велики и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования. Сего ради при всей твердой надежде на храброе Наше воинство полагаем Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду Нашему Москве, а ныне взываем ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянина Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина. Благородное дворянское сословие! ты во все времена было спасителем отечества; Святейший синод и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ русский! храброе потомство храбрых славян! ты неоднократно сокрушало зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь весь: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют.

Для первоначального составления предназначаемых сил предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель.

В главной квартире вблизи Полоцка. 1812 года июля 6 дня.

АЛЕКСАНДР

Вслед за этими двумя воззваниями государь император изволил прибыть 11 июля в Москву, где и принят с чувствительнейшими изъявлениями верности и усердия. Опасность, угрожавшая государству, не только не привела россиян в уныние, но напротив того, еще воспламенила в них чувства народного честолюбия и любви к отечеству. Все сословия, искренно присоединившись к главе государства, изъявили чистосердечное желание и готовность свою на все пожертвования, каких только крайность обстоятельств могла потребовать. 15 числа дворянство и купечество московское приглашены были в Слободской дворец. Собрание сие внушало почтение как по спокойствию совещаний своих, так и по великости пожертвований, добровольно им определенных.

По прибытии в дворянскую залу генерал-губернатора московского графа Растоптчина государственный секретарь открыл собрание чтением высочайшего манифеста от 6 июля, и граф Растопчин пригласил дворянство принять действенные меры к обороне страны, дабы тем споспешествовать спасительным намерениям монарха. На сие один из членов собрания предложил сделать набор со всех поместьев дворянских по десяти человек со ста для составления внутреннего ополчения, и усердие, одушевлявшее сие знаменитое собрание, было столь велико, что, приняв немедленно и единогласно сделанное предложение, оно определило еще сверх того снабдить новонабранных ратников одеждой и провиантом и вооружить их по возможности. Купеческое сословие оказало столько же усердия. По прочтении высочайшего манифеста оно положило собрать со всех членов своих сумму, соразмерную с капиталом каждого, для вспомоществования внутреннему ополчению. Сверх того, многие купцы, изъявив желание сделать еще особенные приношения, просили позволения тотчас открыть добровольную подписку, не выходя из залы, и приступив к сему, скорее нежели в час времени собрали они более полутора миллиона рублей. Таково было расположение обоих сословий, когда государь по выслушании божественной литургии в дворцовой церкви изволил прибыть в дворянскую залу. Окруженный верными подданными своими, он беседовал с ними как отец с детьми, не скрыл от них, сколь велика была опасность, угрожавшая отечеству, но изобразив затруднительное положение государства, на которое неприятель учинил нашествие в столь чрезмерных силах, что Российская армия, несмотря на всю великость усердия своего, могла только замедлить, а не остановить его движение, вместе с тем изъявил столько доверия на любовь к отечеству своего народа и столь решительное намерение скорее употребить последние способы обширных владений своих, нежели отложить оружие, что надежда возродилась во всех сердцах, и россияне, увлеченные примером августейшего монарха своего, взирали уже на бедствия, угрожавшие им, как на необходимые средства с успехом в конец истребить неприятеля. Государь, известившись о мерах, принятых собранием обоих сословий, благоволил принять патриотические их приношения и изъявил дворянству благодарность свою, сказав с чувством умиления: *Я ожидал сего: вы совершенно оправдали мнение, которое я имел о вас.* Потом его величество вошел в купеческую залу и сему сословию равномерно изъявил удовольствие свое в весьма милостивых выражениях, произведших всеобщий восторг. Достопамятное утро сие никогда не изгладится из памяти жителей московских. История всех народов мало представляет примеров столь благородного и искреннего соединения государя с подданными. Слава монарху, умевшему ценить народ свой! Слава народу, сделавшемуся достойным доверенности своего государя!

Император Александр, не сомневаясь более, чтобы порыв любви к отечеству, изъявленный Московской губернией, не сообщился и прочим частям государства, рассудил за благо ограничить пожертвования их соразмерно настоящим нуждам государства и для этого повелел обнародовать следующий указ:

Божию милостью Мы, Александр I, император и самодержец Всероссийский, и проч., и проч., и проч.

По воззвании ко всем верноподданным Нашим о составлении внутренних сил для защиты отечества и по прибытии Нашем в Москву нашли Мы, к совершенному

удовольствию Нашему, во всех сословиях и состояниях такую ревность и усердье, что предполагаемые добровольно приношения далеко превосходят потребное к ополчению число людей. Сего ради, приемля таковое рвение с отеческим умилением и признательностью, обращаем Мы попечение Наше на то, чтобы, составя достаточные силы из одних губерний, не тревожить без нужды других. Для того учреждаем: 1) округа, состоящие из Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской губерний, примут самые скорые и деятельные меры к собранию, вооружению и устроению внутренних сил, долженствующих охранять первопрестольную столицу Нашу Москву и приделы сей округи; 2) округа, состоящие из Санкт-Петербургской и Новгородской губерний, сделают то же самое для охранения Санкт-Петербурга и пределов сей округи; 3) округа, состоящие из Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской, Вятской губерний, приготовятся расчислить и назначить людей, но до повеления не собирают их и не отрывают от сельских работ; 4) все прочие губернии остаются без всякого по оным действия, доколе не будет надобности употребить их к равномерным отечеству жертвам и услугам; наконец, 5) вся составляемая ныне внутренняя сила не есть милиция или рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение, устроенное из предосторожности, в подкрепление войскам и для надежнейшего охранения отечества. Каждый из военачальников и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее, даже не принуждается к переменам одежды, и по прошествии надобности, то есть по изгнании неприятеля из земли Нашей, всяк возвратится с честью и славой в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям.

Государственные, экономические и удельные крестьяне в тех губерниях, из коих составляется временное внутреннее ополчение, не участвуют в оном, но предоставляются для обыкновенного с них набора рекрут по установленным правилам.

В Москве. 1812 года июля 19 дня.

АЛЕКСАНДР

По принятия таких мер его величество изволил отъехать из Москвы в С.-Петербург, где высочайшим указом, обнародованным от 4 августа, повелел новый рекрутский набор по два человека со ста с удельных и казенных имений по всей империи и с помещичьих владений только в тех губерниях, которые не были приглашены к составлению внутреннего ополчения. Однако из сего набора исключены были губернии, объявленные в военном состоянии, также Псковская и Эстляндская губернии, во уважение тягостей, которые они должны были нести по причине близости своей к театру войны. Грузия равномерно освобождена была от рекрутства, а сибирским губерниям велено поставить только по пяти человек с 500 душ. Набор сей определено было начать 1 сентября и кончить к 1 ноября 1812 года.

Между тем как правительство принимало столь деятельные меры для составления многочисленных резервов внутри государства, мир, заключенный с Англией, возобновил прекратившуюся торговлю и через то опять открыл для России источник богатства, столь давно иссякший. Прекращение войны с Англией было необходимым следствием открытия неприятельских действий с Францией.

Теперь возвратимся к описанию военных действий. Генерал Барклай де Толли, приметив, что неприятель все тянется правым флангом, вознамерился и со своей стороны продолжать движение к Витебску, дабы предупредить тем французов.

7 июля 1-й кавалерийский корпус выступил из Полоцка к Витебску. На другой день последовала за ним вся армия: левая колонна пришла к селу Оболу Езуитскому, а правая колонна с главной квартирой — к селу Островлянам. 6-й пехотный корпус сменил армию при Полоцке. 2-й и 3-й кавалерийские корпуса подвинулись к Барауху[1].

9 числа генерал Барклай де Толли с правой колонной прибыл к сельцу Климову, левая колонна — к местечку Сиротину; 6-й корпус перешел к Островлянам, а арьергарды расположились в половине перехода позади сего корпуса[2].

На другой день левая колонна пришла к селу Погорельцам, правая с главной квартирой — в Старое Село; 6-й корпус — к сельцу Климову. Наконец, 11 числа армия прибыла к Витебску, в коем генерал Барклай де Толли и занял свою главную квартиру. 3, 4 и 5-й пехотные и 1-й кавалерийский корпуса перешли Двину, расположились на правом берегу речки Лучесы, по дороге в местечко Бышенковичи. 2-й пехотный и 2-й кавалерийский корпуса остались на правом берегу Двины, при городе Витебске. 6-й корпус пришел к Куриловщине. 3-й кавалерийский корпус остался в арьергарде, на малый переход позади 6-го корпуса.

Французы равномерно продолжали свои движения. 8 июля король Неаполитанский прибыл к городу Дисне с корпусом маршала Нея, дивизиями генералов Морана, Фриана и Гюдена от корпуса маршала Даву и кавалерийским корпусом генерала Монбрюна; сей последний перешел здесь Двину, сделал на правом берегу реки обозрение, удостоверившее неприятеля, что Российская армия уже прошла мимо Дисны. Генерал Нансути с двумя кавалерийскими дивизиями своими, составлявший авангард короля Неаполитанского, приблизился к Полоцку вверх по левому берегу Двины. Наполеон с гвардией своей прибыл к местечку Ушачу, а вице-король — к местечку Верхнему Березину. Генерал Сент-Сир с баварцами следовал в нескольких переходах позади гвардии.

9 числа вице-король подвинулся к Пышне, а 10-го пришел к местечку Камню. Маршал Удино, следовавший за королем Неаполитанским, прибыв к городу Дриссе, немедленно приказал срыть укрепления лагеря, а потом продолжал движение свое к Полоцку. Около сего времени получил он повеление оставаться у Полоцка для действий против корпуса графа Витгенштейна.

11 числа Наполеон с гвардией прибыл к Камню, а вице-король подвинулся к селению Бочейкову на реке Уле, где, узнав, что местечко Бешенковичи занято было отрядом российской кавалерии, послал туда авангард свой с легкой кавалерией. Российский отряд возвратился на правый берег Двины еще до прихода сего авангарда.

Генерал Барклай де Толли начал опасаться, чтобы неприятель не бросился всей громадой в промежуток Днепра и Двины для препятствования соединению обеих российских армий, почему и решился предупредить его, потянувшись через город Бабиновичи прямо к Орше. В то же время писал он к князю Багратиону, приказывая ему

---

[1] *Примечание переводчика.* Все обозы и артиллерийские парки следовали к Витебску по третьей дороге, через Козяны и Городок.

[2] *Примечание переводчика.* Имея посты свои при Дисне.

именем государя императора, чтобы пробивался со Второй армией к Орше и для сего напал бы со своей стороны на правый фланг неприятеля, который не мог быть в силах на сем пункте, ибо большая часть его войск собиралась против Первой российской армии. Поскольку вся страна окрест Бабиновичей уже наводнена была неприятельскими партиями, то генерал Барклай де Толли отрядил 12 июля генерал-майора Тучкова 4-го с двумя егерскими полками, 12 эскадронами кавалерии, одним казачьим полком и шестью орудиями конной артиллерии, предписав ему, чтобы очистил дорогу к Бабиновичам и находился бы в сообщении[1] с отрядом генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, посланным к городу Сенно.

Того ж 12 июля вице-король со всем корпусом своим прибыл к Бешенковичам, где и нашел уже генерала Нансути, пришедшего из местечка Улы. Вице-король приказал немедленно поставить мост на Двине при Бешенковичах, но Баварская легкая кавалерийская бригада генерала Прейсинга, между тем подоспевшая, не дожидаясь окончания сего моста, перешла Двину вброд, дабы учинить обозрение, которое Наполеон, вскоре засим лично прибывший на правый берег реки, приказал произвести верст за восемь от Бешенковичей, в направлении к деревне Куриловщине, все еще занятой генералом Дохтуровым. Поскольку сие обозрение удостоверило Наполеона, что он еще не миновал левого фланга Российской армии, главные силы коей уже прошли к Витебску, то и вознамерился он продолжать движение свое по левому берегу Двины. Того же вечера генерал Нансути со своими двумя кавалерийскими дивизиями и полком легкой пехоты подвинулся к селению Будилову; гвардия и корпуса маршала Нея и вице-короля расположились впереди Бешенковичей, где Наполеон занял свою квартиру.

13 числа рано утром генерал Барклай де Толли отрядил к местечку Островне генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова с 4-м пехотным корпусом, одной драгунской бригадой, лейб-гвардии Гусарским и Сумским гусарским полками и ротой конной артиллерии, дабы сколь можно долее задержать неприятельский авангард и через то дать время генералу Дохтурову присоединиться к армии. В 6 часов утра граф Остерман-Толстой встретил у корчмы Комары[2] первые ведеты неприятельские, которые и были опрокинуты. Два эскадрона лейб-гусар с полуротой конной артиллерии, составлявшие авангард графа Остермана-Толстова, бросились преследовать их с излишней запальчивостью, почему, встретившись при местечке Островне с превосходными силами, прогнаны были к своей пехоте, оставив в руках неприятельских все шесть орудий. Граф Остерман-Толстой, узнав о сем беспорядке, отрядил вперед Сумской гусарский полк, который и успел удержать французов до прибытия своей пехоты. Российский генерал, подойдя за две версты к Островне, увидел перед собой главные силы корпуса генерала Нансути под личным предводительством короля Неаполитанского. Он тотчас построил 11-ю пехотную дивизию генерал-майора Чоглокова в развернутом боевом порядке по обе стороны большой дороги; 23-я пехотная дивизия генерал-майора Бахметева, построенная в батальонных колоннах, составила вторую линию. В сем порядке 4-й корпус приближался к Островне, к тому месту, где большая дорога круто

[1] *Примечание переводчика.* Генерал-майору Тучкову 4-му приказано было остановиться в селе Таховке, имея посты в Сриднове, Бабиновичах и Любавичах.

[2] *Примечание переводчика. В* 12 верстах от Витебска.

А. И. Остерман-Толстой (1771–1857)

поворачивает направо, и расположился между двумя лесами. Неприятель занимал высоты позади Островны, а между сим местечком и деревней Александровой поставил до 10 тысяч кавалерии с многочисленной артиллерией. Король Неаполитанский выслал вперед кирасирскую дивизию генерала Сент-Жерменя, построил ее побригадно для подкрепления легкой кавалерийской дивизии генерала Брюера, находившейся в первой линии. Тогда началась с обеих сторон весьма сильная канонада, и в то же время Ингерманландский драгунский полк, отряженный для взятия неприятеля во фланг, показался против оконечности его правого крыла, но Французская кавалерийская бригада, составлявшая сие крыло, сделав перемену фронта направо, атаковала российских драгун и, опрокинув их, взяла до 200 человек пленных. Почти в то же время генерал Орнано, с другой кавалерийской бригадой дивизии Брюера хотевший атаковать по большой дороге, отражен был огнем российской пехоты. Король Неаполитанский имел на левом фланге своем небольшой лес, куда и послал пехотный полк, при нем находившийся. Приметив такое движение, три батальона российских отделились от левого крыла в намерении атаковать сей полк, но неприятельская кавалерия, перед которой они должны были проходить, принудила их возвратиться в свою линию. Граф Остерман-Толстой надеялся еще принудить неприятеля к отступлению, обойдя его с правого фланга, и для того послал несколько батальонов через лес, находившийся у него в левой стороны. В то же время другие два батальона выступили из леса, на правом фланге лежащего, вероятно, в намерении развлечь внимание неприятеля, но сии последние батальоны были атакованы и опрокинуты полком польских улан. Два батальона, прежде прочих выступившие из левого леса, будучи атакованы неприятельской кавалерийской бригадой, претерпели ту же участь. Однако ж сия неудача не остановила бы движения россиян на сем крыле, если б неприятель не получил подкрепления. Вице-король Итальянский, имевший назначение поддерживать короля Неаполитанского, узнав, что он вступил в дело с россиянами, поспешил к нему на помощь. Пехотная дивизия генерала Дельзона, следовавшая впереди, по приходу к месту сражения тотчас послана была вдоль Двины, против правого

Битва у Островно
25 июля 1812 г.

крыла россиян. Граф Остерман-Толстой, имевший у себя около 11 000 человек, и без того уже несколько часов выдерживал бой против 9000 кавалерии и 2000 пехоты, находившихся под предводительством короля Неаполитанского; приметив движение дивизии Дельзона, он не счел за должное продолжать сражение против сил, которые через присоединение сего подкрепления сделались вдвое превосходнее его корпуса, а потому и отступил в хорошем порядке к опушке леса, лежащего верстах в трех от Островны. Король Неаполитанский занял квартиру свою в сем местечке. Вице-король с главными силами своего корпуса остался при селении Сорице.

В ночь с 13 на 14 июля генерал Барклай де Толли послал вперед генерал-лейтенанта Коновницына с 3-й пехотной дивизией и 1-м кавалерийским корпусом, дабы, притянув к себе войска графа Остермана-Толстова, сменить его. Генерал Коновницын занял на рассвете позицию при корчме Печанке[1].

Остерман-Толстой, отступив за него, стал при корчме Добрейке. 14 числа утром король Неаполитанский, получивший от Наполеона приказание сделать сильное обозрение, двинулся вперед с кавалерийским корпусом генерала Нансути и пехотной дивизией генерала Дельзона. В 10 часов пополуночи прибыл он к позиции генерала Коновницына, который стоял позади глубокого оврага, имея на левом фланге своем весьма густой лес. Король тотчас приказал дивизии Дельзона атаковать его. Генерал Гюар с двумя полками[2] пошел против правого фланга россиян, а генералу Русселю с

[1] *Примечание переводчика.* В 17 верстах от Витебска.

[2] *Примечание переводчика.* С 8-м легким и 84-м линейным пехотными полками.

92-м полком и батальоном вольтижеров приказано было пробраться через большой лес в обход левого фланга их позиции. 106-й полк, поддерживаемый всей кавалерией генерала Нансути, за исключением одной бригады, посланной вдоль правого берега Двины, остался в резере перед фронтом россиян. Генерал Гюар принудил податься назад батальоны, им атакованные, но правое крыло французов, остановленное затруднением вытеснить россиян из леса, не могло иметь таких быстрых успехов, как на левом фланге; пользуясь сим, генерал Коновницын обратил весь резерв свой к правому флангу. Генерал Гюар был окрылен, опрокинут и преследован российскими батальонами за овраг, но кавалерийская атака, сделанная по приказанию короля Неаполитанского, принудила их возвратиться в свою позицию. Наконец, генерал Руссель, овладев большим лесом, выступил из него в левый фланг россиян, и левое крыло французов, усиленное 106-м полком, опять начало одерживать поверхность. Тогда генерал Коновницын приказал отступать, что и произведено было в наилучшем порядке из одной позиции в другую, до деревни Комарки, при которой российский генерал устоял до 5 часов вечера. С отрядом от 8 до 9 тысяч пехоты и до 3000 кавалерии держался он целый день против неприятельского корпуса, состоявшего из 12 000 пехоты и более 7000 кавалерии. У Комарок присоединился к Коновницыну генерал-лейтенант Тучков 1-й, отряженный главнокомандующим на подкрепление к нему с 1-й гренадерской дивизией графа Строганова. Генерал Тучков как старший по службе принял начальство над всем корпусом и продолжил отступление.

Неприятельская кавалерия преследовала россиян до корчмы Добрейки, при которой генерал Тучков соединился с графом Остерманом-Толстым. Наполеон, лично прибывший к концу сражения, занял квартиру свою в деревне Куковячах. Король Неаполитанский и вице-король ночевали у корчмы Добрейки.

Потеря россиян в обоих сражениях простиралась до 2500 человек, выбывших из строя. Между прочими 13 числа был убит генерал-майор Окулов. Со стороны французов также убит был генерал Руссель, урон их убитыми и ранеными долженствовал быть весьма значителен, и сверх того взято у них 300 человек пленных.

Поскольку бои, 13 и 14 июля происходившие, показали, что неприятель в больших силах находился в окрестностях местечка Островны, то генерал Барклай де Толли и рассудил, что не может уже произвести предположенного им движения к городу Орше, не подвергнув большой опасности своего правого фланга. С другой стороны, он не мог более отступать к Поречью или Суражу, не отказавшись совершенно от соединения с князем Багратионом, которому сам назначил направление к Орше. В такой крайности Барклай де Толли принял дерзостное намерение дать сражение, несмотря на чрезмерную малочисленность сил своих в сравнении с неприятельскими. В Российской армии считалось не более 82 тысяч человек под ружьем, между тем как в армии Наполеона, состоявшей из его гвардии, корпусов маршала Нея, вице-короля Итальянского, трех пехотных дивизий корпуса маршала Даву и резервных кавалерийских корпусов генералов Нансути и Монбрюна, было не менее 190 тысяч человек, даже и в том предположении, что она потеряла десятую часть своих людей после перехода через реку Неман.

Позиция, занятая Российской армией в ночь с 14 на 15 число, дабы принять сражение, простиралась вдоль правого берега речки Лучесы, почти параллельно с большой дорогой в Бабиновичи. Село Белево, занятое главной квартирой, находилось между

линиями войск. Генерал-лейтенанты граф Остерман-Толстой и Коновницын в ту же ночь присоединились к армии. На смену их послан был на левый берег Лучесы новый арьергард, составленный из восьми батальонов пехоты, всей легкой регулярной кавалерии, бывшей при армии, и двух казачьих полков. Генерал-майор граф Пален 1-й, начальствовавший сим арьергардом, получил приказание наводить неприятеля на позицию, занимаемую армией.

Н. А. Тучков
(1765–1812)

Генерал Барклай де Толли сделал уже все распоряжения свои к сражению, как вдруг прибытие адъютанта от князя Багратиона переменило его намерение. Князь писал, что не мог пробиться к Могилеву, он нашелся принужденным перейти Днепр, дабы взять направление к реке Сожи. Вследствие сего известия намерение дать сражение, принятое единственно с тем, чтобы не потерять сообщений своих со Второй армией, которую предполагали уже при Орше, было оставлено, и Барклай де Толли решился отступить к городу Поречью, дабы иметь всегда возможность предупредить неприятеля у Смоленска.

15 числа под вечер армия выступила тремя колоннами: правая под начальством генерала Дохтурова, из 5-го и 6-го пехотных корпусов составленная, направилась по дороге к местечку Лиозне и прибыла к деревне Кролиовой. В арьергарде за ней следовал 3-й кавалерийский корпус под начальством генерал-майора Шевича. Средняя колонна, состоявшая из 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Тучкова 1-го, пошла к селу Веледичам, имея в арьергарде генерал-адъютанта барона Корфа со 2-м кавалерийским корпусом. Главная квартира также переведена была в Веледичи. Левая колонна из 2-го и 4-го пехотных корпусов следовала по большой дороге к селу Гапоновщине. Все сии движения, под вечер произведенные, прикрываемы были главным арьергардом генерал-майора графа Палена 1-го.

С самого утра граф Пален атакован был вице-королем Итальянским. Пехотная дивизия генерала Брусье, поддерживаемая кавалерийской дивизией генерала Брюера, составляла передовые войска неприятельского авангарда. Граф Пален отступал медленно, сильно оспаривая каждый шаг земли. Подходя к речке Лучесе, остановился он на позиции, протянувшись правым флангом к реке Двине, против Маркова монастыря, а левым упершись к лесу. Генерал Брусье наступал на него, построив полки свои в двойное

каре, расположенное уступами, однако ж не мог сбить его. Французский конноегерский полк, показавшийся на равнине против правого фланга россиян, опрокинут был лейб-гвардии казаками, быстро ударившими на него с помощью сумских гусар под покровительством огня скрытой батареи, позади нескольких зажженных домов расположенной. Сия батарея, поставленная на высоте возле большой дороги, била во фланг неприятельской кавалерии, вышедшей на луга, около Двины лежащие, и тем много способствовала успеху блистательных атак, произведенных кавалерией графа Палена.

Вице-король, видя, что генерал Брусье, несмотря на превосходство сил своих, не мог одолеть россиян, принужден был призвать еще пехотную дивизию генерала Дельзона и приказал ей тянуться с правого своего фланга. Граф Пален, которому сей маневр угрожал обходом с левого фланга, отступил за Лучесу. Французская армия построилась на левом берегу сей речки. Пехотные корпуса маршала Нея и вице-короля составили первую линию; гвардия, три пехотные дивизии корпуса маршала Даву и кавалерийский корпус генерала Нансути, расположились во второй и третьей линиях. Кавалерийский корпус генерала Монбрюна находился на правом берегу Двины, близ Витебска.

16 июля Российская армия продолжала свое отступление. Левая колонна прибыла к местечку Яновичам, главнокомандующий со средней колонной — к местечку Колышкам, а правая колонна — к Лиозне[1].

Необыкновенное искусство, с коим граф Пален накануне прикрывал отступление армии, позволило ей произвести сие движение в столь удивительном порядке, что французы, потеряв следы ее, несколько времени находились в совершенной неизвестности о направлении, взятом россиянами. Наполеон принужден был делать распоряжения свои наугад, в том предположении, что генерал Барклай де Толли не мог отступить иначе как к Смоленску, дабы стараться войти в соединение с князем Багратионом. Вследствие сего три пехотные дивизии корпуса маршала Даву получили приказание идти по дороге к Бабиновичам, на соединение с остатком своего корпуса. Корпус маршала Нея двинулся через Белиово к Веледичам. Наполеон с гвардией занял город Витебск. Король Неаполитанский с кавалерийскими корпусами генералов Нансути и Монбрюна и одним батальоном легкой пехоты преследовал арьергард графа Палена по большой дороге в Поречье. Корпус вице-короля Итальянского назначен был для поддержания короля Неаполитанского. Граф Пален, медленно и в наилучшем порядке отступавший из одной позиции в другую до Гапоновщины, скрыл при сем селении засаду, которая и успела совершенно разбить семь эскадронов, составлявших передовые войска неприятельского авангарда. Король Неаполитанский и вице-король остановились при Гапоновщине.

17 числа левая и средняя колонны Российской армии соединились при городе Поречье, в который переведена была и главная квартира. Генерал Дохтуров должен был идти туда же, но главнокомандующий, уведомившись, что неприятель обратил значащие силы к Смоленску, приказал Дохтурову следовать прямо к сему городу, дабы прикрыть сей пункт, тем важнейший, что потеря оного замедлила бы соединение обе-

[1] *Примечание переводчика.* Главный арьергард графа Палена отступил частью через Витебск и частью мимо сего города на Поречинскую дорогу вслед за левой колонной.

их российских армий на неопределенное время. Вследствие сего Дохтуров перешел к местечку Рудне. Король Неаполитанский со своей кавалерий и пехотной дивизией генерала Брусье продолжал преследовать графа Палена по дороге к Поречью. Вице-король Итальянский с остатком своего корпуса прибыл в город Сураж. Поскольку неприятель сильно теснил графа Палена, то генерал Барклай де Толли и подкрепил его 2-м кавалерийским корпусом.

Город Смоленск, сделавшись целью, к коей стремились обе противодействующие стороны, занят был небольшим корпусом под начальством генерал-адъютанта барона Винцингероде, составленным из 17 батальонов и восьми эскадронов, взятых из рекрутских депо городов Белого, Вязьмы, Ельни и Рославля. Генерал Винцингероде отрядил от себя генерал-майора Оленина с авангардом из нескольких батальонов и 80 человек драгун на Оршанскую дорогу, к городу Красному и местечку Лядам, для наблюдения неприятельских отрядов, посланных маршалом Даву из Могилева к местечку Дубровне.

Мы оставили князя Багратиона еще в Несвиже, но уже решившегося продолжать отступление свое к Слуцку. 28 июня выступил 8-й пехотный корпус, на другой день следовал за ним князь Багратион с остатком своей армии и прибыл к местечку Тимковичам. 30-го перешел он к местечку Романову, а 1 июля прибыл в город Слуцк. Того ж дня король Вестфальский пришел в Несвиж, авангард его под начальством генерала Латур-Мобурга в продолжение трех дней следовал за генералом Платовым, ничего не предпринимая. Наконец, 2 июля генерал Латур-Мобург с кавалерийским корпусом своим подвинулся к местечку Романову, занятому арьергардом генерала Платова. Польский 1-й конноегерский полк, составлявший голову неприятельской колонны, завязав дело с излишней отважностью, был окружен казаками и побит наголову. Остатки его спаслись не иначе, как собравшись под защитой полков, следовавших за ним. Генерал Платов, видя против себя превосходные силы, отступил за мост при Романове и расположился за болотистой речкой Морочью. Латур-Мобург, желая выбить его из сей позиции, покусился было перевести через речку свою кавалерию, но один польский полк, первый бросившийся на мост, встречен был столь искусно направленным пушечным огнем, что принужден был возвратиться назад. Латур-Мобург, по неимению у себя пехоты, не мог начать настоящего дела, почему и отступил к главным силам своей армии, потеряв более 300 человек, взятых в плен казаками.

Князь Багратион получил в Слуцке известие, что неприятельский отряд, пришедший из Минска, появился уже в местечке Свислочи на реке Березине, в 40 верстах выше Бобруйской крепости, между тем как его армии оставалось еще пройти более 120 верст от Слуцка до Бобруйска. Поэтому с довольной вероятностью можно было заключить, что маршал Даву успеет отрезать россиян от помянутой крепости и от реки Березины, но как это был единственный путь отступления, оставшийся князю Багратиону, то он и решился открыть себе оный во что бы ни стало. Армия разделена была надвое: генерал-лейтенант Раевский с 7-м пехотным корпусом и несколькими казачьими и кавалерийскими полками пошел вперед, дабы атаковать неприятеля, если встретить его до прихода своего в Бобруйск, а как надлежало открывать себе путь оружием, то ему и предписано было учинять нападение, несмотря ни на число неприятеля, ни на твердость позиции, которую он занимать мог. Сам князь Багратион с 8-м пехотным корпусом и

Маршал Понятовский (1763–1813)

2-й кирасирской дивизией остался для поддержания арьергарда генерала Платова против нападений короля Вестфальского. Генерал Раевский, выступив 2 июля, прибыл к селению Верхутину на реке Ореесе, а 3 числа перешел к местечку Глуску. Того ж дня князь Багратион, оставив Слуцк, прибыл к местечку Уречью; 4-го подвинулся он к Глуску, а 5-го — к селению Горбачевичам. 6 числа вся Вторая армия расположилась на биваках под пушками Бобруйска, не встретив на пути к сей крепости никакого препятствия.

Неприятель следовал за арьергардом только до местечка Уречья, а оттуда взял другое направление. Наполеон, недовольный слабым преследованием своего брата, отрешил его от предводительства армией и отдал корпуса генералов Жюно и Понятовского, равно и кавалерийский корпус генерала Латур-Мобурга, под начальство маршала Даву, который и вознамерился притянуть их к себе. Два последних корпуса пошли через город Игумен к Могилеву, а корпус генерала Жюно следовал по большой дороге из Несвижа в Минск и далее к Орше. Корпус саксонских войск генерала Ренье назначен был на смену Австрийского корпуса князя Шварценберга против армии генерала Тормасова, вследствие чего Ренье, повернув назад к городу Слониму, прибыл туда 7 июля.

Маршал Даву по приходу в Минск 26 июня отрядил к городу Игумену кавалерийскую бригаду генерала Пажоля, который, прибыв туда 30 числа, немедленно послал партии к местечку Свислочи. Сам маршал Даву выступил из Минска 1 июля, оставив в этом городе для гарнизона один полк от пехотной дивизии генерала Дессе, и 3 числа прибыл в Игумен. Того ж дня генерал Груши со своим кавалерийским корпусом занял предмостное укрепление у города Борисова.

Российский полковник Грессер, находившийся в Борисове с тремя резервными батальонами, столь неполными, что в отряде его едва ли находилось 400 человек, оставил свой пост по приближении неприятеля и отступил к Могилеву. Генерал Груши перешел реку Березину в Борисове, а 6 июля прибыл к местечку Коханову, откуда через города Сенно и Бабиновичи присоединился к Главной Французской армии; то же самое учинила и кавалерийская бригада генерала Кольбера, которая, составляя его авангард, дошла уже до города Орши. Но кавалерийская дивизия генерала Шастеля от корпуса Груши осталась при маршале Даву и последовала за ним к Могилеву.

Маршал Даву равномерно перешел реку Березину 4 числа в местечке Нижней Березине в направлении к Могилеву. В сем обстоятельстве Бобруйская крепость весьма полезна была для армии князя Багратиона. Если бы она не существовала, то маршал Даву наверное обратился бы от Игумена к Бобруйску, от которого находился на таком же расстоянии, как и Вторая российская армия, и тогда он пришел бы в состояние или совсем воспретить князю Багратиону переход через реку Березину, или с выгодой сражаться с ним на переправе.

5 числа маршал Даву прибыл к местечку Головчину, а 8-го — в Могилев. Генерал Пажоль со своей легкой кавалерийской бригадой, одним полком от бригады генерала Бордесульта и одним пехотным полком от дивизии генерала Компана оставлен был на реке Березине, дабы обезопасить от покушений Бобруйского гарнизона главное депо, учреждаемое французами в городе Минске.

Князь Багратион, известившись, что маршал Даву шел прямо к Могилеву, решился также следовать к сему городу в надежде предупредить еще в нем неприятеля. 7 июля генерал Платов с казаками и отрядом генерал-майора Дорохова выступил из Бобруйска. Того ж дня последовали за ним кавалерийский авангард под начальством генерал-майора графа Сиверса и 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Раевского. На другой день выступил 8-й пехотный корпус и вслед за ним арьергард под начальством генерал-майора графа Воронцова, составленный из сводной гренадерской дивизии, 5-го егерского полка и Харьковского драгунского. 9 числа Платов прибыл к Воркалабову, а Раевский — к Старому Быхову. Остаток армии пришел к Старому Быхову 10 июля. Князь Багратион при выходе из Бобруйска увел с собой шесть резервных батальонов, так что в сей крепости осталось только 12 батальонов, в числе 5000 человек, и сотня казаков. Генерал-майор Запольский, на время начальствовавший корпусом войск, расположенным при городе Мозыре и также находившимся под начальством князя Багратиона, получил приказание держаться на своем посту, дабы прикрывать сообщение Третьей армии генерала Тормасова с городом Киевом. От сего генерала должен был он получать направление дальнейших действий своих.

Как ни спешила походом Вторая армия, однако ж не могла предупредить маршала Даву в Могилеве. 9 июля полковник Сысоев со своими казаками, составлявшими авангард генерала Раевского, встретился с тремя российскими батальонами полковника Грессера, вышедшими из Могилева и преследуемыми одним французским конно-егерским полком. Сысоев, приняв к себе сии батальоны, напал на французский полк с таким успехом, что взял более 200 человек пленных и прогнал его за пять верст до Могилева, но здесь остановлен был неприятельской пехотой с шестью пушками, что и принудило его отступить на три версты. Князь Багратион, будучи предупрежден неприятелем, вознамерился испытать, не успеет ли силой пробиться к Могилеву. Он счел за долг сделать сие в той уверенности, что для него уже невозможно было достигнуть Смоленска без сражения. В самом деле, взяв еще правее, он должен был ожидать, что французы предупредят его при Мстиславле, точно как предупредили у Могилева, ибо расстояние между этими двумя городами вполовину короче той дороги, по которой князь Багратион должен был следовать от Старого Быхова через местечко Пропойск к Мстиславлю, следовательно, и у Мстиславля также пришлось бы сражаться. Но под

Могилевом сие можно было учинить тем с меньшей опасностью, что отступление к Новому Быхову было свободно и в случае неудачи можно было взять по нужде ту же дорогу к Мстиславлю через Пропойск.

10 июля генерал Раевский подвинулся к Дашковке. Он имел приказание атаковать неприятеля везде, где бы ни встретил его, и овладеть Могилевом. Маршал Даву, ожидая на себя нападения, занял позицию при деревне Салтановке и сделал распоряжения свои в обороне: мост при Салтановке был завален и прорублены ружейные бойницы в стенах корчмы, лежащей на левом берегу оврага, прикрывавшего всю линию французов; мост при мельнице Фатовой был сломан, и в соседних домах также проделаны бойницы; три батальона поставлены были при Салтановке; один батальон — при Фатовой, имея за собой в подкреплении пять других батальонов; четыре батальона находились между Фатовой и деревней Сельцем; а при овраге, впереди сей последней деревни находящемся, поставлены были еще два батальона. Вся кавалерия, состоявшая из кирасирской дивизии генерала Валанса, легкой кавалерийской дивизии генерала Шастеля и одного конноегерского полка от бригады генерала Бордесульта, находилась в резерве позади правого крыла за деревней Сельцем, по дороге, ведущей из нее в местечко Старые Буиничи. Пять батальонов поставлены были еще правее, при деревне Застенке, и наконец, последние пять батальонов находились перед Могилевом[1].

Маршал Даву принял столь большие предосторожности на правом крыле своем из опасения, дабы оное не было атаковано и сбито, ибо засим неминуемо последовала бы совершенная погибель его центра и левого крыла, которые тогда были бы отрезаны от Могилева и приперты к реке Днепру. С сими войсками, число коих могло простираться до 28 000 человек, маршал Даву приготовился выдержать нападение генерала Раевского, имевшего под начальством своим не более 20 000 человек[2], к тому ж твердость позиции, занимаемой неприятелем, утроившая его силы, долженствовала сделать тщетными все покушения россиян. Маршал Даву ожидал еще к себе на подкрепление отряд генерала Пажоля и Польский легион Вислы, следовавший из Испании, однако ж сии войска присоединились к нему уже после сражения.

11 июля на рассвете генерал-лейтенант Раевский выступил от Дашковки к Могилеву, опрокидывая и гоня перед собой легкие войска неприятельские, на пути им встреченные. В 8 часов пополуночи прибыл он к Салтановке и тотчас приказал 12-й пехотной дивизии генерал-майора Колюбакина атаковать мост. Леса, окружающие деревню Салтановку, не позволяли подойти к этому мосту иначе как по большой дороге, вдоль по которой била неприятельская батарея. Несмотря на то, россияне двинулись вперед с удивительной твердостью, но, будучи осыпаемы тучей пуль и картечей неприятельских, никоим образом не могли овладеть мостом. Генерал Раевский в надежде найти менее препятствий, потянувшись влево, приказал 26-й пехотной дивизии генерал-майора Паскевича идти через лес к Фатовой. Французский батальон, занимавший сию деревню, выбит был из домов, на правом берегу ручья лежащих, и генерал Паскевич, пользуясь

---

[1] *Примечание переводчика.* Пехота маршала Даву состояла из двух полков дивизии Дессе и трех полков дивизии Компана, в коих было 25 батальонов; кавалерия же его состояла из 48 эскадронов.

[2] Под начальством генерал-лейтенанта Раевского находились 22 батальона пехоты, 24 эскадрона кавалерии и четыре казачьих полка.

сей поверхностью, перешел овраг под покровительством батареи о 12 орудиях, поставленной им на высотах правого берега. Французы начали уступать, но коль скоро два их батальона из числа четырех, между деревнями Сельцем и Фатовой расположенных, пришли на помощь к шести батальонам, находившимся уже при Фатовой, то россияне прогнаны были за овраг. Французский полковник Ашард, преследуя россиян с двумя батальонами, равномерно перешел через оный, однако ж, в свою очередь, был опрокинут, и россияне, овладев мельницей Фатовой, удержались в ней, несмотря на многократно повторяемые неприятелем покушения вытеснить их оттуда. Между тем часть российских стрелков, потянувшись влево, подошла под самую деревню Селец, но была отражена двумя батальонами, защищавшими сей пост. Поскольку направление атаки, производимой россиянами, показало маршалу Даву, что ему нечего опасаться обхода со стороны его правого фланга, то он и притянул к себе пять батальонов, составлявших крайний уступ правого фланга при деревне Застенке, равно и другие пять батальонов, которые стояли у него в резерве под Могилевом. Все сии десять батальонов посланы были к Салтановке, где россияне возобновили свои нападения со столь же малым успехом, как и в первый раз. Генерал-лейтенант Раевский и генерал-адъютант Васильчиков, спешившись, сами подавали пример, едучи впереди колонны! Войска, возбужденные их присутствием, делали новые усилия, чтобы перейти теснину, но тщетно, ибо оные постоянно уничтожаемы были поверхностью, доставляемой неприятелю выгодами позиции, им занимаемой, и российские полки, принужденные остановиться на краю оврага, выдерживали самый жестокий огонь, ни на шаг не отступая. Сильный пушечный и ружейный огонь с обеих сторон продолжался до 4 часов пополудни.

Бесполезность сей перестрелки побудила князя Багратиона приказать отступить, что и произвел генерал Раевский в совершенном порядке. Маршал Даву, известившись об отступном движении россиян, вознамерился живо преследовать их, для чего и построил все войска свои в две колонны: генерал Комлан с левой колонной, состоявшей из 13 батальонов, поддерживаемых кавалерийской дивизией генерала Шастеля, следовал по большой дороге из Салтановки к Новоселкам. Правая колонна под начальством генерала Дессе, из 12 батальонов, преследуемых кирасирской дивизией генерала Валанса, прошла через деревню Фатову и взяла направление через лес к Новоселкам, но искусное распоряжение генерал-адъютанта Васильчикова и храбрость войск арьергарда, состоявшего под его начальством, удержали неприятеля, и отступление производилось спокойно до самого местечка Дашковки, где генерал Раевский в 6 часов вечера соединился с остатком Второй армии, пришедшей из Старого Быхова. Неприятель стал на биваках позади Новоселок. После сражения маршал Даву принужден был отослать кавалерийскую дивизию генерала Шастеля, которая по приказанию Наполеона должна была расположиться при местечке Шклове для сообщения между городами Оршей и Могилевом. Взамен того к маршалу присоединились войска, им ожидаемые. Потеря неприятеля в сражении при Салтановке простиралась до 3500 человек убитых и раненых, сверх того взято у него 500 человек пленных. Россияне также потеряли выбывшими из строя более 3000 человек, в том числе 300 пленных.

Князь Багратион на другой же день мог бы, в свою очередь, одержать поверхность над неприятелем, атаковав его всей Второй армей, ибо она, вместе с корпусом генера-

Подвиг солдат Раевского
под Салтановкой

ла Платова, должна была состоять почти из 55 000 человек, против которых маршал Даву, по большой мере, мог выставить только 34 000 человек. Но должно заметить, что дело при Салтановке происходило в лесу, не позволявшем высмотреть действительную силу корпуса маршала Даву. К тому ж, поскольку позиция, занимаемая сим маршалом, составляла внутренний путь действий (ligne interieure) с Главной армией Наполеона, то сей последний во всякое время мог значительно подкрепить его новыми войсками, и Вторая российская армия подвергалась опасности привлечь на себя столь превосходную громаду сил, что была бы одолена оной. Сии причины долженствовали быть тем решительнее для князя Багратиона, что в ночь он получил известие о приходе к неприятелю нового подкрепления, которого сила, однако ж, не была обозначена. Вследствие сего вознамерился он постараться достигнуть Смоленска посредством усиленных переходов через Пропойск и Мстиславль, для чего и приказал построить мост на реке Днепре у Нового Быхова.

12 июля армия возвратилась к Старому Быхову. Генерал Раевский остался при Дашковке, дабы прикрывать отступление и подкреплять цепь передовых постов, оставленную на месте. Князь Багратион, получив повеление, как наискорее отправить генерала Платова к Первой армии, приказал ему перейти Днепр при Воркалабове и следовать в промежутке рек Днепра и Сожи. За ним выступил генерал-майор Дорохов со своим

отрядом, за исключением 18-го егерского полка, оставшегося при Второй армии, ибо по чрезмерной усталости людей он не мог бы поспевать за быстрым движением сего легкого корпуса. Генерал Платов, пройдя через город Чаусы, 13 числа прибыл в селение Головачи; 14-го подвинулся в местечко Горки; 15-го — в местечко Дубровну, при коем вторично перешел реку Днепр, а 17-го, прибыв в местечко Любавичи, вступил в непосредственную связь с Первой армией.

Князь Багратион продолжал свое отступление. 13 июля пришел он в Новый Быхов, а генерал-лейтенант Раевский отступил к Старому Быхову, не будучи преследуем неприятелем. 14-го армия переправилась через Днепр и прибыла к местечку Пропойску на реке Соже. 15-го перешла она к Черикову, 16-го — к Кричеву, а 17-го прибыла к Мстиславлю. Маршал Даву, считавший себя весьма счастливым, что мог удержаться в Могилеве, не сделал ничего для воспрепятствования князю Багратиону достигнуть Мстиславля. Он не осмелился перейти за реку Днепр, дабы не попасть одному между двух армий, из коих каждая по себе была сильнее состоявшей под его начальством. Обстоятельство сие очевидно доказывает, что Наполеон в самом начале похода сделал ошибку, не усилив надлежащим образом корпус маршала Даву, на движениях коего должна была основываться самая важная часть похода, ибо от успеха его действий зависело всегдашнее разобщение обеих российских армий.

В то время, до которого мы теперь достигли, ничто уже не могло воспрепятствовать соединению генерала Барклая де Толли с князем Багратионом. Оба сии полководца успели наконец опередить неприятельские корпуса, им противопоставленные, и как дороги в Смоленск открыты были для их армий, то они и поспешили к сему важному городу, который положением своим на обеих берегах Днепра и в направлении среднего пути действий внутрь России по всей справедливости можно назвать ключом сего государства.

18 июля генерал Барклай де Толли со 2, 3 и 4-м пехотными корпусами выступил от города Поречья к селу Холму, арьергард генерал-майора графа Палена сменил его у Поречья. Генерал Дохтуров с 5-м и 6-м пехотными корпусами перешел к деревне Волоковой. 19-го главнокомандующий с армией прибыл к деревне Мощинкам. Граф Пален остался у Поречья. Дохтуров пришел под Смоленск, к деревне Яцинино; арьергард его под начальством генерал-майора Шевича оставлен был при местечке Рудне. Генерал Платов пошел к селу Инкову. 20-го генерал Барклай де Толли прибыл под Смоленск, и вся Первая армия расположилась на биваках перед этим городом на правой стороне реки Днепра[1]; граф Пален отступил к селу Холму[2]; Платов перешел к Шеломцу. Неприятель от самого Поречья прекратил свое преследование, и последние три перехода российский арьергард совершил, не будучи обеспокоиваем.

В то же время князь Багратион равномерно шел к Смоленску; 19 июля подвинулся он от Мстиславля к местечку Хиславичам; 20-го пришел к селу Герчикову, 21-го — к Ржавцу, наконец, 22-го прибыл в Смоленску, и таким образом совершено было столь желанное соединение. Обе армии несколько времени стояли под Смоленском. Передо-

[1] *Примечание переводчика.* По Поречинской и Рудненской дорогам.

[2] Имея посты свои при городе Поречье. Генерал-майор Шевич остался при Рудне.

вые посты Первой армии составили дугообразную цепь от села Холма на Поречинской дороге до реки Днепра против Красного. Сей последний город 23 числа занят был генерал-майором Неверовским, которого князь Багратион отрядил туда с 27-й пехотной дивизией и Харьковским драгунским полком[1], дабы сменить небольшой авангард генерал-майора Оленина и поддерживать казаков, имевших приказание наблюдать дороги из Орши и Могилева. Арьергарды Первой армии сблизились к Смоленску; граф Пален перешел к деревне Мощинкам, а генерал-майор Шевич — к деревне Бурой. Генерал-адъютант барон Винцингероде с одним драгунским и четырьмя казачьими полками отряжен был к городу Духовщине для наблюдения за левым крылом неприятельским и дабы препятствовать его отрядам протянуться в сию сторону. Корпус, которым сей генерал командовал в Смоленске, был расформирован и послужил к пополнению армии. Из 17 батальонов, бывших под его начальством, десять распределены были по пехотным полкам Первой армии и семь батальонов — по полкам Второй армии. Восемь эскадронов отосланы в Калугу, где генерал от инфантерии Милорадович составлял новые войска из рекрутских депо Стародубовского, Новгород-Северского, Конотопского, Роменского, Сумского, Змиевского и Изюмского, коим также дано было направление на Калугу.

Наполеон с самого прибытия своего в Витебск убедился, что россияне ускользнули от него и что он не может уже предупредить их в Смоленске, а следовательно, и воспрепятствовать соединению их обеих армий, почему и рассудил за благо остановиться на несколько дней, дабы дать время корпусам князя Понятовского и генерала Жюно присоединиться к маршалу Даву, а между тем доставить некоторый отдых войскам своим, весьма утомившимся от переходов, произведенных ими через опустошенную землю. Временные квартиры французов протянулись от города Суража до Могилева. 23 июля Главная армия их занимала следующее положение: корпус вице-короля был при Сураже[2]; Наполеон с гвардией своей находился у Витебска; корпус маршала Нея стоял при местечке Лиозне; король Неаполитанский с кавалерийскими корпусами генералов Нансути, Монбрюна и Груши — при местечке Рудне; маршал Даву со всем корпусом своим стоял при впадении реки Малой Березины в Днепр; корпус генерала Жюно был при Орше, а корпус князя Понятовского — у Могилева. Кавалерийский корпус генерала Латур-Мобурга остался при реке Березине для наблюдения Бобруйской крепости и российского корпуса, находившегося при городе Мозыре.

События, ознаменовавшие сей первый период похода, приносят больше чести российским генералам, нежели императору Наполеону. Российские корпуса, расположенные растянутой линией, казалось, долженствовали бы быть уничтоженными несравненно превосходнейшей громадой сил, обращенной против них неприятелем, однако ж мы видели, что под конец россияне успели совершить под Смоленском общее соединение сил своих без важной потери. Движения, хорошо соображенные и поддерживаемые непоколебимой твердостью войск российских, доставили обоим главнокомандующим возможность расстроить все замыслы неприятеля. Особенно князь Багратион, неоднократно находившийся в самых затруднительных положени-

[1] *Примечание переводчика.* В числе около 7000 человек.

[2] *Примечание переводчика.* Занимая отрядами города Велиж, Поречье и местечко Усвять.

ях, всегда выходил из оных с благоразумием и искусством, достойными величайшей похвалы. Должно также заметить, что ошибки французского императора много способствовали успеху действий россиян. Кажется, Наполеон совсем упустил из виду, что прямая дорога из Вильно в Смоленск долженствовала быть главным путем его действий (ligne d'opération). Следуя сим путем с главными силами своими, он легко бы успел опередить левое крыло армии генерала Барклая де Толли и правое крыло армии князя Багратиона и тогда с выгодой мог бы обратиться на которую-либо из сих армий и даже, по великому превосходству сил своих, имел бы возможность в одно время напасть на обе российские армии, дабы Вторую загнать в болота, прилегающие к реке Припяти, а Первую оттеснить к Балтийскому морю. Но чтобы действовать таким образом, нужны были быстрота и решительность, между тем как Наполеон, вероятно, устрашенный великостью предприятия, им умышленного, действовал как будто с робостью, которая обнаруживала, что сам он не был уверен в успехе[1].

[1] *Примечание генерала Жомини.* Можно полагать, что затруднение продовольствовать столь большие громады, каковы были армии Наполеона, без магазинов, в стране немало уже истощенной пребываемой в ней Российской армией и неурожаем предыдущего года, было причиной, что Наполеон промедлил в Вильно. Во время прибытия его в сей город более 30 000 человек его войск, рассеявшись по деревням для отыскания съестных припасов, производили грабежи и бесчинства всякого рода. В армии случился сильный конский падеж, от которого целые артиллерийские парки остались без подъемных лошадей. Французы вынуждены были отослать в Виленский арсенал 100 пушек с 600 зарядными ящиками, и более 1500 человек кавалеристов, потерявших лошадей своих, собраны были в городе Новых Троках. Но если такие потери, с первого шага и в благоприятное время года учиненные, могут извинить медленность движения Наполеона, то он показывает также и опрометчивую дерзость, с которой продолжал он свое нашествие, начатое под столь несчастным предзнаменованием, и которое долженствовало довершить его погибель.

Глава IV

Наступательное движение российских армий к местечку Рудне. – Наполеон переходит реку Днепр. – Бой под городом Красным; превосходное отступление генерал-майора Неверовского. – Бой под Смоленском. – Россияне оставляют сей город. – Сражение при деревне Лубине. – Отступление российских армий к Москве. – Прибытие к армии нового главнокомандующего князя Голенищева-Кутузова.

По соединению обеих армий они представляли громаду сил в 120 000 человек под ружьем; надлежало только сообразить дальнейшие их действия. На сей конец 25 июля оба главнокомандующих соединились для военного совета, к коему также приглашены были Его Императорское Высочество цесаревич, начальник главного штаба Первой армии генерал-майор Ермолов, начальник главного штаба Второй армии генерал-адъютант Сент-При и генерал-квартирмейстер Первой армии полковник Толь[1].

Сей последний тотчас предложил, чтобы, пользуясь разделением французских корпусов, немедленно атаковать центр их временных квартир, обратив главную громаду российских сил к местечку Рудне. Он представил, что, действуя с быстротой, должно надеяться легко разорвать неприятельскую линию, после чего можно было по воле и со всей выгодой *внутренних путей* (ligne intérieure) против внешних действовать или в правый фланг их левого крыла, или, что казалось еще выгоднейшим, в левый фланг их правого крыла, дабы опрокинуть оное на правую оконечность к Могилеву. Мнение сие, одобренное цесаревичем и князем Багратионом, принято было всеми единодушно. В самом деле, оно представляло самые очевидные выгоды. Единственный способ сделать бесполезным великое превосходство неприятеля в числе состоял в том, чтобы не упускать ни малейшего случая главными силами своими атаковать отдельно расположенные части его армии. Положим, что Наполеон сверх всякого вероятия, будучи вовремя извещен о намерении россиян, тотчас прикажет отступать всем корпусам своим, дабы соединить их на пункте, назначенном в тылу их расположения, то и сие сосредоточение не могло быть произведено ближе, как за речкой Улой, и россияне, принудив таким образом неприятеля к отступлению на несколько переходов, по крайней мере выигрывали время, тем для них драгоценное, что через сие получали они возможность ускорить свои внутренние вооружения. К тому ж виды к успеху столь очевидно клонились в их пользу, что даже и в случае неудачи они с полной безопасностью могли отступить, прикрываясь арьергардами, оставленными в лесах, между местечком Рудней и Смоленском лежащих.

[1] *Примечание сочинителя.* Полковник Толь назначен был генерал-квартирмейстером в лагере под Дриссой на смену генерал-майора Мухина, получившего особенное поручение в С.-Петербурге.

26 июля на рассвете российские армии выступили тремя колоннами: правая под начальством генерал-лейтенанта Тучкова 1-го, из 2, 3 и 4-го пехотных и 1-го и 2-го кавалерийских корпусов состоявшая, следовала через селения Жуково, Тепенино, Лущу и Щеголево к селу Ковалевскому. Генерал-майор Пассек с пятью егерскими полками, одним гусарским полком и 12 орудиями конной артиллерии составляли авангард сей колонны. Генерал от инфантерии Дохтуров со средней колонной, составленной из 5-го и 6-го пехотных корпусов и драгунских полков 3-го кавалерийского корпуса, взял направление через Шеломец на Дебрицы. Авангард его под начальством генерал-майора графа Палена состоял из четырех егерских полков, одного уланского, лейб-гвардии гусарского и других двух гусарских полков с 12 орудиями конной артиллерии. Генерал-майор барон Розен с тремя егерскими и двумя казачьими полками пошел через деревню Ракитню к Чабурам. Отряд сей назначен был для содержания сообщения между средней и левой колоннами.

Вторая армия, составлявшая левую колонну, перешла реку Днепр в Смоленск и следовала через Дубровнику и Гнездово к селу Катании. Генерал-адъютант Васильчиков командовал ее авангардом, составленным из двух егерских полков, двух драгунских и одного гусарского с шестью орудиями. Боковой отряд правого крыла под начальством генерал-майора князя Шаховского, из двух егерских полков, одного гусарского и одного казачьего с шестью орудиями конной артиллерии состоявший, пошел к селу Каспле. Генерал-майор Неверовский со своей дивизией, находившейся в городе Красном, составлял боковой отряд левого крыла.

Главная квартира Первой армии переведена была в Приказ-Выдру, а Второй армии — в село Катань. В то время в обеих армиях вместе состояло налицо 121 119 человек, из того числа 77 712 человек — в Первой армии, а 45 407 человек — во Второй. Отняв от сего числа отряд генерал-майора Неверовского, в коем было от 7000 до 8000 человек, можно с достоверностью положить, что громада сил, направленная к местечку Рудне, состояла почти из 114 тысяч человек. Движение колонны прикрыто было цепью казаков. Генерал Платов подвинулся к деревне Зарубенкам. Он поддерживаем был графом Паленом, который, присоединив к своему авангарду отряд генерал-майора Пассека, расположился на речке Выдре, позади Зарубенок.

27 июля обе армии намеревались было продолжать свое движение: Первая — к селу Инкову, а Вторая — к Надве, но как генерал Барклай де Толли получил известие, что все неприятельские передовые посты отступили, кроме отряда, содержанного им в городе Поречье, то и заключил из сего обстоятельства, что громада сил Наполеона должна была находиться между Поречьем и Витебском, вследствие чего, опасаясь быть обойденным с правого фланга и отрезанным от Смоленска, он решился не только остановить движение свое к Рудне, но и потянуться вправо. 5-й пехотный корпус переведен был к селу Стабне, что на большой дороге из Поречья в Смоленск; 2-й и 4-й пехотные корпуса и 1-й кавалерийский возвратились к деревне Лаврово, 3-й пехотный корпус и 2-й кавалерийский соединились у Приказ-Выдры с 6-м пехотным и 3-м кавалерийским корпусами. Вторая армия имела дневку при Катани. Авангарды, не знавшие о перемене диспозиции, накануне данной, продолжали движение свое к местечку Рудне. Генерал Платов, имевший при себе шесть казачьих полков, встретился при деревне Молевом Болоте с авангардом короля Неаполитанского, составленным из 6000 человек кава-

А. И. Горчаков
(1769–1817)

лерии и одного полка легкой пехоты под начальством генерала Себастьяни. Завязалось сильное кавалерийское дело. Неприятель, несмотря на превосходство своих сил, не мог отразить казаков, а по прибытии графа Палена отступил, потеряв более 500 человек пленных. Генерал Платов остановился при Молевом Болоте.

28 числа генерал Барклай де Толли, продолжая тянуться вправо, через Шеломец прибыл к деревне Мощинкам с 3-м и 6-м пехотными и 2-м и 3-м кавалерийскими корпусами. Князь Багратион со Второй армией сменил его у Приказ-Выдры. Генерал Платов отступил к деревне Гаврикам. Генерал-адъютант Васильчиков расположился при деревне Волоковой. 30 числа Платов перешел к селу Холму, а граф Пален — к Луще.

Князь Багратион, узнав, что неприятель показался на левом берегу Днепра у местечка Росасны и при городе Чаусах, начал опасаться, чтобы отряд генерал-майора Неверовского не был разбит и неприятель не пришел бы в Смоленск прежде россиян. Для отвращения такой опасности он решился сблизиться к сему городу, а как после перемены предначертания, принятого в Смоленске, бесполезно уже было большими силами занимать дорогу к Рудне, то и оставил на ней только сильный отряд для поддержания авангарда генерал-адъютанта Васильчикова, имевшего поручение наблюдать сторону от деревни Волоковой до местечка Рудни. 31 числа 7-й и 8-й пехотные корпуса отступили под стены Смоленска, в коем князь Багратион и занял свою главную квартиру. Генерал-лейтенант князь Горчаков остался при Дебрице со сводной гренадерской дивизией и Литовским уланским полком. Одной из причин, побудивших князя Багратиона к сему движению, было дурное качество воды, от которой войска много терпели в позиции своей у Приказ-Выдры.

Между тем генерал Барклай де Толли, известившись, что неприятель вышел из Поречья и что нечего ему опасаться со стороны своего правого фланга, решился снова произвести предположенное движение к Рудне. 1 августа 2-й и 4-й пехотные корпуса и 1-й кавалерийский, потянувшись левым флангом, перешли к деревне Луще, а 3, 5, 6-й пехотные и 2-й и 3-й кавалерийские корпуса — к Шеломцу, куда переведена была также и главная квартира. Вторая армия, только что прибывшая к Смоленску, не могла в тот же день войти в линию с левым крылом Первой армии. Генерал Платов прибыл к селению Мамошкам, а генерал-майор граф Пален — к Негодяеву. 2 числа Первая армия соединилась в позиции между Касплинским озером и деревней Волоковой; главная квартира была переведена в Гаврики. Граф Пален расположился при деревне Ваулиной, на южной

По соседству с Лиозной.
5 августа 1812 г.

оконечности Касплинского озера. Генерал Платов подвинулся к Инкову. Второй армии назначено было расположиться при Волоковой, на левом крыле и в непрерывной линии с Первой армией, но как по тесноте места невозможно было занять оное обеими армиями, то Вторая армия получила направление к селу Надве. Князь Багратион, выступив из Смоленска с 8-м пехотным корпусом, прибыл к Катани. 7-й пехотный корпус должен был следовать за ним на другой день. 3 числа 8-й корпус, отряд генерал-лейтенанта князя Горчакова и авангард генерал-адъютанта Васильчикова прибыли к Надве.

В то время, когда российские армии производили сии переходы взад и вперед, Наполеон совершал движение самое искусное из всех, сделанных им в течение сего похода. Коль скоро бой при деревне Молевом Болоте показал ему, что российские генералы двинули громаду сил своих к местечку Рудне, то он в полной мере постигнул пагубные следствия, коим могло подвергнуть его сие движение, и потому решился собрать силы свои к правому крылу, дабы немедленно исправить ошибку, которую сделал он, слишком растянув свои войска. Вице-король, стоявший при городе Сураже, на оконечности левого крыла, 28 июля уже выступил оттуда и прибыл к местечку Яновичам. 30 числа подвинулся он к Велешковичам, а на другой день — к Лиозне. Того же дня генерал Груши с кавалерийским корпусом своим, выступив от Никулина к реке Днепру, остановился против местечка Росасны.

Французский император, видя, что сии первые движения произведены были беспрепятственно и что россияне все оставались в окрестностях Касплинского озера, вознамерился обойти их с левого фланга, переправиться всей громадой через Днепр и, следуя вверх по левому берегу реки к Смоленску, овладеть сим городом в тылу их армии, после чего надеялся он оттеснить их через Поречье к Великим Лукам или к Торопцу,

лишив всякого сообщения с самыми плодороднейшими полуденными губерниями. 1 августа генерал Эбле поставил на Днепре три моста у местечка Росасны, четвертый мост построен был при селе Хомине. Того ж дня вице-король Итальянский прибыл в Любавичи, маршал Даву собрал свой корпус при местечке Дубровне; маршал Ней и король Неаполитанский с кавалерийскими корпусами генералов Нансути и Монбрюна стали против Хомина; князь Понятовский, взяв из Могилева направление к городу Красному, прибыл к местечку Романову. Генерал Жюно, выступивший из Орши, должен был следовать за сим движением.

2 числа Наполеон прибыл в Росасну, где нашел свою гвардию и корпус вице-короля Итальянского. Того же дня рано поутру генерал Груши вытеснил из Лядов два казачьих полка, занимавших сие местечко, и потом соединился с кавалерийским корпусом генерала Нансути, который, прибыв из Хомина, составлял авангард короля Неаполитанского. Сии два кавалерийских корпуса пошли к Красному, но нашли сей город занятым войсками генерал-майора Неверовского, пропустили вперед корпус маршала Нея, близко за ними следовавший. К трем часам пополудни пехотная дивизия генерала Ледрю, бывшая в голове колонны маршала Нея, атаковала город Красный и по двухчасовом упорном сражении овладела оным. Генерал-майор Неверовский, видя перед собой корпус неприятельской пехоты, несравненно в силах превосходящий состоявший под его начальством[1], и к тому еще опасаясь быть совершенно отрезанным многочисленной неприятельской кавалерией, начал отступать к Смоленску. Пехота его построилась в две колонны, впереди которых шел Харьковский драгунский полк. Едва начал он отступное движение свое, как со всех сторон напали на него 19 тысяч неприятельской кавалерии, состоявшей из 30 кавалерийских полков от корпусов Нансути, Груши и легкой бригады Бордесульта. Часть легкой кавалерии опередила даже голову его колонны и сбила Харьковский драгунский полк. Генерал-майор Неверовский принял его в промежуток своих пехотных колонн, которые и соединились в сомкнутое каре. В таком порядке продолжал он отступать к Смоленску по обширным равнинам, весьма удобным для действия неприятельской кавалерии. По счастью, большая дорога из Красного в Смоленск обсажена в два ряда деревьями. Обстоятельство сие, по-видимому столь маловажное, много послужило к выгоде россиян, ибо способствовало им укрываться от повторительных нападений неприятеля. Тщетно вся кавалерия его производила величайшие усилия, дабы расстроить сей малый корпус, она не могла успеть в том, и российская пехота, беспрерывно сражаясь и отбиваясь от неприятеля, с достойной величайшей похвалы твердостью устояла против всех его нападений[2].

Под вечер французы прекратили преследование, россияне остановились при деревне Корытне[3], где и провели ночь. Трудное отступление, произведенное генерал-майором Неверовским, тем более приносит ему чести, что он имел у себя вновь набранные войска, которые еще в первый раз находились в огне. Правда, что в этом случае он потерял пять пушек и до 1500 человек, выбывших из строя, однако успел сохранить большую

---

[1] В отряде генерал-майора Неверовского находилось от 7 до 8 тысяч человек.

[2] По донесению маршала Нея, французская легкая кавалерия более сорока раз атаковала пехоту генерал-майора Неверовского.

[3] В 23 верстах от города Красного.

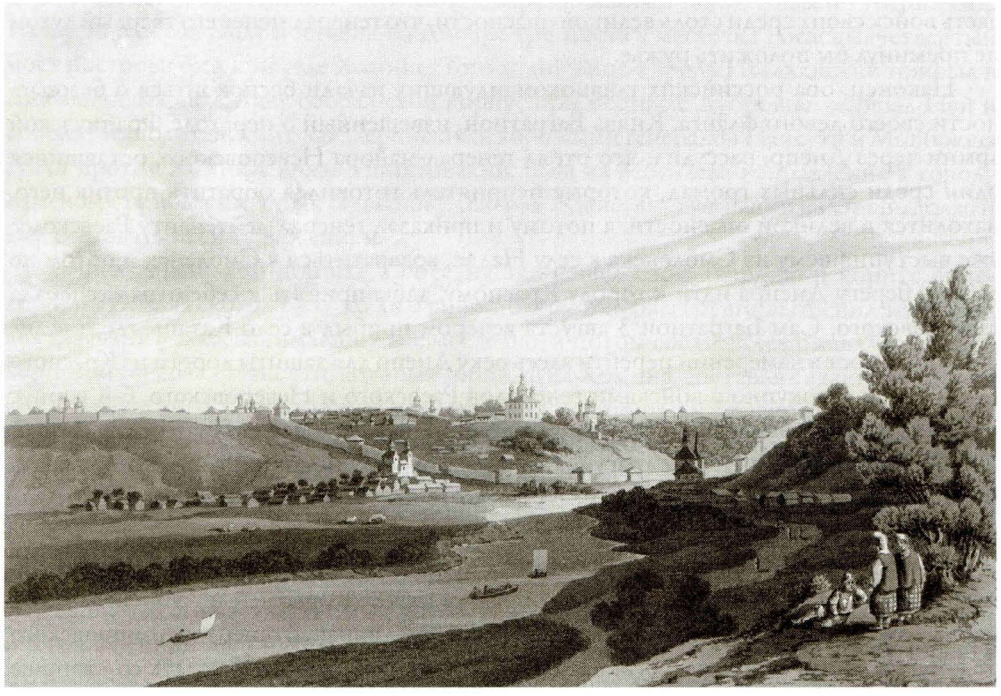
часть войск своих среди столь великой опасности, что генерал менее его твердый духом не преминул бы положить ружье.

Наконец, оба российских главнокомандующих начали беспокоиться о безопасности своего левого фланга. Князь Багратион, извещенный о переходе Французской армии через Днепр, рассудил, что отряд генерал-майора Неверовского, оставшийся один среди сильных громад, которые неприятель готовился обратить против него, находится в великой опасности, а потому и приказал генерал-лейтенанту Раевскому, уже выступившему из Смоленска к селу Надве, возвратиться в Смоленск и потом по левому берегу Днепра идти к городу Красному, дабы принять к себе отряд генерала Неверовского. Сам Багратион 3 августа вечером прибыл в село Катань, где и велел поставить пост в намерении перейти здесь реку Днепр для защиты дороги из Красного в Смоленск совокупно с войсками генералов Раевского и Неверовского. 6-й корпус генерала Дохтурова сменил Вторую армию при Надве, а генерал Платов, усиленный 1-м егерским и Курляндским драгунским полками, получил приказание преследовать французский арьергард через селение Елисеево. Генерал-майор граф Пален должен был выступить вслед за Платовым для поддержания его.

Того же 3 августа Наполеон продолжал движение свое к Смоленску, занял главную квартиру в Корытне. Армия его собралась между Корытней и Лубней, занятой маршалом Неем. Вице-король, усиленный пехотной дивизией генерала Домбровского от корпуса князя Понятовского, остался при Синяках, дабы наблюдать со стороны Днепра и прикрывать тыл Французской армии. Генерал-майор Неверовский, рано поутру оставивший Корытню, встретился с корпусом Раевского в шести верстах от Смоленска. Генерал-лейтенант Раевский, находя себя не в состоянии в поле устоять против несметных сил неприятеля, решился войти в Смоленск и защищать сей город до последней крайности, дабы дать время российским армиям приспеть к нему на помощь. Четыре казачьих полка, находившихся при нем, отряжены были влево, под начальством полковника Сысоева, для наблюдения дорог в города Ельню и Рославль.

Князь Багратион намеревался перейти Днепр у села Катани, единственно в том предположении, что неприятель переправил через сию реку только часть своей армии, но узнав, что Наполеон со всеми силами своими находился в окрестностях Корытни, он решился тотчас идти по правому берегу Днепра к Смоленску, на помощь к генералу Раевскому, который неминуемо долженствовал быть сильно утеснен неприятелем. В ночь с 3 на 4 число мост у Катани был снят, а 4-го на рассвете Вторая армия выступила к Смоленску. Первая армия также пошла к сему городу двумя колоннами: левая под начальством генерал-лейтенанта Тучкова, из 2-го, 4-го пехотных и 1-го кавалерийского корпусов составленная, взяла направление через селения Вортиково, Негодяево, Лущу, Лавково, Жуково и Покарново; правая колонна под начальством Его Императорского Высочества цесаревича, из 3-го, 5-го пехотных и 2-го кавалерийского корпусов, следовала через Дебрицу, Приказ-Выдру и Шеломец. Генерал Дохтуров со своим 6-м корпусом пошел из Надвы через Чабуры и Ракитню. Граф Пален отступил к Приказ-Выдре. Касплинский отряд следовал за движением левой колонны.

Генерал-лейтенант Раевский, со своей стороны, приготовлялся защищать Смоленск с 16 000 человек, бывшими под его начальством. Город сей, лежащий на скате высот левого берега реки Днепра, огражден каменной стеной, имеющей 25 футов высоты,



Вид Смоленска.
1812 г.

18 футов толщины и более 7 верст окружности. Сия ветхая ограда, во многих местах разрушившаяся, снабжена тридцатью башнями, из коих некоторые, превращенные в малые бастионы новейшей фортификации и уставленные артиллерией, отчасти доставляют стенам боковую оборону. Сухой ров и пред ним прикрытый путь с гласисом окружают стену, но ров весьма неглубок и не имеет боковой обороны, а прикрытый путь, лишенный безопасного сообщения с крепостью, не может быть защищен с успехом. По западную сторону города, на высоте, находится большое земляное укрепление неправильной фигуры, Королевским бастионом называемое, которое и служит вместо малой цитадели. Город имеет трое ворот: одни со стороны реки, а двое других, Малаховскими и Никольскими воротами называемые, к стороне поля. Перед Малаховскими воротами соединяются дороги из городов Красного, Мстиславля и Рославля. Сообщение с правым берегом производится посредством моста, к коему примыкают дороги из С.-Петербурга и Москвы и который прикрыт довольно правильным земляным кронверком, однако высоты правого берега повелевают сим укреплением. Близость предместий умножала затруднительность обороны Смоленска, давая неприятелю способ скрытно подходить к самой подошве гласиса. Несмотря на все сии недостатки, крепость в состоянии была с успехом выдержать открытое нападение, и для взятия оной Наполеон должен был пожертвовать большим числом войск, ибо, не имея времени подчинить себя медленности правильной осады, он был в необходимости стараться овладеть ею приступом.

Маршал Ней
(1769–1815)

4 августа в 8 часов утра король Неаполитанский и маршал Ней явились пред Смоленском. Спустя час времени сам Наполеон прибыл к сим войскам и тотчас приказал сделать приступ к Королевскому бастиону. Нападение сие, произведенное корпусом маршала Нея, было отбито, и неприятель претерпел значительный урон. В 10 часов князь Багратион с армией своей прибыл к Петербургскому предместью и, видя великое превосходство сил, развернутых неприятелем против города, подкрепил генерала Раевского 2-й гренадерской дивизией принца Карла Мекленбургского. В продолжение целого дня происходила взаимная канонада; французы несколько раз покушались возобновить свои нападения, однако ж оные оставались бесплодными. Между тем с обеих сторон разные корпуса сближались к Смоленску. Под вечер Французская армия построилась перед городом, на высотах левого берега реки Днепра. Корпус маршала Нея, имевший две дивизии генералов Ледрю и Маршана в первой линии, а дивизию генерала Разу во второй, составлял левое крыло, примыкая левым флангом к реке Днепру, а правым протянувшись впереди сельца Жигмонтова. Корпус маршала Даву находился в центре, дивизия генерала Гюдена примыкала левым флангом к правому корпусу маршала Нея, а правым флангом к Краснинской дороге; дивизия генерала Морана стояла между Краснинской и Мстиславльской дорогами; дивизия генерала Фриана — между Мстиславльской и Рославльской дорогами; дивизия генерала Дессе находилась во второй линии за дивизией Фриана, а дивизия генерала Компана — также во второй линии за дивизией Морана. Обе дивизии корпуса князя Понятовского, составлявшего правое крыло, протянулись от правого фланга корпуса маршала Даву к кустарникам, простирающимся к верхнему Днепру, которые и заняты были тремя кавалерийскими корпусами короля Неаполитанского. Императорская гвардия стояла в резерве позади центра, за селением Ивановским, в котором Наполеон занял свою квартиру. Корпус генерала Жюно, долженствовавший поддерживать правое крыло, заблудился и прибыл к Смоленску уже после сражения. Французская армия, соединенная под Смоленском, состояла из 185 000 человек под ружьем, не считая корпусов генерала Жюно и вице-короля Итальянского. Сей последний, пройдя город Красный, расположился биваками на правом берегу речки Лосмины. Того ж 4 числа вечером

генерал Барклай де Толли с Первой армией также прибыл к Смоленску и стал на высотах правого берега Днепра.

Оба главнокомандующих российских, опасаясь потерять сообщение свое с Москвой, вознамерились потянуться влево. Генерал Барклай де Толли взял на себя оборону Смоленска, а князь Багратион — попечение о безопасности Московской дороги. 5 августа в 4 часа пополуночи Вторая армия выступила и заняла позиции на Московской дороге за речкой Колодней в восьми верстах от Смоленска. Арьергард сей[1] оставлен был в четырех верстах от города против деревни Шеина Острога, лежавшей на оконечности правого крыла французов. Генерал-лейтенант Раевский с войсками, под начальством его состоявшими, присоединился ко Второй армии, а место его в Смоленске заступил 6-й пехотный корпус генерала Дохтурова, усиленный 3-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта Коновницына от 3-го пехотного корпуса. Прочие корпуса Первой армии расположены были уступами по дороге в город Поречье. 2-й и 4-й пехотные корпуса составляли первый уступ в двух верстах от крайних домов Петербургского предместья. 1-я гренадерская дивизия графа Строганова от 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Тучкова составляла второй уступ, почти в версте за первым. Наконец, 5-й пехотный корпус расположен был в третьем и четвертом уступах еще далее по дороге в Поречье. 1-й и 2-й кавалерийские корпуса находились за правым флангом 2-го пехотного корпуса; 3-й кавалерийский корпус с несколькими казачьими полками, став при деревне Везовенке, содержал сообщение со Второй армией. Прочие все казачьи полки генерала Платова остались на правом фланге Первой армии. Кроме поста, постоянно существующего в Смоленске, поставлены были еще два других поста, дабы обеспечить свободное сообщение армии с городом.

В 8 часов пополуночи генерал Дохтуров учинил общую вылазку против неприятеля, который, пользуясь ночью, засел почти под самыми стенами города. Россияне, вытеснив его из Мстиславльского и Рославльского предместий, прогнали в поле. К 9 часам генерал Дохтуров занял следующее положение: 7-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Капцевича стала между Мстиславльским и Краснинским предместьями; на правом фланге ее 24-я пехотная дивизия генерал-майора Лихачева протянулась к самому Днепру, оставив одну бригаду свою с ротой батарейной артиллерии в Королевском бастионе; 3-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Коновницына расположена была в резерве при Малаховских воротах: одна бригада которой находилась в самом городе, а две бригады заняли площадь между предместьями и Малаховскими воротами. 6-й егерский полк[2], генерал-лейтенантом Раевским оставленный в Смоленске, защищал доступ к левой части крепости. Наконец, лейб-гвардии Егерский полк, равномерно отданный в распоряжение генерала Дохтурова, стал между городской стеной и Днепром за предместьем Раченкой[3].

Артиллерия помещена была в малом реданте, перед Малаховскими воротами, и в нескольких древних башнях городской стены, нарочно для сего пробитых. Одна легкая артиллерийская рота расположилась в Мстиславльском предместье. В этом

---

[1] *Примечание переводчика.* Под начальством генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го.

[2] *Примечание переводчика.* От 12-й пехотной дивизии.

[3] *Примечание переводчика.* Впереди ж сего предместья, по дороге к деревне Шеину Острогу, расположились Сибирские и Оренбургские драгунские полки с небольшим отрядом казаков под начальством генерал-майора Скалона.

положении ружейный огонь между стрелками обеих сторон продолжался до 2 часов пополудни. Генерал Барклай де Толли приказал поставить сильные батареи на правом берегу Днепра, выше и ниже города, дабы поражать во фланг неприятеля, который бы покусился атаковать восточные или западные части крепости.

Наполеон ожидал, что Российская армия выступит из города для сражения с ним, но, видя, что не таково было ее намерение, наконец сам решился атаковать. В 2 часа пополудни французы двинулись вперед всей линией. Маршал Ней снова подступил к Королевскому бастиону и Краснинскому предместью. Маршал Даву атаковал Мстиславльское предместье дивизией Гюдена, а Рославльское предместье — дивизией Морана. Дивизия Фриана составила связь между войсками генерала Морана и корпусом князя Понятовского, имевшим поручение атаковать восточную часть города и предместье Раченку, для чего сей последний, потянувшись вправо, сделал перемену фронта правым флангом вперед. Легкая кавалерийская дивизия генерала Брюера, стоявшая на оконечности правого крыла короля Неаполитанского, также подвинулась вперед вдоль берега и атаковала бригаду российских драгун, которая с небольшим числом казаков поставлена была по левую сторону города, впереди предместья Раченки. Российская кавалерия была опрокинута, а неприятель, заняв возвышенность, ближайшую к верхнему мосту, поставил на ней батарею из 60 орудий в намерении бить по сему мосту, дабы разрушить оный, однако ж искусно направленные выстрелы российской батареи подполковника Нилуса, на правом берегу Днепра поставленной, принудили к молчанию неприятельскую батарею. Между тем завязался жестокий бой по всей линии. На левом крыле французов маршал Ней послал дивизию Ледрю против Краснинского предместья, а дивизию Маршана — против Королевского бастиона. Но величайшие усилия неприятель производил в центре своей линии, где он не был подвержен действию российских батарей правого берега. Дивизии Гюдена и Морана, построившись в густые колонны и предшествуемые многочисленной артиллерией, устремились на Мстиславльское и Рославльское предместья и после упорного двухчасового боя овладели оными. Генерал Дохтуров нашелся принужденным увести войска свои в город, однако ж он оставил стрелков в овраге и на недоконченном прикрытом пути, находившемся перед Малаховскими воротами. Около того же времени войскам корпуса князя Понятовского удалось засесть в Никольском предместье. Дивизия генерал-лейтенанта Коновницына, выступив из Никольских ворот, прогнала поляков из сего предместья, однако ж не могла сама удержаться в оном, принуждена была отступить на прикрытый путь перед Никольскими воротами.

Упорство, с которым неприятель производил все свои нападения, побудило главнокомандующего подкрепить генерала Дохтурова 4-й пехотной дивизией принца Евгения Виртембергского от 2-го корпуса генерал-лейтенанта Багговута. Одна бригада этой дивизии сменила лейб-гвардии Егерский полк; принц Виртембергский с прочими двумя бригадами пошел через город к Малаховским воротам.

Неприятель по овладении предместья поставил там на батареях более 150 орудий, дабы ломать городскую стену. К 5 часам вечера колонны его сделали решительное нападение на Малаховские ворота, коими и успели овладеть на короткое время, но войска 3-й и 4-й пехотных дивизий, побуждаемые примером храбрых начальников своих, генералов Коновницына и принца Виртембергского, бросившись на неприятеля

Битва за Смоленск.
1812 г.

в штыки, возвратили оспариваемые ворота. Неприятель, прогнанный за прикрытый путь, снова прибегнул к своей артиллерии: генерал граф Сорбье, поставив две батареи для действования вдоль прикрытого пути, принудил россиян выйти из оного, между тем как другие гаубичные батареи били по башням и зажигали городские дома, которые, будучи крыты гонтом, легко загорались. Россияне, оборонявшие стены, находились между ударами неприятельскими и пламенем от пожара, однако, несмотря на сие, с редкой неустрашимостью удерживали места свои, и несколько нападений, возобновленных неприятелем около 7 часов вечера, были отражены, точно как и первая его атака. В конце сражения неприятель на левом крыле своем успел овладеть Краснинским предместьем, но 30-й и 48-й егерские полки 17-й пехотной дивизии генерала Олсуфьева от 2-го корпуса генерал-лейтенанта Багговута, коим главнокомандующий приказал перейти Днепр для подкрепления батальонов дивизии Лихачева, вытесненных из предместья, снова выгнали оттуда французов в поле. В 9 часов пальба утихла на всех пунктах. Генерал Дохтуров удержал за собой город, и передовые посты его по-прежнему заняли прикрытый путь.

В боях под Смоленском неприятель потерял до 20 000 человек, выбывших из строя. Сверх того был убит генерал Грабовский и ранены генералы Грандо, Дальтон и Зайончек. Урон с российской стороны также был значителен, особенно в бою 5 числа, в котором они упорно держались во внешних постах перед городом. В сей один день потеряли они около 6000 человек, выбывших из строя, а генерал-майоры Скалон и

Балла были убиты. Оборона Смоленска тем более чести приносит генералу Дохтурову, что даже вместе с дивизией принца Евгения Виртембергского и 30-м и 48-м егерскими полками, присоединившимися к нему весьма поздно, он не более как с 30 000 человек противостоял 72 000, коих неприятель ввел в дело в первой линии.

Чрезвычайный успех обороны Смоленска подавал надежду, что в следующие дни новые усилия, которые неприятель будет производить для овладения городом, равномерно останутся тщетными, но генерал Барклай де Толли рассудил, что Наполеон, потянувшись вправо, мог овладеть Московской дорогой, которую Вторая армия одна не в состоянии была защищать с успехом. В сем предположении российские армии были бы оттеснены к городу Поречью и северным губерниям, совершенно отрезаны от важного среднего пути действий[1] и потеряли бы всякую связь с плодородными полуденными губерниями. Дабы обезопасить себя от сих гибельных последствий, главнокомандующий Первой армией, довольствуясь кровопролитным уроком, данным от него неприятелю, решился оставить Смоленск, что и было исполнено в ночь с 5 на 6 число по снятии мостов на Днепр.

6 августа на рассвете разные корпуса Первой армии получили приказание занять назначенную для них позицию по дороге к Поречью. Едва начали они свое движение, как неприятель перешел Днепр вброд, овладел Петербургским предместьем и начал выходить на равнину, через которую лежит дорога к Поречью, в густых колоннах, прикрытых цепью стрелков. Генерал Барклай де Толли приказал отступающим полкам обратиться назад и ударить на неприятеля. Отразить французов, прогнать их за Днепр и опять овладеть Петербургским предместьем было для сих войск, предводительствуемых генерал-лейтенантом Коновницыным, мгновенное дело. После сего генерал-адъютант барон Корф, оставленный в предместье с сильным арьергардом, держался в нем целый день и производил довольно сильную перестрелку с неприятелем, на противном берегу стоявшим. Вторая армия, оставив позицию свою при речке Колодне, пошла к Дорогобужу.

Того ж дня поутру Наполеон имел въезд в Смоленск, представлявший одни только развалины — плачевное действие пожара, который все еще продолжался. Вице-король Итальянский, накануне подвинувшийся на четыре версты за деревню Корытню, прибыл к Смоленску и расположился верстах в четырех позади сельца Жигмонтова. Пехотная дивизия генерала Пино от его корпуса осталась при Корытне. Корпус генерала Жюно, долго блуждавший наудачу, присоединился к армии.

Позиция, по оставлении Смоленска занятая российской Первой армией по дороге к Поречью, могла быть только кратковременная, ибо для нее весьма важно было не дать разобщить себя со Второй армией и, выйдя на Московскую дорогу, по-прежнему стать на самом естественном пути своих действий. Вследствие сего генерал Барклай де Толли вознамерился привести в движение свою армию 6 числа вечером двумя колоннами, которые и должны были в два перехода соединиться на переправе чрез Днепр при деревне Соловьевой. Левая колонна под начальством генерала Дохтурова, из 5-го и 6-го пехотных, 2-го и 3-го кавалерийских корпусов и всей резервной артиллерии составленная, выступила в 7 часов пополудни чрез селения Зыкалино, Поисклову, Маршулки

[1] *Примечание переводчика.* Ведущего от Вильно через Минск, Оршу и Смоленск на Москву.

Смоленск
18 августа 1812 г.

и Сущева к Прудищам. Правая колонна под начальством генерал-лейтенанта Тучкова 1-го, из 5, 4 и 2-го пехотных и 1-го кавалерийского корпусов состоявшая, выступила в 9 часов по дороге чрез Крахотхино, Горбуново, Жуково, Жабино, Кошаево и Лубино, дабы идти к селу Бредихину. Арьергард генерал-адъютанта барона Корфа оставил Петербургское предместье Смоленска уже 7 числа рано поутру и пошел вслед за правой колонной. Генерал Платов, отрядив несколько казачьих полков к арьергарду генерала Корфа[1], остальные полки свои протянул цепью от Смоленска к Поречью. Эта цепь должна была отступать сходящимися путями к деревне Соловьевой, дабы по переходе в семь верст армии чрез Днепр, составить главный арьергард оной.

Распоряжения, которые главнокомандующий принужден был принять для означенного движения, не могли быть приведены в действо иначе как с некоторыми затруднениями: расстояние, предстоявшее для перехода правой колонны до деревни Лубина, где назначено ей выйти на большую Московскую дорогу, было более расстояния от сей же деревни до Смоленска по большой дороге, а как эта дорога была защищаема только последними войсками арьергарда князя Багратиона, состоявшими из четырех казачьих полков под начальством генерал-майора Карпова, то неприятель легко мог, опрокинув сей слабый отряд, тем скорее предупредить голову правой колонны на соединении большой дороги с малой, по коей следовала армия, что эта последняя дорога была в худом состоянии. В предосторожность от таковой опасности главнокомандующий отрядил в авангард генерал-майора Тучкова 3-го с тремя казачьими, Елисаветградским

[1] *Примечание переводчика.* Этот арьергард состоял из Сумского, Мариупольского, Изюмского гусарских, восьми егерских, нескольких казачьих полков с ротой конной артиллерии.

гусарским, Ревельским пехотным, 20-м и 21-м егерскими полками и ротой конной артиллерии, дав ему приказание выступить часом ранее армии, усиленным маршем спешить на Московскую дорогу и, выйдя на нее, следовать назад к Смоленску для подкрепления казаков генерала Карпова. Самое событие оправдало необходимость этого распоряжения.

В ночь с 6 на 7 число неприятель успел поставить мосты в Смоленске. Маршал Ней перешел Днепр в 4 часа пополуночи, за ним следовала кавалерия короля Неаполитанского. В то же время генерал Жюно получил приказание идти к Прудищеву и, переправясь у сего селения чрез Днепр, продолжать движение свое чрез Щенково к деревне Латишину, дабы отрезать российские войска, которые могли еще находиться между Латишиным и Смоленском. Маршал Ней, выступив из Петербургского предместья по дороге через Пезовию в Стабну, повернул потом к деревне Горбуновой, из коей голова его колонны вытеснила последние войска корпуса генерал-лейтенанта Багговута, уже прошедшего означенную деревню. Потеря сего пункта тем гибельнее была для россиян, что чрез то неприятель отрезал от главных сил армии арьергард генерала Корфа, находившийся еще позади, в окрестностях Полуева, почему генерал Барклай де Толли, видя необходимость обратно занять Горбунову, приказал атаковать эту деревню 4-й пехотной дивизией принца Евгения Виртембергского, которую и возвратил назад. Нападение это увенчано было полным успехом: после боя, около двух часов продолжавшегося, французы выгнаны были из деревни, принц Виртембергский занимал ее до прибытия генерала Корфа.

Между тем как это происходило при Горбуновой, Наполеон, лично прибывший к корпусу маршала Нея, приказал ему переменить свое направление, дабы чрез деревню Валутину Гору выйти на большую Московскую дорогу. Генерал-майор Тучков 3-й, 7 числа около 8 часов пополуночи вышедший на ту же дорогу, следовал по ней к Смоленску до высот, лежащих между деревнями Топоровщиной и Латишиным, где и рассудил за благо остановиться, дабы дать отдохнуть войскам своим, утомившимся от беспрерывного, целых 12 часов продолжавшегося, похода. Сам генерал-майор Тучков вместе с генерал-квартирмейстером Толем поехал к отряду генерала Карпова в намерении высмотреть неприятеля, которого и нашли они в полном движении, производящего наступление свое в густых пехотных и кавалерийских колоннах. В то же время казачьи разъезды, посланные влево, известили, что неприятель строил мосты на Днепре близ Прудищева, верстах в восьми выше Смоленска. Таковые обстоятельства побудили генерал-майора Тучкова возвратиться к своему отряду, дабы принять меры к обороне. 20-й и 21-й егерские полки заняли лески, находившиеся по обе стороны большой дороги. Конная артиллерия поставлена была на высоте, чрез которую пролегает большая дорога, так что могла бить вдоль сей дороги на довольно дальнее расстояние. Ревельский пехотный и Елисаветградский гусарский полки остались в резерве. Три казачьих полка отряжены были влево, к деревне Даниной, для наблюдения неприятельского корпуса, долженствовавшего переправляться при Прудищевом. Между тем 1-й кавалерийский и 3-й и 4-й пехотные корпуса успели уже пройти деревню Лубино, на соединении дорог лежащую, и продолжали тянуться к селу Бредихину, за исключением лейб-гренадерского и гренадерского графа Аракчеева полков, которые генерал-лейтенант Тучков 1-й для предосторожности послал из деревни Дубина на подкрепление к отряду генерал-майора Тучкова 3-го.

К 10 часам пополуночи голова колонны маршала Нея показалась перед позицией, занимаемой генерал-майором Тучковым, и пехотная дивизия генерала Разу тотчас начала нападение, будучи постепенно поддерживаема дивизиями генералов Ледрю и Маршана, следовавшими близко за ней. Генерал-майор Тучков чувствовал, что не может оставить своего места, не подвергнув опасности 2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута, который, будучи задержан боем при Горбуновой[1], отстал от своей колонны и не успел еще выйти на большую дорогу, а потому и решился защищаться до последней крайности, несмотря на чрезмерное превосходство неприятеля. Бой завязался с таким ожесточением, что генерал-лейтенант Тучков для успешного поддержания брата своего счел за нужное возвратить назад корпуса, уже пришедшие к селу Бредихину.

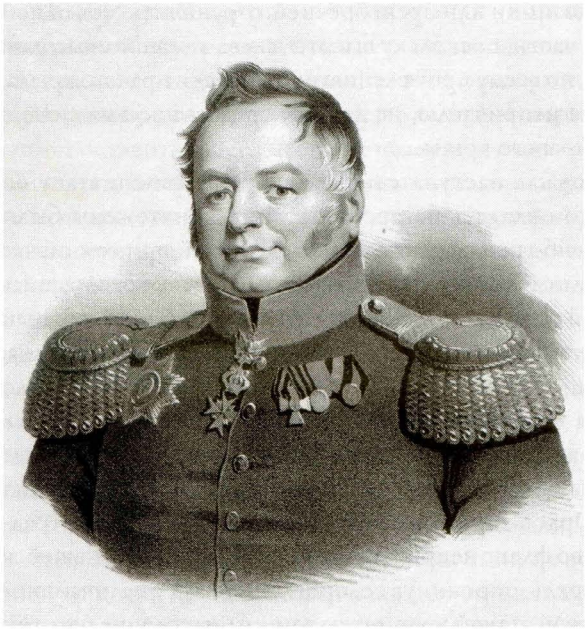
Генерал-майор Тучков 3-й после храброго сопротивления, с 10 часов по полуночи до 3 часов пополудни продолжавшегося, наконец не мог устоять против многочисленности неприятеля и отступил за речку Страгань, которой и прикрылся. В этой новой позиции он подкреплен был восемью батарейными орудиями, тремя полками и одним батальоном пехоты и двумя полками и двумя эскадронами кавалерии. Генерал Барклай де Толли, лично прибывший на место сражения, сделал следующие распоряжения: восемь батарейных орудий поставлены были на возвышенности, повелевавшей большой дорогой; другая батарея о восьми орудиях конной артиллерии поставлена возле дороги, по правую сторону первой батареи; полки лейб-гренадерский, Елецкий и Екатеринбургский пехотные расположились за артиллерией; Ревельский полк, заняв лес между деревнями Грейчиши и Дорины, составил оконечность правого фланга; по левую же сторону большой дороги 20-й и 21-й егерские полки заняли болотистую, кустарником поросшую долину, которая разрезала надвое позицию; в подкреплении за этими полками находились: один сводный гренадерский батальон 3-й дивизии и один батальон гренадерского графа Аракчеева полка; другой батальон того ж полка стал левее, на высоте позади рощи, к деревне Бублеевой простирающейся, которая и занята была Рыльским полком. Кавалерия под начальством генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, состоявшая из гусарских полков Елисаветградского, Мариупольского, Сумского и двух эскадронов Изюмского с четырьмя орудиями конной артиллерии, построилась на оконечности левого фланга в направлении к деревне Синявиной, на высоте, где открытое место способно было для действий сего рода войска; генерал Карпов с казаками своими расположился впереди левого крыла, против деревень Гумничина и Мартина. Позиция эта представляла важную неудобность в том, что все левое крыло прислонено было к болотам, составляемым речкой Самили, и к тому еще отделено было от правого крыла вышеупомянутой болотистой долиной. Несмотря на то, крайняя необходимость не позволяла оставить эту позицию, ибо оная непосредственно прикрывала место, где дорога из Горбуновой выходит на большую Московскую дорогу. Нельзя было отступить за реку Самили, не открыв совершенно дороги из Горбуновой, пролегающей вдоль левого берега этой речки, и, следовательно, не подвергши опасности корпус генерал-лейтенанта Багговута и арьергард генерал-адъютанта барона Корфа, которые еще тянулись по этой дороге. Равным образом невозможно было из-

[1] *Примечание переводчика.* И дурной дорогой, совершенно испортившейся от прохода по ней большого числа войск с артиллерией.

бегнуть неудобностей левой части позиции или пренебречь ей, ограничить себя одной защитой большой дороги и правой части, поскольку высоты, слева лежащие, выгодно повелевали долиной речки Самили, по всему протяжению оной позади правого крыла, и нельзя было оставить эти высоты неприятелю, не дав ему средства весьма сильно обеспокоивать тыл и отступление правого крыла.

Между тем маршал Ней продолжал наступательное движение свое и атаку по большой дороге, но все усилия его овладеть батареей россиян уничтожены были храбростью их пехоты, и именно лейб-гренадерского полка, который при сем случае покрыл себя славой. Тогда неприятель сделал покушение обойти батарею, потянувшись чрез болотистую долину; 20-й и 21-й егерские полки подались было назад, но сводный гренадерский батальон 3-й дивизии и батальон гренадерского графа Аракчеева полка, служившие для них подкреплением, ударив в штыки, опрокинули неприятеля. Около того же времени большие громады кавалерии короля Неаполитанского показались против левого крыла позиции россиян, и казаки генерал-майора Карпова, опрокинутые неприятелем на Сумский гусарский полк, увлекли его в бегстве своем. Для отвращения следствий этого беспорядка граф Орлов-Денисов с Мариупольским и Елисаветградским гусарскими полками ударили во фланг неприятельской кавалерии, пустившейся преследовать казаков, и, в свою очередь, опрокинув ее, прогнали назад с величайшим успехом. В одно время с кавалерийской атакой неприятель учинил нападение пехотой также и на рощу, находящуюся перед деревней Бублеевой, но Рыльский пехотный полк и батальон гренадерского графа Аракчеева полка, отразив это нападение, удержали рощу за собой.

Мы уже видели, что генерал Жюно отряжен был Наполеоном, дабы, переправясь чрез Днепр у селения Прудищева, атаковать левый фланг российского арьергарда, но злосчастное созвездие сего генерала еще раз заставило его сделать ложное движение: он снова заблудился и не мог принять участия в сражении. Маршал Ней, видя себя лишенным содействия сего корпуса, потребовал подкрепления у других корпусов, оставшихся под Смоленском. Маршал Даву, вслед за ним перейдя реку Днепр, тотчас послал к нему пехотную дивизию генерала Гюдена, которая прибыла на место сражения в пять часов пополудни, и маршал Ней тотчас сделал распоряжения свои к новому нападению: пехотные дивизии Гюдена и Разу, построившись в колонны к атаке, с решительностью устремились против центра позиции россиян, в болотистой долине расположенного, в намерении, прорвав оный, обойти с одной стороны батарею, стоявшую на большой дороге, а с другой — Бублеевский лес; пехотные дивизии Ледрю и Маршана следовали за ними в резерве. Генерал Барклай де Толли, усмотрев, что неприятель усугубил усилия, и со своей стороны также подвинул вперед часть тех полков 3-го и 4-го пехотных корпусов, которые еще не были в деле. Генерал-лейтенант Коновницын с Муромским, Черниговским и Копорским полками, оставшимися еще в его дивизии, пошел на подкрепление к центру, защищавшему долину. Екатеринославский гренадерский полк назначен был для подкрепления правого крыла, а Перновский и Полоцкий пехотные полки с ротой конной артиллерии обратились к левому крылу, дабы доставить опору кавалерии, на этом крыле расположенной. 1-й кавалерийский корпус получил приказание построиться на высотах впереди села Духовского, на левом фланге Кексгольмского пехотного полка, который один только остался в резерве из всего 4-го пехотного корпуса, близ разоренной



П. А. Тучков
(1776–1858)

деревни Лукановой. Павловский, Таврический и Санкт-Петербургский гренадерские полки[1] составили последний резерв при деревне Лубине.

Вышесказанные подкрепления подоспели весьма кстати. Войска, занимавшие долину, не могли устоять против стремительного нападения слишком превосходного в числе неприятеля и были опрокинуты; настояла уже опасность, что центр будет разорван и сражение невозвратно потеряно, когда генерал Коновницын прибыл с тремя своими полками. Он тотчас ударил на неприятеля в штыки, опрокинул его, выгнал из долины с большой потерей и тем восстановил сражение.

К 7 часам пополудни прибыл генерал Багговут с пехотным корпусом своим. Четыре полка 17-й дивизии генерал-лейтенанта Олсуфьева посланы были на позиции, где расположились они позади Екатеринославского, Елецкого и лейб-гренадерского полков, много потерпевших от боя, выдерживаемого ими с самого утра. 4-я дивизия принца Евгения Виртембергского поставлена была в резерве за правым крылом. Батарея, на большой дороге находившаяся, сменена была батарейной ротой полковника Воейкова. Спустя несколько времени присоединился к армии также арьергард генерал-адъютанта Корфа, который и был расположен на правом фланге дивизии принца Виртембергского, имея правый фланг свой позади Тычининского леса. Между тем как это происходило в центре и на правом крыле, на левом блистательные атаки, несколько раз произведенные 26 эскадронами графа Орлова-Денисова, привели в ужас многочисленную кавалерию короля Неаполитанского и принудили ее отступить к деревне Гумничину, откуда она и продолжала бой одной только артиллерией.

Худой успех предыдущих нападений не обезохотил еще маршала Нея. Он произвел новые усилия для овладения батареей и высотой на большой дороге, однако не был счастливее прежнего, и мужественная оборона россиян еще раз уничтожила все его покушения. Наконец, к 9 часам дивизия Гюдена, пользуясь наступившей темнотой, перешла речку Страгань, с бешенством устремилась против правого крыла россиян и подошла даже на полкартечный выстрел к их правой батарее. Генерал-майор Тучков 3-й с Екатеринославским гренадерским полком ударил на неприятеля в штыки, за ним последовал генерал-лейтенант Олсуфьев с полками своей дивизии. Неприятель был

[1] *Примечание переводчика.* С тремя ротами артиллерии составили последний резерв при деревне Лубине.

Между Смоленском и Валутиной горой.
19 августа 1812 г.

опрокинут и принужден возвратиться за речку Страгань со значительной потерей, но сам генерал-майор Тучков 3-й, слишком подвергавшийся опасности, взят был в плен. Покушение это было последним успехом со стороны французов, и вскоре после этого огонь прекратился по всей линии.

Бой, нами здесь описанный, по всей справедливости можно почесть за образец беспримерной стойкости и твердости духа российских войск. Дабы доказать это, достаточно будет представить верный счет числа пехоты, употребленной в дело с обеих сторон. В 48 батальонах трех пехотных дивизий корпуса маршала Нея не могло быть менее 25 000 человек, в дивизии Гюдена, из 18 батальонов состоявшей, считалось более 10 000 человек под ружьем — и так силы неприятельские, в конце сражения употребленные в дело, простирались с лишком до 35 000 человек. Со стороны россиян генерал-майор Тучков 3-й вступил в дело только с 2400 человек пехоты и с такой горстью храбрых воинов имел славу выдерживать первые нападения неприятельские с 10 часов утра до 3 часов пополудни. Первое подкрепление, присланное к нему генерал-лейтенантом Тучковым 1-м, состояло из двух гренадерских полков в числе 2200 человек. Второе подкрепление, найденное им уже по отступлении за речку Страгань, состояло из 2000 пехоты. Третье подкрепление из 4500 человек призвано на место сражения самим генералом Барклаем де Толли, дабы удержать усилия маршала Нея, к которому присоединилась тогда дивизия Гюдена. Наконец, четыре полка дивизии Олсуфьева, в коих было 4100 человек, составили четвертое и последнее подкрепление. Из сего счета, в достоверности которого нельзя сомневаться, видно, что в конце боя российская пехота состояла всего из 15 000 человек

Между Дорогобужем и Славково.
27 августа 1812 г.

под ружьем и, следовательно, с лишком вдвое слабее была неприятельской. Российская пехота, оставшаяся в резерве, состояла из трех гренадерских полков 3-го корпуса, Кексгольмского пехотного полка, 4-й дивизии принца Евгения Виртембергского и полков арьергарда генерал-адъютанта Корфа, и во всех оных было не более 16 000 человек.

Потерю, претерпенную россиянами в сем кровопролитном бою, должно полагать почти в 5000 человек убитых и раненых. Урон неприятельский простирался до 9000 человек, и у него взято 500 человек пленных. Генерал Гюден убит был пушечным ядром в то самое время, когда его дивизия вступала в дело.

7 августа корпуса маршала Даву и князя Понятовского перешли Днепр в Смоленске. Гвардия осталась в этом городе, в котором Наполеон занял свою главную квартиру. Корпус вице-короля Итальянского расположился в одном из предместий Смоленска.

8 числа в четыре часа пополуночи правая колонна Первой армии выступила к деревне Соловьевой, где и соединилась с левой колонной. Вся армия перешла Днепр 8 и 9 числа и остановилась при Умолье. Арьергард под начальством генерала Платова, составленный из Сумского, Мариупольского и Елисаветградского гусарских, Польского уланского и многих казачьих полков, остался на правой стороне Днепра[1].

Для поддержания его на левом берегу реки оставлен был генерал-майор барон Розен с шестью егерскими полками[2], полуротой легкой и ротой конной артиллерии. Вторая армия перешла к деревне Михалевке.

---

[1] *Примечание переводчика.* Наблюдая связь с отрядом генерал-адъютанта барона Винцингероде, находившимся в стороне города Духовщины.

[2] 34, 1, 33, 18, 19 и 40-м егерским.

9 августа Вторая армия прибыла к Дорогобужу, Первая подвинулась к селу Усвятью на реке Уже. Под вечер вся кавалерия арьергарда перешла реку Днепр вброд. Неприятель, бросившийся преследовать ее, отбит был огнем артиллерии и стрелков, на левом берегу расположенных.

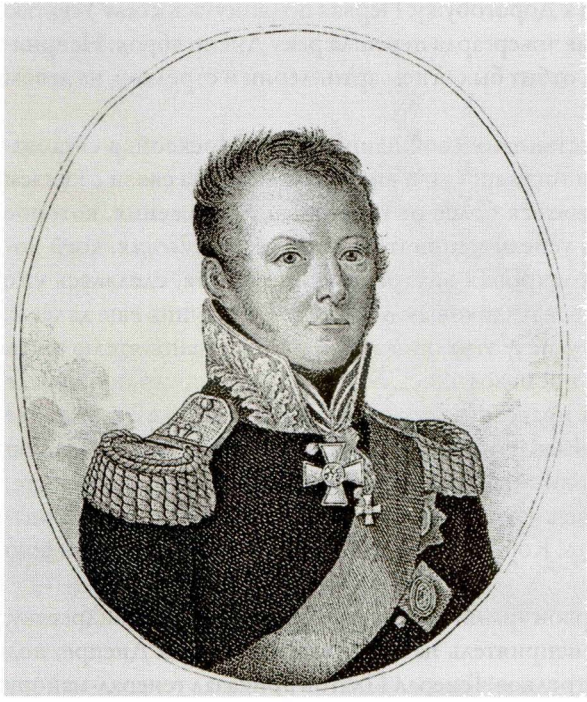
Генерал Барклай де Толли, восстановив сообщение свое с Москвой, а следовательно, и с внутренними областями государства, и видя себя снова на связи с князем Багратионом, долгом счел не уклоняться более от генерального сражения, которое одно только могло еще остановить успехи неприятеля. *Система медления*, коей доселе он следовал, дабы дать время устроить внутренние ополчения, сделалась уже неуместной, ибо нельзя было действовать таковым образом, не отступив еще далее и, следовательно, не повредив самому успеху этих ополчений отдачей неприятелю части тех губерний, в которых ополчения производились. Эти причины побудили генерала Барклая де Толли остановиться на правом берегу речки Ужи, при селе Усватье, где позиция показалась ему довольно выгодной для сражения. В то же время послал он предписание к генералу Милорадовичу, формировавшему новые войска в Калуге, Можайске и Волоколамске, дабы спешить к Вязьме с теми батальонами и эскадронами, которые он успел уже вооружить. Корпус этот должен был служить к замещению урона, понесенного в сражении.

10 августа главная квартира Первой армии переведена была в деревню Андреевку, позади линии лагеря. На рассвете неприятель начал строить посты на Днепре, под прикрытием огня своих батарей и стрелков. Генерал Платов приказал генерал-майору барону Розену отступить к Михалевке с пехотой и регулярной кавалерией арьергарда, а как местоположение при сей деревне оказалось довольно выгодным, то генерал Розен и расположился при оной. В 4 часа пополудни казаки навели неприятеля на эту позицию, где он и был встречен огнем российских стрелков и скрытых батарей. Бой, сделавшийся упорным, продолжался до полуночи, и семь батальонов российских егерей, подкрепленных 20 орудиями, успели уничтожить все усилия неприятеля[1].

11 числа Вторая армия, возвратившись от Дорогобужа, расположилась на левом фланге Первой армии. Генерал-майор граф Сиверс с сильным отрядом пехоты и кавалерии оставлен был при Дорогобуже на правом берегу Днепра для наблюдения с той стороны. В полдень генерал-майор Розен прибыл к Усвятью, а под вечер генерал Платов с казаками также сблизился к этому селению.

Между тем Французская армия начала уже чувствовать следствия утомительных переходов, ею произведенных. Особенно много потерпела кавалерия, так что изнуренные лошади оной с трудом уже двигались. Артиллерийские лошади были не в лучшем состоянии. Причины эти вообще заставляли полагать, что Наполеон не пойдет далее Смоленска и остаток похода употребит на то, чтобы утвердиться в Польше и обезопасить тыл свой, вытеснив Третью армию генерала Тормасова из Волынии, что и мог он исполнить, послав от Смоленска к Мозырю сильный корпус, который, опрокинув корпус генерала-лейтенанта Эртеля, угрожал бы сообщениям генерала Тормасова с Киевом и нижним Днепром. Овладев таким образом всеми областями, прежде принадлежавшими Польше, Наполеон мог бы восстановить это королевство и в продол-

[1] *Примечание переводчика.* Кавалерия не имела никакого участия в сем деле, ибо местоположение не представляло удобности для ее действий. У неприятеля взято в плен несколько офицеров и до 60 человек нижних чинов.



Ф. Ф. Винцингероде
(1771–1818)

жение зимы получить от него все военные способы, необходимые к вернейшему успеху нового похода, который он предпринял бы на Москву будущей весной. Но таковое предначертание, соображенное с осторожностью, весьма близкой к боязливости, несовместно было с пылким духом французского императора, который, видя российские армии на полном отступлении к Москве, долгом счел оттеснить их даже за эту столицу, овладев которой, надеялся принудить Россию к миру, самому славному и полезному для дальнейших предприятий своих. Осуждать такую решимость — было бы самому подвергнуться справедливому нареканию, что судить о делах после происшествия? В самом деле, можно ли было с основательностью советовать Наполеону остановиться среди успехов своих и отказаться от других, еще блистательнейших, которые ему представлялись? И если бы он последовал этому совету, то история не имела ли бы право сделать ему упрек, подобный тому, который был учинен Магоарбалом и с лишком 2000 лет отягощает память Анибалла? Особенно не должно упускать из виду того, что Наполеон был извещен о внутренних ополчениях россиян и что, следовательно, первый долг его требовал действовать с быстротой, дабы предупредить окончательное устроение оных.

Французский император, решившийся положиться на счастье свое, 11 августа выступил из Смоленска с гвардией на соединение с корпусами маршалов Даву, Нея, князя Понятовского, генерала Жюно и кавалерией короля Неаполитанского, собравшимися перед Усвятьем. Пехотная дивизия Пино от 4-го корпуса и легкая кавалерийская дивизия Пажоля от корпуса Монбрюна отряжены были 9 числа к Витебску, которому угрожал российский отряд генерал-адъютанта Винцингероде. Обе дивизии эти пошли сперва к Лиозне, где узнав, что генерал Винцингероде находился у Суража, обратились к сему городу, но по прибытии к местечку Яновичам они получили приказание возвратиться к армии, к которой и прибыли уже после битвы Бородинской. Пехотная дивизия Домбровского от 5-го корпуса равномерно получила приказание возвратиться к Бобруйску на смену кавалерийскому корпусу Латур-Мобурга, который должен был соединиться с армией, оставив генералу Домбровскому 12 эскадронов. Вице-король Итальянский с остатком своего корпуса 11 августа выступил из Смоленска к селу Во-

лодимерову с намерением вытеснить россиян из города Духовщины. Перед ним шел кавалерийский корпус генерала Груши.

Кавалерия короля Неаполитанского, прибыв к Усвятью по следам генерала Платова, сделала обозрение позиций, россиянами занимаемых, и показала вид, что хочет обойти левое крыло их. Князь Багратион, опасавшийся, чтобы обе армии не были отрезаны от Дорогобужа и оттеснены в угол, составляемый речкой Ужей с Днепром, убедил генерала Барклая де Толли, оставившего позицию, искать другую, выгоднейшую, по дороге к Вязьме. В ночь с 11 на 12 число обе армии опять начали свое отступление: Вторая армия прибыла к селу Бражину, на левый фланг Первой армии, остановившейся при Дорогобуже; 2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута расположился на правом берегу Днепра, а отряд генерал-майора графа Сиверса присоединился к князю Багратиону.

12 августа вице-король Итальянский хотел было продолжать движение свое к Духовщине, но получив известие от генерала Груши, что россияне оставили сей город, он повернул к Дорогобужу по проселочным дорогам, на правой стороне Днепра лежащим, и прибыл в село Пологи. Того же дня под вечер арьергард генерал-майора Розена получил от генерала Платова приказание отступить на позицию, находящуюся в семи верстах перед Дорогобужем.

В ночь с 12 на 13 число российские армии опять выступили тремя колоннами: правая, составляемая Второй армией, прибыла к деревне Божану; средняя, из 3, 4, 5 и 6-го пехотных корпусов и всей резервной артиллерии составленная, перешла к селу Чоботову, что близ Зарубежа; а левая колонна из 2-го пехотного и 1-го кавалерийского корпусов с тремя казачьими полками прибыла к Конушкину. Поскольку страна от Дорогобужа к Вязьме открытее, нежели от Дорогобужа к деревне Соловьевой, то 2-й и 3-й кавалерийские корпуса оставлены были позади для поддержания арьергарда, коего регулярные войска, отступив чрез город, остановились за речкой Осьмой.

13 августа вице-король подвинулся к Заселью, где и соединился с генералом Груши. Наполеон с армией пришел к Дорогобужу, а корпус князя Понятовского, отряженный правее, прибыл к селу Волочку.

14 числа Российская армия продолжала свое отступление. Князь Багратион с правой колонной прибыл к деревне Лушкам, генерал Барклай де Толли со средней колонной — к селу Семлеву, а левая колонна — к деревне Афонасьевой. Отряд генерал-адъютанта Винцингероде, державшийся наравне с правым крылом армии, находился между городами Духовщиной и Белым. Для содержания сообщения между этим летучим отрядом и армией послан был генерал-майор Краснов с тремя казачьими полками на дорогу из Вязьмы в Духовщину. Генерал-майор Шевич с двумя батальонами и двумя драгунскими полками от 1-го кавалерийского корпуса должен был поддерживать генерала Краснова. Арьергард армии в продолжение целого дня держался за речкой Осьмой, и все усилия французского авангарда вытеснить его из этой позиции отражаемы были огнем российских стрелков и артиллерии. Под вечер генерал-майор Розен отступил за речку Кострю. Вице-король, продолжавший следовать по правому берегу Днепра, прибыл к селу Михайловскому.

15 августа все войска Первой армии соединились под Вязьмой; Вторая армия расположилась на ее левом фланге при селе Скоблевом, что на дороге из Вязьмы в Юхнов. Регулярные войска арьергарда генерала Платова заняли позицию при селе Беломирском

В окрестностях Семлево.
27 августа 1812 г.

на левом берегу речки Осьмы. 1-й егерский полк оставлен был в кустарниках правого берега. Неприятельский авангард, прогнав казаков, приблизился к Беломирскому и многочисленностью своей принудил 1-й егерский полк перейти вброд речку Осьму, однако король Неаполитанский, видя затруднительность с лица атаковать позицию[1], решился обойти оную, переправив чрез Осьму кавалерию свою выше левого фланга россиян при деревне Рыбках. Генерал Платов, применив это движение, перевел на левое крыло всю кавалерию свою, которая двукратно произведенными атаками принудила неприятеля возвратиться за речку. Но как сильные подкрепления, беспрестанно получаемые неприятелем, не позволяли надеяться, чтобы российская кавалерия могла долго сопротивляться, то в 7 часов пополудни генерал Платов приказал генерал-майору Розену мало-помалу отступать к селу Семлеву, что и произведено было в наилучшем порядке[2].

Передовые казачьи посты ночевали на месте сражения. Генерал Барклай де Толли для поддержания своего арьергарда поставил 1-й и 9-й кавалерийские корпуса уступами по дороге из Вязьмы в Семлево. Того же дня Наполеон с армией своей подвинулся к селу Славкову. Вице-король Итальянский, перейдя Днепр у села Благова, прибыл к Агапошину.

Поскольку окрестности Вязьмы не представляли позиции, довольно выгодной для сражения, то генерал Барклай де Толли решился отступить еще далее для отыскания

[1] *Примечание переводчика.* Ибо высоты левого берега реки заняты были российской артиллерией.

[2] В этот день все войска арьергарда и 32 орудия находились в деле с неприятелем.

другого удобнейшего местоположения. 16 августа обе российские армии пришли к селу Федоровскому. Арьергард, живо преследуемый неприятелем, отступил к городу Вязьме. Из-за болезни генерала Платова генерал-лейтенант Коновницын принял начальство над арьергардом. Наполеон с армией прибыл к селу Семлеву; князь Понятовский, с правой стороны прикрывавший его движение, перешел к селению Лужкам; а вице-король Итальянский, прикрывавший слева, подвинулся к деревне Берескам.

17 августа обе российские армии расположились при Царевом Займище. Генерал Коновницын по зажжении магазинов в Вязьме начал отступать и остановился в 18 верстах впереди армии. Наполеон приблизился к городу Вязьме, рано поутру занятому его авангардом. Вице-король, миновав этот город, остановился при селе Новом, по дороге в город Сычевку. Князь Понятовский расположился при селе Покровском.

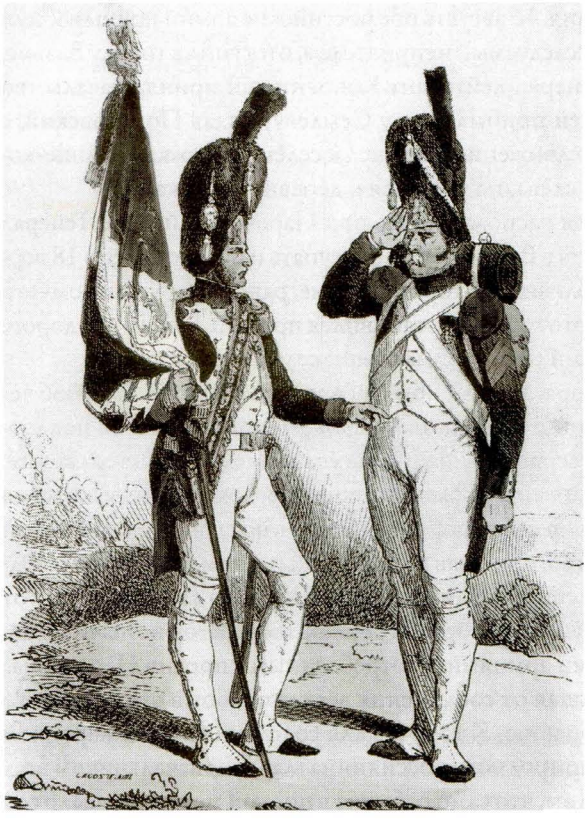
Того же 17 августа генерал Милорадович прибыл в Гжатск с корпусом из 14 466 человек пехоты и 993 человек кавалерии. Генерал Барклай де Толли, видя себя поддержанным довольно значительным резервом, решился, не уклоняясь более от сражения, принять его в позиции, занимаемой армией на равнине при Царевом Займище, которая хотя и не представляла никакого прикрытия для флангов армии, но главнокомандующий надеялся отвратить данное неудобство, прикрыв их редутами и легкими войсками. Однако же приготовления к сражению еще раз были остановлены прибытием генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова, которого государь император назначил главнокомандующим всеми российскими армиями, употребленными против Наполеона.

Признанная польза, происходящая от соединения всех способов в руках единого вождя, побудила к сему новому избранию. К тому же для соделания войны народной весьма выгодно было постановить природного россиянина главным начальником всех вооружений. Впоследствии мы увидим, что само событие в полной мере оправдало сей мудрый поступок императора Александра.

Князь Кутузов по прибытии своем в главную квартиру Царево Займище 17 числа вечером тотчас принял главное начальство над армиями.

Читатель, конечно, заметил, что действия Наполеона, в данной главе описанные, хотя искуснее соображены были, нежели в начале похода, однако все еще подлежат критике. Намерение его обойти левый фланг российских армий, коих нерешимость он заметил во время движения их к местечку Рудне, конечно, заслуживает величайшей похвалы, но он не воспользовался всеми выгодами, представляемыми ему сим превосходным маневром. Вместо того чтобы атаковать Смоленск 5 августа, не лучше ли бы сделал он, если б, оставив против оного только сильный наблюдательный корпус, с остатком армии своей потянулся вправо, за реку Днепр, дабы атаковать левое крыло российских армий, подкреплявших этот город?

Великое превосходство числа позволяло Наполеону с безопасностью разделить таким образом свои силы, ибо армия его вместе с корпусами вице-короля и генерала Жюно состояла с лишком из 240 000 человек под ружьем. 90 000, оставленные на левой стороне Днепра, могли бы воспретить Российской армии выйти из Смоленска и удержать ее в окрестностях города, показывая вид, будто намерены учинить сильное нападение на город, между тем как остальные 150 000 человек, перейдя Днепр у селения Прудищева, устремились бы на левое крыло россиян, имевших всего не более



Императорская гвардия Наполеона. 1812 г.

120 000 человек под ружьем, из которого числа надлежит еще вычесть около 20 000, употребленных к защите города. Князь Багратион, долженствовавший выдержать первое нападение, легко мог быть опрокинут, и обе российские армии были бы оттеснены к городу Поречью с потерей всякого сообщения с внутренними губерниями государства. Можно еще упрекать Наполеона в том, что не дал довольного числа войск маршалу Нею, посланному 7 августа для преследования россиян, и не предписал ему быстро идти по большой Московской дороге, дабы предупредить россиян при деревне Лубине, что, вероятно, и удалось бы французскому генералу, если б в самом начале не сделал он ложного движения к деревне Горбуновой.

Действия российских полководцев равномерно подвергаются осуждению. Движение к Рудне, с таким искусством соображенное, могло бы иметь самые блистательные последствия, если б произведено было с быстротою, но генерал Барклай де Толли, напротив того, действовал с нерешительностью, которая доставила неприятелю средство не только отвратить удар, ему угрожавший, но даже и самую Российскую армию привести в гибельное положение, предупредив ее под Смоленском. Одно только храброе сопротивление генерал-лейтенанта Раевского в сражении 4 августа спасло россиян, которые, занимаясь переходами взад и вперед в окрестностях Рудни, легко могли потерять сообщение свое с Москвой. Взамен того решимость генерала Барклая де Толли оставить Смоленск достойна тем большей похвалы, что в этом случае он поступил вопреки мнению князя Багратиона и других главнейших генералов обеих армий, полагавших возможным продолжать оборону Смоленска. Выше сего мы уже показали причины, побудившие к оставлению города, ибо по всей справедливости надлежало помышлять о безопасности Московской дороги. По оставлении Смоленска преждевременное отступление Второй армии за Днепр опять было погрешностью, коей следствия отвращены только удивительной храбростью, оказанной российскими войсками в бою при Лубине. Вторая армия, вместо того чтобы отступать к Соловьевой, должна была бы расположиться перед Лубиным для прикрытия прохождения корпусов Первой

армии, следовавших от Горбуновой к селу Бредихину, и столь значительные силы легко удержали бы неприятеля.

Мы думаем также, что российские генералы, прошедшие за Дорогобуж, должны были бы при Жашковом свернуть с большой Московской дороги, дабы занять позицию у села Знаменского, за рекой Угрой, на соединении двух дорог из Дорогобужа и Вязьмы, ведущих чрез Юхнов в Калугу. Такая перемена пути действия представляла большие выгоды и, может быть, спасла бы еще Москву. Наполеон не осмелился бы продолжать прямого движения к столице, оставляя у себя в тылу всю Российскую армию. Равным образом он опасался бы ослабить себя, отрядив к Москве сильный корпус, а казаки, которых надлежало бы оставить на большой Московской дороге, подкрепленные ополчением этой губернии, без сомнения, были бы в состоянии воспрепятствовать движению корпуса не столь сильного. И так Наполеон нашелся бы принужденным искать способы вытеснить Российскую армию из позиции у Знаменского. Положим, что, не получив еще подкреплений, ею ожидаемых, она почла бы себя не в силах сразиться с ним, то и в этом случае ей оставалось только медленно отступать чрез Юхнов на Калугу или еще лучше чрез Мосальск, Мещовск и Жиздру к Брянску. Отступая в данном направлении, россияне продолжали бы отдалять неприятеля от Москвы, заманивать его к югу и угрожать собственным сообщениям его со Смоленском и Могилевом. Этот новый путь до Москвы был бы тем лучше избран, что прислонил бы Российскую армию к изобильнейшим губерниям государства, а неприятеля удержал бы в Смоленской губернии — стране не столь плодородной и, сверх того, уже разоренной пребыванием в ней обеих противных армий. Нельзя не признаться, что при данных обстоятельствах российские полководцы упустили из виду правило, что данный пункт удобнее можно прикрывать движением, в сторону произведенным, нежели перпендикулярным отступлением в прямом направлении к данному пункту.

Глава V

Битва при селе Бородине. – Отступление Российской армии к Москве. – Оставление сей столицы. – Российская армия отступает по дороге к городу Коломне. – Боковое движение с Коломенской дороги на Калужскую. – Фельдмаршал Кутузов продолжает отступление свое к селу Тарутину.

Прибытие к армии генерала князя Голенищева-Кутузова сделало тем благоприятнейшее впечатление на дух войск российских, что беспрерывные отступления, доселе производимые, отчасти уменьшили доверие армии к своим начальникам. Одно имя Кутузова казалось уже верным залогом победы. Знаменитый старец сей, чья вся жизнь, посвященная служению отечеству, была порукой за доверенность, по справедливости соединял в себе все качества, потребные для противовесия счастью Наполеона. К уму сколь обширному, столько же и проницательному присовокуплял он познания, собственной опытностью и опытом великих мужей, предшественников его, приобретенные, ибо глубокое исследование привело его в состояние ценить великие их подвиги. Кутузов, мудрый, как Фабий, проницательный, как первый Филипп Македонский, в состоянии был предузнавать и уничтожать предприятия нового Анибалла, доселе весьма часто торжествовавшего счастливым соединением хитрости с быстротой, орудий, без сомнения опасных для противников, с посредственным гением, но которые неминуемо долженствовала сокрушить благоразумная осторожность российского полководца. Новые права, недавно приобретенные Кутузовым на общественную признательность взятием в плен Турецкой армии в 1811 году и миром, который успел он заключить с Портой Оттоманской 16 мая 1812 года, миром, полезнейшим для России, нежели выигранные сражения, сделали его предметом любви и надежды сограждан. Войска имели причину обожать его, ибо, не ослабляя никогда необходимых уз воинской дисциплины, он старался не обременять их чрезмерной строгостью или стеснять бесполезными взысканиями. Истинно отеческое попечение его о подчиненных привязывало к нему сердца всех. Одним словом, назначение Кутузова в главнокомандующие одобряемо было всеми благомыслящими россиянами, а малое число тех, которые по личной вражде были противниками великого мужа, не осмелилось обнаружить своего мнения в сей торжественный час, когда, облеченный несомненными знаками доверенности отечества, он готовился вступить на бессмертное поприще, для его старости Провидением предназначенное.

Подвиг, предстоявший Кутузову, быль труден. Армия находилась уже только в 170 верстах от Москвы. В такой близости от столицы нельзя было надеяться спасти оную иначе как победой, но нелегко было одержать эту победу по причине выгод, которые великое превосходство сил доставляло неприятелю. При всем этом сражение сдела-

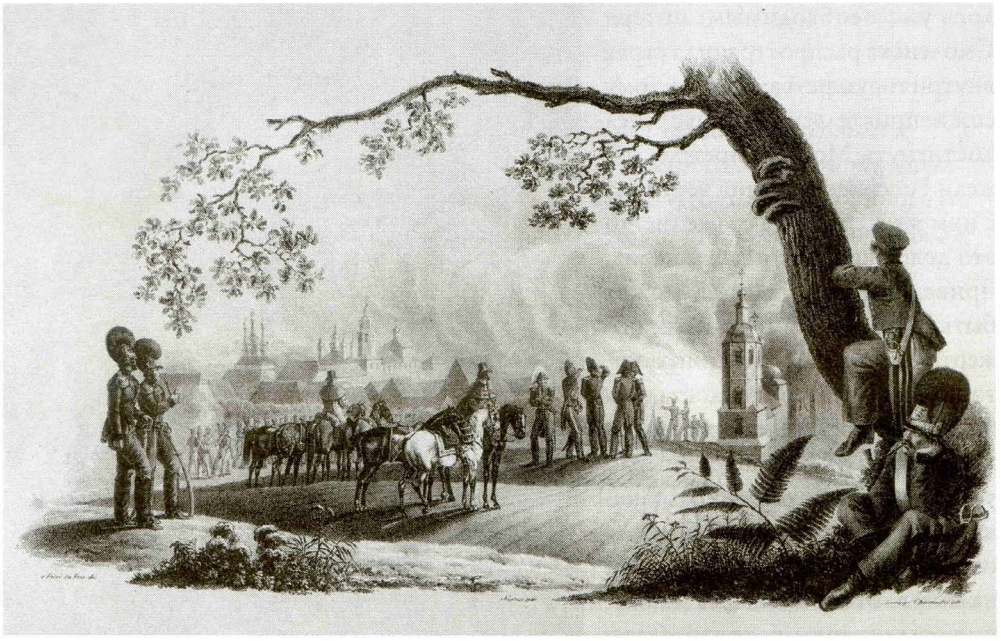
лось уже необходимым: потеря Смоленска распространила страх внутри государства; если б к тому еще неприятельский корпус успел достигнуть Москвы прежде, нежели Российская армия вступила с ним в генеральное сражение, то это довершило бы ужас, и народ, приведенный в уныние, может быть, пожалел бы о великих пожертвованиях, им сделанных, которые, по мнению его, достались бы в руки предателей или людей неспособных. Сами войска твердо уверены были в том, что сохранение Москвы есть первейший долг их, и не согласились бы без ропота на новые отступательные движения, следствием которых было бы оставление столицы. Таким образом, угасло бы и потерялось драгоценное чувство восторга, которое прибытие нового главнокомандующего воспламенило во всех сердцах. Впрочем, надлежало еще принять в уважение и то, что если армия была не столь многочисленна, чтобы могла надеяться на верную победу, то была достаточна к тому, чтобы сильно оспаривать ее и причинить неприятелю значительный урон, тем для него чувствительнейший, что, будучи удален от средоточия могущества своего, он не имел средства заменить потерь, им понесенных, между тем как россияне, окруженные всеми способами своими, без затруднения могли выставить в поле новые силы.

М. И. Кутузов.

Столь важные причины побудили Кутузова привести в действие намерение генерала Барклая де Толли, состоявшее в том, чтобы без отлагательства вступить в генеральное сражение, однако ж он удержался произвести это сражение в открытой позиции при Царевом Займище, а рассудил за благо отыскать другую, крепчайшую, где выгоды местоположения могли бы хоть несколько заменить недостаток числа войск в сравнении с неприятелем[1].

На сей конец армия, 18 августа имевшая дневку при Царевом Займище, на другой день прошла город Гжатск и расположилась при деревне Ивашковой. В том лагере присоединился к ней корпус генерала Милорадовича, а как корпус составлен был из

[1] *Примечание переводчика.* Кроме того, генерал Кутузов хотел сперва сблизиться с подкреплением, которое генерал от инфантерии Милорадович вел к армии.



На бивуаке перед Вязьмой.
30 августа 1812 г.

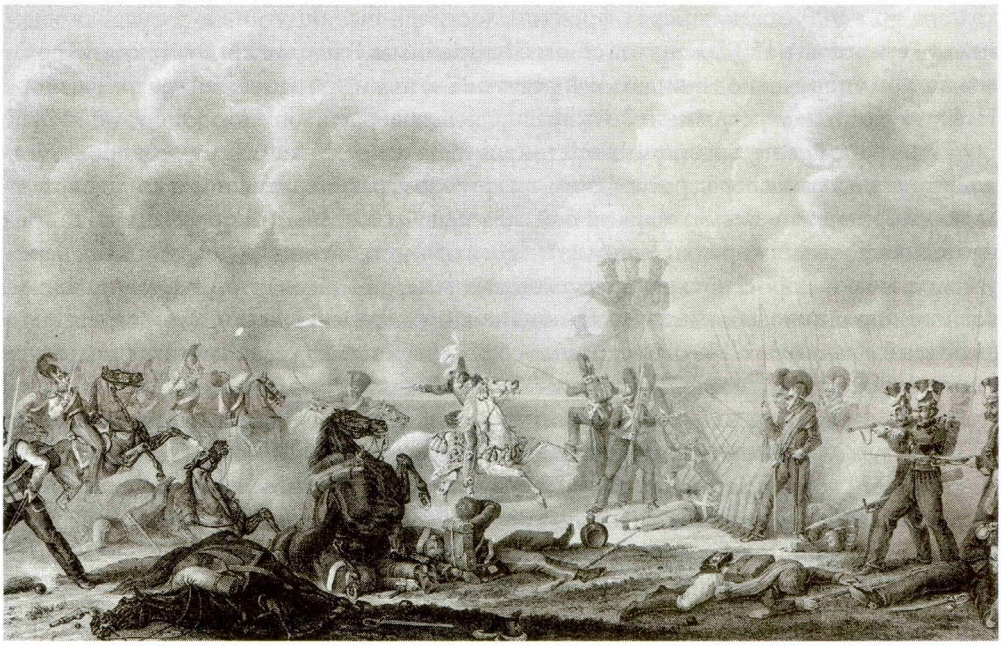
новонабранных войск, то они и были распределены по другим корпусам армии. 20 числа Российская армия подвинулась к деревне Дурыкиной.

Между тем и неприятель продолжал свое движение. 18 августа Наполеон вступил в Вязьму, а князь Понятовский подвинулся к Слукину. 19-го князь Понятовский перешел к Слободе, Наполеон с армией — к Величеву, а вице-король Итальянский — к Покрову. Здесь к последнему присоединилась Баварская кавалерийская дивизия генерала Прейсинга, которая не переставала следовать за армией, хотя 6-й корпус, к коему она принадлежала, оставлен был сзади для подкрепления маршала Удино. 20 числа Наполеон вступил в Гжатск; король Неаполитанский расположился на большой Московской дороге, в 10 верстах впереди Гжатска; князь Понятовский дошел до Будаева, а вице-король — до Павлова. В таком положении неприятель оставался три дня. Один только вице-король сделал 21 числа небольшое движение из Павлова к Воробьеву. Наполеон счел за нужное дать отдых войскам своим, дабы они имели время освежиться и приготовить оружие к сражению, которого он ожидал по причине близкого расстояния, в коем находился от Москвы.

Российская армия отступила 21 августа к Колоцкому монастырю[1]; а 22-го заняла при селе Бородине позицию, избранную Кутузовым для сражения. Главная квартира переведена была в деревню Горки. Генерал-лейтенант Коновницын остался при деревне Гридневой с арьергардом, состоявшим из 25 батальонов и 98 эскадронов.

---

[1] *Примечание переводчика.* Во всех вышеупомянутых лагерях невыгодность местоположения не позволяла остановиться для сражения с неприятелем.



На поле битвы на реке Москве, перед Семеновским.
7 сентября 1812 г.

Позиция бородинская примыкала правым флангом к лесу, находившемуся почти в 300 саженях от реки Москвы. Речка Колоча, текущая в весьма глубоком овраге, прикрывала фронт правого крыла и центра до самого села Бородина. Левое крыло, простиравшееся от высот Бородинских до кустарников, находившихся по левую сторону деревни Семеновской, было не столь прикрыто, однако несколько глубоких оврагов и кустарники, перед фронтом сего крыла лежащие, затрудняли доступ к оному. Россияне не пренебрегли также и помощью искусства, дабы увеличить оборону сей позиции, и без того уже укрепленной самой природой. Лес, к коему примыкал правый фланг армии, прикрыт был несколькими отдельными укреплениями. В центре, на высоком кургане перед деревней Горки, чрез который пролегает большая дорога, построена была батарея, прикрытая еще другой батареей, в 200 саженях впереди оной устроенной, на скате высот правого берега реки Колочи к селу Бородину. Но более всего занялись укреплением левого крыла как части слабейшей и наиболее подверженной неприятельскому нападению, ибо соединение стратегических причин с тактическими требовало, чтобы с этой стороны он употребил главные силы свои. Большая батарея в виде люнета с частями куртин по сторонам оного построена была впереди того места, где левое крыло смыкалось с центром, на высоте, повелевавшей всем полем впереди левого крыла. На оконечности этого крыла, на высотах перед деревней Семеновской, построены были три другие батареи, назначенные служить подпорой для войск, которые должны были подкреплять егерей, рассыпанных в кустарниках перед фронтом и на левом крыле. Деревня Семеновская была частью истреблена, а чтобы удобнее было наблюдать движение неприятеля против левого крыла и затруднять наступление его

колонн, то в 900 саженях перед фронтом построен был редут, на кургане, лежащем между двух лесов, в 150 саженях за селом Шевардиным. Генерал-лейтенант князь Горчаков получил поручение защищать сей редут с 27-й пехотной дивизией генерал-майора Неверовского, подкрепленной 2-й кирасирской дивизией.

23 августа Французская армия опять двинулась вперед. После полудня король Неаполитанский явился перед российским арьергардом, расположившийся сзади оврага у деревни Гридневой. Весьма жаркий бой завязался между обеими противными сторонами, но все усилия короля Неаполитанского овладеть позицией сокрушились перед твердостью войск российских, возглавляемых генерал-лейтенантом Коновницыным, коей не могло поколебать даже и прибытие вице-короля Итальянского, вышедшего на правый фланг оных. Ночь прекратила сражение, и генерал Коновницын, пользуясь темнотой, отступил к Колоцкому монастырю. Наполеон с армией своей ночевал при Гридневой, а вице-король — у села Лусоси. В тот же день Российская армия усилена была 7000 человек Московского ополчения, которые вместе с 3000 Смоленского составили 10-тысячный корпус ратников.

24 числа Французская армия начала движение свое в 6 часов утра. Генерал Коновницын, стоявший при Колоцком монастыре, атакован был авангардом оной в 3 часа пополудни. Сначала держался он с выгодой, и Изюмский гусарский полк, составлявший часть его арьергарда, с помощью казаков успел даже изрубить целых три эскадрона неприятельских. Но как вице-король Итальянский, продолжавший следовать по левую сторону большой дороги, угрожал обходом правому флангу российского арьергарда, то генерал Коновницын и нашелся принужденным отступить к селу Бородину и ввести войска свои в линии общего расположения армии.

Неприятель приближался тремя колоннами: корпус князя Понятовского, составлявший правую колонну, следовал по старой Смоленской дороге к селу Ельне. Наполеон с главными силами своей армии шел в средине, по большой дороге к селу Бородину. Вице-король Итальянский с левой колонной взял направление также к Бородину, чрез деревню Большие Сады. Огонь, производимый из редута, при селе Шевардине построенного, равно и российскими стрелками, засевшими в оврагах и кустарниках правого берега речки Колочи и в селах Алексинках и Фомкино, весьма обеспокоивал прохождение неприятельских колонн по большой дороге. Наполеон, выведенный из терпения потерями, еще до сражения понесенными его войсками, и к тому еще решившийся действовать правым крылом своим, приказал королю Неаполитанскому перейти речку Колочу с его кавалерией и пехотной дивизией генерала Компана от корпуса маршала Даву, назначенной для овладения российским редутом.

Эта дивизия, опередив кавалерию, в 2 часа пополудни заняла село Фомкино и с жаром продолжала движение свое к российскому редуту[1].

Генерал-лейтенант князь Горчаков, как уже сказано, начальствовавший войсками, назначенными для обороны сего поста, расположил пехотные полки 27-й дивизии генерал-майора Неверовского позади редута, занятого 12 батарейными орудиями. На правом фланге пехотной линии находились Харьковский и Черниговский драгунские полки с четырьмя орудиями конной артиллерии, а на левом фланге — 2-я кирасирская

[1] *Примечание переводчика.* Под прикрытием огня сильной батареи, поставленной неприятелем на выступ впереди Фомкина.

дивизия генерал-майора Дуки, построенная в полковых колоннах, и два эскадрона Ахтырского гусарского полка с восемью орудиями конной артиллерии. Впереди кирасир поставлены были Новороссийский и Киевский драгунские полки для поддержания 5, 42 и 50-го егерских полков, занимавших село Доронино, рощу, находящуюся по левую сторону от села, и кустарники, еще левее простирающиеся за дорогу, ведущую из села Ельни. Между тем как с обеих сторон производилась довольно сильная канонада, генерал Компан, построив дивизию свою в колонны к атаке, поддерживаемый кавалерией, в 4 часа учинил нападение на село Доронино и рощу, прилежащую к нему. В то же время и корпус князя Понятовского, выступив из села Ельни, теснил российских стрелков, рассыпанных в кустарниках. Российская кавалерия несколько времени с успехом поддерживала своих егерей. Полковник Эмануель с Киевским драгунским полком[1] дважды опрокидывал поляков, усиливавшихся выйти из кустарников в поле. С другой стороны Новороссийский драгунский полк, пройдя между Дорониным и рощей, сделал удачное нападение на две неприятельские пехотные колонны, стоявшие в подкреплении за стрелками, атаковавшими Доронино[2].

Однако, несмотря на успехи, российские егеря принуждены были наконец отступить в лес, находящийся между деревней Утицей и селом Шевардиным[3].

Генерал Компан, овладев Дорониным, послал для атаки редута 61-й линейный полк, который двинулся вперед в батальонных колоннах под покровительством батареи из восьми орудий, поставленной французами перед Дорониным, и с первого приступа овладел редутом[4], а как российские полки, стоявшие за этим укреплением, производили величайшие усилия для возвращения его, то и завязался жестокий, упорный бой. Редут три раза переходил из рук в руки, но под конец остался за французами. Между тем князь Багратион, удостоверившись, что неприятель обратил превосходные силы против князя Горчакова, послал к нему на подкрепление 2-ю гренадерскую дивизию, которая, придя к месту сражения около 8 часов вечера, сменила полки 27-й дивизии. Тогда начало уже смеркаться, однако ж, несмотря на это, князь Багратион, лично прибывший к войскам, в деле находившимся, приказал гренадерам учинить новое нападение на редут. Две неприятельские пехотные колонны с решимостью двинулись вперед, дабы взять во фланг атакующих гренадеров, но опрокинуты были Малороссийским и Глуховским кирасирскими полками[5], которые, продолжая свои успехи, даже овладели батареей, впереди села Доронина поставленной, с которой только пять орудий могли увезти с собой[6].

---

[1] *Примечание переводчика.* И с помощью двух эскадронов Ахтырского гусарского полка, находившихся у прикрытия левой колонной батареи.

[2] Но как в это самое время российские егеря вытеснены были неприятелем из села Доронина и рощи, то Новороссийский драгунский полк, видя идущую на него французскую кавалерию, возвратился назад и прикрыл отступление егерей за редут.

[3] Между тем поляки обошли левый фланг егерей, занимавших кустарники по Ельнинской дороге, что и побудило их отступать в лес. Тогда польская кавалерия построилась между кустарниками и рощей, на правом фланге дивизии генерала Бомпана, занявшей ту рощу и село Доронино.

[4] Сей полк, построившись в колонны, сперва укрылся за курганом, находящимся между Дорониным и редутом, и, поставив на том кургане батарею в восемь орудий, несколько времени стрелял по редуту, а потом, бросившись на приступ, овладел им.

[5] Эти полки под командой полковника Толбузина 1-го тотчас построились в линию, сделали перемену фронта и, ударив на неприятельскую пехоту, опрокинули ее.

[6] *Примечание переводчика.* А три орудия, совершенно разбитые, оставлены были на месте.

На правом фланге россиян Харьковский и Черниговский драгунские полки равномерно опрокинули две неприятельские колонны, тянувшиеся от села Фомкина к Доронину, и отбили у них две пушки[1].

Под прикрытием кавалерийских атак гренадеры успели овладеть редутом, в коем и истребили целый батальон 61-го линейного полка.

Поскольку оспариваемый редут построен был только с намерением удобнее открывать направление французских колонн во время прохождения оных, то и не следовало упорствовать в обороне сего поста, тем менее что за отдалением от главного расположения армии невозможно было с успехом защищать оный, к тому ж корпус князя Понятовского, уже прошедший за село Ельню, находился в готовности обойти левый фланг россиян[2].

Вследствие этого князь Кутузов послал приказание, оставив редут, отвести войска, в деле находившиеся, в главную позицию. Князь Багратион, получив данное приказание в 10 часов вечера, тотчас начал приводить его в исполнение.

Россияне едва успели выйти из редута, как новые французские колонны, появившиеся для нападения на это укрепление, без труда овладели им. Россияне спокойно продолжали свое отступление[3].

Потеря французов в этом бою простиралась свыше тысячи человек, выбывших из строя. Урон с российской стороны также был довольно значителен. 25 августа Французская армия заняла следующее положение: король Неаполитанский с четырьмя кавалерийскими корпусами[4] расположился в редких кустарниках по правую сторону редута, оставленного россиянами; пехотные дивизии генералов Компана, Фриана и Дессе от корпуса маршала Даву поставлены были между селами Фомкиным, Алексинками и Дорониным на месте сражения, происходившего накануне; того же корпуса пехотные дивизии генералов Жерара и Морана остались на левой стороне речки Колочи, перед селом Валуевым. Вице-король с Итальянской гвардией, пехотными дивизиями генералов Дельзона и Брусье и легкой кавалерийской дивизией генерала Орнано стал влево от большой дороги, прямо против села Бородина, имея кавалерию свою по ту сторону ручья Войны; Императорская гвардия[5] расположилась на биваках между селениями Валуевым и Ратовым, имея позади себя на большой дороге при деревне Головиной

---

[1] Эти полки двинулись вперед для подкрепления и прикрытия правого фланга атакующих кирасир. Приметив две французские колонны от пехотной дивизии генерала Фриана, показавшиеся по другую сторону села Доронина, они с таким стремлением ударили на неприятеля, что, приведя его в беспорядок, отбили две пушки, из которых он даже не успел сделать ни одного выстрела.

[2] Корпус князя Понятовского, оттеснив российских егерей в лес, между Шевардиным и Утицей лежащий, овладел гористым местоположением на левом фланге корпуса князя Горчакова, откуда легко мог зайти ему в тыл.

[3] *Примечание переводчика.* Вся пехота, за исключением егерей, занимавших вышеупомянутый лес, отведена была в главную позицию, а кавалерия, построившись в две линии, вытянула цепь между этим лесом и селом Шевардиным. Перед рассветом и эти войска равномерно отошли на позицию.

Между тем как проходил бой при селе Доронине, неприятель неоднократно покушался овладеть также селом Бородиным, но всегда был отражаем лейб-гвардии Егерским и Елисаветградским гусарскими полками. Последний под начальством генерал-майора Всеволодского, невзирая на сильное нападение неприятеля в действие его артиллерии, до самой ночи удерживал позицию свою на левом берегу речки Колочи, пока не был усилен тремя казачьими полками, прибывшими туда с левого фланга Второй армии.

[4] Генералов Нансути, Момбрюна, Груши и Латур-Мобурга.

[5] *Примечание переводчика.* Состоявшая из одной пехотной дивизии старой гвардии, двух пехотных дивизий молодой гвардии, легиона Вислы и восьми кавалерийских полков.

корпуса маршала Нея[1] и генерала Жюно[2]; князь Понятовский со своим корпусом[3] остановился позади большого леса на правой стороне речки Колота перед деревней Рыкачевой. Наполеон занял квартиру свою в селе Валуевом. Французы провели весь день в обозрениях, покровительствуемых сильной перепалкой их стрелков с российскими[4].

Наполеон, усмотрев, что слабейшая часть позиции россиян была на левом их крыле, вознамерился атаковать его правым крылом своим, уклоняя левое. Впрочем, это намерение основано было на правилах стратегии, определявших пункт атаки против левого крыла россиян как самый решительный, ибо в случае одержанных в этом месте значительных выгод Российская армия нашлась бы принужденной к поспешному отступлению, чтобы избежать несчастья быть припертой к речке Москве с потерей всякого сообщения с городом Москвой и южными губерниями государства. От Наполеона зависело принудить россиян оставить эту позицию без боя, для этого стоило сделать только движение вправо и угрожать сообщениям их с Можайском и Москвой, но такие маневры продолжили бы только войну, между тем как, напротив, Наполеон надеялся одним сильным ударом истребить армию князя Кутузова и таким образом, устрашив россиян, принудить их к заключению поспешного и для него славного мира.

По сделании предначертания атаки правым крылом французские войска под вечер пришли в движение для занятия мест, в боевом порядке им назначенных. Корпус князя Понятовского, имевший поручение обойти оконечность левого крыла россиян, расположился сзади короля Неаполитанского, оставшегося на прежнем месте с тремя из кавалерийских корпусов своих[5].

Маршал Даву, долженствовавший напасть на левый фланг левого крыла россиян, с пехотными дивизиями Компана, Дессе и Фриана стал между селом Шевардиным и лесом, простирающимся к деревне Утице. Маршал Ней, который со своим корпусом и корпусом генерала Жюно получил повеление атаковать правый фланг левого крыла позиции россиян, протянулся между Шевардиным и Алексинками, имея 3-й корпус в первой, а 8-й корпус во второй линии. Вице-король Итальянский со своим 4-м корпусом, кавалерийским корпусом генерала Груши и пехотными дивизиями Жерара и Морава от 1-го корпуса должен был удерживать центр и правое крыло россиян и составить левое крыло французов на левой стороне речки Колочи. Поскольку левое крыло могло подвергнуться нападению россиян, то и сочли за нужное укрепить его несколькими редантами, построенными на высотах, повелевающих селом Бородиным. Дивизия Морана и за нею дивизия Жерара стали на большой дороге на правом фланге 4-го корпуса; генерал Груши с кавалерией остановился еще правее и более сзади; дивизия Брусье, имея сзади резерв Итальянской гвардии, расположилась уступом на левом фланге дивизии Жерара. Дивизия Дельзона стояла на оконечности левого крыла и подкрепляема была легкой кавалерийской дивизией генерала Орнано. Императорская гвардия, перейдя речку Колочу, расположилась по правую сторону села Фомкина.

---

[1] Из трех пехотных дивизий генералов Ледрю, Разу, Маршана и кавалерийской дивизии генерала Вельварта.

[2] Из пехотной дивизии генерала Тарро, Окса и двух полков кавалерии.

[3] Из пехотных дивизий генералов Заинчева, Княжевича и кавалерийской дивизии генерала Себастьяни.

[4] Казачьи полки, оставленные генералом Барклаем де Толли на левом берегу речки Колочи для наблюдения и прикрытия правого фланга армии, препятствовали неприятелю распространиться в эту сторону.

[5] *Примечание переводчика.* Генералов Нансути, Монбрюна, Латур-Мобурга.

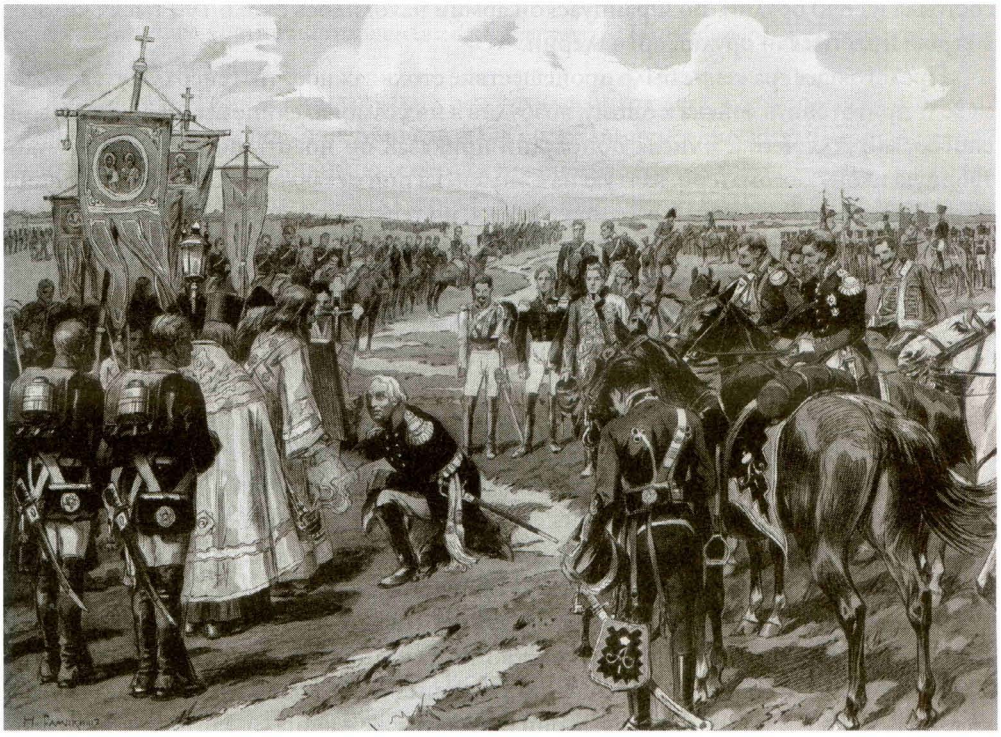
Князь Кутузов, приметив сосредоточение главных сил неприятельских против левого крыла своей позиции, опасался быть обойденным по старой Смоленской дороге и, чтобы обезопасить себя с этой стороны, послал на означенную дорогу генерал-лейтенанта Тучкова 1-го с 3-м пехотным корпусом, 7000 человек Московского ополчения под начальством генерал-лейтенанта Маркова и шестью казачьими полками генерал-майора Карпова[1].

Генерал-лейтенант Тучков расположил свой корпус за деревней Утицей в четыре линии, из которых первые две составлены были из 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Коновницына, а последняя — из 1-й гренадерской дивизии генерал-майора графа Строганова. Московское ополчение поставлено было в двух верстах за гренадерской дивизией, а казачьи полки — на левом фланге дивизии Коновницына. 20, 21, 11 и 41-й егерские полки[2], рассыпавшись по кустарникам, составили цепь для закрытия промежутка около версты шириной, находившегося между корпусом генерала Тучкова и левым крылом главной позиции. Укрепления впереди деревни Семеновской, составлявшие оконечность левого крыла, защищаемы были сводной гренадерской дивизией генерал-майора графа Воронцова, за которой во второй линии стояла 27-я пехотная дивизия генерал-майора Неверовского. 2-я гренадерская дивизия принца Карла Мекленбургского поставлена была в две линии позади деревни Семеновской. 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Раевского протянулся в две линии от Семеновской до большой батареи. Он подкреплен был 4-м кавалерийским корпусом генерал-майора графа Сиверса, развернутым в две линии. Все левое крыло, составленное из войск Второй армии, находилось под начальством генерала от инфантерии князя Багратиона. 6-й пехотный корпус генерала Дохтурова составлял центр армии, расположенный прямо против села Бородина, от правого фланга 7-го пехотного корпуса до кургана у деревни Горки. Оный равномерно построен был в две линии и подкрепляем двумя линиями кавалерии, составленными 3-м кавалерийским корпусом. 4-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова, также построенный в две линии, примыкал левым флангом к корпусу Дохтурова, имея перед фронтом речку Колочу. Позади него стоял 2-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа, расположенный в две линии. 2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Багговута, поставленный уступом по правую сторону 4-го пехотного корпуса, впереди укрепленного леса, на правом фланге позиции находившегося, составлял правую оконечность армии. Правым крылом командовал генерал от инфантерии Милорадович, который, равно как и генерал Дохтуров, состоял под начальством генерала от инфантерии Барклая де Толли. Резерв

---

[1] *Примечание переводчика.* 3-й пехотный корпус, составлявший часть резерва Первой армии, получил от князя Кутузова 24 числа вечером повеление следовать за левый фланг Второй армии, чтобы прикрывать его от усиливавшегося на старой Смоленской дороге неприятеля. Кутузов приказал как сей корпус, так и Московское ополчение скрытно поставить в засаду в густых кустарниках и позади высокого кургана, находящегося близ деревни Утицы, с тем намерением, чтобы внезапно ударить в тыл неприятеля, когда тот будет обходить левый фланг Второй армии. К несчастью, по недоразумению, столь часто случающемуся на войне, 3-й пехотный корпус без ведома главнокомандующего переведен был генералом Беннингсоном перед курганом к деревне Утице, а неприятель, узнав о его присутствии в данном месте по расположенным на биваках огням, тотчас переменил свою диспозицию к западной, а корпус князя Понятовского, имевший сперва назначение обходить через кустарники левый фланг Второй армии, получил приказание действовать против корпуса генерал-лейтенанта Тучкова 1-го.

[2] Под начальством генерал-майора князя Шаховского.



Кутузов объезжает войска.
25 августа 1812 г.

правого крыла составлен был из 1-го кавалерийского корпуса генерал-адъютанта Уварова, протянувшегося в две линии позади леса, на правом фланге позиции лежавшего. С левой стороны сего корпуса находился войсковой атаман генерал от кавалерии Платов с девятью казачьими полками. Остальные пять казачьих полков, расположившись при соединении рек Колочи и Москвы, наблюдали вдоль оных. 2-я кирасирская дивизия генерал-майора Дуки, развернутая в две линии позади 2-й гренадерской дивизии, составляла резерв левого крыла. Главный резерв, расположенный позади центра и состоявший из 5-го пехотного корпуса, построен был в три линии: первые две — из пехоты, а третья — из 1-й кирасирской дивизии генерал-майора Депрерадовича. Пять рот конной артиллерии находились в резерве позади 4-го кавалерийского корпуса. Главный артиллерийский резерв[1] расположился перед сельцом Псаревым. Фронт позиции, особенно на левом крыле, защищаем был сильными батареями. Все егерские полки занимали кустарники, деревни и теснины, перед фронтом лежащие. Линейная пехота построена была по-батальонно во взводных колоннах, но кавалерия, подкреплявшая оную, построилась развернутым фронтом. Главная квартира переведена была в сельцо Татариново. Российская армия простиралась до 132 тысяч человек, в том числе было 115 000 регулярных войск, 7000 казаков и 10 000 ополчения. Российская артиллерия

[1] *Примечание переводчика.* Состоявший из 15 пехотных рот и в них 180 орудий.

состояла из 640 орудий. Во Французской армии находилось около 190 тысяч человек в строю и до тысячи орудий артиллерии.

Предстоящее сражение было происшествие столь важное, что генерал Кутузов счел за долг приготовить войска к оному, возбудив в них самонадеяние всеми возможными способами. Для чего 25 числа пополудни приказал он носить по всей армии чудотворную икону Богоматери, взятую из Смоленска при оставлении сего города. Воины российские, столь страшные в день сражения, но теперь со смирением преклонившие колена пред божественной иконой и присоединившие к священному пению духовенства усердные молитвы о спасении отечества, за которое готовились пролить кровь свою, представляли зрелище вместе величественное и трогательное — зрелище, исполнившее сердца всех чувством глубокого благоговения. Каждый солдат считал себя призванным или отомстить за отечество, одержав победу, или сподобиться мученического венца, погибнув за правое дело.

Обе армии провели ночь в том расположении духа, которое внушает ожидание происшествия, долженствующего или исполнить все желания, или ниспровергнуть все надежды. Одни полководцы, спокойные, но углубившиеся в помышления, обдумывали средства с помощью искусных распоряжений уменьшить влияние, которое случайность неминуемо должна была иметь на последствия встречи двух столь сильных громад.

Трудно было предвидеть, которая из двух противных армий одержит поверхность. Со стороны французов было превосходство числа, самонадеяние, внушаемое и оправдываемое частыми успехами, и особенно уверенность, что одна только победа может положить конец бедствиям, которые они ощущать уже начинали. Но сим побудительным средствам к успеху перевесом служили со стороны россиян истинная любовь к отечеству, народное самолюбие, оскорбленное дерзким нашествием неприятеля, и пламенное желание защитить древнюю священную столицу государства. Окончательное последствие сих противоположных выгод долженствовало ускользнуть от всех расчетов и могло оказаться только на самом деле.

26 августа в два часа пополуночи Наполеон, прибыв на высоты при селе Шевардине, сообщил маршалам своим последние приготовительные распоряжения к сражению. В ночь неприятель поставил позади и влево от Шевардина две батареи, каждую при 60 орудиях, дабы действием оных способствовать наступательному движению атакующих колонн своих.

В пять часов с половиной солнце вышло из густого тумана, поднявшегося на рассвете, показалось на небосклоне и осветило поле, на котором, может быть, долженствовала решиться участь прекраснейшей части мира. Тогда по сигналу, данному барабанным боем, вся Французская армия вступила в ружье: полковники, став перед полками своими, приказывают бить объявление (ban) и каждый капитан читает роте своей следующий дневной приказ:

Воины! Вам предстоит сражение, которого вы столько ожидали! Теперь победа зависит от вас; она нам нужна; она доставит нам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение в отечество! Поступайте, как поступали вы при Аустерлице, Фриландте, Витебске, Смоленске, и позднейшее потомство с гордостью упомянет о подвигах ваших в сем сражении; да скажут о вас: он был в великой битве под стенами Москвы!

В императорском лагере на высотах Бородинских 7 сентября в два часа пополуночи.

Вопли, тысячекратно повторяемые: *да здравствует Император!* — служили ответом на сие сильное воззвание.

Тотчас за сим князь Понятовский выступил в обход леса, к которому примыкало левое крыло позиция россиян. Маршал Даву также двинулся вперед вдоль опушки того же леса, имея пехотную дивизию генерала Компана впереди.

В 6 часов пополуночи генерал Сорбье, находившийся на большой батарее правого крыла, подал знак к сражению, открыв огонь[1].

Генерал Пернетти с 30 пушками шел в голове дивизии Компана, следовавшей вдоль по опушке кустарников, дабы приблизиться к окопам левого крыла россиян. Дивизия Дессе проходила через самые кустарники. Дивизия Фриана осталась в резерве перед селом Шевардиным. Князь Понятовский вышел на старую Смоленскую дорогу при селе Ельне, повернул к деревне Утице. В то же время на левом крыле вице-король Итальянский дал генералу Дельзону приказание овладеть селом Бородиным, занятым российским лейб-гвардии Егерским полком[2].

Нападение сие, предпринятое в намерении обратить в ту сторону внимание россиян и отвлечь оное от главного пункта атаки левого крыла их, с успехом произведено было 106-м линейным полком, построившимся в колонну. Тщетно гвардейские егеря близ часа храбро оборонялись! Они принуждены были, оставив деревню, отступить за речку Колочу. 106-й полк, ободренный поверхностью, им одержанной, бросился преследовать егерей и перешел мост на Колоче, но гвардейские егеря, приметив, что сей полк слишком отваживается, обратились на него и с помощью 19-го и 40-го егерских полков[3], присоединившихся к ним, совершенно его разбили. 96-й полк, подоспевший на помощь к 106-му полку, с трудом спас остатки оного, уведя их в Бородино[4].

Между тем как сие происходило на большой Московской дороге, огонь усиливался на левом фланге позиции россиян. В сей стороне неприятель не мог одержать быстрых успехов по затруднительности местоположения, замедлявшего его наступание. Колонны неприятельские по переходе через густой лес и кустарники, в коих не находилось даже тропинок, должны были потом перестраиваться в колонны к атаке почти под картечным выстрелом батарей российских, почему головы дивизий Компана и Дессе, поражаемые огнем этих батарей и егерей, рассыпанных в лесу, несколько раз прогоняемы были в густоту леса. Тут ранен был генерал Компан, да и сам маршал Даву, под коим убита была лошадь, получил контузию, однако же сие не воспрепятствовало ему остаться при своем корпусе.

В 7 часов неприятельское предначертание атаки приведено было в полное действие. Маршал Ней вступил на левый фланг корпуса Даву, под покровительством большой батареи, поставленной влево от села Шевардина. Пехотная дивизия Ледрю, составлявшая голову корпуса маршала Нея, построена была в колонну к атаке, имея задний

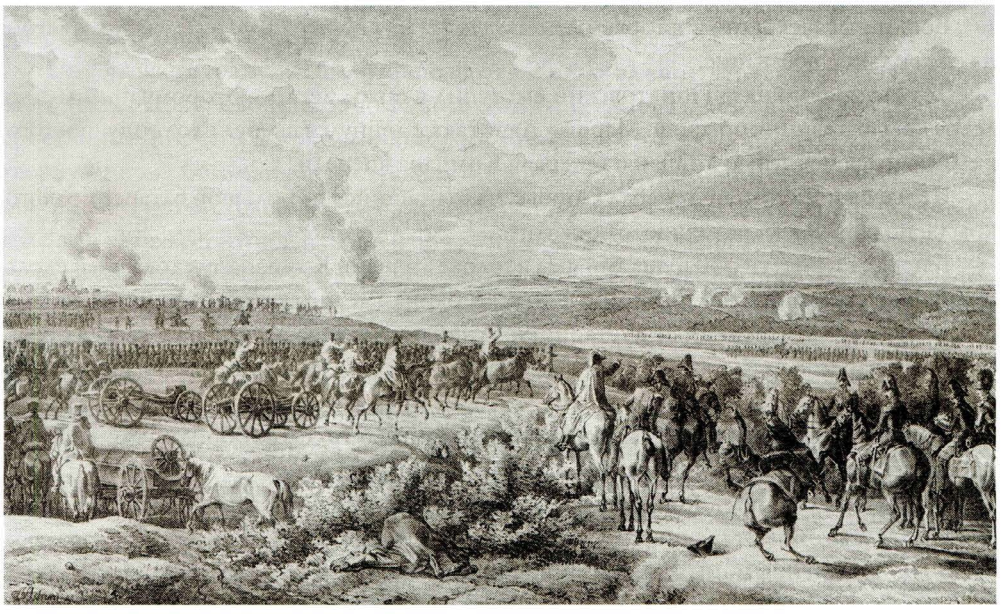
---

[1] *Примечание переводчика.* Из 120 орудий, большей частью гаубицы.

[2] Под начальством полковника Бистрома.

[3] Под начальством полковника Вунча, который ударил в правый фланг неприятеля, преследовавшего гвардейских егерей.

[4] *Примечание переводчика.* После сего мост на речке Болоче был сожжен до основания россиянами, несмотря на сильный огонь французов, которые в течение целого дня не осмеливались уже делать покушений к переправе в сем месте. Генерал Дельзон, заняв село Бородино первой бригадой своей дивизии, производил перестрелку с российскими егерями, стоявшими за речкой Колочей; вторая же бригада его дивизии осталась в поле за селом.



Битва под Москвой.
5 сентября 1812 г.

полк в колонне из батальонов, построенных развернутым фронтом один за другим на дивизионных дистанциях, дабы в случае надобности тотчас могли построить каре и служить резервом. Пехотные дивизии Маршана и Разу следовали за дивизией Ледрю одна за другой. Корпус генерала Жюно, по случаю сего сражения отданный в распоряжение маршала Нея, построился развернутым фронтом в две линии позади 3-го корпуса. Король Неаполитанский также привел в движение и свою кавалерию: корпус Нансути пошел вслед за корпусом Даву; корпус Монбрюна назначен был к подкреплению атаки маршала Нея; а корпус Латур-Мобурга следовал в резерве посередине, чтобы в случае надобности быть в готовности подкреплять первые два корпуса. Вице-король Итальянский, поручив оборону села Бородина дивизии Дельзона, сам вознамерился перейти речку Колочу с пехотными дивизиями Морана, Жерара, Брусье и кавалерийским корпусом Груши по четырем мостам, которые в ночи построены были генералом Пуатевеном между селами Бородиным и Алексинками. Генерал Орнано с легкой кавалерийской дивизией остался для наблюдения на левом крыле за ручьем Войны, вблизи деревни Захарьиной и села Нового. Наполеон расположился при редуте, оставленном россиянами 24 числа, имея впереди себя молодую гвардию и гвардейскую кавалерию, а позади старую гвардию.

Князь Багратион, коль скоро приметил, что неприятель собрал впереди его левого крыла столь превосходные силы, что дивизия графа Воронцова и Неверовского с трудом могли надеяться устоять против оных, то немедленно приказал генерал-лейтенанту Тучкову прислать к ним на подкрепление 3-ю пехотную дивизию генерал-лейтенанта Коновницына. В то же время приказал он 2-й кирасирской дивизии генерал-майора Дуки, чтобы, перейдя ручей Семеновский, стала на небольшой равнине, находящейся

влево от деревни того ж названия. Князь Кутузов сам приметил необходимость еще более подкрепить левое крыло, коему явно угрожала главная громада сил неприятельских. Для сего немедленно взял он из резерва кирасирские полки Его Величества, Ее Величества и Астраханский с восемью орудиями гвардейской конной артиллерии и послал их влево от деревни Семеновской, где они и построились за 2-й кирасирской дивизией. За сим первым подкреплением следовало второе, состоявшее из полков лейб-гвардии Измайловского и Литовского с бригадой сводных гренадерских батальонов, причисленной к 5-му корпусу, и артиллерийскими батарейными ротами Его Императорского Высочества и графа Аракчеева. Князь Кутузов, видя, что с безопасностью может ослабить свое правое крыло, против коего находились только небольшие отряды неприятельские, приказал генерал-квартирмейстеру Толю поспешно перевести с правого крыла на левое весь 2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Багговута. В ожидании же прихода сего корпуса левое крыло подкреплено было сильными батареями, взятыми из главного артиллерийского резерва. Таковое совокупление сил в одном месте ясно доказывает, что обе стороны совершенно постигли, что высоты при деревне Семеновской были ключом позиции россиян.

А. А. Аракчеев (1769–1834)

Неприятель, вознамерившийся учинить сильное нападение, вывел из леса многочисленные колонны, составляемые пехотными дивизиями Компана, Дессе и Ледрю, которые и устремились на окопы, построенные впереди деревни Семеновской. Пехота и артиллерия российская, подпустив их на картечный выстрел, встретили ужасным огнем, однако ж оный не мог остановить неприятеля. Колонны его, с бешенством бросившись в промежутки укреплений, старались обойти их с тыла. Ему удалось даже овладеть на короткое время второй флешью, взятой 57-м линейным полком от дивизии Компана, между тем как 24-й легкий полк от дивизии Ледрю туда же ворвался с другой стороны, но сводные гренадерские батальоны графа Воронцова, построенные в батальонные густые колонны, с помощью полков 27-й пехотной дивизии Неверовского, кирасир генерала Дуки и 4-го кавалерийского корпуса[1] ударили на неприятеля в штыки, опрокинули его и произвели в нем великое поражение. Французы не могли

[1] *Примечание переводчика.* Полков Новороссийского драгунского, Ахтырского гусарского и Литовского уланского с пятью орудиями конной артиллерии, которые под начальством генерал-майора графа Сиверса ударили в левый фланг атакующего неприятеля.

отвратить сего беспорядка иначе, как подкрепив дивизию Ледрю дивизией Маршана и легкой кавалерийской дивизией Бермана и остановив российских кирасир атакой 1-й бригады кавалерийской дивизии Брюера[1].

Генерал-лейтенант Тучков 1-й, доселе остававшийся в бездействии, около того ж времени вступил в дело с неприятелем. Князь Понятовский вышел из леса к Утице, оттеснил российских егерей, занимавших сию деревню, и, несмотря на сильный огонь российских батарей, построился на равнине впереди оной. Генерал Тучков принужден был оставить равнину, отступить к самым высотам, ограничивающим оную, где и расположил бывшую у него 1-ю гренадерскую дивизию графа Строганова[2]. Жестокий ружейный огонь, сопровождаемый весьма сильной канонадой, загоревшейся на сем пункте, продолжался до полудня.

Вице-король поставил на высотах бородинских сильные батареи, назначенные к обстреливанию позиций россиян, но оные несколько раз приводимы были в молчание российскими, выгоднее расположенными батареями. Дивизии Морана, Жерара и Брусье, в то время переходившие речку Колочу, вступили в беспрерывную перестрелку с российскими егерскими полками и стрелками 26-й дивизии, оборонявшими кустарники, через которые они должны были проходить.

К 9 часам пополуночи маршалы Даву и Ней, подкрепившись дивизией Фриана, учинили новое нападение на укрепления впереди деревни Семеновской. Россияне, вспомоществуемые кавалерийскими атаками, произведенными Сумским и Мариупольским гусарскими, Курляндским и Оренбургским драгунскими полками под начальством генерал-майора Дорохова, которые присланы были генералом Барклаем де Толли на подкрепление левого крыла, около целого часа с успехом сопротивлялись всем покушениям неприятеля, но сей последний, усугубив усилия свои, наконец, около 10 часов, успел овладеть тремя флешами, с которых россияне не успели свезти орудия. Генерал Дюфур с 15-м легким полком перешел даже овраг Семеновский и овладел деревней того ж названия, а остаток дивизии Фрина, расположенный в резерве по-бригадно, подкреплял сие движение. Торжество неприятеля было непродолжительно: Киевский, Астраханский, Сибирский и Московский гренадерские полки под начальством генерал-лейтенанта Бороздина, ударив на него в штыки, опрокинули и прогнали до самого леса[3].

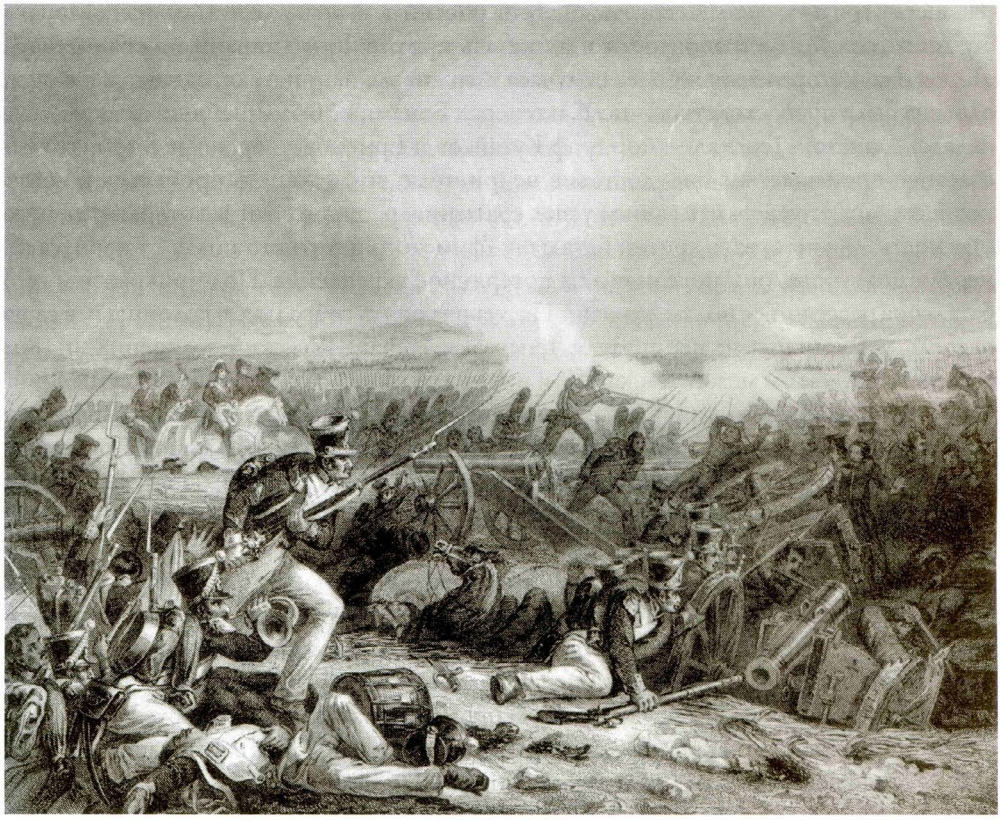
При сем случае принц Карл Мекленбургский был ранен. Неудача сия не устрашила французских генералов — они двинули вперед новые пехотные колонны, которые, будучи подкрепляемы кавалерийскими корпусами генералов Нансути и Латур-Мобурга, вторично овладели оспариваемыми флешами, но прежде нежели успели они в них

---

[1] По отбитии неприятеля 27-я пехотная дивизия сменила сводную гренадерскую дивизию в защищении флешей, а полки 4-й кавалерийской дивизии, прикрыв отступление своей пехоты, стали в резерве — частью позади флешей и частью за егерскими полками, занимавшими кустарники по левую сторону сих укреплений.

[2] *Примечание переводчика.* Лейб-гренадерский и графа Аракчеева полки стали на старой Смоленской дороге, имея за собой в резерве Павловский полк. Высокий курган, по левую сторону дороги лежащий, занят был ротой артиллерии. Левее кургана расположился Екатеринославский полк, имея у себя на левом фланге другую роту артиллерии. С.-Петербургский полк, встав у прикрытия сей батареи, составил оконечность левого фланга дивизии, а Таврический послан был вправо на подкрепление к егерским полкам, занимавшим кустарник между корпусом Тучкова и левым флангом главной позиции россиян. Одна дружина Московского ополчения поставлена была позади кургана.

[3] *Примечание переводчика.* В то же время 3-я пехотная дивизия генерала Коновницына, стоявшая за деревней Семеновской, ударив в штыки, вытеснила неприятеля из оной.



Битва под Москвой.
7 сентября 1812 г.

утвердиться, атакованы были во фланг 3-й дивизией генерала Коновницына и принуждены возвратиться в лес, оставив в числе убитых генерала Ромефа, начальника штаба корпуса маршала Даву. Со стороны россиян также был убит генерал-майор Тучков 4-й[1].

Между тем как на левом крыле россияне сражались с таким ожесточением, в центре позиции происходил бой, столь же кровопролитный. Вице-король Итальянский по неслыханным усилиям успел наконец вытеснить из кустарников российских егерей 12-й и 26-й дивизий, замедлявших его наступление, и вышел на равнину прямо перед большой батареей, построенной в виде люнета[2].

Дивизия Брусье засела в овраге, находящемся между сей батареей и селом Бородиным, а дивизия Морана, подкрепляемая дивизией Жерара, расположилась на площадке перед батареей[3].

---

[1] Тогда 1-я гренадерская дивизия сменила 27-ю пехотную дивизию в защите флешей.

[2] *Примечание переводчика.* На коей поставлено было 18 орудий.

[3] Генерал-лейтенант Раевский, видя приготовления неприятеля к нападению, выслал к нему навстречу 26-ю дивизию генерал-майора Паскевича, которая, разделившись по обоим флангам люнета, рассыпала один батальон Полтавского полка по укреплению и во рву оного; Нижегородский и Орловский полки стали по правую сторону люнета в две линии; а Ладожский полк и другой батальон Полтавского, тоже в две линии, — по левую сторону оного. 18, 19 и 40-й егерские полки поставлены были генералом Раевским в резерв позади люнета.

Несмотря на ужасный картечный огонь российской артиллерии, дивизия Морана с удивительной неустрашимостью двинулась против 26-й дивизии генерал-майора Паскевича, которая хотя и более получаса удерживала неприятеля, однако ж наконец одолена была превосходством числа, и генерал Бонами с 30-м линейным полком даже овладел люнетом. Генерал-майор граф Кутайсов и Ермолов, уверенные в том, что несчастное происшествие сие, доставив неприятелю возможность пробиться в центр позиции, может утвердить за ним успех сражения, решились тотчас отвратить такую опасность, для чего, взяв третий батальон Уфимского пехотного полка от корпуса генерала Дохтурова, они повели его на потерянное укрепление. Под прикрытием сего батальона рассеянные полки дивизии Паскевича опять собрались в колонны и, в свою очередь, устремились на неприятеля. Генерал-лейтенант Раевский подкрепил их 18-м егерским полком[1], и между тем как 19-й и 40-й егерские полки атаковали левый фланг неприятеля, занявшего люнет, генерал-адъютант Васильчиков с несколькими полками 12-й пехотной дивизии напал на него с правого фланга, а генерал-майор Паскевич с остальными полками 12-й дивизии пошел в тыл войск, засевших в люнете, и угрожал отрезать их от главных сил дивизии Морана, оставшейся на площадке перед укреплением. Сии совокупные меры доставили желаемый успех[2].

30-й полк, утесненный россиянами, в беспорядке опрокинут был на свою дивизию, оставив на батарее большую половину людей вместе с генералом Бонами, который и взят в плен. Бегущие живо преследованы были генерал-адъютантом бароном Корфом, по приказанию Барклая де Толли приспевшим к сему месту с Сибирским и Иркутским драгунскими полками. Сия кавалерия распространила беспорядок даже в самой дивизии Морана, так что вице-король принужден был подкрепить ее дивизией Жерара, выслав оную на правый фланг дивизии Морана. При сем поражении французы претерпели значительный урон: вся площадка устлана была их телами.

С российской стороны, к общему сожалению, убит был генерал-майор граф Кутайсов[3].

Вице-король, не успевший овладеть люнетом посредством явного нападения, прибегнул к своей артиллерии[4]: удвоив свои батареи, он открыл из них ужасный огонь по означенному укреплению и российским войскам, подкреплявшим оное. 26-я дивизия, и без того уже весьма ослабленная потерями, прежде всего ею понесенными, претерпела столь великое поражение, что вынуждены были сменить ее 22-й дивизией генерал-майора Лихачева от корпуса генерала Дохтурова, которая и потянулась к сему месту левым флангом[5].

Между тем маршал Ней, видя, что атака флешей у деревни Семеновской не имела успеха, вознамерился обойти их, введя корпус генерала Жюно в промежуток, находив-

---

[1] *Примечание переводчика.* Который вместе с третьим батальоном Уфимского полка бросился прямо на батарею.

[2] И в четверть часа потерянный люнет был возвращен.

[3] *Примечание переводчика.* Генерал-майор Ермолов переменил большую часть артиллерии, бывшей на люнете, ибо все офицеры и прислуга у орудий были перебиты, и наконец, употребив к сему даже и людей Уфимского пехотного полка, близ полутора часа удерживал покушения неприятельские.

[4] Российские батареи, при деревне Горках устроенные, били вкось по громадам войск вице-короля и производили в них ужасное поражение, что и принудило его, отступив за овраг Семеновский, действовать одной артиллерией.

[5] Генерал-майор Ермолов, будучи ранен, сдал генерал-майору Лихачеву начальство над люнетом.

шийся между левым флангом главной позиции россиян и войсками генерал-лейтенанта Тучкова. Если б удалось неприятелю пробиться в этом месте, то ход сражения принял бы оборот тем пагубнейший для россиян, что тогда неприятель не только успел бы обойти окопы при Семеновской, но и генерал Тучков нашелся бы отрезанным от остатка армии и, следовательно, в величайшей опасности. По счастью, генерал-лейтенант князь Голицын, с кирасирскими полками оборонявший равнину по левую сторону деревни Семеновской, вовремя подкреплен был 4-й пехотной дивизией принца Евгения Виртембергского от 2-го корпуса генерала-лейтенанта Багговута[1] и успел не только опрокинуть, но и прогнать в лес головы колонн корпуса генерала Жюно, силившиеся выйти на равнину. Новые покушения, для того же предмета сделанные неприятелем, равномерно уничтожены были повторительными атаками кирасир, подкрепленными огнем гвардейской конной артиллерии[2].

А как вестфальцы ввели сильные колонны в кустарник, который положением своим с левой стороны российских кирасир доставлял возможность брать сих последних во фланг, то 2-го корпуса пехотные полки Брестский, Рязанский, Минский и Кременчугский, бросившись на те колонны, перекололи их штыками и удержали означенный лес за собой.

Нападение, учиненное корпусом генерала Жюно, хотя и сделалось само по себе бесплодным, однако ж доставило более надежности нападению поляков. Князь Понятовский, видя у себя на левом фланге подкрепление, двинул свой корпус правым флангом вперед, дабы овладеть российской батареей, поставленной на кургане, при коем находилась 1-я гренадерская дивизия генерал-майора графа Строганова. Сей пост был тем важнее, что повелевал всеми окрестностями и что неприятель по овладении оным мог совершенно обойти левый фланг генерал-лейтенанта Тучкова и тем лишить его способа держаться на старой Смоленской дороге[3].

Неприятельские колонны с жаром устремились в атаку под покровительством батареи о 40 орудиях, по приказанию князя Понятовского поставленной вправо от деревни Утицы. Сильный огонь российских батарей и стрельба С.-Петербургского и Екатеринославского гренадерских полков, составлявших оконечность левого фланга, не могли удержать порыва нападающих. Курган был занят ими, и неприятель, продолжая движение свое, угрожал взять во фланг и в тыл российских гренадер. Генерал-лейтенант Тучков, видя всю великость опасности, ему угрожавшей, решился соединить все способы свои для возвращения потерянного поста. Между тем как сам он с Павловским полком спереди остановил неприятеля, приказал он генералам графу

---

[1] *Примечание переводчика.* Которая и поставлена была за центром. Генерал Багговут с 17-й пехотной дивизией пошел далее к левому крылу и, поставив батарейную роту № 17 на левом фланге кавалерийских полков, под начальством генерал-майора графа Сиверса состоявших, дал ей в прикрытие Рязанский пехотный полк, а Брестским полком занял кустарники по левую сторону помянутой батареи. Белозерский и Вильманстрандский полки посланы были на помощь к генерал-лейтенанту Тучкову.

[2] Под начальством полковника Козена.

[3] *Примечание переводчика.* Генерал-лейтенант Тучков, заметив приготовления неприятеля к нападению, потребовал помощи от генерала Багговута, который и прислал к нему Белозерский и Вильманстрандский полки с шестью батарейными орудиями под начальством генерал-лейтенанта Олсуфьева. Сия бригада сменила лейб-гренадерский и графа Аракчеева полки, которые с дороги посланы были на оконечность левого фланга. Едва сделаны были сии распоряжения, как неприятель начал снова свое нападение.

Бой за Багратионовы флеши.
7 сентября 1812 г.

Строганову и Олсуфьеву равномерно атаковать его: первому с С.-Петербургским и Екатеринославским, подкрепленными лейб-гренадерским и графа Аракчеева полками, ударить в правый фланг неприятеля, а второму с Вильманстрандским и Белозерским пехотными полками от 2-го корпуса, по его приказанию приведенными на то место, обойти курган справа и устремиться в левый фланг и в тыл поляков, взошедших на оный. Таковым единовременным нападением неприятель прогнан был с кургана, на коем граф Строганов тотчас поставил шесть батарейных орудий[1].

Поляки, обезохоченные потерями, понесенными ими, отступили на дальний пушечный выстрел от кургана и ограничили действия свои одной пальбой. Генерал Тучков, смертельно раненый при сем случае, сдал начальство генерал-лейтенанту Олсуфьеву до прибытия генерала Багговута, приспевшего вскоре засим[2].

---

[1] *Примечание переводчика.* Одна польская дивизия, атаковавшая по старой Смоленской дороге, отражена была действием российской артиллерии, но другая дивизия, обходившая левый фланг Екатеринославского и С.-Петербургского гренадерских полков, принудила их отступить около подошвы кургана почти за оный. Здесь, быв во время подкреплены лейб-гренадерским и графа Аракчеева полками, они, в свою очередь, устремились на неприятеля; в то же время Павловский полк, ударив в штыки, остановил спереди неприятельскую колонну, уже взошедшую на курган, а батальон Белозерского полка, решительно бросившись ей во фланг, совсем рассыпал оную. Таким образом потерянный курган был возвращен, артиллерия, на нем поставленная, выстрелами преследовала отступающего неприятеля, и гренадеры опять заняли прежнее свое положение.

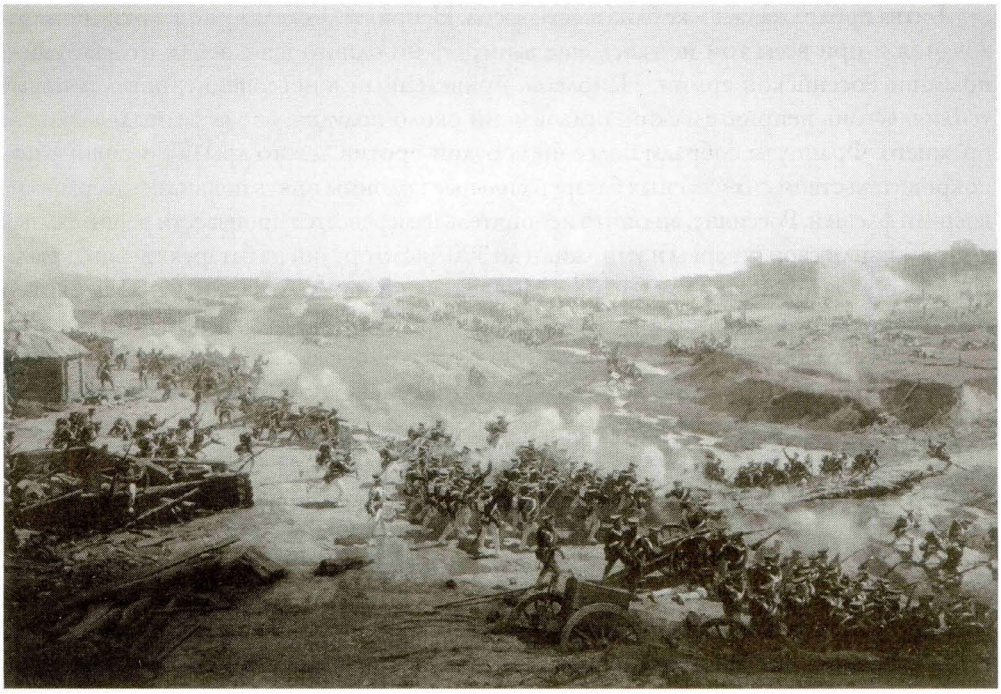
[2] Немного спустя прибыл туда же и генерал-майор принц Евгений Виртембергкий с Кременчугским и Минским пехотными полками, которые и были поставлены между корпусом генерала Багговута и кавалерией генерал-майора графа Сиверса. Остальные полки 4-й пехотной дивизии, Тобольский и Волынский по требованию генерал-лейтенанта Коновницына остались за центром.

Битва продолжалась уже близ шести часов. Неприятель сделал уже великие пожертвования и при всем том не успел еще выиграть ни одного шага земли от настоящей позиции Российской армии. Наполеон, приведенный в нетерпение, повелел новые усилия. Огонь неприятельский, ослабевший около полудня, снова загорался сильнее прежнего. Французы собрали более 400 орудий против левого крыла россиян, и под покровительством сих ужасных батарей сильные колонны опять появились на равнине впереди флешей. Россияне, видя, что неприятель намеревается произвести решительный удар, сблизили свои резервы и умножили до 300 число орудий на батареях левого крыла. Князь Кутузов приказал даже генералу Милорадовичу потянуться влево с 4-м пехотным и 2-м кавалерийским корпусами, дабы оные могли служить резервом в центре армии[1].

Кроме сего приказано было генералу Платову с его казаками и генерал-адъютанту Уварову с 1-м кавалерийским корпусом, дабы, перейдя речку Колочу вброд ниже села Бородина, атаковали левый фланг вице-короля Итальянского. Цель сего движения состояла в том, чтобы, угрожая нападением левому крылу неприятеля, отвлечь его внимание от правого крыла.

Сражение при деревне Семеновской опять возобновилось с беспримерным ожесточением. 700 огнедышащих жерл, на пространстве не более одной квадратной версты собранных, обстреливали во всех направлениях небольшую равнину, находящуюся впереди Семеновской, и изрыгали смерть в громады обороняющихся и нападающих. В сей страшный час многочисленные колонны неприятельской пехоты и кавалерии с твердостью двинулись на сию роковую равнину, на которую, казалось, ад изрыгал все ужасы свои. Тщетно надеялись россияне остановить нападающих, обратив на них жесточайший огонь. Неприятельские колонны, жестоко поражаемые картечью, стесняли ряды свои, убавляющиеся от истребления, производимого в них пушечным и ружейным огнем россиян, и продолжали наступать с удивительным постоянством. Увеличение опасности только что усугубляло жар и храбрость французских солдат, которые с бешенством бросились на флеши, попирая ногами трупы товарищей своих, предшествовавших им на пути славы! Князь Багратион, видя, что неприятель выигрывает место, приказал войскам своим выступить к нему навстречу. Вся линия колонн левого крыла россиян, двинувшись вперед скорым шагом, ударила в штыки на линию неприятельскую. Натиск был ужасен: ни одна из противных сторон не хотела уступить победы, которая, казалось, зависела от сей минуты, от того воспоследовала ужасная сеча, в которой и с той, и другой стороны истощены были чудеса почти сверхъестественной храбрости. Пешие, конные и артиллеристы обеих сторон, вместе перемешавшись, представляли ужасное зрелище неправильной громады воинов, препирающихся один на один с бешенством отчаяния. Резервы, кипящие храбростью, но удерживаемые дисциплиной, одни только соблюдали ряды свои и стояли неподвижно. Хотя неприятель был в превосходном числе, однако ж россияне с выгодой держались, доколе несчастья, случайно приключившиеся, не переменили всего положения дел. Князь Багратион, начальник его штаба генерал-майор граф Сент-При и многие другие генералы, будучи ранены, нашлись принужденными оставить место сражения. Войска,

[1] *Примечание переводчика.* 4-й корпус поставлен был во второй линии уступом позади левого фланга 6-го корпуса, имея у себя на левом фланге гвардейские полки, построившиеся за 12-й дивизией и сводной гренадерской бригадой 5-го корпуса. За сею линией расположились 2-й и 3-й кавалерийские корпуса.



Бой за Семеновский овраг.
7 сентября 1812 г.

не управляемые более начальниками, начали отступать. Сей оборот счастья мог бы иметь самые пагубные следствия, если б генерал-лейтенант Коновницын не принял тотчас начальства, упраздненного отсутствием князя Багратиона. Он отвел все войска, в деле находившиеся, за овраг Семеновский, занял высоты при сей деревне[1] и, с неимоверной скоростью поставив на оных сильные батареи, через то самое удержал неприятеля[2].

Французы, наконец овладевшие оспариваемыми флешами, вознамерились далее распространить свои успехи: кавалерийские корпуса генералов Нансути и Латур-Мобурга получили приказание двинуться вперед за овраг Семеновский. Наполеон надеялся сими великими громадами кавалерии довершить поражение нашего левого крыла и тем самым утвердить победу за собой. Корпус Нансути особенно назначен был к обходу оконечности левого крыла, что и мог он учинить, опрокинув лейб-гвардии Измайловский и Литовский полки, построившиеся на левом фланге дивизии Коновницына. Но храбрые полки сии оказали толь редкую неустрашимость, что заслужили быть образцом твердости и усердия для всей армии. Поражаемые сначала неприятельской артилле-

[1] *Примечание переводчика.* Причем 3-я пехотная дивизия и одна бригада 4-й дивизии построились в первую линию между деревней и правым флангом лейб-гвардии Измайловского полка.

[2] В то же время подоспели остатки 12-й и 27-й пехотных дивизий, собранные генерал-адъютантом Васильчиковым, и, примкнув к лейб-гвардии Литовскому полку, составили левую оконечность всей линии, где и удержали высоту до самого вечера. Кавалерийские полки генерал-майора графа Сиверса присоединились к кирасирским дивизиям, на левом фланге коих построился Литовский уланский полк.

Атака Латур-Мабура.
7 сентября 1812 г.

рией и вскоре потом окруженные многочисленной его кавалерией, они построились по-батальонно в каре и с успехом отразили три, одна за другой последовавшие атаки французской кирасирской дивизии Сент-Жерменя. Кирасирские же полки Его Величества, Ее Величества и Астраханский, подкреплявшие их, произвели несколько удачных атак против неприятельской кавалерии и пехоты, а Екатеринославский и Орденский кирасирские полки довершили поражение неприятеля, прогнав его обратно за овраг.

В самое то время Наполеон получил известие, что левое крыло французов атаковано было кавалерией российского правого крыла, почему и рассудил за благо приостановить усилия, производимые его правым крылом, дабы сперва высмотреть, к чему клонится сие движение россиян. Генерал-адъютант Уваров, исполняя данное ему приказание, перешел речку Колочу при селе Малом с 1-м кавалерийским корпусом и несколькими казачьими полками, с помощью которых принудил легкую кавалерийскую дивизию Орнано поспешно отступить за ручей Войну. Генерал Дельзон, державшийся у села Бородина с пехотной дивизией своей, едва успел построить в каре четыре полка, составлявшие оную, а вице-король, лично приспевший к левому крылу своему, сам бросился в каре 84-го линейного полка[1].

[1] *Примечание переводчика.* Итальянская пешая гвардия, в то же время прибывшая на подкрепление к кавалерии генерала Орнано, равномерно построилась в каре на правом берегу ручья Войны вблизи села Беззубова и тем удержала стремление российской кавалерии, не позволив ей перейти через Войну.

Генерал Уваров сделал несколько атак против сих каре, но, видя себя недовольно сильным, чтобы одолеть оные, решился возвратиться за Колочу[1].

Тогда неприятель, уверенный в безопасности своего левого крыла, обратил главные усилия свои против большого люнета, находившегося перед центром позиции россиян. Король Неаполитанский приказал генералу Коленкуру, начальствовавшему 2-м кавалерийским корпусом (вместо генерала Монбрюна, убитого незадолго пред сим), чтобы, перейдя овраг между деревней Семеновской и большой дорогой, старался пробиться к помянутому укреплению, которое вице-король готовился в то же время, со своей стороны, атаковать пехотными дивизиями Жерара, Морана и Брусье. Дабы придать более силы нападению вице-короля, Наполеон подкрепил его еще легионом Вислы, доселе стоявшим в резерве вместе с молодой гвардией. При виде ужасных сил, которые неприятель готовился ввести в дело против центра, генерал Барклай де Толли счел за нужное подкрепить его последними резервами российскими. 4-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова получил приказание войти в первую линию между деревней Семеновской и большим люнетом на смену 7-го корпуса генерал-лейтенанта Раевского, который был почти уничтожен. Лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки поставлены были за 4-м корпусом; позади сих двух полков построились 2-й и 3-й кавалерийские корпуса; а сии последние поддерживаемы были лейб-гвардии Кавалергардским и Конным полками. Такое сближение резервов, конечно, подвергало их сильному огню неприятельских батарей, но оное сделалось необходимым, дабы с успехом защищать часть позиции, коей неприятель угрожал нападением.

Французская кавалерия 2-го корпуса самым блистательным образом исполнила данное ей приказание. Она с дерзостью перешла овраг Семеновский и бросилась на линию россиян, но пехота 4-го корпуса, особенно Перновский, Кексгольмский и 33-й егерский полки, с неустрашимостью встретив кавалерию, на них несущуюся[2], открыли по неприятельским эскадронам столь беспрерывный огонь, что сии не могли выдержать оного. Генерал Коленкур, с кирасирской дивизией Ватье успевший пробиться за люнет и даже войти в оный с тылу с 5-м кирасирским полком, нашел там смерть, а кирасиры его принуждены были оставить сие укрепление. Российские 2-й и 3-й кавалерийские корпуса преследовали неприятельскую кавалерию, причем полковник Засс с Псковским драгунским полком, подкрепленным четырьмя орудиями гвардейской конной артиллерии, гнал бегущих до самой их пехоты[3].

В то время, когда сии удачные нападения производились с одной стороны люнета, с другой подступили к нему пехотные колонны вице-короля Итальянского и линейные

---

[1] Генерал-адъютант Уваров отступил к селу Новому, при коем стоял до ночи, пока не получил от главнокомандующего приказание возвратиться за речку Колочу.

[2] *Примечание переводчика.* Подпустив ее на самое близкое расстояние.

[3] Сумский и Мариупольский гусарские, а за ними Иркутский и Сибирский драгунские полки гнали неприятеля до самой его пехоты, но будучи здесь встречены сильным пушечным и ружейным огнем, принуждены были отступать. Неприятельская кавалерия, подкрепленная своими резервами, преследовала их и, прорвавшись сквозь интервалы пехотных каре, зашла совершенно в тыл 7-й и 11-й дивизий, однако ж сия пехота, нимало не потеряв присутствия духа, расстроила неприятеля сильным огнем своим. Между тем российская кавалерия снова собралась и вторично прогнала неприятеля за его пехоту.

полки 21-й от дивизии Жерара, 17-й от дивизии Морана, а 9-й и 35-й от дивизии Брусье впереди и во фланг атаковали оный. Батальоны 24-й пехотной дивизии генерал-майора Лихачева, оборонявшие сие укрепление, уже ослабленные потерями, прежде всего ими понесенными, не могли долее сопротивляться. Вице-король с 9-м и 35-м полками обошел люнет слева, овладел оным, а как россияне, находившиеся в укреплении, не отдавались в плен, то и были побиты наголову. Генерал-майор Лихачев, хотя одержим был жестокой болезнью и покрыт ранами, однако ж бросился в ряды неприятельские в надежде разделить участь храбрых солдат своих, получив славную смерть, но знаки его достоинства изменили сему великодушному намерению, и французские солдаты, ревнующие о чести взять знатного пленника, спасли Лихачева против его желания. Неприятель хотя и овладел люнетом[1], но от сего дела его мало подвинулись, ибо 4-й пехотный корпус графа Остермана-Толстова, построенный за Горицким оврагом, имея на правом фланге своем 7-ю пехотную дивизию генерал-лейтенанта Капцевича от корпуса Дохтурова, представлял еще грозный фронт. Генерал Груши, с кавалерийским корпусом своим подкреплявший левое крыло вице-короля, желая воспользоваться первой минутой изумления, в которое, полагал он, потеря большого люнета долженствовала ввергнуть россиян, бросился на дивизию Капцевича с легкой кавалерийской дивизией Шастеля, но встречен был сильным огнем, и в то же время генерал-майор Шевич с кавалергардским и конногвардейским полками выступил к нему навстречу сквозь интервалы пехоты. Оба отборных полка сии повторительными атаками своими против многочисленной кавалерии неприятельской успели удержать ее до прихода 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, с помощью коих, наконец, опрокинули ее и гнали до самой пехоты. Такая поверхность остановила успехи неприятеля, который и ограничил себя тем, что огнем артиллерии своей отвечал батареям, поставленным генералом Милорадовичем на высотах на картечный выстрел позади большого люнета[2].

Было уже три часа пополудни. Неприятель хотя и овладел люнетом и флешами при деревне Семеновской, однако ж окопы сии были, так сказать, только внешними укреплениями позиции, занимаемой Российской армией позади Горицкого и Семеновского оврагов, которая и осталась еще неприкосновенной. Дабы решить победу, французы должны были или вступить в новый бой, дабы открытой силой вытеснить россиян, или, подкрепив надлежащим образом корпус князя Понятовского, привести его в состояние совершенно опрокинуть войска генерал-лейтенанта Багговута и потом, угрожая тылу Российской армии и пути отступления оной к Москве, тем самым принудить князя Кутузова к оставлению позиции. Но обе армии, равно изнуренные и утомленные от кровопролития, не имели намерения возобновлять своих усилий. Сам Наполеон, устрашенный ужасным уроном, претерпенным его войсками, приказал удержаться от всякого нападения. Однако ж жестокий пушечный огонь продолжался еще несколько часов и прекратился не прежде шести часов пополудни. В девять часов вечера неприя-

[1] *Примечание переводчика.* С частью орудий, на нем находившихся.

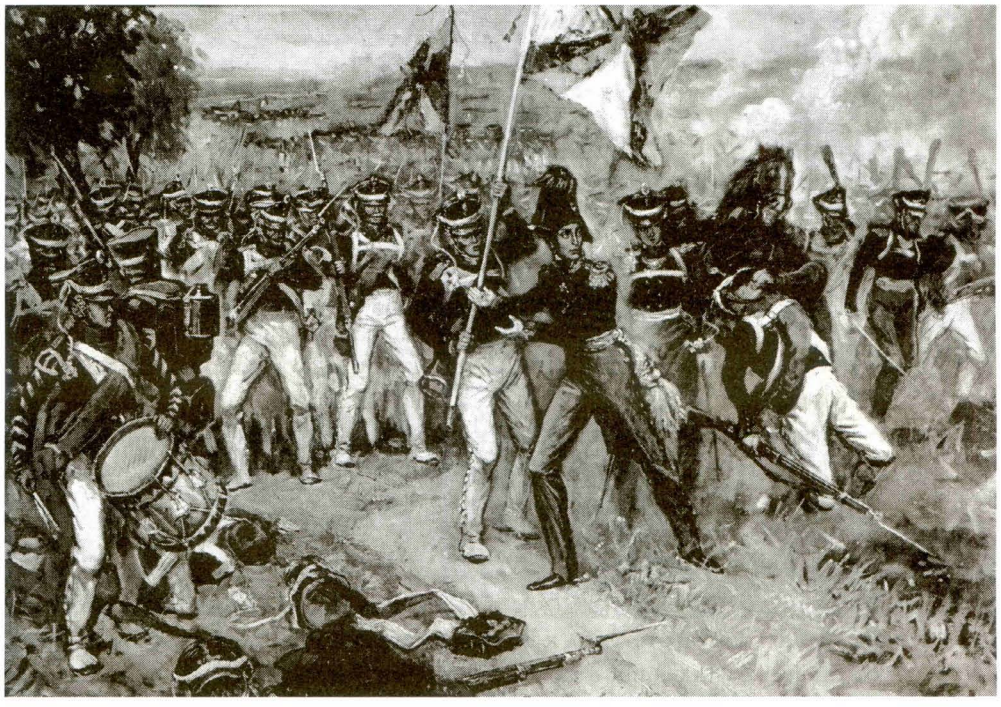
[2] *Примечание переводчика.* По собственному признанию французов, огонь с российских батарей был столь силен, что они принуждены были скрыть войска свои в оврагах в рытвинах, а легион Вислы, находившийся за большим люнетом, должен был стать на колени, и все они более часа оставались в сем затруднительном положении, пока не прекратилась канонада.

Атака на редут.
7 сентября 1812 г.

тель сделал последнее покушение, вышел из деревни Семеновской и успел на короткое время засесть в лесу, находящемся за сим селением, но был оттуда вытеснен лейб-гвардии Финляндским полком, который, ударив на него в штыки, прогнал в деревню.

Между тем князь Понятовский, извещенный об успехе, одержанном центром неприятельской армии, вознамерился возобновить и свои нападения на российские войска, под начальством генерал-лейтенанта Багговута защищавшие старую Смоленскую дорогу. Польские батальоны опять двинулись против кургана, к коему примыкало левое крыло россиян. Атака сия вспомоществуема была кавалерией Польского корпуса, которая подошла с задней стороны кургана почти в одно время с пехотой. Курган занят был неприятелем, и как усилия генерала Багговута к возвращению оного оказались тщетными, то сей генерал и нашелся принужденным отступить на высоту, лежащую при вершине ручья Семеновского[1].

[1] *Примечание переводчика.* Сперва часть польских войск, потянувшись от деревни Утицы влево, сделала сильное нападение на бригаду генерал-майора графа Ивелича (из полков Брестского и Рязанского) и принудила ее податься назад. Генерал Багговут послал к ней на помощь генерал-майора Вадковского с Вильманстрандским полком в 500 человек Московского ополчения, которые, бросившись в штыки, опрокинули неприятеля. Другие две неприятельские сильные колонны с четырьмя орудиями, пробираясь кустарником между правым флангом генерала Багговута и бригадой графа Ивелича, угрожали совершенно отрезать сего последнего, а как батальон Таврического гренадерского полка, находившийся в сем направлении, не мог устоять против множества неприятелей, то Багговут отрядил к нему на подкрепление князя Шаховского с Минским пехотным полком.



Подвиг А. А. Тучкова в сражении при Бородине

С наступлением ночи французские корпуса возвратились в позицию, которую занимали в начале сражения. Передовые посты их остались в селе Бородине, деревне Утице и кустарниках перед фронтом Российской армии. С другой стороны, генерал Барклай де Толли занялся построением своей линии. 6-й пехотный корпус генерала Дохтурова получил приказание примкнуть правым флангом к кургану Горкам. 4-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова стал между 6-м корпусом и деревней Семеновской. С правой стороны кургана Горок расположился полковник Потемкин с четырьмя егерскими полками, имея правый фланг, прикрытый казаками генерала Платова. Генерал от инфантерии Дохтуров, сменивший князя Багратиона в командовании Второй армией, получил приказание построить ее на левом фланге 4-го корпуса, дабы связать его со 2-м и 3-м пехотными корпусами, которые под начальством

Вскоре засим поляки, построив против левого фланга 2-го корпуса сильную колонну из пехоты, прикрытой по флангам кавалерией, с быстротой бросились на батарею, стоявшую на кургане. Они почти уже овладели оной, но Кременчугский полк, ударив в штыки, опрокинул их с кургана. Несмотря на сей успех, часть неприятельской кавалерии начала уже показываться с задней стороны кургана, а как в то время генерал Багговут получил известие об отступлении левого крыла армии за овраг Семеновский, и к тому ж неприятель превосходством числа начал одолевать полки, находившиеся в кустарниках на правом его фланге, то он, опасаясь быть отрезанным от армии, приказал войскам своим собраться на старой Смоленской дороге и, не потеряв ни одного орудия, отступил в порядке на высоту, лежащую при вершине ручья Семеновского. Неприятель пустился было его преследовать, но генерал Багговут, снова построив войска свои по обе стороны дороги, тотчас отразил его и прогнал к кургану.

генерал-лейтенанта Багговута занимали, как выше сказано, высоту при вершине ручья Семеновского. Кавалерийские корпуса поставлены были позади сей новой линии. Гвардейская пехотная дивизия, имея за собой обе кирасирские дивизии, составила резерв позади центра[1].

Кажется достоверным, что князь Кутузов располагался продолжать битву и в следующий день, дабы удержать новую позицию, занятую россиянами[2], но донесения, полученные им в ночь от корпусных начальников, показав ужасную потерю, понесенную армией, заставили его переменить сие намерение. Армия исполнила уже долг свой в отношении Москвы блистательными опытами усердия, оказанными в кровопролитной битве 26 августа. Новые усилия с войсками столь ослабевшими не обещали уже счастливых последствий, а только довершили бы расстройство армии, которую всего важнее было удержать в порядке. Причины сии побудили главнокомандующего начать отступление к Москве, дабы сблизиться с подкреплениями, долженствовавшими прийти к нему изнутри государства. 27 числа в 6 часов пополуночи все российские корпуса, оставив позиции свои, отступили на высоты, за городом Можайском лежащими. Главная квартира переведена была в село Кожухово[3].

Неприятель, приметив сие отступление, около 10 часов пополуночи атаковал российский арьергард, под начальством генерала от кавалерии Платова оставленный на месте сражения. Платов отступил к Можайску, куда и прибыл в 4 часа пополудни. Получив от главнокомандующего приказание оборонять сей город до последней крайности, он ввел в него всю пехоту свою, поставил на выгодных местах батареи, а кавалерию построил в поле с левой стороны города. Российский арьергард, несмотря на сильный огонь неприятельской артиллерии, удержался в Можайске до самой ночи, прекратившей сражение.

Ужасная битва Бородинская может считаться одной из кровопролитнейших, какие только бывали. Трудно, наверное, определить потерю, понесенную с обеих сторон, однако ж по приблизительным исчислениям, не могущим много разнствовать от истины, должно полагать урон с российской стороны почти в 50 000 человек, выбывших из строя, в том числе 15 000 убитых, более 30 000 раненых и около 2000 человек пленных. Генерал-майоры граф Кутайсов и Тучков 4-й были убиты. В числе раненых находились генерал-лейтенанты Тучков 1-й, князь Голицын, князь Горчаков и генерал-майоры принц Карл Мекленбургский, граф Воронцов, граф Сент-При, Кретов, Бахметев 2-й, Ермолов, граф Ивелич и Лихачев. Последний попал в плен. Но чувствительнее всего для армии была потеря генерала от инфантерии князя Багратиона, раненного пулей в левую ногу. Рана сия, казавшаяся сначала неопасной, день ото дня становилась хуже

---

[1] *Примечание переводчика.* По окончании битвы Бородинской Российская армия почти сохранила прежнюю свою позицию, ибо одно только левое крыло оной подалось назад на 400 сажен. Курган вблизи деревни Утицы, оставленный корпусом князя Понятовского, опять занят был казачьим передовым постом.

[2] Из донесения генерала Барклая де Толли видно, что он предполагал в ночь построить на кургане при деревне Горках сомкнутый редут, а генералу Милорадовичу дал поручение перед рассветом снова занять большой люнет, построенный на кургане, перед центром позиции лежащем, несколькими батальонами и артиллерией.

[3] *Примечание переводчика.* Отряд генерал-адъютанта барона Винцингероде, наблюдавший неприятеля со стороны правого фланга армии по дороге из Рузы к Звенигороду, усилен был Изюмским гусарским и тремя казачьими полками.

На поле битвы при Бородине.
17 сентября 1812 г.

и вскоре лишила Россию одного из лучших ее генералов. Он скончался 12 сентября в поместье Симе во Владимирской губернии. Генерал-лейтенант Тучков 1-й также умер от ран, им полученных.

Урон, понесенный неприятелем, должен простираться свыше 60 000 человек, выбывших из строя. Он потерял убитыми до 20 000 и пленными более 1000 человек. Генералы Монбрюн, граф Коленкур, Плозонь, Гюар, Компер, Марион, Ланабер, Ромеф и граф Лепель были убиты. 30 генералов ранены, в том числе генералы Груши, Нансути, Латур-Мобург, Рапп, Компан, Моран, Дезе и Лагуссе. Генерал Бонами, покрытый ранами, достался в руки россиян.

Военные трофеи, приобретенные на поле сражения, в таком же нашлись равновесии, как и самая победа. Россияне отбили у неприятеля 10 пушек, а сей в отплату овладел 13 российскими орудиями.

Император Александр, желая изъявить монаршее благоволение свое войскам, с таким мужеством подвизавшимся на поле чести и славы, соизволил пожаловать всем рядовым денежное награждение; князь Кутузов произведен был в генерал-фельдмаршалы и получил единовременно 100 тысяч рублей. Генералы и офицеры равномерно награждены были.

Кажется, что Наполеон мог бы совсем решить победу в свою пользу, если б, вместо того чтобы в самом деле атаковать левое крыло позиции, занимаемой Российской армией, он произвел против сего крыла только сильные притворные нападения и в то же время двинул бы главную громаду войск по старой Смоленской дороге для поддержания действий князя Понятовского против российского 3-го пехотного корпуса

генерал-лейтенанта Тучкова. Сей последний, конечно, не мог бы противопоставить продолжительного сопротивления превосходным силам, на него наступающим, и тогда неприятель, живо преследуя его, получил бы возможность выйти на большую Московскую дорогу, в тыл Российской армии, которая, будучи отрезана от Можайска и оттеснена в угол, составляемый реками Москвой и Колочей, нашлась бы в самом бедственном положении.

При сем, однако ж, должно заметить, что Наполеон находился в стране, совершенно ему неизвестной, не имел верных карт, лишен был способов доставать себе надежных проводников, а потому и не осмеливался почти никогда сворачивать в сторону с большой дороги. Но если причины сии могут служить в оправдание Наполеону, что не обратил главных действий своих на старую Смоленскую дорогу, то ничто не может извинить его в том, что он в три часа пополудни, так сказать, прекратил сражение, в то самое время, когда, произведши новые усилия, неминуемо склонил бы победу на свою сторону. Последние резервы россиян введены уже были в дело, между тем как старая и молодая французская гвардии, вместе с их кавалерией составлявшие более 30 000 человек, еще не участвовали в сражении. То неоспоримо, что, употребив в дело свежие 32 батальона и 27 эскадронов, составлявшие сей отборный корпус, Наполеон успел бы наконец опрокинуть Российскую армию и довершить ее расстройство в продолжение четырех часов, остававшихся еще до наступления темноты.

28 августа Российская армия, продолжая отступление свое, расположилась на высотах при деревне Землине, главная квартира князя Кутузова переведена была в деревню Леутинскую. Арьергард, составленный из четырех егерских полков[1], 1-го кавалерийского корпуса, одной роты конной артиллерии и нескольких казачьих полков, держался еще в Можайске в продолжение части утра, но напоследок, будучи весьма сильно тесним королем Неаполитанским, оставил помянутый город и, так сказать, шаг за шагом отступил к армии. Главнокомандующий, видя, что арьергард не может устоять против превосходных сил неприятельского авангарда, подкрепил его еще двумя егерскими и четырьмя пехотными полками с одной батарейной ротой[2].

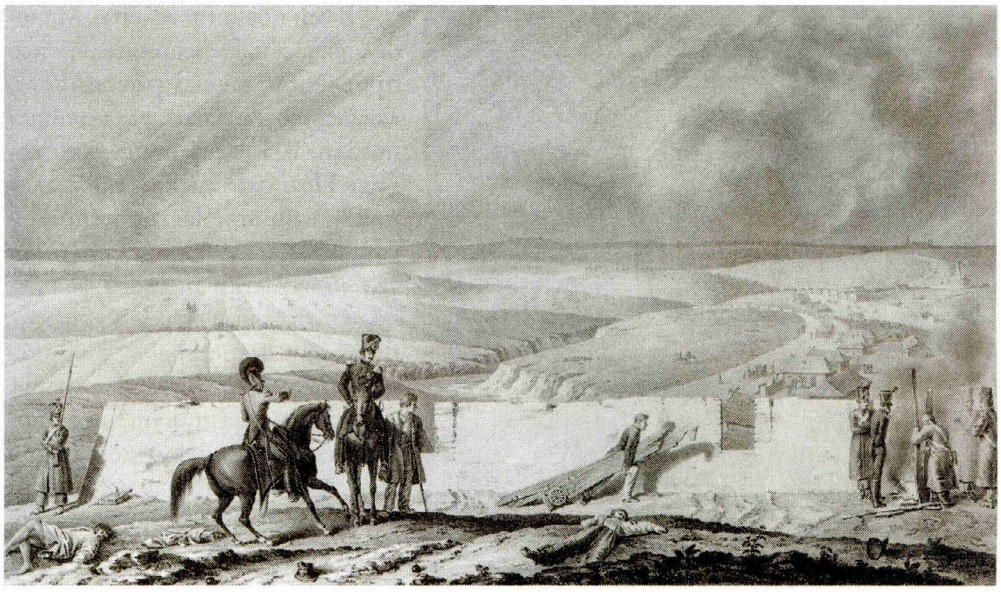
С помощью сего подкрепления россияне не только успели удержаться против французского авангарда, но и прогнали его на несколько верст назад. В ночь с 28 на 29 число генерал Платов был отозван, а генерал Милорадович сменил его в командовании арьергардом.

Наполеон снова принял прежний порядок марша тремя колоннами, которому следовал до битвы Бородинской. Сам он с главными силами армии прибыл к Можайску. Князь Понятовский со своим корпусом повернул вправо на село Фоминское, дабы выйти там на большую Калужскую дорогу, по которой и должен был он следовать к Москве. Вице-король Итальянский, к которому на другой день сражения присоединилась пехотная дивизия генерала Пино, прибывшая из окрестностей Витебска, перешел реку Москву в селе Успенском и обратился влево к городу Рузе, куда и прибыл того ж дня. Назначение сих двух боковых корпусов состояло в том, чтобы наблюдать за движениями, которые россияне могли бы произвести вправо или влево, и, беспрестанно

---

[1] *Примечание переводчика.* 4, 33, 30 и 48-го егерских полков.

[2] На подкрепление к арьергарду посланы были полки 11-й и 36-й егерские, Бутырский, Томский, Софийский и Либавский пехотные.



За Бородино, возле главной дороги на Москву.
17 сентября 1812 г.

обходя их арьергард, препятствовать ему долго держаться против авангарда короля Неаполитанского. 29 августа Российская армия, отступив к реке Наре, расположилась на левом берегу оной при деревне Крутице. Главная квартира князя Кутузова переведена была в деревню Репищи. В сей день неприятельский авангард, усиленный многочисленной кавалерией, тщетно покушался отрезать российский арьергард от его армии.

Генерал Милорадович, начальствовавший этим арьергардом, вознамерился остановиться в позиции при селе Крымском, в четырех верстах впереди армии. Левый фланг сей позиции, примыкавший к болотам, защищаем был одним батальоном 11-го егерского полка, рассыпанным в стрелки в кустарниках, покрывающих скат высоты левого фланга до самого болота. 4-й егерский полк занял кустарники и лесок, находящиеся вправо от дороги, при селе Крымском. 40-й и 38-й егерские полки под начальством полковника Потемкина расположились в батальонных колоннах еще правее леса, составлявшего оконечность правого фланга. Резерв сего фланга составлен был из 33-го егерского полка, а резерв левого фланга — из 36-го и второго батальона 11-го егерского полков. Три батареи, в центре и на обоих флангах поставленные, обороняли доступ к позиции, коей центр был тем сильнее, что к оному нельзя было подойти иначе как по большой дороге, проложенной в тесном и глубоком овраге, вдоль коего прямо била средняя батарея. Дабы не столпить без нужды войска на весьма тесном местоположении, пехотные полки Бутырский, Томский, Софийский и Либавский поставлены были за речкой Польгой[1].

[1] *Примечание переводчика.* Всей пехотой арьергарда командовал генерал-майор барон Розен.

М. А. Милорадович
(1771–1825)

В сей позиции генерал Милорадович ожидал неприятеля, живо преследовавшего российскую кавалерию и казаков, оставленных позади. В 5 часов пополудни король Неаполитанский показался в виду позиции. Часть российской кавалерии и казаки посланы были для прикрытия правого фланга, остаток же оной отведен за центр, дабы служил резервом. Неприятель немедленно начал нападение. Сделав сперва покушение против левого фланга и центра, он удостоверился в невозможности вытеснить россиян из позиции иначе как с правого фланга, почему и обратил на оный главные усилия свои. Густые пехотные колонны, покровительствуемые огнем батарей и спереди прикрытые стрелками, выступили из кустарников, окружавших позицию, прямо к селу Крымскому. Они остановлены были 4-м егерским полком и колоннами полковника Потемкина, но как неприятель усугубил усилия свои против сего последнего, то генерал Милорадович и подкрепил его еще одним батальоном 33-го егерского полка. С помощью сего батальона и российской кавалерии правого фланга полковник Потемкин успел удержаться в своем посту. Неудача сего первого покушения не обезохотила неприятеля, он возобновил нападение еще с большей силой. Генерал Милорадович, со своей стороны, равномерно послал новые подкрепления к войскам: находившийся в деле 4-й егерский полк подкреплен был вторым батальоном 33-го егерского полка, и даже переведены были через Польгу четыре пехотных полка, сначала стоявшие за сей речкой. Бутырский и Томский полки остались в резерве на большой дороге, а Либавский и Софийский пошли на помощь к полковнику Потемкину. Такие меры доставили желаемый успех. Неприятель был наконец отбит и прогнан в кустарники, а кавалерия его, выступившая вперед в намерении удержать стремление российских стрелков, была атакована и опрокинута кавалерий генерал-адъютанта Уварова. Наступившая темнота прекратила бой, продолжавшийся пять часов с великой горячностью! Россияне потеряли до 2000 человек, выбывших из строя. Неприятельский урон был значительнее. Король Неаполитанский, видя, что намерение его уничтожено сильным сопротивлением, которое испытал он в сем деле, в следующие дни преследовал уже слабо, довольствуясь тем, что кавалерия его шла по следам казаков[1].

[1] *Примечание переводчика.* После боя при селе Крымском неприятель следовал за российским арьергардом с большей осторожностью, оставаясь всегда вне пушечного выстрела от оного.

М. И. Кутузов
на Поклонной горе

Отряд генерал-адъютанта барона Винцингероде, следовавший наравне с правым крылом армии, усилен был одним гусарским и двумя казачьими полками и получил приказание наблюдать за движением вице-короля Итальянского.

30 числа Российская армия перешла к селу Вяземе, арьергард отступил к селу Кубинскому. 31-го армия пришла к деревне Мамоновой, а генерал Милорадович с арьергардом — к Малой Вяземе. Лагерь при Мамоновой укреплен был несколькими полевыми окопами, что и заставляло полагать, что князь Кутузов хотел еще раз сразиться с неприятелем прежде, нежели совсем решится на оставление Москвы, но главнокомандующий, кажется, сделал сии распоряжения только с тем, чтобы лучше скрыть намерение свое оставить столицу. Весьма нужно было уверить российские войска, что они будут еще сражаться для защиты Москвы, тем более что, может быть, не оставалось уже иного средства удержать их при знаменах и воспрепятствовать им рассыпаться в сем обширном городе.

1 сентября армия опять выступила и расположилась в двух верстах впереди одной из застав московских, Дорогомиловской называемой. В сей позиции армия примыкала правым флангом к излучине Москвы-реки, впереди деревни Филей, а левым — к Воробьевым горам, перед селом Воробьевым; центр находился между селами Троицким и Волынским; река Москва, составляющая в сем месте продолговатую излучину, и Дорогомиловское предместье находились позади линий армии. Новая позиция сия была укреплена, точно как и предыдущая. Арьергард отступил к деревне Сетуни.

Л. Л. Беннигсен
(1745–1826)

Французы равномерно продолжали наступательное движение свое к столице. Вице-король Итальянский, выступив 30 августа из Рузы, пришел к деревне Апальшине, а 31-го прибыл в Звенигород. Того ж дня сам Наполеон выехал из Можайска и 1 сентября прибыл в село Бересски. Вице-король перешел к деревне Бузаевой.

Князь Кутузов хотя и принял уже намерение оставить Москву, однако ж 1 сентября в вечер собрал в главной квартире своей, деревне Филях, военный совет, дабы показать вид, что решается на сию крайность не иначе как сходно с мнением главнейших генералов своих. Совет состоял из генералов Беннигсена, Барклая де Толли и Дохтурова, генерал-лейтенантов графа Остермана-Толстова и Коновницына, начальника главного штаба генерал-майора Ермолова и генерал-квартирмейстера Толя. Кутузов, представив им предварительно тогдашнее положение дел, спрашивал у каждого члена совета, порознь, его мнение, дабы решить вопрос: *должно ли ожидать нападения неприятельского в позиции, занимаемой армией, или уступить ему столицу без боя?* Генерал Барклай де Толли, начав говорить, утверждал, что позиция была неудобна к обороне, и предложил, оставив Москву, идти по дороге к Нижнему Новгороду, ибо считал сей город пунктом тем важнейшим, что он служит связью между северными и южными областями России. Генерал Беннигсен[1], поддержанный генералом Дохтуровым, оспаривал сие мнение, утверждая, что позиция была довольно тверда и что армия должна была ждать в оной новое сражение. Генерал Коновницын представил, что хотя он и не одного мнения с генералом Беннигсеном касательно утверждаемого им достоинства позиции при Филях, однако ж почитает за долг армии сделать еще новые усилия прежде, нежели решиться на оставление столицы, и для сего предлагал идти на неприятеля и атаковать его, где бы он ни встретился. Генералы граф Остерман-Толстой и Ермолов присоединились к сему мнению, но последний сделал, однако ж, замечание, что нужно сперва знать, осмотрены ли дороги, долженствующие служить к преднамереваемому наступательному действию. Наконец, генерал-квартирмейстер полковник Толь, упомянув в смысле генералов Барклая де Толли и Коновницына ка-

[1] *Примечание переводчика.* Избравший позицию перед Москвой.

сательно ненадежности позиции при Филях[1], представил, что ему кажется выгоднее сделать всей армией боковое движение линиям влево, дабы поставить ее в другой, смежной с прежней позиции, правым флангом к Воробьевым горам, а левым — между старой и новой Калужскими дорогами, в направлении между деревнями Шатилово и Воронково. К тому ж полковник Толь присовокупил, что в сей новой позиции армия избежала бы важной неудобности иметь большой город непосредственно позади ее линии, а в случае отступления могла бы произвести оное по старой Калужской дороге.

А. П. Ермолов
(1772–1861)

Разногласие мнений совета давало главнокомандующему полную свободу отвергнуть все сии предложения, из коих не было ни одного, совершенно изъятого от неудобностей. Разбираемый вопрос, приведенный в простейшее значение, мог быть представлен в таковом выражении: *что выгоднее для спасения Отечества: сохранение армии или столицы?* Поскольку ответ не мог быть иной как в пользу армии, то из сего и следовало, что неблагоразумно было бы подвергать опасности большее для спасения меньшего. К тому ж нельзя было не признаться, что вступить в новое сражение — было бы отважиться на дело весьма ненадежное. Правда, что в Российской армии, расположенной под Москвой, находилось еще около 90 000 человек в строю, но в сем числе было только 65 000 старых регулярных войск и 6000 казаков, остаток же состоял из рекрутов и ополчения, которых после битвы Бородинской разместили по разным полкам. Более 10 000 из сих ратников не имели даже ружей и вооружены были пиками. С армией, из столь несовершенных начал составленной, напасть на 130 или 140 тысяч человек, находившихся у неприятеля, было бы подвергаться весьма вероятному поражению, следствия коего были бы тем пагубнее, что тогда Москва неминуемо сделалась бы могилой Российской армии, принужденной на отступлении своем проходить по запутанным улицам сего обширного города. По этим причинам, казалось, надлежало бы предпочесть мнение генерала Барклая де Толли, но соглашаясь с ним в необходимости оставить столицу, нельзя было принять направления, предлагаемого им для

[1] *Примечание переводчика.* Он представил совершенную невозможность держаться армии в сей позиции, ибо в ней в случае потери сражения, а вместе с сим и Москвы, армия подвергалась совершенному истреблению и потере всей своей артиллерии.

отступления. Армия, опираясь на Нижнем Новгороде, следовала бы промежуточным путем действий, не представлявшим прямой связи ни с северными, ни с полуденными губерниями, так что для неважной выгоды сохранить несколько слабых сообщений с первыми пришлось бы подвергнуть опасности несравненно важнейшие сообщения с последними губерниями, гораздо изобильнейшими в способах всякого рода. То неоспоримо, что всего выгоднее было соображаться с мнением полковника Толя, ибо армия, выйдя на Калужскую или Тульскую дорогу, не только сохранила бы свободное сообщение с югом, но и получила бы возможность угрожать неприятельскому пути действий, пролегавшему через Смоленск и Можайск. К несчастью, боковое движение влево, которое для перехождения на вышеупомянутые дороги надлежало произвести в виду неприятеля, очень легко могло быть остановлено французами, ибо для сего стоило им только самим потянуться боковым движением вправо. К тому ж и направление марша князя Понятовского, который, следуя по новой Калужской дороге, окрыливал уже левый фланг россиян, облегчило бы неприятелю произведение сего противу-маневра (contre-manoeuvre). Все сии затруднения не укрылись от прозорливости князя Кутузова. Он объявил, в свою очередь, что *поскольку потеря Москвы не есть еще потеря России, то он и считает первым долгом своим сберечь армию и сблизиться к подкреплениям, ею ожидаемым; что, уступая неприятелю столицу, через то самое он расставит ему сеть, в которой гибель его сделается неизбежной, и что вследствие сего он намерен, пройдя через Москву, отступать по Рязанской дороге.* Сии достопамятные слова, которые само событие сделало предсказательными, должны бы принудить к молчанию поносителей Кутузова, приписывающих одному счастливому случаю великие успехи, в конце сего похода им одержанные. Все военные люди, которых рассудок не затемнен предубеждением, сознаются, что тот, кто по необыкновенной сметливости своей мог таким образом предвидеть будущее, верно расположил уже в уме своем средства управлять происшествиями. Члены военного совета не сделали никакого возражения против сего намерения главнокомандующего, почему и разосланы были немедленно приказания приводить оное в исполнение. Движение, предположенное фельдмаршалом, действительно было самое выгодное по тогдашним обстоятельствам. Коломенская дорога также вела к полуденным губерниям, как и Калужская, и армия могла следовать по ней тем с большей безопасностью, что на сем переходе фланг ее, ближайший к неприятелю, прикрыт был рекой Москвой. Но сему направлению, избранному Кутузовым, должно удивляться наиболее как приготовительному действию к превосходному маневру, впоследствии им произведенному и, весьма вероятно, с того времени уже предначертанному сим искусным полководцем[1].

2 сентября, в день навсегда плачевный для сердец истинных россиян, армия снялась с лагеря при Филях в три часа пополуночи и, вступив в Москву через Дорогомиловскую заставу, должна была проходить сей город во весь поперечник оного, дабы потом выйти через Коломенскую заставу[2].

---

[1] *Примечание переводчика.* Доказательством сему может служить, что фельдмаршал князь Кутузов, получив от генерал-квартирмейстера Толя изустное донесение о занятии Французской армией Москвы, воскликнул: «Слава Богу! Это последнее их торжество».

[2] *Примечание переводчика.* Армия могла перейти реку Москву только по одному Дорогомиловскому мосту, поэтому и выступила одной колонной.

Раненые в Бородинском сражении прибывают в Москву

Поскольку решение военного совета содержалось втайне, то войска узнали об этом не прежде как по вступлении в город. Уныние распространилось во всех рядах армии. Город представлял зрелище самое печальное. Во всех домах ставни у окон были затворены, а на улицах встречалось только малое число людей, которые спешили бежать, унося с собой лучшие пожитки свои. Марш армии, хотя и в удивительном порядке производимый, смотря по тогдашнему обстоятельству, походил более на погребальный церемониал, нежели на поход войска. Унылый и задумчивый вид воинов довольно показывал, сколь чувствительна была для них жестокая необходимость оставить неприятелю древнюю Москву, которую привыкли они считать душой Российского государства. Многие из офицеров и солдат даже проливали слезы с досады и отчаяния. Московский комендант, получивший приказание также оставить город вместе с гарнизонным полком, в нем находившимся, выступил с шумной музыкой в намерении присоединиться к колоннам армии, проходившим по улицам. Поразительная противоположность этого полка, столь неуместно веселого, с мрачным расположением всех умов произвела сильный ропот между храбрых воинов, уцелевших от ужасов бородинских. *Какой изменник радуется бедствиям Отечества?* — кричали они со всех сторон. Начальники бросились к Московскому гарнизону, чтобы прекратить музыку, и с трудом успели в том: комендант,

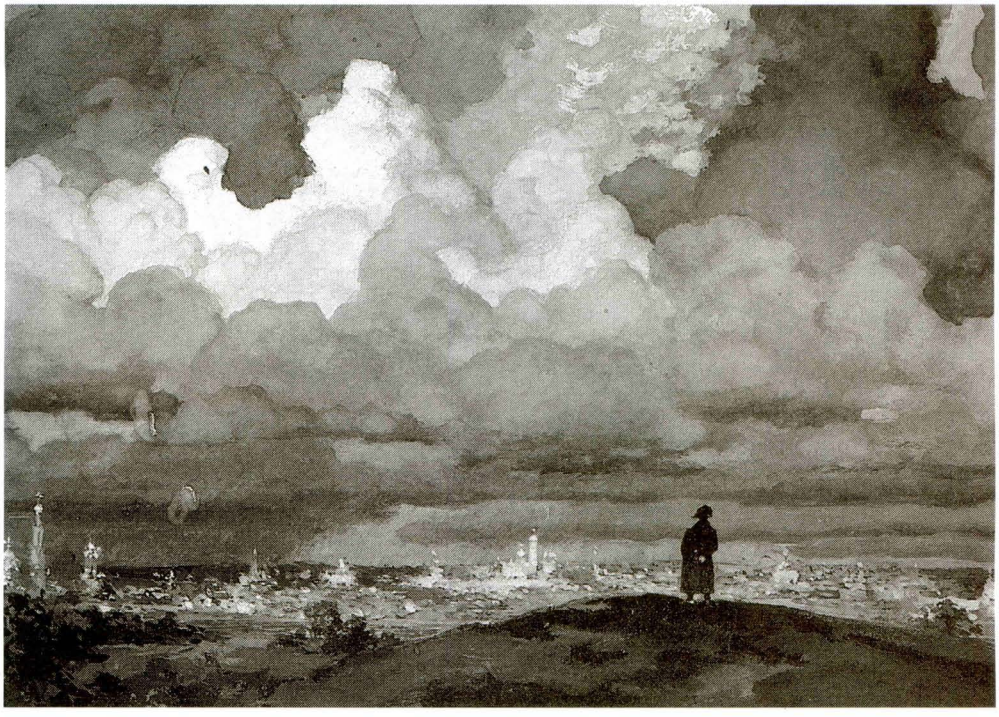
хотя и храбрый воин, но, не будучи природным россиянином, не мог понять, зачем хотели принудить его выйти из города без военных почестей. Российская армия, пройдя через Москву, следовала еще 15 верст по Коломенской дороге и остановилась при селе Панках. Князь Кутузов занял главную квартиру свою в селе Жилине. Российские войска не успели еще все выйти из города, как неаполитанский король с французским авангардом явился у Дорогомиловской заставы в намерении преследовать российский арьергард. Сражение, начатое в улицах московских, могло бы иметь последствием совершенную погибель этого арьергарда и потерю части принадлежности Российской армии, почему генерал Милорадович, желая предупредить несчастье, послал к королю Неаполитанскому переговорщика с объявлением, что если французы нападут на него в то время, как он будет проходить город, в таком случае он будет обороняться до последнего человека и немедленно, зажегши город, погребет себя под развалинами оного. Таковые угрозы произвели переговоры, и последствием оных было словесное условие, по которому король Неаполитанский обязался не тревожить выхода россиян из Москвы. Положено даже, что все люди, принадлежащие к армии, равно и все военные вещи, найденные французами еще в городе, получат свободный выход до 7 часов вечера. Сей договор, коего вся честь принадлежит генералу Милорадовичу, позволил довершить оставление столицы без всякой потери, кроме небольшого числа людей, опасно раненных, которых принуждены были оставить в госпиталях[1].

Российский арьергард по выходе из Москвы остановился при деревне Вязовке, в шести верстах от Коломенской заставы. Генерал-лейтенант Раевский принял начальство над оным вместо генерала Милорадовича, который присоединился к армии. Генерал-адъютант Васильчиков получил начальство над передовыми постами. Генерал-адъютант барон Вицингероде с его отрядом стал на дороге из Москвы в С.-Петербург. Другой отряд, из кавалерии и пехоты составленный, послан был на Владимирскую дорогу для прикрытия большого обоза повозок, нагруженных дорогими вещами, казенными и партикулярными, вывозимыми из Москвы в Нижний Новгород.

Король Неаполитанский, дав пройти российскому арьергарду, вступил в Москву в час пополудни. По приходе к Кремлю французские войска встречены были довольно сильным ружейным огнем, производимым со стен сего замка толпой несчастных жителей московских, которые, следуя более отчаянию своему, нежели думая о способах, коими располагать могли, вознамерились воспретить неприятелю вход в Кремль. Но толь слабая преграда не могла надолго остановить войска, к бою привычные. Ворота в скором времени были выломлены, и французы, ворвавшись в Кремль, рассеяли оборонявших оный. Неаполитанский король продолжал движение свое, и под вечер передовые посты его высланы были за город, на Коломенскую дорогу, к селу Корочарову.

Наполеон, извещенный о том, что россияне уступили город без боя, прибыл к Дорогомиловской заставе, где несколько часов ожидал депутацию, которую, предполагал он, начальники городские вышлют к нему для поднесения ключей. Он не знал еще, что россияне, решившись на пожертвование своей столицы, вознамерились сделать оное сколь возможно совершеннейшим, и с чрезвычайным удивлением уведомился, что не

[1] *Примечание переводчика.* Сверх того, данный договор дал время многим жителям Москвы выбраться из города, а оружие, еще оставшееся в арсенале, было частично выбрано и частично истреблено.



Наполеон на Поклонной горе

только городские чиновники, но даже и большая часть жителей оставили город. Раздраженный потерей случая показать торжественное шествие свое, он поехал в Кремль без всяких радостных криков, кроме тех, коими собственные войска обыкновенно встречали его. Сей въезд, столь различный от деланных Наполеоном в другие столицы врагов своих, распространил некоторого рода уныние даже между самих французов. Среди победы они испытали о дне только печальные ощущения и, пожиная плоды усилий, при Бородине ими произведенных, являлись более жертвами, невидимой рукой ведомыми на заклание, нежели торжествующими победителями. Казалось, будто они предчувствовали бедствия, которые несчастный конец, готовящийся поразить Москву, долженствовал низринуть на главу их.

За несколько месяцев перед войной граф Растопчин назначен был генерал-губернатором московским. В продолжение всего похода успел он воздерживать буйные движения черни, которую бедствия войны приводили в отчаяние. Будучи более ревностным гражданином, нежели военным человеком, он полагал за возможное оборонять город шаг за шагом и для того употребить всевозможные средства, чтобы воспламенить жителей великодушным рвением вспомоществовать усилиям армии. Намерение князя Кутузова уступить неприятелю Москву без боя было громовым ударом для любящей отечество души его, но и в то же время он не пренебрег единственного оставшегося ему средства оказать услугу своему отечеству. Не могши сделать ничего для спасения города, ему вверенного, он вознамерился разорить его до основания и чрез ту самую потерю

Столкновение москвичей
с наполеоновскими грабителями

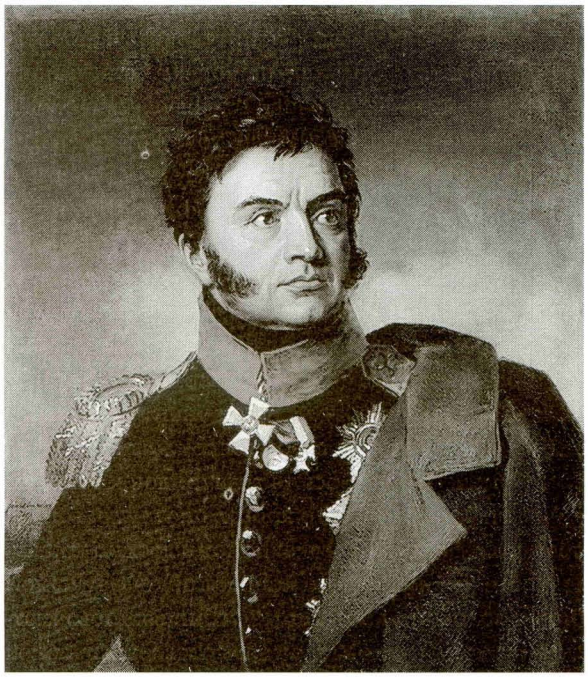
Москвы учинить полезное для России предприятие, достойное древнего римлянина, что и приведено было в действо с искусством. Пока войска россиян находились еще в городе, нельзя было зажечь оного, не помешав их отступлению, но во многих домах приготовлены были сгораемые вещества и по городу рассеяна была толпа наемных зажигателей под управлением нескольких офицеров бывшей полиции московской, оставшихся там переодетыми, а дабы меры эти имели желаемый успех, то граф Растопчин приказал вывезти из Москвы заливные трубы и все пожарные инструменты. Вечером 2 числа огонь показался на бирже, а в следующий день другие пожары начались в разных частях города, несмотря на все усилия французов потушить их. Кроме нарочно подосланных зажигателей, сами обыватели зажигали собственные дома свои без всякого приказания, а единственно из озлобления против неприятеля. Наконец, 4 числа поднялся сильный ветер, пожар сделался общим и уничтожил всякую надежду спасти город. Сам Наполеон, не осмелившись оставаться долее в Кремле, поспешил укрыться в Петровском дворце, в двух верстах за Петербургской заставой. Он возвратился в Кремль уже по совершенном окончании пожара, т. е. 8 числа. Девять десятых частей города сгорела, а остальную неприятель предал грабежу.

Разорение Москвы было происшествие весьма выгодное для России во всех отношениях. Чрез то Наполеон лишился способов, которые надеялся найти в этом городе, и коль скоро единожды истреблена была столица, то сделалось уже невозможным предла-

Наполеон наблюдает
за пожаром Москвы

гать малодушные поступки. Те, которые для сохранения богатств московских склонны были бы к миру, придя в отчаяние от потери оных, долженствовали уже помышлять только об одном мщении. Столь великое, столь неслыханное пожертвование, каково было сожжение столицы, довольно показывало твердость российского правительства, решившегося скорее всем пожертвовать, нежели преклониться под постыдное иго. Решимость эта, оказанная столь блестящим образом, возбуждая бодрость россиян, в то же время неминуемо долженствовала привести в уныние неприятеля. Наполеон, обратив все усилия свои на Москву, полагал поразить в самое сердце Россию, которую считал уже низвергнутой взятием ее древней столицы. Сколь же великим должен был быть его ужас, когда увидел, что россияне считали Москву только великой грудой камней, не имеющей ни малейшего влияния на участь России, и что они готовились к войне с жаром, большим прежнего. С сего времени он должен был предчувствовать плачевный конец своего предприятия, а как Москва загорелась уже по входе в нее французов, то и нетрудно было уверить народ, что неприятель зажег ее. Мнение это, раздражив жителей окрестных сел и деревень, скорее возбудило народную войну, которая начинала уже загораться в тылу Французской армии.

Российская армия, имевшая 3 сентября отдых при селе Панках, 4 числа опять выступила, перешла реку Москву по Боровскому мосту и расположилась на правом берегу оной. Главная квартира переведена была в деревню Кулакову. Главные силы Французской



Н. Н. Раевский

армии стояли на биваках вокруг Москвы, но король Неаполитанский послан был по Коломенской дороге для преследования россиян. 4 числа поутру генерал Себастьяни, начальствовавший его передовыми войсками, прислал к генерал-лейтенанту Раевскому переговорщика с объявлением, что, получив приказание овладеть высотой между селениями Вязовкой и Корочаровым, повелевающей всей равниной до самой Москвы, он предлагает россиянам уступить оную без боя, дабы избежать бесполезного кровопролития. Поскольку отступление Российской армии принуждало и арьергард также отступить, то генерал Раевский согласился на предложение Себастьяни. Но французы желали овладеть упомянутой высотой только для того, чтобы получить возможность скрыть движение своего авангарда, и едва заняли оную, как и начали наступать с горячностью. Генерал Раевский с пехотой арьергарда последовал уже за движением армии, почему у генерал-адъютанта Васильчикова оставалась одна только кавалерия с 12 орудиями. Несмотря на то, он с полудня до вечера защищал место шаг за шагом от деревни Вязовки, где начался бой, до села Панков, которым неприятель овладел уже при захождении солнца. Главные силы российского арьергарда остановились ночевать при деревне Островцах.

Князь Кутузов, рассудив, что двух переходов, сделанных армией по Коломенской дороге, достаточно было к тому, чтобы обмануть неприятеля, уверив его, что россияне хотят перейти за реку Оку, вознамерился немедленно опять сблизиться к Смоленской дороге, чтобы получить возможность прерывать единственный путь действий Французской армии. Эта превосходная мысль, показывающая великие военные виды главнокомандующего, приведена была в действие с необычайным искусством и положила конец бедствиям России. 5 сентября рано утром Российская армия выступила из лагеря при деревне Кулаковой двумя колоннами, которые, сделав захождение налево, пошли вверх по правому берегу речки Пахры, прикрывавшей это боковое движение. Армия ночевала на дороге из Москвы в город Каширу. Пехота арьергарда в продолжение целого дня оставалась на правом берегу Москвы, близ деревни Кулаковой, на высотах у Боровского моста, между тем как кавалерия занимала неприятеля маловажной стычкой на левом берегу реки. В ночи кавалерия также перешла реку, и по истреблении моста весь арьергард следовал по дороге, взятой армией; на Коломенской же дороге остав-

лены были только два казачьих полка под начальством полковника Ефремова. 6 числа войска продолжали тянуться вверх по речке Пахре; армия расположилась биваками на большой дороге из Москвы в Серпухов; главная квартира переведена была в деревню Кутузову. Арьергард остановился у города Подола на речке Пахре. В этот день фельдмаршал Кутузов назначил генерал-лейтенанта Коновницына в должность дежурного генерала всех армий. 7 числа армия следовала еще вверх по Пахре и заняла позицию на левом берегу этой речки при селе Красной Пахре. Сей последний переход довершил превосходное круговое движение, произведенное Российской армией около Москвы. С этого времени единственный путь сообщения неприятеля, Смоленская дорога, был перехвачен, и российские партии, пущенные во все стороны, наводнили эту дорогу и всю окрестную страну. Кроме того, россияне, опершись на Калугу, получили еще удобность пользоваться большими магазинами, собранными в городе во время пребывания армии в окрестностях Смоленска. 8 числа авангард под начальством генерала Милорадовича, составленный из 8-го пехотного и 1-го кавалерийского корпусов с казачьими полками, расположился при деревне Десне для прикрытия фронта армии, правый фланг которой обезопасен был арьергардом генерал-лейтенанта Раевского, составленным из 7-го пехотного и 4-го кавалерийского корпусов, также с казачьими полками, который и стал у деревни Луковни при слиянии речки Десны с Пахрой. 9 числа армия перешла чрез Пахру и заняла позицию, избранную генералом Беннигсеном на правом берегу этой речки. Того же дня генерал-майор Дорохов с легким отрядом, состоявшим из лейб-гвардии драгунского, Елисаветградского гусарского и трех казачьих полков, с двумя орудиями конной артиллерии отправился из деревни Десны на дорогу, ведущую из Можайска в Москву[1].

Три боковых перехода, сделанных Российской армией, так сказать, в глазах неприятеля, были действие довольно трудное, однако произведены без всякого помешательства. Этим обязаны генерал-адъютанту Васильчикову, который, начальствуя последними войсками арьергарда, производил движения свои с такой точностью, что совершенно успел скрыть их от французов, и они в продолжение нескольких дней не имели ни малейшего известия о Российской армии. Даже 10 числа генерал Себастьяни, перейдя Москву-реку у Боровского моста, гнался за двумя казачьими полками полковника Ефремова до города Бронниц, считая всегда идти по следам Главной армии. Полковник Ефремов, медленно отступив по Коломенской дороге, остановился у селения Старникова.

Наконец, неприятель, приметив бесполезность преследования своего по Коломенской дороге, прекратил его и обратился к Калужской.

11 сентября король Неаполитанский, следуя к городу Подолу, показался у Фроловского Яма. В тот же день российские арьергарды получили приказание сблизиться к армии, почему генерал Милорадович и отступил к деревне Ватутинке, а генерал-лейтенант Раевский — к селу Поливанову, где находился мост на Пахре, доставлявший удобность наблюдать оба берега речки. 12 числа, неприятель, следуя вверх по левому

[1] *Примечание переводчика.* Состоявшему почти из 9000 человек кавалерии отряду предписано было истреблять неприятельские подвозы и всякого рода запасы, следовавшие к Москве. 10 сентября генерал-майор Дорохов прибыл в село Шарапово, что на новой Калужской дороге, и того же дня, напав при селе Перхушкове на большой неприятельский обоз, совершенно истребил его, причем взорвано было им множество зарядных ящиков. На другой день генерал Дорохов имел довольно жаркое дело с неприятельским отрядом под начальством генерала Ламюзи, в котором два эскадрона лейб-гвардии драгунского полка совершенно разбило Французский гвардейский драгунский полк. При этом было взято в плен несколько офицеров и до 250 человек низших чинов.

берегу речки Десны, атаковал передовые посты генерала Милорадовича, однако же не мог вытеснить их из деревни Десны. Впрочем, король Неаполитанский сделал это движение правым флангом только для виду, чтобы привести россиян в недоумение. 13-го приказал он занять село Дубровицы при соединении речек Десны и Пахры, между тем как главные колонны его, выступив из города Подола, шли по правому берегу Пахры по дороге, ведущей из города Никитска в Верею, которая через Подол выходила на село Чириково, лежащее при старой Калужской дороге, в пяти верстах сзади села Красной Пахры и, следовательно, в тылу позиции, занимаемой Российской армией. Генерал-лейтенант Раевский, видя необходимость занять данную дорогу для прикрытия сообщений армии, отрядил для сего генерал-майора Паскевича с 26-й пехотной дивизией и Ахтырским гусарским полком. Генерал Паскевич, перейдя речку Пахру у села Поливанова, следовал к селу Ознобишину и в окрестностях его встретил генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова, которого фельдмаршал Кутузов, сам беспокоившийся о безопасности сообщений своих, отрядил на ту же дорогу из Никитска в Верею с 4-м пехотным и 2-м кавалерийским корпусами. Граф Остерман-Толстой с пехотой расположился в лесу, позади села Немчинина, имея передовые кавалерийские посты по ту сторону села Александрова, а правый фланг, прикрытый отрядом генерал-майора Паскевича, который остановился при селе Сатине, на речке Моче. Около 6 часов пополудни неприятель занял село Ознобишино. Генерал Раевский, опасаясь быть обойденным с правого фланга, отступил от Поливанова к Пыхчеву.

В таковых обстоятельствах генерал Беннигсен предложил произвести главными силами армии боковое движение вправо, дабы атаковать и прогнать к городу Подолу все неприятельские войска, находившиеся на правом берегу речки Пахры. Нет сомнения, что, последовав данному предложению, можно было разбить неаполитанского короля, имевшего у себя только одну свою кавалерию и корпус князя Понятовского[1], между тем как все прочие войска Французской армии оставались в Москве и ее окрестностях. Но должно заметить, что в то время еще не было известно, что король Неаполитанский не имел никакого подкрепления, а напротив, полагали, что Наполеон со всеми силами своими находится у города Подола, и посему фельдмаршал весьма благоразумно поступил, отвергнув предложение сражаться между Красной Пахрой и Подолом. Если б в тогдашних обстоятельствах неприятель одержал поверхность, то мог бы, отрезав россиян от Калуги, оттеснить их к Верее и Можайску, и тогда вся кампания была бы потеряна, ибо Наполеон, став между Российской армией и полуденными губерниями государства, лишил бы ее всех способов, доставляемых этими плодородными областями, и принудил бы взять неудобный путь действий от города Волоколамска на Тверь или Старицу. Князь Кутузов не захотел подвергнуться столь опасным последствиям, а как он поджидал еще новых подкреплений по Калужской дороге, то и решился избегать всякого важного дела с неприятелем до прихода этих подкреплений.

14 сентября Российская армия отступила от села Красной Пахры к деревне Бабенковой[2].

---

[1] *Примечание переводчика.* Коих полагали в числе 60 000 человек.

[2] Главная квартира переведена была в деревню Мочу. Фельдмаршал князь Кутузов решился отступить еще на несколько переходов, чтобы, заняв крепкий лагерь, ожидать в нем подкрепления, следовавшие к нему из Рязани, Тулы, Орла, Брянска и Курска.

Арьергарды генералов Милорадовича и Раевского соединились при Красной Пахре, и генерал Милорадович принял главное начальство над ними. 15 числа случилась тревога в арьергарде. Неприятель внезапно показался на левом берегу речки Пахры, почти в полуверсте от правого фланга позиции, занимаемой арьергардом. Генерал-адъютант Васильчиков тотчас бросился к нему навстречу с лейб-гвардии гусарским полком и повторительными атаками успел удержать его, сколько нужно было, чтобы дать время перейти чрез Пахру части российской кавалерии, находившейся еще на левом берегу речки. После этого весь арьергард начал отступать и занял позицию между селом Чириковым и деревней Голохвастовой. Генерал-лейтенант граф Остерман-Толстой, теснимый неприятелем, равномерно отступил к селу Окулову. Генерал-майор Паскевич, последовав сему движению, остался вместе с 4-м пехотным корпусом. 16 числа граф Остерман-Толстой, перейдя речку Мочу, занял позицию при сельце Чириковом и Бахметево на дороге из города Подола к селу Воронову[1].

17 сентября неаполитанский король двинулся вперед по дорогам, ведущим из города Подола в село Чириково и Вороново. В 2 часа пополудни князь Понятовский даже занял село Чириково, по ошибке оставленное россиянами, но как неприятель упустил занять достаточными силами лес, простирающийся от Чирикова к деревне Голохвастовой и прикрывавший правый фланг арьергарда генерала Милорадовича, то россияне не только успели выгнать неприятеля из леса, но при наступлении темноты возвратили село Чириково, чем и кончилось сражение на сем пункте[2].

В числе пленных взят был французский генерал Ферье. В это же время и граф Остерман-Толстой равномерно атакован был неприятелем, который, выставив против него более 5000 кавалерии, послал пехоту свою в лес, бывший у него на правом фланге, однако несмотря на это не мог одержать над ним ни малейшей поверхности.

Фельдмаршал, судя по слабости нападений неприятеля, что он был перед ним не в значительных силах, едва было не согласился на предложение генерала Беннигсена принять сражение в позиции при деревне Бабенковой, но узнав от генерал-квартирмейстера Толя, что у села Тарутина при соединении речек Истьи и Нары найден и осмотрен крепкий лагерь, решился продолжать отступление до этого места. 19 числа Российская армия перешла к селу Спас-Купле, главная квартира была в селе Богородском. Генерал Милорадович отступил к деревне Бабенковой.

20 сентября армия прибыла к селу Тарутину. Арьергарды генералов Милорадовича и графа Остермана-Толстова соединились впереди села Воронова. А как неприятель показал вид, что намерен обойти их с правого фланга, то генерал Милорадович перевел за теснину, при Воронове находящуюся, пехоту и батарейную артиллерию под прикрытием кавалерии и легкой артиллерии, которые некоторое время держались на малой равнине впереди Воронова. Под вечер генерал Милорадович построил первую линию своей пехоты в версте позади села Воронова, а вторую линию — в одной версте позади первой. Корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова сблизился к ар-

---

[1] *Примечание переводчика.* Того же 16 сентября прибыло Тульское ополчение: в город Серпухов — девять эскадронов казаков, два полка пехоты и два батальона егерей; в город Каширу — девять эскадронов казаков, полк пехоты и два батальона егерей. Вдоль по реке Оке от города Алексина до Серпухова располагались еще два полка пехоты.

[2] Московское ополчение, участвовавшее в этом деле, покрыло себя славой.

На дороге близ Тарутино.
Октябрь 1812 г.

мии. Кавалерия, не могшая действовать по причине весьма лесистого местоположения, также отведена была к деревне Львовой.

21 числа в два часа пополудни неприятель открыл наступательное движение свое против российского арьергарда как по большой дороге, так и по другой, от села Воронова через Богоявленское ведущей в Спас-Купле. Генерал Милорадович принужден был поспешно отступить к селу Спас-Купле, при котором 8-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Бороздина 1-го с двумя егерскими полками занял позицию, что и остановило неприятеля. 4-й и 7-й пехотные корпуса генерал-лейтенантов графа Остермана-Толстова и Раевского прошли за деревню Чернишино, а на другой день оба корпуса соединились с армией[1].

22 сентября король Неаполитанский атаковал российский арьергард в 10 часов пополуночи. Генерал Милорадович нашелся принужденным оставить позицию свою при Спас-Купле, однако, несмотря на все усилия неприятеля, успел удержаться в положении, занятом им при деревне Чернишине. Дело было довольно жаркое, кавалерия и артиллерия арьергарда особенно отличились в оном[2].

Два или три дня после этого 8-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Бороздина и 1-й кавалерийский присоединились к армии, в авангарде же на левом берегу речки Нары между деревнями Глодовой и Дедней остались только 2-й и 4-й кавалерийские

[1] *Примечание переводчика.* В этот день офицеры квартирмейстерской части вместе с инженерными начали укреплять Тарутинский лагерь.

[2] *Примечание переводчика.* Неприятель, кроме немалого числа убитых, потерял пленными 10 офицеров и более 150 человек низших чинов. В этом деле весьма много потеряла неприятельская кавалерия.

корпуса[1] с казаками. Король Неаполитанский, видя, что кавалерия поддерживаема была всей Российской армией, которая, казалось, не намерена была без боя оставить тарутинскую позицию, не осмелился завязывать дела, почему и остался в наблюдательном положении при селе Винковом.

Маршал Виктор
(1764–1841)

Около того ж времени Французская армия занимала следующие положения: корпус маршала Нея находился при городе Богородске; гвардия и корпус маршала Даву размещены были на временных квартирах в Москве; главные силы корпуса вице-короля Итальянского расположились под самой Москвой у Петровского дворца; пехотная дивизия генерала Брусье от того ж корпуса с Баварской кавалерийской бригадой генерала Прейсинга поставлена была при селе Вяземе для сообщения с корпусом генерала Жюно, который, находясь у Можайска, сильным отрядом занимал город Верею, наскоро укрепленный палисадом. Новый Французский 9-й корпус под начальством маршала Виктора, состоявший из 30 000 человек под ружьем, уже перешел реку Неман и, прибыв 16 сентября к Смоленску, остановился при сем городе для составления центрального резерва.

Позиция, занимаемая Российской армией при селе Тарутине, представляла самые очевидные выгоды в стратегических отношениях. Город Калугу, по всей справедливости, надлежало почитать истинной опорой действий россиян, ибо все способы полуденных губерний не только беспрепятственно, но даже и с великой удобностью, спускаясь вниз по реке Оке, могли стекаться к оному. Итак, при выборе позиции князь Кутузов более всего должен был иметь в виду прикрытие данного важного пункта. Из Москвы в Калугу ведут три главные дороги: правая — чрез города Боровск и Малый Ярославец; средняя — чрез села Вороново и Тарутино; а левая — чрез города Серпухов и Тарусу. Лагерь тарутинский, находясь на средней дороге, преграждал оную и в то же время давал россиянам возможность посредством весьма малых переходов предупреждать

[1] *Примечание сочинителя.* С самой битвы Бородинской 3-й кавалерийский корпус уже не существовал и вошел в состав 2-го корпуса.

неприятеля на двух боковых дорогах: на правой — у Боровска или Малого Ярославца, и на левой — у Серпухова или Тарусы. Таким образом, все покушения, которые неприятель мог бы сделать, чтобы пробраться внутрь России, были бы уничтожены, поскольку невозможно было предполагать, чтобы французы, будучи предупреждены между Тарусой и Серпуховым, осмелились перейти реку Оку в окрестностях последнего города и обратиться на Тулу, предавая все сообщения свои Российской армии, которую оставили бы у себя в тылу. Неприятель, не могши ничего предпринять на правом фланге россиян, поневоле должен был действовать на их левом фланге и, следовательно, по Можайской дороге, что и принуждало его к оборонительному положению, тем для него тягостнейшему, что Тарутинский лагерь, рассматриваемый как пункт, от коего должны были происходить наступательные действия россиян, представлял последним великую выгоду существенно угрожать неприятельскому пути действий, пролегавшему из Москвы в Смоленск, а как сей путь в окрестностях города Гжатска склонялся влево, то тем короче было расстояние, предлежавшее россиянам для перехода от села Тарутина к городу Вязьме или Дорогобужу. Стратегические выгоды хорошо избранной позиции могут состоять только в том, что доставляют армии, занимающей оную, возможность прикрывать все пути, ведущие к опоре ее действий, посредством переходов кратчайших тех движений, которые должен производить неприятель для овладения попутными путями. Если же к этим выгодам, относящимся до обороны, позиция, подобно тарутинской, присоединяет еще и выгоды для наступления, заключающиеся в том, что она ближе самого неприятеля находится от некоторых пунктов его пути действий, в таком случае эта позиция достигает возможной степени совершенства.

В отношениях тактических Тарутинский лагерь имел некоторые недостатки. Фронт оного, прикрытый речкой Нарой, был неприступен. Правое крыло, расположенное на высоте, полого спускающейся к речке Наре, повелевало довольно обширной равниной, весьма удобной для действий российской артиллерии и маневров кавалерии, следовательно, также было крепко. Но левое крыло составляло слабую часть позиции. Здесь наравне с первой линией войск находилась малая равнина, пересеченная оврагами и стесненная между речкой Истью и большим лесом, к коему примыкал левый фланг второй линии. Высоты левого берега Истьи совершенно повелевали этой равниной, а лес, слишком обширный, чтобы можно было занять его надлежащим образом, представлял неприятелю удобность скрытно обойти левое крыло. К тому же этот лес, простираясь в тыл лагеря, причинял еще другую важную неудобность, ибо лишал его потребной глубины. Войска расположены были следующим образом: генерал-лейтенант Багговут со 2-м и генерал от инфантерии Дохтуров с 6-м пехотными корпусами стояли на гребне высот правого берега Нары, в 800 или 1000 шагах от берегов этой речки. Оба корпуса, составлявшие передовую часть армии, построены были в две линии развернутым фронтом. Шагах в тысяче за этими войсками находилась главная часть боевого расположения, которая, будучи длиннее передовой части, выходила из-за нее с обоих концов и чрез то прикрывала ее фланги. Эта главная часть составлена была из 4, 5, 3 и 7-го пехотных корпусов, из которых последний, находившийся на левом крыле, стоял в косвенном положении, лицом к речке Истье. Все помянутые четыре корпуса построены были в две линии в батальонных взводных колоннах. Кавалерия, также в две линии расположенная вправо от 4-го пехотного корпуса, составила загиб для прикрытия пра-

вого крыла. Первая линия состояла из 1-го кавалерийского, а вторая линия — из 2-го кавалерийского корпусов. 4-й кавалерийский корпус, равномерно построенный в две линии за оконечностью левого фланга 7-го пехотного корпуса, составлял резерв левого крыла. Главный пехотный резерв состоял из 8-го пехотного корпуса, расположенного в две линии в батальонных колоннах в 200 шагах позади центра главной части. Наконец, в 200 шагах за 8-м корпусом находился генерал-лейтенант князь Голицын с резервом из двух кирасирских дивизий, построенных один полк за другим в двух колоннах. Резервная артиллерия стояла парком позади кирасир. Полковник Гогел с 5, 6, 1, 55 и 11-м егерскими полками занимал лес, находившийся на левом фланге, а полковник Потемкин с 48-м и 4-м егерскими полками, расположившись в лесу на правом фланге загиба, образуемого кавалерией, составлял оконечность правого крыла. Все войска стояли на биваках на самой позиции, кроме 2-го и 4-го кавалерийских корпусов и 1-й кирасирской дивизии. Последняя, сберегаемая как отборное войско, расположена была на временных квартирах по деревням, в правой стороне лагеря находившимся, а оба кавалерийских корпуса оставались в авангарде на левом берегу речки Нары. Естественная крепость тарутинской позиции увеличена была еще посредством люнетов и редантов, связанных ложементами, построенных перед фронтом передовой части армии, равно как и в направлении от концов сей части к местам, где примыкали оба фланга главной части. В лесу, на левом фланге лежащем, также сделана была большая засека, дабы затруднить наступательные движения, которые неприятель мог бы предпринять против сего крыла.

Мы уже видели, что во время оставления россиянами Москвы генерал-адъютант барон Винцингероде находился на С.-Петербургской дороге: сперва расположился он при селении Пешках, но коль скоро французы заняли город Волоколамск, то, опасаясь быть отрезанным от Клина, он отступил к селу Давыдкову в семи верстах от последнего города. Впрочем, движение неприятельское не имело никаких последствий. Волоколамск занят был только одним из его отрядов, который немедленно отступил по приближении полковника Бенкендорфа, посланного туда генералом Винцингероде с двумя казачьими полками.

Последствия третьего периода данного похода еще не соответствуют превосходству сил, которые Наполеон имел в распоряжении своем. Правда, что занятием Москвы он достиг цели, предположенной им с самого открытия похода, но эта худо расчисленная цель не произвела ожидаемого действия. Потеря столицы не только не привела в уныние россиян, но еще утвердила их в намерении продолжать войну. К тому же Наполеон, избрав после битвы Бородинской худой путь действий, чрез то самое потерял все выгоды, которые отступление Российской армии ему предоставляло. По-настоящему он должен был войти в Москву не через Дорогомиловскую, а через Серпуховскую заставу. На худой конец, вместо того чтобы после битвы Бородинской продолжать движение по Смоленской дороге, он должен был по выходе из Можайска повернуть вправо, с быстротой идти чрез Верею к городу Подолу, что на Серпуховской дороге, и по сей последней следовать к Москве. Таковым движением он в полной мере успел бы пресечь сообщения Российской армии с полуденными губерниями и принудил бы ее к поспешному отступлению по Владимирской дороге, где она нашлась бы в отделенном

положении, которое не позволило бы ей с такой удобностью восстановить свои силы. Князь Кутузов с удивительным искусством воспользовался ошибкой своего противника. Движения, посредством которых Российская армия перешла сперва на Коломенскую, а потом на Калужскую дорогу, суть превосходные образцы военных соображений, обеспечившие спасение России, ибо они уготовили неизбежную погибель страшным еще легионам французского императора.

Прежде чем приступить к дальнейшему описанию действий Главной российской армии, находим за нужное познакомить читателя с происшествиями, воспоследовавшими в тылу Французской армии между неприятельскими корпусами, прикрывавшими путь действий Наполеона, и противопоставленными им российскими корпусами. Мы начнем действиями на реке Двине.

Глава VI

Движение маршала Макдональда к Риге. – Дело при Экау. – Маршал Удино, перейдя Двину, следует к городу Себжеву. – Сражение при селении Кляссицах. – Поражение генералов Кульнева и Вердье. – Маршал Удино возвращается в Полоцк. – Неприятель занимает Динабург и требует сдачи Риги. – Действия под сим городом. – Вторичное наступление маршала Удино. – Бой при деревне Свольне. – Граф Витгенштейн преследует маршала Удино под самый Полоцк. – Сражение при Полоцке. – Граф Витгенштейн отступает за речку Дриссу. – Дело при селении Белом. – Действия Рижского корпуса.

Мы уже видели, что граф Витгенштейн расположился 4 июля при деревне Поклевцах с 25-тысячным корпусом своим, имевшим назначение действовать отдельно. Арьергард сего корпуса под начальством генерал-майора Кульнева состоял из восьми эскадронов, четырех батальонов, одной с половиной роты артиллерии и одного казачьего полка; всего из 4335 человек. Первая линия боевого корпуса под начальством генерал-майора Берга состояла из 12 батальонов, четырех эскадронов и трех рот артиллерии, в которых было 7540 человек; вторая линия боевого корпуса под начальством генерал-майора Казачковского была из 10 батальонов, восьми эскадронов и двух рот артиллерийских; всего из 5207 человек. Резерв под начальством генерал-майора Сазонова состоял из 10 батальонов, семи эскадронов и двух рот с половиной артиллерии; всего из 7446 человек. Боевой корпус и резерв вместе с главной квартирой остались при деревне Покаевцах; авангард же расположился у селения Балина. Российский отряд из 3700 человек пехоты и кавалерии, находившийся в Динабурге, также отдан был в распоряжение графа Витгенштейна, который и поручил начальство над оным генерал-майору Гамену.

Корпус маршала Макдональда, составлявший оконечность левого крыла французов, 22 июня выступил из Росиен к Риге. Генерал Граверт с прусскими вспомогательными войсками, составлявшими часть Макдональдова корпуса, занял города Митаву, Бауск и посты Дракен и Ранкен. Сам маршал Макдональд с дивизией генерала Грань-Жана прибыл в Якобштат. По приближении неприятеля российские войска, занимавшие Курляндию, отступили к Риге, но генерал-лейтенант Эссен 1-й, предводительствовавший российским корпусом, назначенным к защищению крепостей Риги и Динаминда, долгом счел сделать покушение удержаться его в поле. Для сего отрядилон генерал-лейтенанта Девиза с восемью батальонами, четырьмя эскадронами и небольшим числом казаков, который, прибыв к Экау, расположился при этом селении, однако неприятель не позволил ему там остаться. 7 июля генерал Граверт, выступив из Бауска с пятью

Маршал Макдональд (1765–1840)

батальонами, следовал чрез Зорген к Экау, между тем как генерал Клейст, в то же время выступивший из Дракена и Ранкена с тремя батальонами и шестью эскадронами, должен был атаковать во фланг российскую позицию при Экау. Это совокупное нападение принудило генерал-лейтенанта Левиза отступить к Даленкирхену после довольно жаркого боя, в котором потеря каждой стороны простиралась до 600 человек. Прусаки заняли линию по речке Миссе, имея передовые посты свои в Баддоне, Таможне, Плакан-Цееме и Сент-Олае, один отряд — при местечке Шдоке, а другой — у Форстей, на реке Аа. 10 июля неприятель занял остров Даленгольм[1], почему генерал-лейтенант Эссен, объявив крепость Ригу в осадном положении, приказал сжечь предместья оной.

Между тем Наполеон, видя, что маршал Макдональд не в силах был одним корпусом своим прикрыть левую сторону длинного пути действий французской Главной армии, рассудил за благо оставить в окрестностях города Полоцка еще корпус маршала Удино, которому и предписал не только удерживать российский корпус генерал-лейтенанта графа Витгенштейна, но стараться еще разбить его и потом двинуться к С.-Петербургу, в то время когда Наполеон с главными силами своими будет следовать к Москве.

Теперь приступим к описанию происшествий, испровергнувших это предначертание неприятеля.

9 июля графа Витгенштейн, известившись от отряда, стоявшего в Ляхове на Двине, что неприятель показывает намерение перейти реку в городе Дисне, приказал ему отступить в местечко Волынцы, чтобы оборонять переправу чрез речку Дриссу. А как известия, на другой день полученные, подтвердили донесение о переправе неприятельской в Дисне, между тем как другие войска неприятельские переправлялись прямо против деревни Покаевцев, то граф Витгенштейн и вознамерился идти к местечку Друве, чтобы, перейдя там за Двину, ударить в тыл неприятельского корпуса, стоявшего против Покаевцев. 11 числа в 8 часов пополудни российский корпус выступил от Покаевцев к местечку Придруйску, куда и прибыл на другой день поутру. Боевой

[1] Что на реке Двине против Даленкерке.

корпус расположился у Придруйска, а резерв остановился у селения Расицы. Один отряд занял местечко Друю, и немедленно начата была постройка мостов. Отряд, расположенный при местечке Волынцах, разделился: одна часть осталась в Волынцах, а другая перешла к деревне Покаевцам.

Прибыв к Друе, граф Витгенштейн известился, что, с одной стороны, неприятель подвинулся из города Диены к деревням Замшанам и Савошиной, между тем как с другой — маршал Макдональд равномерно готовился перейти Двину в Якобштат. Если б в таковых обстоятельствах российский генерал поупорствовал приводить в действие первое намерение свое перейти на левый берег Двины, то оба неприятельских корпуса могли бы совершить соединение свое в окрестностях города Люцина, в тылу российского корпуса, и сей, будучи отрезан от С.-Петербурга, нашелся бы в великой опасности. Побуждаясь столь важными причинами, граф Витгенштейн переправил за Двину только один авангард генерал-майора Кульнева, чтобы схватить обозы и пленных в тылу неприятеля[1], сам же решился идти по дороге из Друи в Себеж и, заняв центральную позицию между корпусами маршалов Макдональда и Удино, тем самым препятствовать их соединению. 14 июля боевой корпус перешел к Расицам, а резерв — к деревне Бабам. Авангард возвратился на правый берег Двины. Отряды, находившиеся на речке Дриссе, но по приближении неприятельском отступившие к местечку Осве, были усилены кавалерией, получили приказание опять подвинуться к речке Дриссе. Один из этих отрядов под начальством генерал-майора Гельфрейха пошел к Покаевцам, а другой под начальством генерал-майора Балка следовал чрез Кохановичи и Свольну к Волынцам. 15 числа генерал-майор Кульнев с авангардом потянулся от Придруйска к речке Дриссе, вверх по правому берегу Двины. Прибыв к речке Свольне, отослал он пехоту свою к генерал-майору Балку в село Свольну, а сам с кавалерией продолжал путь к Волынцам.

Маршал Удино прибыл 14 июля к городу Полоцку с двумя пехотными дивизиями, одной кирасирской дивизией и бригадой легкой кавалерии. Третья пехотная дивизия и вторая бригада легкой кавалерии, составлявшие другую часть его корпуса, остались у города Диены. Хотя неприятель и не имел намерения действовать 2-м и 10-м корпусами своими в одно время и движение маршала Макдональда сделано было только для виду, однако маршал Удино, получивший приказание отдельно действовать против графа Витгенштейна, сам по себе имел уже столь превосходные силы, в сравнении с российским корпусом, что мог надеяться, опрокинув его, оттеснить под самый Петербург, и если бы удалось ему достигнуть этой столицы, в таком случае действия его, хотя и побочные, могли бы иметь весьма значительное влияние на общий ход войны. Причины эти побудили маршала Удино смело двинуться вперед в направлении на Себеж. 16 июля начал он свое движение: пехотные дивизии генералов Леграна и Вердье и кирасирская дивизия генерала Думерка заняли лагерь при деревне Дворце между селениями Белым и Сивопшной. Пехотная дивизия генерала Мерля перешла от Диены к Лазовке. Легкая кавалерийская бригада генерала Коробино, слева при-

[1] *Примечание переводчика.* Генерал-майор Кульнев, перейдя Двину, послал сильные партии для разведывания неприятеля. Одна из них истребила подвоз с провиантом, прикрываемый 1500 человек пехоты; другая схватила неприятельский пост у селения Чернова. В сих встречах россияне взяли в плен двух офицеров и 432 человека рядовых.

крывавшая движение сей последней дивизии, имела весьма жаркое дело с кавалерией генерала Кульнева[1].

Движение, столь открытое, показывало со стороны французского маршала весьма важные предприятия. В то же время граф Витгенштейн получил донесение от генерал-майора Гамена, что маршал Макдональд, перейдя реку Двину в Якобштате, взял направление к Динабургу, почему генерал Гамен, находя себя не в силах держаться в сем последнем посту, вывел из него свою пехоту и отступил по дорог к Режице, чтобы иметь возможность прикрывать город Люцын как пункт весьма важный. По-видимому, казалось вероятным, что оба французских корпуса соображали таким образом взаимные движения свои в намерении соединиться в тылу россиян, а как лучшее средство предупредить это соединение состояло в том, чтобы атаковать неприятельские корпуса порознь, то граф Витгенштейн и решился идти сперва против маршала Удино, который движениями своими наиболее угрожал пути действий российского корпуса, вследствие чего боевой корпус и резерв выступили от Рассицы и Баб чрез Кохановичи к селению Кляссицам. Отряды генерал-майоров Балка и Гельфрейха получили приказание идти прямо к Кляссицам, чтобы прикрывать движение главных колонн, между тем как генерал-майор Кульнев с авангардом будет следовать к Саколищам, вверх по правому берегу речки Дриссы. Генерал-майору Гамену предписано было всеми мерами стараться удерживать маршала Макдональда, чтобы дать время главному корпусу окончить действие свое против маршала Удино. Отряд генерал-майора Гамена состоял из 10 слабых резервных батальонов, в числе около 3300 человек, и четырех гусарских сводных эскадронов, в которых было только 454 человека.

Российские войска выступили 17 июля в полдень, но как неприятель гораздо ближе их находился от селения Кляссиц, то и занял данный важный пункт, между тем как граф Витгенштейн едва успел прийти к Кохановичам, однако данное обстоятельство не могло бы побудить российского генерала к отмене его движения, если б известие, полученное им в ночь с 17 на 18 число, об отступлении Главной российской армии от Витебска к Смоленску, не внушило ему опасения, что корпус маршала Удино мог быть значительно усилен подкреплениями, которые Наполеон, не удерживаемый более Первой армией, в состоянии был послать к нему. С другой стороны, не менее важно было для графа Витгенштейна восстановить прямое сообщение свое с С.-Петербургом, находившееся в большой опасности от движения неприятельского по Себежской дороге. Дабы решить эти затруднения, граф Витгенштейн счел обязанностью узнать мнение своих генералов, для чего и собрал военный совет. Начальник корпусного штаба генерал-майор Довре объявил, что, по его мнению, надлежало атаковать неприятеля, не теряя ни минуты, так как не было иного средства остановить его движение, которое, угрожая обходом левому флангу россиян,

[1] *Примечание переводчика.* Генерал-майор Кульнев с четырьмя эскадронами гродненских гусар, одним эскадроном лейб-гвардии гусарского и казачьим Платова 4-го полком, перейдя речку Дриссу для разведывания неприятеля, встретился у селения Фильцова в пяти верстах от Волынцев с тремя (8-м легкоконным, 7-м и 20-м конноегерским) полками неприятельской кавалерии. С той и другой стороны произведено было несколько кавалерийских атак, и бой продолжался с переменным успехом до самой ночи. В этом деле было взято у неприятеля в плен три офицера и 164 человека рядовых.

могло совершенно отрезать их от С.-Петербурга и оттеснить к Рижскому заливу, где погибель их сделалась бы неизбежной. Мнение это, поддержанное начальником артиллерии генерал-майором князем Яшвилем, принято было единодушно, почему и положено продолжать движение свое к Кляссицам и атаковать неприятеля, если он находится в данном месте.

18 июля поутру весь 1-й корпус собрался у селения Катеринова, на речке Свольне. Авангард под начальством генерал-майора Кульнева, состоявший из четырех батальонов и восьми эскадронов, всего из 3731 человека, с 12 орудиями конной артиллерии, выступил в 10 часов пополуночи от Катеринова к Кляссицам. Близко за ним следовал боевой корпус из 22 батальонов и восьми эскадронов, в числе 13 065 человек, с 72 орудиями. Резерв под начальством генерал-майора Сазонова, состоявший из восьми батальонов, в коих было 4559 человек, и отряд генерал-майора князя Репнина-Волконского из двух батальонов и восьми эскадронов, всего из 1607 человек, с ротой батарейной артиллерии остались у Катеринова.

Маршал Удино тем же утром равномерно продолжал свое движение. В 11 часов пополуночи прибыл он к селу Кляссицам с пехотной дивизией Леграна и легкой кавалерийской бригадой Кастекса. Пехотная дивизия Вердье и кирасирская Думерка, следовавшая за ней, заняли позицию у селения Головчиц. Пехотная дивизия Мерля оставлена была при Сивошинском броде, а легкая кавалерийская бригада Корбино также осталась на речке Дриссе для наблюдения бродов при Дерновичах и Волынцах.

Маршал Удино, имевший неверные известия о движении графа Витгенштейна, рассудил за благо остановиться при Кляссицах и сделать впереди обозрение для собрания вернейших сведений о марше россиян.

На этот конец 23-й конноегерский полк послан был по Себежской дороге, а генерал Легран с 5-м легким, 56-м линейным и 24-м конноегерским полками стал у села Якубова на дороге в Катериново. Разъезды его открыли движение российского авангарда, который около 5 часов пополудни явился перед Якубовым. Генерал-майор Кульнев, находя себя недовольно сильным для нападения на Якубово, удовольствовался тем, что расположился на площадке впереди сего селения[1]; 12 орудий конноартиллерийской роты № 1, находившейся при авангарде, поставлены были при Кляссицкой дороге, имея по правую сторону 25-й, а по левую 26-й егерские полки. Гродненские гусары расположились позади батареи. Между тем как все это происходило, генерал Легран, к которому подошли остальные полки его дивизии, приметив, что россияне были еще в малом числе, вознамерился оттеснить их и для сего атаковал их правое крыло 56-м линейным полком, поддержанным всей бригадой генерала Мезона, но 25-й егерский полк, вспомоществуемый огнем российской артиллерии, успел удержаться в позиции, занимаемой им впереди леса, до прибытия графа Витгенштейна, который, узнав, что авангард его находился уже в деле, сам приспел к нему на помощь с 23-м и 24-м егер-

[1] *Примечание переводчика.* Генерал-майор Кульнев сперва остановился позади леса у деревни Ольхово, лежащей в двух верстах от села Кляссиц по дороге из Катеринова, но, получив от графа Витгенштейна приказание тотчас атаковать неприятеля, чтобы овладеть правым берегом речки Нищи, прежде чем успеет неприятель подкрепить войска свои, оборонявшие оный, Кульнев выгнал французских стрелков из леса перед Ольховым и расположился против селения Якубова.

На правом берегу Западной Двины, за Полоцком.
25 июля 1812 г.

скими полками и 12 орудиями. Оба егерских полка с частью гродненских гусар тотчас посланы были на правый фланг для подкрепления 25-го егерского[1].

Вовремя прибывшая помощь расстроила намерение неприятеля, который и был прогнан к Якубову[2].

Пользуясь таковым успехом, генерал-майор Кульнев хотел было овладеть большим лесом, простирающимся по одну сторону площадки, на которой лежит село Якубово, чтобы чрез то угрожать левому флангу неприятельской линии, но генерал Легран, послав в лес 56-й линейный полк, успел остановить россиян. Сражение все более и более усиливалось, почему маршал Удино и подкрепил войска свои, в деле находившиеся, пехотной дивизией Вердье, которая и стала в резерве. Кирасиры оставлены были позади, по невозможности употребить их на лесистом местоположении, на котором дело происходило. Тогда дивизия Леграна, подкрепляемая дивизией Вердье, двинулась вперед, но не могла одержать никакого успеха, кроме что оттеснила цепь российских стрелков. Российская же артиллерия удачным действием своим привела французские колонны в такой беспорядок, что вскоре принудила их отступить даже за селение Якубово, в котором неприятель оставил сильный отряд легкой пехоты. Позиция французов за Якубовым, стесненная с одной стороны густым лесом, а с другой — дворами селения, не позволяла им поставить на батарею более 12 пушек, между тем как площадка, расширяясь к стороне россиян, давала им возможность употребить 24 орудия. Эта перестрелка, столь невыгодная для неприятеля, продолжила бой до 11 часов вечера. В ночи граф Витгенштейн сблизил к Якубову свои резервы и построил первую линию

[1] *Примечание переводчика.* А батарейная рота № 14 расположилась возле конной роты № 1.

[2] С потерей значительного числа пленных.

боевого корпуса на бывшем месте сражения в батальонных колоннах в следующем порядке: 24-й егерский полк находился на правом фланге, возле него стояли полки 25-й и 23-й егерские, Севский и Калужский пехотные, 26-й егерский и, наконец, Пермский и Могилевский пехотные, из которых последний был на левом фланге. 26 орудий поставлены были на батареях впереди данной линии[1].

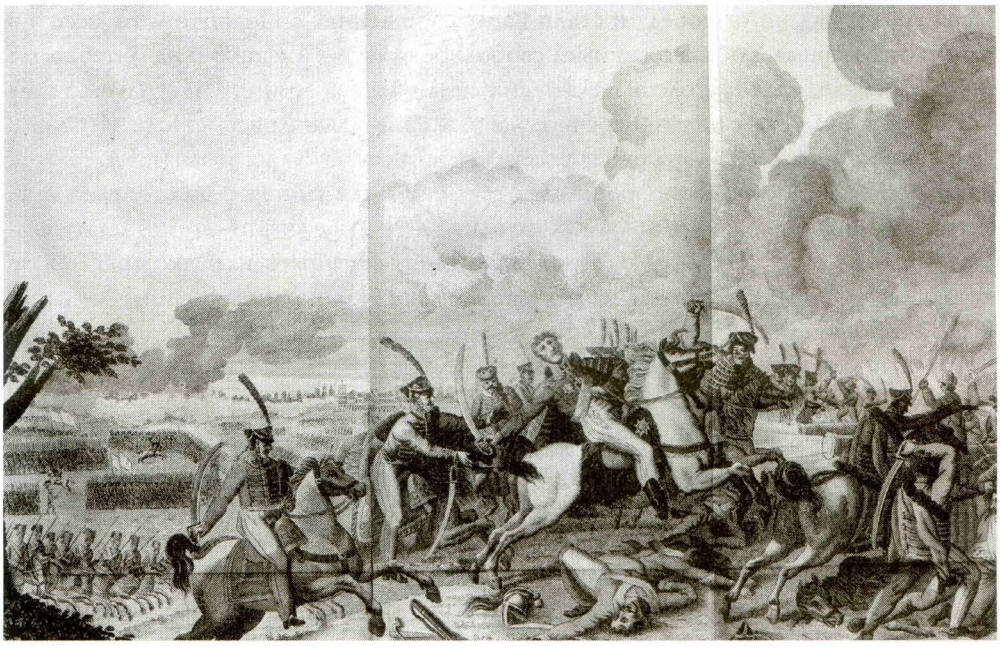
К. Ф. Казачковский (1760–1829)

Местоположение, стесненное лесом, простирающимся в тылу позиции, не позволило поставить вторую линию непосредственно за первой, почему и принуждены были оставить полки сей второй линии, равно и Гродненский гусарский полк, в резерве при деревне Ольхово. 19 числа в три часа пополуночи россияне возобновили нападение. 23-й егерский полк, бросившись на мызу Якубово, успел даже ворваться на двор оной, но французский 26-й легкий полк, ударив в штыки, вытеснил его оттуда с уроном. Маршал Удино, пользуясь первой поверхностью, решился сам атаковать линию россиян, послав сильные колонны против их центра. Российские батареи подполковников Мурузи и Байкова успели удержать стремление неприятеля. Подкрепившись свежими войсками, он возобновил свое нападение, однако не получил лучшего успеха. Французские колонны, остановленные перекрестным огнем российских батарей, смешались и начали колебаться, а граф Витгенштейн, пользуясь этим, приказал генерал-майору Бергу выступить к ним навстречу со всей первой линией. Генерал-майор Казачковский бросился на центр неприятельский с Севским и Калужским пехотными полками, подкрепленными частью гродненских гусар; генерал-майор князь Сибирский с Пермским и Могилевским пехотными полками устремился на правый фланг; 26-й егерский полк, назначенный для связывания атаки генерала Казачковского с атакой князя Сибирского, шел уступом между Калужским и Пермским полками; наконец, 23, 24 и 25-й егерские полки бросились в лес, на левом фланге неприятельском лежащий. В то же время Вторая российская армия выступила от деревни Ольхова, чтобы быть в готовности подкреплять свою первую линию. Центр неприятельский не мог устоять против стремительного нападения генерал-майора Казачковского, поддержанного огнем российской артиллерии, и французы нашлись принужденными отступить к селению Кляссицам. Они сделали еще покушение построиться на песчаных высотах,

[1] *Примечание переводчика.* Батарейная рота № 5 и два орудия легкой роты № 9 поставлены были между 23-м егерским и Севским пехотным полками, а легкая рота № 27 — между 26-м егерским и Пермским пехотным полками.

вдоль правого берега речки Нищи лежащих, но по приближении российских колонн маршал Удино решился оставить и эту вторую позицию, чтобы прикрыться речкой Нищей. В намерении удержать россиян приказал он войскам своего центра сделать новое наступательное движение, однако оно остановлено было искусным действием батареи подполковника Байкова. Сей вид нападения по крайней мере послужил к прикрытию отступления французов, которые в 8 часов утра перешли за речку Нищу в довольно хорошем порядке. Граф Витгенштейн овладел вышесказанными песчаными высотами и, приметив, что неприятель показывает вид, будто хочет держаться в своей новой позиции при Кляссицах на левом берегу Нищи, вознамерился потревожить его со стороны правого фланга, а на этот конец построил на левом фланге своих пехотных колонн кавалерию своего авангарда и боевого корпуса с 12 орудиями конной артиллерии. Генерал-майор Балк с Рижским драгунским полком и 12 орудиями стал при деревне Гвоздах, между тем как генерал-майор Кульнев с Гродненским гусарским и Ямбургским драгунским полками спустился к самому берегу Нищи в намерении перейти ее выше Гвоздов, но как на речке не нашлось бродов в этом месте, то и приказано было инженеру-полковнику графу Сиверсу построить мост. Неприятель, угрожаемый обходом с правого крыла, отвел сперва оное, а потом, зажегши мост на речке Нище, по дороге из Якубова в Кляссицы начал отступать к Полоцку. Сохранение моста весьма важно было для россиян, так как доставило бы им возможность живо преследовать неприятеля, почему граф Витгенштейн тотчас послал к оному резервный батальон Павловского гренадерского полка, взятый из второй линии, для подкрепления стрелковой цепи. Храбрые гренадеры, бросившись к мосту, перешли его в колонне по горящим уже бревнам и утвердились на противном берегу, несмотря на беспрерывный огонь, обращенный на них неприятелем, занимавшим еще высоты на левом берегу Нищи. Они подкреплены были стрелками центра и Пермским и Могилевским полками, которые не замедлили овладеть ближайшими к речке дворами села Кляссиц. Остаток российской пехоты постепенно перешел речку по мосту, между тем как кавалерия переправилась по броду, отысканному ниже оного. Французы, видя россиян, прочно утвердившихся по ту сторону Нищи, продолжали отступление свое к Полоцку. Генерал-майору Кульневу поручено было преследовать их с Гродненским гусарским и Ямбургским драгунским полками, частью Рижского драгунского полка, сводным гренадерским батальоном 14-й дивизии и всеми казаками и стрелками. В подкрепление за ним следовали Пермский и Севский пехотные полки, которые и остановились у корчмы в шести верстах за Кляссицами. Первая линия боевого корпуса расположилась на высотах впереди Кляссиц по обе стороны большой Полоцкой дороги. Вторая линия построилась позади Кляссиц. Резерв, не участвовавший в сражении, по прибытии к речке Нище нашел уже мост почти совсем сгоревшим, почему и занялся сперва его восстановлением, а потом послан был на подкрепление к авангарду, гнавшему неприятеля до речки Дриссы, к которой он и прибыл уже ночью. Отряд генерал-майора князя Репнина-Волконского[1] получил было сперва приказание соединиться с авангардом по прямой дороге, из Катеринова в Саколищи ведущей, но как дорога эта оказалась непроходимой, то оный и принужден

[1] *Примечание переводчика.* Отряд генерал-майора князя Репнина-Волконского состоял из четырех эскадронов сводного кирасирского, трех эскадронов сводного гвардейского, запасного эскадрона Псковского драгунского полка, двух резервных батальонов 11-го и 36-го егерских полков и батарейной роты № 28.



Сражение при Кляссицах
20 июля 1812 г.

был идти к Кляссицам. Маршал Удино воспользовался ночью для перехода чрез Дриссу и, соединившись с пехотной дивизией генерала Мерля, занял позицию у деревни Боярщины, причем легкую кавалерскую бригаду генерала Коробино оставил впереди для наблюдения бродов на речке Дриссе.

Сражение при Кляссицах, испровергнувшее замыслы неприятельские на С.-Петербург, служило новым опытом храбрости российских войск. В 32 батальонах дивизии Леграна и Вердье, введенных в дело маршалом Удино, находилось более 23 000 человек пехоты, между тем как 36 батальонов, бывших у графа Витгенштейна, составляли только 18 000 человек. К тому же из этих 36 батальонов только 26 были в деле, ибо остальные 10, находясь в резерве, не приняли в этом ни малейшего участия. Однако, несмотря на превосходство неприятельских сил, победа недолго оставалась сомнительной. Французы на отступлении своем потеряли почти весь обоз и 900 человек пленных, кроме великого числа убитых.

Должно заметить, что предначертание, принятое маршалом Удино, следовать по Себежской дороге, дабы обойти левое крыло россиян и таким образом пресечь сообщение их с Петербургом, было хорошо разочтено, но исполнение не соответствовало изяществу соображения. Французский маршал, оставив на речке Дриссе 16-тысячный корпус, без всякой надобности разделил войска свои и через то сам лишил себя средств противопоставить россиянам превосходную громаду сил, которая, во всяком случае, могла бы обратить успех сражения в его пользу. Такая ошибка тем важнее, что французы, оставив Полоцкую дорогу, не имели причины опасаться о тыле своем, ибо, предположив, что россияне, несмотря на великое превосходство числа французов,

одержали бы над ними победу и стали на их сообщениях с Полоцком, то даже и в этом случае маршал Удино всегда имел свободное отступление прямо на Витебск, где в то время находился Наполеон с главными силами своей армии. Отступлению сему споспешествовало бы еще и поперечное направление речек Дриссы, Полоты, Обола, Утицы и многих других, которые, пересекая страну между Кляссицами и Витебском, доставили бы превосходные оборонительные позиции для неприятельского арьергарда. Причины эти заставляют нас полагать, что одной легкой кавалерийской бригады генерала Коробино достаточно было бы для наблюдения переправы на речке Дриссе, взяв же с собой пехотную дивизию генерала Мерля, маршал Удино имел бы при Кляссицах 42 000 человек, против которых с великим трудом могли бы устоять 23 000 человек, составлявших корпус графа Витгенштейна. Российский генерал достоин похвалы за твердую решимость свою идти против маршала Удино. В продолжение дела равномерно действовал он с совокупностью и силой. Может быть, подумают, что по прибытии к речке Нище, вместо того чтобы показывать вид, будто хочет перейти ее выше Кляссиц, он лучше бы сделал, если бы, потянувшись вправо, стал между разбитыми войсками неприятельскими и дивизией генерала Мерля, оставшейся на речке Дриссе, чтобы тем воспрепятствовать маршалу Удино снова соединить весь свой корпус. Но должно заметить, что страна по правую сторону речки Нищи, ниже Кляссиц, совершенно непроходима для корпуса войск.

Генерал-майор Кульнев имел приказание не переходить за речку Дриссу прежде, нежели поддержан будет главными силами корпуса, но, побуждаемый предприимчивым духом своим, он перешел речку 20 июля на рассвете. Настигнув неприятельский арьергард при деревне Москалинке, в пяти верстах от Сивошиной, он скоро опрокинул его и, будучи увлечен своим успехом, пошел далее к деревне Боярщине в той уверенности, что неприятель находится на полном отступлении и ему остается только преследовать его. Прибыв к позиции, занятой маршалом Удино при Боярщине, генерал-майор Кульнев выслал вперед[1] свою конную артиллерию, чтобы принудить французов к продолжению их отступления. Но как маршал Удино уже узнал, что имеет перед собой только сильный авангард, то и вознамерился держаться, чтобы не упустить представившегося ему удобного случая разбить россиян порознь. Вначале он противопоставил им свою батарейную артиллерию. Кульнев, видя, что дело завязывалось жаркое, потребовал помощи у генерал-майора Сазонова, который и прислал к нему на подкрепление из резерва Тульский пехотный полк с батарейной ротой № 27; оставшиеся в резерве три полка[2] близко следовали за сим первым подкреплением. Маршал Удино позволил российскому авангарду войти в теснину, находившуюся перед его фронтом, и потом открыл действие своих батарей, одна выше другой расположенных против самой теснины, так что они били по всему продолжению оной. Пальба привела в беспорядок российскую кавалерию, составлявшую голову авангарда, чем пользуясь, французский маршал двинул вперед свои колонны. Россияне, столпившиеся в теснине и изумленные наступательным действием неприятеля, которого сами полагали преследовать, были опрокинуты, в свою очередь сильно преследуемы, а в бегстве своем увлекли и резерв

[1] *Примечание переводчика.* Ямбургский драгунский полк с конной ротой № 1.

[2] Нивагинский, Эстландский и Тенгинский пехотные с легкой артиллерийской ротой № 26.

Я. П. Кульнев во главе гродненских гусар
1812 г.

генерал-майора Сазонова, равномерно по неосторожности вошедший в помянутую теснину. Разбитые войска возвратились за речку Дриссу, с потерей девяти пушек[1] и немалого числа пленных. Храбрый генерал-майор Кульнев, хотевший прикрыть отступление Гродненским гусарским полком, был убит пушечным ядром, и этот несчастный случай немало споспешествовал совершенному поражению россиян.

Маршал Удино, возмечтав, что ему остается только собирать трофеи от победы, им одержанной, приказал генералу Вердье перейти речку Дриссу и сильно преследовать остатки разбитого российского авангарда. Граф Витгенштейн, со своей стороны уже выступивший от села Кляссиц для сближения к речке Дриссе, получил на пути известие о поражении Кульнева и вследствие сего тотчас послал вперед генерал-майоров князя Яшвиля и Гельфрейха, дабы постарались восстановить порядок в разбитых войсках и отвести их в позицию к деревне Головчицам[2], в коей сам он остановился с главными силами своего корпуса. Первая линия, из 16 батальонов состоявшая[3], примкнула правым флангом к речке Нище, а левым — к деревне Головчицам. 48 орудий, поставленные на батареях перед фронтом сей линии, поддерживаемы были с флангов своих четырьмя батальонами, высланными перед оной. Два эскадрона, построившись наравне с левым

[1] *Примечание переводчика.* Трех орудий конной роты № 1, подбитых неприятелем в самом начале сего дела, и шести орудий батарейной роты № 27.

[2] В 10 верстах от Кляссиц.

[3] В первой линии поставлены были 5-я пехотная дивизия и егерские полки 14-й дивизии.

флангом первой линии, наблюдали равнину с левой стороны деревни Головчиц. Вторая линия состояла из девяти батальонов, а за центром оной находилась кавалерия князя Репнина-Волконского. Вся пехота построена была в батальонных взводных колоннах.

Российский авангард, снова построенный старанием генерал-майоров князя Яшвиля и Гельфрейха, ободрился и в довольно хорошем порядке отступил к головчицкой позиции, где, пройдя сквозь интервалы боевого корпуса, расположился позади центра оного, в третьей и четвертой линиях, кроме 12 орудий конной артиллерии, которые поставлены были впереди правого крыла, и одного эскадрона Рижского драгунского полка, примкнувшего к двум эскадронам, наблюдавшим влево от Головчиц. Генерал Вердье, не сумев воспользоваться страшным примером Кульнева, дерзостно продолжал свое движение, хотя и находился уже перед главными силами россиян. Стрелки его левого крыла, на время занявшие старый двор, вытеснены были оттуда стрелками правого крыла россиян. Тогда генерал Вердье двинул вперед свои колонны, между большой дорогой и речкой Нищей, против центра и правого фланга графа Витгенштейна, но первое сие нападение остановлено было искусным действием российской артиллерии, которая и в сем случае поддержала славу, накануне ее приобретенную. Граф Витгенштейн, приметив, что пальба его поколебала неприятеля, двинул вперед весь свой корпус против обоих крыл французов. Правое крыло 1-й линии, из Пермского, Могилевского пехотных, 25-го и 23-го егерских полков состоявшее, под начальством генерал-майора Берга приняло вправо, а левое крыло под командой генерал-майора Казачковского, из полков Калужского, Севского пехотных, 24-го и 26-го егерских, приняло влево. Оно поддерживаемо было тремя эскадронами левого фланга, к коим присоединился еще лейб-гвардии драгунский эскадрон, взятый из резерва. Поскольку от сего маневра первой линии открылся центр оной, то вторая линия, подвинувшись вперед, заняла сей промежуток. Полки генерал-майоров Берга и Казачковского устремились на неприятеля в батальонных колоннах с барабанным боем и под покровительством артиллерии, которая продолжала огонь свой с великой деятельностью. Неприятель не мог выдержать удара: левое крыло его тотчас было сбито, но на правом он хотел было удержаться в лесу, им занимаемом, дабы тем прикрыть свое отступление. Однако ж сопротивление сие было непродолжительно; генерал-майор Казачковский с 26-м и 24-м егерскими полками, Севским пехотным и четырьмя эскадронами левого фланга обошел лес, между тем как генерал-майор Каховский с батальоном гренадерского графа Аракчеева полка, взятым из второй линии, атаковал сей лес спереди и овладел оным. Часть неприятельских войск, занимавших лес, отрезана была движением генерала Казачковского. Она покусилась было пробиться, построившись в густую колонну, но эскадрон лейб-гвардии драгунского и эскадрон Рижского драгунского полков, атаковав ее, частью побили наголову и частью принудили положить ружье. Граф Витгенштейн, сам управлявший атакой леса, ранен был ружейной пулей в голову. Он велел перевязать рану свою на месте сражения и тотчас за этим поехал вперед, дабы сделать все потребные распоряжения для преследования неприятеля, находившегося уже на полном отступлении. Генерал-майоры Берг и Казачковский опять соединились на большой дороге и, подвигаясь линией, из колонн составленной, сильно теснили неприятеля, который в то же время угрожаем был обходом с обоих флангов. 26-й егерский полк продолжал обходить его правый фланг, между тем как 25-й егерский, отряженный от правого крыла россиян

с двумя пушками, перешел вброд Нищу и, следуя вниз по правому берегу сей речки, угрожал левому флангу французов. Вторая линия россиян, построившись в походные колонны, следовала близко за первой линией, чтоб быть в готовности подкреплять оную. Кавалерия князя Репнина-Волконского, резерв и авангард шли в некотором расстоянии за боевым корпусом. Генерал Вердье, сильно теснимый россиянами, принужден был ускорить свое отступление до самой позиции при Саколищах, где опять сделал было покушение удержаться, но без успеха. Атакованный с лица Могилевским пехотным полком и одним батальоном Севского под начальством генерал-майора князя Сибирского и обеспокоиваемый с обоих флангов двумя вышеупомянутыми егерскими полками, он нашелся принужденным продолжать отступление свое за речку Дриссу, через которую и перешел у Сивошиной. Дабы остановить преследование россиян, неприятель зажег деревню и мост Сивошинский. Генерал Вердье на отступлении своем потерял около 2000 человек пленных. Корпус графа Витгенштейна расположился уступами между селениями Саколищами и Сивошиной, но в ночь легкие войска его, перейдя речку Дриссу, подвинулись к деревне Боярщине.

Удивительно, что в продолжение одного дня обе стороны попеременно сделали ту же самую ошибку. Сперва генерал-майор Кульнев, увлеченный запальчивостью своей, завязывает дело с главными силами неприятельскими, забыв о том, что не может быть поддержан графом Витгенштейном, оставшимся в 25 верстах позади. Поражение российского авангарда, бывшее следствием сей неосторожности, кажется, долженствовало бы предостеречь французов от ошибки того ж рода; несмотря на сие маршал Удино, повторяя маневр, погубивший Кульнева, послал генерала Вердье за Дриссу, между тем как сам спокойно остался на левом берегу сей речки, а Вердье, столь же неосторожный, как и маршал, так сказать, с закрытыми глазами наткнулся на главные силы Витгенштейнова корпуса. Одинаковые причины необходимо должны произвести и одинаковые следствия. Вердье претерпел столь же совершенное поражение, как и Кульнев. Однако ж при этом должно заметить, что российского генерала еще скорее извинить можно, нежели французского. Главные силы корпуса маршала Удино были разбиты 19 июля, и Кульнев мог предполагать, что беспорядок, в коем найдет он неприятеля, заменит недостаток числа российских войск. Напротив того, французы 20 числа одержали поверхность только над авангардом, поражение коего не могло иметь влияния на дух главного корпуса графа Витгенштейна, и следовательно, они должны были ожидать, что найдут его в готовности встретить их.

В делах 18, 19 и 20 июля французы потеряли до 10 000 человек, выбывших из строя, в том числе около 3000 пленных[1].

Урон с российской стороны простирался до 4300 человек убитых, раненых и пленных. Победа, под конец оставшаяся за россиянами, была тем важнее, что совершенно испровергнула предприятия, которые маршал Удино мог бы сделать против С.-Петербурга. Граф Витгенштейн награжден был за оную Военным орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия большого креста 2-го класса, сверх того, государь император пожаловал ему 12 000 рублей ежегодного пенсиона, который по смерти его обратится супруге.

---

[1] *Примечание переводчика.* И почти весь обоз.

21 июля маршал Удино собрал свой корпус при селе Белом. Того ж дня легкая кавалерия российского авангарда приближалась к Белому, а самый авангард остановился при деревне Сивошиной. Главный корпус графа Витгенштейна остался между Сивошиной и Саколищами, где находилась главная квартира.

В ночь с 21 на 22 число маршал Удино, оставив село Белое, возвратился к Полоцку. 22-го российская легкая кавалерия подвинулась к деревне Гамзелевой, авангард их — к Белому, а главный корпус занял позицию у Сивошиной, однако ж главная квартира оставлена была в Саколищахе.

Между тем как сие происходило в окрестностях Полоцка, маршал Макдональд продолжал следовать вверх по правому берегу Двины с корпусом, переправившимся у местечка Крейцбурга, который и состоял только из одной бригады от дивизии генерала Гран-Жана. 18 июля генерал-майор Гамен для лучшего наблюдения движений неприятельских между Крейцбургом и Динабургом оставил большую почтовую дорогу из города Режицы в Динабург и стал при деревне Рыбенишках на другой дороге, также из Рыжицы в Динабург ведущей. 20 числа генерал Рикар вступил в Динабург и немедленно занялся срытием валов сей крепости, еще недоконченной россиянами.

Генерал Граверт, начальствовавший прусскими войсками под Ригой, послал 16 июля к генерал-лейтенанту Эссену 1-му требование о сдаче крепости следующего содержания:

Вашему Превосходительству столько же, как и нам, известно, что действия, обращенные на Витебск и реку Днепр, принудили Российскую армию, под личным предводительством Его Величества Императора состоящую, отступить из укрепленного лагеря при Дриссе. Первым последствием сего отступательного движения будет осада Риги — и осадная артиллерия, для сего назначенная, не замедлит своим приходом. Слабость сей крепости сколько нам, столько же и Вашему Превосходительству, должна быть известна. Невзирая на самое неустрашимое сопротивление через несколько дней или много через несколько недель она должна будет сдаться. Но сего короткого времени достаточно к тому, чтобы довершить погибель богатого торгового города, и без того уже много потерпевшего от последнего пожара, и довольно значащее число храбрых воинов, предводимых генералом, от всех уважаемым, пожертвовано будет для бесплодного сопротивления.

В сем случае, кажется мне, обязанность Ваша в отношении человечества, вместе с долгом к службе Вашего Государя, побуждают избавить Ригу от ужасов осады, которая, как уже сказано, по слабому состоянию кротости не может быть продолжительна и, следовательно, только что ввергнет в нищету тысячи невинных обывателей, не произведя ничего полезного для Вашего Государя. Если Ваше Превосходительство разделяет мнение мое, единственно на человеколюбии основанное, то я готов прислать к Вам офицера, снабженного потребным полномочием, для постановления условий, на коих Ваше Превосходительство согласитесь сдать мне город Ригу с крепостью.

Если, напротив того, Ваше Превосходительство сочтете невозможным принять мое предложение, то по крайней мере я изъявил желание мое облегчить, сколько от меня зависит, бедствия войны и уменьшить число несчастных жертв, ею делаемых.

Впрочем, прошу Ваше Превосходительство быть уверенным, что сие требование сдачи нимало не основано на том, чтобы я имел какое-либо сомнение в храбрости вверенных вам войск, тем менее что при Экау сии войска с лишком доказали мне противное. Но тем более внушает мне к ним уважение честная оборона, в сем деле мне противопоставленная, тем с большим сожалением буду я видеть, что столь храбрыми людьми жертвуют для защиты плохих укреплений.

В заключение прошу Ваше Превосходительство как наискорее уведомить меня о решении Вашем и быть уверенным в беспредельном моем почтении.

В главной квартире в Петергофе. 16 (28) июля 1812 года

де Граверт,
Его Величества короля Прусского генерал от инфантерии,
главнокомандующий Прусским вспомогательным корпусом.

Его Превосходительству генералу Эссену,
губернатору Риги.

Генерал-лейтенант Эссен отвечал на сие требование сдачи следующим письмом:

Если б я мог подумать, что прусский генерал по собственному побуждению своему в состоянии был написать письмо, подобное полученному мной вчерашнего числа от Вашего Превосходительства, то счел бы низким для достоинства моего отвечать на оное, но как французский слог слишком в нем виден, то и обращаю сии строки в ответ на сказанное письмо, в той уверенности, что Ваше Превосходительство служите токмо орудием деспотического могущества, коему считаете себя обязанным во всей точности повиноваться. Примите уверение в почтении моем.

Эссен 1,
Его Величества императора
Российского генерал-лейтенант,
рижский военный губернатор.

Господину Граверту, генералу от инфантерии
Его Величества короля Прусского.

После сего бесплодного требования сдачи прусаки остались довольно спокойными, почему генерал-лейтенант Эссен и заключил, что они не хотят сражаться с россиянами и, может быть, ищут только благовидного предлога к отступлению. В намерении доставить им такой случай он решился сделать поиск на Митаву, тем более что намерен был бомбардировать сей город, дабы наказать жителей, которые, по слухам, дали присягу на верность Наполеону. Для сего отряжен был 24 июля генерал-лейтенант Левиз с отрядом около тысячи человек, взятых из Динаминдского гарнизона, и флотилией, состоявшей из 11 канонерских лодок, трех российских бомбардирских судов и шести английских вооруженных шлюпок. 25 числа отряд сей, поднявшись вверх по реке Аа, атаковал и овладел Шлокским постом, после чего флота капитан Развозов с шестью российскими канонерскими лодками продолжал плыть вверх по реке Аа к городу Митаве. 26 числа выдержал он довольно жаркий бой с прусаками, которые посредством батарей, на берегу реки поставленных, и огня своей пехоты старались остановить его плавание.

А как в то же время генерал-лейтенант Левиз уведомился, что прусаки, вместо того чтобы помышлять об отступлении, посылали помощь к Митаве, и к тому еще известие, будто сей город присягал неприятелю, оказалось ложным, то он и не рассудил за благо продолжать свой поиск, сделавшийся без цели, и возвратился в Динаминд, уведя с собой более 100 человек пленных. После сих небольших ошибок Рижский гарнизон и прусаки около трех недель оставались в бездействии.

Между тем граф Витгенштейн, овладевший полем до самого Полоцка, не счел за нужное атаковать сей город, в коем неприятель укрепился и которого нельзя было взять без великого пожертвования людьми, чего россияне, будучи числом еще слабее неприятеля, не в состоянии были выдержать. Напротив того, российский генерал вознамерился потянуться вправо, дабы получить возможность скорее соединиться с генерал-майором Гаменом и по-прежнему стать в центральной позиции между неприятельскими корпусами маршалов Удино и Макдональда. 23 июля в 6 часов вечера выступил главный корпус, а 24-го прибыл к местечку Волынцам. Авангард под начальством генерал-майора Гельфрейха[1] оставлен был при селе Белом, а отряд кавалерии — у деревни Гамзелевой[2].

25 числа корпус перешел к Кохановичам, авангард — к Волынцам, а кавалерийский отряд — на его место к Белому. Казаки остались у Гамзелевой. Генерал-майор Балк с новым отрядом, который назван авангардом правого крыла[3], расположился при деревне Покаевцах. 26 корпус прибыл к Рассицам, авангард правого крыла — к Придруйску, авангард левого крыла остался у Покаевцев, а кавалерийский отряд перешел к Волынцам. Казаки отступили к Сивошиной. Граф Витгенштейн послал к генерал-майору Гамену приказание, дабы присоединился к корпусу с пехотой своего отряда, оставив перед Динабургом одного майора Бедряту с четырьмя гусарскими эскадронами.

Граф Витгенштейн, известившись о растянутом положении, занимаемом корпусом маршала Макдональда от Динабурга до моря, решился сам перейти Двину в намерении разбить правое крыло сего неприятельского корпуса и отрезать отступление бригады генерала Рикара, находившейся еще в Динабурге. Для сего дал он приказание поставить мосты при Друе и Покаевцах. Легкая кавалерия генерал-майора Балка даже перешла Двину 28 числа, и партия ее подвинулась к селению Бельмонту, но известие, того ж дня полученное, о новом наступательном движении маршала Удино из Полоцка к речке Дриссе, обратило внимание графа Витгенштейна в левую сторону и принудило его, отказавшись от намерения своего сделать поиск за Двиной, идти навстречу маршалу Удино, которого действия, как уже сказано, были важнее всех прочих, ибо угрожали главнейшим сообщениям российского корпуса. Действия сии долженствовали сделаться еще важнейшими от сильных подкреплений, которых маршал Удино ожидал, поскольку Наполеон, известившись о несчастном последствии сражения при Кляссицах, немедленно послал к Полоцку 6-й корпус из баварских войск под начальством

[1] *Примечание переводчика.* Из полков 24-го и 25-го егерских, двух сводных гренадерских батальонов 5-й пехотной дивизии, Гродненского гусарского с конной ротой № 3 и казаков.

[2] Из сводного кирасирского полка, шести эскадронов сводного гвардейского и одного эскадрона Псковского драгунского под начальством генерал-майора князя Репнина-Волконского.

[3] *Примечание переводчика.* Сей отряд составлен был из полков 26-го и 24-го егерского, взятого из авангарда, Рижского драгунского, одного эскадрона Псковского драгунского и сотни казаков с легкой ротой № 9.

генерала Гувин-Сент-Сира, бывший в следовании из Вильно к Витебску, и отдал его в распоряжение маршала Удино, за исключением легкой кавалерийской дивизии графа Прейсинга, которая осталась при Главной армии. Уверенность быть вовремя подкрепленным внушила маршалу Удино решимость возобновить наступательные действия еще до прибытия генерала Сент-Сира, для чего, выступив из Полоцка, он подвинулся 28 июля к местечку Волынцам.

29 числа граф Витгенштейн выступил из Расси, и, снова потянувшись боковым маршем влево, следовал на Кохановичи, к которому месту и неприятель брал свое направление. Генерал-майор Гельфрейх равномерно пошел на Кохановичи, а генерал-майор Балк, возвратив легкую кавалерию свою, перешедшую за Двину, должен был составить арьергард корпуса. Сам Витгенштейн, сильно обеспокоиваемый раной, полученной им в сражении 20 числа, нашелся принужденным поручить начальнику своего штаба генерал-майору Довре приведение в действо предначертанного им наступательного движения[1].

Генерал-майор Гельфрейх, прибыв к Кохановичам, нашел сию деревню уже занятой неприятельской кавалерийской партией из 50 человек. Он тотчас прогнал ее и сам расположился у деревни в ожидании главных сил корпуса, которые и прибыли 30 числа поутру. Неприятель не показывал намерения действовать наступательно: главные силы корпуса маршала Удино находились при Волынцах, но сильный авангард занимал деревню Свольну и выставил свои передовые посты на правой стороне речки того ж названия. Генерал-майор Довре, несколько времени тщетно ожидавший неприятельского нападения, наконец решился сам действовать наступательно. Дело началось обозрением, произведенным со стороны россиян вооруженной рукой. В полдень в четырех верстах от Кохановичей встречены первые войска французские, которые тотчас были атакованы и прогнаны к речке Свольне гродненскими гусарами и казачьим Платова 4-го полком. Неприятель, собравшись под покровительством сильных батарей, поставленных на левом берегу Свольны, предпринял оборону моста на сей речке и двора Свольны, лежащего на правом берегу оной. Генерал-майор Довре, со своей стороны, построив артиллерию и пехоту авангарда и дивизии генерал-майора Берга на высотах при дереве Пожарище, прикрыл фланги своей линии кавалерией. Два эскадрона гвардейских кирасир поставлены были на правом фланге, а другие два эскадрона сводного кирасирского полка и Ямбургский драгунский полк подкрепляли два эскадрона гродненских гусар, прикрывавших левый фланг[2].

Беспрерывный пушечный огонь загорелся по всей линии. В сие время неприятельские пехотные и кавалерийские колонны показались перед деревней Острым Концем, угрожая обходом левому флангу россиян. Генерал Довре противопоставил сим колоннам генерал-майора Казачковского с Тенгинским и Эстляндским пехотны-

[1] *Примечание переводчика.* Граф Витгенштейн принужден был отъехать в местечко Освею для излечения открывшейся раны своей.

[2] *Примечание переводчика.* Ямбургский драгунский полк с двумя эскадронами гродненских гусар и двумя эскадронами сводного кирасирского полка составили левое крыло россиян, простиравшееся к деревне Краповицк. Четыре пехотных полка 5-й дивизии с батарейными ротами № 5 и 28, находились в центре, имея за собой шесть эскадронов гродненских гусар. Правое крыло составлено было из 23-го и 95-го егерских полков с легкой ротой № 26 и девяти эскадронов сводного кирасирского полка. Вторая линия расположилась за деревней Мамоново, а резерв — у деревни Поликовщизны.

Преследование конногвардейцами французских конных егерей под Полоцком. 6 августа 1812 г.

местечко Волынцы, перешел за речку Дриссу. Генерал-майор Гельфрейх, следовавший близко за ним с российским авангардом[1], из четырех батальонов, четырех эскадронов и 300 казаков состоявшим, с 12 орудиями, также перешел за сию речку и подвинулся к селению Филиппову.

3 числа генерал-майор Гельфрейх, после маловажного авангардного дела, подошел к деревне Смолякам. Корпус остановился у корчмы Лазовки. Генерал-майор князь Репнин-Волконский, отряженный вправо с двумя батальонами и четырьмя эскадронами[2], дабы с сей стороны прикрывать движение корпуса и наблюдать берега реки Двины, занял город Дисну. Полковник Властов, перейдя речку Дриссу при деревне Сивошиной, расположился у Боярщины, имея против себя при селении Белом неприятельский почти 8000 корпус баварских войск. 4 числа французский арьергард сделал покушение удержаться в теснинах между деревнями Смоляками и Ропной, но был выгнан из оных

[1] Из 25-го и 26-го егерских полков, четырех эскадронов гродненских гусар с легкой артиллерийской ротой № 26 в 300 казаков.

[2] С двумя батальонами сводного егерского и сводным кирасирским полком.

в лес, лежащий за Ропной. А как российский авангард занял деревню Гамзелеву, то неприятельский корпус, находившийся при Белом, и не мог уже возвратиться к Полоцку иначе, как проходя чрез деревню Артейковичи.

Маршал Удино по соединении с корпусом генерала Гувион-Сент-Сира вознамерился заманить россиян на равнину, перед Полоцком лежащую, и, пользуясь великим превосходством своим в числе, вступить с ними в генеральное сражение, в коем надеялся отомстить им за поражение свое под селом Кляссицами. Он построил армию свою перед городом. 6-й корпус генерала Сент-Сира находился на левом берегу речки Полоты, позади Спасского монастыря, на правом берегу той же речки лежащего, который и занят был сильным арьергардом. 2-й корпус маршала Удино занимал пространство между Полотой и Двиной, примкнув левым флангом к сей последней реке, а правым — к соединению дорог, из Себежа и Невеля ведущих. В обоих корпусах вместе находилось более 45 000 человек под ружьем.

Генерал-лейтенант граф Витгенштейн имел у себя только около 20 000 человек, но как он не знал еще о силе корпуса генерала Сент-Сира, то и решился сам атаковать в надежде прогнать маршала Удино за реку Двину. В ночь с 4 на 5 августа неприятель вытеснен был из лесов, окружающих равнину перед Полоцком, а 5 числа на рассвете генерал-майор Гельфрейх овладел высотой и двором Присменицей, между тем как полковник Властов овладел лесом перед корчмой Боровкой. Под прикрытием сих двух авангардов российский корпус выступил на равнину и построился полукружием между речкой Полотой и Двиной. Правое крыло составлено было из 23, 25 и 26-го егерских полков с шестью орудиями батарейной роты № 28. Калужский, Севский и 1-й сводный пехотные полки с 33 орудиями[1] стояли в центре, простиравшемся до двора Присменицы. Пермский и Могилевский пехотные полки с 18 орудиями[2] находились на левом крыле и примыкали к отряду полковника Властова, который с 24-м егерским полком и двумя сводными гренадерскими батальонами 5-й дивизии составлял оконечность левого крыла на Невельской дороге. Девять батальонов и вся кавалерия построились во второй линии. Резерв, составленный из 10 батальонов и двух эскадронов, остался у Ропны. Граф Витгенштейн, обозрев позицию, занимаемую неприятелем, решился произвести главные усилия свои левым крылом, направляя оное вдоль правого берега речки Полоты. Действуя таким образом, надеялся он отрезать 2-й корпус от корпуса генерала Сент-Сира, который, будучи отделен от первого речкой Полотой, казалось, не был в состоянии вовремя подкрепить оный.

Генерал-майор князь Яшвиль получил начальство над левым крылом и приказание атаковать Спасский монастырь. Сводные гренадерские батальоны 5-й дивизии, 24-й егерский полк, один батальон Пермского и один Могилевского пехотного полков, поддерживаемые огнем 23 орудий конной артиллерии, с горячностью устремились на монастырь и даже успели засесть в нескольких передних домах по левую сторону ручья, текущего при оном. Но как неприятель вовремя подкрепил сей пост и направил огонь своих батарей, на левом берегу Полоты поставленных, против левого фланга атакующих войск, то россияне и не могли пройти за ручей.

---

[1] *Примечание переводчика.* Артиллерийских рот: конной № 1, батарейной № 5 и легкой № 9.

[2] Шестью орудиями батарейной роты № 28 и легкой ротой № 26.

в лес, лежащий за Ропной. А как российский авангард занял деревню Гамзелеву, то неприятельский корпус, находившийся при Белом, и не мог уже возвратиться к Полоцку иначе, как проходя чрез деревню Артейковичи.

Маршал Удино по соединении с корпусом генерала Гувион-Сент-Сира вознамерился заманить россиян на равнину, перед Полоцком лежащую, и, пользуясь великим превосходством своим в числе, вступить с ними в генеральное сражение, в коем надеялся отомстить им за поражение свое под селом Кляссицами. Он построил армию свою перед городом. 6-й корпус генерала Сент-Сира находился на левом берегу речки Полоты, позади Спасского монастыря, на правом берегу той же речки лежащего, который и занят был сильным арьергардом. 2-й корпус маршала Удино занимал пространство между Полотой и Двиной, примкнув левым флангом к сей последней реке, а правым — к соединению дорог, из Себежа и Невеля ведущих. В обоих корпусах вместе находилось более 45 000 человек под ружьем.

Генерал-лейтенант граф Витгенштейн имел у себя только около 20 000 человек, но как он не знал еще о силе корпуса генерала Сент-Сира, то и решился сам атаковать в надежде прогнать маршала Удино за реку Двину. В ночь с 4 на 5 августа неприятель вытеснен был из лесов, окружающих равнину перед Полоцком, а 5 числа на рассвете генерал-майор Гельфрейх овладел высотой и двором Присменицей, между тем как полковник Властов овладел лесом перед корчмой Боровкой. Под прикрытием сих двух авангардов российский корпус выступил на равнину и построился полукружием между речкой Полотой и Двиной. Правое крыло составлено было из 23, 25 и 26-го егерских полков с шестью орудиями батарейной роты № 28. Калужский, Севский и 1-й сводный пехотные полки с 33 орудиями[1] стояли в центре, простиравшемся до двора Присменицы. Пермский и Могилевский пехотные полки с 18 орудиями[2] находились на левом крыле и примыкали к отряду полковника Властова, который с 24-м егерским полком и двумя сводными гренадерскими батальонами 5-й дивизии составлял оконечность левого крыла на Невельской дороге. Девять батальонов и вся кавалерия построились во второй линии. Резерв, составленный из 10 батальонов и двух эскадронов, остался у Ропны. Граф Витгенштейн, обозрев позицию, занимаемую неприятелем, решился произвести главные усилия свои левым крылом, направляя оное вдоль правого берега речки Полоты. Действуя таким образом, надеялся он отрезать 2-й корпус от корпуса генерала Сент-Сира, который, будучи отделен от первого речкой Полотой, казалось, не был в состоянии вовремя подкрепить оный.

Генерал-майор князь Яшвиль получил начальство над левым крылом и приказание атаковать Спасский монастырь. Сводные гренадерские батальоны 5-й дивизии, 24-й егерский полк, один батальон Пермского и один Могилевского пехотного полков, поддерживаемые огнем 23 орудий конной артиллерии, с горячностью устремились на монастырь и даже успели засесть в нескольких передних домах по левую сторону ручья, текущего при оном. Но как неприятель вовремя подкрепил сей пост и направил огонь своих батарей, на левом берегу Полоты поставленных, против левого фланга атакующих войск, то россияне и не могли пройти за ручей.

---

[1] *Примечание переводчика.* Артиллерийских рот: конной № 1, батарейной № 5 и легкой № 9.

[2] Шестью орудиями батарейной роты № 28 и легкой ротой № 26.

Битва за Полоцк
18 августа 1812 г.

Между тем граф Витгенштейн, приметив, что неприятель видимо усиливался позади Спаса, приказал генерал-майору Бергу идти на помощь к войскам полковника Бластова с тремя полками, взятыми из центра, которые тотчас замещены были одним батальоном Тульского пехотного и одним 18-го егерского полков из второй линии. Неприятель, усмотревший такое ослабление центра россиян, атаковал оный пехотной дивизией Леграна. А как генерал-майор Гамен, заступивший генерала Берга в командовании центром, был слишком слаб, чтобы сопротивляться с успехом, то граф Витгенштейн и послал к нему на помощь еще один батальон Эстляндского и один Навагинского пехотных полков. С сим подкреплением центр россиян не только устоял, но даже и потеснил назад неприятельскую линию. Французские стрелки, под покровительством своих колонн забравшиеся под самые батареи россиян, атакованы были в штыки российскими стрелками и прогнаны в предместье Полоцка. Новое нападение французов не имело лучшего успеха. Генерал-майор Гамен, подкрепленный вторым батальоном Тульского пехотного полка, вторично отразил их, и российские стрелки овладели кустарниками впереди фронта своей линии. В сих атаках маршал Удино опасно ранен был в плечо из штуцера, и генерал граф Гувион-Сент-Сир принял начальство над обоими неприятельскими корпусами. Между тем на левом крыле россиян неприятель выступил из монастыря Спаса. Войска полковника Властова начали уже терять место, как прибытие генерал-майора Берга восстановило бой в выгоду россиян. Сей генерал прошел позади первой линии российской, вступил на Невельскую дорогу со своими тремя полками, построившимися в колонны к атаке и поддерживаемыми с правого

фланга генерал-майором князем Сибирским с Пермским и Могилевским пехотными полками. Баварцы под начальством генерала Вреде, находившиеся в сем месте, не могли выдержать удара: они оборотили тыл и отступили за овраг Спасский, зажегши сперва монастырское строение. Однако ж новые усилия, сделанные россиянами, дабы перейти овраг, остались без успеха. Обе стороны продолжали перестреливаться на берегах ручья. На правом крыле россиян не происходило ничего важного. Правда, что неприятель сделал было покушение атаковать сие крыло, но одного огня батарей, покровительствовавших оному, достаточно было к тому, чтобы принудить его отказаться от сего намерения. Наступившая ночь прекратила сражение, продолжавшееся целых четырнадцать часов. Потеря россиян простиралась до 2500 человек, выбывших из строя. Неприятельский урон был значительнее. Главная квартира генерала Витгенштейна оставлена была на ночь во дворе Присменице.

Трудно осуждать решимость графа Витгенштейна атаковать центр армии, которую речка надвое разделяла, однако ж, кажется, что вместо того, чтобы главные усилия свои производить на монастырь Спас, лучше было бы обратить их в промежуток Невельской и Себежской дорог, ибо таким образом избежали бы опасного огня в тыл, который неприятельские батареи, на левом берегу Полоты поставленные, производили по атакующим колоннам. Российский генерал хотя и не мог вытеснить неприятеля из его позиции, однако по крайней мере успел удержать его. Несмотря на это положение его осталось столь же затруднительным. Находясь в виду неприятеля, более чем вдвое его сильнейшего, он не мог надеяться силой прогнать его за Двину; отступив же тотчас к речке Дриссе, чрез то он только обнаружил бы свою слабость и ободрил французов к новым против него покушениям. Для избежания сей неудобности решился он остаться с корпусом своим в позиции перед Полоцком и сделать вид к нападению на обоих флангах своих, дабы таковым грозным положением привести неприятеля в недоумение. Еще вечером 5 августа инженер-полковник граф Сиверс построил мост на реке Двине, в четырех верстах ниже Полоцка. Он получил приказание построить в ночь с 5 на 6 число еще другой мост на речке Полоте, в четырех верстах выше означенного города. Граф Витгенштейн надеялся тем принудить французов перейти за Двину, но генерал Сент-Сир сам был столь искусен, что не дался в обман.

Французский генерал упорно держался в своей позиции с намерением принять в ней новое сражение и даже самому атаковать россиян, если они сего не сделают. Дабы более усилить себя, он возвратил с правого берега Двины кирасир и легкую кавалерийскую бригаду генерала Кастекса, переведенных маршалом Удино за реку и находившихся тогда при деревнях Семенце и Рудне.

Граф Витгенштейн равномерно подкрепился своим резервом, который пришел из Ропны, стал на Невельской дороге позади левого крыла. Отряд князя Репнина-Волконского также присоединился к корпусу. Все утро было проведено спокойно. Наконец, в час пополудни генерал Сент-Сир, усмотрев, что россияне, по-видимому, отказываются от наступательного действия, сделал распоряжения свои к нападению. В то же время, дабы обмануть россиян, заставив их думать, что он помышляет только об отступлении, приказал он отправиться в местечко Улу обозам своей армии, находившимся за Малым Полоцком, на левом берегу Двины. Неприятель показывал вид, будто намерен прикрыть и обезопасить это движение кирасирами и легкой кавалерийской бригадой генерала

Кастекса, соединившимися позади Полоцка в хвосте обозов. В три часа пополудни кончилось прохождение обоза, тянувшегося в виду россиян, и вышеупомянутая кавалерия, перейдя реку Двину, вступила в Полоцк с большой частью французской артиллерии.

Таковые движения, не показывавшие со стороны французов намерения действовать наступательно, увеличили беспечность россиян, уверившихся, что они принимали только приготовительные меры к отступлению, которое произведено будет ночью. Пользуясь этим, генерал Сент-Сир около 5 часов пополудни привел войска свои в готовность всей громадой выступить по правому берегу речки Полоты. Ровно в 5 часов артиллерия его открыла сильный огонь, под покровительством коего сильные колонны двинулись вперед для атаки левого крыла и центра россиян. Дивизия баварских войск генерала Вреде выступила с правой стороны Спасского монастыря; другая дивизия баварских войск генерала Деруа прошла чрез самый монастырь. Французская пехотная дивизия генерала Леграна двинулась с левой стороны оного, находясь левым флангом в связи с пехотной же дивизией генерала Вердье, коей одна бригада наблюдала правое крыло россиян, поставленное на дороге к деревне Гамзелевой. Пехотная дивизия генерала Мерля, остававшаяся на левой стороне речки Полоты, прикрывала город Полоцк спереди и отчасти с тыла.

Россияне, хотя и совершенно захвачены были врасплох, однако встретили это нападение с неимоверной твердостью и хладнокровием. Вся армия, поспешно вступив в ружье, построилась в том самом порядке, в котором стояла лагерем. На левом крыле оной 5-я пехотная дивизия генерал-майора Берга и пехота полковника Властова, поддерживаемые тремя эскадронами гродненских гусар, тотчас отразили баварцев и даже прогнали их за Спасский овраг, однако неприятель, получив подкрепление, опять начал одолевать россиян. Левое крыло их, атакованное спереди превосходными силами, поражаемое во фланг выстрелами неприятельских батарей, на левом берегу Полоты поставленных, не могло долее сопротивляться и начало подаваться назад. Дивизия генерал-майора Берга отступила за двор Присменицу, а пехота полковника Властова, подкрепленная двумя сводными гренадерскими батальонами 14-й дивизии, заняла опушку леса, лежащего при Невельской дороге[1].

В центре неприятель одержал над россиянами еще решительнейшую поверхность. Дивизия генерала Леграна, овладев двором Присменицей[2], отбила у них семь пушек и принудила отвести назад свои батареи[3].

Центр россиян с трудом уже держался, и если б был опрокинут, то это подвергло бы неизбежной опасности резерв и 5-ю дивизию генерал-майора Берга, которые тогда не могли бы уже достигнуть дороги в деревню Ропну, назначенной для их отступления. Генерал-майор Гамен, убежденный в необходимости сохранить позицию центра, решился сделать последние усилия, чтобы удержаться в оной. Взяв с собой один батальон Навагинского пехотного, один батальон 11-го егерского, Тульский и

[1] В этом положении левое крыло россиян продолжало сражаться, пока неприятель не прекратил своих нападений.

[2] Который замят был одним батальоном Севского полка.

[3] Легкая рота № 9 и шесть орудий батарейной роты № 28, находившиеся в сем месте, три раза отражали неприятеля сильным картечным огнем; наконец, канониры, отбиваясь банниками, прикрыли отступление своих орудий, оставив на месте семь подбитых пушек.

Эстляндский пехотные полки и имея в подкреплении один батальон Тенгниского полка, ударил он в штыки на атакующие колонны и опрокинул их со значительным уроном. Три другие французские колонны, в то же время располагавшиеся обойти его с левого фланга, атакованы и опрокинуты были кавалергардским и конногвардейским эскадронами под начальством полковника Протасова. Неприятель еще несколько раз покушался возвратить прежнюю свою поверхность, но был постоянно отражаем. При последнем же нападении особенно отличился полковник Гарпе с одним батальоном Навагинского полка.

Главные нападения неприятеля начинали уже ослабевать, когда он произвел последнее усилие в намерении выбить центр россиян из его позиции. Поставив против него батарею о 15 пушках, под покровительством сей артиллерии двинул он вперед значительную часть своей кавалерии, поддерживаемую несколькими пехотными колоннами. Сводный кирасирский полк, получивший от генерал-майора Валка приказание атаковать эту кавалерию, ударил на нее с величайшим успехом. Кавалергардский эскадрон опрокинул колонну конных егерей и с помощью конногвардейского эскадрона смял несколько пехотных колонн, между тем как эскадроны Его Величества и Ее Величества кирасирских полков и один эскадрон гродненских гусар под начальством майора Семеки опрокинули остаток неприятельской кавалерии и отбили 15 пушек, из которых, однако, по недостатку упряжи увезли только две. Неприятельская кавалерия преследуема была до самых предместий Полоцка, и эта блистательная атака, совершенно разорвавшая линию неприятельскую, могла бы иметь величайшие последствия, если б крепкое положение города Полоцка не доставило баварским резервам удобности удержать порыв россиян.

Левое крыло россиян прикрыто было речкой Полотой, на которой имели они два извещательных поста: первый, составленный из одной гренадерской роты, охранял мост, построенный в четырех верстах выше Полоцка; второй пост, из одного эскадрона гродненских гусар, наблюдал брод, находящийся в трех верстах выше первого поста. Генерал-майор Каховский, начальствовавший резервом российского корпуса, узнав, что неприятельские войска показались перед последним постом, подкрепил его резервным батальоном Павловского гренадерского полка. Но неприятель только что занимал сей второй пост кавалерийской перестрелкой, между тем как против первого послал четыре батальона и колонну кирасир. Гренадерская рота, оборонявшая оный, скоро была опрокинута, и неприятель, перейдя речку Пологу, расположился в тылу второго поста. Павловские гренадеры, хотя и совершенно были отрезаны, однако, не потеряв присутствия духа, пробились на штыках и присоединились к полковнику Властову, приведя с собой 100 человек пленных. Примеру этому последовал также и гусарский эскадрон, который равномерно успел пробиться.

На оконечности правого фланга корпуса генерал-лейтенанта графа Витгенштейна 23-й егерский полк с тремя эскадронами гродненских гусар прикрывал дорогу из города Дисны. Войска генерала Вердье атаковали сей полк и принудили его податься назад, однако на короткое время; конноартиллерийская рота № 1, приспевшая к нему на помощь, остановила успехи неприятеля, а удачная атака трех эскадронов гродненских гусар против части кавалерии генерала Кастекса, подкреплявшей пехоту генерала Вердье, совершенно расстроила усилия сей последней.

Упорная стойкость россиян в центре обезохотила неприятеля. Под вечер генерал Сент-Сир приказал прекратить все нападения, а граф Витгенштейн, пользуясь этим, без потери отступил к Ропне с войсками генерал-майоров Берга и Гамена. Генерал-майор Гельфрейх с арьергардом последовал за сим движением и остановился ночевать при входе в теснину между Ропной и Присменицей. Полковник Властов остался в посту, им занимаемом, по опушке леса при Невельской дороге.

Маршал Сен-Сир (1764–1830)

Российские войска с честью удержались на всех пунктах. Несмотря на то граф Витгенштейн рассудил, что великое превосходство сил, выставленных против него неприятелем, не оставляло ему никаких видов к победе, почему и вознамерился продолжать отступление свое, чтобы сблизиться с подкреплениями, которые могли прийти к нему изнутри страны, чтобы занять позицию, коей местная твердость могла бы хотя несколько заменить невыгодность великого недостатка в числе войск. С наступлением ночи российский корпус, войдя в лес, возвратился к деревне Гамзелевой. Арьергард генерал-майора Гельфрейха оставлен был у Ропны. Полковник Властов, получивший поручение прикрывать дорогу из Полоцка чрез корчму Лазовку на селение Белое, весь день оставался в лесу при Лазовке и только что с наступлением ночи отступил к деревне Артейковичам. В сражении, здесь описанном, французы потеряли две пушки, более 500 человек пленных и более 2000, выбывших из строя. Генералы Деруа, Сирбейн, Вердье и Раглович были ранены, и первые двое через несколько дней умерли от ран своих. Урон с российской стороны равномерно простирался свыше 2000 человек, выбывших из строя. Генерал-майоры Берг, Гамен и Казачковский были ранены, и семь орудий российских достались в руки неприятеля.

Хотя успех сражения 6 августа и не совсем соответствовал ожиданию генерала Сент-Сира, однако справедливость требует заметить, что распоряжения его соображены были с совокупностью и силой и что только одна удивительная стойкость россиян воспрепятствовала ему одержать совершенную победу. Последствия военного действия весьма часто связаны бывают с причинами, не подлежащими расчету. Начальник может только приготовить все случаи в свою пользу, и генерал Сент-Сир сделал это, поставив громаду в 30 000 человек против левого крыла и центра армии, в которой всего

находилось только 20 000 человек под ружьем. Однако можно укорять французского полководца, что оставил в бездействии пехотную дивизию генерала Мерля, между тем как переведя ее чрез речку Пологу, ниже левого фланга россиян, он не только мог обойти их левое крыло, но и действовать в тылу центра, а это непременно дало бы решительнейший оборот всему делу. Наполеон, довольный поступком генерала Сент-Сира, произвел его в маршалы империи.

7 августа российский резерв отослан был к селению Белому. Боевой корпус остался у Ганзелевой, а арьергард — при Ропне. Полковник Властов находился между корчмой Лазовкой и деревней Артейковичами. 8 числа резерв прибыл к Сивошиной, а боевой корпус — к Белому. После полудня неприятель потеснил арьергард генерал-майора Гельфрейха, который и отступил от Ропны к Гамзелевой. Полковник Властов равномерно отступил к Артейковичам.

В ночь с 8 на 9 число главная квартира графа Витгенштейна переведена была в Соколищи-Эйсмоят. Часть боевого корпуса возвратилась за речку Дриссу, а другая осталась на левом берегу оной, дабы служить подкреплением арьергарду, который на отступлении своем должен был выйти из леса на равнину при селении Белом, где присоединился к нему и отряд полковника Властова. Того ж дня полковник Властов сменил генерал-майора Гельфрейха в командовании арьергардом.

10 числа все войска боевого корпуса перешли на правый берег речки Дриссы и заняли позицию при деревнях Сивошиной и Соколищах. Полковник Властов остался при Белом с арьергардом, состоявшим из 24-го и 26-го егерских полков, восьми эскадронов гродненских гусар, одного казачьего полка и шести орудий.

Кажется, что поражение, претерпенное французами под Кляссицами, заставило Наполеона потерять всю доверенность к своим генералам и что, запретив им предпринимать наступательные действия, могущие отдалить их от реки Двины, он объявил, что назначение их корпусов было только оборонительное, для прикрытия пути действий Главной Французской армии. В противном случае, трудно было бы изъяснить причину неподвижности генерала Сент-Сира в дни, последовавшие за сражением 6 числа, ибо он не прежде 10 числа решился сделать движение, да и сие было частное: одна только дивизия генерала Вреде подвинулась вперед для обозрения позиции россиян, между тем как остаток неприятельской армии оставался под Полоцком.

В четыре часа пополудни генерал Вреде показался в виду российских передовых постов, которые и отступили к позиции арьергарда полковника Властова при селении Белом. Неприятель, продолжая наступление свое, встречен был огнем российской артиллерии и пехоты и несколько приведен в замешательство, однако часть его колонн, потянувшись влево, овладела двором Белым, находившимся впереди правого крыла россиян, и угрожала обойти это крыло. Полковник Силин с двумя эскадронами гродненских гусар атаковал и опрокинул неприятельскую пехоту, заходившую во фланг россиян, между тем как полковник Рот с 26-м егерским полком, атаковав двор Белый, опять возвратил оный. Пользуясь данным успехом, полковник Властов, в свою очередь, начал действовать наступательно и потеснил назад левое крыло и центр баварцев. Правое крыло их еще держалось и даже показывало намерение обойти левый фланг россиян, но как по разбитии остатка своей дивизии оно нашлось слишком зашедшим вперед, то само было взято во фланг и прогнано в лес полковником Ридигером с одним

эскадроном гродненских гусар и казачьим Платова 4-го полком. Наступившая темнота споспешествовала отступлению баварцев к деревне Гамзелевой. Они потеряли в данном деле 153 человека пленных и более 500 убитых и раненых. Урон со стороны россиян состоял только в 94 человеках, выбывших из строя. Небольшое дело это вторично показало удивительную храбрость войск графа Виттенштейна. Слабый арьергард полковника Властова, отделенный от главных сил корпуса речкой и расстоянием более 10 верст и атакованный несравненно в числе превосходнейшим неприятелем, казалось, должен был быть совершенно уничтоженным, вместо того оный не только успел удержаться в своем посту, но и даже, воспользовавшись ошибкой, которую сделали баварцы, слишком растянувшись на обоих флангах, нанес им значительное поражение.

11 августа граф Витгенштейн перевел главную квартиру свою в деревню Соколищи-Щит. Российский корпус соединился при деревне Сивошиной в позиции, укрепленной полевыми окопами. Арьергард, усиленный 25-м егерским полком, оставлен был при селении Белом. Маршал Сент-Сир держался между Полоцком и деревней Гамзелевой, имея отряд в селе Юревичах. В таковых положениях оба противных корпуса оставались в бездействии до первых чисел октября. Но в течение сего времени малая война продолжалась с довольной деятельностью со стороны россиян, которые партиями своими препятствовали неприятелю фуражировать на правой стороне Двины и даже делали набеги по левую сторону сей реки. Маршал Сент-Сир, желая более обезопасить линию обороны, которую имел поручение охранять, приказал укрепить город Полоцк. Россияне равномерно занялись укреплением Себежа, в котором граф Витгенштейн располагался поместить свои депо, тяжелый обоз и магазины. Итак, в сей стороне театра войны военные действия приняли методический оборот, совершенно сообразный с тогдашними обстоятельствами. Обе противные стороны постигли, что, занимаясь единственно побочными действиями, для собственной пользы своей не должны были пускаться на отважные предприятия, поскольку оные не могли иметь большого влияния на общий ход войны, и что вследствие сего надлежало им ограничить себя только старанием удержаться на линиях, охраняемых ими, доколе не решится успех похода между двумя Главными армиями.

На нижней Двине маршал Макдональд, узнав о совершенном разорении укреплений Динабурга, дал приказание оставить данную крепость. Бригада генерала Рикара, там находившаяся, расположилась у местечка Езероса, дабы препятствовать россиянам посылать партии к городу Вильно. Маршал Макдональд сблизил к Якобштату войска, составлявшие правое крыло его корпуса, между тем как Прусский корпус, занимавший Митаву, продолжал наблюдать Ригу. Корпус сей расположен был за речкой Миссой при Дракене, Таможне, Плаканцеем, Сент-Олае и Ценгофе, один сильный отряд занимал местечко Шлок, а другой находился при Кальнецеме для прикрытия реки Аа. Генерал-лейтенант Эссен в намерении воспользоваться таковым раздроблением неприятельских сил решился сделать поиск в виде сильной вылазки. Качество местоположения облегчало приведение в действие предприятия его опрокинуть правое крыло прусаков и обойти город Митаву. Прусская дивизия, стоявшая при Дракене и Таможне, была почти на 20 верст удалена от другой дивизии, занимавшей Сент-Олай и Ценгоф и, сверх того, еще разделена с ней болотистыми лесами, препятствовавшими ей вовремя

получить помощь. Сходно с сими обстоятельствами генерал-лейтенант Эссен сделал и распоряжения свои к нападению: генерал-лейтенанту Левизу с большей частью Рижского корпуса дано было приказание атаковать прусаков по дороге к Экау, между тем как генерал-майор Вельяминов сделает ложное нападение на Сент-Одай, а флотилия канонерских лодок под начальством контр-адмирала Моллера, подкрепленная войсками Динаминдского гарнизона, будет атаковать местечко Шлок.

11 августа генерал-лейтенант Левиз учинил нападение на генерала Граверта при селении Кекау, а как в то же время одна российская колонна перешла с острова Даленгольма вброд на левый берег реки Двины, то изумленные сим прусаки, опасаясь быть обойденными с правого фланга, обратились в бегство с потерей до 600 человек убитых и близ 650 пленных. Россияне потеряли только 600 человек, выбывших из строя. В следующие дни генерал-лейтенант Левиз продолжал подаваться вперед, но 14 числа генерал Граверт, соединившись с генералом Клейстом у города Митавы, приказал сему последнему встретить россиян, перешедших реку Аа при Графентале. После дела, довольно жаркого, генерал-лейтенант Левиз возвратился за реку Аа и отступил к Риге. Атака генерал-майора Вельяминова не была приведена в действие. Нападение на левое крыло неприятельское также не имело желанного успеха. Противные ветры воспрепятствовали исполнить принятое намерение высадить на берег колонну пехоты в тылу Шлокского поста, дабы пресечь отступление отряда, занимавшего оный. При всем том прусаки выгнаны были из местечка Шлока. После сего дела более месяца не происходило под Ригой ничего примечательного, и все действия ограничились только маловажными сшибками между войсками блокадного корпуса и крепостного гарнизона.

Последствия военных действий в первые два месяца похода генерал-лейтенанта графа Витгенштейна обратились еще в выгоду россиян, ибо, несмотря на чрезмерное превосходство неприятельских сил, они успели удержать его и не допустили подвинуться далее Полоцка. Смелость и решительность предприятий графа Витгенштейна представляют примечания достойную противоположность с колебанием и недостатком совокупности, оказанным неприятелем. Однако ж упрек сей относится только к маршалу Удино, а не распространяется на преемника его, который, будучи связан высшими повелениями, поневоле должен был оставаться в бездействии. Напротив того, маршал Удино имел полную свободу действовать, что и доказывает наступательное движение его к селу Клясснцам. Но это движение, которое для получения важных последствий надлежало бы производить с решительностью, не удалось по недостатку твердости и совокупности в исполнении.

Описав действия на реке Двине, покажем теперь, что происходило в то же время на левом крыле россиян, т. е. в армии генерала от кавалерии Тормасова и в корпусе генерал-лейтенанта Эртеля.

Глава VII

Корпус генерала Ренье сменяет корпус князя Шварценберга для действий против Третьей российской армии. – Генерал Тормасов действует наступательно. – Бои под городом Кобрином. Князь Шварценберг возвращается для соединения с генералом Ренье и снова идет вперед. – Сражение при корчме Городичне. – Генерал Тормасов отступает за реку Стырь. – Действия генерал-лейтенанта Эртеля. – Российская Дунайская армия, выступив из Валахии, соединяется с армией генерала Тормасова. – Россияне возобновляют наступательные действия. – Князь Шварценберг переходит за реку Буг у местечка Влодавы. – Адмирал Чичагов назначается главнокомандующим обеих соединенных российских армий.

В главе III мы уже видели, что Австрийский вспомогательный корпус генерала князя Шварценберга перешел реку Буг 21 июня при деревне Могильнице. Сей корпус, назначенный для прикрытия правого бока пути действия Главной Французской армии, заслоняя оный от армии генерала Тормасова, 24 июня прибыл к местечку Высоко-Литовску, а 27-го — к городу Пружанам, в коем князь Шварценберг и занял свою главную квартиру. Передовые посты его протянули цепь вдоль рек Мухавца и Пины, от города Бреста-Литовского до Пинска, стоя лицом к кантонир-квартирам Третьей российской армии, размещенной во Владимирском, Луцком и Дубенском поветах. Наполеон, мало доверявший усердию австрийцев и предводителя их, вдруг переменил назначение сего корпуса. Он

Генерал Шварценберг (1771–1820)

рассудил, что более может получить пользы от австрийцев, подчинив их французскому маршалу, и для сего отрядил от армии короля Вестфальского генерала Ренье с корпусом саксонских войск на смену корпуса князя Шварценберга, а сему последнему в то же время дал повеление идти к городу Минску и, соединившись с маршалом Даву, состоять под его начальством во все продолжение похода. Однако ж австрийцам приказано было не начинать своего движения, доколе генерал Ренье не придет в готовность сменить их с постов, ими занимаемых. Ренье прибыл в город Слоним 7 июля, а в следующие дни, продолжая движение свое из Слонима чрез местечко Ружану к Хомску, послал вперед пехотную бригаду генерала Кленгеля к городам Кобрину и Бресту-Литовскому, а кавалерийскую бригаду генерала Габленца — к местечкам Антополю и Янову. Князь Шварценберг пошел через Слоним к Минску.

Около того же времени генерал от кавалерии Тормасов получил от государя императора повеление открыть поход, действуя сходно с первоначальным предначертанием в тыл неприятеля, преследовавшего Вторую российскую армию генерала князя Багратиона. Ему предписано было в то же время оставить корпус в окрестностях Старого Константинова для наблюдения австрийской границы и сообщения Третьей армии с Дунайской, назначение которой было переменено. Нашествие, учиненное Наполеоном с силами, несравненно бóльшими тех, которые у него предполагали, требовало общего сосредоточения на театре решительных действий всех сил россиян, которыми располагать было можно, и не позволяло более Дунайской армии заняться предприятием, успех которого был весьма сомнителен, и даже самая удача не могла взять большего влияния на общую участь войны[1].

И так положено было, возвратив эту армию за реку Днестр, употребить ее к усилению Третьей армии.

Вышесказанное повеление пришло в главную квартиру Третьей армии, находившуюся в городе Луцке, 5 июля, и генерал Тормасов тотчас занялся приведением оного в исполнение. 11-я кавалерийская дивизия и несколько батальонов 36-й пехотной дивизии остались при городах Заславе и Старом Константинове. Прочие батальоны 36-й дивизии послужили к усилению корпуса генерал-лейтенанта Эртеля, находившегося при городе Мозыре. Генерал-майор Хрущов оставлен был против Герцогства Варшавского с двумя казачьими и драгунскими Арзамасским и Житомирским полками, из коих первый находился во Владимире-Волынском, а второй — в Ковеле. Отряд сей назначен был для наблюдения границы сказанного герцогства и содержания связи между Третьей армией и корпусом, расположенным при Заславе и Старом Константинове. Сам генерал Тормасов с главными силами армии выступил из Луцка чрез Ковель на местечко Ратно, имея впереди себя четыре передовых отряда: первый под начальством генерал-адъютанта графа Ламберта, составленный из четырех батальонов, 16 эскадронов и пяти казачьих полков с шестью пушками, должен был следовать из окрестностей Владимира по обеим сторонам реки Буга на Брест-Литовский. Второй отряд под начальством генерал-майора князя Щербатова, состоявший из шести батальонов, восьми эскадронов и одного казачьего полка с 12 орудиями, выступив из Ратно, взял также направление чрез деревню Мокраны на Брест-Литовский. Генерал-майор Чаплиц, начальствовавший

[1] *Примечание переводчика.* В главе III уже сказано, что первоначальное назначение Дунайской армии было вторгнуться в Италию, проходя через Сербию, Боснию и Кроацию.

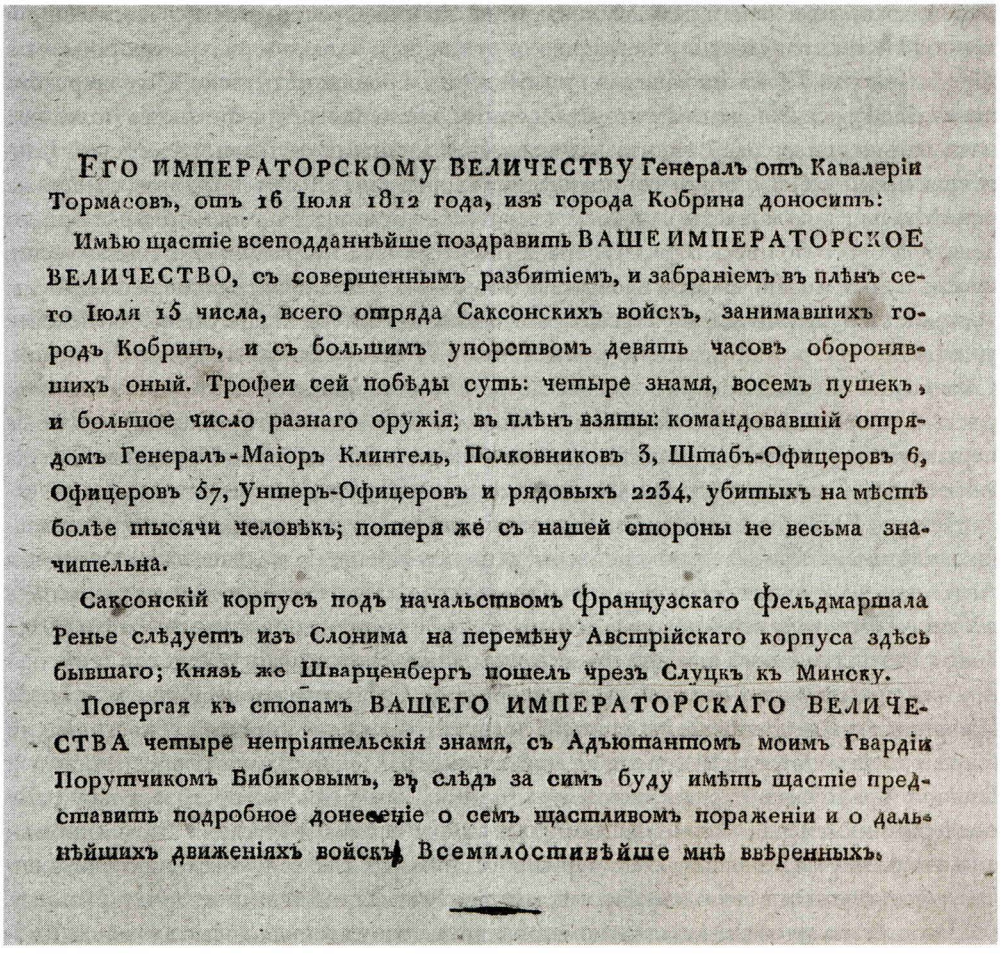
третьим отрядом, составленным из двух батальонов, 12 эскадронов и одного казачьего полка с шестью пушками, шел по одной дороге с главным корпусом, почему и мог быть принимаем за настоящий авангард армии. Четвертый отряд под начальством генерал-майора Мелиссино, из четырех батальонов и семи эскадронов состоявший, должен был показывать вид нападения на правом фланге на местечко Янов и город Пинск, дабы привести в недоумение неприятеля, уверив его, что Российская армия взяла направление к сим пунктам. В боевом корпусе армии осталось 20 батальонов и девять эскадронов с 96 орудиями. Резерв, следовавший вместе с боевым корпусом, состоял из шести батальонов с 24 орудиями. Российские войска, открывая наступательные действия, простирались до 32 000 человек, в том числе более 3000 нерегулярных войск.

А. П. Мелиссино (1759–1813)

Генерал Тормасов, продолжая наступательное движение свое, выступил 11 июля из Ратно чрез местечко Дивин к городу Кобрину. По нечаянному случаю сие движение россиян с точностью соответствовало отступательному маршу австрийских колонн и прибытию к реке Мухавцу передовых саксонских войск, так что передовые посты сих последних, еще не успевшие осмотреться, были захвачены совершенно врасплох. Князь Щербатов, следовавший 12 числа из деревни Рудни к Бресту-Литовскому, встретил и схватил в восьми верстах от оного разъезд кавалерии. Пленные объявили, что Брест занят был только двумя эскадронами саксонских улан и что на другой день ожидали в этом городе прибытия отряда, из пехоты, кавалерии и артиллерии составленного, который приказано было послать туда саксонскому генералу Кленгелю, находившемуся в город Кобрине. Дабы предупредить приход сего подкрепления, князь Щербатов решился атаковать Брест-Литовский шестью эскадронами Татарского уланского полка, Евпаторийским Татарским полком и двумя орудиями конной артиллерии. Два саксонских эскадрона, не в силах бывшие сопротивляться, выгнаны были из города с потерей нескольких человек пленных. На другой день генерал-адъютант граф Ламберт также прибыл к Бресту-Литовскому и присоединил к себе отряд князя Щербатова. На правом фланге армии Тормасова генерал-майор Мелиссино, узнав в ночь с 11 на 12 июля, что австрийские посты на реке Пине отступали, и пользуясь сильной грозой с градом, послал для преследования их небольшой отряд под начальством полковника князя Жевахова, который, исправив мост на реке Пине, разоренный неприятелем, пошел к

местечку Янову и, встретив там три саксонских эскадрона, составлявшие авангард генерала Габленца, разбил и прогнал их к местечку Дрогочину, где они и присоединились к генералу Габленцу. Генерал-майор Мелиссино, опасаясь, чтобы отряд князя Жевахова не был утеснен главными силами генерала Габленца, приказал ему отступить к деревне Заслужью, при коей сам остановился. Но генерал Габленц, полагавший иметь против себя превосходные силы, не осмелился один завязать дела с ними и отступил к местечку Хомску, где находились главные силы корпуса генерала Ренье. Генерал Мелиссино, узнав о том, сам пошел к местечку Айову, а полковника князя Жевахова с двумя драгунскими эскадронами и ротой егерей отрядил к городу Пинску, откуда неприятель и был выгнан с потерей одной пушки и нескольких человек пленных.

Генерал Тормасов, видя, что левая сторона его через занятие Бреста-Литовского сделалась безопасной, спокойно продолжал движение свое к Кобрину. Генерал-адъютант граф Ламберт получил приказание туда же следовать. Сей последний, прибыв 14 числа в селение Бульков, извещен был, что город Кобрин занят одной только кавалерией, и вследствие сего ложного известия решился тотчас отправиться туда с одной кавалерией своего отряда и шестью орудиями конной артиллерии. Пехота его, еще не отдохнувшая от сделанного ею перехода, осталась с генерал-майором князем Щербатовым при Булькове и должна была выступить к Кобрину на рассвете следующего дня. 15 июля в 6 часов утра главнокомандующий прибыл к Кобрину с авангардом генерал-майора Чаплица. В то же время показалась перед этим городом и кавалерия генерал-адъютанта графа Ламберта по дороге из Бреста-Литовского. Неприятель, ожидавший на себя нападения только с сей одной стороны, поставил большую часть своей кавалерии в двух верстах перед городом, позади канала, проведенного из местечка Дивина, и подкрепил ее пехотой и стрелками, рассыпавшимися во ржи и во рвах. Однако и по Дивинской дороге встречены были несколько эскадронов саксонской кавалерии, которые по приближении авангарда генерал-майора Чаплица тотчас отступили ко двору, занятому пехотой. Город Кобрин прикрыт был несколькими наскоро построенными оковами. Главнокомандующий, обозрев неприятельскую позицию, сделал распоряжения свои к нападению. Граф Ламберт получил приказание атаковать со стороны Бреста-Литовского, между тем как генерал-майор Чаплиц, оставив на Дивинской дороге несколько кавалерии и казаков для прикрытия своего движения, с остатком кавалерии и 13-м егерским полком должен был потянуться вправо и, выйдя на Антопольскую дорогу, атаковать город с восточной стороны. Граф Ламберт после нескольких бесплодных покушений с фронта сбить неприятельский отряд, находившийся на Брестской дороге, выставил вперед свою артиллерию и послал вправо по одному эскадрону Татарского уланского и Александрийского гусарского полков и всю нерегулярную конницу, которые, избегнув таким образом затруднений, представляемых позицию неприятельскую для атаки с фронта, с успехом ударили в левый фланг саксонцев. Кавалерия их, уже расстроенная огнем российской артиллерии, опрокинута была двумя эскадронами регулярной кавалерии, между тем как казаки напали на их стрелков, и рассеявшиеся саксонцы собрались только что под выстрелами своей пехоты, засевшей в крайних домах города. В то же время майор Остроградский, командовавший российской кавалерией, оставленной на Дивинской дороге, атаковал и принудил отступить в город неприятельские эскадроны, остановившиеся при дворе. С сей стороны показан был



Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Генералъ отъ Кавалеріи Тормасовъ, отъ 16 Іюля 1812 года, изъ города Кобрина доноситъ:

Имѣю щастіе всеподданнѣйше поздравить ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, съ совершеннымъ разбитіемъ, и забраніемъ въ плѣнъ сего Іюля 15 числа, всего отряда Саксонскихъ войскъ, занимавшихъ городъ Кобринъ, и съ большимъ упорствомъ девять часовъ оборонявшихъ оный. Трофеи сей побѣды суть: четыре знамя, восемь пушекъ, и большое число разнаго оружія; въ плѣнъ взяты: командовавшій отрядомъ Генералъ-Маіоръ Клингель, Полковниковъ 3, Штабъ-Офицеровъ 6, Офицеровъ 57, Унтеръ-Офицеровъ и рядовыхъ 2234, убитыхъ на мѣстѣ болѣе тысячи человѣкъ; потеря же съ нашей стороны не весьма значительна.

Саксонскій корпусъ подъ начальствомъ Французскаго Фельдмаршала Ренье слѣдуетъ изъ Слонима на перемѣну Австрійскаго корпуса здѣсь бывшаго; Князь же Шварценбергъ пошелъ чрезъ Слуцкъ къ Минску.

Повергая къ стопамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА четыре непріятельскія знамя, съ Адъютантомъ моимъ Гвардіи Поручикомъ Бибиковымъ, въ слѣдъ за симъ буду имѣть щастіе представить подробное донесеніе о семъ щастливомъ пораженіи и о дальнѣйшихъ движеніяхъ войскъ Всемилостивѣйше мнѣ ввѣренныхъ.

Донесение А. П. Тормасова Александру I о занятии г. Кобрина. 16 июля 1812 г.

только вид нападения, дабы развлечь внимание неприятеля и не допустить его обратить больших сил против генерал-майора Чаплина, который вышел на Антопольскую дорогу и атаковал город 13-м егерским полком. Между тем прибыл главный корпус Третьей армии; успех предприятия сделался несомненным, и приняты были меры к довершению погибели неприятельского отряда, отрезав у него всякое отступление. На сей конец генерал-адъютант граф Ламберт приказал полковнику Мадатову с четырьмя эскадронами Александрийского гусарского, двумя Стародубовского драгунского и одним Татарского уланского полков, сотней казаков и двумя орудиями конной артиллерии перейти реку Мухавец и перехватить дорогу в Пружаны. Отряд сей несколько раз атакован был неприятелем, искавшим пробиться, но оный всегда с потерей прогоняем был в город. Только малое число саксонцев спаслось по дороге в деревню Стражник, но и сие последнее отступление их вскоре пресечено было тремя эскадронами Павлоградского гусарского полка, отряженными генерал-майором Чап-

лицем, которые, перейдя реку Мухавец выше Кобрина, расположились на сказанной дороге. Неприятель хотя и совершенно окружен был, однако ж сильно оборонялся в городе. Генерал Тормасов нашелся принужденным подкрепить атаку 13-го егерского полка еще Ряжским пехотным полком и одним батальоном Апшеронского полка под начальством генерал-лейтенанта Маркова, отряженными от главного корпуса. Саксонцы, несмотря на упорное сопротивление свое, выбиты были из окопов, с моста на реке Мухавце и из монастыря, в коем искали себе убежища. Наконец, после упорного девятичасового боя весь отряд генерала Кленгеля был истреблен. Четыре знамени, восемь пушек и 2300 человек пленных, в числе коих находился сам генерал Кленгель, достались в руки победителей; сверх того, саксонцы потеряли еще боле 2000 человек убитых. Урон с российской стороны состоял в 77 человеках убитых и 181 раненом. Саксонский генерал заслужил свое несчастье, ибо имел неблагоразумие вступить в бой с весьма превосходными силами и не помышлял вовремя об отступлении, которое в первые часы сражения с безопасностью мог бы совершить на город Пружаны, а оттуда уже легко мог соединиться с главными силами своего корпуса.

Генерал Ренье, уведомившись, что россияне угрожали нападением Кобрину, поспешно выступил из Хомска на подкрепление генералу Кленгелю и дошел уже до местечка Антополя, но, узнав от бегущих о несчастном последствии боя, того ж дня возвратился в Хомск. Поскольку через поражение Кленгеля в 7-м корпусе осталось только 13 000 человек, то генерал Ренье, находя себя не в состоянии удержать наступление российской Третьей армии, решился уклониться через город Слоним к корпусу генерала князя Шварценберга, а сего последнего просил возвратиться к нему на помощь. Австрийский генерал, дошедший уже до города Несвижа, усмотрел необходимость обеспечить тыл Главной Французской армии, а потому и принял намерение возвратиться назад для поддержания генерала Ренье. 19 июля австрийцы оставили Несвиж; 20-го прибыли они к местечку Сталовичам; 21-го перешли к Полонке, а 22-го — к селению Якимовичам, где и вступили в связь с корпусом генерала Ренье, прибывшим к городу Слониму.

Российская армия, за недостатком провианта принужденная дневать у города Кобрина, опять выступила 18 июля. Авангард генерал-адъютанта графа Ламберта пошел к корчме Городечне на Пружанской дороге, а главный корпус — к местечку Городцу на Антопольской дороге. 19 числа армия прибыла к Антополю; авангард генерал-майора Чаплица подвинулся к местечку Хомску; авангард графа Ламберта перешел к местечку Мальцу и расположил передовые посты свои по реке Ясельде, в местечках Сельце и Картузке-Березе. Генерал Тормасов, все еще затрудняемый недостатком продовольствия, не осмелился идти далее из опасения слишком отдалиться от магазинов своих, находившихся в Волынии.

Наполеон, обстоятельствами принужденный скрывать недоверчивость свою к австрийцам, одобрил намерение князя Шварценберга и поручил ему главное начальство также и над корпусом генерала Ренье для совокупного действия против армии генерала Тормасова. Австрийский генерал, видя себя в числе превосходнее россиян, вознамерился снова оттеснить их в Волынию, дабы через то учинить свободным сообщение свое с Герцогством Варшавским. 23 июля Австрийский корпус выступил от Якимовичей к местечку Девятковичам, что на Коссовской дороге. Саксонцы пошли на местечко Ружану. 24-го австрийцы прибыли к местечку Коссову.

Генерал Тормасов, узнав, что неприятель идет на него и что саксонцы угрожают левому его флангу, приказал генерал-адъютанту графу Ламберту для прикрытия оного подвинуться к городу Пружанам. Генерал-майор князь Хованский с резервом армии сменил графа Ламберта при Мальце, а генерал-майор Чаплиц перешел от Хомска к селению Ровятичам. Движения сии происходили 25 июля. Того ж дня австрийский авангард сделал нападение на российские передовые посты, на реке Ясельде, в местечках Сельце и Картузке-Березе расположенные, но без успеха, и означенные посты удержались на своих местах.

26 июля князь Шварценберг прибыл к Ясельде со всем корпусом своим, почему российские посты и принуждены были оставить берега сей реки и отступить за речку Венец. С другой стороны, саксонцы, потянувшись правым флангом, перешли от местечка Ружаны на дорогу, ведущую из города Волковиска к Пружанам, и прибыли к Великому Селу.

27 числа неприятель стоял спокойно, но на другой день князь Шварценберг опять двинулся вперед. Генерал-майор Чаплиц, атакованный при селении Ровятичах дивизией генерала Зигенталя, принужден был отступить к Хомску. Князь Хованский равномерно должен был оставить местечко Малец, которое и было занято австрийцами. Дивизия Зигенталя расположилась впереди Хомска.

Князь Шварценберг, видя левое крыло свое обезопасенным, вознамерился потянуться вправо, дабы обще с корпусом генерала Ренье атаковать генерал-адъютанта графа Ламберта, который после отступления генерал-майора Чаплица и князя Хованского остался слишком впереди у города Пружан. 29 июля в 6 часов пополуночи саксонцы начали нападение по дороге из Волковиска. Генерал-адъютант граф Ламберт с успехом оборонялся более трех часов, но в 10 часов получил донесение от извещательного поста своего, бывшего на речке Венец, что одна австрийская колонна следовала на Пружаны по дороге из местечка Сельца, а другая, из тех же войск состоявшая, взяла направление на деревню Линево, находящуюся в тылу пружанской позиции, между сим городом и Кобрином; а как сии движения ясно показывали намерение неприятельское выместить на российском авангарде поражение генерала Кленгеля, то граф Ламберт не захотел подражать неосторожности саксонского генерала. Он немедленно отрядил один батальон 14-го егерского полка с эскадроном Тверского драгунского и двумя орудиями конной артиллерии на подкрепление к посту легких войск, находившемуся при Линеве, и для занятия гребней, ведущих из Линева в деревню Клетно, а сам с главными силами авангарда начал отступать к корчме Городечне. Российская легкая кавалерия, прикрывавшая сие отступное движение, постоянно отражала все нападения саксонской кавалерии и венгерских гусар, что и позволило графу Ламберту в 3 часа пополудни спокойно перейти теснину при Козьем Броде, где и присоединился к нему отряд, возвратившийся из Линева. Отряд сей не имел никакого дела с неприятелем; австрийская колонна, следовавшая к Линеву, нашла деревню сию занятой россиянами, пришла в нерешимость, и вместо того чтобы атаковать и опрокинуть слабый отряд, охранявший сей пост, она переменила свое направление и потянулась на город Пружаны.

Между тем как сие происходило, генерал Тормасов, извещенный о том, что неприятель главные силы свои обратил против левого крыла россиян и сильно теснил графа Ламберта, решился сам потянуться влево для подкрепления своего авангарда. На сей

Уральский казак.
1812 г.

конец генерал-лейтенант Марков получил приказание тотчас следовать в Городечну со 2-м корпусом.

Генерал-адъютант граф Ламберт, дав на два часа отдых войскам своим позади теснины Козьего Брода, опять поднялся в поход в 5 часов пополудни, дабы отступить к корчме Городечне и корпусу генерал-лейтенанта Маркова. Неприятель, который, пользуясь лесистой стороной, подвел пехоту свою к самой теснине Козьего Брода, не будучи примечен, покусился было тревожить сие отступление, но 10-й и 14-й егерские полки уничтожили все усилия его. С наступлением ночи граф Ламберт достиг Городечны и расположился на левом фланге корпуса генерал-лейтенанта Маркова.

Поскольку неприятельские войска, в значительном числе показавшиеся на Пружанской дороге, не позволяли более сомневаться в намерении князя Шварценберга обратить главные силы своей армии против левого крыла россиян, то генерал Тормасов решился и со своей стороны стянуть войска к левому крылу, дабы громаду сил своих противопоставить неприятельской. 30 июля корпус генерала от инфантерии графа Каменского, последовав за движением корпуса генерал-лейтенанта Маркова, прибыл к корчме Городечне. Того ж дня Австрийская пехотная дивизия генералов Бьянки и Траутенберга и кавалерийская дивизия генерала Фримона, равномерно приблизившись к Городечне, расположились против Российской армии. Теснина при корчме Городечне разделяла обе стороны.

Саксонцы, остановившись при деревне Жабине, подвинули авангард свой к деревне Поддубе. Австрийская дивизия генерала Зигенталя также выступила из местечка Мальца, оставив в нем батальон пехоты и несколько кавалерии для наблюдения дороги в местечко Хомск, и под вечер присоединилась к князю Шварценбергу, который и поставил ее у Жабина в резерве за 7-м корпусом генерала Ренье.

Резерв генерал-майора князя Хованского, отряд генерал-майора Мелиссино и авангард генерал-майора Чаплица, который был усилен и состоял уже из восьми батальонов, 12 эскадронов и четырех казачьих полков, не прибыли еще к Российской армии. Это обстоятельство хотя и лишало генерала Тормасова содействия 13 000 человек, однако ж он не счел за нужное уклоняться от сражения в позиции, им занимаемой, ибо надеялся,

что местная твердость оной заменит малочисленность его армии, в коей оставалось только 18 000 человек строевых, между тем как в неприятельской было 13 000 саксонцев и около 27 000 австрийцев. 2-й корпус генерал-лейтенанта Маркова поставлен был на Кобринской дороге, против Городечны, позади теснины того ж названия; 1-й корпус генерала графа Каменского расположился в версте позади 2-го корпуса, также на Кобринской дороге. Войска авангарда генерал-адъютанта графа Ламберта возвратились к тем корпусам, к коим принадлежали.

Позиция, занимаемая Российской армией, была весьма выгодна по причине болотистого ручья, протекающего перед корчмой Городечной. Для перехода через это болото находились только три плотины: первая, по которой пролегает большая дорога из города Пружан в Кобрин, защищаема была самим положением россиян; вторая плотина при Поддубе и третья выше сей деревни, по которой пролегает дорога из местечка Шерешева в Кобрин, не были заняты. Это обстоятельство внушило генералу Ренье мысль обойти левый фланг россиян, а как князь Шварценберг одобрил это намерение, то и положено было, чтобы австрийцам сделать вид нападения на корчму Городечну, дабы привлечь в сию сторону внимание россиян, между тем как генерал Ренье, усиленный австрийской дивизией генерала Зигенталя, бригадой Лилиенберга от дивизии генерала Бьянки и двумя полками австрийской легкой кавалерии, перейдя по которой-либо из двух незанятых плотин, станет на левом фланге россиян и потом, потянувшись флангом вправо, постарается даже пресечь им отступать на город Кобрин.

31 июля вместе с рассветом саксонские пехотные патрули, посланные для обозрения плотины при деревне Поддубе, заняли оную и даже расположились по сию сторону болота. Поскольку сие обстоятельство обратило внимание генерала Тормасова в левую сторону, то он и послал туда весь корпус графа Каменского, который в 8 часов пополуночи построился в две линии на высотах против Поддубе, принудив сперва саксонские посты отступить ко всходу на плотину. Первая линия составлена была из Владимирского и Тамбовского, а вторая — из Днепровского и Костромского пехотных полков. 28-й егерский полк прикрывал фланги, а Стародубовский и Таганрогский драгунские полки, поставленные загибом (en potence) на конце левого фланга, наблюдали равнину, простирающуюся до опушки леса, через который проходит дорога из местечка Шерешева в Кобрин. В сем положении россияне поставили две батареи, каждую о 12 орудиях, которые сильно стреляли по Поддубенской плотине и неприятельским войскам, державшимся при оной.

Генерал Ренье, между тем прибывший к деревне Поддубе со всем корпусом своим и бригадой Лилиенберга, видя затруднительность переправляться по плотине в виду корпуса графа Каменского, решился потянуться флангом еще правее, дабы, выйдя на дорогу из местечка Шерешева в Кобрин, перейти болото по третьей плотине. Авангард его, составленный из одного батальона легкой пехоты, одного батальона легкой артиллерии, легкоконного полка Поленца, улан принца Клементия и саксонских гусар, подкрепленных австрийскими легкоконными полками Гогенцоллерна и Орелли, тотчас выступил на дорогу из Шерешева в Кобрин и, беспрепятственно перейдя плотину, вышел из леса на равнину в левый фланг россиян. В 10 часов пополуночи пехотнаядивизия генерала Ле-Кока последовала за движением авангарда, а дивизия генерала Функа,

которая после разбития генерала Кленгеля состояла только из одной бригады Сара, остановилась сперва у деревни Поддубе в ожидании прибытия к ней на смену пехотной дивизии генерала Зигенталя, а потом следовала за прочими войсками до входа в лес.

В полдень генерал Тормасов узнал, что Саксонский корпус выходит из леса в тыл его левого фланга. Сие движение, весьма угрожавшее сообщениям россиян, могло иметь самые опасные последствия, почему и требовало скорого противоманевра. Корпус генерала графа Каменского[1] получил приказание сделать перемену фронта левым флангом назад, оставив на высотах против деревни Поддубе только Владимирский пехотный полк и построив полки Тамбовский, Костромской и Днепровский в одну линию против леса, бывшего в левой стороне. Батальон 28-го егерского полка, прикрывавший левый фланг, составил связь между Владимирским полком и правым флангом новой линии, которая прикрыта была еще новыми батареями о 24 орудиях. Стародубовский и Таганрогский драгунские полки стали уступом позади левого фланга. Сии меры только на время остановили неприятеля. Генерал Ренье, постепенно усиливавшийся прибытием его дивизий, все более и более протягивал линию свою вправо, всегда в намерении окрылить левый фланг россиян. Вскоре расположение неприятельское к бою обнаружилось. Саксонский авангард составлял оконечность правого крыла его; по левую сторону оного стояла дивизия генерала Ле-Кока; левее сей последней находилась австрийская бригада Лилиенберга, а еще левее дивизия генерала Функа, которая левым флангом своим примыкала к болоту. Бригада австрийских войск принца Гессен-Гомбургского от дивизии генерала Бьянки вместе с двумя полками австрийской кавалерии остались по ту сторону болота, между деревней Поддубе и Шерешевской дорогой. Дивизия генерала Зигенталя занимала Поддубе. Наконец, дивизия генерала Траутенберга с остатком австрийской кавалерии расположена была при корчме Городечне.

Генерал Тормасов, усмотрев, что неприятель собирает большую часть войск своих на правом фланге и что нельзя было опасаться, чтобы он предпринял что-либо важное со стороны Городечны, решился послать сильные подкрепления к своему левому крылу. Генерал-лейтенант Марков получил приказание идти к оному с Нашебургским, Витебским, Козловским пехотными и 10-м егерским полками, четырьмя эскадронами Татарского уланского полка и шестью орудиями, дабы подкрепить и продолжить левый фланг корпуса графа Каменского. В то же время генерал-адъютант граф Ламберт с Куринским пехотным, 14-м егерским, Александрийским гусарским полками и шестью орудиями послан был еще левее для удерживания оконечности правого неприятельского крыла. Граф Ламберт, следуя к сему крылу, остановлен был превосходным огнем неприятельской батареи о 16 пушках, но как российские стрелки скоро принудили сию батарею к отступлению, то он и занял высоты против правого фланга генерала Ренье 14-м егерским и Александрийским гусарским полками, а Куринский полк отослал к корпусу генерал-лейтенанта Маркова, который между тем построился в две линии на левом фланге корпуса графа Каменского. Промежуток, оставшийся между левым флангом генерала Маркова и правым графа Ламберта, занят был четырьмя эскадронами

[1] По случаю болезни генерала графа Каменского 1-го генерал-майор князь Щербатов принял начальство над его корпусом.

Татарского уланского полка, казаками и калмыками, бывшими при армии. Поскольку обе стороны беспрестанно старались окрылить одна другую, то Павлоградский гусарский полк получил приказание выйти на дорогу из местечка Шерешева в Кобрин, дабы стать еще левее графа Ламберта. Таким образом, для обороны теснины у корчмы Городечны остались только полки Рижский пехотный и Тверской драгунский.

У генерала Ренье недоставало уже войск для большего продолжения его правого фланга, несмотря на то он приказал легкоконным полкам Поленца и Гогенцоллерна идти по дороге из Шерешева в Кобрин в обход левого фланга отряда графа Ламберта. Сие движение не могло быть поддержанным остатком неприятельских войск, сделалось отдельным и, следовательно, слишком отважным. Такая ошибка не осталась без наказания. Оба неприятельских полка, удержанных с лица Павлоградским и атакованные во фланг и в тыл Александрийским гусарскими полками, были изрублены, а кавалеристы, спасшиеся от сего поражения по дороге к Бресту-Литовскому, взяты в плен российской партией, которая под начальством майора Розена наблюдала в той стороне.

Разбитие этих двух полков удостоверило генерала Ренье, что, несмотря на новое подкрепление из двух австрийских гусарских полков, полученное им из арьергарда, он не в силах уже был что-либо предпринять против левого фланга россиян, а потому и вознамерился сбить правое крыло их. Пехотная дивизия генерала Функа двинулась в колоннах к высотам при деревне Поддубе. Нападение оной поддерживаемо было двумя батареями, каждая о шести пушках, и огнем артиллерии дивизии Ле-Кока, равно как и выстрелами австрийских батарей, поставленных у Поддубе, но россияне обороняли позицию свою с такой неустрашимостью, что дивизия Функа принуждена была отступить. Стародубовский драгунский полк, пустившийся преследовать ее, атаковал 2-й легкий полк саксонской пехоты, однако ж сей, построившись в каре, успел отразить его.

Под вечер генерал Ренье приказал дивизии Функа произвести новые усилия. Нападение оной поддержано было пехотным полком Альвинци от бригады Лилиенберга и стрелками дивизии генерала Ле-Кока, и в то время, когда завязался сильный бой на сем пункте, князь Шварценберг послал выше деревни Поддубе через болото, доселе полагаемое непроходимым, один батальон полка Коллоредо от бригады принца Гессен-Гомбургского, который, перейдя болото фронтом, увязая в нем по колено, взлез на противолежащую высоту и взял во фланг россиян, стоявших на оной. Сия неожиданная атака облегчила нападение дивизии генерала Функа, и оная, будучи вскоре усилена вторым батальоном полка Коллоредо, построилась на высотах против деревни Поддубе. Правое крыло россиян на время оттеснено было назад, однако ж, скоро оправившись, в свою очередь, сбило неприятеля и возвратило прежнюю свою позицию. Генерал Тормасов, видя, что неприятель обратил главные усилия свои против сего крыла, приказал генерал-лейтенанту Маркову поддержать оное Нашебургским, Витебским и Козловским пехотными полками и четырьмя эскадронами Татарского уланского полка. В то же время одна колонна саксонских войск, показавшаяся против левого фланга генерал-лейтенанта Маркова, была атакована и опрокинута 10-м егерским полком, выступившим к ней навстречу.

Между тем как сие происходило при деревне Поддубе, австрийская дивизия генерала Траутенберга сделала несколько ложных нападений по большой дороге, из Пружан в Кобрин ведущей, но затруднительность теснины при корчме Городечне

Французская пехота на поле боя. 1812 г.

доставила Рижскому пехотному полку возможность удержаться в своем посту и не дать неприятелю перейти ручей по большой дороге. Наступившая ночь прекратила бой на всех пунктах.

Урон, претерпленный неприятелем в сражении при Городечне, простирался до 5000 человек, выбывших из строя. Россияне потеряли от 3000 до 4000 человек.

Хотя Российская армия с выгодой держалась в сражении 31 июля, однако ж генерал Тормасов счел за нужное воспользоваться ночью для своего отступления. Сия решимость была тем благоразумнее, что неприятель мог бы в ночь подкрепить генерала Ренье остатком австрийских войск и на другой день, поутру, атаковать левое крыло россиян столь превосходными силами, что не осталось бы никакой возможности устоять против оных, а за поражением сего крыла последовала бы погибель и всей армии.

1 августа в 5 часов пополуночи генерал Ренье двинулся вперед для атакования россиян, находившихся уже на полном отступлении по Кобринской дороге. Арьергард их под начальством генерал-адъютанта графа Ламберта, оставленный на месте сражения, накануне происходившего, шаг за шагом отступил к деревне Тевеле, где и сменен был генерал-майором Чаплицем, остановившимся при сей деревне. Правое крыло неприятельской кавалерии, усиленное австрийским Левенера драгунским полком, расположилось было обойти Тевеле в намерении отрезать российский арьергард, однако ж скорое отступление оного испровергнуло сие предприятие. Около часа пополуночи неприятель вступил в город Кобрин, который и был занят австрийской дивизией генерала Бьянки; саксонский корпус стал лагерем по правую, а австрийский — по левую сторону города, за рекой Мухавцем.

Военные люди, со вниманием следовавшие за описанием сражения при корчме Городечне, не откажут отдать справедливость изяществу предначертания, сделанного генералом Ренье. Но исполнение оного было столь ошибочно, что Российская армия, поражение коей казалось несомнительным, успела избегнуть оного, с выгодой удержавшись в своей позиции до самой ночи. Неприятель имел в распоряжения своем 39 батальонов и около 66 эскадронов и, несмотря на то, на решительном пункте, где командовал генерал Ренье, употребил только 18 батальонов и 48 эскадронов, прочие же войска его очень некстати оставлены были на левом берегу ручья при корчме Городечне и деревне Поддубе. Одной пехотной дивизии генерала Траутенберга с восемью эскадронами до-

статочно было бы для наблюдения сих двух теснин, и тогда союзники могли бы усилить генерала Ренье бригадой принца Гессен-Гомбургского, дивизией генерала Зигенталя и эскадронами десятью кавалерий, а генерал Ренье с такой помощью мог бы окрылить левый фланг россиян и атаковать оный с верным успехом. Французский генерал сделал еще ошибку, обнаружив слишком рано намерения свои против левого крыла россиян занятием плотины при деревне Поддубе своими постами. Если б он начал действовать не прежде, как по соединении всех сил своих за Поддубе, то весьма вероятно, что успел бы стать во фланге у россиян прежде прихода корпуса графа Каменского. Еще кажется, что во время самого сражения генерал Ренье слишком упорствовал в намерении своем окрылить россиян. Он должен был заметить, что силы его не позволяли ему сделать сего с безопасностью. Растянувшись через меру вправо, он только что ослабил свою линию, вместо того что, собрав главную громаду войск на левом крыле своем, может быть успел бы он овладеть высотами перед деревней Поддубе, опрокинуть правое крыло россиян и через то утвердить участь сражения в свою пользу.

Мы думаем, что генерал Тормасов сделал ошибку, приняв сражение прежде, нежели соединил все силы свои. Должно упрекать его еще и за то, что пренебрег осмотреть надлежащим образом левую сторону своей позиции, ибо от такового упущения едва не погибла вся его армия[1].

2 августа князь Шварценберг послал генерала Бьянки с двумя бригадами пехоты, двумя батареями артиллерии и 1200 человек кавалерии для преследования россиян, отступавших через местечко Дивин. 3 числа сей авангард учинил нападение на российский арьергард при деревне Новоселках, однако ж не мог одержать над ним никакой поверхности. На другой день имел он столь же мало успеха, и россияне удержались в Дивине. 5-го российский арьергард, оставив сие местечко, отступил к селу Сумарам, не будучи преследуем. Того ж дня генерал Тормасов прибыл в местечко Ратно. Князь Шварценберг также продолжал свое движение: сам он пошел по большой Дивинской дороге, а генерал Ренье сблизился к реке Бугу. 5 числа австрийцы находились у местечка Дивина, а саксонцы — у селения Рудни.

Генерал Тормасов, соединившись с отрядами генерал-майора Чаплица и князя Хованского, снова имел у себя около 28 000 человек, но как неприятель был еще превосходнее его в силах, то, считая неблагоразумным принять новое сражение, он решился отступить за реку Стырь, дабы сблизиться к Дунайской армии, коей скорое прибытие долженствовало привести его в состояние возобновить наступательные действия. От местечка Ратно Российская армия пошла на город Ковель, оставив у Ратно отряд генерал-майора князя Хованского, дабы служил арьергардом. Генерал-майор Чаплиц послан был к местечку Выжве, а генерал-адъютант граф Ламберт — к Туриску для прикрытия движения армии со стороны реки Буга. Генерал-майор Мелиссино отступил из города Пинска и местечка Янова к селу Любашеву. 10 августа князь Шварценберг пришел к Ратно, а 12-го генерал Тормасов прибыл в Ковель. Того же дня граф Ламберт,

[1] *Примечание сочинителя.* Мы признаем, что сказанное нами о сражении при Городечне во всем сходствует с мнением сочинителя записок касательно истории войны между Францией и Россией в 1812 году (Memoires pour servir à l'Histoire de la guerre entre la France et la Russia en 1812, par Guillaume de Vaudoncourt). Примечания на сие сражение суть одна из редких истин, которую с удивлением находишь в сем сочинении, писанном в духе и с правдоподобием пасквиля.

Н. Н. Хованский
(1777–1837)

получивший приказание обозреть неприятеля, приближавшегося к Любомлю, отправился к сему местечку с кавалерией своего отряда и выгнал оттуда саксонский авангард. Пленные уведомили, что главные силы корпуса генерала Ренье находились при селе Кузнищах. В то же время князь Шварценберг был на марше в Шацк, но дивизия генерала Зигенталя осталась у Ратно; один австрийский отряд, следовавший на местечко Выжву, был отбит генерал-майором Чаплицем.

Генерал Тормасов, видя себя, близко преследуемого неприятелем, который, усиливаясь на правом крыле своем, через то показывал намерение обойти левый фланг россиян и отрезать их от Луцка, решился без отлагательства сблизиться к сему городу. Вследствие чего российская Третья армия перешла от Ковеля к Луцку. Генерал-адъютант граф Ламберт также отступил к Луцку через местечки Туриск, Маковичи и Торчин. Генерал-майор Хрущов, находившийся в городе Владимире, отступил двумя колоннами: одной — через село Свинюхи и местечко Радомысл, другой — через местечки Горохов и Берестечко и присоединился к графу Ламберту за рекой Стырем. Генерал-майор Чаплиц перешел от Выжвы через город Ковель к местечку Рожищу. Генерал-майор Мелиссино, прибывший по большой дороге от села Любашева к местечку Колкам, поступил под начальство генерал-майора Чаплица. 7 августа вся Российская армия находилась уже за рекой Стырем. Боевой корпус оной расположился у города Луцка. На левом крыле графу Ламберту поручена была оборона реки Стыря от Луцка до австрийской границы. На правом крыле генерал-майор Чаплиц наблюдал вдоль той же реки от Луцка до местечка Колков. Князь Шварценберг, со своей стороны остановленный необыкновенным полноводием и известием о приближении Дунайской армии адмирала Чичагова, стал перед рекой Стырем. Дивизия генерала Зигенталя осталась у местечка Ратно, главный корпус австрийцев расположился у местечка Киселина, а саксонский корпус — между местечками Локачи и Торчином. Одна бригада польских войск, незадолго пред тем присоединившаяся к корпусу генерала Ренье, стала у города Владимира и местечка Устилуга. В сих положениях обе противные армии оставались до прибытия адмирала Чичагова.

В то время как сие происходило между реками Бугом и Припятью, обе противные стороны взаимно наблюдали себя на нижней Припяти. Мы видели уже в главе IV, что

генерал Домбровский со своей пехотной дивизией отряжен был неприятелем из-под Смоленска на смену кавалерийского корпуса генерала Латур-Мобурга, находившегося перед Бобруйской крепостью, а как 12 эскадронов от сего корпуса должны были остаться при генерале Домбровском, то отряд его и состоял из 15 батальонов и 12 эскадронов с 20 пушками, всего более чем из 12 000 человек. Генерал Домбровский имел приказание обложить Бобруйскую крепость и в то же время наблюдать за российским корпусом генерал-лейтенанта Эртеля. Гарнизон Бобруйской крепости под начальством генерал-майора Игнатьева состоял из 13 слабых резервных батальонов и сотни казаков, в коих было около 5500 человек. Генерал-лейтенант Эртель находился у города Мозыря с корпусом резервных войск, которые по отступлении князя Багратиона за реку Днепр вступили в первую линию для поддержания Бобруйска и прикрытия нижней Волынии. Сей корпус, усиленный еще шестью батальонами 36-й пехотной дивизии, пришедшими из города Заслава, состоял из 17 батальонов пехоты, 14 эскадронов кавалерии, трех донских казачьих полков и 1300 малороссийских казаков; всего более чем из 11 000 человек с 17 пушками.

Ф. Ф. Эртель
(1768–1825)

Генерал Домбровский, оставив четыре батальона пехоты и четыре эскадрона кавалерии для прикрытия города Могилева на Днепре, с остальной пехотой перешел на реку Березину к местечку Свислочи. Кавалерия его под начальством генерала Дзивановского, расположившаяся у села Вильчи, посылала партии свои под самый Мозырь.

Генерал-лейтенант Эртель, узнав, что неприятель намеревался обложить Бобруйскую крепость и для сего учреждал магазины в селениях Глуске, Вильче и Горбачевичах, решился сделать сильный поиск для истребления этих магазинов и прогнания неприятельских партий. Три батальона пехоты и четыре эскадрона кавалерии с малороссийскими казаками оставлены были у города Мозыря. Генерал-майор Запольский с восемью батальонами пехоты и двумя полками донских казаков получил приказание следовать к городу Пинску, занятому небольшим австрийским корпусом под начальством генерала Мора. Сам генерал-лейтенант Эртель с семью батальонами пехоты, 10 эскадронами кавалерии и Донским казачьим полком, перейдя реку Припять 30 августа, взял направление на местечко Глуск. Между тем генерал Домбровский отрядил еще четыре батальона пехоты на подкрепление своего отряда, прикрывавшего город Могилев, коему

угрожал набор ополчения в Малороссии, но взамен того прибыли к нему один путевой полк (regiment de marche) и батальон 33-го легкого полка французской пехоты, коим и приказал он идти к Глуску для подкрепления ротмистра Парадовского, занимавшего это местечко с двумя эскадронами кавалерии и 300 человек выздоровевших солдат, вновь прибывших из Варшавы.

2 сентября в 4 часа пополудни авангард генерал-лейтенанта Эртеля явился перед Глуском и, выгнав оттуда неприятеля, взял у него 80 человек пленных. На другой день россияне опять двинулись вперед к селу Горбачевичам, где ротмистр Парадовский соединился с французским путевым полком и одним батальоном 33-го легкого полка. Генерал Домбровский, оставив два батальона для наблюдения Бобруйска, сам приспел в Горбачевичи с остатком своей пехоты. Дорога, по коей следовали россияне, была проложена через великие леса, представляла длинную теснину, весьма удобную к защите, однако генерал-лейтенант Эртель, построив главные силы своего отряда в одну колонну, с флангов прикрытую стрелками, успел опрокинуть неприятеля после довольно упорного боя, продолжавшегося с 5 часов пополудни до 11 часов вечера. Неприятель потерял 159 человек пленных и сверх того много убитых. Урон с российской стороны состоял только в 77 человеках убитых и 104 раненых. Генерал Домбровский отступил в прежнюю позицию свою у местечка Свислочи. На другой день после сего дела генерал-лейтенант Эртель, истребив неприятельские магазины, взял обратный путь в Мозырь, куда и прибыл 10 числа.

Генерал-майор Запольский также с успехом исполнил данное ему поручение. Прибыв в местечко Логишин близ реки Ясельды и судоходного канала Огинского, узнал он, что мост на сей реке охраняем был австрийским отрядом из нескольких сотен человек с двумя пушками. Он послал против сего поста батальон пехоты с 50 казаками, дабы с лица производить должные нападения, между тем как другой батальон с 200 казаками будет справа обходить оный. Однако неприятель, заблаговременно извещенный об этом, тотчас начал отступать к селу Дубоям. Казаки обоих отрядов, настигнув его при Новом Дворе, отбили у него одну пушку и взяли 95 человек пленных. Генерал Мор, находившийся у Пинска, видя опасность, угрожавшую его левому флангу, оставил сей город и отступил за реку Припять к селу Любашеву, дабы сблизиться к генералу Зигенталю, находившемуся у местечка Ратно. Генерал Запольский занял город Пинск.

Мы уже видели, что с переменой назначения Дунайской армии она получила повеление следовать в Волынию. На сей конец адмирал Чичагов разделил ее на пять корпусов: 1-й корпус под начальством генерала от инфантерии графа Ланжерона составлен был из 12 батальонов пехоты, восьми эскадронов кавалерии и трех казачьих полков с 48 орудиями; 2-й корпус под начальством генерал-лейтенанта Эссена 3-го равномерно состоял из 12 батальонов пехоты, восьми эскадронов кавалерии и трех казачьих полков с 48 орудиями; в 3-м корпусе генерал-лейтенанта Воинова находилось 11 батальонов, 12 эскадронов и три казачьих полка с 48 орудиями; 4-й корпус под начальством генерал-майора Булатова составлен был из шести батальонов, 20 эскадронов и одного казачьего полка с 48 орудиями; 5-й резервный корпус под командой начальника главного штаба армии генерал-лейтенанта Сабанеева состоял из девяти батальонов, восьми эскадронов и одного казачьего полка с 12 орудиями. Все корпуса выступили в поход 12 июля по одной и той же дороге в расстоянии нескольких переходов один позади другого.

Корпус генерал-лейтенанта Воинова открывал марш; за ним следовал корпус генерала Ланжерона; потом корпус генерал-лейтенанта Эссена 3-го, при коем находились главная квартира и резерв; а корпус генерал-майора Булатова шел последним. Отряд под начальством генерал-майора Лидерса, из Нейшлотского пехотного, 27-го и 43-го егерских и Волынского уланского полков состоявший и находившийся еще в Сербии, не мог присоединиться к армии перед ее выступлением, почему и следовал позднее по той же дороге. 13 батальонов пехоты и 19 эскадронов кавалерии оставлены были на реке Дунае для охранения крепостей бессарабских и наблюдения турецкой границы. Главная квартира адмирала Чичагова переведена была 19 июля из города Бухареста в Шендерлиту, 20-го перешла в Могильницу, 22-го — в Уржичени, 23-го — в Моржинени, 24-го — в местечко Бузео, 26-го — в Рымник, 27-го — в Тыргокуколи и 28-го — в город Фокшаны. Здесь принуждены были простоять несколько дней, ибо от необычайных дождей снесены были мосты на реках Путне и Серете. 5 августа Дунайская армия опять поднялась в поход, и главная квартира оной перешла из Фокшан в Текучь, 6-го числа переведена была в Перескиф, 7-го — в город Бырлат, 9-го — в Доколени, 10-го — в город Васлуй, 12-го — в Унцешти, 13-го — в Скинтей, 14-го — в город Яссы, 16-го — в Ларгу, 17-го — в Шипотил, 19-го — в Тодорени, 20-го — в Стефанешти, 21-го — в Воловец, 22-го — в Радауцы, 23-го — в Балькауц, 24-го — в крепость Хотин, 25-го — в Негин, 26-го — в Тинное, 27-го — в город Проскуров, 28-го — в Старый Константинов, 30-го — в Брикуль, 31-го — в Сулжин, 1 сентября — в город Заслав и, наконец, 2-го — в Острог. Того же дня корпус генерал-майора Булатова находился у Заслава, корпус генерала Ланжерона — при городе Дубне, а корпус генерал-лейтенанта Воинова, прибыв к селу Хрынникам на реке Стыре, сменил войска армии генерала Тормасова, которые и сблизились к городу Луцку. Таким образом, совершилось соединение обеих армий.

3 сентября генерал-майор Булатов прибыл к городу Острогу, адмирал Чичагов с корпусом генерал-лейтенанта Эссена и резервом — к селу Гульче. 4 числа Булатов перешел к Гульче, а адмирал — к городу Дубне, где присоединились к нему 12-й егерский и Саратовский пехотный полки, составлявшие часть 13-й пехотной дивизии, употребленной в Крыму и в окрестностях Одессы. Эти четыре батальона поступили в состав резерва.

5 числа князь Шварценберг, все еще занимавший прежнее положение свое в окрестностях местечка Киселина и Торчина и не имевший довольно верных известий о прибытии Дунайской армии, сделал сильное обозрение вдоль реки Стыря от города Луцка до местечка Берестечка. А как сие обозрение удостоверило его, что соединение обеих российских армий уже воспоследовало, то, рассудив, что российские генералы скоро начнут действовать наступательно, и находя себя недовольно сильным, чтобы с успехом противостоять им, он приготовился к отступлению. Того же дня генерал-майор Булатов прибыл к Дубне, а граф Ланжерон подвинулся к местечку Ленчне. 6 числа поставлены были мосты на реке Стырь при селениях Красном, Хрынниках и Берестечке. 7-го адмирал Чичагов прибыл к селению Толпыжину, граф Ланжерон — к Хрынникам, а генерал-майор Булатов — к местечку Козину. 8-го сей последний, придя на реку Стырь, остановился у Берестечка.

Генерал-адъютант граф Ламберт, извещенный легкими войсками своими, что один австрийский драгунский полк находился при селе Чарукове без всякого подкрепления,

вознамерился сделать покушение схватить оный. В ночь с 7 на 8 сентября перешел он реку Стырь у селения Красного с 10 эскадронами и небольшим числом казаков и следовал к Чарукову, имея впереди себя 15 человек улан Татарского полка, говоривших по-немецки и переодетых в австрийский драгунский мундир, дабы обмануть неприятельские передовые посты. Приближаясь к Чарукову, граф Ламберт увидел неприятельские биваки при селе Несвиже. Длина линии неприятельской показывала, что он был сильнее, нежели полагали, однако граф Ламберт, надеясь на действие внезапного нападения, нимало не поколебался. Он послал прямо к Несвижу один эскадрон с сотней казаков, а сам с остатком отряда продолжал движение свое через Чаруков в намерении обойти неприятельский лагерь. Польский пикет, встреченный близ Чарукова, обманутый переодеванием мнимых драгун, был схвачен без сопротивления, но как один выстрел из пистолета, сделанный при сем случае, мог возбудить внимание неприятеля, то граф Ламберт и поспешил нападением. Четыре эскадрона оставлены были в резерве при Чарукове, а прочие пять эскадронов большой рысью пустились в правый фланг неприятельского лагеря. Приближаясь к оному, встретились они с одним неприятельским эскадроном, который покусился было остановить их, но штаб-ротмистр Ильяшевич, бросившись на него с одним эскадроном александровских гусар, опрокинул и гнал его до самого лагеря, в коем распространил ужас. Силы неприятельские состояли из шести эскадронов австрийских драгун, двух эскадронов саксонских гусар, трех эскадронов варшавских улан и трех эскадронов Варшавского ополчения. Все эти 14 эскадронов, объятые страхом, обратились в бегство, оставив в добычу храброму штабс-ротмистру Ильяшевичу три штандарта и 310 человек пленных. По окончании сего поиска граф Ламберт возвратился за реку Стырь к селению Красному.

Поскольку соединение Дунайской армии с Третьей армией доставило россиянам громаду более чем из 60 000 человек, то оба главнокомандующих вознамерились без отлагательства идти на неприятеля, коего силы могли простираться почти до 43 000 человек, в том числе 26 000 австрийцев, 12 000 саксонцев и 5000 поляков. На сей конец положено было, чтобы обеим армиям перейти 10 сентября реку Стырь и взять направление к реке Турье. Армия генерала Тормасова, составлявшая правое крыло, должна была двигаться медленнее Дунайской армии, дабы дать ей время сделать перемену фронта левым флангом вперед и посредством сего движения, войдя в линию с Третьей армией, стать лицом к местечку Любомлю. Цель сего маневра состояла в том, чтобы, стеснив правое крыло неприятеля, стараться загнать его в Гродненскую губернию и через это лишить прямого сообщения с Варшавой, откуда полагали, что он должен был получить новые подкрепления.

10 сентября в 4 часа пополуночи вся Дунайская армия пришла в движение. Корпус генерал-майора Булатова, перейдя реку Стырь у Берестечка, следовал вдоль австрийской границы к местечку Друшкополю. Корпус генерала Ланжерона, перейдя реку при селе Толпыжине, прибыл к местечку Горохову. Авангард под начальством генерал-майора графа Орурка, составленный из шести батальонов, восьми эскадронов и двух казачьих полков с 12 орудиями конной артиллерии[1], перейдя реку Стырь у Хрынников,

[1] Из полков 8-го и 39-го егерских, Саратовского пехотного, Белорусского гусарского, Грекова 4-го и Пантелеева 2-го казачьих с конной ротой № 15.

подвинулся к селению Жуковцу. Корпуса генерал-лейтенантов Эссена 3-го, Воинова и резерв также переправились у Хрынников: первые два остановились у села Блудова, а резерв — при Скурче, куда переведена была и главная квартира. Авангард Третьей армии, равномерно перешедший реку Стырь, расположился при деревне Полонной. Неприятель, не сделав никакого сопротивления, начал отступать на всех пунктах в направлении к местечку Любомлю.

11 числа Дунайская армия продолжала свое движение. Авангард графа Орурка, за коим следовали корпуса генерал-лейтенантов Воинова, Эссена и резерв один за другим, взял направление чрез селения Варшин и Роговицу на Марковичи. В полдень граф Орурк, прибыв к Марковичам, встретил при данном селении небольшой отряд неприятельской кавалерии позади болотистого ручья, переход коего защищаем был польскими стрелками. Однако по приближении россиян сей отряд тотчас отступил к главным силам польской бригады генерала Красинского, стоявшей при местечке Павловичах, оставив только небольшое число стрелков в местечке Локачах и деревне Черковичах. Граф Орурк, приказав починить мост при Марковичах, перешел ручей и следовал к Павловичам, отрядив 39-й егерский полк к Черковичам для прикрытия своего левого фланга. С тем же намерением и генерал-лейтенант Воинов отрядил 3-й Уральский казачий полк к местечку Локачам. Российский авангард встретил неприятеля на дороге в Павловичи наравне с деревней Черковичами. После маловажной сшибки поляки отступили к позиции своей позади Павловичей, где и построились в боевой порядок. В то же время стрелки их оставили Локачи и Черковичи. Авангард и корпус Воинова расположились на высотах перед Павловичами, и канонада, с обеих сторон открывшаяся, продолжалась до самой ночи. Неприятель, пользуясь темнотой, отступил к местечку Киселину. Авангард и корпус генерал-лейтенанта Воинова ночевали при Павловичах; корпус генерал-лейтенанта Эссена и резерв — при Марковичах. Корпус генерала Ланжерона, под вечер прибывший к Локачам, остался у сего местечка. Корпус генерал-майора Булатова дошел до местечка Порецка.

12 сентября авангард графа Ламберта подвинулся к селу Маковичам; один из его отрядов под начальством полковника князя Мадатова подошел под самый Туриск. Корпус графа Каменского прибыл к селению Богушевке, а корпус генерал-лейтенанта Маркова вместе с главной квартирой генерала Тормасова — к местечку Торчину. Авангард генерал-майора графа Орурка прошел за село Уймицу. Корпуса генерал-лейтенантов Эссена, Воинова и резерв расположились при местечке Павловичах, куда адмирал Чичагов перевел и главную квартиру свою. Корпус генерал-майора Булатова вступил в город Владимир-Волынский.

13 числа все корпуса обеих армий имели роздых, кроме корпуса генерал-майора Булатова, который подвинулся к местечку Устилугу.

14-го генерал-адъютант граф Ламберт пришел к местечку Туриску; корпус графа Каменского остановился у села Дроздина, а корпус Маркова — у местечка Киселина. Адмирал Чичагов с корпусами Ланжерона, Эссена, Воинова и резервом прибыл к местечку Озютичам. Корпус Булатова подвинулся к местечку Корытнице. Неприятель, сосредоточивший силы свои при местечке Туриск за рекой Турией, показывал сперва намерение держаться в сей позиции, однако 14 числа, оставив берега реки, начал отступать к местечку Любомлю.

К. О. де Ламберт
(1772–1843)

15 сентября корпус графа Каменского прибыл к деревне Грушевке, а корпус Маркова — к селу Радовичам. Граф Ламберт занялся восстановлением моста при Турискe, истребленного неприятелем. Адмирал Чичагов с главными силами своей армии пришел к селу Боблю; граф Орурк — к селению Мокрицам, а корпус Булатова подвинулся к Ставкам. 16 числа обе российские армии перешли реку Турию; Третья армия — у местечка Туриска, авангард графа Орурка и корпус Эссена — при селе Туричанах, а корпуса Воинова, Ланжерона и резерв — у села Ягодного. Авангард графа Ламберта дошел до села Хворостова; генерал Тормасов со своей армией остался у Туриска; авангард графа Орурка подвинулся к селению Цмыкову. Корпуса Эссена, Воинова, Ланжерона, Булатова и резерв соединились при местечке Олеске.

Адмирал Чичагов, узнав, что неприятель сосредоточивался у местечка Любомля и что его передовые посты находились еще в селении Радихов, усилил авангард генерал-майора графа Орурка Дерптским драгунским и одним казачьим полками и дал ему приказание 17 числа рано по утру идти к Любомлю для очищения от неприятеля дороги, по коей должна была следовать армия. Граф Орурк выступил в три часа пополуночи со всей кавалерией своей и двумя пушками к Радихову. Австрийский пост, занимавший это селение, был разбит, и российский авангард, продолжая движение свое, прибыл к Любомлю, где и нашелся в виду главных сил князя Шварценберга. Глубокий канал, в две сажени шириной, прикрывал позицию неприятеля. Австрийцы составляли левое крыло при местечке Любомле, а саксонцы — правое при деревне Куцурах. Корпуса генералов Ланжерона, Воинова, Булатова и резерв, следовавшие близко за авангардом, прибыли также к Любомлю в 11 часов пополуночи и расположились впереди и по левую сторону села Вишнева. Корпус генерал-лейтенанта Эссена 3-го оставлен был у селения Радихова. Адмирал Чичагов по предварительном обозрении неприятельской позиции вознамерился сделать покушение вытеснить его из оной, для чего и приказал пионерам, при армии находившимся, построить мосты чрез канал под прикрытием огня российских батарей и стрелков, рассыпавшихся вдоль оного. Однако неприятель сильным сопротивлением своим уничтожил это намерение. Всё ограничилось одной пушечной пальбой, которая и продолжалась до самой ночи. Под вечер армия генерала Тормасова также показалась перед местечком Любомлем. Авангард графа Ламберта, еще

в 11 часов утра соединившийся с войсками адмирала Чичагова, назначен был действовать с правого фланга через деревню Скибы на Городно, которым селением он и овладел при наступлении ночи. Адмирал Чичагов, узнав от жителей Вишнева, что неприятель переходит реку Буг при деревне Бережцах, послал туда корпус генерал-лейтенанта Эссена. Дорогой сей генерал открыл, что деревня Теребейка занята была сильным неприятельским отрядом, почему и оставил при Рымачах один драгунский эскадрон для наблюдения за оным. Прибыв к Бережцам, генерал Эссен уведомил адмирала, что не нашел там неприятеля и что генерал Красинский со своей бригадой уже два дня назад перешел Буг в сем месте.

А. Ф. де Ланжерон (1763–1831)

Князь Шварценберг, видя себя окрыленным справа корпусом генерал-лейтенанта Эссена, а слева — авангардом генерал-адъютанта графа Ламберта и к тому еще не имея намерения вступать в генеральное сражение, когда армия его ослаблена была отступлением бригады генерала Красинского, дивизии Зигенталя и отряда генерала Мора, еще не присоединившимися к нему, решился продолжать свое отступление. В ночь с 17 на 18 сентября Австрийско-Саксонская армия, оставив позиции при местечке Любомле, отступила чрез село Ровно и Опалин к предмостному укреплению, построенному у местечка Влодавы, где и перешла 19 числа за реку Буг. На отступлении, произведенном ею от берегов реки Турии до Буга, будучи тревожима легкими войсками россиян, потеряла она около 2000 человек убитых и раненых и более 500 пленных.

Адмирал Чичагов, не имея еще сведения об отступлении неприятельском, сделал распоряжения к атакованию любомльской позиции 18 числа поутру. Корпуса генералов Эссена и Ланжерона, соединившись перед деревней Теребейкой, должны были обойти правый фланг неприятеля; авангарду генерал-майора графа Орурка и корпусу генерал-лейтенанта Воинова назначено было силой переправляться чрез канал при деревне Куцурах, в то время как корпус генерал-майора Булатова будет то же самое производить перед местечком Любомлем, а корпуса Третьей армии получили приказание атаковать левое крыло неприятеля. 18 числа на рассвете российские войска пришли в движение для приведения в действие сего предначертания, но как с передовых постов получено было донесение, что неприятель оставил позицию свою при Любомле, то россияне и перешли канал без всякого препятствия. Корпуса генералов Ланжерона, Воинова,

Булатова и резерв остались у местечка Любомля; авангард графа Орурка подвинулся к селу Ровно. Генерал-лейтенант Эссен получил приказание преследовать неприятеля к местечку Влодаве с корпусом своим, усиленным еще двумя казачьими полками и ротой батарейной артиллерии[1].

Генерал-майор Ланской получил то же назначение с отрядом, составленным из одного гусарского и двух казачьих полков с шестью орудиями конной артиллерии[2].

Оба означенных генерала дошли до местечка Опалина; Третья армия подвинулась к селению Кузнищам, а авангард генерал-адъютанта Градо Ламберта — к деревне Переспе. 19 сентября адмирал Чичагов с главными силами своей армии дневал у Любомля. Генерал-майор Ланской, составлявший авангард корпуса генерал-лейтенанта Эссена, настиг саксонский арьергард при деревне Ольшанке. По приближении россиян неприятель начал отступать, частью переправившись за Буг и частью следуя вниз по правому берегу сей речки. Наступившая темнота воспрепятствовала россиянам преследовать его. Третья армия пришла к деревне Подгорянам; авангард оной — к Шацку.

Здесь прервем мы описание действий Третьей и Дунайской армий, которые в это время переменили свое направление. 17 сентября флигель-адъютант Его Императорского Величества полковник Чернышев привез к адмиралу Чичагову повеление от государя императора и фельдмаршала князя Кутузова, по силе коих адмирал принял главное начальство над обеими соседними армиями и действиями оных должен был располагать по новому предначертанию, к нему доставленному. Генерал от кавалерии Тормасов отозван был к главной армии для замещения князя Багратиона.

Мы видели здесь, что если россияне не могли еще одержать большой поверхности над неприятелем в левой части своего обширного театра войны: то по крайней мере успели удержать его в то опасное время, которое предшествовало прибытию Дунайской армии. Генерал Тормасов, сначала предпринявший действовать наступательно, в той только уверенности, что неприятель был слабее его в силах, достоин похвалы за то, что переменил свою систему, коль скоро соединение князя Шварценберга с генералом Ренье обратило все виды к успеху в пользу австро-саксонцев. Будучи уверен в том, что в скором времени получит сильные подкрепления, он поступил благоразумно, уклоняясь от великого сражения до прихода сих подкреплений. Князь Шварценберг, напротив того, должен бы был действовать решительнее. Надлежит заметить, что 31 июля в день сражения при корчме Городечне главные силы Дунайской армии находились еще в Валахии у города Фокшан, по ту сторону реки Серета; следовательно, австро-саксонцы не могли еще опасаться содействия сей армии и, живо преследуя Третью российскую армию, должны были надеяться нанести ей великий урон на продолжительном отступлении, которое она была бы принуждена произвести чрез города Луцк, Дубно, Острог и Заслав к Старому Константинову. Впрочем, нельзя судить о делах генерала, подчиненного вышней власти с такой строгостью, как о главнокомандующем, который действует по собственной воле и благоусмотрению. Может быть, князь Шварценберг имел повеление не переходить за реку Стырь и не слишком углубляться в Волынию.

---

[1] *Примечание переводчика.* Донским Мельникова 4-го, 4-м Уральским и батарейной ротой № 38.

[2] *Примечание переводчика.* Из полков Белорусского гусарского, Луковкина и Грекова 4-го казачьих и шести орудий конной роты № 14.

Изъяснение к плану битвы при селе Бородине

между Российской армией под начальством генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова и Французской армией под личным предводительством императора Наполеона 26 августа 1812 года

Расположение Российской армии 25 августа
Отдельный корпус левого крыла

1	3-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Коновницына	3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го, на старой Смоленской дороге
2	1-я гренадерская дивизия генерал-майора графа Строганова	
3	Московское и Смоленское ополчения под начальством генерал-лейтенанта Маркова	
4	Шесть казачьих полков под начальством генерал-майора Карпова	
5	Четыре егерских полка под начальством генерал-майора князя Шаховского, занимающие деревню Утицу и кустарники	

Левое крыло

6	Сводная гренадерская дивизия генерал-майора графа Воронцова, занимающая три флеши при деревне Семеновской	Под начальством генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го
7	27-я пехотная дивизия генерал-майора Неверовского	
8	2-я гренадерская дивизия генерал-майора принца Мекленбургского Карла	От 8-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Бородина 1-го
9	2-я кирасирская дивизия генерал-майора барона Дуки	
10	12-я пехотная дивизия генерал-адъютанта Васильчикова	
11	4-й кавалерийский корпус генерал-майора графа Сиверса	
12	Пять рот резервной конной артиллерии	
13	Егерские полки, занимающие кустарник и овраг впереди 7-го пехотного корпуса	

Центр

14	24-я пехотная дивизия генерал-майора Лихачева	6-й пехотный корпус генерала от инфантерии Дохтурова
15	7-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Капцевича	
16	3-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа	
17	Лейб-гвардии егерский полк, занимающий село Бородино	
18	Большой люнет с 18 орудиями перед центром позиции россиян	
19	Две укрепленные батареи при деревне Горках	
20	Егерские полки, расположенные вдоль речки Колочи между селом Бородином и деревней Горками	

Правое крыло

21	23-я пехотная дивизия генерал-майора Бахметева 1-го	4-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова
22	11-я пехотная дивизия генерал-майора Бахметева 2-го	
23	2-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа	
24	17-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Олсуфьева	2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Багговута
25	4-я пехотная дивизия генерал-майора принца Евгения Виртембергского	
26	Егерская бригада полковника Потемкина в лесу за правым флангом армии	
27	Егерские полки, стоящие вдоль речки Колочи	
28	Казаки, наблюдающие вдоль той же речки	
29	1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Уварова	
30	Казачьи полки под начальством войскового атамана генерала от кавалерии Платова	

Резерв

31	Сводная гренадерская бригада	5-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Лаврова
32	Гвардейская пехотная дивизия	
33	1-я кирасирская дивизия генерал-майора Бороздина 2-го	
34	Главный артиллерийский резерв из 15 пеших рот или 180 орудий	

Правым крылом и центром командовал генерал от инфантерии Барклай де Толли, а под ним правым крылом — генерал от инфантерии Милорадович, и центром — генерал от инфантерии Дохтуров. Левым крылом командовал генерал от инфантерии князь Багратион.

Резерв состоял под непосредственным начальством главнокомандующего, а главная квартира его находилась в сельце Татаринове.

Российская армия состояла из 179 батальонов пехоты, 164 эскадронов кавалерии, 55 рот артиллерии, 20 казачьих полков и 10 000 человек Московского и Смоленского ополчений; всего из 132 000 человек, в том числе 115 000 регулярных войск с 640орудиями.

Расположение Французской армии
25 августа

1	1-й резервный кавалерийский корпус генерала Нансути	Главный кавалерийский резерв, под начальством короля Неаполитанского
2	2-й резервный кавалерийский корпус генерала Монбрюна	
3	3-й резервный кавалерийский корпус генерала Груши	
4	4-й резервный кавалерийский корпус генерала Латур-Мобурга	

5	Редут, оставленный россиянами после боя, происходившего 24 августа	
6	16-я пехотная дивизия генерала Зайончека	5-й корпус генерала князя Понятовского, из Польских войск
7	18-я пехотная дивизия генерала Княжевича	
8	Кавалерийская дивизия генерала Себастьяни	
9	5-я пехотная дивизя генерала Компана	1-й корпус маршала Даву
10	2-я пехотная дивизия генерала Фриана	
11	1-я пехотная дивизия генерала Морана	
12	3-я пехотная дивизия генерала Жерара	
13	4-я пехотная дивизия генерала Дессе	
14	Кавалерийская дивизия генерала Жирардена	
15	14-я пехотная дивизия генерала Брусье	4-й корпус вице-короля Итальянского
16	13-я пехотная дивизия генерала Дельзона	
17	Итальянская пешая и конная гвардия	
18	Легкая кавалерийская дивизия генерала Орнано	
19	Дивизия старой гвардии генерала Дорсеня	Резерв, под начальством маршалов Лефевра, Мортье и Бесьера
20	1-я дивизия молодой гвардии генерала Кюриаля	
21	2-я дивизия молодой гвардии генерала Делаборда	
22	Легион Вислы генерала Клапареда	
23	Гвардейская кавалерия генерала Вальтера	
24	10-я пехотная дивизия генерала Ледрю	3-й корпус маршала Нея
25	11-я пехотная дивизия генерала Разу	
26	25-я пехотная дивизия генерала Маршана	
27	Кавалерийская дивизия генерала Вельварта	
28	23-я пехотная дивизия генерала Тарро	8–1 корпус генерала Жюно, из Вестфальских войск
29	24-я пехотная дивизия генерала Окса	
30	Кавалерийская бригада генерала Шабера	
31	Батареи, построенные французами на их правом крыле	
32	Батареи, ими же построенные на левом крыле	

Главная квартира императора Наполеона находилась в деревне Валуевой.

Французская армия состояла из 265 батальонов пехоты, 308 эскадронов кавалерии и до 1000 орудий артиллерии; всего из 190 000 человек под ружьем.

Расположение Российской армии среди сражения

1	Казачьи полки генерал-майора Карпова	
2	С.-Петербургский	Полки 1-й гренадерской дивизии
3	Екатеринославский	
4	Лейб-гренадерский и графа Аракчеева	
5	Павловский	
6	Таврический	
7	Московское ополчение	
8	Четыре егерских полка генерал-майора князя Шаховского	

9	Вильманстрандский и Белозерский	Полки 17-й пехотной дивизии
10	Рязанский и Брестский	
11	Минский и Кременчутский	Полки 40-й пехотной дивизии
12	Тобольский и Волынский	
13	2-я кирасирская дивизия	
14	Лейб-кирасирские Его и Ее Величеств и Астраханский полки от 1-й кирасирской дивизии	
15	Харьковский, Черниговский и Киевский драгунские	Полки 4-го кавалерийского корпуса
16	Новороссийский драгунский, Ахтырский гусарский и Литовский уланский	
17	2-я гренадерская дивизия, занимающая флеши при деревне Семеновской	
18	Лейб-гвардии Измайловский и Литовский полки	5-го пехотного корпуса
19	27-я пехотная дивизия	Выведенные из боя
20	Сводная гренадерская дивизия генерал-майора графа Воронцова	
21	3-я пехотная дивизия	
22	Сводная гренадерская бригада	5-го пехотного корпуса
23	Лейб-гвардии полки Преображенский, Семеновский и Финляндский	
24	12-я пехотная дивизия	7-го пехотного корпуса
25	26-я пехотная дивизия, выведенная из боя	
26	24-я пехотная дивизия	6-го пехотного корпуса
27	7-я пехотная дивизия	
28	23-я пехотная дивизия	4-го пехотного корпуса
29	11-я пехотная дивизия	
30	3-й кавалерийский корпус	
31	2-й кавалерийский корпус	
32	1-й кирасирской дивизии полки Кавалергардский и лейб-гвардии Конный	
33	Егерские полки	
34	1-й кавалерийский корпус с частью казаков	
35	Казачьи полки генерала Платова	

Расположение Французской армии среди сражения

1	Пехотная дивизия генерала Заиончека	Корпус князя Понятовского
2	Пехотная дивизия генерала Княжевича	
3	Кавалерийская дивизия генерала Себастьяни	
4	Батарея о 40 орудиях	
5	Пехотная дивизия генерала Тарро	Корпус генерала Жюно
6	Пехотная дивизия генерала Окса	
7	Кавалерийская бригада	

8	Пехотная дивизия генерала Дессе	Под начальством маршала Даву
9	Пехотная дивизия генерала Компана	
10	Пехотная дивизия генерала Фриана, выведенная из боя	
11	Пехотная дивизия генерала Ледрю	Корпус маршала Нея
12	Пехотная дивизия генерала Разу	
13	Пехотная дивизия генерала Маршана	
14	Кавалерия от корпусов маршалов Даву и Нея	
15	Пехотная дивизия генерала Жерара	Под начальством вице-короля Итальянского
16	Пехотная дивизия генерала Морана	
17	Пехотная дивизия генерала Брусье	
18	Итальянская пешая и конная гвардия	
19	Пехотная дивизия генерала Дельзона	
20	Кавалерийская дивизия генерала Орнано	
21	3-й кавалерийский корпус генерала Груши	
22	2-й кавалерийский корпус генерала Монбрюна	Под начальством короля Неаполитанского
23	4-й кавалерийский корпус генерала Латур-Мобурга	
24	1-й кавалерийский корпус генерала Нансути	
25	1-я дивизия молодой гвардии	Резерв под личным распоряжением Наполеона
26	2-я дивизия молодой гвардии	
27	Легион Вислы	
28	Дивизия старой гвардии	
29	Гвардейская кавалерия	

Нападение, произведенное поляками в левый фланг российской 1-й гренадерской дивизии, С.-Петербургский и Екатеринославский полки (36), вовремя подкрепленные лейб-гренадерским и графа Аракчеева полками (37), удержали стремление неприятеля. Павловский полк (38), ударив в штыки, опрокинул неприятельскую колонну, овладевшую высотой, и батальон Белозерского полка (39), взяв ее во фланг, совсем рассыпал оную. После сего неудачного нападения неприятель отступил на дальний пушечный выстрел, а 1-я гренадерская дивизия опять заняла прежнее свое положение.

40. — Движение, произведенное российским 1-м кавалерийским корпусом против неприятельской кавалерийской дивизии генерала Орнано и которая прогнана была за речку Войну. Российская кавалерия, удержанная неприятельской пехотной дивизией генерала Дельзона I и итальянской пешей гвардией, построившимися в каре, отступила в (41), где и стояла до наступления ночи.

Положение Российской армии после сражения

I. Четыре егерских полка полковника Потемкина.
II. 6-й пехотный корпус.
III. 4-й пехотный корпус.
IV. 7-й пехотный корпус.
V. 8-й пехотный корпус.

VI. 2-й пехотный корпус.
VII. 3-й пехотный корпус.
VIII. 1-й кавалерийский корпус.
IX. 2-й кавалерийский корпус.
X. 3-й кавалерийский корпус.
XI. 4-й кавалерийский корпус.
XII. 5-й пехотный корпус.
XIII. 1-я и 2-я кирасирские дивизии.
XIV. Казачьи полки генерала Платова.
XV. Казачьи полки генерал-майора Карпова.
XVI. Московское и Смоленское ополчения.

Французская армия отступила в позицию, на которой находилась в начале сражения, занимая передовыми постами своими село Бородино, деревню Утицу и кустарники, лежащие перед фронтом Российской армии.

Часть III

Глава VIII

Состояние армий во время пребывания Наполеона в Москве, а россиян – при селе Тарутине. – Российские партизаны. – Распространение народного духа в России. – Предначертание действий, сделанное императором Александром. – Россияне берут город Верею. – Бой при речке Чернишне. – Неприятель оставляет Москву. – Бой в городе Малом Ярославце. – Россияне отступают в направлении Калуги, а французы – к Можайску. – Движения россиян в окрестностях города Медыни.

Описав происшествия, ознаменовавшие первые три месяца войны, хотя славной, но доселе несчастной для россиян, теперь достигли мы эпохи, достопамятной в летописях мира. Падение могущества, в продолжение двенадцати лет порабощавшего Европу воле своей, есть зрелище, достойное общего внимания. Твердость императора Александра, храбрость его войск и усердие подданных приготовили наконец сей спасительный перелом, которого устрашенные народы ожидали более с нетерпением, нежели с надеждой. С первым заревом пылающей Москвы счастие Наполеона начало уже затмеваться, однако ж он все еще оставался повелителем Европы и с сильной армией находился в столице и среди владений единого народа, осилившегося порабощение твердой земли делать еще сомнительным. Но грозные тучи собирались уже над главой Наполеона, между тем как небосклон России, начинавший проясняться, предвещал зарю ее освобождения и славы.

Занятие неприятелем Москвы и губерний Белостокской, Гродненской, Виленской, Курляндской, Минской, Витебской, Могилевской и части Смоленской, конечно, было истинным бедствием для России, но не могло иметь решительного влияния на общий успех войны, доколе армии российские находились еще в грозном положении. Главная армия по прибытии к селу Тарутину опять приняла сие положение, восстановив войска свои, уцелевшие от битвы Бородинской, и заняв позицию, долженствовавшую привести неприятеля в опасение о собственных его сообщениях. Содействующие ей второстепенные армии находились в столь же выгодном положении; правда, что корпус графа Витгенштейна по малочисленности своей не в состоянии был вытеснить из Полоцка армию генерала Сент-Сира, однако ж, расположась за речкой Дриссой, по крайней мере он противопоставлял оплот, который, удерживая неприятеля, не позволял ему распространиться далее Полоцка. С другой стороны, соединение Дунайской армии с Третьей армией генерала Тормасова доставляло россиянам решительную поверхность над неприятелем в части театра войны, прилежащей к реке Западному Бугу, и корпуса, состоявшие под начальством князя Шварценберга, не могли с успехом противостоять наступательным действиям адмирала Чичагова.

Д. С. Давыдов
(1784–1839)

Тарутинский лагерь, сделавшийся убежищем свободы Европы, представлял разительное зрелище многочисленного сонма защитников отечества, чуждых уныния и одушевленных общественным духом, который еще более возвысился от несчастий, до того претерпенных, ибо оные во всех сердцах возбудили желание отомстить неприятелю.

Армия, опершись на Калугу, получала продовольствие из магазинов сего города, с удобностью наполняемых пособием плодороднейших полуденных губерний. Купцы главнейших городов государства, съехавшись в лагерь, открыли в нем богатые торжища, на коих и офицеры, и солдаты могли получать все, потребное для них, за сходную цену. Одним словом, в сем лагере, по справедливости знаменитом, все дышало порядком и изобилием, неоцененным плодом строго соблюдаемой дисциплины. Фельдмаршал князь Кутузов воспользовался временным прекращением главных военных действий, чтобы дать отдых войскам, с самого открытия похода беспрерывно производившим крайне утомительные движения, и обучить ополчение и рекрутов, прибывших на подкрепление к армии[1].

Но если Главная российская армия оставалась в бездействии, то неприятель не менее того обеспокоиваем был малой войной, с неутомимой деятельностью против него производимой многочисленными партизанскими отрядами, которые посланы были на разные дороги, к Москве ведущие, особенно со стороны Смоленска. Первая мысль употребить сей способ войны, польза коего уже доказана была примером Испании, принадлежит подполковнику Денису Давыдову. Сей отличный офицер справедливо заключил, что в земле, где неприязненное расположение поселян к врагам отечества не подвержено было сомнению, действия партизан долженствовали быть весьма важными. Даже можно было надеяться на большие последствия, нежели в Испании,

[1] *Примечание переводчика.* 28 сентября прибыл к армии с генерал-майором князем Щербатовым Тульский 10-эскадронный казачий полк, который и причислен к 1-му кавалерийскому корпусу. Генерал-майор князь Урусов привел в Тулу пять полков пехоты, назначенных для пополнения армии. Кроме того, в течение первых восьми дней пребывания армии в Тарутинском лагере полки укомплектовались восемью тысячами человек пехоты, снабженными полной амуницей и совсем новой одеждой, которых привел генерал-майор Русанов. Независимо от всех вышеупомянутых подкреплений ежедневно прибывали к армии из госпиталей выздоравливающие от ран и болезней, через чего оная, видимо, усиливалась.

ибо французы, находясь в сем королевстве, сохраняли более сообщений со своей землей, нежели углубясь внутрь России, где Наполеон имел путем действий одну только большую дорогу из Смоленска в Москву, следовательно, от пресечения сей дороги долженствовали произойти и следствия, тем гибельнейшие для неприятеля. К тому ж если испанские гверилласы (ратники), состоявшие только из вооруженных поселян, действовали с успехом, то чего ж должно было ожидать от партий, составленных из регулярных войск или из того воинственного и неутомимого ополчения, которое берега Дона доставляют российским армиям и которое по устройству и обычаям своим столь удивительно сродно к сему способу войны. Убеждаясь сими причинами, подполковник Давыдов за несколько дней до битвы Бородинской просил генерала князя Багратиона, дабы поручил ему легкий отряд для действия в тылу неприятеля. Просьба его была уважена, и в распоряжение его отдано 50 человек гусар и 80 казаков. Несмотря на слабость сего отряда, подполковник Давыдов не замедлил оправдать доверенность, оказанную ему начальством. Приняв город Юхнов за опору действий, он делал набеги партиями своими на дорогу из города Гжатска в Вязьму и разбивал идущие по ней неприятельские подвозы и отдельные отряды. Успехи, им одержанные, обратив на себя внимание фельдмаршала князя Кутузова, побудили его сделать обширнейшее приспособление сего рода войны, а как положение Главной российской армии на старой Калужской дороге весьма облегчало распространение оной, то подполковник Давыдов получил подкрепление, и новые партизанские отряды, в каждом от 500 до 1000 человек легкой кавалерии с несколькими орудиями конной артиллерии, выступили в поле. К сожалению, предначертание, принятое нами для сего сочинения, не позволяет подробно описывать действия сих легких отрядов, которые под начальством достойных офицеров, каковы генерал-майор Дорохов, полковники Ефремов и князь Кудашев, гвардии капитан Сеславин и капитан Фигнер, ревновали в усердии и деятельности с отрядом подполковника Давыдова[1]. Генерал-адъютант барон Винцингероде равномерно составил два партизанских отряда под начальством полковника Бенкендорфа и майора Пренделя, которые обеспокоивали сообщения неприятельские по левую сторону дороги, ведущей из Смоленска в Москву[2]. Неприязненное расположение поселян к французам споспе-

[1] *Примечание переводчика.* По прибытии в Тарутинский лагерь фельдмаршал князь Кутузов, не желая оставаться в бездействии против неприятеля, который уже с первых дней пребывания своего в Москве начал нуждаться в продовольствии, вознамерился отнять у него последние к тому способы и произвести народную войну в краю, неприятелем занимаемом. На сей конец составлены были вышеупомянутые партизанские отряды, которым дано было следующее главное направление: подполковник Давыдов действовал между городами Дорогобужем, Вязьмой и Гжатью; генерал-майор Дорохов — между Гжатью и Можайском; полковник князь Вадбольский, под его начальством состоявший, делал разъезды между Можайском, Вереей и селом Ожиговым, что на большой Боровской дороге; гвардейской артиллерии капитан Сеславин обще с капитаном артиллерии Фигнером действовали на дорогах Звенигородской, Можайской и новой Калужской, между Звенигородом, селами Кубинским и Фоминским, откуда они производили набеги свои даже в тыл неприятельского авангарда, при селе Винковом расположенного, так что сей, не имея иногда безопасного сообщения с Москвой, принужден был, со своей стороны, отряжать сильные партии для отделения российских партизан. Полковник князь Кудашев, находясь в окрестностях села Лапасина, действовал по Серпуховской дороге, к стороне города Подола; полковник Ефремов — по Рязанской дороге, от Боровска до перевоза чрез реку Москву, что близ села Еганова, к городу Москве. Ему же поручено было наблюдать и по Владимирской дороге, для чего и дана была ему в подкрепление часть Владимирского ополчения.

[2] *Примечание переводчика.* Генерал-лейтенант барон Винцингероде, находясь под городом Клином на Тверской дороге, посылал партии к Москве. Флигель-адъютант, полковник Бенкендорф, имея сильный пост в

Партизаны.
1812 г.

шествовало действиям партизан. Нашествие на отечественную землю соединило сердца всех россиян одинаковым чувством ненависти и мщения против виновников оного. В начале похода армия Наполеона не чувствовала еще дурного действия сего расположения. Правда, что народ литовский, под 20-летним попечительным управлением привыкший к владычеству России, не поддался на коварные внушения нескольких вельмож, побуждаемых к мятежу воспоминанием о прежних неустройствах Польши, но узы благодарности, привязывавшие его к российскому престолу, не могли заменить любви к отечеству, которая одна только в состоянии произвесть чудеса усердия. Поселяне литовские не восстали против россиян, однако ж, устрашенные присутствием неприятеля, попустили ему пользоваться способами страны своей. Все переменилось, когда Наполеон прошел за Смоленск. Здесь, на пути своем, везде встречал он только пустые деревни или тлеющие остатки оных. Ожесточенные россияне готовы были на все пожертвования. Граф Растопчин, вооружившись пламенником, опустошившим Москву, последовал только примеру, прежде сего уже показанному народом, ибо нередко видали, что поселяне при приближении неприятеля сами зажигали дома свои и хлеб, с полей собранный, а потом спасались в леса с семействами и скотом своим. Потеря Москвы не токмо не привела народ в уныние, но еще более ожесточила его, тогда вместо бегства поселяне начали уже собираться многочисленными толпами и, вооружась вилами и пиками, нападать на неприятелей поодиночке или в малом числе проходивших. Все попадавшиеся в их руки умерщвляемы были без пощады. Во многих местах даже женщины участвовали в сих подвигах, освященных справедливой ненавистью к чужеземному игу. Всё дышало войной и мщением[1].

Положение Французской армии сделалось ненадежным. Удаленная почти за тысячу верст от границ союзников своих во внутренность страны неприятельской, угрожаемая потерей сообщений и затрудняемая в продовольствии, она уже являла в себе первые признаки того расстройства, которое впоследствии сделалось причиной ее погибели.

городе Воскресенске, обще с майором Пренделем действовал между городами Волоколамском и Рузой и по всем дорогам, от Можайска к северу ведущим. На Ярославской дороге находился войсковый старшина Победнов. Впоследствии партизанские отряды генерала Винцингероде распространили действия свои по северную сторону Смоленской дороги даже до городов Гжатска и Вязьмы. Все сии партизаны, делая беспрестанные нападения на неприятеля, с 20 сентября по 30 число того ж месяца взяли в плен четырех штаб-офицеров, 55 обер-офицеров, 3190 нижних чинов. Сверх того, французы потеряли немалое число убитых. Урон же со стороны партизанов не превышал 200 человек убитых и раненых. В другой стороне подполковник Давыдов 16 сентября в окрестностях города Вязьмы напал на неприятельский отряд, прикрывавший подвоз артиллерийских снарядов, взорвал оный на воздух, побил до 350 человек и взял в плен одного офицера и 271 человека рядовых. 19 числа он же, появившись вновь на большой дороге между городом Вязьмой и селом Семлевым, атаковал и разбил при селе Юреневом три батальона неприятельской пехоты, взял в плен одного офицера и 142 человека нижних чинов и, сверх того, отбил 72 пары волов, употребленных неприятелем для возки парков.

[1] *Примечание переводчика.* Поселяне прилежащих к театру войны деревень наносили неприятелю величайший вред. Горя любовью к родине, они устраивали между собой ополчения. Случалось, что несколько соседних селений ставили на возвышенных местах и колокольнях часовых, которые, завидев неприятеля, ударяли в набат. При сем знаке поселяне собирались, с отчаянием нападали на неприятеля и не сходили с места битвы, не одержав конечной победы. Они во множестве убивали неприятелей и взятых в плен доставляли к армии. Ежедневно приходили они в главную квартиру, прося убедительно огнестрельного оружия и патронов для защиты от врагов. Просьбы сих истинных сынов отечества удовлетворяемы были по мере возможности: их снабжали ружьями, пистолетами и порохом, равным образом и партизаны отдавали им оружие, отбитое у неприятеля. Во многих селениях соединялись они под присягой для общего своего защищения, с тем что положено было великое наказание на случай, если бы кто из них оказался трусом или бы выдал друг друга.

Французы в Москве

Между тем как изобилие царствовало в лагере Тарутинском, бедность и недостаток были уделом войск наполеоновых. Партизаны и поселяне российские, ободренные частыми успехами, одержанными над неприятелем, сделались столь предприимчивыми, что фуражиры сего последнего едва осмеливались на пять верст отдаляться от своих лагерей. Малая война, с ожесточением производимая, имела последствием не токмо ослабление сил неприятельских ежедневными потерями, но еще ограничивала их способы продовольствия небольшим количеством запасов, которые могли они находить в тесном кругу, занимаемом ими около Москвы. Одна только гвардия была довольствуема с некоторым порядком, прочие же войска не получали более никакой дачи и жили тем, что каждый человек порознь мог сам себе промыслить. От сего весьма естественно последовало неповиновение, долженствовавшее ускорить разрушение сей некогда столь блестящей армии. Особенно потерпела кавалерия. Большая часть лошадей пала от изнурения, многие употреблены были на пищу людям, а остальные находились в таком истощении, что сделались неспособными к службе. Артиллерийские лошади испытали таковую же участь.

Наполеон на дымящихся развалинах древней столицы царей российских скрывал свои опасения и старался еще сохранить вид грозного положения. Он имел надежду только на уныние, в которое, по мнению его, потеря Москвы должна была ввергнуть

кабинет петербургский. В сладостных мечтаниях он готовился уже предписывать условия мира, для него славного. Но россияне весьма удалены были от тех миролюбивых расположений, которые он предполагал найти в них. Уже протекло 20 дней от занятия Наполеоном Москвы, а еще никакое предложение о примирении не польстило его слуху. Наконец, встревоженный столь гордым молчанием, он решился сам сделать первый шаг к сближению, послав к фельдмаршалу князю Кутузову генерала Лористона под предлогом переговоров о размене пленных. 23 сентября ввечеру Лористон имел свидание с фельдмаршалом в селе Тарутине, главной квартире Российской армии. Когда князь Кутузов отвергнул предложение о размене пленных, то французский генерал, распространившись об образе жестокой войны, производимой российскими поселянами против французов, предлагал князю Кутузову унять столь неслыханные поступки, неупотребительные между просвещенными народами. Князь отвечал, что хотя бы он и желал остановить сие начало народной войны, то не от него зависело переменить образ мыслей в народе, который почитает настоящую войну равно как бы нашествием татар, а потому каждый гражданин и поставляет себе обязанностью противиться оному вооруженной рукой. Наконец Лористон дошел до истинного предмета своего послания. Он начал говорить о мире, о желании императора Наполеона восстановить дружбу, прежде существовавшую между ним и императором Александром и прерванную несчастным образом, по обстоятельствам, совсем посторонним. Неужели, присовокупил Лористон, сия необычайная, сия неслыханная война должна вечно продолжаться? Император, государь мой, имеет искреннее желание прекратить сию распрю между двумя великими и великодушными народами и прекратить оную навсегда. Фельдмаршал отвечал, что не имеет никакого наставления по сему предмету и что при отправлении его к армии даже и названия мира ни разу не упомянуто. Впрочем, слова, им от Лористона слышанные, происходят ли они как собственные его рассуждения или имеют источник свыше, но он сего разговора ни в каком случае не желает довести до сведения государя, ибо таково настоящее положение российского народа, что сам он подвергнулся бы проклятию потомства, если б сочли его первым виновником какого бы то ни было примирения. Несмотря на сие, при конце свидания фельдмаршал оказал более сговорчивости: он обещал испросить соизволение его величества на предложение императора Наполеона отправить Лористона в Петербург, но сей генерал никоим образом не мог склонить его на перемирие в ожидании ответа от российского императора.

Послание генерала Лористона не произвело ничего положительного, однако ж Наполеон, еще слишком уверенный в своем счастье, с радостью принял последний луч надежды, которую внушало ему обещание фельдмаршала довести предложение его до сведения императора Александра. Он льстился, что петербургский кабинет, устрашенный еще существовавшим призраком его непобедимости, не замедлит принять сделанные им предложения. Ласкаясь таковой мечтой, он спокойно остался в Москве в ожидании ответа из Петербурга.

Но император Александр весьма удален был от того, чтобы склониться на миролюбивые виды неприятеля. Опыт слишком уже показал, что Наполеон считал мирные договоры только перемириями и пользовался оными для приготовления новых способов к нападению. К тому же, в самом деле, причины к разрыву между обеими империями были столь важны, что невозможно было надеяться согласить оных, ибо дело шло о ко-

нечном порабощении или совершенном освобождении Европы. Александр, убеждаясь важностью правого дела, им защищаемого, вознамерился не отлагать долее решения сей великой тяжбы. Испытав от врага нападение в собственном государстве, он поднял оружие с твердым намерением скорее подвергнуться всем бедствиям, нежели отложить оное, доколе не утвердит на прочных основаниях общее спокойствие уничтожением опасного влияния, которое Франция имела на все державы твердой земли. Столь великодушная решимость, не поколебавшаяся даже от бедствий, испытанных в начале сего похода, сделалась знаком отчаянной войны между обеими империями, однако ж, приготовляясь к сей войне, российский император не упустил средств сколь возможно облегчить тягость оной, стеснив связи, соединявшие его со Швецией, и восстановив посредством официальных актов дружественные и союзные сношения с Англией и Испанией. Мирный договор с первой из сих держав подписан был 6 июля в городе Эребро в Швеции. Договор с испанским правительством, находившимся тогда в городе Кадиксе, подписан был два дня спустя в Великих Луках. В августе месяце император Александр соизволил отъехать в город Або, что в новоприобретенной Финляндии, для личного свидания с наследным принцем Шведским. 25-тысячный корпус российских войск под начальством генерал-лейтенанта графа Штейнгеля, сначала войны находившийся в Финляндии, назначен был к подкреплению действий шведов против Норвегии, но как стокгольмский двор не успел еще окончить приготовлений, потребных для сего предприятия, то наследный принц согласился, чтобы часть Штейнгелева корпуса употреблена была к усилению российских армий, действовавших против Наполеона. Присутствие сих войск на большом театре войны сделалось необходимым для приведения в действо предначертания, в то время сделанного императором Александром.

Между тем как Наполеон предавался кичливым надеждам своим, в Петербурге уже соображали его погибель. Врезавшись дерзко клином к Москве, он столь чрезмерно растянул свой путь действий, что боковые корпуса его не могли уже с успехом прикрывать оный. В таковых обстоятельствах очевидно было, что для произведения самого решительного движения надлежало, опрокинув сии боковые корпуса, собрать в тылу Главной Французской армии большую громаду сил, которая, пресекши все пути к ея отступлению, тем самым приготовила бы ей верную погибель. На сем основании соображены были и меры, предписанные императором Александром: Главной российской армии назначено было спереди удерживать неприятеля, между тем как второстепенные армии в одно время начнут действовать наступательно в тыл его. Граф Штейнгель, сделав высадку в Ревеле с 14 000 человек, должен был идти к Риге и, соединившись там с 20-тысячным корпусом, взятым из гарнизона сей крепости, открыть наступательные действия против левого крыла корпуса маршала Макдональда в направлении городов Видзы и Свенцяны. Предполагали, что здесь встретит он остатки корпуса генерала Сент-Сира, вытесненного из Полоцка графом Витгенштейном. Сменив сего последнего, Штейнгель должен был живо преследовать неприятеля за реки Вилию и Неман и потом расположиться при городе Вильно, дабы служить резервом для армий, соединенных на реке Березине. Граф Витгенштейн, коего корпус долженствовал быть усиленным до 50 тысяч человек посредством подкреплений, присланных к нему из Петербурга и Новгорода и состоявших большей частью из ополчения сих двух губерний, получил повеление действовать против генерала Сент-Сира, переведши большую часть сил

своих на левый берег реки Двины, выше Полоцка, дабы с тыла взять сей город, в коем укрепился неприятель. Вытеснив оттуда генерала Сент-Сира и прогнав его к корпусу графа Штейнгеля, Витгенштейн должен был обратиться к местечку Докшицам, дабы войти в непосредственную связь с адмиралом Чичаговым и вдоль речки Улы наблюдать Главную Французскую армию. В то же время адмиралу Чичагову предписано было обойти левый фланг князя Шварценберга, а потом, оставя против него Третью Западную армию, следовать с Дунайской армией чрез Несвиж к Минску, куда и корпус генерал-лейтенанта Эртеля равномерно должен был прийти из Мозыря. Соединившись с сим последним, адмирал Чичагов имел бы под начальством своим почти 50-тысячную армию, назначенную к наблюдению вдоль реки Березины и охранению Борисова и теснин, между сим городом и местечком Бобром лежащих, против Главной армии Наполеона. Кроме того, адмиралу Чичагову дано было самое точное повеление войти в непосредственное сообщение с графом Витгенштейном.

Третья Западная армия долженствовала сперва оттеснить корпус князя Шварценберга за реку Буг, а потом, расположась при Несвиже, быть в готовности поддерживать армию адмирала Чичагова и составить правое крыло соединенных армий.

Из всего вышесказанного видно, что цель предначертания состояла в том, чтобы собрать на реке Березине громаду сил более, нежели в 120 тысяч человек, не считая резерва, оставленного при городе Вильно, а как фельдмаршал князь Кутузов не сделал никакого возражения против сих распоряжений, предложенных императором Александром, то и разосланы были повеления для приведения в действо оных. Ниже сего мы увидим изменения, которые по встретившимся обстоятельствам пришлось сделать в упомянутом предначертании.

Известие о занятии французами Москвы не произвело в Петербурге впечатления, ожидаемого Наполеоном.

Потеря Москвы объявлена была в Петербурге следующим воззванием:

С крайней и сокрушающей сердце всех и каждого сына отечества печалью сим извещается, что неприятель сентября 5 числа[1] *вступил в Москву. Но да не унывает от сего великий народ российский. Напротив, да поклянется всяк и каждый воскипеть новым духом мужества, твердости и несомненной надежды, что великое наносимое нам врагами зло и вред обратятся напоследок на главу их. Неприятель занял Москву не от того, чтоб преодолел силы наши или бы ослабил их. Главнокомандующий по совету с первенствующими генералами нашел за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы с надежнейшими и лучшими потом способами превратить кратковременное торжество неприятеля в неизбежную ему погибель. Сколь ни болезненно всякому русскому слышать, что первопрестольный град Москва вмещает в себе врагов отечества своего, но она вмещает их в себе пустая, обнаженная от всех сокровищ и жителей. Гордый завоеватель надеялся, войдя в нее, сделаться повелителем всего Российского царства и предписать ему такой мир, какой заблагорассудит, но он обманется в надежде своей и не найдет в столице сей не только способов господствовать, даже способов существовать. Собранные и от часу более скопляющиеся силы наши окрест Москвы не престанут преграждать ему все*

[1] *Примечание сочинителя.* Неприятель занял Москву 2 сентября, но думали, что Наполеон въехал в нее 3 числа.

пути и посылаемые от него для продовольствия отряды ежедневно истреблять, доколе не увидит он, что надежда его на поражение умов взятием Москвы была тщетная и что поневоле должен он будет отворять себе путь из нее силой оружия. Положение его есть следующее: он вошел в землю нашу с тремястами тысячами человек, из которых главная часть состоит из разных наций людей, служащих и повинующихся ему не от усердия, не для защиты своих отечеств, но от постыдного страха и робости. Половина сей разнонародной его армии истреблена частью храбрыми нашими войсками, частью побегами, болезнями и голодной смертью. С остальными пришел он в Москву. Без сомнения, смелое или, лучше сказать, дерзкое стремление его в самую грудь России и даже самую древнейшую столицу удовлетворяет его честолюбию и подает ему поводы тщеславиться и величаться, но конец венчает дело. Не в ту страну зашел он, где один смелый шаг поражает всех ужасом и преклоняет к стопам его и войска, и народ. Россия не привыкла покорствовать, не потерпит порабощения, не предаст законов своих, веры, свободы и мужества. Она с последней в груди каплей крови станет защищать их. Всеобщее, повсюду видимое усердие и ревность в охотном и добровольном против врага ополчении свидетельствует ясно, сколько крепко и непоколебимо отечество наше, огражденное добрым духом верных его сынов. И так да не унывает никто: и в такое ли время унывать можно, когда все состояния государственные дышут мужеством и твердостью? когда неприятель с остатком отчасу более исчезающих войск своих, удаленный от земли своей, находится посреди многочисленного народа, окружен армиями вашими, из которых одна стоит против него, а другие три стараются пресекать ему возвратный путь и не допускать к нему никаких новых сил? когда Испания не только свергла с себя иго его, но и угрожает ему впадением в его земли? когда большая часть изнуренной и расхищенной от него Европы, служа поневоле ему, смотрит и ожидает с нетерпением минуты, в которую бы могла вырваться из-под власти его, тяжкой и нетерпимой? когда собственная земля его не видит конца проливаемой для его славолюбия своей и чужой крови? При толь бедственном состоянии всего рода человеческого не прославится ли тот народ, который, перенеся все неизбежные с войной разорения, наконец терпеливостью и мужеством своим достигнет до того, что не токмо приобретет сам себе прочное и ненарушимое спокойствие, но и другим державам доставит оное и даже тем самим, которые против воли своей с ним воюют? Приятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добром.

Боже Всемогущий! обрати милосердные очи Твои на молящуюся Тебе с коленопреклонением Российскую церковь, даруй поборающему по правде верному народу Твоему бодрость духа и терпенье. Сим да восторжествует он над врагом своим, да преодолеет его и, спасая себя, спасет свободу и независимость царей и царств.

Император Александр считал, что сие несчастие налагало на него только новую обязанность отмстить за честь имени русского истреблением неприятельских армий, дерзнувших вторгнуться в священные пределы отечества. Внутреннее управление находилось в толь твердой руке, что действие оного не могло быть остановлено сильным потрясением, которое потеря Москвы неминуемо долженствовала причинить в целом составе государства, и вооружения, начатые во всех местах империи, производились с сугубой деятельностью. Очевидно, что в сих обстоятельствах никакие робкие меры не могли быть приняты государем, коего твердая решимость поддерживаема была усерди-

ем народа, а потому и предложения, на коих Наполеон основывал всю надежду свою, отвергнуты были с должным презрением. Александр толь решительно вознамерился не соглашаться ни на какое примирение, что не одобрил даже принятия генерала Лористона в главной квартире Российской армии и неудовольствие свое изъявил следующим рескриптом к князю Кутузову:

Князь Михайло Ларионович!

Из донесения вашего, с князем Болконским полученного, известился я о бывшем свидании вашем с французским генерал-адъютантом Лористоном.

При самом отправлении вашем к вверенным вам армиям, из личных моих с вами объяснений, известно вам было твердое и настоятельное желание мое устраняться от всяких переговоров и клонящихся к миру сношений с неприятелем.

Ныне же, после сего происшествия, должен с тою же решимостью повторить вам, дабы сие принятое мною правило было во всем его пространстве строго и непоколебимо вами соблюдаемо.

Равным образом с крайним неудовольствием узнал, что генерал Беннигсен имел свидание с королем Неаполитанским и еще без всякой к тому побудительной причины.

Поставя ему на вид сей несовместный поступок, требую от вас деятельного и строгого надзора, дабы и прочие генералы никогда не имели никаких свиданий, а кольми паче подобных переговоров с неприятелем, стараясь всемерно оных избегать.

Есть сведения, от меня к вам доходящие, и есть предначертания мои, в указах на имя ваше изъясняемые, — и, одним словом, все убеждает вас в твердой моей решимости, что в настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество. Пребываю вам всегда благосклонный.

АЛЕКСАНДР

С-Петербург. Октября 9 дня 1813 года.

Высочайший рескрипт сей, от слова до слова здесь включенный, дает лучшее понятие о расположении императора Александра, нежели все, что бы о сем сказать было можно.

День подписания помянутого рескрипта показывает, что мы предупредили происшествие, дабы в неразрывной связи представить читателю полное понятие о взаимном положении дел обеих противных сторон в начале второй половины сего знаменитого похода. Теперь возвратимся к действиям Главной армии российской.

Сия армия продолжала еще занимать укрепленный лагерь Тарутинский, а как село Тарутино находилось впереди линии войск, то 24 сентября главная квартира переведена была в деревню Леташевку, в четырех верстах позади лагеря. Между тем устроившиеся ополчения довершили обложение Французской армии под Москвой, составив непрерывную цепь вокруг оной. Тверское ополчение, находясь в своем губернском городе, служило подкреплением генерал-адъютанту барону Винцингероде. Ярославское, став при городе Переславле-Залесском, прикрывало Ярославскую дорогу. Владимирское, расположась у города Покрова, прикрывало Владимирскую дорогу. Рязанское, поставленное при селе Деднове, на реке Оке, наблюдало дорогу в Рязань и другую — чрез город Егорьевск в Касимов. Тульское ополчение прикрывало свою губернию, протянувшись вдоль правого берега Оки от города Алексина до Каширы.

Наконец, Калужское ополчение, собиравшееся в городе Калуге, отправило сильный отряд к Брянску, дабы охранять сей город, весьма важный по литейному заводу и арсеналу, в нем находящимся. Все сии ополчения, большей частью вооруженные только пиками, конечно, не в состоянии еще были противостоять сильному корпусу войск, однако ж, по крайней мере, они препятствовали неприятелю посылать отряды, которые могли бы опустошить области, смежные с Московской губернией, и доставить новые способы продовольствия для его армии.

Французские корпуса оставались в прежнем положении, за исключением пехотной дивизии генерала Дельзона от корпуса вице-короля Итальянского, которая вместе с кавалерийской бригадою итальянской гвардии подвинулась 28 сентября к городу Дмитрову. Сие движение побудило генерал-адъютанта Винцингероде отступить в город Клин, но неприятель, имевший в виду только расширение круга своего продовольствия, остался спокойно в Дмитрове.

Российские партизаны продолжали свои действия. Хотя в предначертание наше и не входит следовать за подробностями малой войны, однако ж мы не можем умолчать о взятии Вереи. Неприятель, укрепив палисадом сей город, занял его батальоном вестфальских войск и собирал в нем магазин, который нужно было истребить[1]. 29 сентября генерал-майор Дорохов явился пред городом с пятью батальонами пехоты, 12 эскадронами кавалерии, тремя казачьими полками и восемью орудиями. Колонны его ведены были четырьмя мещанами, вышедшими из Вереи. После получасового приступа россияне, пробившись сквозь палисад, овладели городом, и ни один человек из гарнизона не спасся. При сем случае взято было в плен до 400 человек, все остальные были побиты[2].

4 октября получено было донесение от гвардии капитана Сеславина, что неприятельский генерал Орнано с обозом из 300 подвод под прикрытием четырех полков кавалерии, двух батальонов пехоты и восьми орудий, выступив из села Вяземов, что на Можайской дороге, следовал по Боровской дороге. Сие побудило князя Кутузова

---

[1] *Примечание переводчика.* Неприятель, заняв город Верею, лежащий на крутой горе в пять саженей высоты, счел его удобным для прикрытия своего пути действий, пролегавшего из Москвы чрез Можайск к Смоленску, и для того построил в сем городе укрепления, обнесенные палисадом. Фельдмаршал князь Кутузов, дабы воспретить неприятелю утвердиться в сем месте, немедленно послал для овладения оным отряд генерал-майора Дорохова, который, быв для сего поиска усилен пехотой и кавалерией, состоял из одного батальона 19-го егерского полка, Полоцкого и Вольманстрандского пехотных, Мариупольского и Елисаветградского гусарских и трех Донских казачьих полков с четырьмя орудиями легкой и четырьмя орудиями конной артиллерии.

[2] *Примечание переводчика.* Город Верея взят был приступом в 5.30 часа утра. Нападение произведено было с такой быстротой, что урон с российской стороны состоял только в 30 человеках убитых; напротив того, неприятель потерял одного полковника, двух офицеров и более 300 рядовых убитыми, 15 офицеров и 377 человек нижних чинов пленными и одно знамя. В 11 часов неприятель в трех батальонах и четырех эскадронах с несколькими пушками показался на Можайской дороге в намерении подать помощь своему батальону, занимавшему Верею, но, узнав, что город сей находится уже во власти россиян, он поспешно отступил, будучи преследуем российской легкой кавалерией. Доставшиеся россиянам при взятии Вереи 500 ружей розданы были поселянам. Мещане, ведшие колонны на приступ, первые бросились на валы укреплений с неописуемым мужеством, и все четверо, по назначению фельдмаршала, награждены были знаками отличия Военного ордена. По совершении сего поиска пехота с легкой артиллерией возвратилась к армии. После сего фельдмаршал приказал генерал-лейтенанту Шепелеву, командиру Калужского ополчения, сближаясь к кругу действий Главной армии, стараться прикрывать от неприятеля уезды Юхновский, Мосальский и Жиздринский и делать разъезды к городам Ельне и Рославлю. На сей предмет присоединены были к Калужскому ополчению два Донских казачьих полка полковника Андреянова 1-го и войскового старшины Андреянова 3-го.

приказать генерал-майору Дорохову со вверенным ему отрядом сблизиться к левому флангу армии и стать на Боровской дороге при селе Фоминском.

Жители Верейские срыли палисад.

К 30 сентября прибыли в российский лагерь с Дона в разное время 23 Донских казачьих полка, а в первых числах октября опять начались большие военные действия.

К. Ф. Толь
(1777–1842)

Во время пребывания Российской армии в Тарутинском лагере можно было чрез партизан удостовериться, что авангард короля Неаполитанского, расположившийся против оной, не был подкрепляем главными силами неприятеля. Генерал-квартирмейстер Толь в сопровождении генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, сделав обозрение на левом фланге и почти в тылу сего авангарда, совершенно узнал положение, занимаемое оным. Правое крыло его, упертое к реке Наре, с фронта прикрыто было речкой Чернишней, текущей в весьма глубоком овраге; центр, расположенный на большой Московской дороге, прикрыт был той же речкой Чернишней, которая, поворачивая при деревне Боковке на север, чрез то отделяла центр от левого крыла, без всякого прикрытия протянутого в направлении на село Дмитровское. Неприятель до того был оплошен, что даже не осматривал лесов, окружающих малую равнину, на коей сие левое крыло было поставлено. Король Неаполитанский имел под начальством своим резервную кавалерию и корпус польских войск князя Понятовского, в коих состояло всего от 20 до 30 тысяч человек[1].

Генерал-квартирмейстер Толь, возвратившись в главную квартиру, представил фельдмаршалу о возможности с успехом атаковать короля Неаполитанского, направив значащую часть сил в его левый фланг, между тем как прочие войска будут удерживать его с фронта, и таким образом, отрезав неприятелю путь отступления при селе Воронове и приперев его к реке Наре, можно было надеяться принудить весь корпус к сдаче. Фельдмаршал с трудом согласился на сие предприятие, коего выгоды, казалось,

[1] *Примечание переводчика.* По другим сведениям, от 30 до 40 тысяч человек. В книге «Поход в Россию», изданной на французском языке, показано, что авангард короля Неаполитанского состоял из 5-го корпуса князя Понятовского (16-й и 18-й пехотных и одной кавалерийской дивизий), пехотных дивизий генералов Клапареда (легиона Вислы) и Дюфура (бывший Фриана), двух легких кавалерийских дивизий от 1-го и 3-го пехотных корпусов и четырех резервных кавалерийских корпусов генералов Нансути, Себастьяни (бывшего Монбрюна), Сент-Жерменя (бывшего Груши) и Латур-Мобурга. При сем авангарде находилось артиллерии 187 орудий.

в равновесии были с неудобностями. Если, с одной стороны, очевидно было, что не надлежало упускать случая наверное разбить столь значительный неприятельский корпус, то с другой — нельзя было сомневаться, что вслед за сим отважным ударом Наполеон тотчас возбудится от усыпления, в коем, казалось, он охотно пребывал в Москве и в коем польза россиян требовала продержать его сколь возможно долее. На сие генерал-квартирмейстер Толь справедливо представил, что не должно было ласкаться надеждой, чтобы Наполеон долго еще пробыл в Москве, где он оставался только в ожидании ответа из С.-Петербурга на предложения, сделанные генералом Лористоном, ибо одно простое исчисление времени вскоре покажет ему тщетность его ожидания с сей стороны, почему и не должно было упускать верного случая одержать над неприятелем поверхность, которая по крайней мере послужит к ободрению войск наших в такое время, когда все предвещало весьма близкое возобновление больших действий. Князь Кутузов, уважив сии причины, поручил генералу от кавалерии барону Беннигсену управлять предположенным нападением.

Для сего армия разделена была на пять колонн, из коих первой под начальством генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, составленной из 20-го егерского и десяти казачьих полков с 12 орудиями конной артиллерии, назначено было зайти в тыл левого крыла неприятеля и, овладев большой Московской дорогой при селе Вороновом, пресечь ему путь к отступлению. В подкреплении за сей колонной находился генерал-адъютант барон Меллер-Закомельский с гвардейской легкой кавалерийской дивизией и шестью орудиями конной артиллерии. Вторая колонна под начальством генерал-лейтенанта Багговута, состоящая из 2-го и 3-го пехотных корпусов с 60 орудиями, должна была ударить во фланг левого крыла неприятельского и беспрестанно тянуться вправо, чтоб быть в связи с графом Орловым-Денисовым. 4-й пехотный корпус под начальством генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова с 12 орудиями составлял третью колонну и должен был связывать корпуса, обходящие неприятеля, с остатком Российской армии. Сии три колонны, находившиеся под непосредственным начальством генерала Беннигсена, долженствовали перейти реку Нару по трем мостам, построенным при селе Спасском. 6-й пехотный корпус под начальством генерала Дохтурова с 24 орудиями составлял четвертую колонну. Пятая колонна, составленная из 7-го и 8-го пехотных корпусов с 48 орудиями, находилась под начальством генерал-лейтенанта Раевского[1]. Резерву, состоявшему из 5-го пехотного корпуса, двух кирасирских дивизий и всей резервной артиллерии, назначено было следовать по большой дороге за пятой колонной. Авангард генерала Милорадовича, составленный из 2-го и 4-го кавалерийских корпусов, четырех казачьих полков и нескольких егерских батальонов с конной артиллерией, получил приказание не трогаться с места, дабы скрыть от неприятеля движение армии до времени, пока не завяжется настоящее дело. Тогда он должен был идти впереди колонн левого крыла, прикрывая движение их к речке Чернишне[2].

---

[1] Сии две последние колонны должны были, перешед реку Нару по двум мостам, построенным при селе Тарутине, подвинуться к селу Винкову на речке Чернишне, дабы, с лица удерживая неприятеля, воспрепятствовать ему послать помощь к его левому крылу.

[2] *Примечание переводчика.* По малому числу людей в батальонах всей пехоте приказано было построиться в полковые колонны к атаке по 8-му взводу первого к 1-му взводу второго батальонов. С того времени сие построение наблюдаемо было во всех прочих сражениях до конца похода.

5 октября все колонны выступили в 7 часов вечера, перешли реку Нару и продолжали следовать по данному им направлению. К 10 часам колонны правого крыла, веденные генерал-квартирмейстером Толем, прибыли к опушке леса, лежащего впереди и во фланге левого крыла неприятельского. 1-я колонна остановилась при селе Страмиловом, 2-я — при деревне Хоросиной, а 3-я — при дороге, ведущей из села Спасского в деревню Тетеринку. Колонны левого крыла построились за авангардной цепью, протянутой между деревнями Дедней и Глодовой. В сем положении армия ожидала знака к сражению, который приказано было дать с правого крыла.

Нападение назначено было произвести 6 числа на рассвете, но случайно встретившиеся обстоятельства приостановили оное. Первая бригада 2-й колонны не прежде 7 часов утра успела выйти из леса, и выстрелы шести орудий, при ней находившихся, тотчас подали столь нетерпеливо ожидаемый сигнал к сражению[1].

Тогда было уже светло, и неприятель, которого надеялись захватить врасплох, уже приметил необыкновенное движение на своем левом крыле. 2-й пехотный корпус, выходя из леса, нашел сие крыло построившимся в боевой порядок на высотах за деревней Тетеринкой[2].

Неприятель стоял твердо, и началась с обеих сторон сильная канонада, но коль скоро колонна графа Орлова-Денисова появилась в тылу левого крыла французов, то польская кавалерийская дивизия, составлявшая оконечность сего крыла, будучи внезапно атакована, пришла в беспорядок, который немедленно сообщился остатку линии, и все левое крыло неприятельское, бросив часть своей артиллерии, поспешно отступило за ручей Ворлишку[3].

Если б в сие время обе российские колонны правого крыла продолжали тянуться вправо, сходно с данной диспозицией, то можно было бы предупредить и отрезать неприятеля при селе Спас-Купле на большой Московской дороге. Но как 3-я колонна, коей движение остановлено было случайностью, столь часто встречающейся на войне, еще не вышла из леса, то генерал Беннигсен не решился сделать предписанного ему движения из опасения, чтобы не растянуть слишком свою линию. Он приказал 2-му корпусу медленно подвигаться к речке Чернишне между деревнями Бриневой и Тетеринкой, а 5-му корпусу с батарейной ротой полковника Таубе принять влево от Тетеринки для

---

[1] *Примечание переводчика.* Егерская бригада 2-го корпуса под командой полковника Пиллара с шестью орудиями легкой артиллерии, следовавшая в голове 2-й колонны, по выходе из леса стремительно атаковала неприятельские передовые посты, и в то же время полубатарея, следовавшая за егерями, открыла огонь, который по диспозиции должен был служить сигналом к нападению для всех прочих колонн.

[2] Неприятель производил сильный огонь. Несмотря на то, войска правого крыла, построившись в полковые колонны к атаке, тотчас двинулись вперед скорым шагом в сопровождении двух рот артиллерии между деревней Тетеринкой и селом Дмитровским в левый фланг неприятеля.

[3] Где и собралось уже верстах в четырех от прежней своей позиции. От сего сделался в войсках неприятельских большой промежуток, коим пользуясь, российская регулярная кавалерия 1-й колонны хотела пресечь им путь к отступлению, но король Неаполитанский, видя угрожавшую ему опасность, сам пошел против сей кавалерии с кирасирскими дивизиями и десятью или двенадцатью различными атаками успел удержать ее. В то же время генерал Дефранс с двумя карабинерными полками бросился на 20-й егерский полк, который, перейдя речку Чернишню, стал на большой Московской дороге между селениями Рожественным и Богородским. Российские егеря, не могши устоять против стремительной атаки сей отборной французской кавалерии, принуждены были с уроном отступить за речку Чернишню, откуда уже одним действием артиллерии обеспокоивали отступающего неприятеля.

занятия промежутка, от неприбытия 3-й колонны сделавшегося между второй колонной и левым крылом армии. Граф Орлов-Денисов, не поддерживаемый более значительным числом пехоты, не мог уже отрезать от села Спас-Купли неприятеля, отступавшего в столь великом беспорядке, что генерал-адъютант Васильчиков с 4-м кавалерийским корпусом, составлявшим левое крыло авангарда генерала Милорадовича, долгом счел воспользоваться оным для преследования бегущих и, перейдя речку Чернишню при селе Винковом, гнал их без сопротивления до леса, находящегося за Винковым, возле большой дороги. А как лес сей занят был пехотой, поставленной неприятелем для прикрытия своего отступления, то генерал Васильчиков атаковал оный тремя егерскими и двумя гренадерскими полками, присланными к нему от главнокомандующего. Неприятель, вытесненный из леса, поспешил отступлением к Спас-Купле. Он был преследуем с одной стороны большой дороги отрядом генерал-адъютанта Васильчикова, а с другой — колонной графа Орлова-Денисова и кавалерией генерал-адъютанта Меллера-Закомельского, поддерживаемыми 2-м, 4-м пехотными и 2-м кавалерийским корпусами. 3-й пехотный корпус пошел вправо, за село Дмитровское, дабы прикрыть правый фланг армии и вместе с тем наблюдать дорогу, ведущую из Дмитровского в село Вороново. 6, 7 и 8-й пехотные корпуса, равно и резерв, остановились на левом берегу речки Чернишни против села Винкова.

Неприятеля преследовали только за село Спас-Куплю. Ложное известие, в полдень полученное, о прибытии к селу Воронову сильного французского корпуса на помощь к королю Неаполитанскому, побудило российских генералов остановиться при Спас-Купле. Король Неаполитанский собрал корпус свой при Вороновом. С наступлением ночи Российская армия возвратилась в лагерь Тарутинский, оставя при селе Винковом авангард под начальством генерала Милорадовича, составленный из 2-го и 4-го пехотных и 2-го и 4-го кавалерийских корпусов.

В бою, нами здесь описанном, неприятель потерял 2000 человек убитых, в том числе генералов Дери и Фишера, и 1500 пленных, между коими также находился один генерал. Сверх сего были отбиты у него один почетный штандарт 1-го кирасирского полка, 38 пушек, 40 зарядных ящиков и весь обоз, не исключая и принадлежащий королю Неаполитанскому. Неважный урон с российской стороны, простиравшийся до 500 человек, выбывших из строя, чувствителен был только потерей генерал-лейтенанта Багговута, убитого пушечным ядром в самом начале действия. В сей день россияне между прочим приобрели еще и ту выгоду, что собственными глазами уверились в крайнем недостатке, существовавшем во Французской армии. Довольно сказать, что на собственной кухне короля Неаполитанского найдены были ободранные кошки и отвар из лошадиного мяса.

Король Неаполитанский заслужил поражение, им претерпенное, оплошностью своей. Позиция, им занимаемая, потому уже была ненадежна, что находилась вблизи армии, несравненно числом превосходнейшей корпус, состоявший под его начальством. Сей недостаток мог быть вознагражден одной токмо крайней осторожностью, а мы видели, напротив того, что неприятель столь мало помышлял осматривать места на своих флангах, что правые российские колонны даже подошли к самому лесу, лежащему в полутора верстах от его лагеря, не будучи примечены. С российской стороны диспозиция к нападению соображена была хорошо, но ошибки в исполнении не позволили пожать всех плодов, ожиданных от оной. Мы уже видели, что приостановление атаки,

медленность марша третьей колонны и более всего неуместное движение 3-го пехотного корпуса влево были главные причины, не допустившие россиян одержать той полной поверхности над неприятелем, на которую надеяться они имели право. Не было никакой причины остановить движение 2-й колонны в обход левого фланга неприятельского, тем менее что по великому превосходству россиян в числе опасение слишком растянуться было мнимое, ибо сие превосходство позволяло правому крылу их армии на время отказаться от всякой связи с левым крылом, дабы стать на пути отступления короля Неаполитанского. Нет никакой опасности действовать двумя отдельными громадами, когда каждая из них порознь сильнее всего неприятельского корпуса[1].

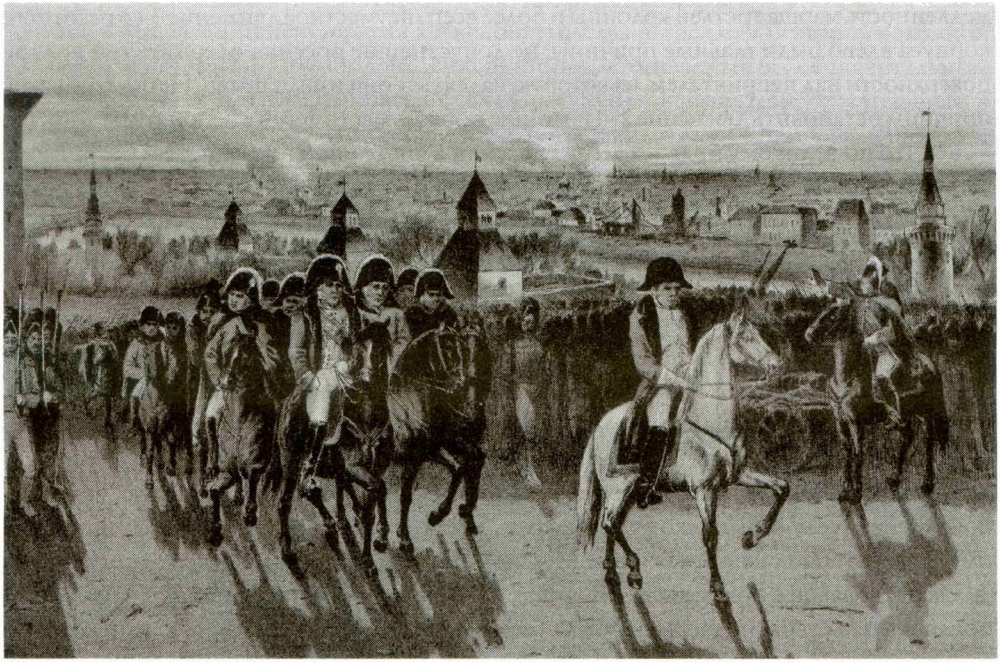
Генерал-квартирмейстер Толь справедливо предполагал, что французы недолго останутся в Москве. С первых чисел октября Наполеон начал уже делать приготовления к отступлению: корпус маршала Нея и пехотная дивизия генерала Дельзона, подвинувшиеся к городам Богородску и Дмитрову, 3-го октября опять присоединились к армии под Москвой, а пехотная дивизия генерала Брусье и легкая кавалерийская дивизия генерала Орнано, перейдя со Смоленской дороги на Калужскую, взяли направление к селу Фоминскому. Однако ж, несмотря на сии движения, французский император отлагал еще оставление Москвы. Он не мог решиться начать отступление, долженствовавшее показать всей Европе, что многочисленная армия под личным его предводительством подвержена была неудаче. К тому ж он сохранял еще некоторую слабую надежду получить из Петербурга ответ, благоприятный видам своим. Но известие о поражении короля Неаполитанского рассеяло все мечты его, ибо сей смелый удар со стороны россиян ясно показывал, что они намерены были продолжать войну. Наполеон увидел наконец всю великость опасности, в которую пребыванием в Москве ввергнул свою армию, и почувствовал, что не должно было терять ни минуты, дабы выйти из гибельного положения, в коем он находился. Прежде всего, надлежало помышлять о восстановлении своих сообщений, а потому он и вознамерился обойти позиции россиян, взяв направление чрез города Боровск и Малый Ярославец к Калуге. Если бы удалось ему предупредить россиян в сем последнем городе, то он приобрел бы несметные выгоды от восстановления сообщений своих со Смоленском чрез Юхнов и Вязьму, а с Могилевом — чрез Мещовск, Жиздру, Рославль и Мстиславль, ибо в сем случае, хотя бы последующие происшествия войны и принудили его отступить за реку Днепр, то сие отступление, произведенное чрез страну плодородную и еще неопустошенную, могло быть совершено, не подвергая армию большим потерям.

Наполеон, хотя и решился идти на город Боровск, однако ж счел нужным сделать первый переход по старой Калужской дороге, дабы сперва притянуть к себе авангард короля Неаполитанского. Выступив 7 октября из Москвы со старой гвардией, корпусами маршалов Нея, Даву, пехотными дивизиями генералов Дельзона и Пино от корпуса вице-короля Итальянского и прибыв к деревне Ватутинке, он соединился с королем Неаполитанским. Императорская квартира занята была в селе Троицком, близ Ватутинки[2].

---

[1] *Примечание переводчика.* 7 октября, на другой день боя при речке Чернишне, прибыли с Дона остальные три полка, вместе с коими в Главной действующей армии находилось 45 Донских казачьих полков.

[2] *Примечание переводчика.* Неприятельский авангард расположился за Вороновым при деревне Моче, дабы прикрыть движение своей армии.



Наполеон оставляет Москву.
1812 г.

Маршал Мортье с молодой гвардией остался в Москве для надзора за отправлением больших обозов с больными, ранеными, артиллерией, военными запасами и трофеями, взятыми в Москве, которые с 3 числа начали уже тянуться по дороге к Смоленску.

На другой день вице-король с дивизиями своими, назначенными к составлению авангарда армии, перешел реку Пахру при деревне Горках и, повернув направо, следовал к селу Игнатову. 9 числа[1] вице-король, продолжая идти по прежнему направлению, вышел на новую Калужскую дорогу в селе Быкасовом и, прибыв в селение Фоминское, соединился с генералом Брусье, там находившимся. Наполеон с главными силами своей армии, 8 числа имевший роздых, 9-го выступил вслед за вице-королем в Игнатово, а 10-го прибыл в Фоминское[2]. Того же дня корпус князя Понятовского послан был на город Верею, дабы со стороны Медыни прикрыть прохождению обозов, тянувшихся по Смоленской дороге.

Французский император все надеялся еще склонить россиян к примирению. Выходя из Москвы, приказал он начальнику главного штаба маршалу Бертье написать к князю Кутузову следующее письмо:

---

[1] *Примечание переводчика.* 9 числа передовые войска вице-короля Итальянского атаковали казачьи пикеты генерал-майора Дорохова у села Котова и, сбив оные, подвинулись к селу Башкину, дабы заслонить движение своего корпуса от генерал-майора Дорохова, который отступил к селу Корякову.

[2] Неприятельский авангард под начальством генерала Лористона, сняв передовые посты свои при селе Воронове, следовал от деревни Мочи прямо к Фоминскому.

В императорской квартире, 20/8 октября.

Князь Кутузов! Генералу Лористону поручено было предложить вам о принятии мер, дабы война получила ход, сообразный с установленными правилами, а страна претерпевала бы токмо одни, неизбежно от войны происходящие бедствия. В самом деле, опустошение собственной земли столько же вредно для самой России, сколь и прискорбно императору. Вы легко почувствуете, князь, сколь важно для меня узнать окончательное решение вашего Правительства по сему предмету. Верьте, князь, чувству моего к вам высокопочитания.

Князь Нефшательский, начальник главного штаба.

Поступок сей, очевидно, был новым вызовом к начатию переговоров. Фельдмаршал Кутузов отвечал на сие следующим образом:

В главной квартире, 9 октября 1812 года.

Князь!

Господин полковник Бартеми, принятый мною в собственной моей квартире, вручил мне письмо вашей светлости. Всё, вновь требуемое вами, было уже представлено государю императору и, как без сомнения вам известно, отправлено с генерал-адъютантом князем Волконским. Однако ж за дальностью расстояния и дурным состоянием дорог в настоящее время года не было возможности, чтобы я получил ответ. И так мне остается только сослаться на сказанное мною генералу Лористону относительно сего дела. При всем том я повторю истину, коей всю силу и великость, без сомнения, вы сами уважите: что хотя бы я и желал, но весьма трудно удержать в пределах умеренности народ, раздраженный всем, что он видит; народ, уже 300 лет не знавший внутренней войны, готовый жертвовать собою за отечество и неспособный различать, что принято или воспрещается в войнах обыкновенных. Что же касается до армий, мне вверенных, то я надеюсь, князь, что в образе действия их весь свет признает правила, отличающие народ храбрый, честный и великодушный. Я никогда не знал иных в течение долговременной военной службы моей и надеюсь, что враги, с коими я сражался, всегда отдавали справедливость правилам моим по сему предмету. Примите, князь, уверение в моем к вам высокопочитании...

В главной квартире российской не имели точного сведения о движениях неприятеля. Коль скоро генерал-майор Дорохов с летучим отрядом своим, находившийся на новой Калужской дороге, известил о прибытии неприятельских войск генерала Брусье к селу Фоминскому[1], то князь Кутузов счел, что сей корпус послан был туда Наполеоном для составления связи между его Главной армией, которую все полагали еще между селом Вороновым и речкой Десной, и путем ее действий, пролегавшим от Можайска к Смоленску. Фельдмаршал вознамерился схватить сей корпус и для того отрядил генерала Дохтурова с 6-м пехотным корпусом, гвардейской легкой кавалерийской дивизией и ротой конной артиллерии, подчинив ему также и отряд генерал-майора

[1] *Примечание переводчика.* 7 октября ввечеру получено было от генерал-майора Дорохова донесение, что он имел стычку с неприятельскими постами при селах Малькове и Фоминском и при сем случае удостоверился, что кавалерийская дивизия генерала Орнано и пехотная дивизия генерала Брусье с 16 орудиями находятся на левом берегу реки Нары.

Выступление французской армии из Москвы. 6 октября 1812 г.

Дорохова. В то же время генерал Милорадович получил приказание сделать ложное нападение на село Вороново, дабы, заняв неприятеля на старой Калужской дороге, не допустить его послать помощь к генералу Брусье. Генерал Дохтуров выступил 10 числа на рассвете, но, прибыв к селу Аристову, получил донесение от партизана гвардии капитана Сеславина, что он открыл движение главных сил Французской армии на новую Калужскую дорогу между селами Игнатовым и Фоминским[1]. С другой стороны, генерал-майор Дорохов, отступивший с новой Калужской дороги к селу Корякову, уведомил, что легкие войска авангарда вицекороля Итальянского, принудив к отступлению два казачьих полка, отряженные им к Боровску, заняли сей город и что значащие силы неприятельские тянутся от села Фоминского к Боровску. Поелику в таковых обстоятельствах поиск на Фоминское не мог быть приведен в действо, то генерал Дохтуров остановился при Аристовом в ожидании новых приказаний от фельдмаршала.

Сии важные известия, дошедшие в главную квартиру деревню Леташевку 11 числа поутру, были еще подтверждены последствием ложного нападения на село Вороново, того ж утра учиненного генералом Милорадовичем. Легкая кавалерия его прошла за Вороново, не встретив неприятеля, и все известия, какие токмо собрать было можно, согласовались в том, что неприятель в больших силах тянулся правым флангом к новой Калужской дороге. Тогда не осталось уже никакого сомнения о намерениях Наполеона. Очевидно стало, что он производил большое движение, дабы слева обойти лагерь Тарутинский и достигнуть города Калуги, проходя чрез Боровск и Малый Ярославец. Надлежало без потери времени спешить для преграждения неприятелю новой Калужской дороги, а как невозможно уже было надеяться предупредить главные силы его армии в Боровске, то и положено идти прямо к Малому Ярославцу. В то же время послано было к генералу Дохтурову приказание равномерно следовать к сему последне-

[1] *Примечание переводчика.* Сеславин уведомил, что корпуса маршалов Нея, Даву и две дивизии гвардии расположились на ночлег при селе Быкасовом, а другая неприятельская колонна следует от деревни Мочи чрез Рылово и Шалимово также на Быкасово.

му городу, отрядив всю кавалерию свою к новой Калужской дороге, дабы, идучи сбоку неприятеля, она наблюдала его движение.

Генерал-адъютант барон Винцингероде, также известившийся о выходе Наполеона из Москвы, опять подвинулся из города Клина к столице. 10 октября прибыл он с авангардом своим к Тверской заставе. Маршал Мортье отступил в Кремль. Глубокая тишина царствовала в городе. Генерал Винцингероде вошел в него с небольшим числом казаков. Неприятельские кавалерийские пикеты, оберегавшие подходы к Кремлю, отступили без сопротивления. Ободренный таковой встречей генерал Винцингероде неосторожно выехал вперед в сопровождении только ротмистра Нарышкина, дабы потребовать сдачи у войск, занимавших Кремль, которые предполагал не столь многочисленными, как они были в самом деле. Тогда один французский пикет бросился на него, несмотря на белый платок, державный им в руке, дабы принятым быть за переговорщика, а как по всей справедливости неприятель не мог уважить столь неупотребительного образа являться для переговоров, то генерал Винцингероде и взят был в плен вместе с ротмистром Нарышкиным.

И. Д. Иловайский
(1766 — после 1827)

11 октября Наполеон продолжал свое движение. Главная часть его армии прибыла к Боровску. Корпус вице-короля Итальянского подвинулся к селу Уваровскому, а пехотная дивизия генерала Дельзона сего ж корпуса следовала далее к Малому Ярославцу и с наступлением ночи заняла оный двумя батальонами. Остаток дивизии расположился на высотах левого берега реки Лужи. Того ж дня маршал Мортье подорвал часть зданий Кремля и, оставив Москву в два часа пополуночи, отступил к селу Фоминскому. Поступок сей, тем более злобный, что не представлял неприятелю никакой существенной выгоды, исполнен был по приказанию Наполеона, вероятно, хотевшего тем утолить уже немощное бешенство, возложенное в сердце его храбрым сопротивлением россиян. Чрез несколько часов по отступлении маршала Мортье генерал-майор Иловайский 4-й, принявший временное начальство над корпусом генерал-адъютанта Винцингероде, опять вошел в столицу, которая в продолжение 39 дней находилась во власти неприятеля. Генерал Иловайский нашел в Кремле 42 орудия, оставленных маршалом Мортье, в числе коих было 18 орудий российских.

Российская армия под конец пребывания своего при селе Тарутине принуждена была посылать для фуражирования верст за 20 от своего лагеря. Сие обстоятельство

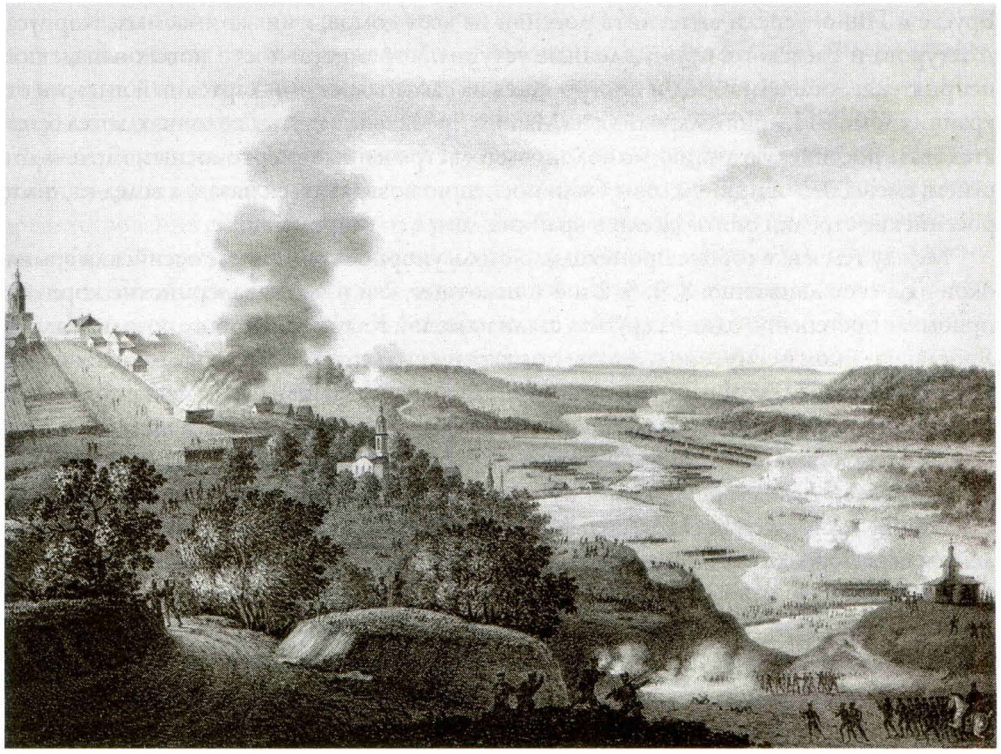
не позволило ей выступить тотчас по получении донесения от генерала Дохтурова. В ожидании возвращения фуражиров надлежало довольствоваться отряжением к Малому Ярославцу генерала Платова с 15 казачьими полками. Армия, только что под вечер 11 числа приготовившаяся к выступлению, поднялась с лагеря около полуночи и пошла к Малому Ярославцу левым флангом чрез деревни Леташевку, Баев Колодезь, Угодский завод и село Спасское, при коем наведен был понтонный мост чрез реку Протву. Арьергард генерала Милорадовича следовал за армией по той же дороге, с неприятельской же стороны она прикрыта была корпусом генерала Дохтурова, который в ту же ночь с 11 на 12 октября потянулся от села Аристова прямо чрез Спасское к Малому Ярославцу[1]. В Российской армии, готовившейся соединиться под сим городом, находилось около 80 000 человек под ружьем, не считая казаков[2].

Генерал Дохтуров прибыл к Малому Ярославцу 12 октября в 5 часов пополуночи и, найдя сей город занятым двумя батальонами неприятельской дивизии генерала Дельзона, немедленно атаковал их 6-м и 33-м, подкрепленными 11-м и 19-м егерскими полками. Остальные полки 6-го пехотного корпуса построились перед городом. Кавалерия генерал-майора Дорохова и гвардейская легкая кавалерийская дивизия расположились по правую сторону пехоты для сообщения с понтонным мостом, наведенным при селе Спасском, и наблюдения бродов на реке Луже между Малым Ярославцем и Спасским; на высотах же правого берега реки по обе стороны города поставлены были батареи, дабы, действуя по мосту, находящемуся на Боровской дороге, тем затруднять неприятельское сообщение с городом.

Российские егеря скоро выгнали из Малого Ярославца оба французских батальона, но вице-король Итальянский, в то время прибывший со всем корпусом своим, приказал генералу Дельзону перейти реку Лужу со всей его дивизией и снова занять город. Российские егеря были вытеснены, в свою очередь. Генерал Дохтуров подкрепил их несколькими пехотными полками, и с сей помощью россияне вторично овладели городом, несмотря на все усилия генерала Дельзона, который был убит при сем случае. Вице-король, заместив его генералом Гильемино, подкрепил свои войска пехотной дивизией генерала Брусье. Генерал Дохтуров, со своей стороны, также постепенно ввел в дело все остальные полки своего корпуса. Тогда начался кровопролитный рукопашный бой в улицах; город несколько раз переходил из рук в руки; наконец, в час пополудни россияне, утомленные с лишком семичасовым боем, выдержанным тотчас после весьма трудного перехода, начали ослабевать. Успех сражения уже видимо клонился на сторону неприятеля, но появление передних войск Главной армии на равнине, пред Малым Ярославцем лежащей, ободрило их и доставило средства восстановить дело. Князь Кутузов, услышав пальбу, приказал спешить походом и тотчас послал к Дохтурову на подкрепление генерал-лейтенанта Раевского с 7-м пехотным корпусом. Россияне в шестой раз овладели городом, а неприятельские дивизии Гильемино и Брусье, теснимые превосходными силами и прогнанные к самому мосту, с трудом уже держались в

[1] *Примечание переводчика.* Все обозы под прикрытием двух казачьих полков, взятых из отряда полковника князя Кудашева, отправлены были по старой Калужской дороге к селу Овчинину, откуда они, проходя чрез села Недельное и Доброе, 15 числа опять присоединились к армии.

[2] В сей армии вместе с отдельными партизанскими отрядами и 45 Донскими казачьими полками считалось до 125 тысяч человек.



Сражение при Малоярославце
12 октября 1812 г.

последних домах на берегу реки Лужи. Видя сие, вице-король послал к ним на помощь на правый берег реки итальянскую пехотную дивизию генерала Пино. Первая бригада оной вошла в главную улицу для поддержания дивизии Гильемино; вторая бригада повернула налево, дабы подкрепить дивизию Брусье, защищавшую предместье, отделенное от города большим оврагом; итальянская гвардия осталась в резерве на левом берегу Лужи возле моста[1]. Дивизия Пино учинила нападение тем с большим жаром, что не имела еще случая сражаться во все продолжение сей войны. Ужасный рукопашный бой снова завязался среди пламени, уже со всех сторон обнявшего городское строение. Обе противные стороны, не хотя уступить обладания сими развалинами, оспаривали их одна у другой с величайшим ожесточением. Наконец, вице-король, приметив, что его левое крыло уже с трудом держалось в предместье, подкрепил оное еще гвардейскими егерским и гренадерским полками, так что из всего корпуса остались при нем на левом берегу Лужи только королевские велиты и кавалерия генерала Орнано. Гренадеры, взойдя на высоту против моста, остались в резерве возле церкви, стоящей позади предместья, но егеря пошли вперед и, присоединив к себе рассеянные полки дивизии

[1] *Примечание переводчика.* Легкая кавалерийская дивизия генерала Орнано стояла еще далее при выходе из леса, а кавалерийская бригада итальянской гвардии вместе с обозом 4-го корпуса осталась по ту сторону леса при селе Малечкине.

Брусье и Пино, успели вытеснить россиян из всех домов, ими занимаемых. Корпуса Дохтурова и Раевского, принужденные уступить стремительности новых нападений неприятеля, оставили город и построились на самый ближний картечный выстрел от крайних домов. Неприятель, выйдя из Малого Ярославца в густых колоннах, хотел было атаковать российскую линию, но колонны его, встреченные смертоносным картечным огнем, смешались и принуждены были поспешно возвратиться назад, а вслед за ними российские стрелки опять засели в крайних домах со стороны поля.

Между тем как в городе происходило столь упорное сражение, Российская армия окончила свое движение: 8, 3, 5, 2 и 4-й пехотные, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса, прибывая постепенно один за другим, стали на новой Калужской дороге позади Малого Ярославца лицом к сему городу и в сем положении поддерживали войска, находившиеся в деле с неприятелем. Французская армия равномерно сблизилась к месту сражения. Наполеон со старой гвардией остановился при селе Городне; корпуса маршалов Нея и Даву расположились уступами между Городней и Малым Ярославцем.

Под вечер фельдмаршал князь Кутузов вознамерился сделать новое усилие для овладения городом. На сей конец приказал он 8-му пехотному корпусу генерал-лейтенанта Бороздина и 3-й дивизии от 3-го пехотного корпуса сменить 6-й корпус, который, сражавшись с самого рассвета, имел нужду в отдыхе. Сии свежие войска, вспомоществуемые 7-м пехотным корпусом, в седьмой раз ворвались в город, однако ж не могли удержаться в нем, ибо в самое то время неприятель значительно усилен был новыми подкреплениями. Маршал Даву прислал на помощь к вице-королю Итальянскому две пехотные дивизии генералов Компана и Жерара, которые, перейдя реку Лужу[1], расположились по обе стороны Малого Ярославца. Дивизия Компана стала по левую сторону на высотах, примыкающих к предместью вдоль дороги, ведущей в деревню Чурикову; дивизия Жерара протянулась вправо от города до леса, прилежащего к деревне Терентьевой. Корпус вице-короля удержал за собой Малый Ярославец, представлявший одни только следы бывших домов, покрытые пеплом и грудами тел, от множества коих улицы сделались почти непроходимыми. Несмотря на сие, российские стрелки до ночи держались в огородах и плетнях, окружающих город. Огонь с обеих сторон прекратился около 10 часов вечера.

Урон, претерпенный неприятелем в сражении в Малом Ярославце, должен простираться свыше 5000 человек, выбывших из строя, и таково было ожесточение россиян, что в сем числе находилось только 200 пленных. Генералы Дельзон и Левье были убиты, а генералы Пино, Жифленга и Фонтан ранены. Потеря с российской стороны равномерно простиралась до 5000 человек, выбывших из строя. Генерал-майор Дорохов впоследствии умер от раны, полученной им в сем деле. Число войск, сражавшихся с той и другой стороны, было почти равное. В пехотных корпусах генералов Дохтурова и Раевского состояло 20 тысяч человек под ружьем; почти столько же находилось и в корпусе вице-короля Итальянского. По смене корпуса Дохтурова 8-м корпусом генерала Бороздина и 3-й пехотной дивизией превосходство числа перешло на сторону россиян, однако ж на короткое время, ибо неприятель, получив в подкрепление дивизии Компана и Жерара, опять сравнялся с ними в силах.

[1] *Примечание переводчика.* Несмотря на сильный огонь, производимый по переправе российской артиллерией под начальством полковников Козина и Никитина.

Сожалительно, что генерал Дохтуров, выгнав из Малого Ярославца два французских батальона, по прибытии своем в нем найденные, оставил в городе только четыре егерских полка, а не занял его всем корпусом своим. Местное положение Малого Ярославца доставляет столь крепкую позицию против неприятеля, наступающего со стороны Боровска, что десяти тысяч человек, состоявшись под начальством российского генерала, достаточно было бы для удержания вице-короля Итальянского и воспрепятствования ему перейти реку Лужу. Надлежало бы предвидеть, что несравненно легче было воспретить неприятелю вход в город, нежели вытеснять его оттуда, дав ему сперва возможность в силах утвердиться в оном. Впрочем, нельзя не сознаться, что бой в Малом Ярославце приносит много чести войскам вице-короля Итальянского, которые выдержали стремительные нападения россиян с удивительной храбростью и постоянством.

Обладание Малым Ярославцем могло быть важно для россиян токмо для прикрытия движения, производимого ими для перехода со старой на новую Калужскую дорогу, а как в сражении 12 числа они совершенно достигли своего намерения, то упорствовать долее в оспаривании разоренного города сделалось бы действием без всякой цели. Вследствие сего фельдмаршал князь Кутузов приказал в ночь с 12 на 13 число отступить войскам, бывшим в деле. Армия расположилась на Калужской дороге за ручьем Корижей в весьма выгодной позиции, в двух верстах с половиной от Малого Ярославца, лицом к сему городу[1], и таким образом преградила путь неприятелю. В ту же ночь[2] генерал Платов перешел реку Лужу в пяти верстах выше Малого Ярославца с десятью казачьими и 20-м егерским полками и на рассвете, внезапно напав на неприятельский гвардейский артиллерийский парк из 40 орудий, стоявший за селом Городней, главной квартирой французского императора, овладел оным[3].

Недостаток упряжи не позволил казакам увезти более 11 орудий, с коими они и возвратились за реку Лужу под прикрытием 20-го егерского полка[4]. Сей отважный поступок немало способствовал к соделанию казаков предметом ужаса для неприятеля. 15 число проведено было в обозрениях со стороны французов. Около 10 часов утра они сделали даже покушение на российские передовые посты, но, видя по отпору, им противопоставленному, что россияне не помышляют об отступлении, удержались от начатия действительного дела.

В то время когда Французская армия выступила от села Фоминского к Малому Ярославцу, князь Понятовский получил приказание следовать со корпусом своим прямо к городу Верее для обозрения дороги, ведущей из Вереи чрез Медынь к Калуге. 15 числа авангард его под начальством генерала Тишкевича, состоявший из одного пехотного полка и 400 человек кавалерии с пятью пушками, появился близ Медыни.

---

[1] *Примечание переводчика.* Авангард под начальством генерала Милорадовича, из 2-го, 4-го пехотных, 2-го и 4-го кавалерийских корпусов состоявший, остановился на ружейный выстрел от Малого Ярославца.

[2] В ночь с 12 на 13 число фельдмаршал приказал сильному отряду под начальством полковника Иловайского 9-го следовать к Медыни для занятия сего города. Генералу же Платову дано было повеление, перейдя реку Лужу, стараться напасть на правое крыло неприятеля, дабы открыть настоящее направление дальнейших его движений.

[3] Появление маршала Бесьера, приспевшего туда с гвардейской кавалерией, принудило генерала Платова к отступлению.

[4] *Примечание переводчика.* 20-й егерский полк под командой полковника Кайсарова отразил все нападения неприятельской кавалерии.

Поражение французской армии
под Малоярославцем

Полковник Иловайский 9-й, с тремя казачьими полками уже прибывший в окрестности сего города на подкрепление к находившемуся там казачьему же полку полковника Быхалова 1-го, поставил отряд свой в скрытых местах и, заманив неприятеля в сию засаду, напал на него, побил до 500 человек, отнял находившиеся при нем пять пушек, взял в плен генерала Тишкевича и остаток прогнал к главным силам корпуса, который уже пришел из Вереи к селу Егорьевскому. Сия неудача побудила князя Понятовского приостановить свое движение к Медыни, вскоре потом получил он из главной квартиры повеление взять другое направление.

Наполеон, удержав за собой Малый Ярославец, ничего тем не выиграл. Он намеревался предупредить россиян в занятии Калуги, а посему и приказал начать бой 12 числа в той надежде, что разбитием токмо одного корпуса генерала Дохтурова откроет себе путь к помянутому городу. Вместо того он нашел перед собой всю Российскую армию, которая, преградив ему дальнейший путь, готова была дать новое сражение, и хотя превосходство числа было еще на его стороне, однако ж он не осмелился вступить в решительную битву с армией, уже овладевшей его сообщениями. Наполеон вознамерился испытать, не удастся ли ему открыть оные, повернув на дорогу из Москвы в Смоленск. Следовать по сей дороге, совершенно опустошенной и не представлявшей никаких пособий для французских войск, было уже неприятной необходимостью, но как это был единственный путь к отступлению, на коем россияне еще не совсем могли предупредить их на реке Днепре, то Наполеон и решился воспользоваться оным, не-

взирая на все бедствия, предвещаемые ему недостатком продовольствия по сей дороге. 14 октября старая гвардия и корпус маршала Нея возвратились к городу Боровску, куда Наполеон перевел также и свою императорскую квартиру. Корпус вице-короля Итальянского отступил к селу Уваровскому. Корпус маршала Даву, составлявший авангард, вместе с кавалерийской дивизией генерала Шастеля остался при Малом Ярославце.

Того ж дня в 5 часов пополуночи Российская армия равномерно отступила тремя колоннами: правая под начальством генерал-лейтенанта Бороздина, составленная из 3-го и 8-го пехотных и 1-го кавалерийского корпусов, пошла чрез деревни: Чернолокню, Семыкину, Кащурино и Ноздрино; средняя колонна под начальством генерал-лейтенанта князя Голицына, составленная из 7-го и 5-го пехотных корпусов и 2-й кирасирской дивизии, следовала по большой Калужской дороге к селу Гончарову; левая колонна под начальством генерала Дохтурова, состоявшая из 6-го пехотного корпуса и 1-й кирасирской дивизии, проходила чрез Арденеву, Староселье и Воробьеву. Все три колонны соединились на высотах Гончаровских, и армия расположилась перед селом Детчиным, куда переведена была и главная квартира. Арьергард под начальством генерала Милорадовича, состоявший из 2-го и 4-го пехотных, 2-го и 4-го кавалерийских корпусов и 14-ти казачьих полков генерала Платова, остался под Малым Ярославцем, в позиции, оставленной армией[1]. Сие отступное движение, внушенное фельдмаршалу безосновательным опасением, чтобы неприятель не пробрался в Калугу по Медынской дороге, было важной погрешностью, которая могла бы иметь самые опасные следствия, если б Наполеон вовремя приметил оную. В самом деле, чрез сие необдуманное отступление россияне открывали неприятелю прямую дорогу из Малого Ярославца в Медынь и давали ему возможность направить свое отступление чрез города Медынь, Юхнов и Ельню на Смоленск, проходя местами, нисколько еще не потерпевшими от бедствий войны. Причина наблюдать дорогу из Медыни в Калугу, тем менее могла быть побудительна, что неприятельская армия, будучи стеснена под Малым Ярославцем, не иначе могла перейти на помянутую дорогу, как чрез Боровск, Верею и Медынь, а сие составляло столь великий обход, что россияне всегда сохранили бы полную удобность предупредить неприятеля под Медынью посредством весьма короткого бокового движения от Малого Ярославца к сему городу.

Фельдмаршал князь Кутузов, известившись, что один неприятельский корпус (мы уже видели, что оный был князя Понятовского) взял направление к Медыни, отрядил 15 числа на рассвете генерал-майора Паскевича с 26-й пехотной дивизией, Нежинским драгунским полком и 18 орудиями для прикрытия полотняных заводов, лежащих на соединении дорог из Медыни и Малого Ярославца в Калугу. Генерал Паскевич получил предписание, достигнув сего селения, повернуть потом по Медынской дороге к селу Адамовскому и остановиться при оном для поддержания полковника Иловайского 9-го, который с казачьими полками занимал город Медынь.

По странному случаю, достойному примечания, обе противные стороны производили отступление свое в одно время. В ночь с 14 на 15 октября генерал Милорадович

---

[1] *Примечание переводчика.* Генералу Платову дано было приказание непременно открыть настоящее направление, которое возьмет неприятельская армия. Такого ж рода повеления посланы были к партизанам: полковнику князю Кудашеву, гвардии капитану Сеславину и артиллерии капитану Фигнеру, находившимся на флангах и в тылу Французской армии.

приказал своему арьергарду отступить к деревне Афонасьевой, дабы сблизиться к армии, и в то же время маршал Даву, оставив Малый Ярославец, возвратился за реку Лужу и следовал к Боровску. 15 числа на рассвете передовые посты российские известили, что неприятель оставил Малый Ярославец, и генерал Милорадович опять занял сей город. Генерал Платов, находившийся в сельце Зайцове, наравне с левым флангом Милорадовича также подвинулся к реке Луже в село Игнатьевское. Генерал-майор Карпов с несколькими казачьими полками послан был за реку для преследования арьергарда маршала Даву, отступившего к Боровску. Вице-король Итальянский остановился при селе Альферьевом. Наполеон со старой гвардией прибыл в Верею, где и нашел маршала Мортье, пришедшего с молодой гвардией из села Фоминского. Корпус маршала Нея достигнул Можайска.

Князь Кутузов, узнав об отступлении неприятеля к Боровску, вознамерился прикрыть дорогу, из Медыни в Калугу ведущую, по коей неприятель мог еще сделать покушение пробиться к сему последнему городу, вследствие чего армия и получила приказание идти к полотняным заводам. Выбор сей позиции был тем основательнее, что оная, прикрывая Калугу со стороны Медыни, вместе с тем сближала россиян к городам Вязьме и Гжатску, чрез которые неприятель должен был проходить в случае, если бы решился на совершенное отступление. 15 числа ввечеру армия, выступив из лагеря при Детчине, перешла к полотняным заводам двумя колоннами: правая под начальством генерала Дохтурова, составленная из 1-го кавалерийского и 8-го пехотного корпусов, 12-й пехотной дивизии и 6-го пехотного корпуса, прошла чрез селения Малахово, Букрино, Бараново, Ефаново, Чеберево, Карпово и Луки; левая колонна под начальством генерал-лейтенанта князя Голицына, состоявшая из обеих кирасирских дивизий, 3-го и 5-го пехотных корпусов, следовала по большой дороге от Детчина к полотняным заводам, куда переведена была и главная квартира.

Фельдмаршал послал также и к генералу Милорадовичу приказание, чтобы, оставя под Малым Ярославцем только два пехотных и три казачьих полка с полуротой конной артиллерии под начальством генерал-майора Карпова для наблюдения Боровской дороги, со всем авангардом своим шел бы из Малого Ярославца прямо к Медыни. Но ложное известие, полученное Милорадовичем о движении неприятельском по проселочным дорогам из Боровска в Медынь, побудило его повернуть влево к селу Адамовскому, а как он выступил весьма поздно, то в сей день дошел только до деревни Чернолокни, при коей и остановился для ночлега.

16 октября маршал Даву, преследуемый семью казачьими полками генерал-майора Карпова, приблизился к Верее. Вице-король Итальянский, прошед сей город, остановился при деревне Митяевой. Наполеон с гвардией, выйдя на Смоленскую дорогу, занял квартиру свою в селе Успенском близ места битвы Бородинской. Корпус князя Понятовского выступил от села Егорьевского по дороге к городу Гжатску[1]. Того же дня генерал-адъютант граф Орлов-Денисов, получивший начальство над отрядом полковника Иловайского 9-го, усиленным еще тремя казачьими полками с шестью орудиями донской конной артиллерии, отправился к селу Кременскому на реке Луже. Генерал-

[1] *Примечание сочинителя.* Читатель, конечно, заметил, что в последних движениях уже не упоминается более о неприятельском 8-м корпусе генерала Жюно; кажется, что сей корпус, весьма ослабленный от потерь, им понесенных, присоединен был к 3-му корпусу маршала Нея.

майор Паскевич[1] с Нежинским драгунским полком также прибыл к Кременскому, а 26-я пехотная дивизия остановилась в пяти верстах за городом Медынью. Генерал Милорадович с авангардом пришел к селу Адамовскому[2]. Генерал Платов, следуя в промежутке дорог, из Боровска в Верею и из сего последнего города в Медынь ведущих, подвинулся к селу Серединскому[3]. Главная армия имела дневку[4].

Фельдмаршал князь Кутузов, усмотрев, что неприятель, оставив всякое покушение на Медынь, обратился к Можайску, вознамерился не упускать его из виду и для того сблизиться к сему последнему городу. 17 октября в полдень армия выступила двумя колоннами: правая под начальством генерала Дохтурова, состоявшая из 1-й кирасирской дивизии, 6-го пехотного корпуса, 12-й дивизии и 1-го кавалерийского корпуса, пошла чрез деревню Макарово к селу Адамовскому. Генерал-лейтенант князь Голицын с левой колонной, составленной из 2-й кирасирской дивизии, 8, 5 и 3-го пехотных корпусов, следовал по большой Медынской дороге также к Адамовскому, в коем князь Кутузов занял свою главную квартиру. Генерал Милорадович с авангардом и генерал-майор Паскевич со своим отрядом подвинулись к селу Егорьевскому[5]. Отряд графа Орлова-Денисова расположен был за сим селением по дорогам к Верее и Можайску. Генерал Платов перешел к селу Старому близ городка Борисова[6]. Новый отряд под начальством генерал-адъютанта графа Ожаровского, из 19-го егерского, Мариупольского гусарского и четырех казачьих полков состоявший, с шестью орудиями конной артиллерии послан был чрез город Юхнов прямо к Смоленску.

Того ж 17 октября все корпуса Французской армии достигли Смоленской дороги. Наполеон с гвардией и корпусом маршала Нея перешел за речку Колочу. Вице-король Итальянский прибыл к селу Успенскому, а маршал Даву — к городу Можайску.

---

[1] *Примечание переводчика.* Получивший приказание подкреплять графа Орлова-Денисова.

[2] *Примечание переводчика.* Взяв направление чрез селения Семыкину, Бабичево и Некрасову. Казаки авангарда, под начальством генерал-майора Карпова, оставленные в восьми верстах за Малым Ярославцем, преследовали неприятельский арьергард, который, отступая с поспешностью, бросал свои обозы, ломая оные и взрывая пороховые ящики. Около 10 часов утра генерал-майор Карпов вытеснил сей арьергард из Боровска и потом повернул к селу Егорьевскому, дабы соединиться с авангардом генерала Милорадовича.

[3] Генерал Платов отрядил генерал-майора Иловайского 3-го с шестью Донскими полками и двумя орудиями конной артиллерии к селу Фатееву, что близ Боровской дороги, на смену генерала Карпова, а сам с 13 казачьими полками, пятью ротами 20-го егерского полка и ротой Донской конной артиллерии остановился при селе Серединском, откуда учредил связь с отрядом графа Орлова-Денисова, находившимся у села Кременского. В сие время размещение партизанских отрядов было следующее: полковник Кайсаров с двумя казачьими полками и двумя орудиями конной артиллерии был в селе Сатине близ Боровска. Полковник князь Кудашев с тремя казачьими полками и ротой 20-го егерского полка находился вправо от города Боровска, а полковник Ефремов с двумя казачьими полками — между Можайском и Москвой. Гвардии капитан Сеславин с двумя эскадронами Ахтырского и одним Сумского гусарских полков, одним казачьим полком, ротой 20-го егерского полка и двумя орудиями конной артиллерии, равно и капитан Фигнер с одним эскадроном Мариупольского и одним Сумского гусарских, одним казачьим полком, ротой 20-го егерского полка и двумя орудиями конной артиллерии находились между Медынской и Смоленской дорогами около села Купреева. Подполковник Давыдов с двумя эскадронами Ахтырского гусарского, двумя казачьими полками и двумя орудиями конной артиллерии действовал между городами Вязьмой и Гжатском.

[4] При полотняных заводах, дабы присоединить к себе артиллерийские парки и провиантские фуры, отделившиеся от нее при селе Тарутине в то время, когда она предприняла боковое движение к Малому Ярославцу.

[5] Где присоединился к ним и генерал-майор Карпов с пятью казачьими полками.

[6] Полковник Кайсаров, преследовавший арьергард корпуса маршала Даву по левую сторону дороги, находился близ городка Борисова, а генерал-майор Иловайский 3-й с пятью казачьими полками, следуя сбоку сказанного арьергарда по правую сторону дороги, неотступно его тревожил и поражал, между тем как два казачьих полка преследовали и теснили его с тыла.

18 числа Наполеон с гвардией и корпусом маршала Нея пришел в Гжатск. Вице-король остановился между селом Прокофьевым и Колоцким монастырем; маршал Даву отступил к сему последнему. Российская армия продолжала свое движение, дабы сблизиться к Можайску, опять двумя колоннами: генерал Дохтуров с правой колонной, состоявшей из 1-й кирасирской дивизии, 6-го пехотного корпуса и 12-й дивизии, прошел чрез селения Архангельское и Адуевское к Кременскому. Генерал-лейтенант князь Голицын с левой колонной, составленной из 1-го кавалерийского, 8, 5 и 3-го пехотных корпусов и 2-й кирасирской дивизии, также подвинулся к селу Кременскому по большой дороге, ведущей чрез город Медынь. Главная квартира занята была в Кременском. Генерал Платов, послав еще три казачьих полка на подкрепление к преследующим французский арьергард, сам с двадцатью донскими полками бросился влево, дабы предупредить его на большой Смоленской дороге, и при наступлении темноты прибыл к селу Ельне, что близ Колоцкого монастыря[1]. Генерал Милорадович намеревался было продолжать свое движение к сему же монастырю, но полученное им известие, что неприятель уже достигнул оного, побудило его переменить свое направление влево, дабы стараться нагнать неприятельский арьергард у Гжатска. Вследствие сего повернул он чрез деревню Сосновец к селу Головину, при коем и имел ночлег[2]. Генерал-майор Паскевич равномерно прибыл к Головину.

Два последних перехода, сделанные Российской армией, не приближали ее к важному пункту — городу Вязьме, почему и могли бы показаться невыгодными. Но должно заметить, что в то время еще неизвестно было намерение Наполеона отступать по Смоленской дороге. Столько же вероятно было, что он возьмет направление чрез города Волоколамск, Зубцов, Ржев, Белый, Велиж и Сураж к Витебску, по дороге хотя и дальнейшей, но для него несравненно выгоднейшей по причине, что на ней войска его никогда бы не нуждались в продовольствии в местах, еще не служивших театром войны. Если б неприятель избрал сию последнюю дорогу, в таком случае Российская армия, следуя прямо к городу Вязьме или даже оставаясь в позиции своей при полотняных заводах, лишилась бы возможности догнать его. И так нельзя осуждать намерение фельдмаршала князя Кутузова сблизиться к Можайску, чтоб быть в готовности сильнее теснить неприятеля.

События, описанные в сей главе, показывают уже начало бедствий, которые Наполеон продолжительным пребыванием в Москве навлек на свою армию. К тому ж он оказал большую нерешимость и медленность в движениях своих, даже после того как вознамерился оставить Москву. Намерение его предупредить россиян в Калуге могло быть увенчано успехом только чрез скорое исполнение оного. Вместо того мы видели, что Наполеон употребил целых шесть суток на переход к Малому Ярославцу, до которого от Москвы по прямой дороге считается только 110 верст, и следовательно, избрав сию дорогу, он мог бы поспеть туда 9 октября ввечеру. В сем случае дело шло о

[1] *Примечание переводчика.* Генерал-майор Иловайский 3-й с десятью казачьими полками, находившийся уже во фланге неприятельского арьергарда, преследуя его, побил более 500 человек. Граф Орлов-Денисов с шестью казачьими полками повернул прямо на город Гжатск, держась обще с партизанами Сеславиным и Фигнером поблизости большой дороги.

[2] *Примечание переводчика.* Кавалерия же его остановилась при деревне Шаховой.

движении столь важном и решительном, что надлежало уметь пожертвовать побочностями и не заботиться об авангарде короля Неаполитанского, который всегда нашел бы способ выйти на новую Калужскую дорогу чрез селения Ярцово, Руднево, Кузнецово, Ожигово и таким образом соединиться с Главной армией. Весьма вероятно, что если бы Наполеон успел достигнуть Малого Ярославца 9 числа, то Российская армия не токмо лишилась бы возможности предупредить его в сем городе, но даже с трудом могла бы прийти прежде его в Калугу и тогда потеряла бы все выгоды, которые приобрела она, став на сообщениях неприятеля. Даже и в том предположении, что Наполеон, предупрежденный россиянами в Калуге, нашелся бы принужденным опять сблизиться к реке Днепру, обладание Малым Ярославцем по крайней мере открыло бы ему два весьма важных пути для отступления: первый — чрез города Мещовск, Жиздру, Рославль и Мстиславль на Могилев, а другой — чрез Медынь, Юхнов и Ельню на Смоленск. Сии два пути были тем выгоднее, что оба, и особенно первый, вели чрез места, еще не потерпевшие от войны. Надлежит еще укорять Наполеона, что не решился на новое сражение после боя в Малом Ярославце. В тогдашнем положении своем он должен был на все отважиться, дабы оружием открыть себе путь к Калуге и тем избавиться от крайнего несчастия отступать по опустошенной Смоленской дороге, на коей погибель его армии делалась неизбежной. Более всего не должно забывать, что превосходство в числе, которое в то время он имел еще пред Российской армией, представляло ему виды к успеху. Впрочем, даже и самое совершенное поражение не могло иметь для Наполеона последствий гибельнейших отступления по Смоленской дороге, между тем как одержав победу, он овладел бы плодородными областями, а может быть, получил бы еще и возможность занять хорошие зимние квартиры между Калугой и Смоленском в окрестностях городов Мосальска, Мещовска, Жиздры и Брянска, по предварительном оттеснении Российской армии к Орлу или Туле.

Князь Кутузов оказал много решимости и деятельности в движении своем от села Тарутина к Малому Ярославцу. Он с искусством действовал также и после отступления французов к Боровску, но строгое беспристрастие, принятое нами за основание сего сочинения, не позволяет оправдать непростительного отступления от Малого Ярославца к селу Гончарову, коего важные неудобности выше сего уже показаны.

Глава IX

Решительное отступление французов. – Сражение при городе Вязьма. – Дело под селом Ляховым. – Пребывание Наполеона в Смоленске. – Движение вице-короля Итальянского чрез город Духовщину к Смоленску. – Неприятельская армия продолжает свое отступление. – Сражения под городом Красным.

Наконец, не было уже сомнения в совершенном отступлении французов. Наполеон, взяв направление к городу Гжатску, открыл тем, что единственное намерение его было сколь возможно скорее достигнуть Смоленска и линии, образуемой течением реки Днепра. В отступлении его начали уже показываться все признаки бегства. Трупы людей и лошадей, погибших от голода и усталости, и остатки взорванных зарядных ящиков и обозов, которые неприятель за недостатком подъемных лошадей принужден был уничтожать, уже от Боровска показывали следы его прохождения. В таковых обстоятельствах очевидно было, что все попечения фельдмаршала князя Кутузова долженствовали клониться к тому, дабы, пользуясь несчастным состоянием наполеоновской армии, стараться сколь возможно более увеличить ее потери, размножая на пути ее затруднения, препятствия и преследуя ее неослабно. Но нелегко было учредить способ такового преследования. Нельзя было всей громадой сил идти по следам неприятельским, не подвергая гибели самую Российскую армию, на дороге уже разоренной и которая после прохода французов долженствовала быть опустошена еще более. К тому ж обыкновенное преследование не представляло довольно решительных выгод, ибо всякому опытному воину известно, что если арьергард будет предводительствуем хотя с некоторым искусством, то никогда не может потерпеть большого урона. Сие покажется ясным, если рассудить, что арьергард, теснимый неприятелем, сближается к главным силам своей армии и, следовательно, на каждом шагу усиливается, между тем как победивший авангард в той же соразмерности ослабевает, удаляясь от своей армии, которая, будучи отягощена артиллерией и обозами, не может поспевать за ним и поддерживать его с успехом. По сим причинам фельдмаршал вознамерился идти с армией прямо к Вязьме, дабы, таковым движением угрожая неприятелю, предупредить его на пути к сему городу и тем самым принудить к поспешному и, следственно, гибельнейшему для него отступлению. В то же время авангард генерала Милорадовича[1] получил приказание следовать по средней дороге между армией и большой Смоленской дорогой, сблизиться к сей последней в окрестностях города Гжатска и потом, идучи сбоку оной в направле-

[1] *Примечание переводчика.* Авангард сей состоял из 2-го и 4-го пехотных, 2-го и 4-го кавалерийских корпусов с принадлежащей к ним артиллерией и пяти казачьих полков генерал-майора Карпова.

нии к городу Вязьме, быть всегда в готовности пользоваться обстоятельствами, какие представиться могут для успешного нападения на неприятельские корпуса, отступающие по большой дороге. Преследование неприятеля по пятам предоставлено было генералу Платову, усиленному 26-й пехотной дивизией генерал-майора Паскевича. Сверх того, сильные отряды легких войск должны были разъезжать в голове и во фланге французских колонн, дабы затруднять их движение и препятствовать сворачивать с большой дороги для фуражирования в окрестностях оной.

И. Ф. Паскевич (1782–1856)

Вследствие таковых распоряжений армия выступила от села Кременского 19 октября в 5 часов пополуночи двумя колоннами: правая под начальством генерала Дохтурова, из 1-й кирасирской дивизии, 6-го и 8-го пехотных корпусов состоявшая, пошла чрез селение Топорино к Спас-Кузовам; левая колонна под начальством князя Голицына, составленная из 2-й кирасирской дивизии, 3-го и 5-го пехотных корпусов, следовала чрез Исаково, Микулино и Бизяево также к Спас-Кузовам, куда переведена была и главная квартира. Новый авангард под начальством генерал-лейтенанта Раевского, из 12-й пехотной и 1-й кавалерийской дивизий составленный, находился впереди правой колонны и, прошед чрез Спас-Кузовы, остановился при селе Мочальниковом. Генерал Милорадович перешел от села Головина к деревне Красной[1], где и присоединилась к нему пехотная бригада, оставленная им в Малом Ярославце. Генерал-майор Паскевич, еще не получивший приказания соединиться с генералом Платовым, также прибыл к Красной. Генерал Платов, не доходя Колоцкого монастыря, на самом рассвете учинил нападение на арьергард корпуса маршала Даву в то время, когда сей готовился к выступлению[2]. Неприятель, в продолжение целого дня живо преследуемый казаками,

[1] *Примечание переводчика.* А кавалерия его — к Ромашкову.

[2] Сие нападение произведено было двумя казачьими бригадами в левый фланг неприятельского арьергарда. Встревоженный неприятель тотчас поднялся в поход и был преследуем с каждого фланга одной казачьей бригадой с орудиями, между тем как генерал Платов с остальными казачьими полками и донской артиллерией теснил его с тылу; французы, неоднократно останавливаясь, противопоставляли казакам пехоту с орудиями, но всегда, угрожаемые нападением во фланги, должны были удаляться. У Колоцкого монастыря, на возвышении, они хотели было держаться, но, поражаемые донской артиллерией, принуждены были оставить сию позицию и вместе с тем 20 орудий. При сем случае казаки, сделав удачное нападение на пехоту, истребили два неприятельских батальона и отбили два знамени.

отступил к деревне Гридневой, бросив на дороге 27 пушек. Сверх того, казаки отбили у него два знамени и взяли 200 человек пленных. Генерал Платов ночевал близ Гридневой.

Французская армия продолжала свое движение отдельными корпусами, следовавшими один за другим почти в расстоянии половины перехода. 19 октября Наполеон с гвардией и корпусом маршала Нея находился между городами Гжатском и Вязьмой. Вице-король Итальянский остановился при деревне Ивашковой близ Гжатска, а маршал Даву — при Гридневой. 20 числа Наполеон с гвардией и корпусом маршала Нея прибыл в Вязьму. Вице-король отступил к селу Величеву. Маршал Даву, беспрестанно тревожимый казаками и выгнанный из Гжатска[1], отступил к селению Цареву Займищу. Генерал Платов расположился в Гжатске, где и присоединился к нему генерал-майор Паскевич с 26-й пехотной дивизией. Кавалерия авангарда генерала Милорадовича вскоре после полудня появилась близ большой дороги, в то время как корпус вице-короля Итальянского проходил теснину при селении Царевом Займище. Колонны неприятельские тянулись в величайшем беспорядке. Пехота, кавалерия, артиллерия и обоз — всё шло толпой и в замешательстве, представлявшем самый удобный случай атаковать их, но генерал Милорадович, не желая завязать дела прежде, нежели соберет все войска свои, удовольствовался одним наблюдением неприятеля до прибытия пехоты, которая не могла соединиться с кавалерией прежде сумерек. Весь авангард ночевал при деревне Тарарыкиной, в двух верстах от Царева Займища. Российская армия продолжала свое движение в том же порядке, как и накануне: правая колонна следовала чрез Орлово и Назарьево к селу Силенкам, что на дороге из Гжатска в Юхнов; левая колонна также прибыла к Силенкам, проходя чрез селения Мочальниково, Матренино, Теприхово, Тешаково и Остомино. Главная квартира переведена была в Силенки. Авангард генерал-лейтенанта Раевского остановился в трех верстах за сим селением[2].

---

[1] Французская армия отступала с такой поспешностью, что россияне без изнурения людей не могли настигать ее. Одни только казаки и партизаны неотступно преследовали неприятеля, который в два дня взорвал в виду войск генерала Шатова более ста зарядных ящиков и столько же принужден был оставить на месте. Пораженный при Колоцком монастыре, он испытывал держаться местах в десяти, но искусным действием донской артиллерии и егерей везде был разбиваем. 20 октября ввечеру у города Гжатска неприятель поставил на высоте сильные пехотные колонны, выслал стрелков своих в леса по обе стороны дороги, а фронт прикрыл батареями. Восемь орудий донской артиллерии под командой полковника Кайсарова действовали с таким успехом, а пущенные им лесами в обход егеря 20-го полка, равно и казачьи бригады с их орудиями, столь сильно напали на оба фланга неприятеля, что он после двухчасового сражения принужден был поспешно отступать. Генерал Платов, посадив егерей на казачьих лошадей, теснил неприятеля во всю ночь, так что он сверх желания своего надвинулся на корпус маршала Даву, впереди его следовавший. Кавалерия неприятельская находилась в столь худом состоянии, что он должен был прикрывать и вести ее посреди своей пехоты, оставляя за собой множество изнуренных лошадей, и до 800 кирас найдено брошенных на дороге.

Того ж дня полковник Кайсаров настиг неприятеля у Царева Займища, где находились вагенбург и часть парков корпуса вице-короля Итальянского. Неприятель старался вывезти из сего селения все свои тяжести и отправить оные далее, а на высотах при Царевом Займище оставил три батальона пехоты, прикрываемые стрелками и артиллерией. Полковник Кайсаров, пользуясь густым туманом, скрытно завел бывших у него 60 человек егерей в оба фланга неприятельские и внезапно напал на оные. Изумленный неприятель, не видев малочисленности атакующих, обратился в бегство. При сем случае взята у него одна пушка и отбиты бóльшая часть парка и вагенбурга с большим богатством.

[2] *Примечание переводчика.* Во время сего бокового движения войска Российской армии имели хорошее продовольствие попечением земских начальств, которые, быв заблаговременно извещаемы из главного дежурства о направлении марша армии, свозили провиант и фураж в назначенные для сего места. Между тем партизаны подполковник Давыдов, гвардии капитан Сеславин и капитан Фигнер, имевшие наставление

21 числа Наполеон с гвардией дошел до села Семлева. Корпус маршала Нея остался в Вязьме[1]. Вице-король Итальянский со своим и князя Понятовского корпусами также должен был прийти в Вязьму, но он счел за нужное остановиться при селе Федоровском для поддержания арьергарда маршала Даву, который, будучи сильно тесним генералом Платовым и прогнан к Федоровскому, расположился пред сим селением, между большой дорогой и деревней Бобосевкой. Генерал Милорадович, следуя сбоку большой дороги, прибыл к селу Спасскому[2]. Российская армия перешла от Силенок к селу Дуброве, наблюдая прежний порядок марша. Правая колонна, предшествуемая авангардом генерал-лейтенанта Раевского, следовала чрез селения Сосницу, Дубенку и Бакарево; левая колонна шла чрез Хворово, Перетес, Якино, Кузнецово и Танеево. Главная квартира переведена была в село Дуброву[3].

22 числа рано поутру генерал Милорадович опять выступил с намерением предупредить неприятельский арьергард при городе Вязьме. Кавалерия его[4] под начальством генерал-адъютантов барона Корфа и Васильчикова следовала впереди и к 8 часам утра при сельце Максимовом взошла на высоты, повелевающие большой дорогой между селом Федоровским и Вязьмой. В то время неприятельские корпуса князя Понятовского и вице-короля Итальянского уже прошли к означенному городу, но корпус маршала Даву только что начал выступать из села Федоровского, и войска, следовавшие в голове его колонны, поравнялись с сельцом Максимовым. Генерал Милорадович тотчас приказал атаковать сии войска, коих колебание уже обнаруживало боязнь, внушенную им внезапным появлением российской кавалерии у них во фланге. Полковник Эмануэль с четырьмя эскадронами Ахтырского гусарского и Киевским драгунским полком произвел блистательную атаку, несмотря на кустарник, затруднявший его движение, и, опрокинув неприятеля, стал поперек большой дороги[5], а Харьковский драгунский полк, бывший у него в подкреплении, прошел даже за оную. С другой стороны, ге-

---

предупреждать на марше неприятельские корпуса, стараться уничтожать мосты и всякого рода переправы, истреблять заготовленные для неприятеля запасы и тревожить его, особенно в ночное время, следовали всегда сбоку большой дороги, на каждом почти шагу нападали на французов и не токмо лишали их возможности посылать партии для разведывания о движении Российской армии, но даже воспрещали их фуражирам отдаляться на версту от большой дороги. Неприятель на отступлении своем от Малого Ярославца к Гжатску потерял великое множество пленными, убитыми, знатную часть зарядных ящиков и всякого другого обоза. Таковые неудачи при самом начале отступления Французской армии произвели в войсках неприятельских ропот, а вскоре потом и неповиновение начальству, к тому ж недостаток в пище, заключавшейся в лошадином мясе, побуждал многих отлучаться от команд своих для отыскания съестных припасов, и все они попадали в руки российских партизан.

[1] Маршал Ней имел приказание, пропустив корпуса князя Понятовского, вице-короля Итальянского и маршала Даву, сменить сей последний и составить арьергард всей армии.

[2] *Примечание переводчика.* Князь Кутузов вознамерился разрезать надвое неприятельскую армию, на отступлении ее растянувшуюся от Гжатска до Вязьмы. Вследствие сего генералу Милорадовичу приказано было ускорить движение свое чрез село Спасское и стараться атаковать неприятельские корпуса порознь.

[3] Генерал-адъютант граф Орлов-Денисов, следовавший в двух переходах впереди армии, на рассвете атаковал неприятельские партии в разных местах при городе Вязьме. Они состояли из остатков разных разбитых полков и защищались упорно, однако же везде были поражены. При сем случае взяты у неприятеля одно орудие, 40 повозок с разной добычей и тайная канцелярия Наполеона вместе с секретарем оной Камюзе, многими другими чиновниками и 130 человек нижних чинов.

[4] Состоявшая из 2-го и 4-го кавалерийских корпусов и пяти казачьих полков генерал-майора Карпова.

[5] *Примечание переводчика.* При сем случае полковник Эмануэль, отрезав неприятельскую пехотную бригаду генерала Нагеля от корпуса вице-короля Итальянского, частью рассеял ее и частью взял в плен.

Казак.
1812 г.

нерал Платов, преследовавший неприятеля по большой дороге, узнав по пальбе, производимой генералом Милорадовичем, что он завязал дело, со своей стороны также атаковал арьергард маршала Даву, еще не прошедший чрез село Федоровское. Генерал-майор Паскевич с двумя бригадами 26-й пехотной дивизии, Нежинским и Курляндским драгунскими полками теснил неприятеля к Федоровскому по большой дороге, между тем как генерал Платов со всеми казачьими полками и егерской бригадой 26-й дивизии угрожал обойти левый фланг его. Французы упорно защищались в Федоровском, однако ж выгнаны были из сего селения[1] и живо преследуемы к деревне Мясоедовой. Если б в сие время вся пехота генерала Милорадовича была в готовности подкрепить свою кавалерию, то корпус маршала Даву, спереди остановленный ею, а с тылу теснимый генералом Платовым, нашелся бы в самом опасном положении, но по несчастью сия пехота, не могшая поспевать за быстрым движением кавалерии, осталась далеко позади. Несмотря на то, генерал Милорадович приказал генерал-адъютанту Васильчикову, чтобы старался удержаться на большой дороге до прибытия пехоты. Вследствие сего ахтырские гусары поставлены были на самой дороге, Харьковский драгунский полк — за оной, а остаток кавалерии расположился на высотах параллельно к дороге, причем правое крыло оной построилось в одну, а левое крыло — в две линии, примыкая левым флангом к холму, повелевавшему всеми окрестностями, на коем поставлена была конная батарея о 12 орудиях. Другие две конные батареи, каждая о шести орудиях, расположены были перед центром и правым крылом. Казаки построились за левым флангом кавалерии на продолжении тех же высот лицом к большой дороге со стороны города Вязьмы. Россияне более получаса держались в сей позиции, но как неприятель соединил против них весьма превосходные силы, то дело начало принимать неблагоприятный оборот. Вице-король Итальянский, коего передовые войска уже достигли Вязьмы, узнав об опасности, в которой находился корпус маршала Даву, решился подать ему скорую помощь. Он оставил под городом пехотную дивизию генерала Пино и итальянскую гвардию, дабы служили резервом обще с корпусом маршала

[1] *Примечание переводчика.* Когда Каргопольский драгунский полк атаковал и опрокинул часть их пехоты, построенной в колоннах за Федоровским.

Нея, который, расположившись за речкой Улицей по Юхновской дороге, прикрывал правый фланг сражавшихся войск от покушений Главной российской армии, о коей неприятель знал, что она находилась на марше к деревне Быковой. А дабы обезопасить отступление свое по Дорогобужской дороге и не быть принужденным проходить чрез город Вязьму, маршал Ней приказал сжечь Крапивенский мост на речке Улице[1] и построить другой мост на речке Вязьме у деревни Плетниковки. Вице-король Итальянский с остальными двумя пехотными дивизиями своего корпуса и польскими войсками князя Понятовского возвратился к Мясоедовой и расположился у сей деревни на высотах, откуда артиллерия его била в тыл левого крыла российской кавалерии. В то же самое время и главные силы корпуса маршала Даву равномерно вступили в дело с намерением очистить себе дорогу. Стрелки дивизии генерала Компана, пробравшись кустарником, покрывающим все место сражения, едва было не овладели российской средней батареей, которая и принуждена была отступить большим галопом; Ахтырский гусарский полк также сбит был с большой дороги. Сильные батареи, маршалом Даву и вице-королем поставленные, во всех направлениях били по батарее, занимавшей холм на левом фланге россиян, а пехотные колонны, по приказанию вице-короля спустившиеся с высот в кустарник, в тыл левого крыла россиян, принудили вторую линию их повернуться налево кругом. Таким образом, Харьковский драгунский полк, прошедший, как выше сказано, за большую дорогу, был совершенно отрезан, но командир оного полковник Юзефович, не потеряв присутствия духа, бросился со всем полком в кустарник и, проскакав во весь опор между неприятельскими пехотными колоннами, присоединился к казакам генерал-майора Карпова[2].

И. В. Васильчиков (1776–1847)

Сколь ни опасно было положение россиян, однако ж генерал-адъютант Васильчиков стоял твердо, дабы дать время подойти пехоте. Наконец, к 10 часам показался принц Евгений Виртембергский со своей 4-й дивизией, составлявшей голову пехотной

[1] *Примечание переводчика.* В это время за речкой Улицей, напротив деревни Крапивны, находились российские партизаны Сеславин и Фигнер, наблюдавшие за корпусом маршала Нея.

[2] *Примечание переводчика.* Не потеряв ни одного человека, ибо неприятель, изумленный столь решительным и быстрым движением, не сделал ни одного выстрела по драгунам.

колонны. Он тотчас бросился навстречу колоннам вице-короля Итальянского, уже подошедшим к самой подошве холма, на коем стояла батарея левого фланга, так что командир оной готовился уже увозить свои орудия; другие российские батальоны устремились против стрелков корпуса маршала Даву. Неприятель везде был опрокинут, и помянутая батарея удержала свое место. Главная часть российской пехоты[1] следовала близко за дивизией принца Евгения, но прибыла слишком поздно, ибо корпус маршала Даву успел уже пробраться полем в стороне от дороги и, прошед позади войск вице-короля Итальянского, построиться на их правом фланге. Поелику не было уже возможности отрезать неприятеля, то и надлежало довольствоваться тем, чтобы живо теснить его. Вице-король Итальянский, дабы удержать стремление россиян, послал корпус князя Понятовского в левый фланг дивизии принца Виртембергского, но генерал Милорадович тотчас противопоставил ему 23-ю дивизию от 4-го пехотного корпуса. 17-я и 11-я пехотные дивизии составили резерв. Неприятель скоро был опрокинут и отступил на высоты к деревне Мясоедовой, на коих корпуса вице-короля и маршала Даву занимали позицию. Тогда весь авангард генерала Милорадовича двинулся вперед, будучи поддерживаем на правом фланге своем генералом Платовым, вслед за маршалом Даву вышедшим из села Федоровского[2]. Российская артиллерия открыла весьма сильный огонь. Войска вице-короля храбро сопротивлялись, но полки маршала Даву, обезохоченные трудами и недостатками всякого рода, претерпенными ими на отступлении от Малого Ярославца, не имели уже той непоколебимой твердости, которой отличались они в продолжение сего похода. Неприятель был сбит и прогнан на вторую позицию, занятую им между деревней Ржавцем и хутором Рибопьера. Генералы Милорадович и Платов, продолжая успехи, ими приобретенные, построили войска свои в линию против неприятельской, и между тем как российская артиллерия громила неприятельские колонны, худо поддерживаемые их батареями, которые за изнурением лошадей с трудом могли двигаться, кавалерия[3], посланная в обход, угрожала зайти им в тыл с обоих флангов. Таковое движение принудило неприятеля поспешно отступить к городу Вязьме.

Между тем как авангард россиян сражался под Вязьмой, Главная армия их также приближалась к сему городу. Фельдмаршал князь Кутузов, выступивший от села Дубровы в 5 часов пополуночи, отрядил вперед генерал-адъютанта Уварова с гвардейским уланским, Тульским казачьим полками и обеими кирасирскими дивизиями[4], за исключением Кавалергардского и лейб-гвардии конного полков. Генерал Уваров около полудня прибыл к сельцу Скоблеву, что на дороге из Юхнова в Вязьму, но, видя себя остановленным речкой Улицей, коей болотистые берега защищаемы были всем корпусом маршала Нея, нашелся принужденным довольствоваться тем, что стрелял из пушек по неприятелю. Однако ж одного появления его достаточно было к тому, чтобы побудить неприятеля скорее отступить к Вязьме. Российская армия продолжала движение свое к деревне Быковой двумя колоннами: правая шла чрез селения Синеево

[1] Под начальством генерал-лейтенантов князя Долгорукова и графа Остермана-Толстова.

[2] *Примечание переводчика.* Около половины 11-го часа; причем в одной атаке Курляндский драгунский полк истребил целый батальон неприятельской пехоты.

[3] *Примечание переводчика.* К которой присоединились также партизаны Сеславин и Фигнер.

[4] И двумя батареями гвардейской конной артиллерии.

и Кащеево; левая колонна — чрез Логвину, Исаково, Шиманово, Черный Городок и Коршуны. Князь Кутузов, не хотевший завязать общего дела с неприятелем, остановился при деревне Быковой[1], где и занял свою главную квартиру. Генерал-лейтенант Раевский прошел за Басищево.

Вице-король и маршал Даву опять построили корпуса свои на высотах под Вязьмой, но россияне сбили их с сей третьей позиции, точно как с двух первых, и вогнали в самый город[2]. Генерал-майор Паскевич с 26-й и генерал-майор Чоглоков с 11-й пехотными дивизиями ворвались в него на штыках вслед за неприятелем. Перновский полк, бывший в голове 11-й дивизии, первый пробился в город с барабанным боем и распущенными знаменами. Тщетно неприятель хотел сопротивляться; живо преследуемый штыками на улицах города, он зажег его, дабы обезопасить свое отступление. В то же время начал отступать и корпус маршала Нея, который дважды переходил речку Вязьму: сперва по мосту у деревни Плетниковки, а потом по мосту, находящемуся на проселочной дороге из Вязьмы в деревню Лучинцово. Корпуса вице-короля Итальянского, князя Понятовского и маршала Даву равномерно прикрылись речкой Вязьмой, перейдя ее по мосту, находящемуся в полуверсте за городом на Дорогобужской дороге. Наступившая ночь прекратила сражение. Корпус генерала Платова остановился за Вязьмой на Дорогобужской дороге. Авангард генерала Милорадовича расположился на биваках между городом и деревней Крапивной параллельно к Юхновской дороге. Генерал-адъютант Уваров со своей кавалерией присоединился к армии при деревне Быковой. Корпус маршала Нея, назначенный в арьергард на смену корпуса маршала Даву, остановился на берегу речки Вязьмы[3]. Маршал Даву отступил к селу Княгинкину, а вице-король — к Новоселкам[4].

В сражении под Вязьмой, продолжавшемся с 8 часов утра до 6 часов вечера, неприятель потерял около 7000 человек, выбывших из строя, в том числе более 2000 пленных, между коими находился генерал Пелетье[5]. Сверх того, отбито было у него одно знамя и три пушки. Урон с российской стороны состоял из 800 человек убитых и тысячи раненых. Генерал-майор Свечин, увлеченный лошадью своей в кавалерийской атаке, достался неприятелю в плен. Сражение сие показывает, что уныние начало уже вкрадываться в войска Наполеона. Корпуса маршала Даву, вице-короля Итальянского и князя Понятовского, бывшие в деле, состояли еще, по крайней мере, из 40 тысяч человек под ружьем, не считая корпуса маршала Нея, между тем как число регулярных войск, находившихся под начальством генералов Платова и Милорадовича, не простиралось свыше 25 тысяч человек. Несмотря на то, по приходе российской пехоты победа ни на минуту не оставалась сомнительной.

---

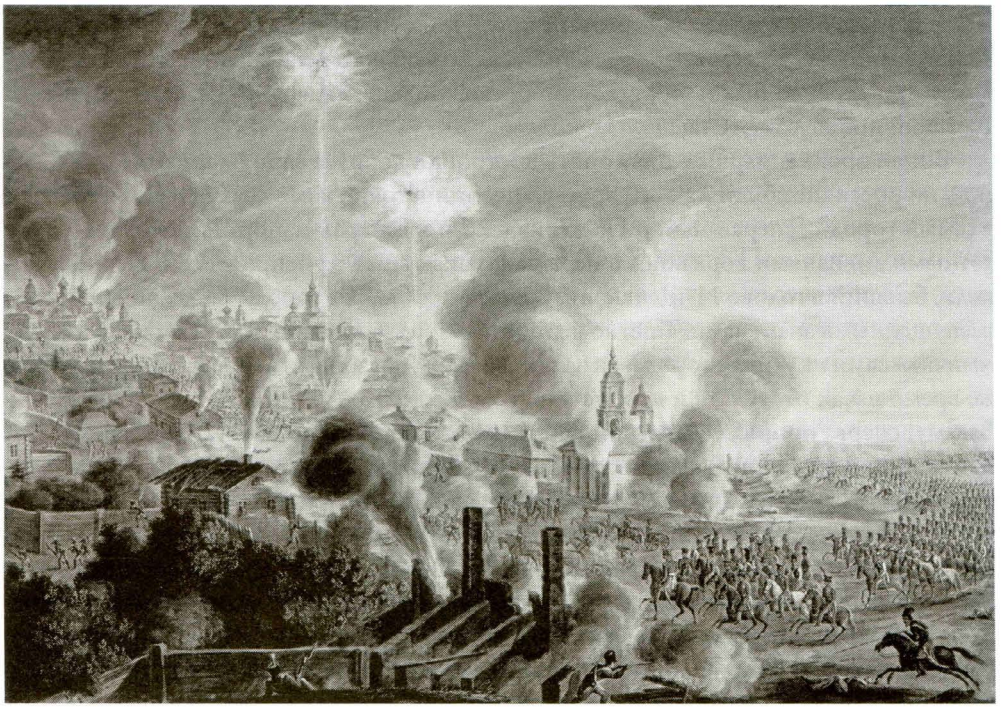
[1] *Примечание переводчика. К* коей армия прибыла к 6 часам вечера после весьма затруднительного перехода.

[2] Сие происходило около 4 часов пополудни, и хотя начинало уже смеркаться, однако ж генерал Милорадович, нимало не колеблясь, приказал тотчас атаковать неприятеля.

[3] *Примечание переводчика.* На коей мосты истреблены были неприятелем. Наполеон, узнав, что следовавшие за ним корпуса его армии атакованы были россиянами, остановился при Жалковом постоялом дворе, но, получив известие, что они избегнули опасности, им угрожавшей, продолжал отступление свое к Дорогобужу.

[4] В час пополуночи неприятель опять начал свое отступление. Маршал Ней, оставивши правый берег речки Вязьмы, преследуем был отрядами генерала Платова, генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова и подполковника Давыдова. Первый остановился при деревне Ереминой, а последние — при селах Покровском и Никольском.

[5] Также начальник штаба корпуса маршала Даву полковник Мора, другие два полковника и 30 офицеров.



Освобождение Вязьмы
3 ноября 1812 г.

Может быть, станут укорять князя Кутузова, что он не поспешил с движением Главной армии, дабы, предупредив неприятеля в Вязьме, преградить ему путь к отступлению и тем принудить его к решительному сражению для восстановления потерянного сообщения своего со Смоленском. Неоспоримо, что в сем сражении все виды к успеху находились бы на стороне россиян, ибо даже и в том случае, если б победа склонилась в пользу неприятеля, россияне имели свободное отступление на Юхнов, между тем как за поражением французов неминуемо последовала бы конечная гибель их армии, которая, будучи отрезана от всех сообщений своих, нашлась бы в ужасной необходимости или положить ружье, или спасаться бегством, рассыпавшись в разные стороны. Но мудрый полководец российский справедливо рассудил, что если принудить неприятеля искать спасения своего в сражении, то отчаяние придаст ему новые силы и вместе с превосходством числа, на его стороне бывшем, может еще утвердить за ним успех сражения или, по крайней мере, принудить россиян весьма дорого заплатить за победу; плоды же, сей победой обещанные, сколь бы совершенна ни была оная, состояли токмо в уничтожении Французской армии. Но продолжительное отступление, которое неприятель, беспрестанно обеспокоиваемый российскими войсками, должен был производить чрез страну опустошенную и в позднее время года, когда приближение зимы угрожало суровостью своей, не удостоверяло ли россиян в тех же самых последствиях, не подвергая их равным опасностям и сберегая драгоценную кровь храбрых воинов. Осторожность, в сем случае оказанная князем Кутузовым, достойна тем большей похвалы, что тогдашние поступки

его, сколь ни сообразны были с истинными выгодами отечества, однако ж произвели всеобщее неудовольствие даже в собственной его армии, которая, пылая благородным рвением сразиться с неприятелем, не без прискорбия видела, что упущен был случай нанести ему сколь блистательный, столько же и решительный удар.

В следующие дни неприятель продолжал отступление свое к Дорогобужу. 23 октября генерал Платов, преследуя его арьергард по большой дороге, взял 1500 пленных и остановился при селе Поляновом[1]. Пехота генерала Милорадовича с двумя кавалерийскими полками также выступила по большой дороге вслед за Платовым; прочая же кавалерия авангарда с принадлежащей к ней конной артиллерией за недостатком фуража на большой дороге направлена была влево от оной по проселочным дорогам[2]. Армия имела дневку при деревне Быковой[3].

Князь Кутузов, с постоянством следуя принятой им системе, вознамерился продолжать движение свое сбоку неприятельского марша чрез город Ельню к Красному[4].

Кроме выгод относительно до продовольствия, сие направление представляло россиянам еще удобность обойти Смоленск, избегая затруднений и медленности, которые две переправы чрез реку Днепр неминуемо причинили бы в их движении. 24 октября армия выступила от деревни Быковой к Красной двумя колоннами: правая[5] шла чрез Басищево, Фетиньино, Пузынино, Зобново и Монино. Левая колонна[6] сле-

---

[1] *Примечание переводчика.* Во время сего преследования генерал Платов имел с правой и с левой сторон дороги по два полка казаков, которые беспрестанно угрожали флангам неприятельского арьергарда, с прочими же полками теснил он его по большой дороге. Генерал-адъютант граф Орлов-Денисов ночевал в селе Колпите, а партизан подполковник Давыдов, на время поступивший под его начальство, остановился в деревне Максимовке.

[2] Так что, находясь только в половине перехода от большой дороги, она была в готовности угрожать обходом левому флангу отступающего неприятеля и между тем могла находить себе по деревням продовольствие.

[3] Здесь подошли к армии из Юхнова и Масальска подвозы с провиантом и артиллерийскими запасами, которые заблаговременно свезены были в сии места из Калуги и Брянска. Того ж 23 числа 26-я пехотная дивизия, отделившись от авангарда, по-прежнему присоединилась к 7-му пехотному корпусу генерал-лейтенанта Раевского.

Неприятельские войска в сей день находились: Наполеон с гвардией — при Дорогобуже, корпуса вице-короля Итальянского и маршала Даву — при селе Рыбках, а маршал Ней, к коему присоединился также и корпус князя Понятовского, — при селе Сомлеве.

[4] Во все время преследования неприятеля к городу Вязьме князь Кутузов опасался, чтобы Наполеон, оставив при сем городе Смоленскую дорогу, не направил главных сил своих чрез Ельню и Мстиславль к Могилеву. Для отвращения сего заблаговременно предписано было генерал-лейтенанту Шепелеву с Калужским ополчением, при коем находились малая часть регулярного войска и два казачьих полка, перейти из окрестностей Калуги и Рославля к городу Ельне; генерал-лейтенанту графу Гудовичу — дабы, немедленно собрав все Черниговское ополчение между городами Мглином и Суражем, оставался там впредь до повеления; а партизанам Сеславину, Фигнеру, Давыдову и графу Орлову-Денисову — чтобы, сходно с прежде данным от главнокомандующего наставлением, действовали по левую сторону Смоленской дороги. В то же время и генерал-адъютант граф Ожаровский, соединивший в городе Юхнове летучий отряд свой, направлен был прямо к городу Ельне. Но как неприятельская армия продолжала отступление свое от города Вязьмы к Дорогобужу, то фельдмаршал и заключил, что дальнейшее ее движение, вероятно, произведено будет прямо к Смоленску на соединение с маршалом Виктором, о коем известно было, что он с 9-м корпусом, состоявшим из 35 000 человек свежих войск, приближается к городу Орше. В сем предположении фельдмаршал вознамерился направить Главную российскую армию прямейшим путем к городу Красному, дабы, обойдя Смоленск, стать на пути действий Наполеона и воспрепятствовать соединению его с маршалом Виктором.

[5] *Примечание переводчика.* Под начальством генерала Дохтурова, состоявшая из 1-й кирасирской дивизии, 6-го и 5-го пехотных корпусов.

[6] Под начальством генерал-лейтенанта князя Голицына, состоявшая из 2-й кирасирской дивизии, 8-го и 3-го пехотных корпусов.

довала чрез Койдакову, Выползову, Трошино, Панфилову, Лебедеву, Бели и Максину. Главная квартира переведена была в деревню Красную. Авангард генерал-лейтенанта Раевского[1] дошел до деревни Староселья, что на дороге из Дорогобужа в Юхнов. Генерал Милорадович, имевший поручение преследовать неприятеля по большой дороге, прибыл к деревне Зарубежу[2]. Генерал Платов со своими казаками и 20-м егерским полком следовал с правого бока большой дороги[3].

24 октября Наполеон с гвардией находился при Дорогобуже; вице-король и маршал Даву — при селе Славкове; а маршал Ней с арьергардом — при селе Чоботове близ Зарубежа.

25 числа Российская армия перешла к деревне Гаврюковой, в которую переведена была и главная квартира, в прежнем порядке двумя колоннами: правая следовала чрез Папортню, Жуково, Нивки, Лужки, Максименку, Колпиту, Ледищи, Раменье и Клин; левая колонна проходила чрез Рыжково, Староселье, Андреевщину, Сапронову, Борки, Рославль и Свиную. Авангард генерал-лейтенанта Раевского подвинулся к селу Волочку. Генерал Милорадович дошел до Болдина монастыря[4]. Генерал Платов прибыл к деревне Ставковой[5]. Неприятельская армия соединилась при городе Дорогобуже, за

---

[1] Состоявший из 1-го кавалерийского и 7-го пехотного корпусов с двумя казачьими полками, следовал перед правой колонной.

[2] С кавалерией, а пехота его остановилась при селе Семлеве.

[3] Генерал Платов получил приказание следовать по правую сторону, а генерал-адъютант граф Орлов-Денисов — по левую сторону большой дороги, дабы, нападая на головы колонн отступающего неприятеля, тем замедлять его движение; особыми командами препятствовать ему фуражировать и зажигать селения и более всего стараться предупредить его на переправе чрез Днепр при деревне Соловьевой. Вследствие сего генерал Платов, преследуя неприятеля до села Семлева по большой дороге, взял в плен более тысячи человек; коль же скоро генерал Милорадович с авангардом прибыл к Семлеву и сменил Платова, то сей последний свернул с большой дороги вправо в направлении к Дорогобужу. Между тем граф Орлов-Денисов, следуя чрез село Волочок за Дорогобуж и проходя вблизи от неприятельского гвардейского лагеря, расположенного при селении Жатковом, учинил нападение на оный, причем взял в плен одного офицера, 180 человек рядовых и отбил 30 повозок с провиантом.

Князь Кутузов получил сего числа донесение от генерал-лейтенанта Шепелева, что отряженный им 14 октября к городу Ельне генерал-майор князь Яшвиль с двумя казачьими полками, двумя батальонами пехоты Калужского ополчения и четырьмя орудиями, встретив на пути своем неприятеля, опрокинул его, прогнал в помянутый город и, окружив в оном, взял в плен батальон 25-го линейного полка запасной дивизии генерала Бараге-д'Ильера. Вследствие сего партизанам Давыдову, Сеславину и Фигнеру дано было от фельдмаршала приказание усиленным маршем следовать на дороги, ведущие из городов Ельни и Рославля в Смоленск, и сколь возможно соединенно действовать против неприятельских запасных войск, в тех местах расположенных.

[4] Авангард генерала Милорадовича сильно преследовал неприятеля пять верст за Болдин монастырь, где и остановилась его кавалерия; пехота же расположилась при самом монастыре. В сей день неприятельский арьергард на отступлении своем к деревне Горке взорвал до 40 зарядных ящиков и оставил множество пленных, усталых и мертвых по дороге; две пушки, брошенные им, найдены в колодце.

[5] Равномерно и генерал Платов разбил несколько эскадронов неприятельской гвардейской кавалерии, при чем взято им два штандарта, три пушки и до 300 человек в плен. К вечеру расположился он с отрядом своим при деревне Ставковой, а передовой отряд его, состоявший из четырех казачьих полков под начальством подполковника Андреянова 2-го, перейдя вброд на правый берег реки Днепра, открыл при деревне Бизюковой тянувшегося по дороге из Дорогобужа к городу Духовщине неприятеля в числе 1500 человек пехоты в шести эскадронах кавалерии. Подполковник Андреянов, пробравшись скрытно лощинами, внезапно атаковал в правый фланг беспечно идущего неприятеля и, расстроив его совершенно, взял в плен одного офицера и 175 человек рядовых, отбил пять зарядных ящиков и знамя, взятое войсковым старшиной Тарасовым. После сего он преследовал неприятеля только партиями, а с полками своими скрытно остановился неподалеку от деревни Бизюковой.

Граф Орлов-Денисов, следуя к Соловьевой переправе чрез реку Днепр по левую сторону большой дороги, партиями своими нападал на неприятеля, в беспорядке тянувшегося по оной, причем взято в плен 126 человек и отбиты 22 повозки с разной добычей. После сего он остановился у села Дягилева.

исключением корпуса маршала Нея, оставшегося в арьергарде по сию сторону речки Осмы при деревне Горках.

До сего времени армия Наполеона претерпевала только недостаток в съестных припасах. Теперь мы увидим ее, истребляемую другим врагом, не менее жестоким, как и голод. Суровость холодного северного климата открыла для нее новые источники бедствий и разрушения. Осень, доселе необыкновенно сухая и теплая, наконец уступила место зиме. 26 октября выпал снег и начались морозы. Дороги сделались скользкими и почти непроходимыми для малого числа лошадей, оставшихся у неприятеля, коих он не имел ни времени, ни способов подковать на шипы, а ночные биваки наносили смерть людям, изнуренным и недовольно тепло одетым по времени года. С другой стороны, недостаток в съестных припасах день ото дня увеличивался. Тогда начались те ужасы, по коим отступление французов из России следует поместить в число разительнейших бедствий, когда-либо постигнувших человечество. Люди целыми сотнями вдруг падали мертвы от изнурения и холода. Вся дорога, устланная трупами, представляла плачевное зрелище беспрерывного места сражения. Между сими трупами встречались кучи умирающих, которые в лютом исступлении, пожирая остатки несчастных товарищей своих, за несколько минут пред тем умерших, сей ужасной пищей старались поддержать слабые остатки жизни, коей, в свою очередь, готовились лишиться. Не бывшие очевидцами сих бедственных происшествий с трудом поверят повествованию, которое история с прискорбием должна делать об оных в наставление и страх потомству[1].

26 числа Наполеон с гвардией и маршал Даву со своим корпусом продолжали отступление к Смоленску. Вице-король Итальянский получил приказание взять направление чрез города Духовщину и Поречье к Витебску, дабы подать помощь маршалу Удино, о коем имели известие, что он сильно утеснен был под городом Полоцком российским корпусом графа Витгенштейна. Вследствие сего вице-король, перейдя реку Днепр при Дорогобуже, отправился к селу Заселью. Сей переход по причине дурного состояния дороги был весьма затруднителен для его войск. Сверх того, казаки генерала Платова,

[1] *Примечание переводчика.* Наполеон, ослепленный желанием отмстить россиянам за испровержение всех его предприятий, с самого начала отступления своего от Малого Ярославца дал повеление зажигать все города и селения, чрез которые войска его проходить будут. Вскоре Боровск, Верея, городок Борисов, Можайск, Гжатск, Вязьма и Дорогобуж соделались жертвой пламени. Гвардия Наполеона, следовавшая в голове армии, грабила, жгла и истребляла все, встречавшееся ей по дороге, забыв, что идущие за ней корпуса имеют необходимую надобность в покрове для отдохновения и защиты от суровости климата. Сии последние по прибытии к Дорогобужу, в коем неприятель собрал довольно большие запасы, особенно в горячем вине состоящие, нашли, что город был сожжен гвардией, магазины разграблены и вино ручьями текло по улицам, между тем как остаток армии умирал от недостатка крепких напитков. Таким образом, сам Наполеон приготовил пустыню, в коей немалая часть его армии погибла от голода, изнурения, стужи и раздраженных поселян, вооружившихся для отмщения неприятелю за ужасы, коих делывались они жертвой.

Напротив того, князь Кутузов, сберегая войска Главной армии, приказал располагать их по корпусам в кантонир-квартирах, хотя в сие время морозы были еще весьма слабы. Попечением же и предусмотрительностью начальника главного штаба генерал-лейтенанта Коновницына армия снабжена была не только хлебом, вином и мясом, но в свое время и полушубками, а кавалерия и артиллерия — зимними подковами. Сия последняя предосторожность много способствовала успешному поражению неприятеля, ибо под конец ничто так не устрашало его, как казаки, обыкновенно подкрепленные регулярной кавалерией с конной артиллерией, которые, пробираясь едва проходимыми местами, делали на него беспрестанные нападения, помогали поселянам поражать неприятельские партии, сворачивающие в сторону с большой дороги для грабежа или искания съестных припасов, и, пренебрегая брать в плен избегнувших от сего поражения, опять сгоняли их на большую дорогу.

Французские войска между Дорогобужем и Михайловкой.
7 ноября 1812 г.

догнав корпус вице-короля при деревне Бизюковой, сильно тревожили его[1]. Генерал Платов, остановившись при деревне Марковой, отрядил генерал-майора Грекова 1-го с пятью казачьими полками, дав ему приказание выйти на большую Смоленскую дорогу вниз по правому берегу реки Днепра[2].

Генерал Милорадович, со своей стороны, выступив в 4 часа пополуночи, настиг неприятельский арьергард на переправе чрез речку Осму и нанес ему значительный урон. Неприятель отступил к Дорогобужу и, пользуясь выгодным местоположением сего города, вознамерился защищать доступ к оному. Генерал Милорадович атаковал его 30-м и 48-м егерскими полками, но как по двухчасовом бое неприятель все еще упорно

[1] Генерал Платов около 4 часов пополудни внезапно напал на корпус вице-короля и, отбив два орудия, разрезал его на две части, из коих одна потянулась к Духовщине, а другая, приведенная в крайний беспорядок, оттеснена была к стороне Днепра и Дорогобужа. Наступившая ночь воспрепятствовала казакам пользоваться сим расстройством неприятеля, который, пробираясь разными проселочными дорогами, на другой день опять соединился с частью, пошедшей к Духовщине.

[2] Генерал Платов сделал сие по предписанию фельдмаршала, дабы при слободе Пневой перехватить неприятеля, отступавшего по большой Смоленской дороге.

сопротивлялся, то Милорадович и приказал 4-й пехотной дивизии принца Евгения Виртембергского обойти его с правого фланга. Сие движение побудило неприятеля оставить город, который и был тотчас занят российским авангардом. Неприятель, потерявший четыре пушки[1] и 600 человек пленных, преследован был до речки Ужи[2]. Россияне потеряли только 60 человек, выбывших из строя.

Князь Кутузов с армией подвинулся к деревне Белому Холму. Переход от деревни Гаврюковой до села Волочка произведен был в одной колонне, но от Волочка армия по-прежнему разделилась на две колонны: правая следовала чрез селения Теплянку, Секарево, Пискарево и Гридневку к Белому Холму; левая колонна шла чрез Петрикино, Костино, Барсуки, Ушаково, Горбачево и при Белом Холме соединилась с правой колонной. Генерал-лейтенант Раевский с авангардом[3] подвинулся к деревне Хлыстам, что на большой дороге из Дорогобужа в Ельню.

27 октября армия прибыла к городу Ельне. Правая колонна проходила чрез селения Суханово, Бобровичи, Пожогино, Еремино и Шилово; левая колонна — чрез Щемелинино, Островщину, Топорово, Лукьяново, Прилепы, Юрьево и Холмы. Главная квартира занята была в Ельне. Дабы укрыть войска от суровости мороза, оные расположены были на квартирах по окрестным деревням. Таким образом россияне приобрели еще новую выгоду пред неприятелем, который, следуя по опустошенной дороге, нигде не мог найти себе убежища и посему принужден был проводить ночи под открытым небом. Генерал-лейтенант Раевский с авангардом подвинулся к деревне Петровой[4], что на дороге из Ельни в Смоленск. Генерал Милорадович, предоставив генерал-майору Юрковскому с казаками и двумя драгунскими полками[5] преследовать неприятеля по большой Смоленской дороге, склонился с авангардом влево для сближения с Главной армией и, проходя проселочными дорогами, прибыл к селу Коскову на реке Уже. Генерал Юрковский гнал неприятельский арьергард до деревни Соловьевой, где оный на переправе чрез Днепр бросил 21 пушку и 60 зарядных ящиков. Сверх того, во время преследования взято у неприятеля до 400 человек пленных, не считая усталых[6].

28 числа армия имела дневку. Генерал Милорадович прибыл к деревне Алексеевой.

---

[1] *Примечание переводчика.* Из коих две отбиты были егерями и две взяты казаками генерал-майора Карпова.

[2] Генерал Милорадович, пройдя город, остановился с пехотой для ночлега. Он послал по Смоленской дороге генерал-майора Юрковского с казаками и двумя полками регулярной кавалерии, которые, преследуя неприятеля до речки Ужи 12 верст от Дорогобужа, отбили у него три пушки и 40 человек пленных. Другие два полка регулярной кавалерии с двумя казачьими полками под начальством полковника Васильчикова 9-го подвинуты были на некоторое расстояние по дороге в Духовщину. Сего числа граф Орлов-Денисов отрядил сильную партию казаков к Соловьевой переправе, дабы уничтожить мост, в сем месте построенный неприятелем на реке Днепре. Казаки, остановленные неприятельской пехотой, не могли исполнить данного им поручения, однако ж успели отбить восемь палуб с зарядами и захватить 257 человек в плен.

[3] *Примечание переводчика. К* коему присоединился еще 2-й кавалерийский корпус.

[4] Проходя чрез селения Ушаково, Устиново и Чепцово.

[5] Сей отряд состоял из казаков генерал-майора Карпова, подкрепленных Новороссийским и Черниговским драгунскими и 1-м егерским полками с четырьмя батарейными орудиями.

[6] *Примечание переводчика.* После сего генерал-майор Юрковский, сходно с приказанием генерала Милорадовича, отправил Новороссийский и Черниговский драгунские и 1-й егерский полк с четырьмя батарейными орудиями на соединение с отрядом генерала Платова, преследовавшим корпус вице-короля Итальянского; с казачьими же полками генерал-майора Карпова поспешил возвратиться к авангарду генерала Милорадовича.

В. В. Орлов-Денисов
(1780–1843)

В конце сентября месяца французский генерал Бараге-д'Ильер составил в Смоленске дивизии из четырех запасных рекрутских полубригад[1], вновь прибывших из Франции. Наполеон, выходя из Москвы, послал к нему повеление подвинуться к городу Ельне, без сомнения, в намерении обезопасить от российских партизан сообщение между Смоленском и городом Калугой, в который сам он надеялся прийти с главными силами своей армии. Но как французский император, не успевший пробиться к Калуге, нашелся принужденным возвратиться на большую Смоленскую дорогу, то, озаботившись распоряжениями касательно предпринимаемого им отступления, он не имел времени послать новое приказание к Бараге-д'Ильеру. От сего последовало, что сей генерал, не имея никакого дальнейшего направления, считал обязанностью остаться между Смоленском и городом Ельней, хотя приближение главных сил российских, кажется, и долженствовало бы заставить его помышлять о безопасности вверенной ему дивизии. Войска его размещены были по квартирам в селах Язвине, Ляховом и Долгомостье. Российские партизаны граф Орлов-Денисов, Давыдов, Сеславин и Фигнер, предшествовавшие армии, соединились для совокупного нападения на сию дивизию[2]. 28 октября трое последние пошли прямо к Ляхову, между тем как граф Орлов-Денисов, разделив отряд свой на две части, взял на себя пресечь сообщения села Ляхова с Язвиным и Долгомостьем. Неприятель, внезапно окруженный в Ляхове, намеревался было выйти оттуда для занятия высоты, лежащей впереди сего селения по дороге к Дубасищу, однако ж прогнан был назад выстрелами российской батареи, уже успевшей занять помянутую высоту. Неприятель сделал вторичное покушение овладеть высотой, но, будучи опять отбит и сильно поражаем действием батареи, потерял надежду пробиться, почему и сдался на договор в числе двух тысяч человек, между коими находились бригадный генерал Ожеро и 60 штаб- и обер-офицеров. Сим последним дано позволение удержать при себе шпаги, а всем

[1] В числе 9000 человек.

[2] *Примечание переводчика.* Последние трое, заслонявшие от неприятеля движение Главной армии, 27 числа соединились при селе Дубасище, где, узнав о размещении дивизии генерала Бараге-д'Ильера, немедленно известили о том графа Орлова-Денисова.

пленным вообще сохранить их собственность. При сем достойно замечания, что российские войска, окружившие село Ляхово, составляли не более 2000 человек. Генерал Бараге-д'Ильер послал находившуюся при нем в Долгомостье кавалерию на помощь к своему посту в селе Ляхове, но оная была атакована и опрокинута войсками графа Орлова-Денисова. Французы, занимавшие села Долгомостье и Язвино[1], поспешно отступили к Смоленску.

29 октября князь Кутузов с армией прибыл к селу Балтутину, что на дороге из Ельни в Смоленск, а генерал Милорадович — к селу Ляхову на той же дороге[2]. 30 числа князь Кутузов перевел главную квартиру свою в село Лобково на дороге из Смоленска в Рославль. 3, 5 и 6-й пехотные корпуса и кирасиры расположились по деревням в окрестностях Лобкова. Генерал Милорадович с новым авангардом, составленным из 2-го, 7-го пехотных и 4-го кавалерийского корпусов, пошел к селу Сверчкову и деревне Лазаревой[3]. Наблюдательный корпус, из 4-го и 8-го пехотных и 2-го кавалерийского корпусов составленный, расположен был при деревнях Юковщине и Чуловой для наблюдения дороги из Смоленска в Ельню[4].

30 октября Смоленское ополчение под начальством генерал-лейтенанта Лебедева выступило из города Ельни к Дорогобужу, где назначено было ему оставаться впредь до повеления.

Российская армия производила свое движение с такой быстротой, что многие неприятельские отряды не успели получить приказаний к отступлению. Одно из их депо, учрежденное в селе Клементьевом, 30-го числа схвачено было врасплох полковником Бистромом, отряженным для сего с двумя батальонами лейб-гвардии егерского полка, одним эскадроном лейб-кирасирского Его Величества полка и сотней тульских казаков. При сем случае взято было 1300 человек пленных. В следующий день другой неприятельское депо схвачено было в селе Княжевом[5].

---

[1] *Примечание переводчика.* Неприятель, находившийся в селе Язвине, воспользовался для отступления тем временем, пока российские партизаны вели переговоры с генералом Ожеро.

[2] 3, 5 и 6-й пехотные корпуса и кирасиры расположены были в окрестностях села Балтутина; 7-й пехотный корпус — при селе Сверчкове на Рославльской, а 8-й корпус — в разных деревнях по Ельненской дороге. 1-й кавалерийский корпус и два казачьих полка разделились поровну на обеих сих дорогах.

[3] Генерал Милорадович, оставя при селе Ляховом 4-й пехотный корпус с одним казачьим полком, сам со 2-м пехотным и 4-м кавалерийским корпусами и двумя казачьими полками перешел к селу Сверчкову на соединение с 7-м пехотным, 1-м кавалерийским корпусами и казачьим отрядом генерал-майора Юрковского.

[4] 8-й пехотный корпус, соединившись с 4-м пехотным и 2-м кавалерийским корпусами, подвинулся с ними к деревням Юковщине и Чуловой.

[5] *Примечание переводчика.* Между тем отдельные передовые отряды направлены были к Днепру для овладения запасами, заготовленными неприятелем на пути его отступления. Отряды партизан: Давыдова, Фигнера и Сеславина, двинулись к Орше и Дубровне, дабы, перешед Днепр, открыть движение корпуса маршала Виктор, и, если возможно, учредить сообщение с армией графа Витгенштейна, о коем имел известие, что 20 октября она находилась уже при местечке Чашинках. На тот же предмет летучему отряду генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова предписано было следовать к городу Бабиновичам. Наконец, отряды генерал-адъютантов графа Ожаровского и графа Орлова-Денисова направлены были к городу Красному. Последний из них, узнав на марше своем к селу Пронину, что многие артиллерийские неприятельские депо расположены по селениям, атаковал оные 30-го числа в разных местах и взял в плен до 1300 человек. Сверх того он отбил 400 повозок с вином, провиантом и фуражом, более тысячи запасных лошадей, назначенных

31-го числа Российская армия имела дневку. На другой день князь Кутузов перевел главную квартиру свою в село Щелканово на дороге из Смоленска в Мстиславль. 3, 5, 6, 7-й и 8-й[1] пехотные корпуса и кирасиры расположились по деревням, в окрестностях Щелканова. 4-й пехотный и 2-й кавалерийский корпуса стали при селе Лучинках для прикрытия армии со стороны Смоленска. 4-й кавалерийский корпус оставлен был у деревни Лазаревой, для перекования лошадей своих. Генерал Милорадович со 2-м пехотным и 1-м кавалерийским корпусами прибыл к селу Червонному.

Генерал-адъютант Голенищев-Кутузов назначен был государем императором на место генерала Винцингероде для командования отрядом, занявшим Москву, который и состоял из Казанского драгунского, Изюмского гусарского, лейб-гвардии казачьего и двух Донских казачьих полков. Выступив из Москвы 23 октября, он взял направление к Смоленску по правую сторону большой дороги, имея впереди два Донских полка под начальством генерал-майора Иловайского 12-го, и следовал с такой быстротой, что 28 числа прибыл в село Тарбеево, лежащее на дороге из Вязьмы в Сычевку, а 30-го — в село Батищево при дороге из Дорогобужа в город Белый[2].

Между тем неприятель продолжал отступление свое к Смоленску. Наполеон с гвардией прибыл в сей город 28 октября. В следующие дни присоединились к нему маршалы Даву и Ней.

Мы уже видели, что вице-король Итальянский, преследуемый генералом Платовым, взял направление к городу Духовщине. 27 октября выступил он от села Заселья к Ульховой слободе. Казаки, преследовавшие его по пятам, овладели 64 пушками, брошенными на дороге, и взяли до трех тысяч человек усталых или отлучившихся от

под артиллерию, и до 200 штук рогатого скота. Все сие употреблено было в пользу армии. Граф Орлов-Денисов, продолжая путь свой к городу Красному и узнав, что в селе Червонном расположилась ночевать дивизия польских войск, под начальством генерала Зайончека, вышедшая из Смоленска с намерением идти прямо в Могилев, поспешил 31-го числа к помянутому селению. Неприятель, уведомившись о приближении Российских войск, повернул к городу Красному и был преследуем отрядом графа Орлова-Денисова, который взял у него до 300 человек в плен.

31-го числа открыт был российскими фуражирами в самом близком расстоянии от главной квартиры неприятельский отряд в 700 человек, прикрывавший разные подвозы с провиантом, следовавшие в Смоленск. Полковник Крыжановский, отряженный с лейб-гвардиии Финляндским полком и сотней казаков для перехвата оных, присоединил к себе конных фуражиров кирасирских полков и, упредив неприятеля при селе Княжевом, окружил его в близлежащей роще. Французы, после сильного сопротивления, частично были побиты, а остальные взяты в плен в числе одного штаб-офицера, 18 обер-офицеров и 370 человек нижних чинов. Потери с российской стороны убитыми и ранеными составили 90 человек. Генерал-майор князь Урусов, приближавшийся к городу Ельне, с пятью пехотными полками вновь сформированных войск, получил повеление следовать за главной армией в трех или четырех переходах.

[1] 1 ноября 8-й пехотный корпус опять присоединился к главной армии.

[2] *Примечание переводчика.* Отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова по выступлении из Москвы следовал чрез Звенигород, Рузу, Гжатск и 30 октября прибыл в село Николу-Погорелый. Два казачьих полка под начальством генерал-майора Иловайского 12-го, составлявшие авангард оного, выступив 20 числа из окрестностей Рузы, 27-го прибыли к городу Духовщине. Между тем шесть батальонов пехоты с полуротой конной артиллерии получили приказание следовать из Твери к городу Зубцову, дабы присоединиться к отряду генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова, на место коего 25 октября вступило в Москву Владимирское ополчение под начальством генерал-лейтенанта князя Голицына в числе 12 800 человек, 5-й Уральский казачий полк и команда Павлоградского гусарского полка. В то же время Нижегородское ополчение под начальством генерал-лейтенанта графа Толстова двинулось из Нижнего Новгорода к Владимиру.

Французский бивуак в Смоленске.
13 ноября 1812 г.

корпуса для искания съестных припасов[1]. Следующий день столь же был несчастлив для вице-короля: он приказал накануне поставить мост на реке Вопи, но, прибыв к переправе, нашел, что сего невозможно было сделать по причине льда, шедшего по реке. Надлежало решиться переходить ее вброд, по пояс в воде, несмотря на льдины и чрезмерную крутость берегов, от гололедицы сделавшихся почти недоступными. От сего произошла большая затруднительность и медленность в переправе, однако ж войска, преодолев сии препятствия, перешли реку и даже успели перевезти чрез нее несколько пушек, но как между тем спуск с берега и брод все более и более портились, то и невозможно было перетащить остатка артиллерии. Таким образом, 23 пушки и весь обоз достались в добычу казакам, которые, будучи в продолжение большой части дня удерживаемы неприятельским арьергардом, под вечер достигли берегов реки Вопи[2]. Наступившая ночь была бедственна для войск вице-короля: солдаты, вымокшие при переправе чрез реку, совсем не в силах были выдерживать стужу, между тем как крайняя необходимость ночевать на биваках подвергала их всей жестокости оной. 29 числа вице-король продолжал свое движение к Духовщине. Пехотная дивизия генерала Брусье, одна только сохранившая 12 пушек, составила арьергард. Главные силы 4-го корпуса, почти совершенно расстроенные, в беспорядке тянулись по Духовской дороге. К довершению несчастья сей город оказался уже занятым генерал-майором

[1] Вся же потеря неприятельская, вместе с убитыми, простиралась свыше 5000 человек.

[2] *Примечание переводчика.* При этом взято у неприятеля еще 200 человек пленных.

Иловайским 12-м, который с двумя казачьими полками следовал впереди отряда генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова[1]. Однако ж и в сем гибельном положении вице-король Итальянский не потерял присутствия духа: расчислив, что россияне не могли еще занять Духовщину большими силами, он послал против них итальянскую гвардию, построенную в каре, подкрепленную несколькими эскадронами баварской кавалерии, у коих оставалось еще небольшое число лошадей. Казаки были опрокинуты и вытеснены из города, при коем вице-король и расположил весь свой корпус. Несмотря на то, положение его все оставалось весьма затруднительным. Отдаленное расстояние Витебска не позволяло ему продолжать отступление к сему городу, не подвергнув отделившегося от армии корпуса своего тем вернейшему истреблению, что, лишившись большей части своей артиллерии и кавалерии, он почти не имел уже средств сопротивляться казакам, толь неотступно на него нападавшим. Вследствие сего вице-король решился возвратиться к Главной армии в Смоленск, где надеялся еще найти некоторое продовольствие. 30 число простоял он у Духовщины, чтобы дать несколько отдохнуть своим войскам, а на другой день, взяв направление к Смоленску, прибыл к деревне Володимеровой. Казаки, по пятам преследовавшие его арьергард, с 4 часов пополуночи до 5 часов пополудни отбили у него еще две пушки. Генерал Платов остановился ночевать у деревни Звенихи.

1 ноября вице-король прибыл в Смоленск с остатками своего корпуса[2].

Французская армия снова соединилась в Смоленске, однако ж Наполеон не мог долее оставаться в сем городе. Фельдмаршал князь Кутузов, повторив в окрестностях Смоленска искусный маневр, столь удачно произведенный им под Москвой, уже овладел Рославльской и Мстиславльской дорогами и угрожал сообщениям неприятельским с городами Оршей, Борисовым и рекой Березиной. С другой стороны, наступательные движения графа Витгенштейна и адмирала Чичагова долженствовали привести Наполеона в справедливое опасение о своем тыле и побудить его к поспешному отступлению, дабы достигнуть Березины прежде, чем успеют правая и левая российские армии соединиться для воспрещения ему переправы чрез сию реку, а как, сверх того, смоленские магазины недостаточны были для довольствования неприятельской армии, то каждый день отсрочки токмо увеличивал бы ее потери без всякой пользы. Причины сии побудили французского императора с прибытием вице-короля Итальянского продолжать свое отступление по дороге к городу Красному. Часть его гвардии вышла из Смоленска 1 ноября. Сам Наполеон с остатком гвардии выступил 2 числа, а корпуса вице-короля Итальянского, маршалов Даву и Нея, к коему присоединен был

---

[1] *Примечание переводчика.* Французский генерал Сансон, с несколькими офицерами генерального штаба посланный вперед для обозрения местоположения, 28 числа атакован был генерал-майором Иловайским 12-м и взят в плен со многими штаб- и обер-офицерами, а с ними почти 500 человек нижних чинов.

[2] *Примечание переводчика.* 30 числа около 10 часов вечера казаки генерала Платова с артиллерией, появившись при Духовщине, встревожили неприятеля, расположенного на биваках под самым городом. Сие побудило вице-короля Итальянского, имевшего уже известие о занятии Витебска войсками графа Витгенштейна, выступить в ночь с 30 на 31 число по дороге к Смоленску. При сем неприятель предал огню город Духовщину и все окрестные селения. Казаки, препятствуя ему фуражировать, теснили его с тыла и флангов до самого Смоленска. Корпус вице-короля на отступлении своем от Духовщины к Смоленску потерял до 1500 человек.

корпус князя Понятовского[1], по очереди оставляли сей город, следуя один за другим в расстоянии одного перехода.

Между тем генерал-адъютант граф Ожаровский, как уже сказано, заранее посланный вперед с летучим отрядом, прибыл в окрестности Красного. Узнав, что город сей занят был слабым неприятельским отрядом, он напал на него врасплох 2 числа и взял его в плен, однако ж, видя приближение первых колонн французской гвардии, оставил город и отступил к деревне Кутькову[2].

Того ж дня Российская армия продолжала сближаться к Красному. Князь Кутузов перевел главную квартиру свою в село Юрово. 3, 5, 6 и 8-й пехотные корпуса и кирасиры расположились по квартирам в окрестностях сего селения. 23-я пехотная дивизия от 4-го корпуса и 4-й кавалерийский корпус оставлены были при селе Лучинках. Граф Остерман-Толстой с 11-й пехотной дивизией и 2-м кавалерийским корпусом перешел к селу Кобызеву[3]. Генерал Милорадович со 2-м, 7-м пехотными и 1-м кавалерийским корпусами расположился при деревнях Рогайловой и Задорожье. О выходе неприятеля из Смоленска не было еще никакого известия.

3 ноября генерал Милорадович, выступив рано поутру к селу Ржавке, вышел на большую дорогу из Смоленска в Красный, в то время когда гвардия Наполеона тянулась по ней к сему последнему городу[4]. Батарея о 24 орудиях, тотчас поставленная россиянами, привела неприятеля в беспорядок, а Милорадович, пользуясь сим, двинулся вперед и стал поперек большой дороги, причем встретил только слабое сопротивление. Часть неприятельских войск, составлявшая хвост колонны, отрезанная и прогнанная назад к Смоленску 2-м корпусом генерал-лейтенанта князя Долгорукова[5], принуждена была искать спасения, рассыпавшись по лесам, между большой дорогой и рекой Днепром лежащим. В то же время генерал-лейтенант Раевский с 7-м пехотным корпусом теснил главную часть неприятельской колонны к городу Красному и нанес ей значительный урон[6]. С наступлением ночи генерал Милорадович возвратился к деревне Угрюмовой,

---

[1] *Примечание переводчика.* За исключением пехотной дивизии генерала Зайончека, уже прошедшей к городу Красному. Корпус польских войск присоединен был к корпусу маршала Нея с того времени, как князь Понятовский, ушибясь от падения лошади, оставил начальство над оным.

[2] Генерал-адъютант граф Ожаровский с отрядом, состоявшим из 19-го егерского, Мариупольского гусарского и четырех казачьих полков с полуротой конной артиллерии, 2 ноября на рассвете быстро атаковал польскую дивизию генерала Зайончека, остановившуюся в Красном, и, тотчас овладев сим городом, захватил весь неприятельский обоз, но видя, что сильные неприятельские колонны тянулись из Смоленска к Красному, и не имея способов удержаться в городе, не подвергнув отряд свой опасности, он отступил к деревне Кутьково в трех верстах от Красного. В сем деле захвачено в плен 11 штаб- и обер-офицеров и до 900 нижних чинов. Урон с российской стороны был маловажен.

[3] *Примечание переводчика.* По прибытии к Кобызеву граф Остерман-Толстой послал Псковский драгунский полк для очищения окружных селений, занятых неприятелем. Полк сей, открыв три эскадрона кавалерии, атаковал их, разбил совершенно и взял в плен пять офицеров и 290 человек рядовых.

[4] Авангард генерала Милорадовича вместе со 2-м кавалерийским корпусом, присоединившимся к нему накануне, состоял почти из 16 000 человек под ружьем и прибыл к большой дороге около 4 часов пополудни. 2-й пехотный корпус шел в голове колонны.

[5] *Примечание сочинителя.* Сей генерал получил начальство над 2-м пехотным корпусом, упраздненное смертью генерал-лейтенанта Багговута.

[6] *Примечание переводчика.* Российская кавалерия, соревнуясь с пехотой, не упускала случая пользоваться расстройством неприятеля. Гвардейская кавалерийская дивизия под начальством генерал-адъютанта барона Меллера-Закомельского, подкрепленная 5-м егерским полком генерал-майора Гогеля, атаковала неприятеля,

оставя на большой дороге одних казаков[1]. В сем бою взято у неприятеля одиннадцать пушек и до двух тысяч человек пленных[2].

Главная российская армия дневала при селе Юрове, за исключением 3-го пехотного корпуса кирасир. Сии последние посланы были к селу Малышеву для прикрытия квартир армии со стороны города Красного; а граф Строганов с 3-м пехотным корпусом пошел к селениям Рогайлову и Осиновое, дабы служить подкреплением генералу Милорадовичу. 23-я пехотная дивизия и 4-й кавалерийский корпус присоединились к графу Остерману-Толстому при селе Кобызевом. Со стороны французов вице-король Итальянский, выступивший из Смоленска, прибыл к деревне Лубне.

Наполеон, узнав о малочисленности российского отряда графа Ожаровского, находившегося при деревне Кутьковой, приказал генералу Роге с дивизией молодой гвардии, атаковать его в ночь с 3 на 4 число. Граф Ожаровский по слабости своего отряда не мог сопротивляться с успехом, однако ж ему удалось отступить к селу Палкину без важной потери[3].

4 ноября Российская армия выступила из квартир своих при селе Юровом двумя колоннами: правая под начальством генерал-лейтенанта Лаврова, состоявшая из 5-го пехотного корпуса, следовала чрез селения Волково, Хламово, Толстики, Забрики и Малышеву, где, соединившись с 3-м пехотным корпусом, пришедшим от деревни Задорожья, продолжала движение свое к деревне Новоселкам; левая колонна под начальством генерала Дохтурова, из 6-го и 8-го пехотных корпусов составленная, проходила чрез Бритово, Гололобово, Васильево, Новое Село и Брюханову, откуда повернула чрез Сырхатино к Новоселкам. От деревень Малышевой и Брюхановой впереди колонн шли кирасиры: 1-я дивизия перед правой, а 2-я дивизия перед левой колонной. Армия расположилась на биваках по дороге из города Красного в

оттесненного к стороне Смоленска, и по жестоком сопротивлении, отбив у него четыре пушки, взяла в плен 500 человек гвардейских солдат. С другой стороны, Сумский гусарский полк отбил две пушки, а полковник князь Кудашев с казаками — одну.

[1] Генерал-майор Юрковский с казачьим отрядом своим остался на большой дороге; прочие все войска для удобнейшего отдыха отошли на четыре версты в сторону от дороги и в параллельном к ней направлении расположились на ночлег при деревне Угрюмовой.

[2] Потеря с российской стороны не превышала 300 человек убитых и раненых.

[3] *Примечание переводчика.* Отряд графа Ожаровского, находившийся только в трех верстах от города Красного, беспрестанными нападениями своими крайне тревожил Наполеона, прибывшего с гвардией в сей город. Дабы избавиться от столь близкого и беспокойного соседа, Наполеон приказал генералу Роге сделать ночное нападение на российский отряд и стараться, окружив его, совершенно уничтожить. Неприятель в числе 7000 человек, приближась в три часа пополуночи к деревне Кутьковой, быстро повел свою атаку тремя колоннами, однако ж граф Ожаровский, чрез осторожность передовых постов своих заблаговременно извещенный о движении неприятеля, уже был в готовности встретить его. Часть егерей 19-го полка, рассыпанная в подкрепление отступающих казаков, навела французов на скрытно поставленные шесть орудий конной артиллерии подполковника Паркенсона, который, подпустив их на самое близкое расстояние, открыл столь удачный картечный огонь, что привел их в большое замешательство. Пользуясь сим, Мариупольский гусарский полк, подкрепленный батальоном 19-го егерского полка, быстро врубился в неприятеля и, расстроив совершенно, нанес ему значительный урон. Но как вскоре за сим донесли казаки, что другая колонна французской кавалерии обходит деревню Кутьково, то граф Ожаровский, опасаясь быть совершенно отрезанным, отступил под прикрытием своей кавалерии и стрелков к селу Палкину, а передовые посты расположил в деревнях Малеевой и Залужье. Неприятель, заняв деревню Кутьково, тем прекратил свое действие. Россияне потеряли до 60 человек убитых и раненых.

Бой между Корытней и Красным
15 ноября 1812 г.

Рославль между деревней Новоселками и селом Шиловым, в коем фельдмаршал занял свою главную квартиру. 8-й и 6-й пехотные корпуса составили первую линию. Во второй линии стал 5-й пехотный корпус, имея за собой 1-ю кирасирскую дивизию. 3-й пехотный корпус и позади его 2-я кирасирская дивизия расположились между деревнями Уваровой и Новоселками, дабы прикрыть армию со стороны города Красного[1]. Граф Остерман-Толстой с 4-м пехотным, 4-м кавалерийским корпусами и двумя казачьими полками остался при селе Кобызевом, а 2-й кавалерийский корпус отослал к генералу Милорадовичу, который с авангардом своим посредством бокового движения влево перешел от деревни Угрюмовой к Микулину, где и ожидал он появления корпуса вице-короля Итальянского, находившегося в следовании из Смоленска к городу Красному.

Вице-король, перед рассветом выступивший от деревни Лубни, во все утро не встретил на пути никакого препятствия. В три часа пополудни генерал Милорадович, получив от передовых постов известие о приближении неприятеля, тотчас сделал распоряжения свои, дабы преградить ему путь к городу Красному. Генерал-лейтенант князь Долгоруков со 2-м пехотным корпусом, опрокинув авангард неприятельский и прогнав его к главным силам корпуса вице-короля, стал поперек большой дороги наравне с деревней Микулино. 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Раевского

[1] *Примечание переводчика.* Фельдмаршал князь Кутузов, имевший известие, что корпуса маршалов Даву, Нея и князя Понятовского находились еще в следовании из Смоленска к Красному, опасался, чтобы они, узнав о приближении Российской армии к сему последнему городу, не переменили своего направления и не вышли бы чрез местечки Горы и Дрыбино прямо к Могилеву. Для отвращения сего, равно как и для прикрытия резервной артиллерии, парков и разных обозов, следовавших за Главной российской армией, граф Остерман-Толстой оставлен был при селе Кобызевом.

вытянут был параллельно большой дороге, между разоренной деревней Стесной и Дубровинкой. 12-я пехотная дивизия примыкала левым флангом к Стесне, а 26-я дивизия составляла оконечность правого крыла. Вице-король, видя себя остановленным спереди и угрожаемым с левого фланга, построил войска свои в три колонны к атаке[1]: первая под покровительством огня шести орудий с таким стремлением бросилась на правый фланг 7-го корпуса, что первая бригада 26-й дивизии, составлявшая правую оконечность российской линии, подалась несколько назад, однако ж сей первый успех неприятеля не имел последствий. Милорадович приказал генерал-адъютанту Уварову подкрепить атакованную пехоту кавалерией, с помощью коей[2] российская бригада, построившись, опять возвратила потерянное ею место, а неприятельская колонна, в свою очередь опрокинутая и теснимая кавалерией, искала себе спасения, построившись в два каре. Но и сей маневр был для нее неудачен. Полковник Давыдов с Московским и полковник Поль с Каргопольским драгунскими полками бросились на оба каре и, уничтожив их, отбили четыре пушки[3]. Вторая неприятельская колонна, назначенная для атаки леса, находившегося перед центром корпуса генерала Раевского, отражена была 5-м егерским полком, защищавшим сей лес, и принуждена к отступлению. Третья колонна претерпела таковую же участь. Сия последняя имела приказание пробиваться по большой дороге, но, будучи встречена выстрелами батареи о 24 орудиях, поставленной перед Стесной, и атакована 6-м егерским полком, отряженным с левого фланга 12-й пехотной дивизии, она обратилась в бегство и рассеялась. Генерал Милорадович, видя беспорядок, в который неприятель приведен был худым успехом своего нападения и действием российской артиллерии, послал к нему переговорщиком полковника князя Кудашева с требованием, чтобы положил ружье. Вице-король Итальянский с твердостью отвергнул сие предложение, ибо хотя знал невозможность силой открыть себе путь по большой дороге, однако ж не отчаивался еще спасти остатки своего корпуса. Для сего продолжал он для виду нападение на правый фланг корпуса генерала Раевского, а между тем главные силы его, имея в голове итальянскую гвардию, свернули с большой дороги вправо и потянулись вокруг села Фомина. Наступившая ночь способствовала сему движению неприятеля, который по проселочной дороге, ведущей из Фомина чрез деревню Литвинову в Манькову, присоединился к Наполеону, стоявшему с молодой гвардией на биваках под городом Красным. Генерал Милорадович ночевал между селениями Микулиным и Мерлиным. В сем деле вице-король Итальянский потерял до 2200 человек пленных, в том числе одного генерала, множество убитых, одного орла, одно знамя и 18 пушек, из коих четыре взяты с боя, а 14 брошены неприятелем. Урон с российской стороны состоял в 500 человеках, выбывших из строя.

Того ж 4 числа граф Остерман-Толстой с 4-м пехотным и 4-м кавалерийским корпусами, оставленный при селе Кобызевом, действовал самым необыкновенным образом. В окрестности Кобызева беспрестанно приходили отряды, более или менее сильные, французских мародеров. Генерал-адъютант Васильчиков, начальствовавший

---

[1] *Примечание переводчика.* Оставив в резерве итальянскую гвардию.

[2] Равно и второй бригады 96-й дивизии.

[3] Полковник Давыдов, врубившись в каре, сам взял в плен генерала Штейлигера, командовавшего оным, и одно знамя. Полковник Поль отбил четыре пушки. Кроме сего, взяты ими в плен 40 штаб- и обер-офицеров и 600 человек нижних чинов.

кавалерией, держал в готовности эскадроны для нападения на них, коль скоро они появлялись, и таким образом в течение одного дня взято было 800 человек пленных[1].

5 ноября фельдмаршал князь Кутузов вознамерился действовать всей армией своей[2]. Гвардия Наполеона и корпус вице-короля Итальянского стояли под городом Красным лицом к деревне Уваровой. В сем положении поджидали они прибытия корпуса маршала Даву, оставшегося позади, который и должен был присоединиться к ним того утра. Князь Кутузов предпринял нанести неприятелю сильный удар, заведши ему в тыл большую часть своей армии, между тем как прочие корпуса будут атаковать его с лица и во фланг. На сей конец сделал он следующие распоряжения: Главной армии под начальством генерала от кавалерии Тормасова назначено было выступить в 7 часов пополуночи в одной колонне левым флангом. Перед ней должен был идти авангард под начальством генерал-майора барона Розена, составленный из полков: одного казачьего, лейб-гвардии егерского и финляндского, Его и Ее Величеств кирасирских с гвардейской легкой артиллерийской ротой, коим и приказано собраться в 6 часов пополуночи за деревней Сидоровичами. В полуверсте за авангардом назначено следовать 6-му пехотному корпусу, а за ним 8-му и 5-му пехотным корпусам и остальным трем полкам 1-й кирасирской дивизии. В сем порядке колонна должна была проходить чрез селения Зунково, Сидоровычи и Кутькову, где предполагали, что авангард ее встретит передовые посты неприятельские, которые предписано было ему тотчас атаковать, опрокинуть и потом, продолжая движение свое чрез Сорокино к большой почтовой дороге, ведущей из города Красного в Оршу, стараться занять оную, дабы тем пресечь отступление неприятелю, собравшемуся под Красным. 6-й пехотный корпус, прошед деревню Сорокино, должен был под прикрытием авангарда построиться в линию из полковых колонн и в сем порядке подвинуться к большой дороге, а 8-й и 5-й пехотные корпуса по сделании того ж маневра составить вторую и третью линии. Три полка 1-й кирасирской дивизии имели приказание построиться на левом фланге пехоты. Вся сия громада долженствовала служить к поддержанию своего авангарда и к действию в тыл неприятеля. Генерал-лейтенант князь Голицын с 3-м пехотным корпусом и 2-й кирасирской дивизией получил назначение, выступив в 8 часов пополуночи, следовать чрез деревню Уварову к городу Красному, дабы с лица атаковать неприятеля. Генералу же Милорадовичу со 2-м, 7-м пехотными, 1-м и 2-м кавалерийскими корпусами предписано было стать при деревне Ларионовой[3] и, не препятствуя прохождению корпуса маршала Даву, пропустить его к Красному, а потом, выйдя на большую дорогу, живо теснить его арьергард и, таким образом войдя в непосредственную связь с князем Го-

---

[1] *Примечание переводчика.* Граф Остерман-Толстой, по приказанию фельдмаршала находившийся при селе Кобызевом трое суток, 3, 4 и 5 чисел ноября, разными партиями своими перехватил до 4000 человек пленных, имевших намерение пробраться прямейшим путем к Могилеву.

[2] 4 ноября во время вступления российских войск в лагеря при селе Шиловом фельдмаршал в сопровождении начальника главного штаба армии генерал-лейтенанта Коновницына и генерал-квартирмейстера Толя лично обозрел позицию неприятеля, расположившегося под городом Красным, и того ж вечера, собрав всех корпусных командиров в главную квартиру, дал им свои приказания касательно действий на 5 число.

[3] *Примечание переводчика.* Вследствие сего генерал Милорадович расположил войска свои между деревней Никулиной и Ларионовой в четыре линии параллельно большой дороге, которая занята была сильными постами, наблюдавшими в обе стороны — и к Смоленску, и к городу Красному. Первые две линии составлены были из пехоты, а другие две — из кавалерии.

Подвиг батареи полковника Никитина в сражении под Красным в 1812 г.

лицыным, подкрепить правый фланг его атаки. Отряд графа Ожаровского должен был действовать с левого бока главной колонны на пространстве между городом Красным и местечком Лядами, а отряд графа Орлова-Денисова, по случаю его болезни вверенный генерал-майору Бороздину, отдан в распоряжение генерала Милорадовича.

Наполеон, желавший удержаться под Красным, по крайней мере, до прибытия корпуса маршала Даву, решился принять сражение, для чего и построил войска, при нем бывшие, в две линии впереди большой дороги, так что, прикрывая ее, они примыкали левым флангом к глубокому оврагу, в коем течет речка Лосмина[1]. В сем положении неприятель стоял лицом к деревне Уваровой, занятой российским Черниговским полком 3-й пехотной дивизии[2].

5 ноября поутру Наполеон приказал атаковать деревню Уварову, ибо, владея оной, князь Голицын легко мог перейти на левый берег речки Лосмины.

Нападение сие произведено было с довольным жаром, и неприятель на время овладел деревней, но как князь Голицын не замедлил подкрепить Черниговский полк той же 3-й пехотной дивизии Селенгинским полком, то французы, удержанные сей пехотой,

[1] Правый же фланг, отведенный несколько назад, вытянут был между городом Красным и деревней Воскресеньем, занятой неприятелем. Первые две линии его войск составлены были из молодой гвардии и остатков корпуса вице-короля Итальянского, а за ними в резерве находилась гвардейская кавалерия.

[2] Деревня Уварова занята была одними стрелками Черниговского пехотного полка, стоявшего против деревни, на правом берегу речки Лосмины.

сильно поражаемые огнем батарей, во всей скорости поставленных россиянами на высотах правого берега Лосмины, и к тому еще угрожаемые быть отрезанными одной бригадой 2-й кирасирской дивизии, которая, перейдя речку выше деревни Уваровой, уже обходила деревню Воскресенье, пришли в колебание, подались назад и были совершенно выгнаны из обоих селений. Несмотря на сию поверхность, князь Голицын был слишком слаб, чтобы одному вступить в действительное дело с главными силами Наполеона. Он ограничился тем, что производил пальбу по линиям неприятельского строя в ожидании содействия генерала Милорадовича, который долженствовал подкрепить его на правом фланге[1].

Между тем маршал Даву, рано поутру выступивши, приближался к городу Красному. Генерал Милорадович, сходно с данной диспозицией, позволив ему пройти мимо деревни Ларионовой, довольствовался тем, что, преследуя его легкими войсками с артиллерией, стрелял по хвосту его колонн. Но коль скоро французский маршал миновал деревню Есково, то генерал Милорадович, выйдя на большую дорогу, сильно атаковал его, направляя главные усилия свои против его левого крыла, которое угрожал взять во фланг и в тыл[2]. Тогда князь Голицын, видя правый фланг свой обеспеченным, равномерно начал выступать из деревни Воскресенья. Неприятель покусился было препятствовать сему движению, снова послав к деревне колонну, составленную из гвардейского первого волтижерного полка. Генерал-майор Дука бросился на нее с Новгородским и Малороссийским кирасирскими полками. Неприятельская колонна, построившись в каре, отразила сие нападение кирасир, но как два орудия, высланные россиянами вперед, расстроили один из углов каре, то, пользуясь сим, генерал-майор

---

[1] *Примечание переводчика.* Около 9 часов утра генерал Милорадович открыл действие своей артиллерии по корпусу маршала Даву, появившемуся перед ним на большой Смоленской дороге. Наполеон, опасаясь, чтобы сей корпус не был атакован весьма превосходными силами и совершенно истреблен, решился обще с вице-королем Итальянским двинуться против российского 5-го пехотного корпуса, дабы, заняв его, тем самым облегчить соединение свое с приближающимся к городу Красному корпусом маршала Даву. Князь Голицын послал на подкрепление к стрелкам своим к деревне Уваровой остальные полки 3-й пехотной дивизии, а между тем 1-я гренадерская дивизия, составлявшая правое крыло его корпуса, подвинулась к речке Лосмине. Батарейная рота полковника Таубе, поставленная на правом фланге помянутой дивизии, равно и четыре легкие артиллерийские роты, расположенные пред фронтом ее, громили неприятеля и, сбив его батареи, на противном берегу речки Лосмины стоявшие, тем самым подкрепляли нападение 5-й пехотной дивизии на деревни Уварову и Воскресенье. В то же время конная рота полковника Никитина, заняв высоты при впадении в Лосмину ручья, текущего мимо деревни Есковой, била по большой Смоленской дороге и мосту на речке Лосмине, по коим тянулся корпус маршала Даву. Неприятель, занявший деревню Есково и близлежащий лесок для прикрытия своего прохождения по большой дороге, сделал покушение справа обойти батарею полковника Никитина, дабы принудить ее к отступлению, но вскоре прогнан был высланными против него стрелками лейб-гренадерского полка с потерей одной пушки. Между тем неприятель вытеснен был из деревни Уваровой, а как Новгородский и Малороссийский кирасирские полки, перешедшие речку Лосмину выше сего селения, угрожали ему обходом с правого фланга, и батарея полковника Таубе удачно действовала вкось по его линиям, то он и нашелся принужденным, оставя деревню Воскресенье, переменить свою позицию и для сего, отведши правый фланг назад, стал параллельно большой Смоленской дороге. Тогда вся 3-я пехотная дивизия с четырьмя батарейными и 16 легкими орудиями, перешед речку Лосмину и овраг, в коем течет ручей Иохна, построилась при деревне Воскресенье в две линии, имея на левом фланге вышеозначенную кирасирскую бригаду. В сем положении снова открыла она по неприятелю пушечный огонь в ожидании, чтобы подошел генерал Милорадович со своими корпусами.

[2] Маршал Даву, не делая большого сопротивления, отступал поспешно, дабы скорее соединиться с Наполеоном под городом Красным, где и примкнул к левому флангу неприятельского боевого строя. При сем захвачено было войсками генерала Милорадовича в плен 20 офицеров, более тысячи человек рядовых и отбито одно знамя и 13 пушек.

М. И. Кутузов под Красным.
1812 г.

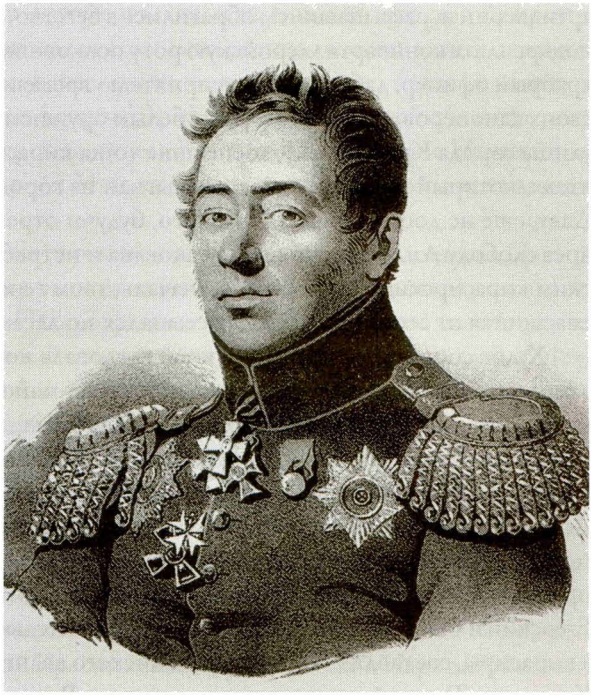
князь Шаховской с Муромским и Ревельским пехотными полками ударил в штыки. Каре было смято и с помощью кирасир, сделавших вторичное нападение, истреблено совершенно. Неприятель двинулся было всей линией вперед для поддержания атаки 1-го волтижерного полка, но, видя поражение его, опять отступил, будучи преследуем выстрелами конной артиллерийской роты полковника Никитина, выехавшей вперед с редкой неустрашимостью[1].

Наполеон, завязавший дело единственно в намерении притянуть к себе маршала Даву, по соединении с ним тотчас приказал начать отступление к местечку Лядам, предоставив прикрывать сие движение корпусу маршала Даву, назначенному быть в арьергарде. В сих обстоятельствах, если б во всей точности исполнена была диспозиция, принятая россиянами, то неприятельская армия, предупрежденная на ее пути отступления колонной генерала Тормасова, была бы совершенно отрезана и приведена в

[1] *Примечание переводчика.* После сего 1-я гренадерская дивизия с остальными тремя полками 2-й кирасирской дивизии перешла на левый берег речки Лосмины. 3-я пехотная дивизия, подвинувшись вперед, приняла влево, а 1-я гренадерская стала на правом ее фланге. Пехота 3-го корпуса построилась в две линии, имея за собой в третьей линии и по флангам 2-ю кирасирскую дивизию. В сей новой позиции вся артиллерия открыла по неприятелю жестокий огонь.

Между тем как сие происходило по эту сторону города Красного, авангард колонны генерала Тормасова, выступивший около 8 часов пополуночи, встретил на пути своем большие затруднения, ибо, следуя проселочной и заблаговременно неосмотренной дорогой, принужден был во многих местах исправлять ее и строить мосты. Несмотря на сии остановки, генерал-майор барон Розен, пройдя около 11 часов пополуночи двор Путятина, видимо, начал угрожать тылу неприятельской армии, что и побудило Наполеона искать своего спасения. Он уехал в местечко Ляды в сопровождении гвардейских конных егерей и части пешей гвардии, оставив на жертву прочие войска своей армии.

затруднительную необходимость или пробиваться силой, или броситься к Днепру. А как на берегах сей реки неприятель нашел бы весьма малые способы к переправе, то и вероятно, что Наполеон, взяв сие последнее направление, ускользнул бы только с малым числом войска, а главная часть его армии, припертая к Днепру, была бы совершенно уничтожена. К сожалению, фельдмаршал князь Кутузов дал первоначальную диспозицию свою в том предположении, что немалая часть неприятельских войск, собравшихся под городом Красным, уже прошла ночью к местечку Лядам, но коль скоро узнал он, что сам Наполеон находится еще под Красным со всей армией, кроме корпуса маршала Нея, то не решился стать прямо на пути отступления неприятеля, коего силы, сами по себе значительные, могли еще удвоиться от отчаяния. По сей причине фельдмаршал с намерением замедлил выступление главной колонны генерала Тормасова, дабы дать свободу пройти части войск Наполеона, и явиться по ту сторону города Красного токмо для отрезания корпуса маршала Даву, что и долженствовало доставить россиянам хотя не столь блистательную, но вернейшую и особенно с меньшими пожертвованиями купленную победу. Генерал Тормасов только что к 11 часам получил позволение сняться с лагеря при селе Шиловом и взять означенное в диспозиции направление. От сего последовало, что Наполеон по выходе из города Красного встретил на пути к местечку Лядам только один слабый отряд графа Ожаровского[1], который, будучи не в силах препятствовать движению неприятельской армии, отступил в сторону с большой дороги и ограничился тем, что тревожил неприятеля на прохождении его между селениями Добрым и Синяками.



А. П. Никитин
(1777–1858)

Арьергард маршала Даву, сильно теснимый генералами Милорадовичем и князем Голицыным, равномерно начал отступать, проходя улицами города Красного. Полковник Никитин, неослабно преследовавший его своими орудиями, нашел, что доступ к городу защищаем был тремя колоннами, оставленными маршалом Даву для прикрытия своего отступления, но колонны сии не устояли против первых выстрелов российской

[1] *Примечание переводчика.* Сей отряд, как уже сказано, состоял из 19-го егерского, Мариупольского гусарского и четырех казачьих полков с шестью орудиями конной артиллерии.

артиллерии и, рассыпавшись, обратились в бегство; а как кирасиры, долженствовавшие подкреплять конноартиллерийскую роту полковника Никитина, еще не прибыли, то сей храбрый офицер, дабы не дать неприятелю времени оправиться, построил в эскадрон своих канонеров, атаковал бегущих белым оружием и, отбив у них три пушки, гнал чрез улицы города Красного. Подоспевшие тогда кирасиры довершили поражение неприятеля, который и был совершенно выгнан из города. Одна колонна корпуса маршала Даву, еще не достигнувшая Красного, будучи отрезана от оного, старалась отступить чрез слободу Андрюси, но была атакована и истреблена Орденским и Екатеринославским кирасирскими полками под начальством генерал-майора Кретова. Неприятель, спасшийся от сего поражения, рассыпался по лесам.

Худое состояние дороги, по коей следовала колонна генерала Тормасова, до того замедлило ее движение, что авангард генерал-майора барона Розена только под вечер мог выйти на большую дорогу при селе Добром. Тогда Наполеон со своей гвардией и корпусом вице-короля Итальянского, уже прошел к местечку Лядам, и даже часть корпуса маршала Даву миновала село Доброе, но остаток оного находился еще между Добрым и городом Красным. Дабы выручить сии войска, неприятель выслал против генерала Розена сильные колонны с намерением удерживать его, пока весь корпус пройдет за село Доброе. Генерал Розен послал навстречу сих колонн лейб-гвардии Егерский и Финляндский полки, которые решительным ударом в штыки опрокинули их, а кирасиры, составлявшие часть российского авангарда, гнали бегущих назад к городу Красному. Таковой успех доставил генералу Розену средство утвердиться на большой дороге и надвое разрезать корпус маршала Даву, коего часть, оставшаяся пзади, нашлась тем в гибельнейшем положении, что в сие время войска князя Голицына уже овладели городом Красным. Весь сей арьергард, стесненный с головы и с хвоста превосходными силами, был истреблен, остатки же оного рассеялись по лесам, простирающимся к реке Днепру[1]. В сем сражении россияне взяли у неприятеля 6229 человек пленных, в том числе двух генералов, и отбили два знамени, 45 пушек и множество обоза, в коем найден жезл маршала Даву и часть канцелярии Наполеона[2]. После сражения корпу-

[1] *Примечание переводчика.* Главная колонна генерала Тормасова только что около двух часов пополудни могла пройти двор Путятина. Между тем генерал-майор барон Розен с одним авангардом, приблизившись к большой дороге в одной версте от города Красного, наносил неприятелю всевозможный вред с тыла, в то время как с фронта и правого фланга он поражаем был войсками генерала Милорадовича и князя Голицына. Неприятель, стесненный в городе Красном, выслал оттуда навстречу генерал-майору Розену несколько густых колонн в намерении, отдалив его, тем самым обезопасить прохождение войск своих к местечку Лядам, но едва сблизились сии колонны к российской пехоте на 150 шагов, как приказано было лейб-гвардии егерскому и финляндскому полкам атаковать в штыки: удар произведен был столь удачно, что неприятель почти весь положен был на месте, а спасшиеся преследуемы кирасирами к городу Красному. При сем случае лейб-гвардии егерского полка полковник Грабовский был смертельно ранен. В то же время и войска генерал-лейтенанта князя Голицына, учинив нападение на город Красный, по жестоком рукопашном бое овладели оным. Вытесненный из Красного неприятель, оставив на месте свою артиллерию и обоз, бросился к стороне реки Днепра в большом беспорядке и, рассыпавшись по лесам, искал поодиночке своего спасения. Тогда генерал-майор Розен с авангардом обратился к селу Доброму и, остановясь при оном, пушечными выстрелами провожал неприятеля, поспешно отступавшего по большой дороге.

[2] По журналу генерал-квартирмейстера Толя, в сей день неприятель кроме убитых и раненых потерял пленными двух генералов, 58 штаб- и обер-офицеров и 9170 нижних чинов, три знамени, три штандарта, 70 пушек и почти весь обоз, в коем найден и маршальский жезл маршала Даву. Потеря со стороны россиян убитыми и ранеными не превышала 800 человек.

са, составлявшие колонну генерала Тормасова, стали на биваках при селе Добром, а корпуса генералов Милорадовича и князя Голицына расположились между деревней Воскресеньем и городом Красным, параллельно большой дороге. Главная квартира князя Кутузова помещена была в селе Добром[1]. Граф Остерман-Толстой с 4-м пехотным и 4-м кавалерийским корпусами перешел от села Кобызева к Толстикам. Наполеон со своей гвардией, корпусом вице-короля Итальянского и остатками корпуса маршала Даву ночевал при местечке Лядах[2].

Между тем как сие происходило в окрестностях города Красного, генерал Платов, оставленный нами на правом берегу реки Днепра под Смоленском, готовился занять сей город. 3 ноября овладел он С.-Петербургским предместьем, но не мог еще ничего предпринять против города, сильно занятого корпусами маршалов Даву и Нея[3]. Первый из них вышел оттуда в ночь с 3 на 4 число, но корпус маршала Нея оставил Смоленск только в ночь с 4 на 5 ноября, причем французы взорвали часть городских укреплений. 5 числа рано поутру генерал Платов вступил в Смоленск и, оставя в нем 20-й егерский полк[4] с сотней казаков, со всем корпусом своим пустился преследовать неприятеля по обе стороны реки Днепра. Сам он с 1-м егерским, 12 казачьими полками и всей донской артиллерией, следуя вдоль правого берега, прибыл в село Катань. Три казачьих полка шли вниз по левому берегу реки, а генерал-майор Денисов 7-й с двумя казачьими полками, шестью эскадронами драгун и четырьмя батарейными орудиями преследовал неприятеля по большой Краснинской дороге. Сотник Наркин, бывший в авангарде генерал-майора Денисова, нашел в 17 верстах от Смоленска сто двенадцать орудий, брошенных неприятелем.

Наполеон чрез отступление свое в местечко Ляды совершенно предавал россиянам корпус маршала Нея, находившийся еще между городами Смоленском и Красным.

---

[1] *Примечание переводчика.* По занятии города Красного кавалерия генерала Милорадовича преследовала рассеявшегося неприятеля, а пехота остановилась в одной версте, не доходя Красного. Войска князя Голицына помещены были в самом городе Красном. Авангард генерал-майора барона Розена также пошел преследовать неприятеля; прочие же войска генерала Тормасова, не имевшие никакого участия в сем сражении, расположились на биваках лицом к деревне Синякам: 6-й и 8-й пехотные корпуса — на большой дороге впереди Доброго; а 5-й пехотный корпус и за ним 1-я кирасирская дивизия — позади сего селения по левую сторону дороги.

[2] Наполеон с прикрытием своим прибыл в местечко Ляды около 5 часов пополудни, прочие же войска его армии присоединились к нему 6 числа поутру и в тот же день продолжали отступление свое к местечку Дубровне.

[3] Генерал Платов с летучим корпусом своим 3 ноября около полудня, приближась к С.-Петербургскому предместью города Смоленска, приказал полковнику Кайсарову с егерями 20-го полка и сотней спешенных казаков атаковать оное. В то же время генерал-лейтенант Мартынов с казаками должен был учинить нападение на две неприятельские колонны, расположившиеся на конце Московского предместья. Встревоженный неприятель в большом беспорядке бросился к крепостным воротам, но, встретив тут две колонны, идущие к нему на подкрепление, обратился назад и принудил полковника Кайсарова оставить Петербургское предместье. Донская артиллерия, приспевшая в сие время, прикрыла его отступление и не позволила далеко преследовать неприятелю, который, однако ж, успел овладеть ближайшей к предместью высотой и поставить на ней батарею о восьми орудиях. Тогда генерал Платов собрал всю бывшую у него артиллерию и, подкрепив полковника Кайсарова 1-м егерским, Черниговским и Новороссийским драгунскими полками и частью спешенных казаков, приказал вторично атаковать неприятеля. Сие решительное нападение, произведенное с помощью казачьих полков генерал-майора Кутейникова 2-го, увенчано было полным успехом: неприятель потерял свои восемь орудий и, будучи вытеснен из предместья, со значительным уроном отступил на левый берег Днепра, откуда и продолжал перестрелку с российскими егерями до самой ночи. 4 ноября неприятель, продолжая перестрелку, удерживал левый берег Днепра, между тем как корпус маршала Даву выступал из города.

[4] В коем оставалось не более 250 человек под ружьем.

Н. И. Депрерадович (1767–1843)

Фельдмаршал князь Кутузов, узнав о сем из бумаг, перехваченных у неприятеля[1], сделал распоряжения свои для встречи сего корпуса. 6 ноября поутру Российская армия стала поперек большой дороги, делая фронт разом в обе стороны: 6, 8 и 5-й пехотные корпуса с двумя полками 1-й кирасирской дивизии расположены были пред селом Добрым лицом к местечку Лядам[2], а генерал Милорадович, усиленный войсками князя Голицына, ожидал появления корпуса маршала Нея в позиции впереди города Красного, стоя лицом к Смоленску[3]. Генерал-майор Депрерадович с кавалергардским, лейб-гвардии конным и Астраханским кирасирским полками и гвардейской конной батареей отряжен был к деревне Винным Лукам, дабы воспретить пробраться по правую сторону большой дороги. Впереди его при деревне Черныше расположился полковник Чернозубов 4-й с конвойным казачьим полком[4]. Преследование Наполеона предоставлено было легким отрядам графа Ожаровского, генерал-майора Бороздина и авангарду генерал-майора барона Розена, который, будучи усилен шестью батальонами от 6-го пехотного корпуса и одним казачьим полком из отряда генерала Бороздина, поступил под начальство генерал-лейтенанта Ермолова. Граф Остерман-Толстой получил приказание соединиться с армией.

6 ноября около 3 часов пополудни казаки генерал-майора Юрковского известили о приближении маршала Нея, и генерал Милорадович двинулся вперед к берегам речки Лосмины. 7-й пехотный корпус, имевший 26-ю дивизию в первой, а 12-ю во второй

---

[1] *Примечание переводчика.* В числе бумаг тайной канцелярии Наполеона, доставшейся россиянам, найдена была диспозиция к выступлению неприятельских войск из Смоленска.

[2] 8-му пехотному корпусу около 12 часов пополуночи приказано было выступить и, оставя город Красный в правой стороне, идти занять посты при деревнях Черныше и Сырокоренье.

[3] 7-й пехотный корпус находился по правую сторону большой дороги; немного позади него, по левую сторону той же дороги, стоял 3-й корпус, а подле него — 2-й корпус. Каждый из них построился в две линии в полковых колоннах. 2-й и 1-й кавалерийские корпуса расположены были уступом один за другим на правом фланге 7-го пехотного корпуса; а 2-я кирасирская дивизия — в резерве за 3-м корпусом. Легкие войска генерала Милорадовича под командой генерал-майора Юрковского, расположившись при крутом овраге речки Лоснины, занимали деревни Шиматку, Есково, Манькову, Середню, Смилову и посылали разъезды свои верст за десять вперед по Смоленской дороге.

[4] *Примечание переводчика.* Для наблюдения неприятеля на пространстве от города Красного до переправы чрез реку Днепр при деревне Сырокоренье.

линии, составив правое крыло боевого строя, примкнул правым флангом к колену, образуемому речкой Лосминой, а левым — к большой дороге[1]. 3-й пехотный корпус, составивший левое крыло, примкнул правым флангом к большой дороге, имея 1-ю гренадерскую дивизию в первой, а 3-ю пехотную дивизию во второй линии. 2-й пехотный корпус поставлен был в резерве. Пред фронтом российских войск простирался глубокий овраг, в коем течет Лосмина. 3-й пехотный корпус подкрепляем был 2-й кирасирской дивизией, а 7-й пехотный — 1-м кавалерийским корпусом[2]. 2-й кавалерийский корпус, прошед чрез деревню Уварову, расположился по ту сторону речки, дабы наблюдать небольшую равнину, находящуюся между деревней Ларионовой и речкой Лосминой, и прикрывать правый фланг 7-го пехотного корпуса[3].

Весьма густой туман скрывал колонны маршала Нея, приближавшиеся к речке Лосмине, но, подошед к российским батареям на 250 шагов, они встречены были жесточайшим картечным огнем из 40 орудий. Нимало не изумившись от таковой встречи, они перешли овраг речки Лосмины и с удивительной храбростью и даже с исступлением бросились на российские батареи. Генерал-майор Паскевич с 5-м и 42-м егерскими и Орловским пехотным полками, решительно ударив в штыки, успел отразить их с помощью блистательной атаки, произведенной лейб-гвардии Уланским полком, который при сем случае отбил одного орла[4].

Другие неприятельские колонны, перешедшие речку Лосмину по правую сторону большой дороги, равномерно были атакованы в штыки и опрокинуты Павловским гренадерским полком, учинившим в них великое поражение[5]. Несмотря на худой успех сего первого нападения, неприятель в отчаянном положении своем решился сделать новое покушение открыть себе путь оружием. В 5 часов он опять появился, и хотя колонны его жестоко поражаемы были картечными выстрелами российской батареи о 24 орудиях, поставленной по правую сторону большой дороги, однако ж шли вперед с редкой неустрашимостью. Целые шеренги падали мертвы, и тотчас заступаемы были последующими шеренгами, приходившими умирать на то же место. Таким образом весь корпус маршала Нея, так сказать, прогнанный сквозь строй артиллерии, потерпел ужасный урон[6]. Французы в продолжение некоторого времени оказывали самую

---

[1] 7-й пехотный корпус, прежде прочих прибывший к Лосмине, стал в косвенном положении, дабы взять в левый фланг наступающего неприятеля.

[2] *Примечание переводчика.* 1-й кавалерийский корпус стал за пехотой таким образом, что мог служить подкреплением и 7-му, и 3-му пехотным корпусам.

[3] 2-му кавалерийскому корпусу приказано было стараться не токмо обойти левый фланг неприятеля, но и атаковать его с тыла.

[4] Неприятель только что прошел теснину на крутом овраге речки Лосмины, как, открыв российский 7-й пехотный корпус, угрожавший его левому флангу, тотчас отделил против него три пехотные колонны с артиллерией, которые, стремительно бросившись на батарею 7-го корпуса, едва не овладели оною. Тогда генерал-майор Паскевич, ударив в штыки, совершенно истребил две неприятельские колонны, а лейб-гвардии Уланский полк, подоспевший к нему на подкрепление, опрокинул третью колонну и почти всю положил на месте.

[5] *Примечание переводчика.* После сего маршал Ней направил значащую часть сил своих в обход левого фланга 7-го корпуса, но подошедший в сие время 3-й пехотный корпус встретил их Павловским гренадерским полком.

[6] Российская артиллерия расположена была таким образом, что одна сильная батарея обстреливала большую дорогу, а другая била вдоль оврага, в коем течет речка Лосмина, и обе производили по неприятельским колоннам убийственный перекрестный огонь.

Французские войска отступают

геройскую храбрость, наконец, усмотрев тщетность своих усилий, обратили тыл и отступили версты на три назад в величайшем беспорядке[1].

Маршал Ней, видя совершенную невозможность отвратить неминуемую гибель главных сил своего корпуса, который представлял уже нестройную громаду рассеянных батальонов, решился спасти хотя часть оного. На сей конец взяв с собой 4000 человек войска, сохранившего еще некоторый порядок, обратился он при наступлении темноты к деревне Сырокоренью, дабы там перейти реку Днепр. Между тем как он занят был сей переправой, полковник Чернозубов 4-й со своим казачьим полком, догнав его, отбил еще 10 пушек и взял 300 человек пленных. При всем том маршал Ней, спасшись с остатком своего корпуса, ушел к селу Гусиному. Главная часть неприятельского корпуса, оставленная начальником своим на большой дороге, в полночь прислала к генералу

[1] Российская кавалерия преследовала неприятеля, а 7, 3 и 2-й пехотные корпуса, выступив за ней, остановились в версте от неприятеля на большой дороге в густых колоннах и в самом близком расстоянии один от другого, ибо за весьма густым туманом даже и в 50 шагах невозможно было распознавать предметы. Между тем генерал Милорадович получил донесение от генерал-адъютанта барона Корфа, что он со 2-м кавалерийским корпусом уже объехал неприятеля с тыла, и, полагая, что пост при деревне Сырокоренью уже занят 8-м пехотным корпусом, для прекращения бесполезного кровопролития послал к маршалу Нею переговорщиком Смоленского пехотного полка майора Ренненкампфа с требованием сдачи его корпуса. Французский генерал, узнав от него о поражении, накануне претерпенном войсками Наполеона под Красным, и что нет возможности пробиться сквозь Российскую армию, вознамерился спасти хотя часть своего корпуса. Для сего удержал он майора Ренненкампфа военнопленным, а сам, пользуясь туманом и наступающей ночью, с 4000 человек пошел к деревне Сырокоренью, дабы в сем месте перейти реку Днепр, но, будучи настигнут и атакован казачьим полковника Чернозубова 4-го полком, бросился влево чрез селение Мереедово и Нитяж к деревне Варишкам, где по льду перешел только что замерзшую реку Днепр в сопровождении 1500 человек пехоты и прибыл в село Гусиное.

Милорадовичу переговорщика с предложением о сдаче, которое тотчас было принято, и 8500 человек, еще составлявшие сей корпус, положили ружье. Присовокупив к тому 3500 человек, взятых россиянами в плен во время дела, видно, что в сражении 6 ноября неприятель потерял одними пленными 12 000 человек, не считая убитых. Сверх того, отбито было у него 27 пушек и множество обоза[1].

Того ж 6 ноября Наполеон с армией своей перешел от местечка Лядов к Дубровне. Поелику вся неприятельская кавалерия потеряла лошадей своих, то Наполеон, собрав всех офицеров, сохранивших еще оных, составил из них четыре роты, каждую во 150 человек. В сем эскадроне, получившем название *священного* и вверенном генералу Груши, генералы исправляли должность офицеров, а полковники — унтер-офицеров. Назначение его было охранять особу французского императора, однако же оный существовал токмо несколько дней, ибо все лошади пали от усталости и недостатка фуража, с каждым днем более и более увеличивавшегося.

Генерал-майор Бороздин 2-й, нагнав неприятельский арьергард при местечке Лядах, отбил у него еще пять пушек.

В ночь с 6 на 7 число генерал-майор Депрерадович со своими тремя кирасирскими полками присоединился к армии, расположенной при селе Добром, а место его при Винных Луках заступил 1-й кавалерийский корпус. 7 числа поутру командир сего корпуса генерал-адъютант барон Меллер-Закомельский, узнав, что одна неприятельская колонна, потерявшая свое направление во время последних сражений, блуждала наудачу в окрестностях Винных Луков, послал против нее три эскадрона, которые окружили оную. Колонна сия, из 2500 человек состоявшая, положила ружье.

7 ноября армия Наполеона продолжала свое отступление от местечка Дубровны к Орше и перешла Днепр по двум мостам, поставленным в сем городе. Российская армия имела дневку при селе Добром и городе Красном, но авангард генерал-лейтенанта Ермолова, равно как и отряды графа Ожаровского и генерал-майора Бороздина 2-го, продолжал преследовать неприятеля к Орше[2]. Последний из них, подвинувшийся к местечку Дубровне, собрал на пути еще семь пушек, брошенных неприятелем, а казаки графа Ожаровского взяли при селении Козянах 600 человек пленных и четыре пушки.

Более 26 000 человек пленных, в том числе семь генералов и с лишком 300 штаб- и обер-офицеров, несколько знамен и 116 пушек, не считая 112, найденных сотником Наркиным на Смоленской дороге, были трофеями знаменитых успехов, одержанных Российской армией в блистательных делах и сражениях, происходивших с 3 по 7 число ноября. Сверх того, французы потеряли более 10 000 человек убитых, утопших в Днепре или найденных мертвыми на поле сражения от изнурения и стужи. Весь же урон, понесенный Российской армией, не превышал 2000 человек, выбывших из строя.

---

[1] *Примечание переводчика.* Потеря со стороны россиян не превышала 500 человек убитых и раненых. 8-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Бороздина прибыл к деревне Сырокоренью, когда неприятель уже оставил оную.

[2] *Примечание переводчика.* 7 ноября авангард генерал-лейтенанта Ермолова находился при местечке Лядах. Сему генералу предписано было сколь возможно соединенно действовать с генералом Платовым, преследовавшим маршала Нея на правом берегу реки Днепра. Прочие летучие отряды, преследовавшие неприятеля по пятам во всех направлениях, находились: отряд генерал-майора Бороздина 2-го — в селении Козянах; генерал-адъютанта графа Ожаровского — в деревне Михалинове; подполковника Давыдова — в селении Ланниках по дороге к городу Копысу; а гвардии капитана Сеславина — около деревни Крапивны при большой Оршанской дороге.

Отступление Великой армии

Чудесные сражения под Красным суть одно из превосходнейших военных действий нашего века, столь обильного в достопамятных происшествиях. В оных истреблена была большая половина неприятельской армии. Движения, при сем случае произведенные россиянами, представляют искусное приспособление истинных правил военной науки. Дабы увериться в сей истине, надлежит токмо с некоторым вниманием рассмотреть, что во Французской армии при выходе ее из Смоленска было 70 000 человек, тогда как в Российской, равномерно ослабленной усталыми и больными, коих на быстром марше своем она принуждена была оставлять позади, всего-навсего состояло налицо не более 50 000 человек под ружьем. Однако ж, несмотря на сие, на поле сражения превосходство сил всегда было на стороне россиян, поелику князь Кутузов старался вводить их в дело только против отдельных корпусов Французской армии.

При всем том справедливо можно укорять российского полководца, что не позволил привести в действо диспозицию, данную им для сражения 5 числа. Правда, что войска Наполеона, собравшиеся под городом Красным, числом, по крайней мере, равнялись российским войскам, составлявшим все три колонны генералов Милорадовича, князя Голицына и Тормасова, и посему могло казаться опасным с частью армии стать на пути отступления неприятельского. Но сей расчет был бы справедлив только в таком случае, когда бы между обеими противными армиями существовало и нравственное равенство, между тем как, напротив, неприятель, удрученный физическими страданиями и приведенный в уныние уроном, понесенным в предыдущих боях, уже неспособен был к усилиям, которые могли бы соделать сомнительным успех предположенного

действия. Впрочем, сознаваясь, что в сем случае князь Кутузов от излишней осторожности воспрепятствовал своей армии украситься славой, одним ударом обратить в прах армию Наполеона, нельзя не вспомнить и того, что сия осторожность была следствием превосходной *системы медления,* принятой фельдмаршалом для вернейшего освобождения России.

8 ноября Российская армия выступила из окрестностей города Красного к местечку Романову[1] левым флангом двумя колоннами: правая под начальством генерала Дохтурова, состоявшая из 1-й кирасирской дивизии, 6-го и 5-го пехотных корпусов, шла чрез селения Дубровичи, Зверовичи, Шейну и Коровяк; левая колонна под начальством генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова, состоявшая из 27-й пехотной дивизии и 4-го пехотного корпуса, проходила чрез деревни Зубари, Полянку, Недвиж и Староселье. 1-й кавалерийский корпус следовал впереди правой, а 4-й кавалерийский корпус — впереди левой колонны. Генерал Милорадович со 2, 3 и 7-м пехотными корпусами, 2-м кавалерийским корпусом и 2-й кирасирской дивизией шел вслед за правой колонной. 2-я гренадерская дивизия с одним казачьим полком осталась при селе Сырокоренье, и одна бригада 27-й пехотной дивизии с другим казачьим полком — в городе Красном. Оба сии отряда назначены были к забиранию неприятельских мародеров, рассеявшихся по лесам между Красным и рекой Днепром. Главная квартира князя Кутузова переведена была в местечко Романово. Армия расположилась по квартирам в окрестных деревнях[2].

Наполеон дневал в городе Орше, дабы притянуть к себе остатки корпуса маршала Нея. Сей последний был живо тесним генералом Платовым, который, продолжая идти вниз правого берега реки Днепра, забрал на пути своем более 3000 человек неприятельских усталых. 7 числа пополудни генерал Платов догнал маршала Нея при селе Гусином и, воспрепятствовав ему следовать по дороге в местечко Любавичи, принудил его опять броситься в леса, по Днепру лежащие. 8 числа Платов снова настиг маршала Нея в 6 часов пополуночи при деревне Дубровке, взял у него 800 человек пленных и гнал до деревни Якубовой, где французский маршал, собрав всех оставшихся у него людей, противопоставил казакам отчаянное сопротивление, и ему удалось удержаться в сей деревне до наступления ночи, прекратившей сражение. Наполеон, известившийся о бедственном положении маршала Нея, послал к нему на выручку корпус вице-короля Итальянского. Споспешествуемый движением сего последнего, а еще более того темнотой ночи, маршал Ней отступил к городу Орше, где и соединился с Французской армией.

Фельдмаршал князь Кутузов, усмотрев, что неприятель, пользуясь невольной остановкой движений Российской армии, по необходимости занятой истреблением корпуса маршала Нея, ушел далеко вперед, решился преследовать его одним токмо авангардом, и дабы не утомлять без нужды войска свои, он направил главную часть армии малыми переходами к городу Копысу, при коем намеревался переправиться чрез реку Днепр.

---

[1] *Примечание переводчика.* Фельдмаршал князь Кутузов, не полагая найти для армии продовольствие по большой Оршанской дороге, вознамерился направить ее к городу Копысу, дабы в сем месте перейти реку Днепр и далее следовать по дороге чрез Староселье и Цецержин к местечку Нижнему Березину. Вследствие сего Главная армия сделала первый переход к местечку Романову.

[2] *Примечание переводчика.* Сего числа авангард генерал-лейтенанта Ермолова находился между местечками Лядами и Дубровной. Генерал-майор Бороздин 2-й со своим отрядом прибыл в Дубровну, а граф Ожаровский — в местечко Горки.

Наполеон, в несчастии своем помышлявший токмо о личном спасении, заставлял французов делать столь усиленные переходы, что невозможно было поспевать за ними, не подвергнув изнурению также и российские войска. Сие опасение было тем основательнее, что быстрый переход, совершенный Российской армией от Малого Ярославца к городу Красному, и без того уже ослабил ее 30 тысячами человек. Правда, что люди сии, большей часть заболевшие на дороге, не совсем потеряны были для армии, к коей по выздоровлении своем впоследствии времени они опять присоединились; однако ж не менее того армия в продолжение нескольких месяцев лишена была их содействия, а посему Главная российская армия принуждена была уступить второстепенным армиям честь довершить истребление неприятельских сил.

В следующей главе, мы перейдем к описанию действий, произведенных сими армиями для исполнения полученного из С.-Петербурга предначертания, о коем уже упомянуто было в VIII главе.

Отступление, произведенное Французской армией от Малого Ярославца до реки Днепра, долженствует представить внимательному читателю великий предмет к размышлению. Конечно, с удивлением заметил он непредусмотрительность и беспечность Наполеона, который не принял никаких от известного его искусства ожиданных мер к облегчению бремени бедствий, предстоявших его войскам. В самом деле, непостижимо, для чего французский император, вместо того чтобы с упорством следовать по опустошенной Смоленской дороге, не рассудил повернуть из города Гжатска на Сычевку, дабы потом чрез города Белой и Поречье выйти к Витебску. Сей путь отступления, конечно, был бы длиннее избранного Наполеоном, но взамен оный представлял несравненно более средств касательно удобности продовольствия, пролегая страной хотя неплодородной, но по крайней мере не служившей еще театром войны. Равным образом непонятно, для чего Наполеон приказал корпусам своим идти в толь дальнем расстоянии один позади другого. Если б он разделил свою армию на несколько колонн, которые, равняясь между собою, следовали бы проселочными дорогами, параллельными большой дороге, то можно было бы заключить, что он разделил ее таким образом в намерении распространить свой круг продовольствия в опустошенной стране, им проходимой, но расположив разные корпуса свои уступами по одной и той же дороге, он нимало не отвращал недостатка съестных припасов, а только подвергал сии корпуса быть атакованными порознь российскими силами, бок о бок с ним идущими. Мы уже видели, что в сражениях под городом Красным неприятельская армия дорого заплатила за сию ошибку своего предводителя. В сем случае тем менее можно извинить французского императора, что он еще усугубил свою погрешность, предприняв движение из Смоленска к городу Красному, между тем как совершенно от него зависело ослабить действие оной, следуя из Смоленска в Оршу по правому берегу Днепра, ибо тогда его армия была бы прикрыта сей рекой. Избавившись от необходимости дважды переходить Днепр: в первый раз в Смоленске, а в другой — в Орше, чрез то он в полной мере вознаградил бы остановку, которую худое состояние дорог на правом берегу Днепра могло бы причинить в его движении. Дабы найти основательную причину такового поступка французского императора, должно предполагать, что, отчаявшись сохранить армию, столь дерзостно заведенную им внутрь весьма обширной страны, какова Россия, он помышлял только о личном спасении. Для сего, избрав путь отступления самый

Бегство французской армии

кратчайший и более ему известный и расположив все корпуса своей армии уступами, так что они служили вместо арьергардов, он пожертвовал ими единственно к обезопасению отступления войск, составлявших собственное его прикрытие. Мы не беремся решить, прав ли он был, действуя таким образом; по крайней мере то достоверно, что обыкновенный полководец не мог бы учинить сего, не подвергнувшись проклятию своего отечества, негодованию современников и презрению потомства.

Напротив того, действия фельдмаршала князя Кутузова превосходны. Не отступая никак от принятой им системы осторожности и, следовательно, не делая ничего наудачу, он успел нанести смертельные удары армии Наполеона. Параллельное преследование, принудившее неприятеля ускорить свое отступление и чрез то понести важнейший урон, и движение от Ельни к Красному, имевшее последствием блистательные успехи, одержанные под сим последним городом, суть изящные соображения, коих цену, наверное, не откажутся признать все сведущие военные люди.

Глава X

Предначертание действий для второстепенных армий российских. Генерал-лейтенант граф Штейнгель, сделав высадку в Ревеле, отправляется в Ригу. – Поиск, произведенный графом Штейнгелем, и возвращение его в Ригу. – Движение сего генерала к местечку Друе. – Граф Витгенштейн, получив подкрепление, опять действует наступательно. – Сражение при Полоцке. – Приступ к сему городу и взятие оного россиянами. – Граф Штейнгель отступает за реку Двину. – Витгенштейн и Штейнгель преследуют неприятеля по ту сторону Двины и соединяются при городе Лепеле. – Бои при местечке Чашниках. – Россияне берут Витебск. – Бои при деревне Смолянцах. – Адмирал Чичагов, двинувшись к Бресту-Литовскому, оттесняет австро-саксонскую армию в Герцогство Варшавское и потом располагает войска свои по квартирам, дабы освежить их. – Дело при городе Бяле. – Адмирал Чичагов, оставив генерал-лейтенанта барона фон-дер-Остен-Сакена у Бреста-Литовского, направляет путь свой к реке Березине. – Князь Шварценберг опять переходит на правую сторону реки Буга. – Генерал Остен-Сакен идет против него. – Дела при местечках Новом Свержене и Кайданове. – Россияне занимают Минск. – Бои под городом Борисовым. – Дело при селении Горностаевичах. – Бои под городом Волковиском. – Отступление генерала Остен-Сакена.

В главе VIII уже упомянуто было о предначертании действий, предписанном императором Александром. Прежде чем изложить действия генерал-лейтенантов графа Штейнгеля, графа Витгенштейна и адмирала Чичагова для приведения в действо сего предначертания, считаем за должное представить читателю обстоятельную выписку из предписаний, которые в сем случае посланы были к главнокомандующим разными корпусами.

Диспозиции для южных армий. Для Молдавской армии

Адмирал Чичагов возьмет от города Острога направление к Пинску, куда и должен непременно прибыть к 20 числу сентября.

Прикрывая движения свои, как собственными войсками, так и Третьей Западной армией, он постарается выиграть несколько переходов у генералов Ренье и князя Шварценберга в направлении из Пинска в города Несвиж и Минск, дабы предупредив их

В окрестностях Бобра.
23 ноября 1812 г.

в сих двух пунктах, чрез то отрезать от Минской губернии, реки Березины и Главной армии неприятельской.

От успеха сего движения большей частью зависит успех и всего действия.

Адмирал Чичагов должен прибыть в Несвиж не позже 26 сентября и еще ранее, если возможно. Отсюда в 30 сентября войдет он в сообщение с Третьей Западной армией, которую в случае надобности подкрепит отрядом своих войск, дабы тем привести ее в состояние живо теснить, преследовать князя Шварценберга и генерала Ренье и прогнать их в Герцогство Варшавское или в Галицию.

Не позже 4 октября, а если можно, то и ранее, адмирал Чичагов соединит главные силы свои при городе Минске, где того же дня присоединится к нему отряд генерал-лейтенанта Эртеля, прибывший из города Мозыря.

Выступив из Минска, адмирал Чичагов как можно скорее расположится вдоль реки Березины, при Борисове устроит укрепленный лагерь, не упустив также занять леса и теснины, находящиеся за Борисовым, по дороге из сего города к местечку Бобру. Он укрепит по сей дороге все места, к тому способные, дабы Главная неприятельская армия, преследуемая на возвратном пути своем фельдмаршалом князем Кутузовым, была еще впереди на каждом шагу задерживаема сильным сопротивлением.

С другой стороны, соединится он 10 октября в окрестностях Докшиц с генералом графом Витгенштейном, чрез что откроет и обезопасит прямое сообщение свое с С.-Петербургом и Киевом.

Составив, таким образом, центр трех соединенных армий и имея четвертую (генерал-лейтенанта графа Штейнгеля) в резерве при городе Вильно, адмирал Чичагов

будет ожидать происшествий, которые произойдут в Главной армии князя Кутузова и касательно коих ничего предположить не можно. Но коль скоро прекратится сия неизвестность, то все три армии стянутся или к центру, или к одному из крыл, смотря по направлению, взятому неприятелем: влево чрез местечко Улу, на центр чрез местечко Бобр, город Борисов и реку Березину или вправо к крепости Бобруйску. Одним словом, должно будет с быстротой и деятельностью предупреждать неприятеля везде, где токмо он сделает какое-либо покушение к переправе, противопоставляя ему громаду сил, по крайней мере, равную его силам. Российские войска должно будет расположить таким образом, дабы ничто, прибывающее из-за границы, не могло соединиться с Главной неприятельской армией, курьеры и шпионы не могли бы нигде прокрасться и никакая часть Главной неприятельской армии, столь далеко забравшейся внутрь России (и которая в сие время найдется столь ослабленной уроном, уже понесенным ею, равно утомительными маршами и поражениями, которые она еще претерпеть должна), не могла бы выйти из пределов России, не претерпев сперва совершенного разбития и истребления.

Наконец, если бы неприятель, вытесненный из окрестностей Москвы, захотел повернуть к Киеву или к С.-Петербургу, в таком случае центральная позиция, занимаемая армиями, доставит им удобность предупредить его в той и другой стороне, на реке Днепре или на Волхове, и остановить его спереди, между тем как с тыла будет сильно теснить его Главная армия князя Кутузова.

До того времени адмирал Чичагов останется при городе Борисове, где будет содержать прямое сообщение и непосредственные сношения со всеми прочими корпусами в ожидании последствий того, что произойдет в Главной армии.

Для Третьей Западной армии

С 20 по 25 сентября сия армия должна находиться при городе Пружанах и всеми мерами стараться отдалять неприятеля от Несвижа и Пинска.

26 сентября начнет она действовать наступательно, притянув сперва к себе все свои отряды, и должна стараться разбить неприятеля. В случае же занятия им крепкой позиции она потянется вправо, дабы соединиться с подкреплениями, которые 30 сентября придут к ней из Несвижа, и с сими соединенными силами нападет на неприятеля.

Она постарается заслонить от неприятеля движение адмирала Чичагова так, чтобы сей последний мог выступить из Пинска и прибыть в Несвиж прежде, нежели узнает о сем неприятель.

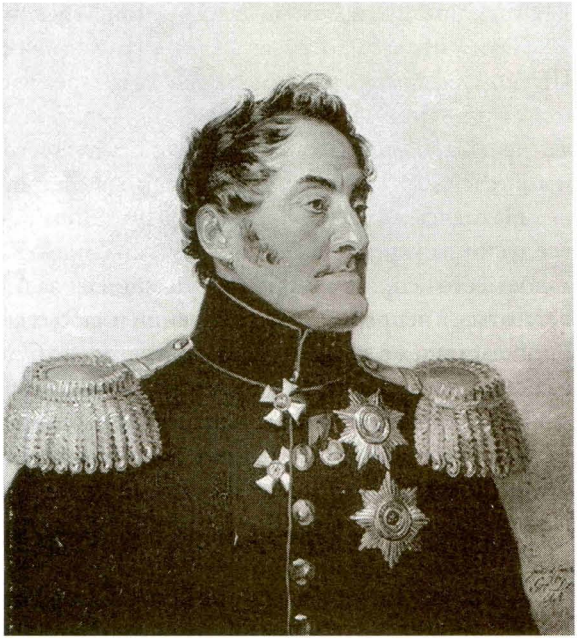
Тогда, решительно атаковав корпуса князя Шварценберга и генерала Ренье, она постарается разбить и отдалить их, дабы тем доставить войскам графа Витгенштейна и адмирала Чичагова возможность спокойно и беспрепятственно произвесть соединение свое между городами Минском и Докшицами. Она оставит извещательные посты вдоль Щары, от впадения сей реки в Неман, чрез Слоним, до самого Пинска.

После сего расположится она при городе Несвиже, откуда с равной удобностью может наблюдать страну: с одной стороны — до реки Щары, а с другой — до Бобруйска и реки Березины при городе Борисове. Сверх того, она не упустит войти в прямое сообщение и непосредственное сношение с корпусами, находящимися в городах Вильно и Минске. В сем положении будет она ожидать последствий, какие произойдут от действий Главной армии князя Кутузова.

Диспозиции для северных корпусов. Для корпуса генерал-лейтенанта графа Витгенштейна

Сей корпус усилен будет 11 000 человек С.-Петербургского ополчения, которые прибудут в город Себеж к 25 сентября. Сверх того, с 20 по 24 сентября прибудут из С.-Петербурга в Великие Луки 9000 человек старых войск пехоты и артиллерии и 8000 человек Новгородского ополчения.

Граф Витгенштейн сделает предварительные распоряжения для снабжения всех сих войск подвижными магазинами и резервными артиллерийскими парками. Для сего употребит он провиантский магазин, учрежденный в Великих Луках в то время, когда предполагали, что Главная армия остановится при Витебске.



Л. М. Яшвиль
(1768–1835)

По соединении сих вновь прибывших войск, а равно и всех отрядов, которые чрез наступательные действия корпуса графа Штейнгеля сделаются бесполезными, граф Витгенштейн распорядит 25 сентября свои движения таким образом, чтобы Великолуцкий корпус следовал по дороге к Полоцку чрез Невель, а С.-Петербургское ополчение перешло бы из Себежа к главной квартире. По приближении сего последнего граф Витгенштейн возьмет из главного корпуса своего 5-ю пехотную дивизию, лучшие резервные батальоны и большую часть кавалерии с достаточным числом артиллерии и вместе с главной квартирой своей перейдет на Полоцкую дорогу для соединения с Великолуцким корпусом в том месте, которое по обстоятельствам сочтет более приличным. Наступательные действия, предполагаемые для сей части войск, весьма важны. Остаток корпуса останется под начальством генерал-лейтенанта князя Яшвиля.

К 1 октября корпус, пришедший из Великих Лук и таким образом усиленный не менее 35 000 человек, переведен будет на левый берег Двины. Предвидя трудности овладеть Полоцком спереди и избегая траты людей при атаке укреплений, сей переправой не токмо Полоцк взят будет с тыла, но и корпус маршала Удино отрезан будет совершенно от неприятельской Главной армии; а к тому ж времени и князь Яшвиль с правого берега Двины приступит к Полоцку. Переправа чрез Двину может быть произведена между устьем реки Обола и Полоцком, прикрывая переправу сию от стороны Витебска и Главной неприятельской армии на правом берегу Двины рекой Оболом, а

на левом берегу — рекой Улой. При сем надлежит привести неприятеля в недоумение, показывая вид, будто намерены взять Полоцк с правого берега Двины приступом.

Овладев Полоцком с тыла и истребив тут неприятеля, граф Витгенштейн присоединит к себе корпус князя Яшвиля и со всей возможной быстротой устремится на истребление корпуса маршала Удино, отрезанного от Главной неприятельской армии, опровергая его на войска графа Штейнгеля, который к тому времени при успехах над Макдональдом уже сблизится к Видзам и Свенцянам. Здесь граф Штейнгель, сменив армию графа Витгенштейна, продолжает истреблять остатки неприятеля, и если не преуспеет забрать всех, то гонит их за реку Вилию и за Неман и, заняв город Вильно, наблюдает Неман от пруссаков для охранения Риги и в то же время служит резервом для трех армий, соединенных над рекой Березиной в Минской губернии.

Таким образом, отрезав Удино и заслонив себя с той стороны действиями графа Штейнгеля, армия графа Витгенштейна стремительно обратится к Докшицам, куда и может прийти к 15 октября. Отсель, открыв сообщения на Минск и войдя в связь с адмиралом Чичаговым чрез местечко Березино, граф Витгенштейн займет город Лепель и всё течение реки Улы от Березины до впадения в Двину.

Находясь в сей позиции, граф Витгенштейн приложит все старание свое, дабы все теснины укреплены были самым сильным образом, ибо предвидеть не можно, на какое место неприятель при отступлении из-за Днепра вздумает устремиться. Он будет оставаться в непрерывном соединении и частых сношениях со всеми другими армиями. Впоследствии же, когда все связано и устроено будет, снабдив себя верными сведениями о состоянии неприятеля в Витебске, можно будет сделать поиск и на сей город, дабы лишить врага всех пунктов, на которые он мог бы опереться при своем отступлении. В сем положении граф Витгенштейн должен ожидать, что произойдет в Главной армии.

Для корпуса генерал-лейтенанта графа Штейнгеля

Когда войска, прибывшие из Финляндии, станут приближаться к Риге, то генерал-лейтенант Левиз с Рижским гарнизоном, состоящим из 20 000 человек, выступит из сей крепости на левый берег реки Двины и возьмет направление сперва на селение Экау, а оттуда вверх по левому берегу Двины к городу Фридрихштату, где и будет ожидать дальнейших повелений. Между тем он не потерпит присутствия какого-либо неприятельского отряда в расстоянии менее двух переходов от Фридрихштата и будет стараться истреблять все, подходящее к сему городу, дабы еще до прибытия Финляндского корпуса в Ригу обратить на себя внимание маршала Макдонадьда и тем отвлечь его от корпуса графа Витгенштейна. Хотя бы неприятель и собрал против генерал-лейтенанта Левиза превосходные силы (чего, однако ж, не предвидится), то прибытие Финляндского корпуса в Ригу доставит средства послать к нему сильное подкрепление.

Финляндский корпус, высаженный в Ревеле, должен спешить чрез Пернов в Ригу и оттуда направить действия свои, смотря по известиям, полученным из-за Двины. Если неприятель соединится против генерала Левиза, так что ему трудно будет отдельно произвести впадение внутрь Виленской губернии, то Финляндский корпус при выступлении своем из Риги к Экау, не теряя из виду истребления неприятельской осадной артиллерии, должен будет или соединиться с корпусом Левиза, если б соеди-

нение неприятеля в превосходных силах того востребовало, или же взять направление чрез Бауск в Биржы. В сем последнем случае генерал-лейтенант Левиз, равняясь с Финляндским корпусом, перейдет из Фридрихштата в Нерфт. В сем положении оба корпуса, будучи в тесной связи между собой и снабдившись всеми потребностями, подвижным запасным парком и провиантским магазином, с 20 сентября откроют наисильнейшие наступательные действия, соображая оные таким образом, чтобы как можно более отвлечь внимание и силы маршала Макдональда от графа Витгенштейна.

Ф. Ф. Левиз
(1767–1824)

Если в правой стороне останется мало войск неприятельских (что и вероятно, ибо и первым движением генерала Левиза к Фридрихштату отвлечены они быть могут от Митавы в соединение к тем, которые были в Крейцбурге и Якобштате), то само собой разумеется, что при подобном их движении должно, не допуская их до соединения, истреблять порознь. Однако ж если собирающийся в Тильзит корпус маршала Виктора не заставит принять другие меры, то Финляндский корпус всегда должен будет держаться влево, в Виленскую губернию, к стороне Видзи и Свенцян, где и быть ему к 4 октября, дабы, встретив маршала Удино, разбитого и преследуемого графом Витгенштейном, сменить сего последнего, истреблять неприятеля и, прогнав остатки его войск за реку Неман, остановиться в Вильно, откуда и наблюдать вдоль реки Немана от пруссаков для охранения Риги; в сем положении войска графа Штейнгеля будут служить резервом для трех армий, соединенных над рекой Березиной в Минской губернии.

Если б предначертание сие могло быть исполнено во всем его пространстве, то совершенное истребление Главной армии Наполеона неоспоримо соделалось бы неизбежным. Но, по несчастью, невозможно было столько усилить российские армии, как означено в предположении; а от сего, естественно, последовало, что сии разные армии не в состоянии были совершенно выполнить предоставленного каждой из них поручения. Должно еще заметить, что фельдмаршал Кутузов, расчислив, что наставления, посланные к адмиралу Чичагову, не могут дойти к нему вовремя, дал всем командующим армиями приказание производить все действия пятью днями позже, нежели как предписано в предначертании.

В самом начале представилось в исполнении сего предположения непреодолимое затруднение. Генерал-лейтенант Левиз должен был начать свои действия, выступив

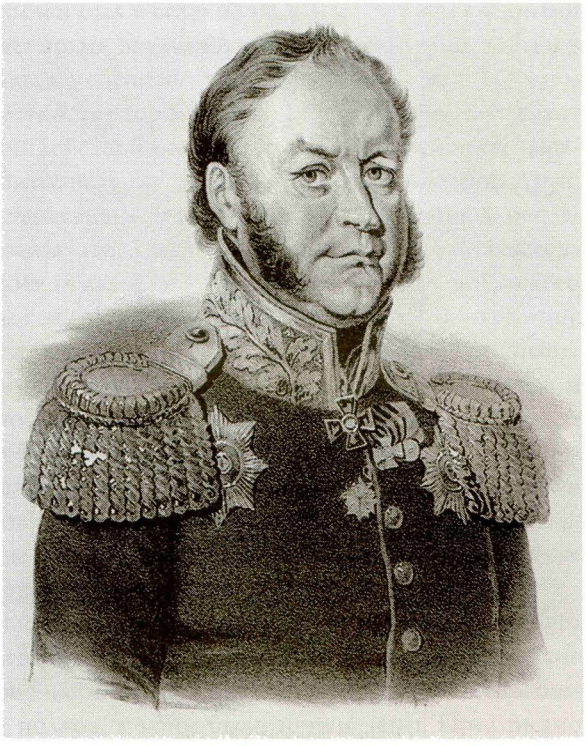
из Риги с 20 тысячами человек, но в гарнизоне сей крепости, ослабленном потерями, большей частью происшедшими от болезней, оказалось токмо 10 000 человек, способных быть употребленными в дело. Столь слабыми силами, в сравнении с корпусом маршала Макдональда, неблагоразумно было бы начинать против него наступательные действия, а посему генерал-лейтенант Эссен 1-й и нашелся принужденным ожидать прибытия Финляндского корпуса.

Генерал-лейтенант граф Штейнгель сел на суда в Гельсингфорсе с 12 батальонами пехоты, четырьмя эскадронами кавалерии, двумя артиллерийскими ротами и одним казачьим полком; два батальона сели на суда в Або, а генерал-майор Горбунцов с шестью батальонами и ротой артиллерии должен был то же учинить на Аландских островах. Всем трем флотилиям назначено было соединиться в Ревеле. Суда, перевозившие войска из Гельсингфорса, вышли оттуда в море 24, 25 и 26 числа августа и прибыли в Ревель, но первое отделение оных выдержало в ночи сильную бурю, от коей несколько судов разбилось, и в сем несчастном случае россияне потеряли более 500 человек и шесть орудий. Граф Штейнгель нашел в Ревеле Абовскую флотилию, но с Аланда прибыли только два батальона, ибо генерал-майор Горбунцов с остатком своего отряда не мог приплыть по недостатку перевозных судов. 28 числа поутру весь корпус высажен был на берег. Потеря, претерпенная на переезде, и неприбытие четырех батальонов из Аланда уменьшили Финляндский корпус до 10 тысяч человек под ружьем, между тем как он долженствовал состоять из 14 тысяч человек. В следующие дни граф Штейнгель продолжал движение свое к Риге чрез Пернов, Руиен и Рооп. Первые войска его прибыли в Ригу 8 сентября, а 10 числа собрался там весь корпус.

14 сентября граф Штейнгель выступил из Риги к Даленкирхену. Отряд генерал-лейтенанта Левиза, вблизи за ним следовавший, подкреплял его движение. Прусские войска, занимавшие Даленкирхен, без труда были вытеснены оттуда и прогнаны в Экау. На другой день граф Штейнгель, прибыв к сему селению, нашел перед собой довольно значительный корпус пруссаков, стоявший за речкой Экау. Тогда завязался упорный бой. Неприятель сильно оборонялся, и только что под вечер прибытие генерал-лейтенанта Левиза позволило россиянам развернуть превосходство сил, против коих пруссаки не могли устоять. Наступившая ночь благоприятствовала их отступлению. Урон со стороны неприятеля состоял в 200 человеках пленных и до 400 убитых.

Генерал-лейтенант Эссен 1-й, приметив, что движение графа Штейнгеля обратило внимание неприятеля к стороне Бауска, вознамерился, пользуясь тем, овладеть городом Митавой, в коем надеялся найти осадную артиллерию, приготовленную для осаждения Риги. Часть российских войск, посаженных на гребную флотилию, поднявшуюся вверх по реке Аа, должна была проходить чрез Кальнецеем, Вольгунд и Лапскальн, дабы учинить нападение на Митаву со стороны моря; между тем как другой отряд под начальством полковника Розена, из двух пехотных полков,с шестью орудиями состоявший, пришед из Риги чрез Сент-Олай, атакует сей город по большой Рижской дороге. Граф Штейнгель равномерно должен был содействовать сему поиску, отрядив от своего корпуса полковника Экельна с 3000 человек пехоты, взводом драгун и шестью орудиями, дабы следовал чрез Гарозен и Туттельминде к Митаве. Граф Штейнгель с остатком войск своих подвинулся к Цодену. Неприятель отступил чрез Цоден к Бауску и чрез Мезоттен к Руенталю. Авангард графа Штейнгеля под начальством генерал-

майора Вельяминова дошел до Мезоттена, а другой отряд послан был к Бауску.



И. А. Вельяминов (1771–1837)

В ночи пруссаки соединили все войска свои при Руентале и, желая воспользоваться разделением российских сил, 17 числа на рассвете выступили к Мезоттену. Генерал-майор Вельяминов, подкрепленный двумя пехотными полками, храбро защищал брод на реке Аа при Мезоттене. Главные силы корпуса графа Штейнгеля охраняли другой брод, при деревне Зеемальдене. Под вечер граф Штейнгель в намерении облегчить своему авангарду оборону Мезоттена перешел на левый берег реки Аа и приказал генерал-майору Беллегарду с Азовским и Низовским пехотными полками и 12 орудиями атаковать левое неприятельское крыло, но как генерал Беллегард был отбит с большим уроном, то граф Штейнгель, возвратившись ночью за реку Аа, расположился против Зеемальдена. Того ж дня генерал-лейтенант Эссен занял Митаву без боя, ибо французский отряд, находившийся в сем городе, по приближении россиян отступил по дороге в Шрунден. В Митаве не нашли осадного парка, который полагали быть привезенным в сей город.

18-го на рассвете неприятель возобновил бой, овладел бродом при Мезоттене и принудил генерала Вельяминова отступить к главным силам корпуса. Граф Штейнгель, видя невозможность противостоять превосходным силам пруссаков, начал отступать чрез Анненбург к Гарозенгофу. Неприятель живо преследовал его и в 4 часа вечера прибыл к позиции, занятой им при Гарозенгофе, в коей россияне с твердостью удержались. Пруссаки пять раз переходили ручей Гарозон, но всегда были отбиваемы. Наступившая темнота прекратила бой прежде, нежели успел неприятель вытеснить россиян из их позиции. В ночи граф Штейнгель продолжал свое отступление.

Возвратное движение графа Штейнгеля принудило также и генерала Эссена помыслить об отступлении. Почему, оставив Митаву, он возвратился в Ригу. 19 числа граф Штейнгель прибыл в Сент-Олай, а 20-го также вошел в Ригу.

Неудачу предприятия графа Штейнгеля наиболее должно приписать малочисленности россиян, однако ж кажется, что и генералы российские также не изъяты от упреков. Вместо того чтобы действовать с совокупностью и деятельностью, дабы воспрепятствовать неприятелю соединить его силы, они, дав ему время сие исполнить,

Офицер донских казаков.
1812 г.

некстати раздробили собственные войска свои. К тому ж занятие Митавы было действие побочное, для которого достаточно было небольшого отряда легких войск.

Впрочем, поиск сей не был вовсе бесполезен. Если граф Штейнгель не успел разбить пруссаков и войти в Виленскую губернию, то по крайней мере он отвлек внимание Макдональда от действий графа Витгенштейна, принудив французского маршала сблизиться к пруссакам для соединения сил своих на левом крыле.

Поелику описанное здесь происшествие сделало невозможным исполнение повелений, данных графу Штейнгелю, то сей генерал и принял благоразумное намерение сблизиться к графу Витгенштейну, дабы действовать согласно с сим последним. 23 сентября выступил он из Риги и усиленными переходами следовал к местечку Друе, при коем полагал переправиться за Двину-реку, дабы действовать в тыл французских корпусов, занимавших Полоцк. Того ж дня прибыл он в Вакульцем, 24 числа — в Кайпен, 25-го — в Эрлаа, где 26-го имел дневку, 27-го подвинулся в Берсон, 28-го — в Стерляны, а 29-го прибыл в Прель, перейдя в шесть дней более 200 верст.

Граф Витгенштейн, со своей стороны, приготовился к начатию действий, предписанных в данном ему наставлении. Подкрепления, обещанные ему, уже в скором времени могли с ним соединиться, однако ж они далеко не составляли числа войск, означенного в предположении. Правая колонна, проходившая чрез город Себеж, состояла из двух батальонов Воронежского пехотного полка, двух эскадронов Польского уланского и шести дружин С.-Петербургского ополчения; всего из 5322 человек, в том числе 3775 человек ополчения. Левая колонна, прибывшая в Великие Луки, составлена была из четырех эскадронов Митавского драгунского, двух батальонов 1-го Морского, резервного батальона Полоцкого пехотного полка, двух легких артиллерийских рот и шести дружин С.-Петербургского ополчения; всего из 9025 человек, в том числе 6584 человек ополчения. Новгородское ополчение, которое не успели еще устроить, прибыло позднее.

Предположенная переправа чрез реку Двину требовала предварительных приготовлений, тем необходимейших, что при корпусе графа Витгенштейна не было понтонов. Для сего начали собирать при деревне Сивошиной нужные для постройки мостов материалы и телеги, потребные для перевозки оных на место переправы. В то же время

инженер-полковник граф Сиверс послан был в селение Валынцы с двумя сводными пехотными полками, пионерами и четырьмя орудиями конной артиллерии, дабы и в сем месте также заготовить материалы к переправе, часть коих назначена была к постройке моста на реке Двине в окрестностях города Дисны, дабы генерал-лейтенант граф Штейнгель в случае неудачи своих действий мог иметь во власти своей место переправы, ближайшее к корпусу графа Витгенштейна, нежели переправа у местечка Друи.

Генерал-майор Бегичев, начальствовавший колонной, прибывшей на подкрепление из Великих Лук, получил приказание отрядить от себя генерал-майора Алексеева с 1-м морским, Митавским драгунским полками и 15 дружинами С.-Петербургского ополчения при шести орудиях. Отряд сей должен был следовать чрез Городок и селение Козяны к деревне Горянам, лежащей при устье реки Обола, и, расположась в сем месте, выбранном для переправы чрез Двину, в одно время прикрывать и постройку мостов, и движение генерала Бегичева. Сему последнему назначено было прибыть к 28 сентября в город Невель, а 1 октября — к селу Краснополью, где он и нашел бы генерал-майора барона Дибича, отряженного от главного корпуса с семью батальонами пехоты, двумя эскадронами драгун и сотней казаков[1], дабы служить ему авангардом. Подполковник Бедряга со сводным гусарским полком получил приказание быть к 1 октября в местечке Придруйске для составления передового отряда корпуса графа Штейнгеля.

28 сентября колонна, следовавшая из Себежа, присоединилась к корпусу графа Витгенштейна. Шесть дружин ополчения поступили в состав четырех пехотных полков 14-й дивизии и двух егерских полков 5-й дивизии[2]. Они составили третьи батальоны или, справедливее сказать, резервы полков, к коим были причислены. Предписано было ставить их всегда во второй линии, а вперед высылать токмо в случаях, когда понадобится произвесть удар в штыки, и тогда натиск каждой дружины долженствовал быть всегда подкрепляем двумя батальонами регулярных войск, к коим она принадлежала. Все движения свои они должны были производить в колоннах, высылая, однако ж, охотников, которые могли в них найтись, вместе со стрелками пехотных полков. Ополчение, таким образом соединенное с линейными войсками, вскоре привыкло к воинскому порядку, которого по слишком поспешному образованию оно не могло еще приобрести в надлежащем совершенстве.

2 октября генерал-майор Бегичев оставался у селения Краснòполья. Авангард его под начальством генерал-майора барона Дибича, подкрепленный еще шестью орудиями, подвинулся к деревне Липовой. Генерал-майор Алексеев со своим отрядом прошел Городок.

Генерал-лейтенант граф Штейнгель равномерно продолжал свое движение. 1 октября выступил он из Преля в Каменец, 2-го перешел в Креслав, а 3-го прибыл в местечко Придруйск.

Поелику наступило уже время начинать предписанные действия, то граф Витгенштейн и сделал следующие распоряжения: все войска его разделены были на три колон-

---

[1] *Примечание переводчика.* Со сводным егерским полком, четырьмя сводными гренадерскими батальонами 5-й и 14-й дивизий, двумя эскадронами Рижского драгунского полка и сотней казаков.

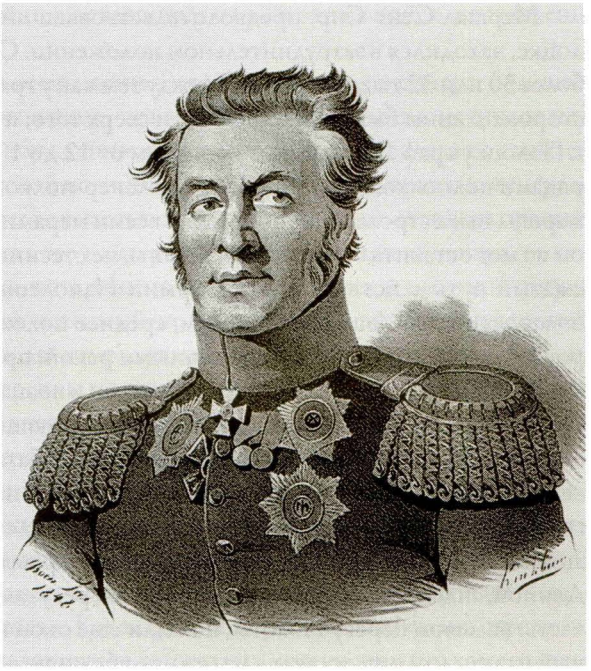
[2] *Примечание переводчика.* Ополчение распределено было следующим образом: 9-я дружина причислена к 25-му егерскому полку, 1-я дружина — к 24-му егерскому, 3-я дружина — к Тульскому, 17-я дружина — к Навагинскому, 2-я дружина — к Тенгинскому, а 8-я дружина — к Эстляндскому пехотным полкам.

Французский пехотинец. 1809–1814 гг.

ны. Боевой корпус левой колонны под начальством генерал-майора Бегичева состоял из одного пехотного батальона и восьми дружин ополчения с 12 орудиями; всего из 6273 человек. В авангарде его под начальством генерал-майора барона Дибича находились четыре эскадрона, семь батальонов с шестью орудиями и сотня казаков; всего 2792 человека. Сия левая колонна должна была продолжать движение свое по дороге из Невеля в Полоцк. Средняя колонна, предводительствуемая самим графом Витгенштейном, должна была подвинуться от деревни Сивошиной к селению Юревичам. Авангард ее под начальством генерал-майора Балка состоял из пяти батальонов, четырех эскадронов и одного казачьего полка с шестью орудиями; всего из 3222 человек. Боевой корпус под начальством генерал-майора Берга состоял из восьми эскадронов и восьми батальонов с 30 орудиями; всего из 5035 человек. В резерве сей колонны под начальством генерал-майора Каховского находилось четыре эскадрона и пять батальонов с 50 орудиями; всего 3630 человек. Левая и средняя колонны, соединившись при Юревичах, должны были составить главный корпус, предназначенный для действий на левой стороне реки Двины, но число войск сего корпуса, по предположению долженствовавшего состоять из 35 000 человек, простиралось не свыше 24 000, считая вместе с отрядом генерал-майора Алексеева. Правой колонне под начальством генерал-лейтенанта князя Яшвиля назначено было идти по Себежской дороге прямо к Полоцку, дабы удерживать и занимать неприятеля на правом берегу Двины. Авангард сей колонны под начальством генерал-майора Властова состоял из четырех эскадронов, четырех батальонов, двух дружин ополчения и одного казачьего полка с шестью орудиями; всего из 4062 человек. В боевом корпусе под начальством генерал-лейтенанта Сазонова было пять эскадронов, 10 батальонов и четыре дружины ополчения с 62 орудиями; всего 7551 человек.

4 октября левая колонна прибыла к деревне Дретуну, авангард ее — к Мичуличам. Генерал-майор Балк подвинулся к Жарцам. Граф Витгенштейн с своим боевым корпусом и резервом остановился при Артейковичах. Генерал-лейтенант князь Яшвиль собрал свой боевой корпус при Сивошиной; авангард его остался при селении Белом. Граф Штейнгель, перейдя реку Двину у местечка Друи, прибыл к деревне Милашевой. Ге-

нерал-майор Алексеев, встретив в Козянах неприятельский отряд, в коем было до 2000 человек пехоты и 1500 кавалерии, атаковал его с успехом и преследовал 15 верст за Козяны по Полоцкой дороге.



Г. М. Берг
(1765–1833)

5 числа граф Штейнгель подвинулся к селению Рожманту. Инженер-полковник граф Сиверс прибыл в город Дисну, где и занялся постройкой моста, прогнав сперва огнем артиллерии своей неприятельских стрелков, которые, стоя на левом берегу реки, хотели препятствовать сей работе. Генерал-майор Властов подвинулся от Белого к Ропно; генерал-лейтенант князь Яшвиль, следуя за его движением, остановился между Ропно и Белым. Генерал-майор Балк, подошед к Юревичам, занятым более нежели 4000 человек неприятельской пехоты, немедленно атаковал сие селение. Бой продолжался без приметного успеха с которой-либо стороны до прибытия генерал-майора Дибича, который подкрепил войска, в деле находившиеся. Тогда неприятель, выбитый россиянами из деревни, с такой поспешностью отступил за речку Полоту, что не успел даже разломать моста на оной. Оба российских авангарда, соединившись под начальством генерал-майора Балка, перешли Полоту и преследовали неприятеля вдоль левого берега речки 5 верст за селение Юревичи. Под вечер левая и средняя колонны соединились при Юревичах, где граф Витгенштейн занял свою главную квартиру. Семь дружин ополчения причислены были к четырем пехотным полкам 5-й дивизии и трем резервным гренадерским батальонам[1], а три сводных гренадерских батальона, взятые из авангарда, и 12 орудий, приведенные генерал-майором Бегичевым, поступили в состав резерва, который и отдан под начальство сего генерала. Три батальона и три эскадрона, взятые из авангарда, вместе с одной дружиной ополчения составили новый отряд под начальством полковника Столыпина, который послан был к корчме Лозовке для связи между главным корпусом и корпусом генерал-лейтенанта князя Яшвиля. Генерал-майор Алексеев, прибыв к Горянам, нашел сие селение занятым от неприятеля. Нападение на оное отложено было до утра.

[1] *Примечание переводчика.* Семь дружин ополчения, из числа приведенных генерал-майором Бегичевым, распределены были следующим образом: 5-я дружина причислена была к Пермскому, 4-я дружина — к Могилевскому, 10-я — к Севскому, 11-я — к Калужскому пехотным полкам, 13-я — к 1-му резервному, 14-я — ко 2-му резервному и 6-я — к 5-му резервному гренадерским батальонам.

Маршал Сент-Сир, предводительствовавший неприятельскими войсками в Полоцке, находился в затруднительном положении. Он не мог выставить против россиян более 30 или 32 тысяч человек. Между тем как у графа Витгенштейна одного на правой стороне Двины было около 36 000, и сверх того, по левую сторону реки приближался к Полоцку граф Штейнгель с корпусом от 12 до 13 тысяч человек, считая вместе с отрядами подполковника Бедряги и инженер-полковника графа Сиверса. Французский маршал имел строжайшее повеление всеми мерами держаться в Полоцке. В самом деле, он не мог оставить берегов реки Двины, не стеснив еще более и без этого уже слишком сжатый путь действий Главной армии Наполеона и, следовательно, не подвергнув опасности ее сообщения. Впрочем, среднее положение, занимаемое им между двумя российскими корпусами, разделенными рекой, представляло ему еще некоторую возможность действовать с успехом, почему он и вознамерился, пользуясь сим, удерживать Полоцк за собой. На сей конец сделал он следующие распоряжения: генерал Корбино с его легкой кавалерийской бригадой и тремя батальонами баварцев отряжен был на левую сторону Двины к селению Бонопии для наблюдения и удерживания корпуса графа Штейнгеля; остаток же армии расположился перед городом на правой стороне Двины. Часть позиции, включенная между правым берегом реки Полоты и нижней Двиной, сильно укреплена была хорошими редутами, но окопы, прикрывавшие другую часть, на левом берегу Полоты, не были еще окончены. Полоцк, тщательно огражденный палисадом, представлял надежное убежище войскам, защищавшим доступ к сему городу. Правое крыло Французской армии составлено было из пехотной дивизии генерала Мезона (бывшей Вердье), имевшей на правом фланге своем два кирасирских, один уланский и один конноегерский эскадроны. Пехотная дивизия генерала Леграна примыкала правым флангом к дивизии Мезона, а левым — к речке Полоте. Пехотная дивизия генерала Мерля и баварские войска занимали укрепленные предместья на правом берегу Полоты. Отряд баварской пехоты, стоявший при селении Струне, наблюдал за движениями, которые россияне могли бы произвести левым крылом своим.

6 октября граф Витгенштейн вознамерился учинить ложное нападение на Полоцк, дабы, отвлекши внимание неприятеля в сию сторону, тем с большей удобностью произвести переправу чрез Двину при селе Горянах, равно как и обеспечить движение корпуса графа Штейнгеля, которое могло быть учинено с безопасностью в таком только случае, если большая часть сил неприятельских задержана будет на правом берегу Двины. Авангард генерал-майора Балка получил приказание вытеснить неприятеля из леса, лежащего между деревней Громы и французским лагерем. В то же время боевой корпус и резерв, выступив от Юревичей, приближались по левому берегу Полоты, чтоб быть в готовности подкреплять нападение авангарда. Генерал-лейтенанту князю Яшвилю также приказано было занимать неприятеля на правом берегу Полоты.

Между тем неприятель, усугубив усилия, ввел в дело столь великое число войск, что граф Витгенштейн увидел невозможность удержаться впереди леса без помощи своего резерва. Вследствие сего приказал он генерал-майору Бегичеву поставить позади центра сводный кирасирский полк, два сводных гренадерских батальона 14-й дивизии и 2-й резервный гренадерский батальон. Два резервных гвардейских батальона расположены были за 25-м егерским полком, находившимся в первой линии, а 1-й резервный гренадерский батальон послан на подкрепление правого фланга. Два

батальона с одной дружиной ополчения, оставшиеся от резервных войск, поставлены были позади возле леса.

Жестокий бой продолжался по всей линии. Российские стрелки центра, большей частью из ратников ополчения состоявшие, приметив, что неприятель начинает подаваться назад, по собственному побуждению бросились вперед и овладели самыми передовыми укреплениями французской позиции. Граф Витгенштейн приказал генерал-майору Дибичу подкрепить сих стрелков частью войск центра, а сам, атаковав правым крылом левое неприятельское, вогнал его в лагерь. Французские войска центра, опять двинувшись вперед, обошли с тыла потерянные ими укрепления и выгнали оттуда российских стрелков, но Пермский пехотный полк и 1-й резервный гренадерский батальон вторично овладели сими двумя редутами, называвшимися *черепичными*. Тогда полковник Ридигер с 25-м егерским полком и двумя резервными гвардейскими батальонами[1] с подкреплением гродненских гусар ударил в штыки, опрокинул центр неприятельский и стал впереди озера Волового. Генерал-майор Бегичев со сводными гренадерами следовал за его движением, а генерал-майор Берг с Калужским пехотным и сводным гвардейским кавалерийским полками, отделенными на левом фланге, опять сблизился к центру. Артиллерия размещена была впереди сей новой позиции, занятой россиянами. Неприятель сделал еще несколько покушений в намерении оттеснить правое крыло россиян, однако ж без успеха. Кавалерия его бросилась во фланг стрелков, находившихся впереди центра, но была встречена Рижским драгунским полком и потом совсем опрокинута сводными кирасирским и гвардейским кавалерийским полками. Собравшись и построившись под прикрытием огня своей артиллерии, она учинила новое нападение; тогда российская кавалерия обошла ее с правого фланга и прогнала к самому городу. Огонь неприятельских батарей, в городе и в окопах укрепленного лагеря поставленных, принудил российскую кавалерию возвратиться на прежнее свое место.

Между тем как происходили сии кавалерийские атаки, все французские войска отступили в свои окопы. Россияне, со своей стороны, оставили черепичные редуты, в коих не могли держаться по причине убийственного огня, производимого по ним неприятельской артиллерией укрепленного лагеря.

Граф Витгенштейн, как уже сказано, не имевший намерения завязать важного дела, не рассудил за благо делать приступа к укреплениям, почему и прекратил сражение. Генерал-майору барону Дибичу, принявшему начальство над авангардом[2], упразднившееся по причине раны, полученной генерал-майором Балком, дано приказание выставить стрелковую цепь против неприятельских укреплений, а самому с главными силами авангарда занять позицию несколько позади. Боевой корпус и резерв отступили к деревне Громы, в которую граф Витгенштейн перевел и главную квартиру свою.

На правом берегу речки Полоты также происходило жестокое сражение. Авангард генерал-лейтенанта князя Яшвиля, с самого утра пробившийся сквозь теснины при

[1] *Примечание переводчика.* Полковник Ридигер имел приказание употреблять гвардейские батальоны токмо в крайних случаях, но сей вновь сформированный резерв неотступно просил позволения быть в голове атаки и, получив оное, ознаменовал первый шаг свой на поле чести сильным ударом в штыки, который прославил бы старое отборное войско.

[2] *Примечание переводчика.* Авангард сей остался в прежнем составе, в коем был накануне, токмо прибавлены к нему 1-й резервный гренадерский батальон, два сводных гренадерских батальона 14-й дивизии и сводный гвардейский кавалерский полк с несколькими орудиями.

селении Ропне, построился на площади, находящейся перед предместьями Полоцка. Боевой корпус его расположился позади авангарда. В четыре часа пополудни князь Яшвиль, получив приказание атаковать также и со своей стороны, тотчас двинулся против передовых редутов правого берега Полоты. Укрепления сии только что начаты были, почему неприятель и оставил их без сопротивления. Маршал Сент-Сир намеревался ограничить себя токмо обороной главных укреплений, но один Швейцарский полк вместе с батальоном кроатов, принадлежавшие к пехотной дивизии генерала Мерля, увлеченные безрассудной горячностью, без приказания устремились против колонн российских и дорого заплатили за неуместную опрометчивость свою. Швейцарский полк был почти весь истреблен, а Кроатский батальон нашелся принужденным положить ружье. Под вечер генерал-лейтенант князь Яшвиль, произведши весьма быстрое нападение на всех пунктах, оттеснил левое крыло французов под самый город. Генерал-майор Властов, со своим авангардом находившийся против правого фланга дивизии Мерля, вместе с отрядом полковника Столыпина занял развалины селения Присменицы и потом остановился против монастыря Спаса. Корпус князя Яшвиля провел ночь на площади. Передовая цепь его постов, примкнув правым флангом к реке Двине, протянулась вдоль валов города Полоцка, а левый фланг ее оканчивался у монастыря Спаса, при коем неприятель удержался в своих окопах.

6 октября генерал-лейтенант граф Штейнгель подвинулся к селению Полюдовичам, а авангард его приблизился к берегам речки Ушачи. Он уведомил графа Витгенштейна, что на другой день корпус его будет в готовности атаковать Полоцк с левого берега Двины.

Поелику худое состояние дорог, совершенно испорченных дождями, почти целую неделю продолжавшимися, воспрепятствовало перевозке материалов, потребных для постройки мостов на Двине, то граф Витгенштейн и увидел, что не было возможности перейти реку при селении Горянах иначе, как чрез несколько дней. Но таковая отсрочка могла сделаться опасной, ибо маршал Сент-Сир, пользуясь сим бездействием, мог бы одолеть Финляндский корпус. Одно токмо единовременное нападение обоих российских корпусов могло заменить выгоды, доставляемые неприятелю центральной его позицией. По сим причинам граф Витгенштейн решился атаковать Полоцк спереди, коль скоро Финляндский корпус подойдет так близко, что получит возможность содействовать ему нападением на город с тыла.

7 числа поутру граф Витгенштейн с боевым корпусом своим и резервом стал позади авангарда. Генерал-майор Дибич послан был к генерал-лейтенанту князю Яшвилю для сообщения ему вновь принятой диспозиции. Корпус правого крыла получил приказание открыть огонь из всей артиллерии своей, коль скоро он приметит приближение корпуса графа Штейнгеля или когда большие движения в городе заставят предполагать, что маршал Сент-Сир отступает. Коль же скоро артиллерия князя Яшвиля причинит беспорядок в городе, в то время он должен был идти на приступ к оному.

Граф Штейнгель продолжал движение свое к Полоцку, и его авангард[1], сбив поутру войска генерала Корбино с берегов речки Ушачи, оттеснил их к местечку Екимании[2].

---

[1] *Примечание переводчика.* Под начальством генерал-майора Фока.

[2] Подполковник Бедряга со сводным гусарским полком преследовал неприятеля, не доходя за 4 версты до Полоцка. В сем деле неприятель потерял пленными: одного полковника, 37 обер-офицеров и до 500 человек рядовых.

И. И. Дибич
(1785–1831)

Маршал Сент-Сир, не желая позволить Финляндскому корпусу запереть выходы с мостов, французами на Двине поставленных, решился тотчас перейти на левый берег реки, а как для безопасности сей переправы надлежало сперва удержать наступление графа Штейнгеля, то, дабы не сделать слишком примитивного движения, Сент-Сир отрядил по одному полку из каждой пехотной дивизии 2-го корпуса, избрав для сего находящиеся менее в виду у войск графа Витгенштейна. Сии три полка, к коим присовокуплен был еще один кирасирский, под начальством генерала Амея заняли позицию против российского авангарда, состоявшего из 2-го и 3-го егерских полков под начальством полковника Турчанинова, который, овладев тесниной у селения Рудни, расположился впереди оной. Граф Штейнгель с главными силами своего корпуса остановился у села Бононии[1].

Между тем как маршал Сент-Сир делал распоряжения свои к ночному отступлению, войска графа Витгенштейна приготовлялись к нападению на город. В продолжение дня обе стороны токмо наблюдали одна за другой, но с наступлением темноты князь Яшвиль, приметив движение неприятельских войск на левом берегу Двины, тотчас подал сигнал пушечной пальбой. Тогда все российские батареи, по обе стороны речки Полоты поставленные, открыли сосредоточенный огонь по укрепленному лагерю. Неприятель отступил из него в город, а российская артиллерия, приблизившись к оному, начала бросать брандскугели, коими и зажгла городское строение. Пальба с обеих сторон продолжалась весь вечер и часть ночи. После полуночи российские авангарды получили приказание идти на приступ. Тогда завязался яростный бой. Пожар, распространившийся в городе, осветил окрестные места, так что можно было видеть друг друга, как среди дня. Неприятельская пехота и особенно швейцарские полки, противопоставленные корпусу князя Яшвиля, храбро оборонялись и несколько раз отбивали нападающих. Наконец, в два часа пополуночи российские начальники, поведши самолично атакующие колонны, решили успех приступа. Полковники Ридигер и Албрехт с авангардом главного корпуса, разделенным на два отряда, ворвались в город, и в то же время генерал-майоры Властов и барон Дибич с авангардом князя Яшвиля пробились сквозь заставы правого берега Полоты, а за ними непосредственно следовала часть

[1] *Примечание переводчика.* В 12 верстах от своего авангарда.

Рядовой швейцарского полка. 1812 г.

резерва сего корпуса. При сем случае 12-я дружина ополчения под начальством полковника Николева особенно отличилась. Несмотря на сильный ружейный огонь, производимый неприятелем, она перешла по мосту с лишком во сто шагов длиной, ведущему к заставе у речки Полоты, бросилась на палисады, срубила их топорами и первая вошла в город. В то время маршал Сент-Сир переправился уже за Двину со своей кавалерией, почти всей артиллерией и большей частью пехоты. Остальная же пехота продолжала отступать чрез город, защищая улицы шаг за шагом, и, перейдя по мостам, разломала оные, оставя на правом берегу одну пушку и более 1000 человек, которые и нашлись принужденными положить ружье.

Россияне нашли в Полоцке большие магазины, коих неприятель не успел истребить. При сем освобождено было небольшое число россиян, взятых в плен неприятелем в сражении 6 августа, также и несколько раненых офицеров, попавших в плен во время кавалерийских атак, накануне происходивших.

Урон с российской стороны в сражениях 6 и 7 октября простирался до 8000 человек, выбывших из строя. В числе раненых находились генерал-майоры Балк, князь Сибирский и Гамен, сенатор Бибиков и камергер Мордвинов, оба последних командовали дружинами ополчения. Неприятель потерял близ 6000 человек, в том числе 2000 пленных. Маршал Сент-Сир был тяжело ранен в ногу.

7 числа генерал-майор Алексеев, атаковав неприятельский отряд, находившийся в Струне, выгнал его из сей деревни.

Маршал Сент-Сир, рассудив за благо усилить корпус, противопоставленный им графу Штейнгелю, послал на помощь к генералу Амею еще один Швейцарский полк с бригадой баварских войск. Генерал Вреде, принявший начальство над сими соединенными войсками, 8 числа на рассвете выступил против авангарда графа Штейнгеля[1].

---

[1] *Примечание переводчика.* В сем авангарде под начальством полковника Турчанинова было четыре батальона, четыре эскадрона, и в них не более 3000 человек; между тем как неприятельский корпус генерала Вреде состоял из легкой кавалерийской бригады Корбино, кирасирской бригады Леритье, французских 19, 37 и 124-го линейных пехотных полков, 2-го Швейцарского полка и бригады баварских войск; всего из 16 эскадронов кавалерии и 20 батальонов пехоты, в коих было по меньшей мере 7000 человек.

Корпус его разделен был на три колонны. Сам он вел среднюю, правой начальствовал генерал барон Страт, а левой — генерал Амей. Полковник Турчанинов, атакованный средней колонной[1], в половине пятого часа пополуночи захвачен был врасплох, и оба его егерских полка рассеялись по лесам, оставив в руках неприятельских до 1500 человек пленных[2]. Граф Штейнгель, узнав о разбитии своего авангарда, счел себя не в силах удержаться на берегах реки Ушачи, почему, отступив с поспешностью к городу Дисна, 9 числа перешел там за реку Двину. Генерал Вреде пошел было преследовать его по дороге к Дисне, но получил от маршала Сент-Сира приказание возвратиться к Полоцку.

Сражения под Полоцком не имели последствий, сообразных с целью наставлений, данных российским генералам. Предписывая графу Витгенштейну перейти реку Двину с большей частью его сил выше Полоцка, более всего имели в виду обход правого фланга маршала Сент-Сира, дабы тем пресечь сообщения его со Смоленском и Главной армией Наполеона. Но как затруднение построить мосты при селении Горянах принудило спереди атаковать Полоцк, то помянутая цель не могла быть выполнена, и дороги, ведущие к Смоленску, остались свободными для Сент-Сира. Между тем весьма нужно было действовать в правый фланг сего маршала, тем более что прибытие корпуса маршала Виктора в Смоленск было новой побудительной причиной отрезать Сент-Сира от сего города, дабы стать между ним и Виктором. Потеря нескольких дней, причиненная остановкой в построении мостов при Горянах, была бы неважной неудобностью, если б ошибочное движение, произведенное графом Штейнгелем к городу Дисне, не принудило графа Витгенштейна поспешить со своими действиями. Кажется, что граф Штейнгель лучше бы поступил, если б вместо того, чтобы отдельно завязать дело на левом берегу Двины, продолжал идти вверх по правому берегу сей реки и, сменив корпус князя Яшвиля под Полоцком, чрез то доставил бы графу Витгенштейну возможность перейти Двину при Горянах со всей громадой сил своих. Действуя таким образом, российские генералы обратили бы главные силы свои на решительный пункт, вместо того что граф Штейнгель, отваживаясь отдельно со слабым корпусом своим, произвел токмо бесполезную диверсию, которая даже не могла быть опасной для неприятеля. Маршал Сент-Сир держался в Полоцке с твердостью, пока мог делать сие не наказано, и отступил довольно вовремя, чтобы не допустить обоих российских генералов действовать единовременно.

Поелику мосты в Полоцке истреблены были неприятелем, то затруднение восстановить их, по причине быстрого течения реки и недостатка потребных материалов, на несколько дней замедлило переправу россиян. Граф Витгенштейн, произведенный в генералы от кавалерии[3], вознамерился доставить генерал-лейтенанту графу Штейнгелю средства возобновить его наступательные действия, для чего и послал к нему на помощь генерал-лейтенанта Сазонова с отрядом до 10 000 человек.

---

[1] В коей было восемь батальонов пехоты кроме кавалерии.

[2] *Примечание переводчика.* Полковник Турчанинов храбро защищался более двух часов. Не получая подкрепления и чувствуя невозможность устоять против с лишком вдвое превосходного неприятеля, он отослал назад находившуюся у него артиллерию, которую и успел спасти. Наконец, авангард его, быв с тылу обойден неприятелем, рассеялся по лесам.

[3] *Примечание переводчика.* Граф Витгенштейн заранее получил высочайший рескрипт с повелением распечатать его не прежде, как по взятии Полоцка. Сим рескриптом он произведен в генералы от кавалерии и вместе с тем граф Штейнгель с Финляндским корпусом поступил под непосредственное его начальство.

Постройка мостов в Полоцке производилась медленно, и граф Витгенштейн, желавший по меньшей мере тревожить неприятеля, приказал полковнику Ридигеру 9 числа переплыть реку Двину с четырьмя эскадронами гродненских гусар и казачьими Родионова и Платова 4-го полками. Сей малый авангард принудил к отступлению передовые посты, оставленные неприятелем на левом берегу Двины[1].

11 октября генерал-лейтенант Сазонов соединился с Финляндским корпусом у города Дисны, и граф Штейнгель, переправясь опять на левый берег Двины, подвинулся к селению Запрудью[2]. Он имел приказание отрядить к местечку Друе генерал-майора Властова с тремя батальонами егерей, двумя сводными пехотными полками, одной дружиной ополчения, тремя эскадронами кавалерии, одним казачьим полком и 14 орудиями[3], что и составляло до 5000 человек, с коими генерал Властов должен был наблюдать корпус маршала Макдональда. Того ж дня мост в Полоцке был окончен, и корпус графа Витгенштейна, равномерно перейдя на левый берег Двины, прибыл к селению Семенцу.

В Полоцке остался гарнизон в 3500 человек, составленный из двух гвардейских резервных батальонов, 12-й дружины С.-Петербургского ополчения, одного эскадрона сводного драгунского полка, двух артиллерийских рот[4], Тептярского казачьего полка и двух дружин Новгородского ополчения, которые, равно как и Тептярский полк, присоединились к корпусу уже по взятии Полоцка[5]. Полковник Ридигер с авангардом подвинулся к реке Суец.

Маршал Сент-Сир принужден был оставить предводительство за раной своей. 2-й французский корпус остался под начальством генерала Леграна, а 6-й — под командой генерала Вреде. Оба корпуса медленно отступили к речке Уле, дабы сблизиться с подкреплениями, которые маршал Виктор должен был привести к ним из Смоленска. 11 числа 2-й корпус находился при местечке Ушаче, а 6-й — при деревне Бабиничах, между местечком Селищем и селом Ареховкой.

12 числа неприятель продолжал свое отступление. Генерал Легран пошел на город Лепель, но генерал Вреде, прибыв в местечко Селище, повернул вправо, направляясь чрез Кубличи к местечку Глубокому, дабы прикрыть город Вильно и страну, в промежутке рек Березины и Вилии лежащую. Граф Витгенштейн прибыл в Ушач[6]. Граф Штейнгель

---

[1] *Примечание переводчика.* И преследовал их по дороге к местечку Ушачу. Отряд генерал-майора Алексеева, прибыв к Полоцку, соединился с главными силами корпуса.

[2] Лежащему на малой дороге, из Дисны чрез местечко Кубличи ведущей на большую Лепельскую дорогу, на коей граф Штейнгель должен был соединиться с 1-м корпусом графа Витгенштейна.

[3] 24-м егерским полком, одним батальоном 23-го егерского, двумя сводными пехотными, Финляндским драгунским и Лощилина казачьим полками, восемью орудиями конной роты № 23 и шестью орудиями батарейной роты № 28.

[4] *Примечание переводчика.* Батарейной № 50 и легкой № 49.

[5] Россияне готовились вступить в страну бедную и совершенно разоренную продолжительным пребыванием в ней неприятеля. Граф Витгенштейн, находясь в необходимости получать продовольствие из губерний, по правую сторону Двины лежащих, учредил главный магазин в местечке Валынцах, позади основания своих действий, опирающихся на городах Полоцке и Друе, которые приказал он наскоро укрепить. Дабы доставить некоторую прочность сему основанию, оставлен был, как уже сказано, в Полоцке гарнизон из 3500 человек, а к Друе послан 5000 отряд генерал-майора Властова.

[6] *Примечание переводчика.* Полковник Ридигер, атаковав арьергард генерала Леграна, отбил знатную часть обоза, им прикрываемого, взял немалое число пленных и оттеснил его за местечко Ушач.

подвинулся к селению Дмитровщине. Авангард его под начальством генерал-майора Гельфрейха настиг при местечке Селище баварский обоз, причем полковник Албрехт с тремя эскадронами сводного гвардейского полка, атаковавший прикрытие оного, отбил казну 6-го корпуса и один фургон, в коем найдены 22 баварских знамени[1].

13 числа корпус графа Витгенштейна имел дневку. Полковник Ридигер с авангардом своим подвинулся к деревне Ворону. Граф Штейнгель, вытеснив баварский арьергард из Кубличей, остановился при сем местечке. Кавалерия его, преследуя неприятеля по дороге к местечку Глубокому, отбила у него восемь орудий.

14 числа граф Штейнгель прибыл в Вошницы[2]. Граф Витгенштейн подвинулся к деревне Жары; авангард его[3], над коим генерал-майор Алексеев принял начальство, атаковал неприятельский арьергард[4] перед Лепелем, но, встретив превосходные силы, был отбит и отступил к деревне Ворону. Весьма худое состояние дорог на левой стороне реки Двины побудило графа Витгенштейна облегчиться от части своей артиллерии, крайне затруднявшей его движения. На сей конец оставил он в местечке Ушаче три артиллерийских роты[5] с прикрытием пехотного отряда под начальством генерал-майора Гарпе, дав ему предписание отослать сию артиллерию в Полоцк[6].

15 числа граф Штейнгель пришел к Пышне[7]. Граф Витгенштейн поручил генерал-лейтенанту князю Яшвилю начальство над своим авангардом, который и был составлен из девяти батальонов, одной дружины ополчения, 11 эскадронов и двух казачьих полков с 28 орудиями. Сей авангард расположился у Высоких Стен. 16-го граф Штейнгель пришел к деревне Ворону.

17 октября оба российских корпуса соединились при Лепеле. Неприятель, отступивший от сего города к Чашникам, преследуем был в сем направлении российским авангардом, коему предшествовал отряд под начальством полковника Албрехта, составленный из двух батальонов и пяти эскадронов с двумя орудиями[8].

---

[1] Всех полков, составлявших неприятельский 6-й корпус.

[2] Деревню, лежащую между местечками Пышней и Кубличами. Партии его посланы были по дороге к Глубокому, по коей следовал генерал Вреде.

[3] Подкрепленный несколькими батальонами пехоты.

[4] Занимавший деревню Высокие Стены, в 7 верстах перед Старым Лепелем.

[5] *Примечание переводчика.* Батарейную роту № 27 и легкие роты № 35 и 57.

[6] 14 числа отряд генерал-майора Властова прибыл в Друю.

[7] 15 числа граф Витгенштейн остался при деревне Жарах в ожидании прибытия своих обозов и подвоза с провиантом, следовавших из местечка Валынцов. Авангард генерал-майора Алексеева, равно как и неприятельский, оставались в прежних позициях своих при деревнях Вороне и Высоких Стенах. 16 числа генерал-майор Алексеев сбил неприятельский арьергард, который, отступив к Лепелю, остановился перед сим городом, неподалеку от деревни Ярковых Стен. 6-й неприятельский корпус, прибыв к местечку Глубокому, занял при оном оборонительную позицию, в коей и был наблюдаем со стороны россиян малыми отрядами до самого отступления его к Докшицам, воспоследовавшего в половине ноября месяца. Подполковник Столыпин возвращен был на правую сторону реки Двины с двумя эскадронами Ямбургского драгунского полка и небольшим числом казаков для прогнания неприятельских мародеров, показавшихся в окрестностях селения Козян.

[8] *Примечание переводчика.* Генерал-лейтенант князь Яшвиль, вытеснив неприятельский арьергард из позиции при Ярковых Стенах, принудил его перейти за реку Улу в городе Лепеле и преследовал вдоль правого берега сей реки до деревни Городенец, при коей с наступлением темноты российские передовые посты расположились. Главные силы армии графа Витгенштейна, следуя за движением своего авангарда, остановились впереди Лепеля. Полковник Албрехт со сводным гвардейским кавалерийским полком и двумя орудиями, повернув влево, занял местечко Камень на правом фланге неприятеля. Генерал-майор Гарпе, отправив в Полоцк артиллерию, оставленную в местечке Ушач, выступил с пехотой своей прямо к местечку Чашникам на соединение с авангардом.

По соединении обоих российских корпусов в одну армию граф Витгенштейн разделил ее на четыре части: авангард под начальством генерал-лейтенанта князя Яшвиля составлен был из 15 эскадронов, 13 батальонов, трех дружин ополчения и двух казачьих полков с 28 орудиями. Корпус правого крыла под начальством генерал-лейтенанта графа Штейнгеля состоял из восьми эскадронов, 16 батальонов, трех дружин ополчения и 28 орудий. В корпусе левого крыла под начальством генерал-майора Берга находились семь эскадронов, 11 батальонов, три дружины ополчения и 31 орудие. В резерве под начальством генерал-майора Фока остались четыре эскадрона, 11 батальонов и четыре дружины ополчения с 34 орудиями. Вся соединенная армия простиралась до 31 000 человек под ружьем, не считая отряд генерал-майора Властова и гарнизон Полоцкий[1].

Маршал Виктор выступил из Смоленска по первому известию, что французские корпуса, оставленные на реке Двине, не были уже в состоянии держаться против превосходных сил графа Витгенштейна, и со всей поспешностью шел навстречу генералу Леграну, отступавшему к нему. Одна дивизия 9-го корпуса маршала Виктора прибыла к деревне Смолянцам на речке Лукомле в то самое время, когда генерал Легран достигнул местечка Чашников. Прочие две дивизии того же корпуса, еще оставшиеся позади, следовали по дорогам из Сеино и Бешенковичей на соединение с первой своей дивизией[2]. Генерал Легран, видя себя подкрепленным, вознамерился остановиться при Чашниках.

18 числа Российская армия выступила к местечку Чашникам, где авангард ее нашел корпус генерала Леграна уже построившимся к бою, а как неприятель показывал намерение держаться в сей позиции, то граф Витгенштейн приказал князю Яшвилю приостановить нападение до прихода главных сил армии, которая с наступлением ночи остановилась при селении Слободке, в трех верстах не доходя Чашников[3].

19 октября граф Витгенштейн двинулся вперед со всей армией своей. Генерал Легран находился еще в позиции, занятой им накануне, примыкая правым флангом к реке Уле, впереди местечка Чашников. В 7 часов пополуночи генерал-лейтенант князь Яшвиль, сбив передовые посты неприятельские, атаковал местечко Чашники пятью батальонами 2, 3 и 25-го егерских полков, но как неприятель сильно сопротивлялся, то и завязалось жаркое дело. Граф Витгенштейн, вскоре подошедший с главными силами своей армии, построил корпус графа Штейнгеля на правом фланге авангарда, а корпус генерал-майора Берга поставил за ними в резерве. Тогда князь Яшвиль, возобновив нападение на Чашники, на штыках ворвался в сие местечко, и генерал Легран принужден был отступить во вторую, параллельную первой позицию, находившуюся между Чашниками и речкой Лукомлей. Гродненский гусарский полк, бросившись вперед, опрокинул несколько кавалерийских колонн, находившихся в центре, и под прикрытием коих неприятельская пехота опять строилась, но как атака сия не была поддержана, то

---

[1] В том числе было около 20 000 человек регулярной пехоты, 7000 человек ополчения и 3500 человек кавалерии со 121 орудием.

[2] *Примечание переводчика.* Сей корпус состоял из 54 батальонов и 16 эскадронов, в коих считалось до 40 000 человек.

[3] Российские авангарды в преследовании неприятеля с 11 по 19 число октября отбили у него восемь пушек, 90 зарядных ящиков, часть обоза 2-го и весь обоз 6-го неприятельского корпусов и взяли 4000 человек пленных, в том числе 80 офицеров.

гродненские гусары принуждены были возвратиться в линию, и бой опять загорелся на обоих крылах. Между тем как князь Яшвиль теснил правое крыло неприятеля, примыкавшее к речке Уле, граф Штейнгель атаковал лес, занимаемый его левым крылом, а как первое покушение его овладеть сим лесом было неудачно, то, возобновив усилия свои, он послал Тенгинский, Тульский и Эстляндский пехотные полки прямо к лесу, и в то же время с одной стороны сводный гусарский, а с другой 26-й егерский с подкреплением сводного драгунского полка обошли оный. Тогда левое крыло неприятельское, не могшее долее держаться, с поспешностью отступило, а при выходе из леса, сводный драгунской полк атаковал его и гнал до речки Лукомли[1].

Генерал Легран, видя невозможность удержаться на левом берегу Лукомли, перешел за сию речку и снова построился на левом фланге войск маршала Виктора, которые, заняв высоты при деревне Смолянцах, покровительствовали его отступлению[2]. Россияне, подвинувшись к берегу Лукомли, поставили сильные батареи, под огнем коих покушались овладеть мостом при Смолянцах, но как упорное сопротивление неприятеля учинило тщетными все усилия их пехоты перейти по сему мосту, то дело и ограничилось одной пушечной пальбой, беспрерывно продолжаемой с той и другой стороны. Наконец, по 10-часовом сражении российская артиллерия превосходством своим принудила к молчанию неприятельскую. Маршал Виктор, к коему во время дела присоединилась еще другая его дивизия, пришедшая из местечка Бешенковичей, оставил свою позицию с потерей 800 человек, взятых россиянами в плен, и как со своим корпусом, так и с войсками генерала Леграна потянулся к местечку Лукомлю[3]. Российская армия ночевала на месте сражения. Урон, понесенный ею в сем деле, состоял только в 400 человеках, выбывших из строя.

---

[1] *Примечание переводчика.* Дабы воспользоваться сим успехом, граф Штейнгель подвинул вперед легкую роту № 6 и приказал ей бить по мосту, находящемуся против деревни Смолянцев.

[2] *Примечание переводчика.* К сей новой позиции не можно было подступить иначе, как по вышеупомянутому мосту. Российские стрелки бросились к оному, но остановлены были перекрестным огнем неприятельских батарей.

[3] Генерал-лейтенанты граф Штейнгель и князь Яшвиль построили пехоту свою вдоль левого берега речки Лукомли; первый выставил перед фронтом своим 16, а второй — 32 орудия. Корпус генерал-майора Берга остановился при местечке Чашниках, имея за собой в последнем резерве кавалерию. С обеих сторон открылся весьма сильный бой артиллерии, который и производился сначала с переменным успехом, но под вечер приметно склонился в выгоду россиян. Тогда маршал Виктор поставил на высотах, к коим примыкало его правое крыло, другую дивизию своего корпуса, вновь прибывшую к нему по дороге из местечка Бешенковичей. Неприятельский огонь усилился. Граф Витгенштейн подкрепил свое левое крыло, поставив перед ним еще 20 орудий, которые сбили артиллерию вновь прибывшей французской дивизии в то самое время, когда оная начала действовать вкось по войскам генерал-майора Берга. В то же время четыре батальона и шесть эскадронов с 12 орудиями пошли на подкрепление оконечности российского правого крыла, дабы удержать французскую кавалерию, показывавшую намерение перейти вброд речку Лукомлю против деревни Примочиной, однако ж сия кавалерия тотчас отступила из-под пушечного выстрела. Вскоре засим российская артиллерия действием своим принудила неприятеля к совершенному отступлению на задний скат высот, а стрелки, перешед по мосту при Смолянцах, засели в ближайших к оному домах. Наступившая ночь прекратила сражение. Маршал Виктор, пользуясь темнотой, отступил к местечку Лукомлю с потерей 800 человек пленных, в том числе 23 офицеров.

Генерал-майор Гарпе, вновь получивший приказание действовать в правый фланг неприятеля, с Навагинским пехотным полком соединился при местечке Камени с полковником Албрехтом и в течение дня подвинулся к деревне Перегущиной. Отряд кавалерии, посланный генерал-майором Властовым, занимавшим теснины между Друей и Браславом, выгнал неприятеля из города Видз и сжег все магазины, заготовленные в нем для корпуса маршала Макдональда.

Б. Б. Гельфрейх
(1776–1843)

20 октября маршал Виктор с обоими соединенными корпусами отступил к городу Сенно[1]. Граф Витгенштейн занял главную квартиру свою в местечке Чашниках[2]. 21 числа армия его оставалась на левом берегу речки Улы при Чашниках[3], но авангард под начальством генерал-майора Алексеева послан был за речку Лукомлю и разделен на два отряда. Сам Алексеев с правым отрядом, составленным из семи эскадронов, трех батальонов, одной дружины ополчения и одного казачьего полка с шестью орудиями, подвинулся к деревне Аксиоцам[4], а генерал-майор Гельфрейх с левым отрядом, состоявшим из трех эскадронов, четырех батальонов и одного казачьего полка с шестью орудиями, расположился при деревне Боярах[5]. В случае неприятельского нападения обоим сим отрядам приказано было отступить к третьему отряду из двух батальонов[6] и

---

[1] 9-й корпус отступил к Сенно, а 2-й — к местечку Черее.

[2] Генерал-майор Алексеев, по-прежнему принявший начальство над авангардом, преследовал неприятеля кавалерией, а с остатком войск своих занял высоты при деревне Смолянцах на правом берегу речки Лукомли.

[3] В предначертании действий, данном графу Витгенштейну, предписано было ему особенно охранять речку Улу, почему и вознамерился он наблюдать неприятеля, оставаясь при местечке Чашниках, коего положение оказалось весьма удобным для прикрытия помянутой речки. Движение на Сеино или Черею подвергало его опасности быть отбитыми с большой потерей, ибо в его армии вместе с ополчением находилось только 29 000 человек, между тем как в двух неприятельских корпусах, ему противопоставленных, было более 40 000 человек. Крепкая позиция, занятая графом Витгенштейном при Чашниках, вознаграждала сей недостаток сил и облегчала ему средства удержаться на речке Уле до прибытия к Березине армии адмирала Чичагова, с коим он по необходимости должен был предварительно условиться о способе действовать против Главной Французской армии, в то время когда Наполеон предпримет возвратиться в Польшу. Вследствие сего армия графа Витгенштейна расположилась на левом берегу речки Улы, частью на биваках, в шалашах и частью по ближайшим деревням, ибо дурное время года начинало уже становиться чувствительным; местечко же Чашники, в коем находилась главная квартира, прикрыто было отрядом, поставленным на высотах при деревне Смолянцах. Кроме сего, главнокомандующий приказал заблаговременно укрепить новую позицию позади занимаемой его войсками, в которую предполагал он отступить в случае, если б Наполеон обратился против него или маршал Виктор успел бы пробиться за речку Лукомлю.

[4] Генерал-майор Алексеев с полками казачьим Родионова, сводным гвардейским, Митавским драгунским, 25-м егерским, одним батальоном 23-го егерского и шестью орудиями конной роты № 5 остался перед деревней Аксионцами для наблюдения неприятельских действий на дорогах в Сеино, Черею и Лукомлю.

[5] Отряд сей, состоявший из полков казачьего Платова 4-го, сводного драгунского, 2-го и 3-го егерских и остальных шести орудий конной роты № 3, занял деревню Бояре при дороге в Бешенковичи, дабы вместе с отрядом генерал-майора Гарпе наблюдать пространство между городом Сенно и рекой Двиной.

[6] Воронежского пехотного полка.

двух эскадронов с шестью орудиями, поставленному при Смолянцах на высотах правого берега речки Лукомли, где и построено было несколько окопов. Сводный гусарский полк отряжен был к городу Лепелю для наблюдения за корпусом генерала Вреде, все еще находившимся у местечка Глубокого[1]. Генерал-майор Гарпе с Навагинским полком, двумя эскадронами и двумя орудиями послан был чрез Бочейково к Бешенковичам для наблюдения страны между городом Сенно и рекой Двиной[2].

23 октября маршал Виктор выступил из Сенно, а на другой день прибыл в Черею. Авангард его расположился при местечке Лукомле[3].

Граф Витгенштейн, утвердившись в позиции на речке Уле, вознамерился исполнить данное ему наставление относительно взятия города Витебска. Для сего поиска назначил он отряд генерал-майора Гарпе, усиленный еще двумя батальонами, двумя эскадронами, четырьмя орудиями и небольшим числом казаков[4]. Отряд сей, выступив 25 числа, быстро следовал к Витебску по обоим берегам реки Двины, а на другой день в 7 часов пополуночи прибыл к означенному городу по Полоцкой и Островенской дорогам. Неприятельские караулы с обеих сторон захвачены были врасплох. Караул у моста на реке Двине зажег было оный, и два орудия, на левом берегу поставленные, стреляли по нападающим, но россияне были уже так близко, что, бросившись на мост, потушили огонь и отбили оба орудия[5]. Караул Островенской заставы также был

---

[1] Полковник Гернгрос, командовавший сим полком, имел также приказание беспрестанно посылать разъезды вдоль реки Березины, дабы немедленно известить о приближении армии адмирала Чичагова, коль скоро оная пройдет город Минск. Движения корпуса генерала Вреде были еще вблизи наблюдаемы одним уланским эскадроном, поставленным в местечке Плисе. Полковник Гернгрос, подошед проселочными дорогами к Борисову, овладел сим городом, но, не узнав ничего о движении армии Чичагова, возвратился в Лепель, приведши с собой 50 человек пленных.

[2] Сводный гвардейский кавалерийский полк 20 октября присоединился к авангарду при Смолянцах. Генерал-майор Гарпе, к коему взамен сего полка присланы были два эскадрона Рижского драгунского и Польского уланского полков, вытеснил неприятельский отряд, находившийся в селении Бочейковом, причем взял 150 человек пленных. После сего одна из его партий заняла местечко Бешенковичи, в коем овладела французским госпиталем и довольным числом ружей.

[3] Неприятель сделал ложное движение против правого фланга армии графа Витгенштейна. Сильный отряд французской кавалерии, 24 числа прибывший в местечко Лукомль, 25-го подвинулся к деревне Слидзам, однако ж прогнан был сводным кирасирским полком, накануне посланным на сию дорогу, к коему присоединился еще один эскадрон Митавского драгунского. Неприятель отступил к Лукомле с потерей значительного числа пленных. Под вечер кирасиры возвратились к резерву, к коему они принадлежали, а прибывший к ним на смену отряд из Гродненского гусарского полка и четырех сводных гренадерских батальонов с четырьмя орудиями под начальством полковника Ридигера расположился при деревне Почавичах на Черейской дороге. 26 числа полковник Ридигер подвинулся к Лукомлю, занятому неприятельским отрядом, в коем было до 4000 кавалерии. Неприятель, внезапно атакованный, отступил за сие местечко, но потом, построившись, отбил полковника Ридигера и принудил его, в свою очередь, отступить к Слидзам.

[4] Отряд, состоявший из Навагинского пехотного, одного эскадрона Рильского драгунского и одного Польского уланского полков, подкреплен был 26-м егерским полком с четырьмя орудиями, частью казаков, и сверх того, отданы в его распоряжение два эскадрона Ямбургского драгунского полка, прежде посланные на реку Двину для прогнания оттуда неприятельских мародеров. Генерал-майору Гарпе предписано было следовать к Витебску со всевозможною скоростью, оставя, однако ж, в местечке Бешенковичах один батальон и один эскадрон для сообщения между его отрядом и авангардом армии, расположенной при Аксионцах.

[5] *Примечание переводчика.* Авангард генерал-майора Гарпе, из двух эскадронов кавалерии и пеших охотников составленный, под начальством полковника Шемиота внезапно подошел к Витебску. Неприятель был в совершенной беспечности, однако ж караул, охранявший заставу на правом берегу Двины, отступив за мост, зажег оный. Полковник Шемиот, подошед к реке, открыл перестрелку с неприятелем, который, стоя за мостом, производил беспрерывный огонь. Между тем прибыл генерал-майор Гарпе со всем отрядом своим и подкрепил

разбит, и россияне вошли в город. Гарнизон поспешно вступил в ружье, но в городе, открытом и не представлявшем никаких способов к обороне, похвальное сопротивление, оказанное им, не могло иметь для него выгодных последствий. После жаркого, но кратковременного боя часть гарнизона обращена была в бегство и преследована по дороге чрез селение Фальковичи в местечко Лиозну, остаток же, в числе 320 человек, взят в плен вместе с генералом Пуже, губернатором города, в коем найдены большие магазины[1]. Генерал-майор Гарпе оставил в Витебске полковника барона Палена с двумя батальонами 26-го егерского полка, двумя орудиями и небольшим числом казаков и с остатком своего отряда возвратился 31 октября к местечку Бешенковичам.

Поелику маршал Макдональд оставался в бездействии, то генерал-майор Властов получил приказание, оставив в Друе один эскадрон ямбургских драгун с малой частью казаков, перейти к местечку Лужкам, дабы сблизиться к армии и удерживать корпус генерала Вреде, который от Глубокого перешел к местечку Докшицам. Сие движение баварцев побудило также и графа Витгенштейна принять меры для обезопасения своего правого фланга, послав генерал-майора Фока с резервом к городу Лепелю.

Маршал Удино, излечившийся от раны своей, по-прежнему принял начальство над 2-м корпусом, все еще находившимся у местечка Череи вместе с корпусом маршала Виктора. Сей последний получил от Наполеона повеление снова двинуться против графа Витгенштейна, с тем, однако ж, чтобы, не вступая в настоящее дело с россиянами, только испытывать их, производя одни ложные нападения. Он имел предписание тем тщательнее уклоняться от генерального сражения, что поражение его корпуса вовлекло бы в опасность также и Главную Французскую армию, которая в тогдашнем расстроенном положении своем всю надежду могла полагать только на один сей корпус, дабы оным прикрыть свое отступление и очистить себе путь сквозь российские корпуса, шедшие к ней навстречу. В случае же, если бы граф Витгенштейн не уважил помянутых ложных нападений, маршалу Виктору приказано было ограничить себя одним старанием удерживать его. В то же время маршал Удино получил повеление следовать чрез Холопеничи к местечку Бобру и, выйдя там на большую дорогу из Смоленска в Минск, расположиться уступом между рекой Березиной и Главной Французской армией, дабы служить авангардом для сей последней.

Вследствие сих повелений маршал Виктор выступил 30 октября от местечка Череи к Лукомлю. Граф Витгенштейн, известившись о сем движении неприятеля, приказал

Шемиота одним батальоном 26-го егерского полка с двумя орудиями. Тогда охотники Навагинского пехотного полка и 3-й дружины ополчения, смело бросившись на мост, остановили пожар оного и вошли в город. Весь российский отряд последовал за движением своего авангарда.

[1] В то же время подполковник Столыпин, с двумя эскадронами ямбургских драгун приблизившийся к Витебску по левому берегу реки Двины, пробился в город чрез Островенскую заставу. Неприятельский гарнизон вступил в ружье, но, будучи тесним с одной стороны Навагинским пехотным полком и 3-й дружиной ополчения, а с другой — кавалерией подполковника Столыпина, учинившей несколько успешных атак, он нашелся принужденным оставить город. Французы, поспешно отступив по дороге к местечку Лиозне, остановились в 15 верстах от Витебска. Столыпин, преследовавший их со своими драгунами, вдруг остановлен был выстрелами двух орудий, которые неприятель поставил перед своим центром. Он тотчас построил свои эскадроны, ударил в левый фланг неприятеля, опрокинул оный на центр и, отбив оба орудия, прогнал французов к деревне Филипово. В Витебске найдены были большие магазины, коих неприятель не успел сжечь. При занятии сего города россияне потеряли только 25 человек, выбывших из строя. Они отбили у неприятеля два орудия и взяли 320 человек пленных, в числе коих находились генерал Пуже, полковник Шевардо и 10 офицеров.

генерал-майору Алексееву соединить оба авангардных отряда при деревне Мелеховичах на Черейской дороге. 31 числа генерал-майоры Алексеев и Гельфрейх пошли к Мелеховичам, но, найдя сию деревню уже занятой неприятелем, они принуждены были соединиться, в нескольких верстах не доходя оной. Граф Витгенштейн, вознамерившись защищать твердую позицию при Смолянцах, перевел свою армию на правый берег речки Улы. Корпус генерал-лейтенанта графа Штейнгеля расположился при деревне Смолянцах, а корпус генерал-лейтенанта Берга — при местечке Чашниках.

1 ноября неприятель выступил от местечка Лукомля на дорогу, из города Сенно в Чашники ведущую. В 10 часов пополуночи атаковал он генерал-майора Алексеева, который, отступив к Аксионцам, подкреплен был у сей деревни тремя пехотными полками, присланными к нему генерал-лейтенантом графом Штейнгелем. Однако ж сие подкрепление только что замедлило разбитие российского авангарда. По двухчасовом бое генерал-майор Алексеев был опрокинут и с большим уроном оттеснен в позицию, находящуюся в трех верстах перед деревней Смолянцами. С другой стороны, полковник Ридигер, которого граф Штейнгель отрядил с Гродненским гусарским полком, четырьмя сводными гренадерскими батальонами и четырьмя пушками для наблюдения дороги из Лукомля, прибыв к сему местечку, прогнал неприятельский отряд, занимавший оное[1], но, узнав об отступлении генерал-майора Алексеева, равномерно отступил к местечку Чашникам и стал между деревнями Слидзами и Почавичами.

Граф Витгенштейн, ожидая на себя нападения, сделал в ночь с 1 на 2 ноября распоряжения свои к встрече неприятеля. Пехотные полки первой линии корпуса графа Штейнгеля и часть полков второй линии того ж корпуса, имея несколько эскадронов кавалерии на левом фланге своем, расположились на правом берегу речки Лукомли, отчасти прикрываясь высотами, простирающимися вдоль сего берега. Деревня Смолянцы, находившаяся перед их центром, занята была стрелками под покровительством батареи о 12 орудиях, несколько позади деревни, на вышеупомянутых высотах поставленной. Остаток фронта прикрыт был прудами, сия первая позиция подкреплена была новой линией войск, расположенных на левом берегу речки Лукомли. Корпус генерал-лейтенанта Берга составлял левое крыло ниже мызы Смолянцев, а остальные полки корпуса графа Штейнгеля составляли правое крыло выше той же мызы. Батареи по флангам сей второй линии, на левом берегу речки поставленные, защищали фланги первой линии, ибо вторая линия, будучи длиннее, выходила из-за оных. Литовский пехотный полк, у деревни Дубровы поставленный, содержал сообщение между правым флангом армии и отрядом полковника Ридигера, находившимся при Почавичах. Генерал-майор Фок с резервом, пришедшим от города Лепеля, расположился на левом берегу речки Улы за Чашниками; четыре моста, у сего местечка построенные, обеспечивали его сообщение с армией. Генерал-лейтенант князь Яшвиль, принявший начальство над авангардом, получил приказание оставить в нем только два полка пехоты, Митавский драгунский полк и шесть орудий конной роты № 3, а прочие войска отослать к генерал-лейтенанту графу Штейнгелю[2].

---

[1] *Примечание переводчика.* И взял 300 человек пленных.

[2] *Примечание переводчика.* Граф Витгенштейн имел намерение сколь возможно долее защищать высоты при деревне Смолянцах, коими неприятель не мог овладеть иначе, как с большим пожертвованием людей. Если б маршал Виктор стал напирать с весьма превосходными силами, в таком случае граф Витгенштейн полагал,

2 ноября поутру маршал Виктор приблизился по дороге из местечка Череи к Смолянцам, между тем как маршал Удино шел по дороге из Лукомля в Чашники. В 11 часов пополуночи Виктор атаковал авангард генерал-лейтенанта князя Яшвиля, который и отступил в шахматном порядке, не позволив себя расстроить. Прибыв к позиции, занимаемой корпусом графа Штейнгеля, князь Яшвиль прошел сквозь первую линию оного и стал за ней в резерве со всеми войсками своими, кроме шести орудий конной роты № 3, которые пристроились к левому флангу батареи, за деревней Смолянцами поставленной. Маршал Виктор, вслед за российским авангардом выступивший по дороге из Череи против правого крыла россиян, тотчас атаковал оное передовыми войсками своими, однако ж первые колонны его опрокинуты были перекрестным огнем батарей, перед центром российской линии расположенных. Маршал Виктор последовательно сменял их свежими войсками[1], открывая действие оных посредством перемены дирекции направо, которую приказал делать войскам, приведенным в беспорядок российской артиллерией, дабы потом снова построиться им перед лесом, при дороге из Сенно в Чашники лежащим, против центра российской позиции. Все колонны неприятельские, встреченные тем же огнем, не допускавшим им подойти к российской линии, одна за другой, по очереди, повторили сказанный маневр, так что весь корпус маршала Виктора нашелся построенным против центра россиян в положении, параллельном войскам графа Штейнгеля. Неприятель, не успевший расстроить правого крыла россиян, покусился атаковать левое их крыло, послав против него громаду кавалерии, но российские эскадроны, стоявшие на конце сего крыла, потянувшись флангом влево, открыли находившуюся за ними батарею генерал-лейтенанта Берга, которая сильным огнем своим удержала стремление неприятельской кавалерии. Тогда маршал Виктор решился действовать центром своим. Сильные пехотные колонны устремились на деревню Смолянцы и, вытеснив оттуда российских стрелков, подошли к самой подошве высот, занимаемых батареей центра. Генерал-майор Гельфрейх, командовавший первой линией россиян, чувствуя необходимость больших усилий, ударил в штыки на неприятеля и вытеснил его из деревни, но как новые неприятельские колонны приспели на помощь к первым, то и завязался здесь жестокий рукопашный бой. Пехотные полки Тенгинский, Невский, Тульский, Эстляндский и Воронежский один за другим атаковали неприятеля при деревне Смолянцах, которая пять раз переходила из рук в руки. Наконец, неприятель, сильно поражаемый огнем российской артиллерии, против коей тщетно покушался действовать своей, прекратил нападения[2]. Под вечер сделал он последнее усилие и снова занял было деревню Смолянцы, но в шестой раз выгнан был из оной Севским пехотным полком, пришедшим на подкрепление к первой линии. Тогда маршал Виктор, как уже сказано, имевший повеление не вступать в настоящее дело, потянулся боковым движением вправо и поставил корпус свой на дороге в местечко Бешенковичи, в двух верстах от Смолянцев. Российская армия ночевала на месте сражения.

отступив на левый берег речки Улы, возобновить бой со всеми выгодами, которые превышающая позиция, как с фронта, так и с обоих флангов совершенно прикрытая рекой, могла доставить пред неприятелем, уже утомившимся от первого боя.

[1] По мере как они приходили на место сражения.

[2] *Примечание переводчика.* И отступил на пушечный выстрел.

В то время как сие происходило при деревне Смолянцах, неприятельский отряд[1] атаковал полковника Ридигера при деревне Почавичах. Бой продолжался с переменным успехом, однако ж полковник Ридигер удержался в своей позиции.

В сем сражении неприятель потерял более 3000 человек, выбывших из строя, в том числе 900 пленных[2].

Урон с российской стороны был маловажен, но вместе с потерей, накануне понесенной авангардом под начальством генерал-майора Алексеева, равномерно простирался почти до 3000 человек.

Должно полагать, что маршал Виктор перешел на Бешенковичскую дорогу в том уповании, что сим движением, по-видимому угрожавшим левому флангу графа Витгенштейна, принудит российского генерала оставить свою позицию. Но как Российская армия не трогалась с места, то 3 числа на рассвете маршал Виктор отступил к городу Сенно. Колонны его тянулись в виду Российской армии, которая и преследовала его арьергард легкими войсками до деревни Мелеховичей, где он остановился.

Граф Витгенштейн занял прежнюю позицию свою при местечке Чашниках на речке Уле. 4 ноября генерал-майор Гарпе[3] занял деревню Аксионцы с новым авангардом, составленным из 11 эскадронов, восьми батальонов, одной дружины и одного казачьего полка с 18 орудиями[4]; всего с 4000 человек. Подполковник Столыпин с двумя эскадронами ямбургских драгун, двумя батальонами пехоты и двумя орудиями сменил отряд полковника Ридигера, поступивший в состав главного авангарда. Генерал-майор Властов расположился при городе Лепеле[5].

Граф Витгенштейн благоразумным выбором твердой позиции при деревне Смолянцах хотя и одержал поверхность над неприятелем, однако ж, кажется, оная имела бы важнейшие последствия, если б Российская армия, пользуясь ошибочным движением маршала Виктора к Бешенковичской дороге, 3 числа поутру сама двинулась вперед, дабы, воспретив французскому генералу возвратиться к городу Сенно, оттеснить его к местечку Бешенковичам и таким образом, отрезав от Главной Французской армии и от корпуса маршала Удино, поставить в опасное положение.

5 ноября маршал Виктор снова подвинулся от города Сенно к деревне Ульяновичам, а 8 числа перешел к местечку Черее.

Под Ригой не происходило ничего важного. На место генерал-лейтенанта Эссена 1-го, начальствовавшего в сем городе в звании генерал-губернатора, поступил генерал-

---

[1] От 2-го корпуса маршала Удино.

[2] *Примечание переводчика.* 650 человек корпуса маршала Виктора и 250 человек корпуса маршала Удино.

[3] Накануне пришедший из Витебска со своим отрядом.

[4] Из полков Навагинского и Петровского пехотных, четырех сводных гренадерских батальонов 5-й и 14-й пехотных дивизий, Гродненского гусарского, сводного драгунского и казачьего Платова 4-го с ротой конной и шестью орудиями батарейной артиллерии.

[5] *Примечание переводчика.* Разные отряды, прикрывавшие армии графа Витгенштейна, размещены были следующим образом: генерал-майор Властов со своим отрядом находился у Лепеля, где примкнул к нему сводный гусарский полк, поступивший под его начальство; он поставил передовые посты свои по дорогам в местечки Глубокое и Краснолуки. На левом фланге его на Лукомльской дороге стоял подполковник Столыпин, содержавший сообщение между отрядом генерал-майора Властова и авангардом генерал-майора Гарпе, находившимся у деревни Асионцы. Пространство между Аксионцами и рекой Двиной наблюдаемо было казачьим Родионова полком, стоявшим неподалеку от деревни Бояр, и постом, занимавшим местечко Бешенковичи. Сей последний был в связи с гарнизоном города Витебска, составлявшим левую оконечность армии графа Витгенштейна.

лейтенант маркиз Паулуччи, а гарнизон был усилен отрядом генерал-майора Горбунцова, который так поздно вышел на берег с войсками, прибывшими из Финляндии с острова Аланда, что не мог уже соединиться с генерал-лейтенантом графом Штейнгелем, а потому и получил приказание остаться в Риге. Маркиз Паулуччи вознамерился отнять у неприятеля местечко Фридрихштат, в коем находился гарнизон из 800 человек баварцев и тех прусских эскадронов, и, владея коим, неприятель легко мог производить набеги в Лифляндию. 3 ноября в 9 часов пополуночи майор Бояринов напал на город с левого берега Двины с отрядом из 1300 человек, между тем как полковник Ридингер с другим отрядом атаковал оный с правого берега реки, а майор Елистратов с 1600 человек должен быль сделать ложное нападение на селение Вальгоф, дабы удерживать там неприятеля и воспретить ему послать помощь к Фридрихштату. Гарнизон сего города защищался упорно, однако ж по трехчасовом бое превосходство числа россиян принудило его, оставя Фридрихштат, отступить к городу Якобштату. Отряд, посланный маршалом Макдональдом к нему на помощь, остановлен был при Вальгофе майором Елистратовым. Того ж дня Прусский 5000 корпус выступил против генерал-лейтенанта Левиза, который с 2000 человек пехоты и 100 человек кавалерии занимал позицию при Даленкирхене. Сия позиция выгодна была только по болотам, ее окружающим, но коль скоро сказанные болота замерзли, то легко можно было обойти оную, почему генерал-лейтенант Левиз и решился, оставя сию позицию, занять другую, более стесненную, в трех верстах позади прежней и в 14 верстах от города Риги. 4 ноября в 9 часов пополуночи неприятель возобновил нападение, открыв сильную канонаду. Кавалерия его атаковала российскую, но была отбита, и российская артиллерия заставила молчать его артиллерию. Неприятель, принужденный к отступлению, в полдень возвратился в прежде занимаемую им позицию. Потерю его в сем деле можно полагать до 400 человек; урон же с российской стороны не превосходил 100 человек.

Показав военные действия, произведенные генералом графом Витгенштейном и генерал-лейтенантом графом Штейнгелем для исполнения данного им предначертания, приступим теперь к описанию действий, которые российские южные армии производили для той же цели.

Мы оставили адмирала Чичагова в местечке Любомле, преследующего князя Шварценберга, который отступал за реку Буг. 19 сентября российские войска занимали следующее положение: Третья Западная армия находилась у деревни Подгорян; авангард оной под начальством генерал-адъютанта графа Ламберта — у села Шацка; корпуса генералов Ланжерона, Воинова, Булатова, и резерв Сабанеева — у местечка Любомля; корпус Эссена 3-го — при деревне Ольшанке. Главные силы Австро-Саксонской армии перешли реку Буг у местечка Влодавы; дивизия генерала Зигенталя и отряд генерала Моора отступали от местечка Ратно и города Пинска к Кобрину.

Адмирал Чичагов действовал сперва левым крылом своим в намерении угрожать сообщениям князя Шварценберга с городом Варшавой и рекой Вислой, но повеления, привезенные к нему полковником Чернышевым, заставили его переменить сие направление. Он решился потянуться вправо, дабы, обошед неприятеля с левого фланга, чрез то открыть себе путь к городу Минску, к коему приказано было ему следовать по прогнании князя Шварценберга в Герцогство Варшавское. Направление, взятое отступающим неприятелем, облегчало адмиралу приведение в действо распоряжений, в высочайше данном предначертании предписанных для южных армий российских.

20 сентября корпус генерал-лейтенанта Эссена 3-го, следуя вверх по правому берегу реки Буга, прибыл к деревне Приборовью; адмирал Чичагов с корпусами Ланжерона, Булатова и резервом пришел к деревне Забужью на реке Буге. Третья армия подвинулась к селению Шацку; авангард ее — к деревне Дубок; корпус Воинова, отряженный вправо, для преследования генерала Зигенталя, дошел до села Нудыжа. 21 числа корпус Эссена прибыл к Дуровичам; авангард графа Ламберта — к Збуражу. Адмирал Чичагов со следовавшими при нем корпусами дошел до Орховки, что против местечка Влодавы, где присоединились к нему также и оба корпуса 3-й армии. Корпус Воинова подвинулся к Крымно. На другой день генерал-лейтенант Эссен, продолжая следовать вдоль берега реки Буга, дошел до Прилук. Адмирал с армией, приняв вправо, прибыл в Дубок. Граф Ламберт подвинулся к Гершеновичам в шести верстах от Бреста-Литовского в надежде отрезать путь генералу Зигенталю, ибо полагали, что он должен отступать из Кобрина на Брест. Корпус Воинова пошел к местечку Ратно. 23 числа адмирал с армией прибыл к Збуражу.

Князь Шварценберг, следовавший вдоль левого берега Буга, усмотрев, что дивизия генерала Зигенталя, оставшаяся одна на противном берегу реки, находилась в большой опасности, вознамерился снова перейти на правый берег Буга, дабы, противопоставив Российской армии главные силы свои, тем самым облегчить отступление генерала Зигенталя. На сей конец перешел он 22 числа реку Буг в Бресте-Литовском и занял укрепленную позицию, которая правым флангом примыкала к означенному городу и реке Мухавцу, а левым — к речке Льсне.

Адмирал Чичагов, известившись о переправе неприятеля, решился немедленно идти на него. Выступив 25 сентября из Збуража, пришел он к селению Рудне; корпус генерала Ланжерона подвинулся к Гершеновичам, где и сменил авангард генерал-адъютанта графа Ламберта, который, потянувшись правым флангом, стал на реке Мухавце против местечка Шебрина. 26 числа адмирал прибыл в селение Бульков. Того ж дня граф Ламберт, сделав обозрение, сбил все передовые посты Австро-Саксонской армии, и российский авангард расположился на правом берегу Мухавца перед Шебрином.

Генерал-лейтенант Воинов, продолжая свое движение, 24 сентября пришел к местечку Дивину, а 25-го подвинулся к городу Кобрину, откуда генерал Моор, вытесненный его авангардом, отступил к Пружанам, не успев истребить магазинов в Кобрине. 26 числа Воинов вошел в Пружаны. Генерал Моор отступил к Лихосельцам, но, будучи на другой день атакован генерал-майором графом Орурком, командовавшим авангардом корпуса Воинова, он был оттеснен к местечку Беловежи.

Между тем адмирал Чичагов, 27 числа перешедший реку Мухавец и занявший главную квартиру свою в местечке Шебрине, видя, что неприятель не покидал укрепленной позиции своей под Брестом-Литовским, вознамерился вступить с ним в генеральное сражение, почему и сделал следующие распоряжения для соединения сил своих. Корпус генерал-майора Булатова, посланный в Кобрин для надзора за раздачей запасов из магазинов, найденных в сем городе, отозван был к армии. Равным образом сближены к ней корпуса генералов Ланжерона и Эссена, которые 28 числа переведены были к селению Каменице-Журавке, что на реке Мухавце. При всем том генерал-лейтенант Эссен оставил у деревни Прилук отряд под начальством генерал-майора Энгельгарда. Корпус генерал-лейтенанта Воинова получил приказание угрожать левому флангу

неприятельскому, направляясь из города Пружан к местечку Чернавчичам. 28 числа подвинулся он к селению Олизарову Ставу.

Назначено было 29 сентября атаковать неприятельский лагерь. Для сего Российская армия разделена была на восемь корпусов: 1-й корпус под начальством генерал-адъютанта графа Ламберта, из 16 батальонов пехоты, 24 эскадронов кавалерии и четырех казачьих полков составленный, с 36 орудиями должен был идти чрез деревню Братилово к дороге из Чернавичей в Брест-Литовский. 2-й корпус под начальством генерал-лейтенанта Маркова из 20 батальонов пехоты, 22 эскадронов кавалерии и двух казачьих полков с 36 пушками получил приказание расположиться у Братилова, имея на левом фланге своем при деревне Косичах 3-й корпус под начальством генерала от инфантерии графа Ланжерона из 12 батальонов пехоты, 24 эскадронов кавалерии и двух казачьих полков с 24 орудиями. 4-й корпус под начальством генерал-лейтенанта Эссена 3-го из 13 батальонов пехоты, 10 эскадронов кавалерии и трех казачьих полков с 24 орудиями должен был составить левое крыло армии при деревне Вичулках. Отряд генерал-майора Энгельгарда, из пяти батальонов, четырех эскадронов и одного казачьего полка состоявший, с восемью орудиями оставлен был на левом берегу реки Мухавца для ложного нападения на Брест-Литовский и правый фланг неприятельской позиции. Резерв под начальством генерал-лейтенанта Сабанеева, из восьми батальонов, восьми эскадронов и одного казачьего полка составленный, с шестью орудиями должен был стать за деревней Косичами. Корпус генерал-майора Булатова, возвратившийся из Кобрина и состоявший из 12 батальонов, 16 эскадронов и трех казачьих полков с 36 орудьями, назначен был для составления главного резерва армии. Корпусу генерал-лейтенанта Воинова, состоявшему из 16 батальонов, восьми эскадронов и трех казачьих полков с 22 орудиями, предписано было продолжать движение свое к местечку Чернавчичам для обхода левого фланга позиции неприятельской.

29 сентября на рассвете российские корпуса пришли в движение для приведения в действо предположенного нападения, но князь Шварценберг, возведенный в достоинство фельдмаршала, не рассудил за благо принять сражение, почему, пользуясь темнотой ночи и под утро поднявшимся густым туманом, оставил укрепленную позицию свою и отступил за реку Льсну по дороге к местечку Высоко-Литовску. Генерал-лейтенант Эссен успел, однако ж, настигнуть неприятельский арьергард в деревне Кленниках на Льсне. После довольно жаркого боя деревня сия взята была россиянами, и неприятельский арьергард прогнан за речку, на коей австрийцы разломали мосты. Генерал Эссен покусился было открытой силой перейти речку Льсну, хотя не широкую, но глубокую и имеющую высокие берега, однако ж удержан был огнем многочисленной артиллерии, поставленной неприятелем на правом берегу сей речки. Адмирал Чичагов перевел главную квартиру свою в Брест-Литовский, куда последовали за ним корпус генерал-майора Булатова и резерв. Корпус графа Ланжерона расположился на биваках при деревне Козловичах. Корпус Эссена остался у Кленников, а корпус Маркова — у Братилова. Корпуса графа Ламберта и Воинова ночевали при Чернавчичах.

В ночь с 29 на 30 число Австро-Саксонская армия продолжала отступление свое чрез Высоко-Литовск на местечки Сематичи и Дрогичин: Адмирал Чичагов, довольствуясь тем, что отдалил неприятеля и сходно с данным повелением оттеснил его к Герцогству Варшавскому, рассудил за благо остановиться у Бреста-Литовского в дво-

яком намерении дать отдых войскам своим и внушить неприятелю беспечность, дабы впоследствии с большей удобностью скрыть от него первые переходы марша, который Дунайская армия должна была произвести для сближения к реке Березине. Корпуса графов Ламберта, Ланжерона и генерал-лейтенанта Эссена получили приказание остановиться на берегу Льсны, послав за сию речку только отряды для преследования неприятельского арьергарда до местечка Высоко-Литовска. Прочие корпуса армии равномерно остались у Бреста, кроме корпуса генерал-лейтенанта Воинова, который послан был к местечку Каменцу-Литовскому, дабы воспретить неприятелю потянуться влево и стеснить его к реке Бугу. Спустя несколько дней адмирал Чичагов, намереваясь прикрыть себя со стороны города Вильно, отрядил к Пружанам корпус, бывший Маркова, над коим генерал-майор князь Щербатов принял начальство. Сей корпус пришел 2 октября к деревне Пелищу, на другой день — к Жабину, а 4 числа прибыл в город Пружаны.

Между тем российские партии, отряженные за реку Буг, наводняли и опустошали Герцогство Варшавское. Одна из сих партий под начальством флигель-адъютанта полковника Чернышева, доходившая до местечка Коцка и города Венгрова, навела такой ужас на самую Варшаву, что члены правительства готовились уже выехать из сей столицы[1]. Фельдмаршал князь Шварценберг, 3 октября перешедший реку Буг у местечка Дрогичина и отступивший к Венгрову, вознамерился прекратить сии опустошения, почему и отрядил к местечку Бяле, что против Бреста-Литовского, генерала Ренье с его корпусом для прикрытия страны между Брестом-Литовским и рекой Вислой.

Адмирал Чичагов, уведомившись о сем движении, приказал генерал-лейтенанту Эссену с его корпусом идти к Бяле, между тем как корпус Булатова послан был на местечко Ломазы. Генералу Эссену предписано было действовать с осторожностью, ибо сила неприятельского корпуса, у Бялы находившегося, была неизвестна; если ж неприятель окажется числом превосходнее, в таком случае генерал Эссен не должен был вступать с ним в дело, не притянув сперва к себе корпус Булатова. Корпуса генералов Воинова и Щербатова получили приказание сблизиться к Бресту.

5 октября генерал-лейтенант Эссен, перейдя реку Буг в Бресте-Литовском, прибыл к деревне Залесью. На другой день продолжал он движение свое к местечку Бяле. Передовые посты неприятельские тотчас прогнаны были за речку Бялку, и генерал Эссен, беспрепятственно достигнув берегов сей речки, нашелся в присутствии целого корпуса генерала Ренье. Неприятель занимал позицию за Бялкой, примыкая левым флангом к сей речке, а правым — к местечку Бяле, лицом к дороге из Бреста-Литовского в Бялу. Правый берег речки Бялки, до впадения оной в Жну, уставлен был его стрелками. Генерал-лейтенант Эссен, остановившись с главными силами своего корпуса за деревней

[1] *Примечание переводчика.* Флигель-адъютант полковник Чернышев, отряженный 26 сентября в Герцогство Варшавское с отрядом легких войск и ротой конной артиллерии, перешед в семь суток более 500 верст, занял города Седлец и Венгров, около 20 местечек, в том числе Бялу, Мендзиржиц, Любартов, Соколов и Луков; истребил более десяти магазинов, из коих два, один в Лукове, а другой к Коцке, весьма значащие; а равно уничтожил все магазины, находившиеся по сообщениям, из Австрии и Варшавы к Бресту ведущим. Таковым истреблением неприятельских военных запасов и сбором контрибуций в разных местах Герцогства Варшавского нанес он много вреда неприятелю, навел страх на самую Варшаву, от коей находился не далее шести миль, и наконец возвратился 7 октября к местечку Влодаве, приведя с собой пленными шесть офицеров и более 200 человек нижних чинов.

Сельцом, ввел в дело четыре батальона[1], которые и рассыпались в стрелки по берегу Бялки от деревни Селец до леса, лежащего на дороге из Бялы в местечко Пратулин; другие два[2] батальона посланы были для занятия сего леса, а стрелковая цепь подкреплена Смоленским и Житомирским драгунскими полками и двумя батареями, из коих первая о четырех орудиях[3] стала на большой дороге, а вторая о 12 орудиях[4] — на правом фланге возле помянутого леса и на продолжении линий неприятельского боевого строя. Генерал Ренье противопоставил российским батареям 18 орудий, однако ж, несмотря на то, нашелся принужденным сделать перемену фронта левым флангом назад и стать параллельно дороге из Пратулина в Бялу, дабы уклонить левое крыло свое от продольных выстрелов российской артиллерии. Неприятель столь превосходен был в силах, что в продолжение дела неминуемо должен был одержать поверхность. Стрелки его, снова перейдя речку Бялку у мельницы Козули, что на Пратулинской дороге, принудили податься назад два сводных гренадерских батальона, посланных для занятия леса, и отбили две пушки, которые подполковник Гебгарт, командовавший батареей, отрядил еще правее в намерении взять во фланг новую позицию генерала Ренье. Два эскадрона Житомирского драгунского полка бросились выручать потерянные орудия, однако ж успели возвратить только одно, другое же осталось в руках неприятельских. Между тем казачий Мельникова полк, наблюдавший на правом фланге генерал-лейтенанта Эссена, донес ему, что сильные колонны неприятельские перешли речку Бялку в селении Цициборе, что на дороге из Бялы в местечко Янов, и, по-видимому, берут направление на деревню Воскреницу, лежащую на Брестской дороге, в тылу позиции, занимаемой российским корпусом. Генерал Эссен, видя, что ему угрожают обходом с правого фланга, решился отступить, что и произвел в наилучшем порядке, за речку Жну, коей и прикрылся[5]. Неприятель преследовал россиян до деревни Воскреницы. Корпус Эссена остановился для ночлега у деревни Залесья. Арьергард оного оставлен был на берегу речки Жны. В сем небольшом деле, генерал-лейтенант Эссен потерял до 300 человек убитых и в плен взятых. В продолжение оного корпус генерал-майора Булатова находился у местечка Пищаца.

Адмирал Чичагов, известившись о сей неудаче и ревнуя отмстить неприятелю, выступил из Бреста-Литовского 7 числа рано поутру с корпусами графов Ланжерона и Ламберта, которые сблизились уже к сему городу, и под вечер соединился с корпусом генерал-лейтенанта Эссена, снова подвинувшимся вперед к деревне Лаховке. Но генерал Ренье имел осторожность не дожидаться нападения превосходных сил и, оставив местечко Бялу, отступил к Дрогичину. Корпус графа Ламберта преследовал его за Бялу. Адмирал Чичагов возвратился в Брест-Литовский.

Генерал-майор князь Щербатов во время пребывания своего в Пружанах отрядил генерал-майора Чаплица с четырьмя батальонами, 10 эскадронами, двумя казачьи-

[1] *Примечание переводчика.* 37-й егерский полк и один сводный гренадерский батальон.

[2] Сводные гренадерские.

[3] Конной роты № 15.

[4] Батарейная рота № 8.

[5] *Примечание переводчика.* На сем отступлении россияне, останавливаясь в трех разных позициях, с успехом отражали неприятеля, напиравшего на них с весьма превосходными силами; наконец, отступив в четвертую позицию за речку Жну, уже в 8 верстах от местечка Бялы, сожгли мосты на плотине, корчму при всходе на оную и тем совершенно удержали неприятеля.

ми полками и 12 орудиями конной артиллерии[1], дабы рассеять войска, которые Центральное правление литовское собирало в городе Слониме. Генерал-майор Чаплиц, прибыв к Ружане, оставил у сего местечка главную часть своего отряда, а сам с шестью гусарскими эскадронами, казаками и четырьмя орудиями отправился к Слониму, куда и прибыл 8 октября на рассвете. Польский генерал Конопка, формировавший в сем городе уланский полк, захвачен был врасплох и разбит совершенно. Сам он и до 500 человек взяты в плен, сто человек побито, и только самое малое число спаслось скорым бегством к Вильно. Генерал-майор Чаплиц остался для наблюдения в Слониме и Ружане.

Е. И. Чаплиц (1768–1825)

В главе VII мы уже видели, что генерал Домбровский наблюдал за корпусом генерал-лейтенанта Эртеля, находившимся у города Мозыря. Домбровский готовился обложить Бобруйск, но отступление Австро-Саксонской армии за реку Буг принудило его отсрочить предприятие свое на сию крепость, дабы прийти в состояние прикрыть город Минск, в коем французы учредили свое главное депо и который по оставлении австрийцами Пинска подвержен был покушениям российских корпусов, находившихся в Волынии. Генерал Домбровский оставил три пехотных и один кавалерийский полк между реками Березиной и Днепром для прикрытия города Могилева. Два батальона остались у местечка Свислочи, дабы наблюдать Бобруйск. С остатком же войск своих, состоявших еще из семи батальонов пехоты и двух кавалерийских полков, Домбровский расположился у города Слуцка, откуда и наблюдал дорогу из Пинска чрез Несвиж в Минск.

Адмирал Чичагов, рассудив, что войска его довольно отдохнули, решился идти к Минску и чрез то привести в действо главную часть предписанного ему предначертания военных действий. 12 октября российские корпуса, посланные за реку Буг, возвратились к Бресту-Литовскому. Армия получила новый состав. Войска, долженствовавшие следовать с адмиралом к реке Березине, распределены были следующим образом: в отряде генерал-майора Чаплица находились четыре батальона пехоты, 11 эскадронов кавалерии, три казачьих полка и 12 орудий; в авангарде генерал-адъютанта графа Ламберта — семь

[1] *Примечание переводчика.* Отряд сей состоял из полков 28-го и 32-го егерских, Павлоградского гусарского, Тверского драгунского и казачьих Донского Дичкина, Калмыцкого и части Башкирского с конной ротой № 13.

Ф. В. фон дер Остен-Сакен (1752–1837)

батальонов, 28 эскадронов, пять казачьих полков и 24 орудия; в корпусе генерал-лейтенанта Воинова — 18 батальонов, 20 эскадронов, два казачьих полка и 72 орудия; в корпусе генерал-лейтенанта Эссена — 14 батальонов, 16 эскадронов и 48 орудий; сии два последних корпуса составляли боевой корпус армии под начальством генерала от инфантерии графа Ланжерона; в резервном корпусе генерал-лейтенанта Сабанеева находились 21 батальон, 16 эскадронов, три казачьих полка и 84 орудия. Генерал-лейтенант барон Остен-Сакен оставлен был у Бреста-Литовского с 33 батальонами пехоты, 16 эскадронами кавалерии, тремя казачьими полками и четырьмя ротами артиллерии для наблюдения за армией фельдмаршала князя Шварценберга и дабы заслонить и прикрыть движение адмирала Чичагова. Генерал Сакен разделил войска свои следующим образом: авангард под начальством генерал-майора Гампера, подвинутый к местечку Высоко-Литовску, составлен был из четырех эскадронов и одного казачьего полка; боевой корпус под начальством генерал-майора Булатова — из 20 батальонов, 12 эскадронов и двух казачьих полков с двумя ротами артиллерии, а резерв под начальством генерал-майора графа Ливена — из 13 батальонов с двумя ротами артиллерии. Сверх того, небольшой корпус, из нескольких батальонов и эскадронов состоявший, поставлен был у города Владимира для прикрытия Волынии.

14 октября корпуса, назначенные к следованию с адмиралом Чичаговым, собрались при местечке Чернавчичах. 16 числа адмирал, выступив от Чернавчичей с авангардом графа Ламберта и резервом, прибыл к селению Глубокому, а корпус Воинова — к Пелищу. Корпус Эссена 3-го остановился при Олизаровом Ставе.

Генерал-лейтенант Сакен послал авангард генерал-майора Гампера к деревне Теребуни на речке Льсне, откуда он и подвинул передовые посты свои к местечку Немирову. Резерв генерал-майора графа Ливена расположился перед местечком Терезполем для поддержания корпуса генерал-майора Булатова, который послан был к селению Залесью, дабы, сделав открытое движение на левой стороне реки Буга, тем самым удерживать неприятеля в той стороне.

Между тем адмирал Чичагов узнал, что к австрийцам пришло подкрепление и что французская дивизия генерала Дюрюта, дотоле составлявшая часть 11-го корпуса, собираемого маршалом Ожеро на реке Одере, присоединилась к корпусу генерала

Ренье, отчего силы, под начальством фельдмаршала князя Шварценберга состоявшие, снова возросли почти до 50 000 человек. Чичагов рассудил, что генерал-лейтенант Сакен, имевший у себя не более 18 000 человек, не в состоянии будет удерживать толь превосходную числом неприятельскую армию, а потому и вознамерился подкрепить его еще корпусом генерал-лейтенанта Эссена 3-го, коему дал приказание возвратиться от Олизарова Става к Бресту-Литовскому. С присоединением сего корпуса генерал-лейтенант Сакен имел у себя от 26 до 27 тысяч человек. У адмирала Чичагова осталось только 38 000, считая вместе с казаками и отрядом генерал-майора Чаплица; но по прибытии к нему корпуса генерал-лейтенанта Эртеля, находившегося у города Мозыря, и отряда генерал-майора Лидерса, следовавшего из Сербии, которые оба имели приказание соединиться с Чичаговым у Минска, Дунайская армия снова возросла бы с лишком до 50 000 человек. 17 числа адмирал Чичагов продолжал свое движение. Сам он с правой колонной, из авангарда и резерва составленной, прибыл к Городечне. Корпус Воинова, составлявший левую колонну, подвинулся к деревне Речице. На другой день левая колония перешла к местечку Шерешеву, а правая — к городу Пружанам, в который переведена была также и главная квартира.

Движение, по приказанию генерал-лейтенанта Сакена произведенное корпусом Булатова, не успело, однако ж, обмануть неприятеля, ибо сей последний вскоре узнал о марше Дунайской армии. Фельдмаршал князь Шварценберг вознамерился немедленно перейти на правую сторону реки Буга и, настигнув арьергард адмирала Чичагова, стать между ним и корпусом Сакена. На сей конец послал он значительные силы против местечка Бялы, дабы привлечь в сию сторону внимание генерал-лейтенанта Сакена; а между тем армия его, приближась к Бугу, переправилась чрез сию реку 18 числа при деревнях Могельнице и Василеве ниже местечка Дрогичина. 19 числа князь Шварценберг прибыл к местечку Сематиче. Корпус генерала Ренье следовал за ним по правому берегу Буга; на левой же стороне реки осталась одна Польская бригада генерала Косинского.

Генерал-лейтенант Сакен, известившись о движениях, производимых неприятелем против его правого фланга, приготовился уничтожить его замыслы. 19 октября корпус Булатова отозван был к Бресту-Литовскому. 20 числа генерал Сакен пошел к местечку Высоко-Литовску, уже занятому авангардом генерал-майора Гампера, усиленным еще Лубенским гусарским полком от корпуса Эссена 3-го. Сей последний, прибыв к деревне Мотыкалам, послал к селению Кустину 37-й егерский и Владимирский драгунский полки. Корпус Булатова подвинулся к деревне Теребуни. Резерв графа Ливена, оставив три батальона для содержания гарнизона в Бресте-Литовском и один батальон — в селении Прилуках для охранения обоза, пошел к деревне Кленникам. Два вновь сформированных Украинских регулярных казачьих полка, прибывшие в Брест, получили приказание оставаться у сего города. Начальнику оных полковнику графу Витту предписано было делать набеги по левую сторону реки Буга.

22 числа корпус Эссена перешел к деревне Хутам; два полка сего корпуса, посланные к Кустину, присоединились у Высоко-Литовска к авангарду генерал-майора Гампера, коего кавалерия имела сшибку с партией австрийских гусар при деревне Телятичах. Генерал-лейтенант Сакен с резервом прибыл к Кустину. Корпус Булатова, составлявший его левое крыло, направился к местечку Немирову. 23-го корпус Булатова пришел к местечку Волчину; генерал-лейтенант Сакен с резервом — к деревне

Отступление из России.
1812 г.

Хусычам, а корпус Эссена — к Высоко-Литовску. Генерал-майор Гампер со Смоленским драгунским и одним казачьим полками отряжен был к местечку Дрогичину; генерал-майор Мелиссино с остатком авангарда пошел к Клещелям.

Генерал-лейтенант Сакен предполагал, что все силы неприятельские не успели еще переправиться чрез реку Буг, почему и вознамерился идти к Дрогичину, дабы атаковать корпуса, уже перешедшие на правый берег, и таким образом разбить неприятеля порознь. На сей конец корпус Эссена и резерв получили приказание следовать по дороге из Высоко-Литовска к Сематиче, а корпус Булатова продолжал движение свое вдоль правого берега реки Буга. Кроме того, приказано было полковнику графу Витту с двумя Украинскими казачьими полками быстро следовать вниз по левому берегу Буга, дабы тревожить неприятеля с тыла. 24 числа поутру российские корпуса готовились уже выступить по предназначенным для них направлениям, как вдруг генерал-лейтенант Сакен, получивший более определительные известия о движениях неприятеля, принужден был взять иные меры. Он узнал, что корпуса князя Шварценберга и Ренье не токмо переправились чрез реку Буг, но уже прошли за правый его фланг, и находились за рекой Наревом. Князь Шварценберг с австрийцами был в полном следовании к городу Волковыску; а корпус генерала Ренье, заслонявший сие движение, занимал берега реки Нарева, имея на левом берегу оной при деревне Плосках отряд для прикрытия моста, там находившегося. В таковых обстоятельствах движение россиян к Дрогичину не имело бы никакой цели, а посему предписанный марш был отменен, и все корпуса имели дневку.

25 числа генерал-лейтенант Сакен пошел преследовать неприятеля. Генерал-майор Мелиссино подвинулся к местечку Орле, генерал-майор Гампер взял направление к местечку Бельску, генерал Сакен с корпусом Эссена прибыл к Клещели, резерв — к деревне Даше, а корпус Булатова — к Черемхе. 26 числа авангард генерал-майора Мелиссино занял местечко Наревку, корпус Эссена перешел к деревне Мохнале, корпус Булатова — к Орле, резерв — к Дубиче-Церкевне, а главная квартира генерал-лейтенанта Сакена — в Грабовец. На другой день авангард генерала Мелиссино пошел к деревне

Рудне, что на правом берегу реки Нарева, корпус Эссена прибыл к Ново-Садам, корпус Булатова — к Курашеву, а генерал Сакен с резервом — в Дубины.

26 числа неприятель имел дневку: корпус князя Шварценберга — у местечка Великой Брестовицы, а корпус генерала Ренье — у Свислочи. На другой день они продолжали свое движение: первый — к городу Волковыску, а другой — к местечкам Порозову и Подороску.

Обширный лес Беловежский, лежавший в правой стороне генерал-лейтенанта Сакена, затруднял его движения и прикрывал неприятельские. Прежде чем войти в сей лес, генерал Сакен вознамерился прогнать за реку Нарев неприятельский отряд, находившийся при деревне Плосках. Для сего приказал он 28 числа генерал-майору Булатову идти к Плоскам и овладеть предмостным укреплением, там находившимся. Корпус Эссена и резерв имели дневку. Пехота авангарда пошла к Рудне, генерал-майор Мелиссино с кавалерией подвинулся к Великим Гринкам, селению, лежащему при опушке леса, а казаки его дошли с одной стороны до деревни Сокольников, а с другой — до местечка Свислочи, которое по приближении их оставлено было последними эскадронами арьергарда корпуса Ренье.

Генерал-майор Булатов успел вытеснить неприятеля из Плосок и прогнать на правый берег Нарева. Тогда генерал-лейтенант Сакен, не опасаясь уже нападения в тыл, не колебался более сам войти в Беловежский лес. 29 числа прибыл он к местечку Бяловежу с корпусом Эссена и резервом; корпус Булатова получил приказание как наискорее присоединиться к нему; казаки авангарда, выступившие из Свислочи к Мстибову, встретились там с превосходными силами и опять прогнаны были чрез Свислочь к Великим Гринкам. Главные силы корпуса генерала Ренье подвинулись из Порозова к Великим Гринкам в намерении с лица атаковать российский авангард, между тем как пехотная колонна, посланная неприятелем из деревни Берников к Рудне, долженствовала пресечь ему путь к отступлению. Генерал-майору Мелиссино не оставалось иного средства избежать погибели, как отступить поспешно к Рудне, что и произвел он тем с большим успехом, что неприятельская колонна, пришедшая из Берников, по недостатку решимости не осмелилась стать на дороге из Гринок в Рудню из опасения, чтобы самой не быть окруженной в лесу: с одной стороны войсками генерал-майора Мелиссино, а с другой — теми, о прибытии коих в Бяловеж уже имела она известие. 30 числа генерал-лейтенант Сакен с корпусом Эссена и резервом прибыл к Рудне. Корпус Булатова достигнул местечка Бяловежи. Авангард генерала Мелиссино, отбив неприятеля, делавшего обозрение при Рудне, снова подвинулся к Великим Гринкам.

Между тем адмирал Чичагов продолжал свое движение. 20 октября левая колонна его, составленная из авангарда графа Ламберта и корпуса Воинова, пришла к Красному Селу, что близ Лихосельцов. Сам Чичагов с правой колонной, из резерва составленной, прибыл к местечку Селец. 21 числа левая колонна перешла к Смоленице, а правая — к местечку Ружане, где и поджидала левую колонну, прибывшую туда уже на другой день. 25-го корпус Воинова пришел к Мижевичам, а резерв с авангардом — к деревне Солянкам. Чичагов перевел главную квартиру свою в город Слоним, при коем генерал-майор Чаплиц соединил отряд свой.

Адмирал Чичагов по прибытии в Слоним уведомился, что австрийские войска показались в окрестностях Волковыска, почему и послал к местечку Зельве флигель-

адъютанта полковника Чернышева с казачьим Пантелеева полком, дабы разведать о движении неприятеля. Армия продолжала следовать к реке Березине. 26 октября корпус Воинова прибыл к Слониму. 27-го авангард и резерв дошли к местечку Полонке, куда переведена была также и главная квартира. Корпус Воинова дневал у Слонима. Отряд Чаплица перешел от Слонима к местечку Дворцу. На другой день Чичагов с авангардом и резервом прибыл к местечку Сталовичам. Корпус Воинова выступил от Слонима к деревне Горке. Новый авангард, высланный от сего корпуса и состоявший из четырех батальонов, четырех эскадронов и двух казачьих полков с 12 орудиями[1], под начальством генерал-майора графа Орурка подвинулся к Дворцу. Генерал-майор Чаплиц возвратился от Дворца к Слониму для составления арьергарда армии и прикрытия марша оной от покушений австрийцев. Флигель-адъютант полковник Чернышев с казачьим Пантелеева полком получил приказание быстро следовать чрез Новогрудек и Радошковичи к городу Новому Лепелю для открытия прямого сообщения с армией графа Витгенштейна и доставления сему генералу верных известий о движениях адмирала Чичагова.

29 числа авангард генерал-майора графа Орурка пошел к Новогрудку, а корпус Воинова — к местечку Дворцу. Генерал-майор Чаплиц остался у Слонима. На другой день корпус Воинова подвинулся к Новогрудку, где и нашел еще свой авангард, принужденный за усталостью лошадей взять роздых. Генерал-майор Чаплиц пошел к местечку Сталовичам. Адмирал Чичагов с резервом прибыл к Снову. Авангард графа Ламберта занял Несвиж.

Город Минск, соделавшийся целью действий адмирала Чичагова, заключал в себе одно из главных депо наполеоновой армии, а для обороны своей имел только корпус от 6 до 7 тысяч человек под начальством губернатора сего города генерала Брониковского. Сей генерал, обманутый ложными известиями, совсем не полагал, чтобы адмирал Чичагов производил решительное движение всей армией своей, напротив того, он вообразил, что российские войска, следовавшие от Слонима к Несвижу и Новогрудку, были только партизанские отряды, посланные для малой войны, почему и надеялся легко удержать их 5000 корпусом войск, из Минского гарнизона отряженных, под начальством генерала Косецкого, коему и приказал расположиться у местечка Нового Сверженя. Сей корпус, конечно, был слишком слаб, чтобы препятствовать движению адмирала Чичагова, однако ж оный мог быть подкреплен дивизией генерала Домбровского, как уже сказано, стоявшей у города Слуцка, корпусом маршала Удино, который в то время вышел уже на большую дорогу из Борисова в Оршу при местечке Бобр, и даже дивизией генерала Луазона, отряженной от 11-го корпуса и уже прибывшей в Вильно. Дабы воспретить соединение всех сих войск, которые вместе составили бы армию, в силах почти равную армии Чичагова, надлежало спешить походом к Минску.

31 числа генерал-адъютант граф Ламберт выступил от Несвижа с частью своего авангарда и проселочной дорогой чрез селение Городзею вышел к деревне Головщине, лежащей в 4 верстах от Нового Сверженя. Генерал-лейтенант Воинов прибыл к местечку Кореличам, а генерал-майор граф Орурк — в Турец. Адмирал Чичагов с резервом при-

[1] *Примечание переводчика.* Из полков: 10-го егерского, Апшеронского пехотного, Лифляндского драгунского, Киреева казачьего и 3-го Уральского с легкой артиллерийской ротой № 16.

шел к Несвижу, где и присоединился к нему отряд генерал-майора Лидерса, состоявший из одного пехотного и одного уланского полка и прибывший из Пинска.

1 ноября в 5 часов пополуночи генерал-адъютант граф Ламберт опять выступил для нападения на генерала Косецкого, который еще более ослабил себя двумя отрядами, посланными им в местечко Мир и на Несвижскую дорогу для наблюдения за движениями россиян. Неприятель, внезапно атакованный, был разбит и прогнан за реку Неман с такой быстротой, что не успел даже разломать моста на оной. Отряд, высланный на Несвижскую дорогу, был отрезан и истреблен. Отряд, находившийся в местечке Мир, претерпел таковую же участь: будучи стеснен с одной стороны авангардом графа Орурка, а с другой — отрядом, посланным графом Ламбертом из Нового Сверженя к Миру, он нашелся принужденным положить ружье. В сем поражении неприятель потерял до 800 человек пленных и множество убитых. Урон с российской стороны состоял только в семи рядовых убитых и двух офицерах и 33 рядовых раненых. Граф Ламберт ночевал при Новом Свержене. Генерал-лейтенант Воинов и граф Орурк — у местечка Мира.

2 ноября граф Ламберт, схватив неприятельский пост, занимавший деревню Микуличи, расположился при оной. Граф Орурк перешел к деревне Яченке, что на дороге в местечко Рубежевичи; генерал-лейтенант Воинов подвинулся к местечку Столбцам; отряд генерал-майора Чаплица, посланный от Несвижа вправо для прикрытия с сей стороны движения армии, прибыл к местечку Песочне.

Генерал Косецкий, отступивший к местечку Койданову, ясно видел невозможность удержать движение россиян, почему и просил у минского губернатора позволения продолжать отступление свое, дабы соединиться с дивизией генерала Домбровского, находившейся уже в следовании к Минску, но тщетно. Генерал Броникoвский, упорствуя в непонятном ослеплении своем, что к Минску шел только летучий корпус российских войск, приказал генералу Косецкому удерживать его при местечке Койданове.

3 числа генерал-адъютант граф Ламберт с кавалерией своей и 12 орудиями конной артиллерии двинулся к местечку Койданову. Косецкий, атакованный превосходными силами, был разбит совершенно. Колонны его, отрезанные и окруженные российской кавалерией, принуждены были положить ружье. Два знамени, две пушки и до 3000 человек пленных[1] достались победителям. Неприятель потерял до тысячи человек убитых. Генерал Косецкий ушел в Минск только с 500 человек. Урон с российской стороны, столь же маловажный, как и в бою при Новом Свержене, не простирался свыше 48 человек, выбывших из строя. Того ж дня кавалерия графа Ламберта подвинулась к селению Гричину, генерал-майор граф Орурк пришел к местечку Волме, а генерал-лейтенант Воинов — к Рубежевичам, адмирал Чичагов с резервом прибыл к деревне Оцеде близ Колосовой, а генерал-майор Чаплиц — к селению Узде.

4 числа граф Ламберт выступил к Минску. У губернатора оного генерала Броникoвского оставалось только 2000 человек, считая вместе с остатками отряда генерала Косецкого. Броникoвский постигнул наконец, что с сей горстью людей он не мог защищать открытый город, а потому, оставив Минск по приближении россиян, отступил к Борисову. Того ж дня граф Ламберт занял Минск, в коем найдено 2300 человек[2] больных

[1] *Примечание переводчика.* По другим известиям, 65 штаб- и обер-офицеров и 3870 нижних чинов.

[2] *Примечание переводчика.* В том числе 45 штаб- и обер-офицеров.

в госпиталях и несметные магазины с военными и съестными припасами, которые неприятель в страхе, объявшем его, забыл вывезти или истребить. Генерал Домбровский, спешивший из Слуцка на помощь к Броникowскому, дошел уже до деревни Синело, но, узнав о потере Минска, отступил назад к местечку Березину. Генерал-лейтенант Воинов пришел к местечку Волме, а граф Орурк — к Ракову, откуда тотчас отрядил полковника Парадовского с Лифляндским драгунским и Киреева казачьим полком на дорогу из Минска в Вильно. Адмирал Чичагов с резервом прибыл к Койданову. Генерал-майор Чаплиц пришел к деревне Дудичам. 5 числа адмирал с резервом вступил в Минск, генерал-лейтенант Воинов перешел к деревне Земкову, а граф Орурк — к местечку Городку. Полковник Парадовский, расположившийся при местечке Радошковичах, перехватил до 2000 человек беглецов, искавших пробраться из Минска в Вильно. Генерал-майор Чаплиц пришел к селению Самохваловичам.

Генерал-лейтенант Эртель, долженствовавший присоединиться к армии адмирала Чичагова, со своим 12-тысячным корпусом остался у города Мозыря в ожидании пояснений на некоторое недоразумение, найденное им в посланном к нему предписании, а между тем отрядил он к Минску только шесть батальонов, четыре эскадрона и один казачий полк[1]. Адмирал Чичагов, недовольный таковым поступком генерал-лейтенанта Эртеля, поручил начальство над его корпусом генерал-майору Тучкову, который и отправился в Мозырь.

6 ноября все войска адмирала Чичагова имели дневку, кроме отряда генерал-майора Чаплица, который пришел к Минску. 7 числа генерал-адъютант граф Ламберт, усиленный 7-м егерским и Витебским пехотным полками с ротой артиллерии, подвинулся к селению Юхновке. Генерал-майор Чаплиц, посланный к местечку Зембину для наблюдения с левой стороны, остановился у деревни Прилеп. Полковник Луковкин со своим казачьим полком отряжен был вправо к городу Игумену для наблюдения за движениями генерала Домбровского. Полковник Парадовский возвратился к отряду графа Орурка.

8 числа граф Ламберт прибыл к местечку Жодину, а легкая кавалерия его — к деревне Уперевичам; граф Ланжерон с резервом равномерно пошел к Жодину; генерал-майор Чаплиц занял местечко Зембин. Генерал-лейтенант Воинов со всем корпусом своим остановился у деревни Антополья, куда адмирал Чичагов перевел и главную квартиру свою. Полковник Луковкин, встретившись у города Игумена с отрядом, следовавшим из города Мозыря, принял начальство над оным и пошел чрез Юревичи к селению Уше в намерении отрезать арьергард генерала Домбровского, который тянулся от местечка Нижнего Березина к Борисову.

Между тем генерал Броникowский отступил к городу Борисову. Отряд его, усиленный кадрами нескольких батальонов, следовавшими из Москвы, которые он присоединил к себе на пути из Минска к Борисову, снова состоял из 3000 человек. Предмостное укрепление на реке Березине против Борисова, которое россияне во время отступления своего в июле месяце оставили почти оконченным, занято было одним батальоном французского 95-го полка; остаток отряда генерала Броникowского находился в самом городе, где присоединились к нему кадры еще нескольких батальонов. Генерал Броникowский,

[1] *Примечание переводчика.* Отряд сей состоял из шести резервных батальонов 2-й гренадерской дивизии, весьма слабых, двух эскадронов Павлоградского, двух эскадронов Ольвиопольского гусарских полков и казачьего Исаева 2-го полка.

поручив начальство над оными генералу Пампелону, приказал ему стать на дороге из Старого Борисова к деревне Веселово для наблюдения верховья реки Березины.

Генерал Домбровский, прибыв 8 числа к деревне Гливину, узнал, что россияне приближались к Борисову, почему тотчас поспешил на подкрепление к сему важному пункту. К полуночи прибыл он к Борисову и расположился по правую сторону предмостного укрепления на дороге из означенного города в деревню Стахов с шестью батальонами и шестью эскадронами[1]; арьергард его из одного батальона и двух эскадронов[2] под начальством генерала Пакоша остался еще позади.

9 ноября вместе с рассветом генерал-адъютант граф Ламберт явился пред мостовым укреплением, на которое намерен был учинить нападение. 38-му и 14-му егерским полкам тотчас приказано было атаковать левую и правую части укрепления, а 7-му егерскому — броситься на центр оного, коль скоро фланговые атаки будут успешны. Две батареи, каждая о 12 орудиях[3], подкрепляли огнем своим движение российских колонн. Два пехотных полка[4], оставшихся от авангарда, и вся кавалерия[5] остановились в резерве на Жодинской дороге. Один батальон 95-го французского полка, охранявший правый редут, допустил взятие себя врасплох и был оттеснен к самому мосту, и 14-й егерский полк засел в сем редуте; но 38-й егерский, равномерно ворвавшийся в левый редут, был опрокинут одним Виртембергским батальоном, приспевшим из города Борисова на помощь к своим атакованным войскам. Граф Ламберт принужден был подкрепить 38-й егерский полк 7-м егерским под начальством генерал-майора Энгельгарда, который, решительно бросившись вперед, нашел смерть у подошвы неприятельских окопов, но войска его снова засели в редуте левого фланга укрепления[6].

Генерал Домбровский, приметив, что войска, занимавшие предмостное укрепление, не были в состоянии противиться россиянам, решился подать им помощь, потянувшись с полками своими влево. Между тем как он производил сие движение, одна колонна его, выступив из деревни Дымок, подалась вперед к дороге из Борисова в местечко Логойск, дабы обошед правый редут, пресечь тем отступление 14-му егерскому полку, занимавшему оный. Граф Ламберт тотчас противопоставил сей колонне 13-й егерский полк, взятый из резерва. Неприятель был отбит и прогнан в лес, простирающийся к местечку Зембину.

Все внимание россиян обращено было единственно на атаку укреплений, обороняемых уже главными силами дивизии генерала Домбровского, когда генерал Пакош, пришедший с арьергардом своим из селения Юшкевичей, показался на их правом фланге, и в то же время неприятельская колонна, прогнанная в лес, обошед по опушке

---

[1] *Примечание переводчика.* 1-м и 6-м Польскими пехотными и 2-м и 7-м кавалерийскими полками. Из числа 12 орудий, находившихся у генерала Домбровского, четыре поставлены были вместе с пехотой на правом берегу Березины, а восемь орудий — на левом берегу реки для обороны моста под прикрытием части виртембергских войск, взятых из Борисовского гарнизона.

[2] Одного батальона 14-го пехотного и двух эскадронов 15-го кавалерийского полка.

[3] Конная рота № 11 и батарейная № 34.

[4] 13-й егерский и Витебский пехотный.

[5] Александрийский гусарский и Арзамасский драгунский полки.

[6] *Примечание переводчика.* Генерал-майор Энгельгард с 7-м егерским полком сперва ударил во фланг неприятельской колонны, преследовавшей 38-й егерский полк, выбитый неприятелем из левого редута, опрокинул ее и потом вторично овладел редутом.

оного, угрожала зайти в тыл левого их фланга. У графа Ламберта из всей пехоты оставался в резерве только Витебский полк. Он немедленно послал один батальон сего полка с четырьмя эскадронами Александрийского гусарского и конной ротой № 10 навстречу генералу Пакошу, а другой батальон с остальными четырьмя эскадронами александрийских гусар противопоставил неприятельской правой колонне, которую успели они удержать и не допустить выйти из леса на равнину. Колонна генерала Пакоша равномерно опрокинута была огнем российской артиллерии, и александрийские гусары преследовали ее до села Юшкевичей.

Обезопасив таким образом свои фланги, граф Ламберт обратил все внимание свое на атаку предмостного укрепления, в коем неприятель еще держался, несмотря на взятие россиянами двух редутов, усиливавших крылья оного. 13-й и 38-й егерские полки, посланные им против центра означенного укрепления, были отбиты, и граф Ламберт, стараясь восстановить порядок в оных, сам был ранен, однако ж сия неудача не отняла бодрости у россиян. Полковник Красовский, снова построив опрокинутые полки в колонны, решительно бросился на приступ и, наконец, успел совершенно овладеть укреплениями с помощью конной роты № 12, которая, войдя в редут левого крыла, картечными выстрелами жестоко поражала неприятеля внутри укрепления. Поляки, опрокинутые на всех пунктах, в беспорядке бежали за реку Березину, будучи преследуемы 14-м егерским полком, который, обойдя окопы по рытвине, спускающейся к реке, стремительно бросился на мост, несмотря на огонь неприятельский, и овладел пушкой, стрелявшей вдоль оного. Александрийский гусарский и Арзамасский драгунский полки с шестью орудиями, перейдя по мосту вслед за егерями, гнали неприятеля чрез улицы городские. Тщетно генерал Домбровский покушался удержаться при мельнице, лежащей за городом по дороге в Оршу. Россияне, силой пробившись сквозь сию теснину, принудили его бежать к селению Лошнице с остатками своей дивизии. Жестокий бой сей, прекратившийся не прежде пяти часов пополудни, тем более славы приносит войскам графа Ламберта, что пехота его была почти вполовину слабее неприятельской и что сия последняя, несмотря на выгоду быть прикрытой окопами, не могла избегнуть совершенного поражения. Граф Ланжерон, услышав пальбу, поспешил с резервом своим на помощь к авангарду, однако ж не мог прийти прежде наступления темноты, и войска его не приняли в бою никакого участия. Два орла, восемь пушек и более 2500 человек пленных достались победителям. Сверх того, неприятель потерял близ 2000 человек убитых[1]. Урон с российской стороны простирался до 1500 человек, выбывших из строя, и был особенно чувствителен тем, что граф Ламберт за раной своей нашелся принужденным оставить начальство над войсками. Вечером прибыл к Борисову также и адмирал Чичагов с корпусом генерал-лейтенанта Воинова, который и расположился на биваках возле предмостного укрепления. Главная квартира переведена была в город Борисов, занятый авангардом. Того ж дня полковник Луковкин настиг при селении Уше два батальона польского 14-го линейного полка под начальством полковника Малиновского, оставленные генералом Домбровским у местечка Свислочи для наблюдения за Бобруйском, которые искали соединиться со своей дивизией. Он атаковал их, разбил и взял до 300 человек пленных[2].

---

[1] *Примечание переводчика.* Польский генерал Дзивановский был опасно ранен.

[2] *Примечание переводчика.* Остатки сих двух батальонов, равно как и бригада генерала Жолтовского из польских 17-го пехотного и 15-го кавалерийского полков, оставленная генералом Домбровским для прикрытия города Могилева, присоединились к нему уже 15 ноября у деревни Студенки.

10 числа корпус генерал-лейтенанта Воинова и резерв, перейдя реку Березину, расположились впереди Борисова при дороге в местечко Бобр. Генерал-майор Чаплиц, прибывший из Зембина к Борисову, остался с отрядом своим, равно как и вся кавалерия Дунайской армии, на правом берегу реки у предмостного укрепления. Полковник Луковкин перешел от селения Уши к Шабашевичам.

Между тем как сие происходило флигель-адъютант полковник Чернышев с успехом исполнил данное ему поручение. Переправясь чрез реку Неман при деревне Колодзеной, он пробрался между разными неприятельскими отрядами, наводнявшими страну, и, с быстротой следуя чрез местечки Налибоки, Камень, Ивенец, Радошковичи, Плещеницы и Лепель, прибыл в Чашники, где нашел генерала графа Витгенштейна и известил его о движениях адмирала Чичагова. На пути освободил он из плена генерал-адъютанта барона Винцингероде, генерал-майора Свечина и нескольких других, отправленных неприятелем из Минска в Вильно.

Мы оставили генерал-лейтенанта барона Сакена в лесу Беловежском, между тем как корпус фельдмаршала князя Шварценберга направлялся от города Волковыска к Слониму, а корпус генерала Ренье, прикрывавший движения австрийцев, шел к местечку Порозову. Генерал-лейтенант Сакен, видя, что неприятель все еще находился впереди его правого фланга и, следовательно, не было возможности преградить ему путь к Минску, решился сильно теснить генерала Ренье, дабы чрез то привлечь на себя внимание князя Шварценберга и принудить его возвратиться назад, на помощь 7-му корпусу. В самом деле, российскому генералу оставался только сей единственный способ, чтобы не допустить австрийцев с тыла напасть на адмирала Чичагова.

31 октября генерал-майор Мелиссино с авангардом прошел чрез селение Великие Гринки к Сокольникам. Корпус генерал-лейтенанта Эссена и резерв генерал-майора графа Ливена пошли к деревням Студеникам и Берникам, лежащим у выхода из леса к местечку Порозову. Генерал Сакен перевел главную квартиру свою в Берники. Корпус генерал-майора Булатова следовал по одной дороге с прочими корпусами и на другой день должен был соединиться с ними. Серпуховский драгунский полк занял местечко Порозов. Ренье отступил к деревне Горностаевичам.

1 ноября российские войска снова двинулись вперед. Генерал-лейтенант Эссен, ближе всех находившийся к Горностаевичам, первый прибыл к сему селению. Вскоре за ним пришли генерал-майор Мелиссино с авангардом и резерв. Генерал Ренье отступил чрез деревню Огородники за ручей Лапеницу. Правый фланг его упирался к речке Россе, а левый простирался к местечку Лапенице. Главные силы корпуса Эссена и резерв остались при Горностаевичах; кавалерия авангарда построилась в поле, против центра неприятельского; левый фланг оной подкреплен был двумя пехотными полками корпуса Эссена, поставленными в долине речки Россы, при деревне Кабази. Генерал-лейтенант Сакен располагался скрывать силы свои от неприятеля до времени, пока соединение с корпусом Булатова позволит ему привести в действо намерение его, собрав громаду войск на правом крыле своем, ударить в левый фланг генерала Ренье и, опрокинув оный, чрез то отрезать его от князя Шварценберга, следовавшего к Слониму. Между тем в ожидании прихода корпуса Булатова, находившегося еще на марше, российский генерал вознамерился овладеть лесом между местечком Лапеницей и деревней Лесками, перед оконечностью левого крыла неприятельского лежащим, занятие коего могло

способствовать исполнению предположенных действий. Для сего отряжены были туда 37-й и 39-й егерские полки. Неприятель, приметив сие движение, тотчас послал к лесу сильную колонну пехоты с артиллерией, которая, разделившись на несколько частей и под прикрытием своих стрелков устремившись к лесу, вступила в весьма жаркое дело с российскими егерями, так что принуждены были поддержать их шестью ротами Староингерманландского пехотного полка и Владимирским драгунским полком. Сие первое подкрепление помогло россиянам опять войти в лес, из коего были они вытеснены на короткое время; а прибытие Олонецкого, Шлиссельбургского и Украинского пехотных полков, вскоре засим присланных генерал-лейтенантом Эссеном, принудило неприятеля к совершенному отступлению, и оспариваемый лес остался за россиянами[1]. Рассчитывали, что генерал-майор Булатов придет к деревне Лескам в два часа пополудни, но он ошибся дорогой и прибыл туда уже по наступлении темноты. Сие несчастное обстоятельство принудило генерал-лейтенанта Сакена отложить предположенное нападение до утра; но генерал Ренье не захотел оставаться в позиции, левый фланг коей подвержен был видимой опасности, и, пользуясь ночью, отступил чрез местечко Изабелин к Волковыску. 2 ноября генерал-лейтенант Сакен со всем корпусом своим прибыл к Изабелину.

По известиям, полученным о движениях неприятельских, фельдмаршал князь Шварценберг находился 1 ноября в Слониме, между тем как генерал Ренье расположился за городом Волковыском по дороге в местечко Мосты, заняв квартиру свою в самом Волковыске и, следовательно, впереди линии своего лагеря. Генерал-лейтенант Сакен, имевший главной целью расстроить корпус генерала Ренье, прежде чем успеет он получить подкрепление от австрийцев, решился учинить ночное нападение на Волковыск. Успех сего поиска представлял двоякую выгоду: разбить генерала Ренье отдельно и принудить князя Шварценберга возвратиться назад для прикрытия собственных его сообщений. 2 ноября в 10 часов вечера весь российский корпус выступил к Волковыску, имея впереди четыре отряда. Передовой отряд из одного батальона 59-го егерского полка и десяти казаков под начальством полковника Белокопытова получил приказание, пробившись в город, идти прямо к квартире генерала Ренье. В подкрепление к нему назначен был другой отряд, также из одного батальона, под начальством полковника Дурнова. Остальные два отряда под начальством полковников Второва и Васильчикова, каждый из трех батальонов, должны были, обойдя город с обеих сторон, соединиться на дороге, ведущей в местечко Мосты, дабы отрезать все неприятельские войска, находившиеся в Волковыске. Корпусный обоз получил приказание следовать к местечку Гнезно под прикрытием отряда генерал-майора Гампера, составленного из Смоленского драгунского полка и двух батальонов

[1] *Примечание переводчика.* Неприятель, поставя против леса шесть орудий, открыл из них огонь по российским егерям, едва успевшим занять опушку оного, а потом атаковал их пехотой на всех пунктах. Россияне, несмотря что неприятель был втрое сильнее их, более часа удерживали лес. Наконец 37-й егерский полк нашелся принужденным отступить к левому краю леса, между тем как 39-й егерский под командой полковника Ахлестышева, занимавший правую часть оного, был со всех сторон окружен неприятелем и храбро защищался. Генерал-майор Мелиссино послал к ним на помощь шесть рот Староингерманландского пехотного и Владимирский драгунский полк. Тогда 37-й егерский и Староингерманландский полки, ударив в штыки, опять овладели лесом, однако ж сильный огонь с обеих сторон продолжался, пока неприятель не приметил, что к россиянам подходит новое подкрепление, что и принудило его отступить к местечку Лапенице.

пехоты с ротой конной артиллерии. Серпуховский драгунский полк оставлен был у местечка Изабелина.

Неприятель сам вспомоществовал предприятию россиян оплошностью своей, ибо не имел передовых постов по ту сторону Волковысского ручья. Полковник Белокопытов беспрепятственно подошел к самой заставе у моста на сем ручье, чрез который надлежало переходить, дабы вступить в город. Шум, произведенный при подъеме рогатки, возбудил внимание неприятельского пикета, у моста поставленного, который и открыл огонь. Тревога распространилась по всему городу. Неприятельские войска поспешно вступили в ружье, но не могли уже воспретить россиянам ворваться в улицы, и генерал Ренье, почти окруженный в квартире своей, спасся в окно, оставя в добычу россиянам свой обоз и канцелярию. Видя себя атакованным врасплох, он перевел саксонцев за речку Россу и расположил их по дороге к местечку Великой Брестовице. Россияне удержали за собой город, но не могли овладеть высотами, повелевающими оным, которые заняты были французской дивизией генерала Дюрюта, оставленной генералом Ренье в арьергарде по дороге в местечко Мосты.

В то же время подошли к Волковыску и главные силы российского корпуса. Корпус генерал-лейтенанта Эссена 3-го расположился на высотах левого берега Волковысского ручья, параллельно дороге из сего города в местечко Изабелин, левым флангом против города, а правым — против деревни Заполья, которая и была занята Олонецким пехотным полком. Генерал-лейтенант Эссен послал еще Шлиссельбургский пехотный и 37-й егерский полки на помощь к отрядам, сражавшимся среди города. Корпус генерал-майора Булатова, построившись между правым флангом корпуса Эссена и деревней Личиками, составил правое крыло, а резерв генерал-майора графа Ливена составил левое крыло против Волковысского моста.

Бой в городе и на прилежащих к нему высотах продолжался всю ночь. 3 числа на рассвете неприятель, стоявший в боевом порядке, примыкал правым флангом к лесу, лежащему на правом берегу речки Россы, а левым — к другому лесу, примыкающему к дороге в местечко Зельву. Открыв действие артиллерии по городу, он двинул вперед сильные колонны пехоты для овладения оным. Генерал-лейтенант Сакен не осмелился заводить настоящего дела из опасения, чтобы австрийцы, которые, как известно было, находились в обратном следовании из Слонима к Изабелину, не напали на него с тыла во время сражения. Будучи доволен тем, что снова привлек на себя князя Шварценберга и избавил от него адмирала Чичагова, он решился оставаться против генерала Ренье только в наблюдательном положении и вследствие сего приказал войскам, находившимся в Волковыске, отступить к главным силам корпуса. Российские стрелки, удержав за собой одни только крайние дома у моста, протянули цепь вдоль ручья от города до деревни Заполья.

Между тем левое крыло неприятельское подвинулось вперед, дабы стать против Заполья. Генерал-майор Мелиссино, полагая случай сей удобным атаковать оное, перешел ручей у Заполья с Лубенским гусарским, Владимирским драгунским и Уральским казачьим полками, но превосходная числом саксонская кавалерия отразила его и принудила с уроном возвратиться за ручей. Бой продолжался до самой ночи довольно слабой пушечной пальбой и огнем стрелков, с обеих сторон производимыми по всей линии от города до деревни Личиков. Саксонцы, снова перешедшие на правый берег

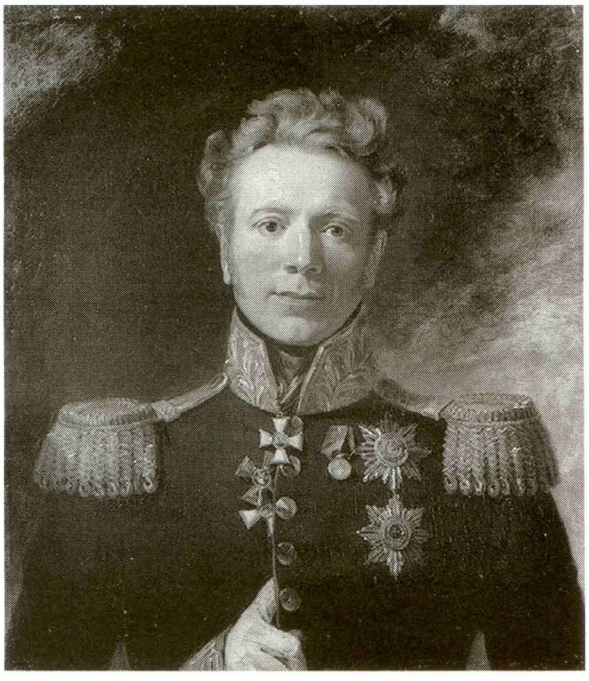
речки Россы, опять соединились с дивизией генерала Дюрюта. Внезапное нападение на Волковыск хотя и не имело желанного успеха, однако ж при оном неприятель потерял 500 человек пленных и почти столько же убитых[1]. Урон с российской стороны был неважен.

Фельдмаршал князь Шварценберг, известившись, что россияне сильно теснят генерала Ренье, решился идти к нему на помощь, почему и предпринял обратный путь из Слонима к Волковыску. Авангард его под начальством генерала Фрелиха уже 3 числа прибыл к деревне Мендзержец, но как несколько человек австрийских пленных, приведенных казаками, согласно утверждали, что австрийцы, вместо того чтобы продолжать движение свое к Волковыску, опять обратились к Слониму, то генерал Сакен, обманутый сими ложными известиями, решился не отлагать долее нападения на генерала Ренье. 4 числа поутру генерал-майор Булатов получил приказание перейти ручей у деревни Личиков и напасть на левое крыло неприятеля, между тем как корпус генерал-лейтенанта Эссена и резерв будут удерживать его центр и правое крыло. К полудню открылся с обеих сторон сильный огонь, и начинало уже завязываться настоящее дело, как вдруг два пушечных выстрела, произведенных в стороне местечка Изабелина, принудили генерала Сакена приостановить нападение. Вскоре потом люди, бежавшие из Изабелина, уведомили, что сие местечко уже занято кавалерией австрийского авангарда, овладевшего частью российского обоза, оставленного в оном некоторыми полками, вопреки данному им приказанию. Раненые в прежнем бою, по тому же небрежному исполнению данных приказаний отправленные из Волковыска в Изабелин, вместо того что приказано было отсылать их в местечко Гнезно, равномерно попались в руки неприятеля. Генерал-лейтенант Сакен, видя, что вскоре найдется между двумя огнями, решился, не теряя ни минуты, обезопасить свое отступление, которое и могло быть произведено только по мосту, находящемуся при деревне Бланкитне на речке Россе. Он тотчас отрядил туда генерал-майора графа Ливена с резервом. Серпуховский драгунский полк, выведенный из Изабелина, в той уверенности, что там не оставалось более обозов, получил приказание возвратиться в сие местечко, и в то же время для прикрытия распоряжений к отступлению и дабы привести генерала Ренье в недоумение город Волковыск опять занят был пятью батальонами.

Серпуховской полк, встретив отряд неприятельских гусар, прогнал их к Изабелину, но не мог войти в сие местечко, уже твердо занятое главными силами авангарда генерала Фрелиха. С другой стороны, получено было известие, что генерал-майор граф Ливен, беспрепятственно достигнув деревни Бланкитны, продолжал движение свое к местечку Гнезно. Тогда генерал-лейтенант Сакен приказал корпусу Эссена равномерно следовать по дороге в Бланкитну. Отступное движение сего корпуса, выступившего в 6 часов пополудни, прикрыто было корпусом генерал-майора Булатова, который, потянувшись левым флангом, составил потом арьергард российских войск. Наступившая темнота воспрепятствовала неприятелю преследовать россиян, а сии, пользуясь ночью, перешли речку Россу и чрез Гнезно следовали к местечку Свислочи, при коем 5 числа в два часа пополудни собрался весь корпус. Арьергард, составленный из Лубенского гусарского и казачьих полков под начальством генерал-майора Мелиссино, расположился в двух

[1] *Примечание переводчика.* Сверх того, одно знамя, отбитое полковником Васильчиковым.

верстах от Свислочи по дороге в местечко Мстибов.



И. А. Ливен (1768–1848)

Князь Шварценберг, взяв направление чрез местечко Порозов на Берники, угрожал овладеть мостом при селении Рудне на реке Нарев, в тылу россиян, и чрез то пресечь им отступление чрез Беловежский лес. Дабы выйти из толь опасного положения, генерал-лейтенант Сакен должен был наискорее достигнуть Рудни. На сей конец послал он 5 числа в полдень к деревне Великим Гринкам Чугуевский уланский, Смоленский и Серпуховский драгунские полки с шестью орудиями конной роты № 15, дабы заслонить неприятелю дорогу из Порозова чрез деревню Сокольники. В 10 часов вечера отправились обозы под прикрытием Владимирского драгунского полка. Час спустя выступил генерал-майор граф Ливен с резервом, чтобы стать на дороге из Берников в Рудню. Корпуса Эссена и Булатова оставили местечко Свислочь уже 6 числа в 4 часа пополуночи. За ними следовал арьергард генерал-майора Мелиссино.

Неприятель, удержанный резервом графа Ливена, не осмелился ввести в Беловежский лес сильного корпуса войск; одни токмо стрелки его, в числе нескольких сотен человек, пробравшись по лесным тропинам, около 7 часов утра показались на дороге из Свислочи в Рудню и напали на хвост обозной колонны, но как генерал-лейтенант Эссен отрядил против них 37-й егерский и Шлиссельбургский пехотный полки, следовавшие впереди его корпуса, то сии два полка, рассыпавшись в стрелки, прогнали неприятельских.

Между тем многочисленная кавалерия неприятельская сильно теснила российский арьергард между местечком Свислочью и Великими Гринками, однако ж генерал-майор Мелиссино, несмотря на превосходство сил неприятельских, не позволил себя расстроить и достигнул леса без всякой потери. При Великих Гринках он подкреплен был одним пехотным полком корпуса генерал-майора Булатова и, употребив его к удержанию преследования неприятельского, во время прохождения своего чрез лес к деревне Рудне, благополучно прибыл туда в 5 часов пополудни.

В 7 часов вечера корпус Эссена и резерв опять выступили от Рудни к местечку Бяловежу. Корпус Булатова и арьергард отступили только к Новой Корчме на реке Нареве. 37-й егерский полк оставлен был при Рудне, дабы замедлить движение неприятеля, приближавшегося в больших силах. Сей полк, зажегши деревню Рудню и

разломав мост на ручье Рудавке, оборонял теснину с таким успехом, что совершенно удержал неприятеля.

7 числа на рассвете 37-й егерский полк, отступив к Новой Корчме, примкнул к арьергарду, после чего арьергард и корпус Булатова пошли к местечку Бяловежу и ввечеру соединились с корпусом Эссена и резервом, прибывшими туда еще поутру. Того ж дня генерал-лейтенант Сакен в намерении осмотреть выходы из леса отрядил к местечку Шерешеву полковника князя Жевахова с Серпуховским драгунским и одним казачьим полком, а к местечку Каменцу-Литовскому — генерал-майора Бердяева с одним эскадроном Тверского драгунского и одним казачьим полком.

Неприятель не входил в лес далее деревни Рудни и, не переходя сей теснины, повернул влево чрез местечко Новый Двор к Шерешеву и городу Пружанам. Генерал-лейтенант Сакен, коему сие движение угрожало обходом с правого фланга, опасаясь быть оттесненным к реке Бугу и потерять всякое сообщение с Волынией единственным путем своего отступления, равномерно принужден был сделать движение вправо, дабы не допустить неприятеля зайти ему во фланг. 8 ноября в час пополуночи генерал-майор Мелиссино с Лубенским гусарским полком выступил от Бяловежа к Шерешеву, где и соединился с отрядом полковника князя Жевахова. Корпуса Эссена и Булатова и резерв, оставив Бяловеж поутру, также направились к Шерешеву. Корпус Эссена остановился у деревни Куличей; корпус Булатова вместе с главной квартирой генерал-лейтенанта Сакена — при селении Крынице; а резерв графа Ливена — у деревни Белолеска.

В ночь с 7 на 8 число 3-й Украинский казачий полк, полковником графом Виттом отряженный из Бреста-Литовского в Пружаны, был в сем городе внезапно атакован и совершенно разбит австрийским авангардом. Три эскадрона сего полка взяты были в плен, а остаток рассеялся в направлении к городу Кобрину.

9 числа на рассвете весь российский корпус собрался при местечке Шерешеве. Фельдмаршал князь Шварценберг со своим корпусом и корпусом генерала Ренье прибыл к Великому Селу, а поутру авангард его подвинулся к Шерешеву. Генерал-лейтенант Сакен, не имевший намерения заводить настоящего дела с толь превосходным в силах неприятелем, решился продолжать отступление свое к Бресту-Литовскому. Корпус Эссена отступил к деревне Воле, корпус Булатова и резерв прибыли к деревне Вишени. Генерал-лейтенант Сакен занял главную квартиру свою в селении Речице. Казаки авангарда остались у Шерешева. Генерал-майор Мелиссино с лубенскими гусарами отряжен был к Кобрину, дабы отослать в Волынию тяжелый обоз, находившийся в сем городе.

10 числа корпус Эссена отступил к деревне Пелищу; корпус Булатова и резерв сменили его при Воле. Того ж дня корпус генерала Ренье, преследовавший россиян, вступил в Шерешев; а австрийский корпус, продолжавший действовать на их правом фланге, по Кобринской дороге подвинулся к корчме Городечне. 11 числа корпус Булатова и резерв отступили к Пелищу. Генерал-лейтенант Сакен занял квартиру свою в деревне Турне. Авангард генерала Ренье, преследовавший россиян, остановился у Речицы. В ночь с 11 на 12 число полковник князь Жевахов с Серпуховским и Владимирским драгунскими, Назарова и Чикилева казачьими и Калмыцким полком получил приказание выгнать неприятеля из Речицы. Неприятельские передовые посты были сбиты, но главные силы его авангарда успели удержаться в означенной деревне.

12 ноября генерал-лейтенант Сакен продолжал свое отступление. Сам он с резервом пошел прямо к Бресту-Литовскому, где и переправился за Мухавец. Корпуса Эссена и Булатова перешли сию реку по мосту в Каменице-Журавке и стали на левом берегу Мухавца, между Каменицею-Журавкою и Брестом-Литовским. Кавалерия оставлена была на правом берегу реки.

И. Н. Эссен
(1759–1813)

13 числа пополудни неприятель, принудив отступить российскую кавалерию, подошел к берегам реки Мухавца и расположился против Каменицы-Журавки. Корпус Эссена тотчас вступил в ружье для защищения переправы, но как неприятель не сделал действительного нападения, то все и ограничилось одной пушечной пальбой с обеих сторон. Генерал-лейтенант Сакен, теснимый с фронта генералом Ренье и угрожаемый с правого фланга фельдмаршалом князем Шварценбергом, который из Кобрина шел к селению Булькову, видя невозможность удержаться в позиции своей на реке Мухавце, принужден был в ночь с 13 на 14 число отступить еще далее. Для сего корпус Эссена пошел по дороге к местечку Ратно, корпус Булатова следовал вверх по правому берегу реки Буга, а резерв взял среднюю дорогу между правой и левой колоннами. 14 числа генерал Ренье вступил в Брест-Литовский, а князь Шварценберг прибыл к Булькову. Неприятель не преследовал далее. 16 числа князь Шварценберг, снова отделившись от корпуса генерала Ренье, опять пошел к городу Слониму.

Генерал-лейтенант Эссен, 17 числа прибывший в Ратно, получил приказание следовать чрез города Пинск и Слуцк на соединение с армией адмирала Чичагова, который, видя себя лишенным содействия корпуса генерал-лейтенанта Эртеля, требовал помощи у барона Сакена. Остаток корпуса сего последнего генерала продолжал отступление свое к Ковелю и Любомлю, где и расположился на разменных квартирах, имея правое крыло в городе Ковеле, центр — в Мацейове, а левое крыло — в местечке Любомле. Главная квартира генерал-лейтенанта Сакена занята была в селении Дольске.

В продолжение сих действий генерал-лейтенанта Сакена польский генерал Косинский, как выше сказано, оставленный неприятелем на левом берегу реки Буга, покусился было вторгнуться в Волынию чрез местечко Устилуг с корпусом от 7000 до 8000 человек. Переправившись силой чрез реку, он овладел уже Устилугом, но генерал-лейтенант

Мусин-Пушкин, командовавший отрядом, оставшимся в Волынии, тотчас выступил против него и прогнал за Буг с довольно значительным уроном.

Осторожные и вместе твердые поступки генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена достойны внимания. Фельдмаршал князь Шварценберг, двинувшись от берегов реки Буга чрез Волковыск к Слониму, открыл действия свои самым блистательным образом. Посредством сего движения, с большой деятельностью произведенного, австро-саксонцы успели обойти правый фланг генерала Сакена и стать между ним и армией адмирала Чичагова. С того часа генерал Сакен принужден был отказаться от драгоценной выгоды составлять внутренний путь действий с армией адмирала Чичагова и усмотрел, что не может уже способствовать действиям сего последнего иначе, как обратив на самого себя все внимание князя Шварценберга. На сей конец решился он сильно теснить генерала Ренье, дабы, угрожая тылу австрийцев, тем самым неминуемо вынудить их обратиться на него. А как событие оправдало его расчет, то он и продолжал держаться против превосходных сил неприятеля, не позволяя, однако ж, ему никогда себя расстроить. Таким образом, успел он оттянуть австро-саксонцев к Бресту-Литовскому, а между тем адмирал Чичагов выиграл время, потребное для него, чтобы утвердиться на реке Березине.

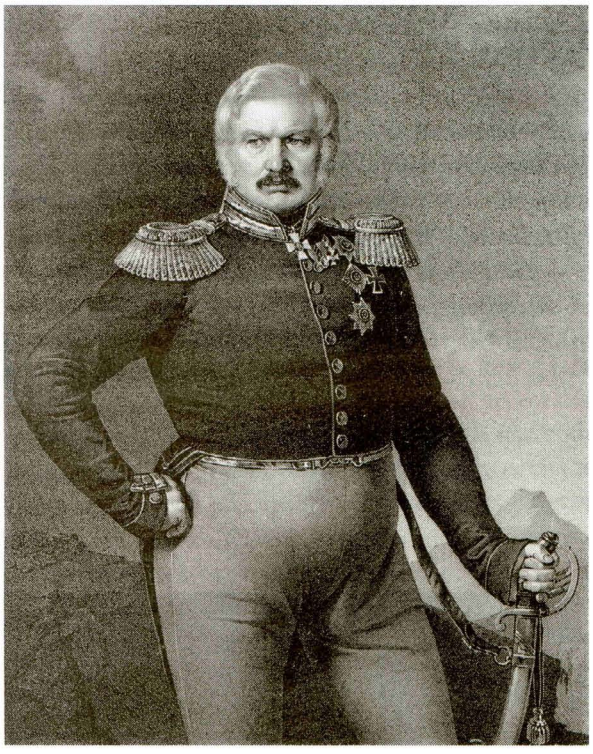
Читатель, без сомнения, заметил, что в окончательном исполнении предначертания действий, сделанного санкт-петербургским кабинетом для второстепенных российских армий, оное не могло быть совершено в полной мере. Вместо громады 120 000 воинов, долженствовавших быть в готовности соединиться на реке Березине, в обеих армиях адмирала Чичагова и генерала графа Витгенштейна вместе взятых состояло не более 75 000 человек под ружьем. К тому ж сии две армии находились не в довольно тесной связи между собой, а движение, которое граф Витгенштейн счел за нужное сделать от Лепеля к местечку Чашникам, еще более отдалило его от города Борисова, важного пункта, лежащего на главном пути отступления Французской армии и посему наиболее долженствовавшего обращать на себя внимание российских генералов. Неприбытие корпуса генерал-лейтенанта Эртеля и невозможность усилить корпуса генерала графа Витгенштейна и генерал-лейтенанта графа Штейнгеля, как означено было в предначертании действий, надлежит считать главными препятствиями, помешавшими совершенному исполнению сего предположения.

Глава XI

Наполеон отступает к городу Борисову. – Поражение авангарда адмирала Чичагова. – Дела при деревнях Узнацке и Батурах. – Наполеон в Борисове. – Неприятель переходит реку Березину при деревне Студенке. – Бой под Старым Борисовом и сдача на договор французской дивизии генерала Партуно. – Бой при деревне Стахове. – Бой при Студенке. – Отступление неприятеля к Вильно. – Россияне живо преследуют его. – Отъезд Наполеона. – Фельдмаршал князь Кутузов сближается к армии адмирала Чичагова.

П. В. Чичагов (1767–1849)

Остатки Главной Французской армии, собравшиеся 8 ноября при городе Орше, находились в опаснейшем положении. Наполеон не мог избегнуть совершенной погибели иначе, как удалившись от Главной российской армии с поспешностью, довершившей расстройство его войск. С оставшимися у него едва 40 000 человек под ружьем он не мог надеяться удержаться на реке Днепре против превосходных сил князя Кутузова. Нелегко было также произвести и отступление. Граф Витгенштейн, утвердившийся на речке Уле, уже преграждал ему пути из Орши к Вильно. Адмирал Чичагов готовился стать у Борисова и пресечь сообщения с Минском. Бой при деревне Смолянцах доказал вместе и твердость позиции, занимаемой графом Витгенштейном, и решимость его защищать ее до последней крайности. В столь бедственном положении всего важнее было для Наполеона избегать необходимости открывать себе путь явной силой, а как в сие время город Борисов еще не был занят россиянами, то французский император и вознамерился следовать к нему усиленными переходами, дабы предупре-



А. П. Ермолов
(1772–1861)

дить в нем адмирала Чичагова, о коем он известен был, что направляется к сему важному пункту. Хотя и сие предприятие казалось весьма ненадежным, однако ж Наполеон тем менее должен был колебаться в оном, что ему оставалось только одно сие средство к спасению. К тому ж должно заметить, что собственная польза его требовала взять направление к Минску, ибо, пробравшись к сему городу, он вошел бы в непосредственное сообщение с корпусами фельдмаршала князя Шварценберга и генерала Ренье, присоединение коих снова доставило бы ему громаду сил более, чем из ста тысяч человек под ружьем, громаду, с которой он мог бы медленно и безопасно отступить в Герцогство Варшавское, дабы занять в нем зимние квартиры, за рекой Вислой или даже за Бугом, в виду российской границы.

Наполеон, решившись идти к реке Березине, распорядился таким образом, чтобы войсками, более уцелевшими, прикрыть нестройные колонны своей Главной армии. Корпус маршала Удино, уже вышедший при местечке Бобре на большую дорогу из Орши в Борисов, назначен был в авангард, долженствовавший очистить путь для прочих войск. Маршал Виктор получил приказание пропустить войска Главной армии и потом, составив арьергард оных, прикрывать их отступление против покушений армии графа Витгенштейна.

Наполеон, выступив 9 ноября из Орши, перевел главную квартиру свою в местечко Коханово, а голова колонны, составляемой его армией, достигла местечка Толочина. Маршал Виктор, оставив местечко Черею, отступил к Холопеничам. 10 числа императорская квартира переведена была в Толочин, голова же колонны пришла к местечку Бобру.

Князь Кутузов равномерно продолжал движение свое к городу Копысу. 9 ноября он перевел главную квартиру свою в селение Ланники; армия расположилась в окружностях оного по деревням. Авангард генерала Милорадовича, составленный из 2-го и 7-го пехотных и 2-го кавалерийского корпусов с четырьмя казачьими полками, расположился в окрестностях местечка Горян. 2-я гренадерская дивизия перешла от Сырокоренья к местечку Романову. Генерал-лейтенант Ермолов со своим авангардом прибыл к местечку Дубровне. Генерал Платов занял город Оршу, в коем нашел 26 пушек, оставленных

неприятелем[1]. 10 числа Российская армия и авангард генерала Милорадовича имели дневку. В составе 3-го и 8-го пехотных корпусов сделана была некоторая перемена, дабы все гренадерские полки армии соединить в один корпус. Вследствие сего 3-й пехотный корпус составлен был из 1-й и 2-й гренадерских дивизий, а 8-й корпус — из 3-й и 27-й пехотных дивизий. Генерал Платов подвинулся к местечку Коханову; генерал-лейтенант Ермолов прибыл в Орщу[2]; генерал-адъютант Голенищев-Кутузов, накануне находившийся с отрядом своим в Бабиновичах, взял направление к Сенно.

Граф Витгенштейн, известившись об отступном движении маршала Виктора, также выступил 10 ноября. Генерал-майор Гарпе с авангардом[3] преследовал неприятельский арьергард, который и отступил к местечку Черее. Гарпе остановился ночевать при деревне Соболье. Подполковник Столыпин подвинулся по Лукомльской дороге к Старговичам. Генерал-майор Властов перешел от Краснолук к Холопеничам[4]. Корпус генерал-лейтенанта графа Штейнгеля прибыл к Лукомлю, корпус Берга — к Мелеховичам, а генерал-майор Фок с резервом — к деревне Смолянцам. Главная квартира графа Витгенштейна переведена была в Мелеховичи[5].

Остатки Польской дивизии генерала Домбровского, вытесненной из города Борисова генерал-адъютантом графом Ламбертом, 10 ноября присоединились к маршалу Удино при селении Крупке. Удино, узнав о потере Борисова, коего сохранение становилось тем важнее, что Главная армия Наполеона находилась уже в следовании к сему городу, вознамерился обратно взять оный во что бы ни стало и для сего немедленно выступил, взяв с собой войска Домбровского. Адмирал Чичагов, не знавший о приближении сего неприятельского корпуса, располагался продолжать движение свое к местечку Бобру. Авангард его, над коим генерал-майор граф фон-дер-Пален 2-й только что принял начальство, послан был 11 числа к селению Лошнице. Сей авангард полагал только преследовать слабый неприятельский отряд, разбитый при Борисове, вместо того, приблизившись к Лишнице, наткнулся на превосходные силы. Несмотря на то, граф Пален хотел было держаться до прихода подкрепления, коего требовал он от адмирала Чичагова, но адмирал, находившийся в несчастном предубеждении, что неприятель не мог еще быть в силах в окрестностях местечка Бобра, не рассудил за благо послать помощь к своему авангарду. Граф Пален, слишком слабый, чтобы устоять против стремительного нападения превосходного неприятеля, был опрокинут и прогнан к городу Борисову с такой быстротой, что 7, 14 и 38-й егерские полки, занимавшее леса по

---

[1] *Примечание переводчика.* Генерал Платов немедленно приступил к восстановлению моста, истребленного французами. Генерал-адъютант Голенищев-Кутузов с отрядом своим прибыл в город Бабиновичи. Подполковник Давыдов, вытеснив неприятеля из города Копыса, взял в плен 285 человек и весь его обоз. Не довольствуясь сим, он переправился вплавь чрез Днепр и послал партии к местечкам Староселью и Шклову. Генерал-адъютант граф Ожаровский имел дневку при местечке Горках.

[2] *Примечание переводчика.* Часть его отряда переправилась по мосту, восстановленному генералом Платовым, а другая, перейдя Днепр при местечке Дубровне, прибыла в Оршу по правому берегу реки.

[3] Авангард сей усилен был еще 5-м Башкирским полком, вновь прибывшим к армии графа Витгенштейна.

[4] Он известил графа Витгенштейна, что накануне авангард Дунайской армии овладел предмостным Борисовским укреплением. Должно заметить, что доселе графу Витгенштейну неизвестно было, где находилась помянутая армия, почему он и решился преследовать маршала Виктора, дабы в готовности быть ударить в правый фланг французов, коль скоро они остановятся для сражения с адмиралом Чичаговым.

[5] Казачий полковника Родионова полк послан был по дороге к Сенно для открытия сообщения с отрядом генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова.

М. И. фон дер Пален
(1779–1863)

левую сторону большой дороги, были обрезаны и принуждены отступить к селению Старому Борисову[1]. Поражение российского авангарда могло иметь тем пагубнейшие следствия, что армия адмирала Чичагова, стоявшая на биваках пред Борисовом, нисколько не была приготовлена к бою и для отступления своего имела один только мост на реке Березине длиной в 200 сажен.

Беспечность главной квартиры простиралась до того, что часть кавалерии в числе до 3000 человек отправлена была к деревне Веселово для фуражирования. От сего воспоследовало чрезвычайное замешательство, когда нельзя уже было более сомневаться о приближении неприятеля. Пехота, артиллерия и кавалерия, перемешавшись,

[1] *Примечание переводчика.* Адмирал Чичагов приказал авангарду своему под начальством генерал-майора графа Палена 2-го выступить 11 числа в 8 часов утра к местечку Бобру; через несколько часов и армия должна была следовать за ним. Подходя к деревне Лошнице, передовой разъезд авангарда открыл неприятельские колонны, тянувшиеся к городу Борисову, и, схватив несколько пленных, узнал, что вся армия Наполеона следует за ними только в одном переходе. Граф Пален немедленно донес о сем адмиралу Чичагову и просил у него подкрепления пехоты, ибо на всем пройденном авангардом пространстве за теснотою места кавалерией действовать было невозможно. Адмирал Чичагов пренебрег сими известиями в той уверенности, что против него находится только слабый отряд, почему и приказал авангарду удерживать занимаемое им место; со своей же стороны не токмо не принял никаких мер к подкреплению авангарда и к безопасности вверенной ему армии, но еще приказал послать кавалерию для фуражирования на левой стороне реки Березины около деревни Веселова.

Между тем граф Пален в ожидании ответа вступил в дело с неприятелем и, несмотря на все его усилия, упорно держался в деревне Лошнице. Наконец, видя чрезмерное превосходство неприятеля, все более и более усиливающегося приходящими к нему войсками, он предпринял отступление от Лошницы к Борисову. Неприятель бросился преследовать, а россияне, отступая шаг за шагом, храбро защищались и несколько раз отбивали его штыками, но коль скоро он сменил пехоту свою многочисленной кавалерией, то граф Пален приказал своей пехоте следовать по опушке леса, лежащего по левую сторону большой дороги; конная артиллерия, отступая на отвозах, по самой дороге, производила беспрерывный огонь, а кавалерия служила ей подкреплением. В таком порядке граф Пален отступал весьма медленно, беспрестанно посылая к адмиралу Чичагову донесения с требованием помощи, но сей, оставаясь при своем мнении, что неприятель не может быть в больших силах, не уважил оных. Между тем нападения неприятельские час от часу делались стремительнее. Граф Пален неоднократно отражал оные картечью и ружейным огнем, однако ж, опасаясь потерять артиллерию, приказал ей отступить сквозь кавалерию, а сей сделать несколько атак для удержания французов. Наконец неприятель, произведши решительное нападение густыми кавалерийскими колоннами, опрокинул российскую кавалерию, несмотря на огонь пехоты, стрелявшей ему во фланг, и, преследуя оную, отрезал 7, 14 и 38-й егерские полки, находившиеся в лесу. В 2 часа пополудни неприятель явился под самым Борисовом.

бросились на мост в величайшем беспорядке; несмотря на сие, по неожиданному счастью все войска и артиллерия благополучно перешли на правый берег реки и разломали мост за собой, оставив в добычу неприятелю весь обоз главной квартиры и часть обоза армии, стоявшего перед Борисовом[1]. Во время сего отступления послано было и к фуражирам приказание как наискорее возвратиться к полкам своим. Бросив связки с сеном, они построились в колонны и прибыли к Борисову, но, найдя сей город уже во власти неприятеля, принуждены были отступить ко двору Старому Борисову, при коем и соединились с вышеупомянутыми тремя егерскими полками, отрезанными от авангарда. Весь сей отряд, оставшийся на левом берегу Березины, нашелся бы в величайшей опасности, если б один поселянин из ближнего селения не показал брода при деревне Брилях, коим он и воспользовался для соединения с армией[2]. Корпус маршала Удино расположился у города Борисова. В сем деле россияне потеряли до тысячи человек, выбывших из строя. Того ж дня полковник Луковкин прибыл к селению Юшкевичам.

Простое описание сего происшествия ясно уже показывает, что адмирал Чичагов, выслав далеко вперед свой авангард и не приняв никаких мер к поддержанию его, поступил с неосторожностью, коей следствия могли соделаться гибельными для всей его армии.

Того ж 11 ноября Наполеон прибыл в местечко Бобр, а голова его колонны — к селению Наче. Маршал Виктор с двумя дивизиями своего корпуса пришел к Докнице; третья дивизия его прибыла к деревне Батурам. Граф Витгенштейн сильно теснил ее. Генерал-майор Фок перешел к Лукомлю. Корпуса графа Штейнгеля и Берга соединились при местечке Черее, в коем расположилась и главная квартира графа Витгенштейна. Генерал-майор Гарпе, следуя за движением неприятельского арьергарда, остановился между Череей и Батурами. Генерал-майор Властов, все еще стоявший при Холопеничах, отрядил поутру полковника Гернгроса со сводным гусарским, Платова 4-го и Пантелеева казачьими полками для занятия деревни Волковиски, лежащей между Холопеничами и большой Борисовской дорогой. В 3 часа пополудни пост сей атакован был сильным неприятельским отрядом корпуса маршала Виктора, отступавшим в сем направлении. Полковник Гернгрос отступил к деревне Узнацку, где и сошелся с генерал-майором Властовым, приспевшим к нему на помощь с одним егерским батальоном и двумя пушками. Тогда завязался довольно жаркий бой. Российская кавалерия, атаковав неприятельских стрелков, рассыпавшихся в кустарниках, опрокинула их на позади стоявшую пехотную колонну; сия последняя, построившись в каре, начала отступать в надежде соединиться с пехотной бригадой генерала Бельяра и одним Бергским легкоконным полком, приближавшимися к ней на выручку. Но российская кавалерия, сделав вторичную атаку, опрокинула неприятельскую кавалерию и вломилась в каре, между тем как несколько удачных пушечных выстрелов принудили к отступлению бригаду генерала Бельяра. Казаки преследовали неприятеля, потерявшего 1500 человек пленных, до деревни Узнацка. К ночи генерал-майор Властов возвратился к главным силам своего отряда, остававшимся при местечке Холопеничах[3].

---

[1] *Примечание переводчика.* Также и всех раненых, бывших в городе.

[2] Темнота ночи не позволила неприятелю преследовать.

[3] *Примечание переводчика.* Того ж дня майор Наумов, с одним эскадроном отряженный к деревне Колоднице, овладел подвозом с провиантом, принадлежащим неприятелю, и взял 218 человек пленных.

С другой стороны, генерал от кавалерии Платов[1] подошел уже под местечко Толочин, а генерал-лейтенант Ермолов[2] прибыл к селению Погосту. Фельдмаршал князь Кутузов с Главной армией подвинулся к деревне Морозову. Генерал Милорадович со своим авангардом перешел Днепр у города Копыса[3]. Он получил приказание идти к Толочину для усиления российских войск, назначенных преследовать неприятеля по большой дороге.

12 ноября Наполеон прибыл в селение Лошницу. Армия его начала собираться на высотах между деревней Немоницей и городом Борисовом. Адмирал Чичагов восстановил порядок в своей армии, расположенной на правом берегу реки Березины против Борисова. Генерал-майор Чаплиц со своим отрядом послан был к деревне Брилям с приказанием протянуть цепь постов к местечку Зембину для наблюдения верховья Березины. Отряд полковника Луковкина, усиленный Волынским уланским полком, конной артиллерийской ротой № 12 и половиной понтонной роты, поступил под начальство генерал-майора графа Орурка, коему и предписано было сделать ложную переправу при деревне Юшкевичах, дабы заставить неприятеля думать, будто адмирал Чичагов имеет намерение опять перейти на левый берег Березины. Генерал граф Витгенштейн еще не имел верных известий о движении Главной Французской армии, но, получив от адмирала Чичагова приглашение соединиться с ним в окрестностях Борисова, вознамерился идти прямо к сему городу, при коем Чичагов обещал поставить живой мост, дабы обеспечить соединение обеих армий. Маршал Виктор потянулся к деревне Ратуличам, оставив арьергард свой при Батурах. Генерал-майор Гарпе получил приказание атаковать оный обще с генерал-майором Властовым, коему также предписано было направиться от Холопеничей к Батурам[4]. Неприятельский арьергард расположился в двух верстах перед деревней Батурами по обе стороны большой дороги между двумя лесами, которые занял пехотой, а артиллерию свою поставил на высоте, находившейся в центре позиции. Российская пехота, войдя в леса с правой и левой сторон, принудила податься назад оба крыла неприятельских. С помощью сих движений гродненские гусары удачной атакой опрокинули центр неприятеля, который и был принужден отступить за Батуры, после чего генерал-майор Гарпе занял сию деревню[5]. Генерал-майор Властов

---

[1] С десятью казачьими, 1-м егерским полками и двумя ротами донской артиллерии.

[2] С 14 батальонами пехоты, двумя кирасирскими полками и двумя ротами артиллерии.

[3] Российским летучим отрядам дано было приказание прикрывать движение авангарда Главной армии, а именно: подполковнику Давыдову и полковнику Сеславину — слева; генералу Платову — спереди, по большой дороге; а капитану Фигнеру и генерал-майору Бороздину — справа. Между тем генерал-адъютант Голенищев-Кутузов содержал связь между армией графа Витгенштейна и передовыми войсками Главной армии. Отряд графа Ожаровского послан был к городу Могилеву.

[4] *Примечание переводчика.* Вследствие всего генерал-майор Гарпе вместе с рассветом атаковал неприятельские передовые посты, опрокинул их на пехотную дивизию генерала Дендельса, расположенную перед деревней Батурами.

[5] *Примечание переводчика.* Генерал-майор Гарпе атаковал лес, в коем находился правый фланг неприятеля, сперва сводным гренадерским батальоном 5-й пехотной дивизии, но вскоре подкрепил его еще батальоном Навагинского пехотного полка и охотниками дружины ополчения, причисленной к сему батальону, которые и потеснили неприятеля, несмотря на его сопротивление. Генерал-майор барон Дибич, в то время прибывший к авангарду, приказал артиллерии бить по центру и правому флангу французов, а потом отрядил два сводных гренадерских батальона 14-й дивизии, дабы, обойдя лесом левый фланг генерала Дендельса, они составили связь с отрядом генерал-майора Властова, который должен был прийти с той стороны. Петровский пехотный полк равномерно двинулся вперед по большой дороге. Неприятель, приметив движение российской

туда же прибыл ночью и, присоединившись к авангарду, принял начальство над оным. Граф Витгенштейн, выступив из Череи с корпусами графа Штейнгеля и Берга, прибыл к Холопеничам[1], где и нашел резерв, пришедший туда прямо из Лукомля. Генерал Платов, следуя по правую сторону большой Борисовской дороги, прибыл к селению Плоскому, генерал-лейтенант Ермолов — к местечку Толочину, а генерал Милорадович — к Староселью. Князь Кутузов с Главной армией перешел к городу Копысу.

Наполеон, уже приближаясь к Борисову, узнал о невозможности предупредить Дунайскую армию на реке Березине. В таком положении ему оставалось последнее и, можно сказать, отчаянное средство — оружием открыть себе путь с армией, физически и нравственно расстроенной сколько от недостатков всякого рода ею претерпенных, столько же и от ослабления дисциплины, неизбежного последствия оных. Однако ж и в сем положении, может быть, самом бедственном, в каком Наполеон когда-либо находился, великий полководец сей не потерял присутствия духа. Измерив оком гения всю великость опасности, он нашел еще средства к спасению там, где другой генерал, не столь искусный или не столь решительный, даже не воображал бы о существовании оных. Французская армия, усиленная корпусами маршалов Виктора, Удино, остатками дивизии генерала Домбровского и кадрами нескольких батальонов, на пути ею встреченных, представляла еще громаду в 80 000 человек, которая, несмотря на расстройство частей, ее составлявших, должна была в сем случае сражаться с тем отчаянием, каковое могут только дать врожденное чувство самохранения и крайняя необходимость искать спасения в победе. Дабы противостать усилиям сей громады, адмирал Чичагов имел в распоряжении своем только от 52 до 53 тысяч человек, в том числе более трети кавалерии, не способной действовать в лесистых и болотистых местах, прилежащих к реке Березине; следовательно, адмирал Чичагов в случае сражения мог располагать только двадцатью тысячами человек пехоты. Таковое превосходство неприятеля в силах само по себе представляло уже ему виды к успеху, которые Наполеон старался еще умножить, угрожая адмиралу Чичагову переправой в нескольких местах выше и ниже города Борисова, дабы тем побудить его разделить свои силы и, следственно, еще более себя ослабить. Ввечеру 12 ноября кавалерийские партии неприятельские пошли вверх по левому берегу Березины от города Борисова к деревне Веселово, между тем как головы его колонн, приходящих от Немоницы к Борисову, поворачивали налево, показывая вид, будто идут к местечку Нижнему Березину.

Таковые мнимые движения возымели ожиданный Наполеоном успех. Адмирал Чичагов обращал особенное внимание на нижнюю часть Березины, ибо он более всего опасался, чтобы неприятель, внезапно устроив переправу между Борисовом и Бобруйском, не успел пробраться к городу Игумену, откуда легко мог бы соединиться с ар-

---

колонны, посланной в обход, тотчас начал отступать. Тогда Гродненский гусарский полк, атаковав его центр, опрокинул оный к деревне Батурам. Российская артиллерия расположилась на высоте, прежде всего занятой неприятельскими орудиями; а Петровский полк, потянувшись влево, угрожал занять дорогу в местечко Бобр. Генерал Дендельс совершенно оставил поле сражения. Кавалерия генерал-майора Гарпе, усиленная вновь прибывшими казаками отряда Властова, преследовала французский авангард по дороге к Бобру и взяла у него 300 человек пленных. Россияне потеряли 183 человека, выбывших из строя.

[1] *Примечание переводчика.* Сии два корпуса оставались сперва в наблюдательном положении у местечка Череи, дабы тотчас подкрепить отряды генерал-майоров Гарпе и Властова в случае, если б маршал Виктор со всеми силами повернул назад для поддержания генерала Дендельса.

Смерть французского кирасира.
1812 г.

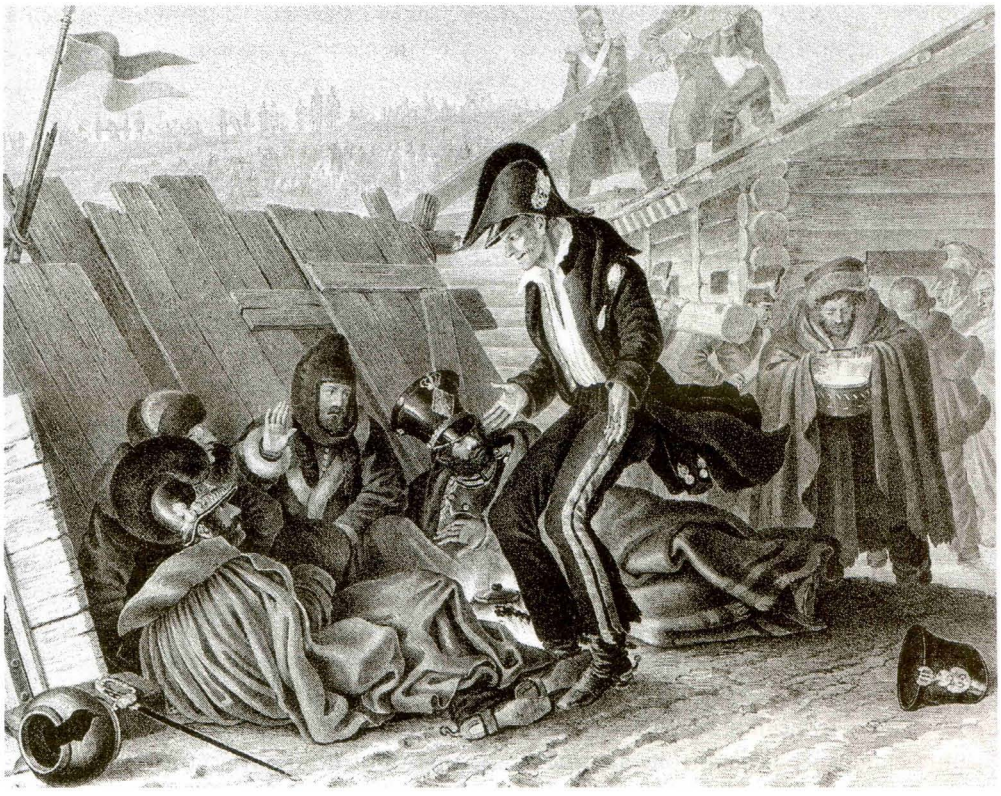
мией фельдмаршала князя Шварценберга. Причины сии побудили Дунайскую армию протянуться вправо. Генерал-майор граф Орурк получил приказание идти вниз по реке к местечку Нижнему Березину[1]. Адмирал сам выступил 13 ноября на рассвете с корпусом генерал-лейтенанта Воинова и резервом и прибыл к селению Шабашевичам. Авангард генерал-майора графа Палена, усиленный 12-м егерским полком из резерва, оставлен был пред Борисовом. Генерал-лейтенант Чаплиц равномерно остался у деревни Брилей. Кавалерия графа Орурка в ночи прибыла к местечку Нижнему Березину, но пехота его не могла пройти далее селения Уши.

Того ж дня вся Французская армия собралась на высотах Борисовских, кроме корпуса маршала Виктора, оставшегося в арьергарде при селении Лошнице. Наполеон, продолжая приводить россиян в недоумение, приказал делать ложные приготовления к переправе против деревни Брилей и при селении Ухолоде. Сии движения еще более утвердили адмирала Чичагова во мнении, что французский император делает приготовления к переправе в окрестностях Борисова только в намерении лучше скрыть движение войск своих к местечку Нижнему Березину. Вследствие сего убеждения предписал он генерал-лейтенанту Чаплицу соединиться с графом Паленом под Борисовом. Между тем прочие корпуса российские продолжали сближаться к реке Березине. Граф Витгенштейн прибыл к селению Барану, где и присоединился к нему генерал-майор Властов[2]; отряд из авангарда под начальством полковника Албрехта дошел до деревни Янчина[3]. Генерал Платов подвинулся к Слободке, беспрестанно собирая на пути

[1] *Примечание переводчика.* Оставя при деревне Юшкевичах полковника Луковкина с его казачьим полком для содержания постов вниз по реке Березине.

[2] Поскольку близость Главной неприятельской армии требовала осторожности в движениях, то генерал-майор Властов, отослав часть войск своих к армии, с другой частью до вечера оставался при деревне Батурах, дабы прикрывать косвенное движение, производимое армией графа Витгенштейна от местечка Холопеничей к Барану. Тогда узнав, что отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова, следовавший из Сенно, скоро прибудет к Батурам, он отозвал свою кавалерию, преследовавшую маршала Виктора, и в ночи присоединился к армии.

[3] 4-й Башкирский полк, вновь прибывший в главную квартиру графа Витгенштейна, послан был проселочной дорогой к деревне Веселово, дабы открыть сообщение с отрядом генерал-лейтенанта Чаплица, который полагали найти перед местечком Зембином.



Бивуак в Студене.
26 ноября 1812 г.

усталых неприятельских, которых от Орши попалось в руки его более 5000 человек. Генерал-лейтенант Ермолов перешел к деревне Малявке, а генерал Милорадович — к местечку Толочину. Главная российская армия дневала при Копысе[1].

Наполеон, приметив, что адмирал Чичагов заботился только о нижней Березине и, казалось, совсем пренебрег верховьями сей реки, решился не отлагать долее переправы своей при деревне Студенке, в 10 или 12 верстах выше города Борисова, где местоположение представляло большие удобности для устроения мостов. Высоты левого берега, на коих лежит деревня Студенка, выгодно повелевают противным берегом, где излучина реки образует болотистые луга, весьма удобные для построения армии под покровительством батарей, на левом берегу поставленных. Сильная стужа, опять наступившая 12 ноября, после небольшой оттепели, бывшей в предыдущие дни, много способствовала действиям неприятеля. Болота, прилежащие к Березине, затвердев от мороза, сделались проходимыми даже для артиллерии, и таким образом бедствие, от которого доселе Французская армия столько претерпевала, в сем случае соделалось одной из главнейших причин ее спасения.

[1] Генерал-адъютант граф Ожаровский, вступив в Могилев, захватил большой магазин с фуражом и до 34 000 кулей муки.

В ночь с 13 на 14 ноября маршал Удино выступил со своим корпусом, имея в авангарде дивизию генерала Домбровского. Прочие корпуса шли один за другим, а корпусу маршала Виктора дано было приказание следовать к городу Борисову, дабы долее держать россиян в недоумении, показывая вид, что сей центральный пункт не оставлен французскими войсками. Маршал Удино пришел к Студенке 14 числа на рассвете. Наполеон, лично прибыв к сей деревне, тотчас приказал переправиться вплавь нескольким польским кавалеристам и небольшому числу волтижеров для обозрения противного берега. В то время генерал-лейтенант Чаплиц, исполняя приказание адмирала Чичагова, был уже на марше к Борисову, а в окрестностях деревни Брилей осталось несколько казачьих постов. Наполеон приказал поставить на высотах у Студенки на батареях от 30 до 40 орудий и под прикрытием оных тотчас строить два моста: один — для повозок, а другой — для пехоты и заводных лошадей.

Генерал-лейтенант Чаплиц находился уже под самым Борисовом, когда получил от казаков своих донесение, что неприятель переправляется у Студенки. Он тотчас возвратился назад, но уже нашел французов так хорошо утвердившимися на правом берегу реки, что не мог надеяться опрокинуть их. К тому ж он и не осмелился сойти на болотистые луга, во всех направлениях обстреливаемые сильными неприятельскими батареями, с коими не в состоянии была бороться российская артиллерия, состоявшая из одних конных орудий несравненно меньшего калибра, а посему и благоразумно поступил, решившись только держаться в кустарниках, окружающих вышепомянутые луга и лежащих у подошвы Брильских высот. В продолжение большей части дня бой производился пушечной пальбой и огнем стрелков. Несмотря на усердие и деятельность французских саперов и понтонеров, постройка мостов по недостатку потребных к тому материалов производилась медленно, и оные только что к ночи были изготовлены. Тогда корпус маршала Удино тотчас перешел на правый берег Березины и атаковал отряд генерал-лейтенанта Чаплица. После жестокого боя россияне, принужденные уступить многочисленности неприятеля, оттеснены были за деревню Брили в направлении к Стахову, однако ж генерал-лейтенант Чаплиц, будучи подкреплен частью авангарда графа Палена, удержался в кустарниках, составляющих опушку большого леса, простирающегося между Брилями и Стаховым. Сие небольшое дело, в коем урон с каждой стороны состоял только человеках в 200, выбывших из строя, весьма важно было для Наполеона, ибо обеспечило его спасение, открыв ему Зембинскую дорогу. Того ж 14 ноября адмирал Чичагов дневал при Шабашевичах. Генерал-майор граф Орурк, соединив отряд свой у местечка Нижнего Березина, послал партию для разведывания неприятеля на левом берегу реки Березины. Сия партия дошла по дороге в местечко Белыничи до деревни Приборок, не встретив неприятеля. Все известия, какие она собрать могла, согласно подтверждали, что главные силы неприятеля находились в окрестностях города Борисова, и он нимало не помышлял ни о каком движении к Нижней Березине[1].

Граф Витгенштейн подвинулся к селению Кострице. Новый авангард его под начальством генерал-майора Властова, составленный из пяти казачьих полков, семи

[1] *Примечание переводчика.* При сем случае в селении Погост схвачен был эскадрон польских улан, из трех офицеров и 38 рядовых состоявший, у которого найдено было предписание от начальства следовать из-под Бобруйска прямо к Борисову на соединение с прочими неприятельскими войсками. Граф Орурк немедленно донес о сем адмиралу Чичагову.

Переправа через Березину

эскадронов кавалерии, семи батальонов пехоты и двух дружин ополчения с шестью пушками[1], дошел до деревни Жискова[2]. Генерал Платов, вышедший на большую Борисовскую дорогу, прибыл в Колпеницу, генерал-лейтенант Ермолов — к местечку Крупкам, а генерал Милорадович — к деревне Малявке. Фельдмаршал князь Кутузов с Главной армией, перейдя Днепр у Копыса, подвинулся к местечку Староселью. Поелику сия армия много потеряла людей и лошадей от утомительных переходов, ею произведенных, то фельдмаршал оставил у Копыса 144 орудия двенадцати артиллерийских рот, от коих люди и лошади послужили к пополнению остальных рот, следовавших за армией. 1-й кавалерийский корпус, составленный из гвардейских кавалерийских полков, равномерно оставлен был на Днепре, дабы мог оправиться и пополнить убыль свою в лошадях. Фельдмаршал с остатком армии, состоявшим из 3, 4, 5, 6 и 8-го пехотных корпусов, 4-го кавалерийского корпуса и кирасир, решился продолжать следование по левую сторону большой Борисовской дороги сколько для вернейшего продовольствия, столько же и для того, чтоб быть в готовности пресечь действия Наполеона в случае,

[1] Из полков 5-го Башкирского, Платова 4-го, Лощилина, Родионова и Чернозубова казачьих, сводного гусарского, Финляндского драгунского, 25-го и сводного егерских, Азовского пехотного, двух дружин Новгородского ополчения, вновь прибывших к армии, и шести орудий легкой роты № 9; всего из 5000 человек.

[2] Впереди Кострицы.

если б он обратился к югу. Поелику генерал Милорадович взял направление, в коем не мог более спереди прикрывать Главную армию, то и составлен был новый авангард из 4-го кавалерийского корпуса и полков 33-го егерского и Денисова казачьего под начальством генерал-адъютанта Васильчикова.

Мы уже видели, что адмирал Чичагов 14 ноября оставался при деревне Шабашевичах. Несмотря на известие, полученное им о переправе неприятельской у Студенки, он упорствовал во мнении своем, что то был только обман, дабы привлечь его к верховью реки Березины и побудить к ослаблению правого крыла своего, против коего Наполеон будет стараться совершить действительную переправу. Но разведывание, учиненное отрядом генерал-майора графа Орурка, о коем он получил донесение 15 числа рано поутру, наконец открыло ему глаза. Очевидно стало, что неприятель нимало не покушался на правое крыло Дунайской армии, и следственно, переправа у Студенки была не ложное, а настоящее действие. И так надлежало, не теряя времени, спешить туда, дабы противиться оному. Все войска адмирала Чичагова получили приказание обратно потянуться флангом влево. Генерал-майор граф Орурк перешел от Нижнего Березина к Юшкевичам. Сам адмирал с армией возвратился к предмостному Борисовскому укреплению и послал остаток авангарда генерал-майора графа Палена на подкрепление к генерал-лейтенанту Чаплицу, который все продолжал еще держаться в кустарниках ниже деревни Брилей.

Французская армия в продолжение целого дня (15 ноября) занята была переправой чрез реку Березину. Наполеон с гвардией своей также перешел на правый берег, но худое состояние мостов, которые часто подламывались, до того замедляло переправу, что при наступлении ночи еще не все корпуса успели совершить оную. Корпус маршала Виктора, назначенный прикрывать переправу с левого берега от нападения приближавшейся армии графа Витгенштейна, перешел от Борисова к деревне Студенке. Дивизия генерала Партуно, составлявшая арьергард сего корпуса, оставила Борисов не прежде 6 часов пополудни.

Граф Витгенштейн узнал 14 числа ввечеру, что неприятель переправлялся чрез Березину при Студенке, между тем как корпус маршала Виктора находился еще у города Борисова. Первая мысль его была идти прямо к Студенке, дабы опрокинуть все, что найдет на левом берегу реки и наверное отрезать корпус Виктора; но как прямая дорога из Кострицы к Студенке ведущая оказалась непроходимой для артиллерии, то и надлежало решиться взять направление к двору Старому Борисову с намерением или отрезать маршала Виктора, ежели он опоздал оставить город Борисов, или преследовать его в направлении к Студенке в случае, если он уже прошел за Старый Борисов. Генералу Платову сделано было приглашение содействовать предположенному нападению, напирая прямо по большой дороге из Колпеницы в Борисов.

15 ноября поутру генерал-майор Властов с авангардом выступил к Старому Борисову, за ним следовали главные силы армии. К трем часам пополудни Властов приблизился ко двору Старому Борисову[1]. Маршал Виктор уже миновал сие место с двумя дивизиями своего корпуса, но российский авангард разрезал здесь одну французскую колонну, не принадлежавшую к означенному корпусу, которая, видя приближение

[1] *Примечание переводчика.* Лежащему на дороге из города Борисова к деревне Веселово.

Переправа через Березину.
15 ноября 1812 г.

россиян, остановилась и построилась к бою у самого двора, но тут была атакована и опрокинута российским авангардом, а кавалерия оного, преследуя ее в направлении к деревне Студенке, отбила одну пушку и взяла несколько человек пленных[1]. Узнав от сих последних, что дивизия генерала Партуно, следовавшая в хвосте 9-го корпуса, еще не достигла Старого Борисова, граф Витгенштейн, между тем прибывший с корпусами генерал-лейтенантов графа Штейнгеля и Берга, сделал распоряжения свои к встрече отрезанной неприятельской дивизии. Армия, учинив перемену фронта влево, стала перпендикулярно к реке Березине лицом к Борисову. Правое крыло, состоявшее из авангарда генерал-майора Властова, поставлено было за двором Старым Борисовым[2], примыкая правым флангом своим к дороге в Студенку. Корпус графа Штейнгеля составил центр и левое крыло, протянутое в направления к деревне Дубене. Корпус Берга расположился в резерве за корпусом графа Штейнгеля. В сей позиции граф

[1] Генерал-майор Властов, поставив артиллерию свою против двора Старого Борисова, сильным картечным огнем привел в беспорядок неприятельских стрелков, стоявших при оном. Тогда сводный егерский полк, овладев двором, прогнал неприятеля за близ текущий ручей, а два батальона 25-го егерского полка, перешедшие сей ручей, довершили расстройство неприятеля. В самое сие время корпус графа Штейнгеля прибыл на место сражения. Французы отступили большей частью к деревне Веселово, а остаток рассеялся по лесам. Гродненский гусарский полк, подкрепивший войска генерал-майора Властова, преследовал неприятеля по дороге к городу Борисову, а казаки, поддерживаемые сводным гусарским полком, гнали его к Студенке.

[2] *Примечание переводчика.* Двор сей занят был отрядом стрелков.

Витгенштейн ожидал, какой ответ сделает неприятель чрез переговорщика, посланного к нему генерал-майором бароном Дибичем с требованием сдачи.

Начинало уже смеркаться. Генерал Партуно, удержав при себе офицера, присланного к нему для переговоров, продолжал движение свое с похвальным намерением открыть себе путь оружием. Гродненский гусарский полк, подкреплявший передовые казачьи посты графа Витгенштейна, был оттеснен, и генерал Партуно, став против Старого Борисова, параллельно позиции Российской армии, немедленно атаковал правое крыло и центр оной. Неприятельские колонны левого крыла, стремительно двинувшись вперед, овладели Старым Борисовом, несмотря на огонь российских батарей. Генерал-майор Властов тотчас противопоставил им Азовский пехотный и 25-й егерский полки, которые воспретили французам выступить из Старого Борисова. В центре Навагинский пехотный полк и две дружины Новгородского ополчения, приняв в штыки колонны неприятельские, опрокинули их и потом, переменив фронт вправо, ударили во фланг неприятеля, засевшего в Старом Борисове, и вместе с полками российского правого крыла выгнали его оттуда. Генерал Партуно, видя себя не в состоянии противиться превосходным силам, с коими должен был сражаться, начал отступать в направлении к городу Борисову, но оный находился уже во власти россиян. Генерал Платов, продолжая следовать по большой дороге, дошел до Борисова, не встретив на пути никаких препятствий, и в 10 часов пополудни занял сей город частью своих казаков обще с партизанским отрядом полковника Сеславина. Тогда французская дивизия, окруженная со всех сторон, нашлась в отчаянном положении, и генерал Партуно решился послать к графу Витгенштейну офицера с предложением сдаться на условие, но между тем как происходили переговоры по сему делу, он вознамерился уйти в надежде, что россияне, полагаясь на начатые переговоры, ослабили свою бдительность. На сей конец отделился он от своей дивизии с 400 человек вправо, дабы пробраться лесом, однако ж, наткнувшись на казачий Чернозубова полк, взят был в плен со всеми, при нем находившимися. Остаток его дивизии сдался на договор уже на другой день в 7 часов пополуночи. Генералы Бельяр, Камюс и Делетр положили ружье почти с 7000 человек, в числе коих было 800 человек хорошо сохраненной кавалерии, состоявшей из одного Саксонского и одного Бергского полка. Сверх того, взято было три пушки[1].

В ночь с 15 на 16 ноября генерал-лейтенант Ермолов также прибыл к городу Борисову. В ту же ночь адмирал Чичагов приказал навести понтонный мост при Борисове, и таким образом совершенно установлено было сообщение между армиями графа Витгенштейна, адмирала Чичагова и корпусами, отряженными от Главной российской армии.

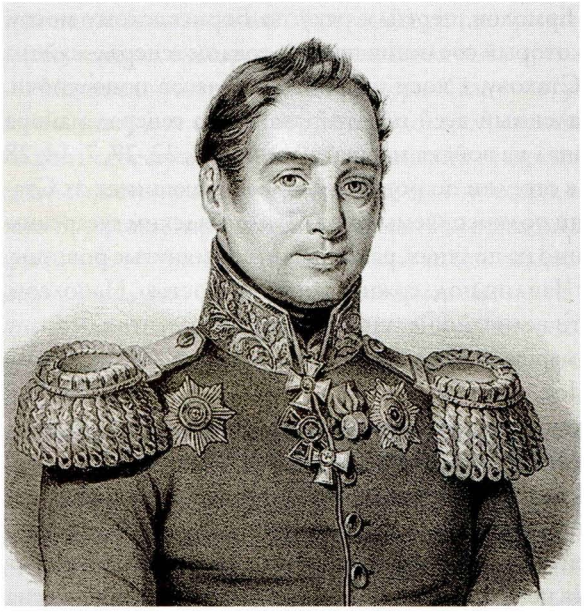
Российские генералы, собравшись в городе Борисове, условились произвести 16 числа общее нападение на неприятеля с обоих берегов реки Березины в одно время. Адмирал Чичагов, поддерживаемый отрядом генерал-лейтенанта Ермолова, взял на себя действовать на правом берегу, против части неприятельской армии, уже переправившейся чрез реку; а граф Витгенштейн располагался атаковать корпус маршала Виктора, оставшийся на левом берегу для прикрытия переправы войск, которую неприятель еще не успел окончить.

---

[1] *Примечание переводчика.* Дивизия генерала Партуно состояла из двух пехотных и одной кавалерийской бригад.

На рассвете генерал-лейтенант Ермолов, перейдя реку по Борисовскому мосту, следовал за адмиралом Чичаговым, который соединившись с отрядом генерал-майора графа Орурка, двинулся к деревне Стахову, к коей и прибыл в 9 часов пополуночи. Генерал-лейтенант Чаплиц, подкрепленный всей пехотой авангарда генерал-майора графа Палена, вместе с рассветом напал на войска маршала Удино. 12, 22, 27, 7, 14, 28 и 32-й егерские полки рассыпались в стрелки по рощицам, простирающимся от Стаховского леса до деревни Брилей. Они подкрепляемы были Павлоградским гусарским полком, расположенным поэскадронно на полянах, разделявших помянутые рощицы. В сем положении генерал-лейтенант Чаплиц поддерживал бой с живостью. Наполеон, видевший необходимость произвести величайшие усилия, дабы воспретить адмиралу Чичагову дойти до Брилей, усилил маршала Удино легионом Вислы и в то же время подкрепил его корпусом маршала Нея, который, в свою очередь, поддерживаем был гвардией. Маршал Удино, будучи ранен, сдал начальство маршалу Нею, а сей к 10 часам утра, построив кирасирскую дивизию генерала Думерка в колонну, двинул вперед сию громаду кавалерии, за коей в подкреплении следовали пехотные колонны с артиллерией. По несчастью адмирал Чичагов, прибыв к Стахову, остановился у сей деревни, отчего и последовало, что генерал-лейтенант Чаплиц, оставленный без помощи, не мог долее сопротивляться. Его стрелковая цепь была разорвана, опрокинута и принуждена отступать в направлении к Стахову с такой поспешностью, что не успела даже собрать около 600 человек егерей, бывших на ее левом фланге, которые и попали в плен неприятелю. Между тем адмирал Чичагов, наконец убежденный повторительными просьбами генерал-лейтенанта Чаплица, неотступно требовавшего у него подкрепления, решился послать к нему восемь пехотных полков 9-й и 18-й дивизии, поручив их под начальство генерал-лейтенанту Сабанеева, а как сии полки должны были проходить весьма лесистыми местами, то Сабанеев счел за нужное рассыпать в стрелки большую часть людей своих и в сем порядке двинулся на подкрепление генерала Чаплица. Неприятельская кавалерия, живо преследовавшая сего последнего, с решимостью бросилась также и на стрелков 9-й и 18-й пехотных дивизий, которые, оборотив тыл, опять ушли в лес, из коего только что выступили, и сей беспорядок мог бы иметь самые пагубные следствия, если б генерал-лейтенант Чаплиц, приняв личное начальство над двумя эскадронами павлоградских гусар, не произвел удачной атаки и не опрокинул неприятельской кавалерии. Пользуясь сим, российские генералы, начальствовавшие пехотой, восстановили в ней порядок и опять ввели ее в бой. Но неприятель уже выиграл место и успел овладеть выходом из леса; а корпус маршала Удино, став при сем выходе лицом к деревне Стахову, завязал весьма жаркий бой с войсками генерал-лейтенанта Сабанеева. За ним в подкреплении находились корпуса маршала Нея и князя Понятовского. Гвардия осталась у деревни Брилей, между тем как корпус маршала Даву уже потянулся к местечку Зембину. Корпус вице-короля Итальянского занят был еще переправой, которая час от часа делалась затруднительнее по причине, что один из мостов подломился, однако ж под вечер и сей корпус пошел к Зембину.

Бой в лесу между Брилями и Стаховым, сделавшийся весьма кровопролитным, продолжался с переменным успехом до 11 часов ночи. Маршал Ней удержался в своей позиции. Лесистое местоположение не позволяло адмиралу Чичагову употребить свою многочисленную кавалерию, почему в деле и находились одни только пехотные стрелки



Е. И. Властов (1769–1837)

и четыре пушки, поставленные на дороге из Стахова в Брили, против коих неприятель выставил такую же батарею. Потеря с обеих сторон была значительна: с неприятельской стороны ранены генералы Легран и Зайончек, сверх того, потеряли они до 5 тысяч человек убитых. Войска адмирала Чичагова провели ночь у Стахова и в лесу между сей деревней и Брилями. Генералы Ермолов и Платов также остановились при Стахове.

Между тем как сражались у Стахова, другое сражение происходило также и на левом берегу реки Березины. Авангард генерал-майора Властова выступил от Старого Борисова к Студенке в 5 часов пополуночи. За ним следовала первая линия корпуса генерал-лейтенанта Берга; вторая же линия оного, долженствовавшая идти в хвосте первой линии, по недоразумению осталась на месте. Корпус графа Штейнгеля оставлен был при Старом Борисове для обезоружения дивизии генерала Партуно. Генерал-майор Фок с резервом, находившийся еще у деревни Жискова, получил приказание также идти к Студенке[1].

Генерал-майор Властов, встретив передовые посты неприятельские у селения Бытчи, оттеснил их к Студенке, где и сошелся с главными силами маршала Виктора. Французский генерал расположил пехотные дивизии Жирара и Дендельса у деревни Студенки на высотах, которые уставил довольно многочисленной артиллерией. Фронт его прикрыт был ручьем, текущим чрез кустарники, а правый фланг примыкал к реке Березине; но как по недостатку войск он не мог протянуть своей линии к лесу, который мог бы служить защитой для его левого фланга, то сей фланг остался неприслоненным, и он принужден был прикрыть его двумя кавалерийскими полками под начальством генерала Фурнье. Генерал-майор Властов, построив полки свои параллельно позиции неприятельской на высотах левого берега ручья, послал полковника Гернгроса со сводным гусарским и казачьим Родионова полками для атакования левого фланга маршала Виктора. Казаки быстро пустились на неприятеля, но были встречены и отбиты генералом Фурнье, который, в свою очередь, опрокинут был сводным гусарским полком. Между тем генерал-квартирмейстер барон Дибич поставил против правого крыла неприятельского батарею о 12 орудиях, которая удачным действием своим привела в величайший беспорядок обоз,

[1] *Примечание переводчика.* Сам граф Витгенштейн находился в городе Борисове, дабы условиться с адмиралом Чичаговым о дальнейших действиях.

тянувшийся к переправе чрез реку Березину. Повозки, поспешно бросившись к мостам, стащились и перемешались до такой степени, что сделалось невозможным переправить оных, и весь обоз составил нестройную и неподвижную громаду, без всякой защиты подверженную жестокому истреблению, причиняемому в ней российской артиллерией. Маршал Виктор рассудил, что для обезопасения прохождения сего обоза не оставалось иного средства, как перейти из оборонительного положения своего в наступательное и тем отдалить российские батареи. На сей конец послал он против центра россиян пехотные колонны, которые, будучи опрокинуты огнем российской артиллерии, рассыпались в кустарниках, вдоль ручья лежащих, и снова выступили оттуда стрелковой цепью. 24-й егерский полк, высланный против сих стрелков, прогнал их. Тогда маршал Виктор двинул вперед свое правое крыло, покровительствуемое гвардейской батареей, поставленной на правом берегу Березины и бившей вкось по левому крылу россиян. В самое то время кстати подоспела первая линия корпуса генерал-лейтенанта Берга, дабы отразить сие нападение. Тридцать шесть орудий расставлены были вдоль российской линии, и левое крыло оной подкреплено сперва полками Севским пехотным, 1-м морским и 10-й дружиной С.-Петербургского ополчения, а позднее еще и Пермским полком. Правое неприятельское крыло отбито было с уроном, а конная рота № 23, поставленная на правом крыле россиян, принудила к отступлению кавалерию генерала Фурнье, которая и стала, загнув фланг (en potance) на высоте, близ мостов лежащей. Между тем прибыл от Жискова резерв генерал-майора Фока и расположился позади центра россиян, где неприятельские стрелки снова подвинулись вперед[1]. Генерал-майор Дибич послал против сих стрелков Низовский и Воронежский пехотные полки, которые, прогнав их за ручей, вслед за ними перешли его и овладели батареей, на противном берегу стоявшей; но маршал Виктор, двинув против сих двух полков свой резерв, составленный из пехоты и кавалерии, в свою очередь, опрокинул их, прогнал за ручей и, продолжая напирать, успел даже разорвать центр российской линии. Батарейная рота № 11, по приказанию генерал-майора Фока вовремя открывшая свое действие, тотчас остановила неприятеля, под покровительством огня оной два эскадрона кирасир и батальон Павловского гренадерского полка единовременно ударили на него; в то же время отбитые российские полки, опять построившись, возвратились в бой, и неприятель, совершенно опрокинутый, прогнан был за ручей. Когда таким образом дела восстановились в центре, то генерал-майор Фок с правым крылом, подкрепленным еще Могилевским пехотным полком, перешел ручей и устремился в левый фланг французов. Сие движение, равно как и огонь российской артиллерии, усугубившей скорость своего действия, побудили маршала Виктора к решительному отступлению. Он отвел всю свою линию посредством перемены фронта левым флангом назад и построил ее полукружием близ мостов. Наступившая темнота прекратила бой. Россияне расположились биваками на месте сражения. Ввечеру присоединилась к ним вторая линия корпуса генерал-лейтенанта Берга[2], а к ночи прибыл и корпус графа Штейнгеля.

---

[1] *Примечание переводчика.* Часть сего резерва назначена была к подкреплению правого крыла, дабы, протянув оное, обойти левый фланг французов; но как в сие время цепь неприятельских стрелков опять начала одолевать россиян в центре, то и надлежало сперва отразить их.

[2] *Примечание переводчика.* Сия линия под начальством генерал-майора Казачковского по недоразумению большую часть дня оставалась при Старом Борисове и прибыла к Студенке уже в самом конце сражения.

Российские войска, бывшие в бою при деревне Студенке, состояли не более как из 14 тысяч человек, а именно: из 4000 авангарда генерал-майора Властова, 4000 первой линии корпуса генерал-лейтенанта Берга и 6000 резерва генерал-майора Фока. Маршал Виктор равномерно имел в распоряжении своем около 14 000 человек. Урон, претерпенный армией графа Витгенштейна в делах 15 и 16 ноября, может быть положен в 4000 человек, выбывших из строя. В сих двух боях корпус маршала Виктора потерял два знамени, четыре пушки и около 11 000 человек пленных, считая вместе с 7000 дивизией генерала Партуно. Сверх того, неприятель потерял 5000 человек убитых, по большей части отлучившихся от команд своих и не принадлежавших к 9-му корпусу.

В ночь с 16 на 17 ноября Французская армия потянулась к местечку Зембину. В ту же ночь корпус маршала Виктора переправился чрез реку и равномерно пошел к Зембину, оставя на левом берегу Березины 12 пушек, 2000 человек усталых, попавшихся в плен россиянам, и чрезвычайное множество обоза, в коем войска графа Витгенштейна приобрели себе богатую добычу.

17 ноября неприятельская армия потянулась от Зембина к местечку Плещеницам; главная квартира Наполеона переведена была в село Камень. Адмирал Чичагов, желая хотя отчасти воспользоваться многочисленной своей кавалерией, не могшей действовать в лесных местах, в которых армия его принуждена была сражаться, еще накануне отрядил генерал-майора Ланскова с 20 эскадронами и одним казачьим полком[1], дав ему приказание опередить голову неприятельской армии и, истребляя по дороге мосты, чрез то замедлять ее движение. 17 числа около полудня генерал-майор Ланской, прибыв к Плещеницам, быстро напал на сие местечко и схватил в нем генерала Каминского с несколькими фурьерами[2], пришедшими туда для назначения императорской главной квартиры. Приближение неприятельских колонн принудило российского генерала оставить Плещеницы[3].

17 ноября на рассвете адмирал Чичагов, известившись об отступлении неприятельском, двинулся вперед к деревне Брилям и собрал на пути семь брошенных пушек и 3000 человек усталых неприятельских. Главные силы Дунайской армии не прошли далее Брилей; адмирал Чичагов удовольствовался тем, что послал для преследования французов авангард под начальством генерал-лейтенанта Чаплица, составленный из семи егерских полков, одного пехотного, 24 эскадронов регулярной кавалерии, восьми казачьих полков и трех рот конной артиллерии[4]. Поелику мосты на речке Гайне и болотах, к ней прилежащих, были истреблены неприятелем, то сей авангард был бы остановлен непреодолимыми препятствиями, если б речка и болота не замерзли от сильного мороза прошедшей ночи. Пользуясь сим, генерал-лейтенант Чаплиц перешел их по льду и преследовал неприятельский арьергард до корчмы Кабинской Рудни, где

---

[1] *Примечание переводчика.* С Белорусским и Александрийским гусарскими, Лифляндским драгунским и 3-м Уральским казачьим полками.

[2] 30 штаб- и обер-офицеров и 217 низших чинов.

[3] И принять влево, дабы снова опередить неприятеля.

[4] *Примечание переводчика.* Из полков 7, 14, 28, 10, 39, 38 и 27-го егерских, Нашебургского пехотного, Кинбурнского и Тверского драгунских, Дячкина, Киреева 2-го, Исаева 2-го, Грекова 8-го, Грекова 4-го, Мельникова 5-го, Луковкина 2-го и Барабанщикова 2-го казачьих и конных артиллерийских рот № 11, 12 и 13.

и остановился ночевать, отбив у неприятеля одну пушку и более 200 человек пленных, в том числе одного генерала[1].

Маршал Виктор на отступлении своем истребил мосты на реке Березине, почему граф Витгенштейн не мог перейти реку и принужден был довольствоваться тем, что подвинул авангард генерал-майора Властова на самый берег Березины, дабы действовать из орудий по неприятельским колоннам, еще находившимся на правом берегу сей реки.

Все пространство между деревней Студенкой и Березиной представляло ужасное позорище беспорядка и истребления. Равнина, замерзшими болотами на берегах реки образуемая, загромождена была повозками всякого рода[2], между коими бродило множество полузамерзших людей всякого пола и возраста, чрез разломание мостов преданных плачевной участи своей. Сии несчастные, подобно теням, скитающимся на берегах Стикса, устремляли отчаянные взоры свои на воды, представлявшие непреодолимую преграду к их спасению. Сохранив только одно чувство физического страдания, они заботились единственно об утолении мучений, претерпеваемых ими от голода и стужи. Здесь товарищи по бедствию с ожесточением оспаривали друг у друга отвратительные куски лошадиного мяса. Там толпы несчастных напрягали последние силы свои, чтобы развести огонь колесами от пороховых ящиков и прикладами ружей, еще заряженных. Взрывы, естественно происходящие от таковой неосторожности, довершали ужас сего зрелища и умножали число жертв, коими от действия артиллерии в бою, накануне происходившем, и от стеснения толпы у мостов во время переправы устлана была вся равнина.

Граф Витгенштейн по неимению понтонов при своей армии принужден был употребить присланные к нему вечером от адмирала Чичагова. Тотчас спустили их на воду, но лед, шедший по реке, и без того уже заваленной остатками неприятельских мостов, крайне замедлял наведение моста. Витгенштейн, остановленный сими препятствиями, решился действовать по крайней мере отрядами своей армии. Генерал-адъютант Голенищев-Кутузов, поступивший под его начальство и уже прибывший в окрестности города Лепеля с отрядом из 3300 человек кавалерии[3], получил приказание следовать чрез местечко Докшицы к Вильно. Отряд генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, равномерно присоединившийся к армии графа Витгенштейна, усилен был тремя казачьими полками, Гродненским гусарским полком с конной артиллерийской ротой № 1 и одним батальоном 23-го егерского полка, посаженным на лошадей, собранных у обывателей. Сей отряд, перейдя реку Березину выше деревни Кричина, взял направление чрез селения Камень и Замошье[4]. Генералы Платов и Ермолов имели дневку при Стахове.

---

[1] Неприятель потерял пленными одного генерала, 30 офицеров и 217 рядовых и до 150 человек убитых.

[2] *Примечание переводчика.* Правый берег реки Березины на пространстве более полуверсты квадратной так заставлен был неприятельским обозом, что три дружины ополчения должны были употребить целый день на оттаскивание повозок с дороги в стороны, дабы очистить проход для войск к месту переправы. В сем обозе, сверх богатой добычи войскам, найдено довольно церковных серебряных и других вещей, награбленных неприятелем в Москве.

[3] *Примечание переводчика.* Отряд сей состоял из полков лейб-гвардии казачьего, четырех Донских казачьих, одного Калмыцкого, одного Татарского, Изюмского гусарского и части Казанского драгунского полка с двумя орудиями конной артиллерии.

[4] 4-й и 5-й Башкирские полки, Подольский пехотный и 3-я дружина С.-Петербургского ополчения отправлены были в Витебск для проведения туда 13 000 пленных, взятых армией графа Витгенштейна в последних сражениях.

Переправа через Березину.
28 ноября 1812 г.

Из всего, здесь описанного, видно, что неприятель хотя и с честью произвел переправу свою чрез реку Березину, однако ж дорого заплатил за оную. На сей переправе он потерял 25 пушек, более 18 000 человек пленных и до 12 000 убитых, считая с утонувшими в реке. Сии потери тем чувствительнее были для неприятеля, что оные понесены наиболее корпусами маршалов Виктора и Удино, которые одни только и сохраняли еще некоторое подобие устроенного войска, и после сего вся армия Наполеона пришла в такой беспорядок, что 50 000 человек, еще остававшиеся в оной, следовали уже не корпусами, но нестройными толпами, не признающими более никакого закона дисциплины; все усилия высших начальников восстановить хотя наружность порядка, остались тщетными.

Генерал Милорадович, от самого местечка Толочина следовавший по большой Борисовской дороге, остался далеко позади, почему и не мог участвовать в делах при реке Березине. 15 ноября подвинулся он к селению Крупке, а 17-го прибыл к городу Борисову.

Главная российская армия продолжала движение свое по левую сторону большой дороги. 15 числа князь Кутузов прибыл в местечко Круглое; авангард его под начальством генерал-адъютанта Васильчикова пришел к Цецержину. 16-го Васильчиков перешел к селению Ухвале, а князь Кутузов с армией — к Хомрам. 17-го армия прибыла к Михеевичам, а генерал-адъютант Васильчиков — к Вышнему Городно. На другой день армия имела дневку, но Васильчиков дошел до селения Ухолоды на реке Березине.

18 ноября главная квартира Наполеона переведена была в местечко Плещеницу. Генерал-лейтенант Чаплиц, преследуя арьергард неприятельский за местечко Зембин, отбил у него семь пушек и до 400 человек пленных[1]. Армия адмирала Чичагова дневала у деревни Брилей. Ввечеру поспел мост, наводимый для армии графа Витгенштейна.

19 числа главная квартира Наполеона переведена была в деревню Стайки. Генерал Платов, обще с генерал-лейтенантом Чаплицом преследовавший арьергард неприятельский до деревни Хотавичей, отбил у него пять пушек и более 500 пленных[2]. Адмирал Чичагов с Дунайской армией прибыл к местечку Зембину. Граф Витгенштейн со своей армией оставался еще у деревни Студенки, чтобы дать пройти обозу армии Чичагова, загромоздившему Зембинскую теснину. Он довольствовался тем, что перевел за реку Березину авангард под начальством генерал-майора Властова, составленный из пяти батальонов, шести эскадронов и одного казачьего полка с 14 орудиями; всего почти из 3500 человек[3]. Генерал-майор Властов дошел до селения Камня.

20 ноября генерал-лейтенант Чаплиц подвинулся к деревне Старинкам. Неприятельский арьергард, пользуясь весьма лесистым местоположением, защищался на каждом шагу. Однако ж у него отбиты были еще одна пушка и до 400 человек пленных[4]. Армия Чичагова прибыла к местечку Плещеницам. Армия графа Витгенштейна присоединилась к авангарду своему при деревне Камне. Генерал Милорадович выступил из-под Борисова к селению Юрьеву.

В предыдущей главе уже сказано, что генерал Вреде с неприятельским 6-м корпусом стоял у местечка Докшиц. По приближении отряда генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова сей корпус начал отступать чрез Долгинов к городу Вилейке. Однако ж арьергард его настигнут был 20 ноября при Долгинове авангардом Голенищева-Кутузова под начальством полковника Тетенборна, который и взял у него до тысячи человек пленных[5]. Того ж дня генерал-адъютант Голенищев-Кутузов с главными силами своего отряда подвинулся к местечку Верхнему Березину.

21 числа Наполеон прибыл в местечко Молодечно. Неприятельский арьергард, теснимый генералами Платовым и Чаплицом, прогнан был за селение Лотыголь с потерей девяти пушек и 1500 человек пленных[6]. Адмирал Чичагов дневал в Плещеницах, а граф Витгенштейн — в Камне[7]. Генерал Милорадович перешел к деревне Косину.

Фельдмаршал князь Кутузов лишь уведомился, что неприятель, перейдя реку Березину, направил отступление свое к Вильно, то и сделал следующие распоряжения: граф Витгенштейн получил приказание следовать по правую сторону дороги, взятой

---

[1] *Примечание переводчика.* Преследование продолжалось до глубокой ночи, и россияне, вытеснив неприятеля из Плещениц, заняли сие местечко. При сем случае генерал-майор Греков 8-й был ранен. Неприятель потерял семь офицеров и 380 рядовых пленных и до 400 человек убитых.

[2] По журналу генерал-квартирмейстера Толя взяты в плен 15 офицеров и 1419 человек рядовых, отбито шесть пушек и 20 зарядных ящиков. Потеря неприятеля убитыми простиралась до трех человек.

[3] Из полков казачьего Платова 4-го, 24-го егерского, одного батальона 23-го егерского, Литовского пехотного, Финляндского и сводного драгунских, восьми орудий батарейной роты № 28 и шести орудий легкой роты № 11.

[4] *Примечание переводчика.* Неприятель потерял убитыми до 120 человек, пленными 15 офицеров и 400 человек нижних чинов. Сверх того, отбиты у него одно орудие и восемь зарядных ящиков.

[5] В том числе 26 офицеров.

[6] По журналу генерал-квартирмейстера Толя, неприятель потерял пленными одного генерала, 32 офицера и 1500 человек нижних чинов, два знамени, 10 орудий и до 30 зарядных ящиков, убитыми до 300 человек.

[7] В ожидании своей артиллерии, не могшей прийти накануне.

неприятелем, и стараться пресечь сообщение Главной Французской армии с корпусом маршала Макдональда. Адмирал Чичагов должен был по-прежнему преследовать по пятам Главную неприятельскую армию. Генералу Платову предписано было взять влево, дабы тревожить отступление неприятеля, нападая на него сбоку и стараясь даже опередить голову его колонн. Генералу Милорадовичу назначено идти чрез местечки Логойск, Радошковичи, Холхлы, Забрез, Ольшаны, Малые Солешники и Рудники на город Троки, дабы следовать между армией адмирала Чичагова и Главной российской армией, которая по переправе чрез Березину при деревне Жуковце должна была идти чрез местечки Смолевичи, Мичаны, Заслав, Раков, Воложин, Вишнев, Ольшаны, Малые Солешники и Рудники на город Троки, дабы препятствовать соединению корпуса фельдмаршала князя Шварценберга[1] с остатками Главной Французской армии[2].

22 числа Наполеон прибыл в местечко Бениц. Неприятельский арьергард, неотступно преследуемый генералами Платовым и Чаплицом, прогнан был к местечку Молодечне с потерею восьми пушек и до 500 человек пленных[3]. Адмирал Чичагов прибыл в местечко Иллию, а граф Витгенштейн — в деревню Хорошеву[4]. Генерал-адъютант граф Орлов-Денисов настигнул корпус генерала Вреде у города Вилейки и после неважного боя принудил его продолжать свое отступление, которое генерал Вреде в следующие дни направил чрез местечки Нарочь, Нестявишки, Свиранки и Немечин к Вильно. Граф Орлов-Денисов, получив приказание опять присоединиться к Главной армии, сдал войска, которыми граф Витгенштейн подкрепил его, генерал-майору Бороздину, присланному к нему на смену. Генерал Милорадович перешел к местечку Логойску.

23 ноября Наполеон прибыл в город Сморгони. Арьергард его покусился было держаться у местечка Молодечны за речкой Ушей, но генерал-лейтенант Чаплиц, перейдя сию речку в трех верстах ниже Молодечны, успел отрезать часть неприятельского арьергарда, остатки коего преследуемы были до местечка Маркова[5]. В сей день неприятель потерял 34 орудия и 2500 человек пленных[6]. Генерал Платов, соображаясь с данным ему приказанием, повернул влево. Адмирал Чичагов прибыл к местечку Молодечне, а граф Витгенштейн — к Долгинову.

Между тем бедствия, претерпеваемые неприятельской армией, со дня на день увеличивались. Казалось, что провидение ужаснейшие из них сберегало для того, чтобы

---

[1] *Примечание переводчика.* Находившегося в окрестностях Слонима.

[2] Передовой отряд генерал-адъютанта Васильчикова имел приказание следовать по тому же направлению в малом переходе впереди армии. Генерал-адъютант граф Ожаровский со своим летучим отрядом должен был слева прикрывать движение Главной армии, следуя чрез Новогрудок к местечку Белице. Прочие все партизаны — капитан Фигнер, полковник Сеславин и подполковник Давыдов — получили повеление, не занимаясь более неприятелем, идти прямым путем к Ковно и Гродно, дабы, предупредив неприятеля на сих пунктах, действовать потом сообразно с обстоятельствами.

[3] *Примечание переводчика.* Неприятель, сжегши мост при местечке Молодечне, защищал переправу до глубокой ночи, что и принудило генерал-лейтенанта Чаплица остановиться для ночлега. В ночь прибыл к нему адмирал Чичагов с прочими корпусами своей армии.

[4] С сего дня по причине жестокой стужи войска графа Витгенштейна начали располагаться для ночлегов по деревням в тесных квартирах, прикрытых авангардом, который шел в одном переходе впереди главных сил армии.

[5] Плотина, ниже местечка Молодечны отысканная, доставила генерал-лейтенанту Чаплицу возможность в 4 часа пополуночи переправить чрез речку Ушу всю свою кавалерию, встревожить неприятеля, находившегося в Молодечно, и захватить значительную часть его арьергарда. К рассвету построены были мосты, по коим переправились и прочие корпуса армии адмирала Чичагова.

[6] 30 офицеров и до 9500 человек пленных, 24 орудия и 30 зарядных ящиков, брошенных на дороге.

В окрестностях Сморгони.
3 декабря 1812 г.

обрушить оные на французов под конец их отступления. По мере приближения сей армии к Вильно морозы постепенно увеличивались. От них погибало по несколько сотен человек в день. Таковая смертность была тем ужаснее, что выходила из всякой соразмерности с числом уже столь ослабленной неприятельской армии. Дороги покрыты были несчастными, которые, истощив силы свои от продолжительного голода, делались тем неспособнее к выдержанию суровости времени года. Зрелище сих бедствий и невозможность отвратить оные побудили французского императора оставить свою армию, коей уничтожение сделалось неизбежным. 23 ноября все первенствующие чины собраны были в главную квартиру — город Сморгони. Наполеон объявил им, что в отсутствие свое поручает начальство над армией королю Неаполитанскому, и того ж дня отправился по почте в Париж в сопровождении нескольких из своих генералов. О сем отъезде судили различно. Впрочем, в оправдание Наполеона может служить, что он был не токмо предводитель оставляемой им армии, но вместе с тем и государь, от коего зависела участь целой Франции. Из сего следует, что в тогдашних обстоятельствах главный долг его требовал более печься о безопасности обширного государства, им управляемого, нежели оставаться бесполезным свидетелем уничтожения остатков своей армии, а для выполнения сей обязанности он должен был отправиться в Париж, дабы присутствием своим ускорить составление новых ополчений, сделавшихся необходимыми для замещения потерянной им превосходной армии.

Главная российская армия, опять выступив 19 ноября, переправилась чрез реку Березину у деревни Жуковца и прибыла к селению Уше. Генерал-адъютант Васильчиков

со своим авангардом, равномерно перейдя Березину при городе Борисове, подвинулся к деревне Уперевичам. 20 числа фельдмаршал князь Кутузов с Главной армией подвинулся к Раванице, а генерал-адъютант Васильчиков — к Скурцу. 21-го армия имела роздых, а Васильчиков перешел к деревне Старине, близ почтовой станции Юхновки, где на другой день имел роздых.

Главнокомандующий вознамерился лично сблизиться к второстепенным армиям своим, по стечению обстоятельств сделавшихся главными действующими, для управления движениями оных. Вследствие сего 22 числа перешел он с главной квартирой своей в деревню Косин, на другой день — в Белоручь, а 24-го прибыл в местечко Радошковичи, где и примкнул к авангарду генерала Милорадовича.

Главная армия, над коей в отсутствие фельдмаршала принял начальство генерал от кавалерии Тормасов, перешла 22 числа к селению Шипанам, 23-го прибыла к Дубовикам, а авангард генерал-адъютанта Васильчикова — к Дубовлянам. 24-го армия подвинулась к городку Тишкевича, Васильчиков — к Лапоровичам. На другой день как армии, так и авангард имели роздых.

Мы уже видели, что адмирал Чичагов послал генерал-майора Тучкова 3-го для принятия начальства над корпусом генерал-лейтенанта Эртеля, находившимся у города Мозыря. Генерал-майор Тучков, выступив из Мозыря с 15 батальонами, 14 эскадронами, двумя казачьими полками и двумя ротами артиллерии, направился к городу Борисову. 15 ноября перешел он к Бобруйску, 18-го — к Поболову, 20-го — к Голынке, 22-го — к Свислочи и 23-го прибыл к селению Якшицам. Здесь получил он от фельдмаршала приказание идти к Минску.

Генерал-лейтенант Эссен 3-й, имевший повеление присоединиться с корпусом своим к адмиралу Чичагову на реке Березине, следуя от местечка Ратно, где он находился 17 ноября, чрез Пинск, узнал, что сей последний город занят был австрийцами, почему и счел за нужное сделать большой обход. 19 ноября пришел он к селению Датину, 20-го — к Черемошке, 21-го — к Велицку, 22-го — к Боровичам и 23-го — к местечку Колкам на реке Стыре, где и дневал 24 и 25 числа.

Переправа Французской армии чрез реку Березину есть происшествие столь важное и подало повод к столь многим противоположным суждениям, что военные люди всех земель, верно, довольны будут, если представим здесь критический разбор военных действий в сию достопамятную эпоху войны 1812 года.

Описание, нами сделанное, представляет верное изображение ужасных потерь, коими неприятельская армия искупила сию знаменитую переправу, однако ж справедливость требует сказать, что самое событие не соответствовало надеждам, которые движение второстепенных армий российских на сообщения неприятеля внушало россиянам, ибо они полагали, что все пути к возвращению Наполеона и его войск будут пресечены. Испровержение сих надежд произвело почти всеобщее неудовольствие против российских генералов, ибо общественное мнение возлагало на них ответственность за несовершенное исполнение предположенного предначертания действий. Адмирал Чичагов, по несчастью своему находившийся в виду более прочих, первый был обвинен; но граф Витгенштейн, да и сам фельдмаршал князь Кутузов не избежали упреков. Все они трое были то осуждаемы, то защищаемы военными людьми или теми,

которые считают себя таковыми. Спор по сему предмету сделался тем сильнее, что личность, вмешавшись в оный, не замедлила поставить пристрастные суждения свои на место разбора, основанного на истинных правилах военной науки. Мы представим читателю сперва обвинения, сделанные против каждого из трех российских генералов в особенности, а потом постараемся доказать неосновательность оных.

Адмирала Чичагова обвиняли, что он наиболее способствовал прорыву наполеоновой армии, упустив надлежащим образом защищать реку Березину между деревней Веселово и городом Борисовом.

Графа Витгенштейна упрекали в том, что не помышлял войти в непосредственное сообщение с адмиралом Чичаговым, как то предписано было в данном ему наставлении, и не соединился с сим последним, выступив от местечка Чашников к Борисову по правому берегу реки Березины.

Все жалобы на фельдмаршала князя Кутузова клонились на мнимую медленность движения Главной российской армии от города Красного к реке Березине. Утверждали, что если б фельдмаршал оказал более деятельности, то мог бы еще приспеть для нападения с тыла на Французскую армию в то время, когда она занята была переправой.

Касательно адмирала Чичагова надлежит вспомнить, что у него было только 32 000 человек, с коими он должен был препятствовать переправе 80 000 армии на пространстве 80 верст, считая от деревни Веселова до местечка Нижнего Березина. Он не мог в равной мере охранять все приступные места сей длинной линии, не раздробив сил своих и, следовательно, не подвергнув их вероятному истреблению. Итак, Чичагов должен был ограничить себя тем, чтобы в особенности наблюдать ту часть своей оборонительной линии, где неприятель мог получить более существенных выгод от своей переправы; но мы уже видели, что направление к городу Игумену, дававшее Наполеону возможность соединиться с армией фельдмаршала князя Шварценберга, был тот самый путь, который более прочих надлежало закрывать от неприятеля. Вследствие сего рассуждения очевидно, что несправедливо было бы осуждать адмирала Чичагова за то, что обратил внимание свое вниз по реке Березине. Те же самые рассуждения оправдывают и движение к селению Шабашевичам, произведенное им единственно в намерении не допустить неприятеля обойти себя с правого фланга. Впрочем, то неоспоримо, что сие движение соделалось одной из главных причин, споспешествовавших переправе Наполеона чрез Березину[1]; но если судить только по событиям, то

[1] *Примечание генерал-квартирмейстера Толя.* Французский генерал Гильом де Водонкур в сочинении своем Memoirei poor eprrir al'Hiftroire de 1a guerre entre la France et la Buseie (*Записки касательно истории войны между Францией и Россией в 1812 году*) уверяет, что *князь Кутузов сам отвлек адмирала Чичагова от Зембина, дав ему приказание сблизиться к местечку Нижнему Березину и деревне Уше, а потом обвинил его, зачем не был он на месте переправы неприятельской.* Чтобы доказать несправедливость показаний генерала Водонкура, не излишним считаю приложить при сем список с двух отношений князя Кутузова к адмиралу Чичагову. 10 числа ноября фельдмаршал, находясь в деревне Ланниках, между городом Красным и Копысом, отправил к адмиралу Чичагову флигель-адъютанта Орлова с отношением следующего содержания: *Посылаемый при сем к Вашему Высокопревосходительству флигель-адъютант гвардии поручик Орлов объяснит Вам на словах расстроенное положение Главной неприятельской армии. Между тем из полученных известий видно, что Наполеон сего 8 числа выступил с гвардией своей из Орши к Коханову, из чего заключить должно, что и армия его пойдет в сем же направлении. Генерал от кавалерии Платов, подкрепленный авангардом генерал-лейтенанта Ермолова, из 14 батальонов пехоты, двух полков кирасир и двух рот артиллерии состоящим, идет по пятам неприятеля; а Главная армия сего 12 числа переправится чрез Днепр при Копысе и пойдет в направлении чрез Староселье, Белыничи и Погост.*

весьма часто придется осуждать наилучше обдуманные соображения, и что сказали бы те, которые столь упрекают адмирала Чичагова, если бы он, вместо того чтобы идти к Шабашевичам, потянулся к Зембину, а Наполеон, напротив того, переправился бы чрез реку при деревне Ухолоде или при Бегах? Между тем должно согласиться, что в сих местах он встретил бы не более препятствий, сколько нашел при Студенке.

Осуждающие графа Витгенштейна судят столь же неосновательно. Чтобы укорять его: зачем не вступил в непосредственное сообщение с адмиралом Чичаговым и не соединился с ним? — надлежит или по незнанию, или с умыслом не принимать в уважение затруднительности местоположения той страны. Если бы они захотели обратить на сие внимание свое, то усмотрели бы, что сколько сообщения удобны и часты на левом берегу Березины, столько же оные редки и затруднительны на правом берегу сей реки. Единственная удобная дорога на сем последнем берегу, из города Лепеля чрез местечки Докшицы и Плещеницы в Борисов ведущая, составляет великий обход, более чем в 160 верст, между тем как по левому берегу реки от Лепеля до Борисова считается только

Главной армии авангард под командой генерала Милорадовича, состоящий из 2-го и 1-го пехотных корпусов, 2-й кавалерийской дивизии и четырех казачьих полков, переправясь 11 числа, пойдет в направлении чрез Староселье на Толочин, где соединятся оба наши авангарда и составят значительную массу войск, вслед за неприятелем стремящихся. Вследствие сего Ваше Высокопревосходительство усмотрите, что если граф Витгенштейн, будучи удержан Виктором и Сент-Сиром, и не был бы в состоянии содействовать нам в поражении неприятеля, то Вы соединенно с генерал-лейтенантом Эртелем и генерал-майором Лидерсом довольно сильны будете, чтобы разбить бегущего и теснимого от меня неприятеля, который почти без артиллерии и кавалерии. Легко быть может, что Наполеон, видя невозможность очистить себе путь чрез Борисов к Минску, повернет от Толочина или Бобра на Погост и Игумен и захочет пробраться на Волынь, для чего не излишне было бы наблюдать его партизанами, дабы заранее быть извещенным о его движении и тем его предупредить.

Флигель-адъютант Орлов с сотней казаков, пробираясь сквозь неприятельскую армию, встретил на пути столько затруднений, что 12 ноября только что прибыл в местечко Круглое на реке Друце, а между тем 13 числа адмирал Чичагов уже потянулся вниз по Березине к деревне Шабашевичам.

13 ноября фельдмаршал послал к адмиралу Чичагову другое отношение: *После сильного поражения неприятеля при Красном Главная неприятельская армия направилась на Оршу и, перейдя Днепр при сем месте, оставила оный город 9 числа. Генерал Платов с 15 казачьими полками и генерал-майор Бороздин с шестью следуют по бокам отступающего неприятеля, между тем как генерал Милорадович с главным авангардом армии, состоящим из 64 батальонов пехоты и одного корпуса кавалерии, следует по пятам неприятеля. Без сомнения, Наполеон, отступая чрез Коханов и Толочин к Бобру, присоединит к себе Сент-Сира и Виктора, вследствие чего и предписано от меня графу Витгенштейну соединенно с генерал-адъютантом Голенищевым-Кутузовым, не упуская его из виду, следовать быстро за ним. Ваше Высокопревосходительство усмотреть изволите, что по мере соединения сил неприятельских в направлении к Борисову сблизятся и наши силы для нанесения решительного и, может быть, последнего удара неприятелю. Если Борисов уже занят неприятелем, то вероятно, что он, переправясь чрез Березину, пойдет к Вильно прямейшим путем, ведущим чрез Зембин, Плещеницы и Вилейку. Для предупреждения сего необходимо, чтобы Ваше Высокопревосходительство заняли отрядом дефиле при Зембине, в коем удобно удержать можно гораздо превосходнейшего неприятеля. Главная наша армия от Копыса пойдет чрез Староселье и Цецержин к местечку Нижнему Березину: во-первых, для того чтобы найти лучшее для себя продовольствие; во-вторых, дабы упредить неприятеля, если б пошел он от Бобра чрез Березино на Игумен, чему многие известия дают повод к заключениям. Ниже города Борисова в 8 верстах при деревне Ухолоде находятся весьма удобные броды для прохода кавалерии.*

Из сих двух отношений очевидно, что адмирал Чичагов не получал от главнокомандующего предписания следовать к Нижнему Березину; напротив, ему приказано было наблюдать неприятеля вниз по реке только партизанами, обращая внимание свое более на теснину при Зембине. Впрочем, и второе отношение не могло иметь никакого влияния на действия адмирала Чичагова, ибо, как выше сказано, 13 ноября на рассвете он потянулся к деревне Шабашевичам, приказав генерал-лейтенанту Чаплицу оставить Зембин и перейти к городу Борисову, а 14 числа поутру неприятель начал уже переправляться при Студенке, между тем как повеление фельдмаршала, отправленное 13 числа из города Копыса, никоим образом не могло прийти к адмиралу Чичагову прежде, как 14 числа вечером.

75 верст. Сие обстоятельство доставляло очевидную выгоду для неприятеля, ибо он действовал по хорде той дуги, по коей российские генералы должны были следовать, дабы согласить свои действия. Особенно должно заметить, что граф Витгенштейн, удерживаемый корпусом маршала Виктора, находившимся в готовности составить авангард Главной Французской армии, не прежде мог оставить берега речки Улы, как совершенно удостоверившись, что Наполеон не повернет в ту сторону; достоверность же сию не мог он получить прежде, как по отступлении Виктора от местечка Череи к Толочину, о котором он известился только 10 ноября. Если бы в сие время граф Витгенштейн пошел чрез Докшицы для соединения с адмиралом Чичаговым на правом берегу Березины, то не поспел бы вовремя и в решительный час без всякой пользы лишил бы адмирала Чичагова того содействия, которое хотя и не произвело желаемого последствия, однако ж столь много способствовало к увеличению урона, понесенного неприятелем.

Наконец, в ответ на упреки, делаемые фельдмаршалу князю Кутузову в рассуждении излишней медленности движения Главной армии, мы испрашиваем свидетельства тех, кои сами находились при ней во время сего тяжкого похода. Они верно сознаются, что войска, составлявшие сию армию, после необычайных трудов, ими понесенных, до того изнурились, что невозможно было делать с ними усиленных переходов, не подвергнув верной погибели армию, которая и без того уже оставила позади почти половину людей своих и в коей вместе с авангардом генерала Милорадовича и отрядом генерал-лейтенанта Ермолова состояло тогда налицо не более 45 000 человек. Кроме сего, надлежит принять в уважение, что фельдмаршалу тем труднее было настигнуть неприятеля на реке Березине, что, будучи удержан необходимостью заботиться о поражении корпуса маршала Нея, он не мог выступить из-под города Красного прежде 7 ноября, а Наполеон в тот же самый день уже переправлялся чрез Днепр в Орше. Следовательно, французский император имел уже много переду пред россиянами и к тому еще шел по дороге самой кратчайшей, по коей россияне не могли бы следовать всеми силами по причине совершенного недостатка в продовольствии.

Но не заключить ли из вышесказанного, что мы желаем утверждать, будто российские полководцы вовсе не подлежат осуждению? Начав сей разбор единственно для пользы военной науки, намерение наше было только показать неосновательность упреков, против них обращенных; но мы полагаем, что можно бы привести основательнейшие обвинения против российских генералов и доказать, что они не сделали всего, что по тогдашним обстоятельствам могли бы сделать для воспрепятствования действиям неприятельским: во-первых, нельзя не признаться, что адмирал Чичагов производил движения свои с медленностью, имевшей пагубное влияние на общий ход действий. 15 ноября рано поутру он уже имел достоверное известие, что неприятель производил у деревни Студенки действительную переправу, и тотчас выступил для сопротивления оной, но некстати остановился у предмостного укрепления борисовского. От деревни Шабашевичей до сего укрепления считается 20 верст, а от оного до деревни Брилей оставалось перейти только 12 верст. Всякий согласится, что переход в 32 версты нельзя назвать весьма усиленным и что вследствие сего адмирал Чичагов мог бы присоединиться к отряду генерал-лейтенанта Чаплица того ж 15 числа ввечеру. Если б в то время он решительно атаковал французские войска, найденные им на правом берегу Березины, то мог бы надеяться одержать над ними значительную поверхность, тем более что близ

половины Французской армии оставалось еще за сей рекой. На другой день адмирал Чичагов не оказал большей деятельности: остановясь без нужды у деревни Стахова, потерял он драгоценное время, коим пользуясь, неприятель открыл себе путь оружием. Бой под Стаховым, тотчас засим завязавшийся, также веден был не по-надлежащему. Если б адмирал Чичагов, вместо того чтобы позволить генерал-лейтенанту Сабанееву рассыпать в стрелки большую часть своих войск, двинулся вперед густыми пехотными колоннами, то действие его получило бы свойство сильного наступления, имеющего целью опрокинуть Французскую армию и вогнать ее в реку; между тем как введши войска свои в дело стрелковой цепью, он добровольно и без всякой цели поставил их в оборонительное положение, не могшее иметь никакого последствия, кроме напрасной потери людей.

Но более всего, кажется, подлежат осуждению распоряжения, принятые российскими генералами к сражению 16 ноября. Разделив войска свои по обоим берегам реки Березины, дабы действовать в одно время, чрез то ослабили они свои усилия. Самое неоспоримое правило военной науки требует: обращать главные силы на решительный пункт, пренебрегая посторонними обстоятельствами, а в сем случае решительный пункт, без всякого сомнения, находился на правом берегу реки. К тому ж самое местоположение страны особенно способствовало действиям россиян на сем берегу. Дорога из Брилей в Зембин, бывшая единственным путем отступления неприятельского, переходит речку Гайну, которая, будучи окружена широкими и глубокими болотами, представляет теснину в 900 сажен длины, состоящую из множества малых деревянных мостов, легко могущих быть истребленными. Если б генерал-лейтенант Чаплиц 14 числа ввечеру, принужденный к отступлению, вместо того чтобы произвести оное в направлении к Стахову, отступил на Зембин и по истреблении всех мостов на сей дороге стал за тесниной речки Гайны, то армию Наполеона, спереди остановленную сим великим препятствием, можно было бы задержать столько времени, сколько нужно было, чтобы, соединив силы адмирала Чичагова, генерал-лейтенанта Ермолова и большей части армии графа Витгенштейна, выступить из Борисова чрез Стахов к Брилям и атаковать неприятеля во фланг и в тыл. Корпус маршала Виктора легко мог быть удержан отрядом генерала Платова с подкреплением корпуса графа Штейнгеля, оставленного у Старого Борисова, для окончательного обезоруживания дивизии генерала Партуно. Сии войска, оставшиеся на левом берегу, были бы тем достаточнее, что не было никакой причины действительно атаковать маршала Виктора, ибо участь его долженствовала решиться также на правом берегу. Если бы, как и надлежало надеяться, смотря по громаде сил, которую российские генералы могли употребить в дело, и по расстройству неприятельских корпусов, ей противопоставленных, они одержали при Брилях победу, то неприятельская армия, загнанная в угол, образуемый рекой Березиной и болотами речки Гайны, погибла бы совершенно, а корпус маршала Виктора, один оставшийся на правом берегу Березины, был бы принужден положить ружье. Таковы, вероятно, были бы последствия от занятия теснины на речке Гайне генерал-лейтенантом Чаплицом и действий российских генералов на правом берегу Березины соединенными силами. Адмирал Чичагов и граф Витгенштейн тем менее должны были колебаться действовать таким образом, что даже в случае, если б сверх всякого вероятия бой при Брилях решился в выгоду неприятеля, им оставалось только

отступить к Стахову и занять твердую позицию, прикрываемую речкой Бродней. Для Наполеона не менее того было бы затруднительно выйти из болотистой страны между Гайной и Бродней. Впрочем, даже и в том предположении, что российские генералы имели особенные причины к принятию распоряжений, ими выполненных, всегда остается очевидным, что генерал-лейтенант Чаплиц поступил непростительно, что не помышлял об истребления мостов на теснине речки Гайны, а адмирал Чичагов — что не дал на то ему точного приказания[1].

Беспристрастие, свято соблюдаемое нами в сем сочинении, не позволяет скрыть, что французский император в сем важном обстоятельстве действовал превыше всякой похвалы. Великая опасность, ему угрожавшая, еще раз возбудила сей военный гений, который от самой Москвы, казалось, был усыплен. Наполеон, окруженный со всех сторон, не потерял присутствия духа. Искусными ложными движениями он обманывает генералов, ему противопоставленных, и, так сказать, проскользнув между армиями, готовящимися напасть на него, производит переправу свою на пункте, хорошо избранном, где все выгоды местоположения находятся на его стороне. Худое состояние мостов, улучшение постройки коих не от него зависело, было единственной причиной, которая, замедлив действие, сделала оное столь опасным. Итак, великий урон, претерпенный неприятелем на помянутой переправе, должно приписывать не Наполеону, а стечению несчастных обстоятельств, коими управлять он был невластен.

[1] *Примечание сочинителя.* Правда, что после сильного мороза в ночь с 16 на 17 число болота речки Гайны замерзли, точно как и около реки Березины, но сие случайное происшествие могло также и не воспоследовать. К тому ж рассуждения наши касаются только до 16 числа, в которое следовало довершить истребление неприятельской армии.

Глава XII

Россияне преследуют неприятеля к Вильно. – Занятие сего города. – Король Неаполитанский возвратно переходит реку Неман. – Дело под Ковно. – Главная армия российская располагается на временных квартирах. – Прибытие его величества императора Александра в Вильно. – Движение адмирала Чичагова к реке Неману. – Движение графа Витгенштейна. – Отступление маршала Макдональда. – Взятие Мемеля. – Отложение пруссаков. – Маршал Макдональд отступает к Кенигсбергу. – Дело при местечке Лабиау. – Отступление австрийцев и корпуса генерала Ренье. – Движения отряда генерал-адъютанта Васильчикова и корпусов генералов Остен-Сакена, Тучкова 3-го и Эссена. – Окончательное изгнание неприятеля из пределов России.

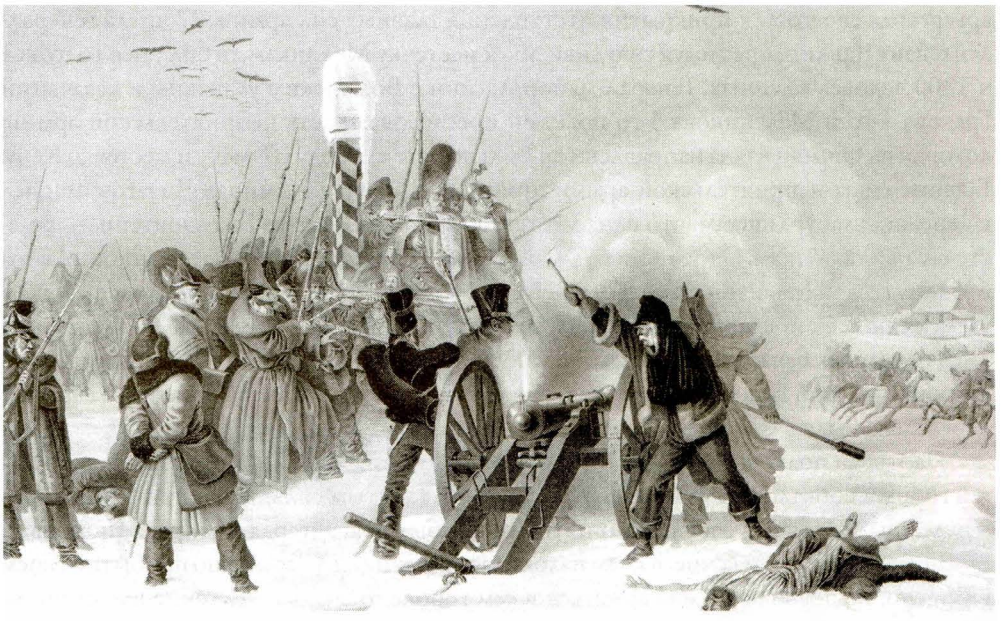
Отъезд Наполеона было новым бедствием для Французской армии. По примеру его и прочие начальники, забыв, что долг их требовал умереть с остатками корпусов, им вверенных, предали их на произвол судьбы, а помышляли только о личном спасении. Таковая отлучка совершенно уничтожила последние остатки дисциплины, доселе еще соблюдаемой некоторыми корпусами. В столь плачевном положении главное начальство над армией, возложенное на короля Неаполитанского, было только мечтательное титло, не дававшее никакой существенной власти над рассыпавшимися людьми, еще составлявшими Французскую армию. Власть главной квартиры ограничивалась только назначением направления бегства сей расстроенной громады, коей потери день ото дня увеличивались от жестокости морозов, постоянно державшихся от 25 до 27 градусов.

24 ноября Французская армия, оставив город Сморгони, продолжала отступление свое к Вильно. Генерал-лейтенант Чаплиц, преследуя арьергард оной до деревни Рудзичь, отбил еще семь пушек и взял 1200 человек пленных[1]. Адмирал Чичагов прибыл в местечко Беницу, а граф Витгенштейн — в Речки.

25-го неприятельская армия прошла за город Ошмяны. Она надеялась получить там провиант, которого от самой Орши ей не раздавали, но магазины ошмянские истреблены были партией казаков под начальством полковника Кайсарова, который в ночь с 23 на 24 число ворвался в сей город. Генерал-лейтенант Чаплиц[2], преследуя арьергард неприятельский, совершенно истребил оный и, взяв 25 орудий и до 3000 че-

[1] *Примечание переводчика.* В то же время генерал Платов гнал другую часть неприятельского арьергарда за местечко Зашкевичи. В сей день партизан Сеславин, прибыв в местечко Забрез, захватил в плен генерала Доржанса, одного полковника, двух майоров и восемь офицеров.

[2] Обще с генералом Платовым.



В окрестностях Ошмян.
4 декабря 1812 г.

ловек пленных, вступил в Сморгони[1]. Адмирал Чичагов со своей армией также прибыл в Сморгони. Граф Витгенштейн дневал в Речках. Главная квартира фельдмаршала Кутузова также дневала в местечке Радошковичах.

26-го генерал-лейтенант Чаплиц сильно преследовал от Сморгони до Ошмян неприятеля, который, не будучи более прикрываем своим арьергардом, бежал стремглав. Пользуясь сим беспорядком, российский генерал отбил у него 61 орудие и до 4000 человек пленных[2]. Адмирал Чичагов, близко следовавший за своим авангардом, прибыл в Ошмяны. Граф Витгенштейн пришел к местечку Войстон. Главная квартира фельдмаршала переведена была в местечко Молодечно.

Французская пехотная дивизия генерала Луазона и еще другая дивизия неаполитанских войск, принадлежавшая к 11-му корпусу, прибыв из Кенигсберга в Вильно в числе 14 000 человек, составляли последний неприятельский резерв, по сию сторону реки Немана. Герцог Бассано, находившийся в Вильно, приказал генералу Луазону идти к Ошмянам, дабы обезопасить проезд Наполеона. Неаполитанцы остались в Вильно. Дивизия Луазона, принужденная на марше от Вильно к Ошмянам располагаться на биваках в самые жестокие морозы, претерпела ужасную потерю в людях еще до прихода к Ошмянам, но как она была единственным корпусом, еще сохранившим порядок, то неприятель и нашелся принужденным употребить ее взамен истребленного

[1] В преследовании неприятеля взяты в плен 42 офицера, 3000 нижних чинов, 25 орудий и до 40 зарядных ящиков.

[2] *Примечание переводчика.* Неприятель потерял 16 офицеров, 4000 рядовых, 61 орудие и 80 зарядных ящиков. Не упоминается об убитых и замерзших, ибо вся дорога устлана была телами неприятельскими.

арьергарда своего для прикрытия отступления главных сил армии. 27 числа генерал-лейтенант Чаплиц, преследуя сию дивизию к местечку Медникам, отбил у нее 16 пушек и 1300 человек пленных. Генерал-майор Ласкин с Волынским уланским и казачьими Грекова 4-го и Мельникова 5-го полками преследовал часть неприятельской армии, которая из Ошмян взяла направление к Вильно чрез слободу Шумску и местечко Кену. Главные силы неприятельской армии прибыли в Вильно. Адмирал Чичагов пришел к деревне Алабурдишкам, что близ местечка Медников, а граф Витгенштейн — к местечку Неставишкам. Отряд генерал-майора Бороздина достигнул Червонного Двора близ местечка Неменчина, а отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова прибыл в Неменчин. Сей последний на марше своем от местечка Долгинова взял в плен более тысячи человек баварских войск[1]. Генерал Платов, продолжавший следовать по левую сторону большой дороги, пришел в местечко Рудомин. Главная квартира фельдмаршала переведена была в Сморгони[2].

Партизан полковник Сеславин, уже достигнувший Вильно, учинил нападение на сей город и ворвался было в оный, но, нашед его занятым сильным неприятелем, принужден был отложить свое предприятие до прибытия авангарда адмирала Чичагова[3].

Бедственное положение, в коем находилась Французская армия по прибытии своем в Вильно, не позволяло ей удержаться в сем городе. Всякое замедление в отступном движении только что ускоряло и делало погибель ее вернейшей, ибо давало россиянам время обойти Вильно и пресечь дороги в города Ковно и Троки, составлявшие единственный путь ее отступления. Король Неаполитанский, убедившись сими причинами, опять выступил в ночь с 27 на 28 число по Ковенской дороге. Сия решимость, хотя и внушенная крайней необходимостью, нанесла последний удар неприятельской армии. Несчастные, доселе избегнувшие от ужасов сего беспримерного в летописях войны отступления, в последнее время поддерживаемы были токмо утешительной мыслью, что, достигнув Вильно, найдут в сем городе верное для себя убежище и предел своих страданий. Легко можно представить себе их изумление, когда узнали они, что надлежало опять подвергнуться новым трудам и опасностям. Уныние сделалось столь общим, что почти половина армии, не последовав за главной квартирой, рассеялась по городу. Принявшие сие намерение не скрывали уже, что лучше хотят попасть в плен к россиянам, нежели продолжать отступление, которого за истощением сил своих не могли долее выдерживать.

28 числа в 7 часов пополуночи генерал-лейтенант Чаплиц выступил из местечка Медников к Вильно. На пути нашел он 31 орудие, брошенное неприятелем. Прибыв

---

[1] *Примечание переводчика.* Передовой отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова под начальством полковника Тетенборна занял предместье города Вильно к стороне Неменчина.

[2] Партизан подполковник Давыдов был на марше к городу Новым Трокам.

[3] Полковник Сеславин, приближаясь к Вильно, настиг сильную неприятельскую колонну, туда идущую, тотчас атаковал ее и рассеял картечными выстрелами конной артиллерии. Вскоре после сего неприятель, собравшись в нескольких эскадронах, вознамерился атаковать отряд Сеславина, но сей, упредив нападением, опрокинул его и вместе с ним ворвался в город. Вышедшая из оного пехота принудила российскую кавалерию к отступлению. Между тем полковник Сеславин послал к неприятелю переговорщика с требованием сдачи города, но как предложение его было отвергнуто, то, возобновив нападение, он отбил у неприятеля одного орла и шесть орудий. В самое сие время подоспели генерал-майор Ланской со своим отрядом и полковник Кайсаров с партией казаков, которые, соединившись с Сеславиным, принудили неприятеля скрыться в город и занять близлежащие строения. При сем последнем нападении полковник Сеславин был тяжело ранен в левую руку.

Ошмяны.
4 декабря 1812 г.

к вратам Вильно, Чаплиц атаковал сей город совокупно с отрядами генерал-майора Ланскова и полковников Сеславина, Кайсарова, Сухозанета и Тетенборна, из коих двое последние командовали передовыми войсками генералов Бороздина и Голенищева-Кутузова. После неважного боя, завязавшегося в улицах, неприятельский арьергард вытеснен был из города, который и занят россиянами[1]. Между тем генерал Платов, обошед Вильно, стал у Погулянки, в 5 верстах от сего города по Ковенской дороге, где и опередил неприятельские колонны, вышедшие из Вильно. Дав им несколько времени проходить под картечными выстрелами батареи о 10 орудиях, поставленной на их левом фланге, он потом атаковал их Ольвиопольским гусарским, Арзамасским и Житомирским драгунскими и девятью казачьими полками. Посредством сей атаки успел он отрезать одну колонну неприятельскую, окружить ее и совершенно уничтожить[2], причем

[1] *Примечание переводчика.* Генерал-лейтенант Чаплиц приказал отрядам генерал-майоров графа Орурка и Ланскова обойти город, а пехоте атаковать Остробрамские ворота; но как неприятель, заградивши оные повозками, производил из близлежащих домов сильный ружейный огонь, то генерал-лейтенант Чаплиц, желая сберечь людей, приказал пехоте остановиться вне пушечного выстрела и послал вправо 28-й и 32-й егерские полки, которые, пройдя к Субботской улице, вырубили палисад и в сем месте вошли в город, что и побудило неприятеля частью бежать и частью сдаться военнопленным. Отряды графа Орурка и Ланскова соединились с генералом Платовым у деревни Понары.

[2] Генерал-адъютант граф Орлов-Денисов с передовым войском генерала Платова, следуя мимо города Вильно прямо на Ковенскую дорогу, встретил в 5 верстах от оного неприятеля, тянувшегося колоннами чрез Погулянку, и тотчас вступил с ним в перестрелку. Вскоре подоспели и прочие войска генерала Платова, которые, построившись на левом фланге неприятеля, провожали его картечными выстрелами до самой Понары, а при сей деревне учинили на него общее нападение. Генерал-майор Рахманов и граф Орлов-Денисов — с правого фланга, генерал-майор Дехтерев с Ольвиопольским гусарским, Арзамасским и Житомирским драгунскими

россияне отбили два знамени, два штандарта и взяли более тысячи человек пленных, в том числе генерала Сорана[1]. После сего генерал Платов преследовал неприятеля до горы Понары, у подошвы коей нашел еще 28 пушек и остаток обозов неприятельских, ибо истощенные лошади его не могли взобраться на гору, сделавшуюся скользкой от гололедицы. Главные силы неприятельской армии остановились ночевать у местечка Еве. Граф Витгенштейн прибыл к местечку Свиранкам. Главная квартира фельдмаршала переведена была в город Ошмяны.

Россияне нашли в Вильно большие магазины с провиантом и амуницией и 41 пушку в арсенале. Число пленных, взятых в городе, считая вместе с больными, оставленными в госпиталях, простиралось до 15 000 человек, в том числе семь генералов и 242 офицера[2].

29-го неприятельская армия продолжала отступление свое до местечка Румшишек. Адмирал Чичагов со своей армией прибыл к Вильно, куда и фельдмаршал перевел свою главную квартиру. Граф Витгенштейн перешел в окрестности селений Каргажишек и Повевиорки[3].

30 ноября неприятельская армия прибыла в Ковно, где наконец получила правильную дачу хлеба. Пехота авангарда генерал-лейтенанта Чаплица осталась еще в Вильно, но генерал-майор граф Орурк с кавалерией подвинулся к селению Абрамек и на пути собрал семь орудий и 500 человек усталых[4]. Армии адмирала Чичагова и графа Витгенштейна имели роздых[5]. Отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова занял местечко Ширвинты[6].

1 декабря Главная армия неприятельская обратно перешла за реку Неман в числе около 20 тысяч человек — таковы были жалкие остатки страшной армии, из полумиллиона воинов состоявшей, которая в июне месяце вторгнулась в пределы России. Король Неаполитанский занял главную квартиру свою в деревне Скрауце. Генерал-майор граф Орурк и генерал Платов подвинулись к городу Жижморам, собрав на пути восемь пушек

полками — с центра, а генерал-майоры Иловайский 5-й и Кутейников 2-й и Атаманский полк под командой князя Касаткина-Ростовского — с левого фланга, все они стремительно ударили на неприятельскую колонну, разрезали ее надвое и, окружив со всех сторон, совершенно истребили.

[1] И 30 офицеров. С российской стороны урон был маловажен.

[2] В Вильно найдено в разных магазинах: ржи 14 000 четвертей, сухарей и муки 5000 четвертей, весьма значащие запасы мундиров, ружей, седел всяких комиссариатских вещей. В плен взяты семь генералов: Вивье, Туссен, Норман, Гильом де Водонкур, Лефевр, Дзевановский и Зайончек, 18 штаб-офицеров, 224 обер-офицера, 9517 нижних чинов и 5139 больных, в госпиталях находившихся. Сверх того, неприятель в нескольких тысячах рассеялся вокруг города, не зная, куда идти, так что несколько дней после занятия Вильно все еще приводимы были пленные.

[3] *Примечание переводчика.* Легкие отряды генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова и генерал-майора Бороздина подвинулись к Подбрезью. Полковник Гернгрос со сводным гусарским полком и двумя орудиями, отряженный на Свенцяны, встретил между сим городом и Вильно один польский полк, у которого взял 200 человек пленных и отбил обоз.

[4] Генерал Платов, подкрепленный кавалерией генерал-лейтенанта Чаплица, преследуя неприятеля за местечко Еве, взял в плен 21 штаб- и обер-офицеров, до 500 человек нижних чинов и собрал семь орудий и 45 зарядных ящиков, брошенных неприятелем.

[5] Авангард генерал-майора Властова перешел в Подбрезье.

[6] По занятии Вильно передовые отряды армии графа Витгенштейна под начальством генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова и генерал-майора Бороздина получили приказание преследовать неприятеля по правому берегу реки Вилии в направлении к городу Ковно. Армия графа Витгенштейна, крайне утомленная беспрерывными движениями по дурным дорогам, получила повеление остановиться на несколько дней, чтобы дать отдых войскам.

и небольшое число усталых. Адмирал Чичагов еще дневал в Вильно. Граф Витгенштейн перевел главную квартиру свою в Червонный Двор, что близ местечка Неменчина[1].

2 числа в 10 часов пополуночи генерал Платов и граф Орурк явились перед городом Ковно, еще занятым неприятельским арьергардом. Маршал Ней, начальствовавший оным, поставил 20 пушек в редутах, окружающих город, и приготовился к обороне. Генерал Платов, имевший при себе только восемь орудий донской конной артиллерии, удерживаем был неприятелем в продолжение целого дня, но под вечер приказал казакам обойти город, что и исполнили они, перейдя реку Неман по льду выше и ниже Ковно. Неприятель, приметив сие движение, счел за нужное выйти из города, но последние его колонны были отрезаны и истреблены. Казаки взяли около 3000 человек пленных и отбили четыре пушки[2]. В городе найдены были довольно значительные магазины[3]. Генерал-лейтенант Чаплиц с пехотой своего авангарда прибыл в город Новые Троки[4].

Между тем как сие происходило Главная российская армия продолжала свое движение. 26 ноября прибыла она к деревне Саломиричам, а авангард генерал-адъютанта Васильчикова — к местечку Ракову. 27-го армия перешла к Ракову, авангард — к селению Дорам. 28-го — армия к Киселям, авангард — к Саковщизне. 29-го армия — к местечку Воложину, авангард — к Ольшанам. 30-го армия и авангард имели роздых. 1 декабря армия подвинулась к местечку Вишневу, а авангард — к Нарвелишкам. 2-го армия прибыла к местечку Ольшанам, авангард же — к селению Онжадову.

Генерал-майор Тучков 3-й со своим корпусом, оставленный нами на марше к Минску, прибыл в сей город 28 ноября, а 2 декабря подвинулся к местечку Койданову.

Генерал-лейтенант Эссен 3-й, со своей стороны, продолжал следовать к городу Мозырю, в коем намерен был перейти реку Припять для соединения с адмиралом Чичаговым, которого предполагал еще на реке Березине. 26 ноября выступил он из Колков к Сильно. На другой день перешел к Клевани, где 28-го имел роздых. 29-го подвинулся к городу Ровно и на следующей день имел при оном роздых. 1 декабря перешел к Рясснику, а 2-го прибыл к Мензыричу, где и получил от генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена приказание следовать к городу Слониму, поелику не было уже возможности присоединиться к адмиралу Чичагову на реке Березине.

---

[1] *Примечание переводчика.* Лейб-казачий полк, составлявший часть отряда генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова, пошел в Вильно для присоединения к Главной армии.

[2] Неприятель удерживал отряд генерала Платова сильным ружейным и пушечным огнем до самого вечера. Наконец Платов, видя невозможность овладеть городом открытым нападением, приказал нескольким казачьим полкам перейти по льду за реку Неман, дабы угрожать тылу неприятельскому. Сие имело желаемый успех. Неприятель начал оставлять город и густыми колоннами выходить из оного. Посланные в обход казачьи полки, стремительно бросившись на французов, привели их в такое расстройство, что они обратились в бегство, частью по дороге в Вилковишки и частью вниз по левому берегу реки Немана к стороне Тильзита. При сем случае кроме на месте убитых взяты в плен 80 штаб- и обер-офицеров и более 2500 нижних чинов. Ночь прекратила преследование; неприятель совершенно очистил город. Сего числа отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова подвинулся в местечко Яново, а авангард генерал-майора Властова занял Ширвишты.

[3] Генерал Платов вместе с отрядом графа Орурка вступил в Ковно 3 декабря поутру. В сем городе оставлены были неприятелем 17 орудий артиллерии, значительные артиллерийские запасы, находившиеся в 779 ящиках в совершенной целости, до 60 тысяч ружей совсем новых и довольно значительные магазины с провиантом и фуражом.

[4] Вслед за ним выступила часть армии адмирала Чигагова и остановилась при местечке Старых Троках.

По занятии города Вильно фельдмаршал князь Кутузов должен был обратить внимание свое на три различных предмета: во-первых, надлежало преследовать остатки Главной Французской армии за рекой Неманом. Во-вторых, маршал Макдональд с 25-тысячным корпусом своим находился еще в окрестностях Риги, почему и следовало помышлять не токмо о средствах принудить его к возвратному переходу за реку Неман, но и постараться отрезать его от сей реки, дабы оттеснить в угол Курляндского полуострова, к городу Виндаве, и там припереть к морю. В-третьих, фельдмаршал князь Шварценберг и генерал Ренье занимали еще Гродненскую губернию; надлежало и их также принудить к оставлению пределов России. Князь Кутузов справедливо рассудил, что сия тройная цель могла быть выполнена без содействия Главной армии, которая, будучи изнурена утомительными переходами, ею произведенными, имела необходимую надобность в отдыхе на несколько дней, дабы освежиться и снова устроиться. Вследствие сего сделал он следующие распоряжения: Главную армию и авангард генерала Милорадовича приказал разместить на временных квартирах между городом Вилькомиром и местечком Воложиным. Отряд генерал-лейтенанта Ермолова распустить, и войскам, составлявшим оный, возвратиться к своим корпусам. Адмирала Чичагова и генерала Платова назначил действовать в центре, дабы преследовать остатки Главной Французской армии за рекой Неманом. На правом крыле генерал-лейтенант маркиз Паулуччи с Рижским гарнизоном получил повеление преследовать маршала Макдональда на его отступлении; между тем как граф Витгенштейн, спустившись вниз по правому берегу Немана к городу Ковно, должен был оттуда следовать к Гумбинену, дабы отрезать Макдональда от реки Выслы. На левом крыле для действий против корпусов фельдмаршала князя Шварценберга и генерала Ренье назначены были авангард генерал-адъютанта Васильчикова, корпуса генерал-майора Тучкова 3-го, генерал-лейтенантов Эссена 3-го и барона Остен-Сакена и отряд под начальством генерал-майора Рота, состоявший из семи резервных батальонов, взятых из Бобруйского гарнизона[1].

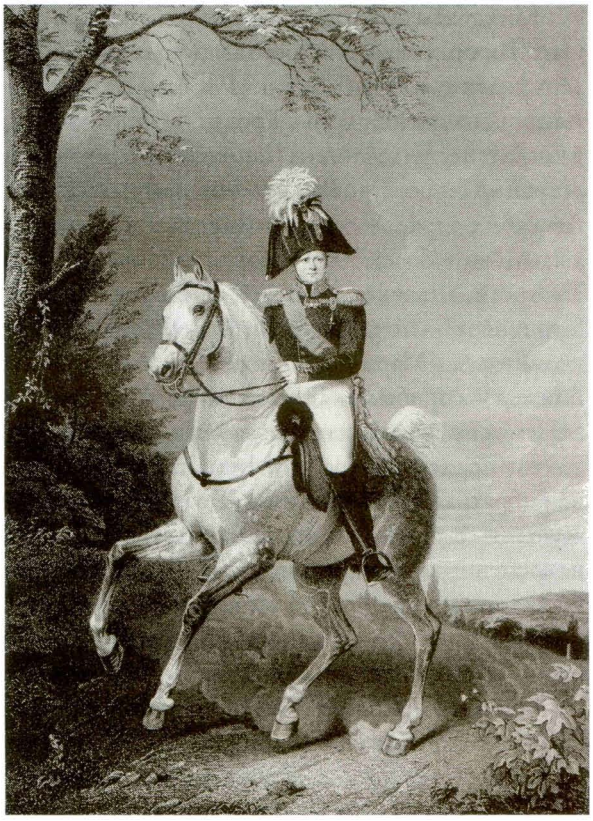
К 5 числу декабря разные корпуса Главной армии вступили уже в квартиры, для них назначенные, по следующему размещению: 4-й пехотный корпус расположился около Новых Трок; 2-й пехотный — около Больших Солешников; 2-й кавалерийский с Польским и Литовским уланскими полками — между Меречем, Езиорами и Лидой; 6-й пехотный — около Вилькомира; 7-й пехотный — около Неменчина; 8-й пехотный — около Ольшан; 3-й пехотный — около Ошмян; 5-й пехотный — в Вильно; 1-я кирасирская дивизия — в окрестностях Вильно и Свенцян; 2-я кирасирская дивизия — между Свиром и Налибоками; главная квартира осталась в Вильно.

---

[1] *Примечание переводчика.* Партизанский отряд подполковника Давыдова направлен был на город Гродно; авангард генерал-адъютанта Васильчикова — к местечку Мостам; отряд генерал-адъютанта графа Ожаровского — чрез город Лиду к местечку Белице; а корпус генерал-майора Тучкова 3-го (бывший Эртеля) получил приказание обще с отрядом полковника Кнорринга следовать из Минска к городу Несвижу и местечку Новому Сверженю. Все сии войска должны была наблюдать за армией фельдмаршала князя Шварценберга, в то время находившейся в окрестностях города Слонима и местечка Сталович; а генерал-майор Тучков 3-й, сверх того, войти в сношение с корпусом генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена к стороне города Пружан. Граф Ожаровский уже 1 декабря занял город Лиду своей пехотой, а кавалерию послал к местечку Белице, откуда австрийский генерал Моор без всякого сопротивления отступил к местечку Ищольно. 2 числа граф Ожаровский занял Ищольно, а генерал Моор отступил к местечку Мостам.

Около того ж времени генерал-майору князю Урусову, с 15 батальонами пехоты следовавшему к Минску, предписано было ускорить походом к Вильно для пополнения полков Главной армии.

Его величество император Александр, [н]аходя присутствие свое не столь уже необходимым внутри государства, соизволил прибыть в Вильно 10 декабря и пожаловать фельдмаршалу князю Кутузову самые лестные и достойно заслуженные награды. Славное прозвание Смоленского, которое государь еще пред отъездом своим из С.-Петербурга соизволил дать фельдмаршалу в память сражений под Красным и освобождения Смоленска, отчасти уже заплатило долг благодарности Отечества к знаменитому старцу. 12 декабря, в день рождения его величества, фельдмаршал получил еще военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия первого класса — отличие, тем высочайшее, что тогда все, имевшие сей орден со времен блаженной памяти императрицы Екатерины II, уже померли и что со вступления на престол императора Павла I оный никому еще дан не был. Того ж 12 декабря государь обнародовал всеобщее прощение всем жителям польско-российских областей, которые, будучи обольщены внушениями и обманчивыми обещаниями врага, нарушили обязанности свои к России[1].



Император Александр I

[1] Божией Милостью
Мы, Александр Первый,
Император и Самодержец
Всероссийский
и прочая, и прочая, и прочая,
объявляем всенародно:

В настоящую ныне с французами войну главная часть жителей в прежде бывших польских, ныне же российских областях и округах пребывали Нам верны; почему и разделяют со всеми Нашими верноподданными Нашу признательность и благоволение. Но другие различными образами навлекли на себя праведный Наш гнев: одни по вступлении неприятеля в пределы Нашей империи, устрашась насилия и принуждения или мечтая спасти имущества свои от разорения и грабительства, вступали в налагаемые от него званья и должности. Другие, которых число меньше, но преступления несравненно больше, пристали еще прежде нашествия на их земли к стране чуждого для них пришельца и, подъемля вместе с ним оружие против Нас, восхотели лучше быть постыдными его рабами, нежели Нашими верноподданными. Сих последних долженствовал бы наказать меч правосудия, но, видя излившейся на них гнев Божий, поразивший их вместе с теми, которых владычеству они вероломно покорились, и уступая вопиющему в Нас гласу милосердия и жалости, объявляем Наше всемилостивейшее, общее и частное, прощение, предавая все прошедшее вечному забвению и глубокому молчанию и

Между тем адмирал Чичагов приближался к реке Неману. 2 декабря генерал-лейтенант Чаплиц с пехотой своего авангарда выступил из Вильно в Новые Троки. На другой день подвинулся он к местечку Ужогости, а корпуса генерал-лейтенанта Воинова и графа Ланжерона сменили его в Троках. Главная квартира адмирала осталась еще в Вильно. 4 числа генерал-лейтенант Чаплиц прибыл в местечко Гезну, а граф Орурк с кавалерией, вступив в Герцогство Варшавское, расположился при местечке Пренах. Генерал-майор Ланской с отрядом своим подвинулся к Пильвишку. Все сии отряды собрали на пути две пушки и более 3000 человек пленных; корпуса Воинова и Ланжерона перешли к Ужогости, а главная квартира адмирала Чичагова переведена была в Новые Троки. 5-го генерал-лейтенант Чаплиц, перейдя реку Неман, прибыл в Прены. Граф Орурк подвинулся в Мариамполь, а генерал Ланской — в Вильковишки. Корпуса Воинова и Ланжерона прибыли к Гезне. Адмирал Чичагов получил тогда приказание не переходить за Неман с главными силами своими, дабы, смотря по обстоятельствам, быть в готовности или поддержать графа Витгенштейна в действиях его против маршала Макдональда, или обратиться против князя Шварценберга, если б сей последний поупорствовал не выходить из пределов России. Вследствие сего адмирал Чичагов разместил армию свою на временных квартирах: авангард генерал-лейтенанта Чаплица протянулся в Герцогстве Варшавском между рекой Неманом и прусской границей от Пильвишка до местечка Сейны; корпус Воинова поставлен был при местечке Стоклишках; корпус Ланжерона — у местечка Пуни; а главная квартира адмирала Чичагова расположилась в Гезне.

Генерал Платов получил приказание продолжать преследование неприятеля до реки Вислы, но казачьи лошади были столь утомлены, что должно было позволить ему остаться в Ковно, дабы дать несколько дней отдохнуть войскам своим.

Остатки Главной Французской армии продолжали отступать чрез Пильвишек, Вильковишки, Вирбален, Сталупенен и Гумбинен, откуда рассеялись они по Пруссии. Король Неаполитанский с остатками императорской гвардии отправился в город Кенигсберг, к коему приказал прийти из Данцига 11-й корпус пехотной дивизии генерала Геделе (Heudelet). Беглецам прочих корпусов Главной армии дано было направление к реке Висле, где и назначено им собираться на следующих пунктах: всей кавалерии — в городе Эльбинге; 2-му и 3-му корпусам — в Мариенбурге; 4-му и 9-му корпусам — в

запрещая впредь чинить какое-либо по делам сим притязание или изыскание в полной уверенности, что сии, отпавшие от Нас, почувствуют кротость сих с ними поступков и чрез два месяца от сего числа возвратятся в свои области. Когда же и после сего останется кто из них в службе Наших неприятелей, не желая воспользоваться сею Нашей милостью и продолжая и после прощения пребывать в том же преступлении, таковых, яко совершенных отступников, Россия не примет уже в свои недра, и все имущества их будут конфискованы. Пленные, взятые с оружием в руках, хотя не изъемлются из сего всеобщего прощения, но без нарушения справедливости не можем Мы последовать движениям Нашего сердца, доколе плен их разрешится окончанием настоящей войны. Впрочем, и они в свое время вступят в право сего Нашего всем и каждому прощения. Тако да участвует всяк во всеобщей радости о совершенном истреблении и разрушении сил всенародных врагов и да приносит с неугнетенным сердцем чистейшее Всевышнему благодарение!

Между тем надеемся, что сие Наше чадолюбивое и по единому подвигу милосердия соделанное прощение приведет в чистосердечное раскаяние виновных и всем вообще областей сих жителям докажет, что они, яко народ издревле единоязычный и единоплеменный с россиянами, нигде и никогда не могут быть толико счастливы и безопасны, как в совершенном во едино тело слиянии с могущественной и великодушной Россией.

АЛЕКСАНДР.

Вильно. Декабря 12 1812 года.

Мариенвердере; 1-му и 8-му корпусам — в Торуне; 6-му — в Плоцке и, наконец, 5-му корпусу — в Варшаве.

Генерал от кавалерии граф Витгенштейн, в течение нескольких дней остававшийся у Червонного Двора, выступил оттуда 5 декабря к Глинтишкам в направлении на местечко Кейданы. Мы уже видели, что ему предписано было идти прямо на Гумбинен, но худое состояние дорог вдоль реки Немана принудило его принять к северу. Армия его вновь усилена была почти 7000 человек, ибо столько находилось в отряде генерал-майора барона Палена, пришедшем из Витебска, и отряде генерал-майора Новака, состоявшем из 2-го морского полка, 7-й и 8-й дружин Новгородского и 16, 17 и 18-й дружин С.-Петербургского ополчения с 12 орудиями 25-й артиллерийской бригады. Сей последний отряд, составленный в Новгороде, в самом начале отступления французов послан был в Смоленскую губернию к городу Белому для прикрытия Тверской и Псковской губерний от набегов неприятельских[1]. Того ж 5 декабря авангард графа Витгенштейна под начальством генерал-майора Властова прибыл в Вилькомир; отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова находился при местечке Чейкишках[2], а отряд генерал-майора Бороздина, поступивший под начальство генерал-майора барона Дибича, — у местечка Бензиголы. Малый авангард от сего последнего под начальством полковника Сухозанета занял местечко Койданы.

6 числа граф Витгенштейн перешел в окрестности местечка Позельвы, а на другой день — к городу Вилькомиру[3], где 8 числа имел роздых. Генерал-адъютант Голенищев-Кутузов подвинулся к местечку Юрбургу, а генерал-майор Дибич — к Нимокштам. Полковник Сухозанет занял местечко Кельм[4].

9-го граф Витгенштейн подвинулся к местечку Шатам. Генерал-адъютант Голенищев-Кутузов, перейдя реку Неман, вступил в Пруссию и прибыл к Трапонену. Авангард его под начальством полковника Тетенборна занял город Тильзит[5]. Генерал-майор Дибич перешел к местечку Лавкову. Сводный гусарский полк расположился между местечком Кельмом и городом Россиеной, дабы обезопасить сообщение генерал-майора Дибича с армией.

10-го граф Витгенштейн прибыл в Кейданы, где и имел роздых 11 и 12 числа[6]. Генерал-адъютант Голенищев-Кутузов получил приказание, присоединив к себе авангард генерал-майора Властова, занять теснины у деревни Пиктупенена по дороге из Таурогена

---

[1] *Примечание переводчика.* Вначале отряд сей был отдельный и состоял под начальством генерал-адъютанта князя Волконского 2-го, но когда оный получил повеление примкнуть к армии графа Витгенштейна, в то время поступил под начальство генерал-майора Новака, который и перешел сперва к Витебску, а 3 декабря присоединился к армии графа Витгенштейна у местечка Неменчина. Из трех башкирских полков, принадлежавших к сему отряду, два уже присоединились к армии графа Витгенштейна в первой половине ноября месяца, а третий оставлен был в Витебске.

[2] *Примечание переводчика.* Отряд сей, 4 числа прибывший в Чейкишки, во время преследования от Вильно до Ковно взял у неприятеля 1970 человек пленных.

[3] Отряд генерал-майора барона Дибича вступил в Россиену 7 числа.

[4] Полковник Албрехт со сводными гвардейским и драгунским полками отряжен был из главной квартиры графа Витгенштейна в направлении к местечку Лукникам для наблюдения неприятеля с той стороны.

[5] После неважного дела с неприятелем, в коем россияне взяли 100 человек пленных и одну пушку. В Тильзите найдены большие магазины и госпиталь с 800 человек больных.

[6] *Примечание переводчика.* Артиллерия столько потерпела на утомительных переходах от реки Березины, что граф Витгенштейн нашелся принужденным оставить в Кейданах шесть орудий батарейной роты № 27, вновь прибывших к его армии; семь орудий легкой роты № 9 и 12 орудий 25-й артиллерийской бригады, всего

в Тильзит, по коей маршал Макдональд производил свое отступление. На место авангарда генерал-майора Властова составлен был новый авангард, вверенный генерал-майору Шепелеву, из полков Тенгинского пехотного и 25-го егерского, к коим долженствовали присоединиться сводные гвардейский, кавалерийский и драгунский полки, и шести орудий конной роты № 23; всего из 4200 человек. Генерал-майор Дибич вступил в Ворны[1].

Наполеон и король Неаполитанский в заботах несчастного отступления своего забыли послать приказание к маршалу Макдональду касательно дальнейших его действий; между тем как сей, узнав из реляций российских о бедствиях, постигнувших Французскую армию, видел необходимость самому отступить, но не осмеливался оставить окрестности Риги без повеления. Он принужден был довольствоваться тем, что приготовился к сему движению, стянув корпус свой на линию, кратчайшую той, которую занимал оный, простираясь от города Якобштата на реке Двине до берегов Балтийского моря в окрестностях Тукума. В последних числах ноября пехотная дивизия генерала Гранжана, составлявшая правое крыло Макдональдова корпуса при Якобштате, отступила к Нерфту; центр и левое крыло, составленные из прусских войск, соединились при Экау и Митаве. Маршал Макдональд перевел главную квартиру свою в Стальген на реке Аа близ Аннебурга. В корпусе его находилось еще около 25 000 человек под ружьем, в том числе 18 000 пруссаков.

В сей позиции Макдональд с беспокойством ожидал из Главной Французской армии приказания к отступлению, которое получил только что 6 декабря, и на другой же день привел в движение свой корпус, разделив его на три колонны: левая, состоявшая из пехотной дивизии генерала Гранжана, с пятью эскадронами пруссаков пошла из Нерфта прямо на Тильзит; средняя под начальством генерал-майора Массенбаха из шести батальонов и трех эскадронов прусских войск направилась чрез Шавли и Колтиняны также на Тильзит; а правая под начальством генерал-лейтенанта Иорка, из 15 батальонов и шести эскадронов прусских же войск состоявшая, выступила из Митавы не прежде 8 декабря вслед за средней колонной в одном переходе позади оной[2].

Маршал Макдональд с главной квартирой своей находился при средней колонне, которая прибыла 7 декабря к Зеге-Платону, 8-го — к местечку Янишкам, 9-го — к Мешкуцу, 10-го — к Куртовянам, 11-го — к Венгову и 12-го — к Колтинянам.

Рижский генерал-губернатор генерал-адъютант маркиз Паулуччи в продолжение нескольких дней выжидал, когда начнет маршал Макдональд свое отступление, дабы немедленно преследовать его. Узнав о сем 8 декабря поутру, он тотчас отрядил генерал-лейтенанта Левиза с корпусом, из 7000 пехоты и 1200 человек кавалерии состоявшим, дав ему приказание идти чрез Экау по следам неприятеля и потом соединиться с армией графа Витгенштейна. Сам маркиз Паулуччи с 2500 человек, которых мог еще взять из Рижского гарнизона, обратился на Митаву, куда и прибыл 8 числа ввечеру. Арьергард генерал-лейтенанта Иорка, еще занимавший сей город, в числе около 3000 человек по некотором сопротивлении выступил из оного 9 числа в час пополуночи. Маркиз Паулуччи оставил в Митаве 500 человек, а с остатком своего отряда пошел усиленными

---

95 орудий под прикрытием 10-й и 11-й дружин С.-Петербургского ополчения. 14-я дружина того же ополчения еще 9 декабря оставлена была в Вилькомире у прикрытия госпиталя, учрежденного в этом городе.

[1] Сводный гусарский полк 12 декабря оттеснен был неприятелем за местечко Бельм.

[2] *Примечание переводчика.* В двух первых колоннах было 12 000, а в третьей 13 000 человек.

переходами к городу Мемелю. 10 декабря прибыл он в Анненгоф, 11-го — в Фрауенбург, 12-го — в Шрунден, 13-го — в Обер-Бартау, 14-го — в Полангген, а 15-го, явившись перед Мемелем, потребовал сдачи у прусского коменданта, который и отдался в плен с 700 человек гарнизона. Деятельность, в сем случае оказанная маркизом Паулуччи, достойна примечения, ибо в 8 дней он перешел около 300 верст.

Мы оставили маршала Макдональда в местечке Колтинянах. 13 декабря перешел он к Поюру на реке Юре. Генерал Гранжан прибыл в Таурогген; а генерал Иорк должен был прийти к Колтинянам, но ему воспрепятствовал в сем генерал-майор барон Дибич, который, смело врезавшись между двумя колоннами Иорка и Массенбаха, занял местечко Колтиняны своим отрядом, состоявшим не более как из 2000 человек. Эта решимость генерал-майора Дибича с горстью людей стать между двумя корпусами неприятельскими числом, вдесятеро превосходнейшим его отряд, с первого взгляда может показаться излишней отважностью, но в самом деле оная разочтена была на весьма вероятном предположении, что пруссаки, с большим нехотением державшиеся стороны Наполеона, с радостью воспользуются первым представившимся благовидным предлогом, дабы отложиться от французов. Российский генерал по прибытии к Колтинянам расположился лицом к местечку Крожам и сколь возможно более растянул слабый отряд свой, дабы придать ему вид авангарда, предшествующего сильному корпусу войск[1].

Вскоре за сим показался генерал Клейст с головой колонны генерал-лейтенанта Иорка. Барон Дибич тотчас послал к нему переговорщика с уведомлением, что он отрезан от маршала Макдональда российским корпусом, почему и предложил ему заключить условие о нейтралитете. Генерал Клейст остановил свое движение до прибытия генерал-лейтенанта Иорка, непосредственно следовавшего за ним с главными силами своими. Тогда генералы Дибич и Иорк имели свидание между двух цепей передовых постов. Российский генерал представил прусскому военные причины, долженствовавшие побудить его к отложению от маршала Макдональда, от коего он был безвозвратно отрезан. Он упомянул также и о выгодах, которые Пруссия могла бы получить от условия, сохранявшего для нее довольно значительный корпус, в самое то время, когда обстоятельства долженствовали дать иной ход ее политике. Следствием сего первого совещания было перемирие, заключенное до утра. Вечером генерал-майор Дибич получил в подкрепление еще около 1000 человек кавалерии, составлявшей авангард генерал-лейтенанта Левиза, в сей день прибывшего в город Тельш[2]. Граф Витгенштейн с армией своей подвинулся к местечку Чейкишкам.

14 декабря в 8 часов пополуночи генерал-лейтенант Иорк, сделав обозрение к стороне Колтинян, нашел все передовые посты российские сильно занятыми. Положение его было

---

[1] *Примечание переводчика.* Российский отряд стал поперек дороги из местечка Шелеля в Брожи. Генерал-майор Дибич выставил передовые посты впереди и позади своей линии, дабы прикрыться от обоих неприятельских корпусов, между которыми он находился; а как местоположение способствовало ему скрывать свои силы, то, пользуясь сим, он занял иные места стрелками, а в других поставил батареи и развернутые эскадроны, так что в глазах неприятеля они должны были казаться составляющими часть сильных колонн, между тем как на самом деле в резерве оставалось не более 400 человек.

[2] *Примечание переводчика.* Барон Дибич едва успел притянуть к себе сие подкрепление, состоявшее из одного Донского казачьего полка, двух казачьих полков С.-Петербургского ополчения и двух эскадронов регулярной кавалерии под начальством полковника Граве Галате, как маршал Макдональд, находившийся в Шелеле, узнав о занятии россиянами местечка Колтинян, послал к оному отряд для обозрения и разведания о силе российского корпуса. Гродненские гусары опрокинули и прогнали неприятеля.

тем затруднительнее, что с прошедшего дня он не получал никакого известия о маршале Макдональде, почему и решился приступить к условию, которое бы доставило прусским войскам возможность идти без боя до самой границы с той, однако ж, оговоркой, что если они достигнут реки Немана, не открывши сообщения с остатком Макдональдова корпуса, в таком случае генерал-лейтенант Иорк объявит войска свои нейтральными. Тотчас по заключении сего предварительного условия прусский офицер граф Генкель получил пропуск для следования в Потсдам, дабы известить короля Прусского об оном. Генерал Иорк занял Колтиняны, а генерал Дибич перешел к местечку Шелею[1].

Между тем как это происходило маршал Макдональд с колонной генерал-лейтенанта Массенбаха прибыл к Коадъютену, а колонна генерала Гранжана, следуя из Таурогена в Тильзит, нашла теснину Пиктупененскую занятой россиянами. Но генерал-майор Властов, охранявший оную с отрядом из 5500 человек, находя себя не в силах противостоять превосходному неприятелю, начал отступать к Тильзиту, где находился генерал-адъютант Голенищев-Кутузов с остатком своего отряда. Прусская кавалерия пустилась преследовать генерал-майора Властова и опрокинула Финляндский драгунский полк, прикрывавший движение его пехоты. Россияне, приведенные в расстройство, поспешно отступили с потерей одной пушки и 500 человек пленных. Это поражение могло бы иметь еще худшие последствия, если б не подоспел генерал-адъютант Голенищев-Кутузов с казаками и двумя эскадронами Изюмского гусарского полка и, остановив прусскую кавалерию, чрез то не дал времени всему отряду своему перейти Неман в Тильзите, откуда он и повернул вверх по левому берегу реки к деревне Раудшен. Граф Витгенштейн с армией прибыл к местечку Вилионе на Немане. Авангард генерал-майора Шепелева подвинулся к Юрбургу.

15 числа генерал-лейтенант Иорк перешел к местечку Шелелю, а барон Дибич — к Пагермонту. Маршал Макдональд с колонной генерал-майора Массенбаха прибыл к деревне Шилгаллену, что близ Рукена[2]. Генерал Гранжан вступил в Тильзит; граф Витгенштейн прибыл в Юрбург; а генерал-майор Шепелев занял местечко Посвенту на прусской границе.

16-го генерал-лейтенант Иорк прибыл к местечку Таурогену, а барон Дибич занял Вилькишкен. Маршал Макдональд с колонной Массенбаха перешел к городу Тильзиту. Граф Витгенштейн, видя невозможность поспеть вовремя для воспрещения войскам маршала Макдональда достигнуть реки Немана, решился потянуться влево, дабы пресечь им Инстербургскую и Кенигсбергскую дороги и запереть их в угол, образуемый плесом Куриш-Гафом и нижним Неманом. На сей конец переправил он 16 числа свою армию чрез Неман, и того же дня вечером авангард генерал-майора Шепелева занял селение Ласденен[3].

17 числа граф Витгенштейн с армией прибыл к Лебегаллену. Барон Дибич требовал у генерала Иорка, чтобы он привел в действие условие, заключенное 14 числа, но

---

[1] *Примечание переводчика.* Оставленному маршалом Макдональдом.

[2] *Примечание переводчика.* Прусская кавалерия подвинулась к Альткупенену вслед за отрядом генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова, но, будучи опрокинута россиянами, возвратилась в Тильзит.

[3] Отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова оставался при Альткупенене. Кавалерия оного сделала обозрение к стороне Тильзита. 13-я и 15-я дружины С.-Петербургского ополчения оставлены были в местечке Юрбург, дабы оправились от трудов, ими понесенных.

прусский генерал объявил, что будет ждать до утра, дабы увидеть, не найдет ли наконец маршал Макдональд способа войти с ним в сообщение[1].

18-го граф Витгенштейн с армией подвинулся к Герскуллену. Авангард генерал-майора Шепелева занял Соммерау. Четыре казачьих полка[2], присланные генералом Платовым к графу Витгенштейну, присоединившись к сему авангарду, подвинулись в Шиллупишкен, что на дороге из Тильзита в Кенигсберг. Генерал-адъютант Голенищев-Кутузов стал в Гудгаллене. Генерал-лейтенант Иорк учинил обозрение, а как оное удостоверило его, что все дороги, ведущие к реке Неману, заняты были российскими войсками, то он и заключил с генерал-майором бароном Дибичем договор следующего содержания.

Статья 1-я. Прусский корпус займет внутри прусских владений линию вдоль по границе от города Мемеля и Ниммерзата до дороги, из Вайнут в Тильзит ведущей. Пространство, которое долженствует занять помянутый Прусский корпус, определится дорогой, ведущей из Тильзита через Шиллупишкен и Мелаукен в Лабиау, включительно с городами, на ней лежащими. С другой стороны пространство сие ограничено будет Куриш-Гафом, так что вся означенная страна будет считаться совершенно нейтральной, доколе занимаема будет прусскими войсками.

При сем разумеется, что российские войска могут проходить взад и вперед по вышеупомянутым большим дорогам, но они не должны занимать квартир в городах сего округа.

Статья 2-я. Прусские войска наблюдать будут совершенный нейтралитет в округе, 1-й статьей определенном, до получения повеления от Его Величества короля Прусского. Коли ж сказанное Величество прикажет им соединиться с Императорскими французскими войсками, в таком случае обязуются не действовать против Российской армии в течение двух месяцев, считая с нижеписанного числа.

Статья 3-я. Если Его Величество король Прусский или Его Величество император Российский откажутся утвердить настоящее условие, то Прусский корпус волен идти, куда от короля повелено будет.

Статья 4-я. Прусскому корпусу возвращены будут все усталые люди, найденные по Митавской дороге, равно и все, составляющее принадлежность армии. Касательно же снабжения и обозов сказанного корпуса все, составляющее оное, может беспрепятственно проходить между российскими армиями, дабы из Кенигсберга или других дальнейших мест присоединиться к корпусу прусских войск.

Статья 5-я. Ежели приказания генерал-лейтенанта Иорка могут еще дойти до генерал-лейтенанта Массенбаха, в таком случае войска, под начальством сего последнего состоящие, включены будут в настоящее условие.

Статья 6-я. Все пленные, которых российские войска под начальством генерал-майора барона Дибича могут взять у войск генерала Массенбаха, равномерно включены будут в сие условие.

Статья 7-я. Прусский корпус сохранит право всё, касающееся до его снабжения, соображать с областными правлениями прусскими, не исключая даже и тех областей, которые заняты будут российскими войсками.

---

[1] *Примечание переводчика.* Войска маршала Макдональда и отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова сохранили положения свои при Тильзите и Альткупенене.

[2] Под начальством полковника Ягодина.

Настоящее условие написано вдвойне и снабжено подписанием и собственной печатью нижеподписавшихся.

В мельнице Потернской (близ Таурогена). 12 декабря 1812 года.

Подписано: Иорк, генерал-лейтенант Королевско-Прусской службы.

Барон Дибич, генерал-майор Российско-Императорской службы.

Тем же вечером генерал-лейтенант Иорк послал офицера к генералу Массенбаху с тем, чтобы, известив его о заключенном им условии, пригласить к принятию оного. Сей последний тотчас решился отделиться от маршала Макдональда, несмотря на затруднение учинить сие в присутствии Французской дивизии генерала Гранжана, вместе с ним занимавшей город Тильзит. 19 числа на рассвете он собрал пехоту свою, находившуюся в городе, и обратно перешел реку Неман в виду французов под предлогом, что находит нужным занять Тильзитское предмостное укрепление, лежавшее на правом берегу реки, после чего и присоединился к отряду генерал-майора Дибича, который по приглашению его заблаговременно подвинулся к Тильзиту. Кавалерия и артиллерия генерала Массенбаха, находившаяся при местечке Рагните, в то же время перешли к генерал-адъютанту Голенищеву-Кутузову.

Отложение пруссаков[1], коим россияне совершенно обязаны были присутствию духа и твердости генерал-майора Дибича, было событие тем важнейшее, что легко можно было предвидеть, что оное послужит примером и ободрением для всей Германии, которая, будучи крайне недовольна игом Наполеона, не упустит первого удобного случая свергнуть оное. Нельзя осуждать прусских генералов за то, что сохранили для государя своего корпус войск, составлявший, так сказать, ядро отечественной армии и доставивший Пруссии возможность принять приличное достоинству ее положение и последовать политике, более сообразной с истинными ее выгодами.

Маршал Макдональд оставался в Тильзите 17 и 18 числа единственно в ожидании колонны генерал-лейтенанта Иорка, на прибытие которой он еще надеялся, хотя и не имел более о ней непосредственных известий. Видя, что пруссаки решительно от него отложились, он почувствовал необходимость без потери времени помышлять о спасении дивизии генерала Гранжана, которой граф Витгенштейн, направив движения свои на путь ее отступления, угрожал совершенным истреблением. 19 числа Макдональд выступил из Тильзита с 7000 пехоты и 20 орудиями, еще остававшимися у него, по дороге к Кенигсбергу. По счастью для него, армия графа Витгенштейна, остановленная худым состоянием дорог, сделавшихся от оттепели выбоистыми, в сей день произвела только весьма малый переход от Герскуллена к Соммерау. Авангард генерал-майора Шепелева[2], долженствовавший по крайней мере занять Шиллупишкен, получил приказание выступать слишком поздно и подвинулся только к Шиллену. От сего произошло, что маршал Макдональд встретил на Кенигсбергской дороге только четыре казачьих полка, накануне посланных в Шиллупишкен, которые, находя себя не в силах остановить пехотные колонны, на них наступавшие, открыли им путь; а Макдональд, пользуясь сим, беспрепятственно продолжал движение свое к деревне Скайсгиррену, за

[1] *Примечание переводчика.* В числе 18 000 человек.

[2] *Примечание переводчика.* Авангард сей, усиленный частью кавалерии корпусов графа Штейнгеля и Берга, получил приказание следовать к Шиллупишкену, дабы задержать там неприятеля до прибытия армии.

коей и остановился для ночлега генерал-майор Дибич[1], который перейдя реку Неман в Тильзите, преследовал арьергард маршала Макдональда до Скайсгиррена, причем взял 500 человек пленных.

20 числа маршал Макдональд перешел к Мелаукену, будучи беспрестанно обеспокоенным кавалерией генерал-майора Дибича. Отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова и авангард генерал-майора Шепелева прибыли к Скайсгиррену. Граф Витгенштейн с армией подвинулся к Шиллену.

21 числа граф Витгенштейн с армией прибыл к Скайсгиррену. Маршал Макдональд отступил к Лабиау[2]. Дабы прикрыть отступление Макдональда, неприятель выслал из Кенигсберга в Тапиау пехотную дивизию генерала Геделе (Heudelet)[3]. Граф Витгенштейн, известившись о сем движении, дал новый состав передовым отрядам своим, соединившимся при Скайсгиррене. Главный авангард, оставшийся под начальством генерал-майора Шепелева, составлен был из 6500 человек пехоты и 1500 кавалерии с 18 орудиями[4] и получил приказание преследовать маршала Макдональда по Лабиауской дороге. Генерал-адъютант Голенищев-Кутузов с 4000 кавалерии направлен был на Велау[5]. За ним в подкреплении находился корпус генерал-лейтенанта графа Штейнгеля, долженствовавший взять то же направление. Генерал-майор граф Сиверс с третьим отрядом из 1200 человек кавалерии следовал в промежутке Лабиауской и Тапиауской дорог, дабы содержать сообщение между авангардами Шепелева и Голенищева-Кутузова.

22 числа Российская армия дневала при Скайсгиррене. Генерал-майор Шепелев, найдя корпус маршала Макдональда в позиции впереди Лабиау, тотчас сделал распоряжения свои к нападению. Для сего разделил он авангард свой на три колонны, из коих средняя атаковала неприятеля с лица, между тем как две прочие, большей частью из кавалерии составленные, устремились против его флангов. Сначала французы хотели было держаться, но, будучи принуждены действием российской артиллерии отступить за город, зажгли оный. Средняя колонна преследовала их по пятам, потушила пожар и вышла за Лабиау, между тем как российская кавалерия продолжала угрожать им нападением во фланги. Несмотря на то, французы выдерживали бой, медленно отступая к деревне Теут, но коль скоро Тенганский и Литовский пехотные полки, сильно теснившие их, овладели сей деревней, то они предприняли совершенное отступление по дороге к Кенигсбергу. Российские войска, преследуя неприятеля несколько верст, отбили у него три пушки. Главные силы авангарда генерал-майора Шепелева остановились в Лабиау. Урон с российской стороны простирался до 350 человек, выбывших из строя. Неприятель потерял 1500 человек убитых и раненых и 500 пленных[6].

---

[1] Генерал-майор Дибич, атаковав неприятельский арьергард в Тильзите, вытеснил оный из сего города, потом опять догнал его уже ночью и преследовал до деревни Скайсгиррена. Отряд генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова и авангард генерал-майора Шепелева, не знавшие о выступлении неприятеля из Тильзита, не приняли никакого участия в сем деле.

[2] *Примечание переводчика.* Кавалерия генерал-майора Шепелева выгнала неприятельский арьергард из теснин Баумвальдских, при чем взято до ста человек пленных.

[3] В числе 6000 человек.

[4] Авангард генерал-майора Шепелева усилен был пехотой генерал-майора Властова, с первого занятия Тильзита бывшей при отряде генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова, и частью кавалерии генерал-майора Дибича.

[5] Против дивизии генерала Геделе.

[6] *Примечание переводчика.* Кроме того, в Лабиау найдено 64 человека пленных россиян, в том числе 20 офицеров.

Д. Д. Шепелев
(1771–1841)

Дивизия генерала Геделе равномерно отступила к Кенигсбергу по приближении генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова, который, заняв Велау, перешел там Прегель и по левому берегу сей реки направился к Кенигсбергу. Генерал-майор граф Сиверс занял Тапиау[1].

23 декабря главные силы армии графа Витгенштейна прибыли к Ширау. Корпус графа Штейнгеля занял Велау для поддержания отряда генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова, следовавшего на Кенигсберг по левому берегу реки Прегеля. Несколько французских эскадронов, вышедших из сего города для обозрения, опрокинуты были полковником Сухтеленом, высланным против них с одним казачьим полком. Вскоре за этим весь отряд Голенищева-Кутузова прибыл к Кенигсбергу. Отряд генерал-майора графа Сиверса и авангард генерал-майора Шепелева приближались к этому же городу по правому берегу Прегеля вслед за войсками маршала Макдональда, вступившими в оный. Тогда в Кенигсберге находилось до 20 000 французов, большей частью принадлежавших к Главной их армии; но как за изнурением сил они не могли надеяться учинить успешного сопротивления, то и решились отступить, потопив сперва часть своей артиллерии. Вечером российские легкие отряды учинили нападение на Кенигсберг, в то время как неприятель начинал уже выходить из оного. Вытеснив французский арьергард из города, они взяли 1300 человек пленных, овладели значительными магазинами и собрали более 8000 человек усталых и больных, не успевших еще оставить город, а также освободили и российских пленных, взятых Макдональдом при Питкупенене.

Резервные батальоны в числе 3000 человек, привезенные к армии графа Витгенштейна полковником Жемчужниковым, поступили в состав корпуса генерал-лейтенанта Берга. Генерал-лейтенант Левиз равномерно присоединился к графу Витгенштейну с отрядом, состоявшим из 6500 человек пехоты с 12 орудиями и 1200 человек кавалерии, считая вместе с авангардом полковника графа Галате, прежде всего уже примкнувшим к генерал-майору Дибичу, при Колтинянах.

24 числа главные силы армии графа Витгенштейна перешли к Велау. Корпус графа Штейнгеля подвинулся к Фридланду. Генерал-майор Дибич, сменивший полковника

[1] *Примечание переводчика.* Граф Витгенштейн, находясь в Скайсгиррене, получил повеление поступить под начальство адмирала Чичагова, который и предписал ему подвинуться к реке Висле, направляясь через Кенигсберг к Мариенбургу и Мариенвердеру.

Между Браунсбергом и Эльбингом.
21 декабря 1812 г.

Тетенборна в командовании передовыми войсками генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова, на самом рассвете отправился к Брандебургу с 700 кавалерии, большей частью казаков и двумя орудиями. Настигнув французский арьергард, из 1000 человек кавалерии состоявший, он тотчас атаковал его, опрокинул и, отбив одну пушку, прогнал к городу, при котором стояли маршалы Ней и Макдональд с 10 000 пехоты. Батарея о восьми пушках, кстати открывшая свое действие, остановила российскую кавалерию. Она начала отступать, а французы опять подвинулись вперед. При всем том сражение продолжалось без приметной невыгоды со стороны россиян, и неприятель, не желавший завязать настоящего дела, отступал после одночасового боя. Барон Дибич, получивший в то время в подкрепление еще два казачьих полка, снова атаковал неприятеля. Он ворвался в Бранденбург на плечах французского арьергарда и прогнал его за Фригшиг, не дав времени сжечь мост, поставленный на сей реке. Неприятельские стрелки покусились было обратно занять город, дабы истребить мост, но были отбиты казачьим Селиванова полком. Вскоре засим полк Иловайского 12-го опрокинул несколько неприятельских эскадронов, двинувшихся против левого фланга россиян. Тогда французы отступили по дороге к Браумсбергу, будучи преследуемы казаками до деревни Петерс-Орта. В сем деле россияне потеряли только 40 человек, выбывших из строя. У неприятеля взято 200 человек пленных.

25 декабря армия графа Витгенштейна оставалась при Велау. Кавалерия барона Дибича, предшествовавшая отрядам Голенищева-Кутузова и Шепелева, преследуя неприятеля в направлении к Браунсбергу, взяла 300 человек пленных и шесть орудий, брошенных французами, дабы ускорить свое отступление.

26 числа армия прибыла к Фридланду. Неприятель занял позицию у Браунсберга. Полагали, что он будет отступать на Эльбинг, где находился король Неаполитанский с некоторым числом войск. Генерал-адъютант Голенищев-Кутузов подвинулся к местечку Гейлигенбейлю, при коем оставил генерал-майора Иловайского 4-го с 800 кавалерии, дабы присоединился тут к авангарду Шепелева, а с остатком своего отряда повернул на Прейшт-Голланд. Это движение, поддерживаемое корпусом графа Штейнгеля, следовавшего на деревню Беленгоф, имело целью атаковать город Эльбниг со стороны Мюльгаузена, между тем как Шепелев будет наступать по Браунсбергской дороге. Войсковой атаман генерал Платов, равномерно следовавший на Прейшт-Голланд, был в готовности подкрепить Голенищева-Кутузова.

27-го армия графа Витгенштейна прибыла к городу Бартенштейну. Неприятель оставался в своей позиции у Браунсберга. Генерал-майор Шепелев остановился у Гемерсдорфа, дабы дать генерал-адъютанту Голенищеву-Кутузову время окончить движение к Прейшт-Голланду.

28-го вечером французы оставили Браунсберг. Генерал-майор Шепелев, заняв сей город, преследовал их по дороге в Эльбинг. Голенищев-Кутузов прибыл в Прейшт-Голланд, где и соединился с генералом Платовым. Граф Штейнгель, долженствовавший подкрепить их, подвинулся к Беленгофу. Армия графа Витгенштейна перешла к Гейльсбергу, где на другой день имела роздых, а 30-го прибыла к Гутштату. Того же числа соединенные войска Платова и Голенищева-Кутузова прошли за Мюльгаузен, при коем граф Штейнгель остановился со своим корпусом. Генерал-майор Шепелев подвинулся и Фрауенбургу вслед за неприятельской колонной, накануне занимавшей Браунсберг, которая, отступив к Эльбингу, прибыла туда вечером. Он взял у неприятеля семь пушек и 300 человек пленных.

31 декабря армия прибыла к Прейшт-Голланду. Авангард генерал-майора Шепелева с одной стороны, а генерал Платов, граф Штейнгель и Голенищев-Кутузов — с другой, почти в одно время явились перед Эльбингом. Неприятель имел в городе более 10 000 человек, считая вместе с колонной, накануне прибывшей в оный, но войска его были столь изнурены, что он не отважился вступить в сражение с россиянами, почему и оставил город. Генерал-майор Иловайский, догнав неприятельский арьергард при деревне Розенберг, побил у него до 900 человек. Генерал-майор Шепелев преследовал колонну, отступавшую на Нейтейх и Пальшав. Граф Витгенштейн, вывихнув левую руку во время поездки, сделанной им в Кенигсберг, остался в сем городе, поручив генерал-лейтенанту графу Штейнгелю начальство над своей армией, которая в то время состояла из 16 казачьих полков, 31 эскадрона, 67 батальонов и 15 дружин С.-Петербургского и Новгородского ополчения при 164 орудиях артиллерии. В них было 21 000 человек пехоты, 3200 кавалерии, 2500 артиллерии, 4500 ополчения и 3700 казаков. За исключением же отрядов, оставленных по разным местам от города Себежа до местечка Юрбурга на реке Неман, в армии состояло 34 900 человек.

Если маршал Макдональд избегнул совершенного истребления, то, кажется, произошло это от медленности движения армии графа Витгенштейна. Мы видели, что 7 декабря эта армия находилась при Вилькомире, и в тот же самый день маршал Макдональд

только что начал отступление свое из окрестностей Митавы. А как Вилькомир ближе находится от Тильзита, нежели Митава, то граф Витгенштейн легко бы мог, предупредив неприятеля в Тильзите, отрезать ему всякое отступление. В сем можно было успеть тем легче, то от Вилькомира до Тильзита считается только 200 верст, составляющие шесть посредственно усиленных переходов, так что 13 или 14 числа армия могла уже прибыть к Тильзиту, между тем как первая колонна маршала Макдональда только что 14 числа показалась перед Пиктупененской тесниной. Впрочем, и то быть может, что войска, состоявшие под предводительством графа Витгенштейна, будучи крайне утомлены от беспрерывного похода, никак не могли прийти к Юрбургу ранее 15 числа; однако ж и в сем случае неоспоримо, что он мог еще воспользоваться пребыванием маршала Макдональда в Тильзите 17 и 18 числа, дабы, по меньшей мере, отрезать его от Кенигсберга, став на дороге из сего города в Тильзит; для сего надлежало только употребить более деятельности в своих движениях. Переход 17 числа от Юрбурга к Лебегаллену был довольно велик, и, судя по оному, можно было надеяться, что на другой же день или не позже 19 числа поутру Российская армия будет находиться у деревни Шиллупишкена на Кенигсбергской дороге и совершенно на сообщениях маршала Макдональда, ибо Шиллупишкен не более как верст на 40 отстоит от Лебегаллена. Вместо того Российская армия в два перехода подвинулась только к Соммерау; авангард же оной, который долженствовал бы по крайней мере стать на Кенигсбергской дороге, 19 числа перешел только к Шиллену, что на дороге из Рагнита в Инстербург, а от сего последовало, что маршал Макдональд, встретив одних только казаков, не могших остановить его движения, успел уйти к Лабиау. Ежели при сем случае мы не могли не обнаружить ошибки, учиненной графом Витгенштейном, то праводушие и благородство чувств, составлявшие отличительные свойства почтенного победителя под Кляссицами, несомненно, уверяют нас, что он не токмо не сочтет сего неуважением к своей особе, но, напротив, во всем вышесказанном усмотрит одно изъявление того ж самого чувства правоты, которое во все продолжение сего сочинения побуждало нас отдавать полную справедливость блистательным действиям, коими в сей поход заслужит он признательность Отечества.

Теперь возвратимся к тому, что происходило на левом крыле россиян. Мы уже видели в X главе, что фельдмаршал князь Шварценберг взял направление к Слонину; остановившись при сем городе с главными силами своего корпуса, он подвинул только авангардные отряды к местечку Белице и Несвижу. Генерал Ренье, следуя за движением австрийцев, расположился при городе Пружанах. В таком положении находились оба эти корпуса, когда известие о бедствиях, постигнувших Главную Французскую армию на реке Березине, и об отступлении оной к Вильно заставило их помышлять о собственной безопасности. Князь Шварценберг принял намерение медленно отступить на Белосток, прикрываясь с правой стороны саксонскими войсками, а с левой — арьергардом генерала Моора, который от Белицы следовал вниз по реке Неману к местечку Мостам. Российские корпуса, назначенные для действия в сей стороне, находились уже на марше, чтобы настигнуть неприятеля. Между тем как корпуса генерал-лейтенантов барона Остен-Сакена, Эссена 3-го и генерал-майора Тучкова 3-го направлялись к Слониму, генерал-адъютант Васильчиков со своим легким отрядом выступил 5 декабря

Гусарский офицер русской армии. 1812 г.

из селения Онжадова, следовал через Мыто к местечку Мостам, куда и прибыл 8 числа[1].

Генерал Моор, уже оставивший сие местечно, отступил чрез Россу и Великую Брестовицу на Белосток, при коем князь Шварценберг сосредоточил свой корпус. Генерал-адъютант Васильчиков, продолжая свое движение, прибыл 10 числа в Малую Брестовицу; а как малочисленность его отряда не позволяла ему явной силой вытеснить австрийцев из Белостока, то он и вступил с князем Шварценбергом в переговоры, вследствие коих австрийский фельдмаршал обязался выйти из пределов России. В самом деле, 13 декабря австрийцы, оставив Белосток, перешли границу и отступили сперва к местечку Высоко-Мазовецку, а потом к Пултуску. В сем последнем городе князь Шварценберг занял свою главную квартиру, оставив в местечках Остроленке, Остров и Броке арьергардные отряды, от коих высланные передовые посты протянули цепь от города Замброва до местечка Нура. 14 декабря генерал-адъютант Васильчиков занял Белосток; 17-го сам, перейдя границу, прибыл в Тикочин; а 19-го подвинулся к местечку Менженину.

Между тем генерал-лейтенант барон Остен-Сакен также выступил с 14-тысячным корпусом своим и 3 декабря перешел от села Дольска к городу Ковелю. Генерал-лейтенант Мусин-Пушкин с 5000 человек оставлен был у Владимира-Волынского. 5 числа генерал Сакен продолжал движение свое двумя колоннами: сам он с колонной генерал-майора Булатова прибыл к селению Крымно, а колонна генерал-майора графа Ливена — к местечку Камню-Каширскому. 6 числа первая колонна с главной квартирой

[1] *Примечание переводчика.* Сей отряд состоял из полков Харьковского, Черниговского, Киевского и Новороссийского драгунских, Ахтырского гусарского, 33-го егерского и Данилова казачьего с шестью орудиями конной артиллерии. Отряд графа Ожаровского, 7 декабря прибывший к местечку Бамионке, поступил в команду генерал-адъютанта Васильчикова; Донские Андреянова 2-го и Андреянова 3-го полки примкнули к отряду Васильчикова; а 19-й егерский и Мариупольский гусарский с шестью орудиями конной артиллерии посланы были в Гродно, где находился уже партизан подполковник Давыдов с двумя Донскими и одним Бугским казачьим полками. Партизанские отряды Сеславина и Фигнера были распущены, и команды, из коих оные были составлены, возвратились к своим полкам.

перешла в Любашево; вторая колонна заместила ее в Крымном. 7-го первая колонна подвинулась к селению Мохре; вторая присоединилась к главной квартире при Любашеве. 8-го генерал-майор Булатов перешел к местечку Янову, граф Ливен — к Мохре, а главная квартира переведена была в Баландичи. На другой день войска имели роздых, но главная квартира перешла к Янову. 10-го генерал-майор Булатов подвинулся к Хомску, граф Ливен — к Янову, а главная квартира перешла в Бездеж.

Генерал-лейтенант барон Остен-Сакен, получивший в то время известие, что австрийцы, оставив Слоним, отступают к Белостоку и что генерал Ренье также начал отступать от Пружан через местечки Высоко-Литовск на Дрогичин, решился не продолжать более движения своего к Слониму, но, переменив направление влево, стараться настигнуть неприятеля. На сей конец генерал-майор Булатов получил приказание следовать от Хомска через Малец, Пружаны и Шерешев к Каменцу-Литовскому в шесть переходов. Граф Ливен равномерно должен был прибыть к Каменцу-Литовскому в семь дней, проходя через город Кобрин, откуда предписано было ему отрядить один пехотный полк с тремя сотнями казаков и четырьмя орудиями для занятия Бреста-Литовского. Главная квартира под прикрытием одного пехотного полка следовала по дороге к Бресту и, прибыв туда 16 числа, на другой день имела роздых. В Бресте-Литовском оставлен был один батальон с небольшим числом казаков; остаток же отряда, находившегося в этом городе, выступил из него 18 числа и вместе с главной квартирой перешел к деревне Кустину. 19-го присоединился он у Высоко-Литовска к графу Ливену, который того ж дня подвинулся к Телятичам. 20-го граф Ливен прибыл к местечку Сематиче, куда переведена была также и главная квартира.

Генерал-майор Булатов настиг австрийский отряд, взявший направление к местечку Цехановцу, дабы присоединиться к главным силам корпуса князя Шварценберга, и отбил у него 1200 человек пленных. Граф Ливен равномерно взял 400 человек в плен из арьергарда генерала Ренье между речкой Лесной и Бугом.

24 декабря генерал-майор Булатов двинулся через Гродзиск к Цехановцу, а граф Ливен — от Сематиче к Острожанам. Корпус генерала Ренье, перейдя реку Буг, отступил к местечку Станиславову; передовые посты его остались на речке Ливце, протянув цепь от впадения ее в реку Буг до местечка Седлца. 25 числа последние войска неприятельские перешли границу. 27-го барон Остен-Сакен перевел главную квартиру свою в местечко Гранну. Войска его расположились на временных квартирах на левом берегу реки Буга, имея правый фланг в селении Кршемнь, а левый в Гродке.

Генерал-майор Тучков 3-й, выступив 3 декабря из местечка Койданова в направлении к Слониму, того ж дня подвинулся к местечку Новому Сверженю, 10-го прибыл в Несвиж, а 15-го — в Слоним, где и сдал начальство генералу от инфантерии Дохтурову, которому князь Кутузов вверил сей корпус, в то время состоявший почти из 11 000 человек под ружьем. В следующие дни генерал Дохтуров продолжал движение свое через города Волковиск и Белосток к Гониондзу, куда и прибыл 24 числа. Семь батальонов, состоявших под начальством генерал-майора Радта, пришли в Белосток в последних числах декабря.

Корпус генерал-лейтенанта Эссена 3-го, ошибочным движением своим к Новограду-Волынскому слишком отдалившийся от театра военных действий, не мог уже достигнуть границы иначе, как после весьма утомительных переходов. 4 декабря генерал-лейтенант

Эссен выступил от Мензырича к Друхову, 5-го прибыл он в Березну, 6-го — в Зносичь, а 7-го — в Сарнаки, где на следующий день имел роздых. 9 числа подвинулся он в Кураш, 10-го — в Домбровицу, 11-го — в Высоцк, а 12-го — в Столин, где 13-го имел дневку. 14-го он опять выступил в Рухчу, 15-го — в Черное, и 16-го прибыв в город Пинск, имел там на другой день роздых. Поскольку в то время неприятель уже решительно отступал из пределов России, то генерал-лейтенант Эссен и получил приказание, переменив направление свое влево, идти к Бресту-Литовскому, куда корпус его и прибыл 31 декабря, пройдя через Мотуль и Кобрин.

Заключение

Таким образом, после шестимесячного наитруднейшего похода неприятель совершенно изгнан был из пределов России. Урон, в течение сего времени им понесенный, почти невероятен. По умеренному исчислению, оный состоял в 125 тысячах человек, убитых в сражениях. Сверх сего, армии Наполеоновы потеряли пленными 48 генералов, 3800 офицеров и более 190 000 нижних чинов. Присовокупив к тому еще людей, порознь погибших от болезней, голода, стужи и других случайных причин, смело можно положить, что вся потеря неприятеля простиралась почти до 450 000 человек. Число войск неприятельских, которые, избегнув сего ужасного бедствия, обратно перешли границу России, не превышало 80 000 человек, но в том числе включаются 25 000 австрийцев и 18 000 пруссаков, так что из прочих войск Наполеоновых не осталось и 40 000 человек. Кроме того, в продолжение похода россияне отбили у неприятеля 75 орлов, знамен и штандартов и 929 орудий, не считая зарытых в землю или брошенных в воду. Военные летописи не представляют другого примера столь блистательных и решительных успехов.

Медаль
«Бегство Наполеона за Неман»

Потомство найдет в сем походе, столь достопамятном по удивительному истреблению людей, страшный пример, сколь опасно на войне уклоняться от правил, здравой теорией постановленных. В самом деле, торжество истинных правил военной науки никогда не оказывалось столь блистательным образом, как в сей чудесный поход. Наполеон в Москве представляет занимательное зрелище великого полководца, который, предводительствуя многочисленной

армией, достиг военной цели, им себе предположенной при открытии военных действий, но которому предстоит опасность потерять всю армию, оттого что упустил или пренебрег важное правило: *не слишком отдаляться от опоры своих действий* — правило, единственно могущее обезопасить действия делать завоевания прочными и успехи, на поле сражения одержанные, полезными. Единая ошибка сия ниспровергает предприятие, соображенное одним из величайших военных гениев, когда-либо существовавших, и поддерживаемое исполинскими средствами, доставленными ему содействием большей части Европы.

Россия с достоинством выдержала трудную борьбу. Народ российский явил все величие свое готовностью на пожертвования, требуемые крайностью обстоятельств. При виде опасности, угрожавшей Отечеству, всякие личные выгоды, всякие ревнования сословий умолкли, и все состояния, одно перед другим, спешили соединиться вокруг престола. Весь народ, одинаковым чувством одушевленный, мыслил только о средствах ускорить изгнать чужеземцев. Глас чести народной отдавался во всех сердцах и внушал все мероположения. Все, от богатейшего вельможи до беднейшего земледельца, наперерыв стремились возложить на жертвенник Отечества приношение имущества в крови своей. Мы уже видели, что правительство даже принуждено было ограничить пожертвования, которые граждане в жару усердия своего предлагали свыше действительных потребностей государства.

Но императору Александру наиболее принадлежит слава сего блистательного похода. Размышлявшие о великих уроках, представляемых историей, согласятся, что во всех важных происшествиях видно действие главной и господствующей причины, коей решительное влияние во всем ходе дел ощутительно. Причины случайные и побочные могут более или менее ускорить или замедлить развязку, но они не могут переменить сей развязки, которой всегда управляет главная причина. В событиях 1812 года главной причиной была благородная и великодушная мысль императора Александра продолжать войну до последней крайности, не позволив устрашить себя неудачами, сколь бы велики оные ни были, или обольстить наивыгоднейшими предложениями со стороны неприятеля. Мысль сия, торжественно объявленная в рескрипте Его Величества к фельдмаршалу графу Салтыкову, включенном в III главе сей книги, изъяснена в оном следующими словами: *Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве Моем.* Слова достопамятные, показывающие благородную доверенность монарха к своему народу, и по коим с того же времени надлежало предвидеть счастливое окончание воины, ибо оные содержат в себе всю тайну великих успехов, одержанных россиянами. В самом деле, коль скоро российский император принял великодушную решимость скорее согласиться на все пожертвования, нежели договариваться с неприятелем, то нашествие, учиненное Наполеоном на страну беспредельную, сделалось предприятием безумным, а успех оного — невозможным.

Муж, после императора Александра наиболее заслуживший признательность Отечества, без всякого противоречия, есть фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов. Глубокой и постоянной мудрости его поступков Россия обязана скорым избавлением своим. По несчастью, даже между нами есть люди, столь предубежденные, что хотят лишить память его справедливой благодарности признательного Отечества, но усилия их останутся тщетными. Действия фельдмаршала были столь превосходны, что могут

выдержать исследование наистрожайшей критики. В самом деле, в военном отношении можно укорять его только двумя ошибками, но первая из них, состоявшая в том, что он вступил в битву Бородинскую, по необходимости приведена была самоважнейшими политическими причинами, а посему и не может быть названа таковой. Что касается до второй погрешности — отступного движения 14 октября, произведенного из-под Малого Ярославца к Гончарову, — то мы признаемся, что оная не может быть удовлетворительно оправдана. Но сколь велик должен быть полководец, учинивший в четырехмесячный, самый деятельный поход только одну ошибку! К тому ж взамен сей погрешности, сколько находим мы превосходных соображений, из коих одного достаточно было бы для прославления полководца. Движение с Коломенской дороги на Калужскую; переход от села Тарутина к Малому Ярославцу; параллельное преследование неприятеля; переход от Ельни к Красному и искусные соображения боев под Красным будут всегда служить образцами в военной науке. Кутузов явил себя тем более великим, что, совершенно постигнув истинное свойство войны, производимой Россией, почувствовал, что она сражается за освобождение свое, а не для славы, и что долг его требовал, жертвуя даже личным славолюбием, нередко отказываться от видимо удобных случаев к успеху, которые счастье ему представляло, и вместо того ограничить себя нанесением неприятелю ударов, менее блистательных, но вернейших и не столь дорого искупленных. Зависть и другие столь же низкие страсти могут на время помрачить славу Кутузова, но бессмертие уже началось для имени его, и потомство, не столь пристрастное, как современники, не откажет дать ему место за услуги, оказанные Отечеству, возле Пожарского, а за военные дарования — возле Суворова.

Фельдмаршал
М. И. Кутузов

Фельдмаршал Кутузов был также в полной мере вспомоществуем приверженностью храброго и неутомимого войска российского и усердием начальников, которые все показали себя достойными его доверенности. Поход 1812 года полезен был для России не по одним непосредственным следствиям оного, но доставил ей еще ту выгоду, что через оный образовались или сделались известными отличные генералы. Не говоря о

питомцах славы, уже испытавшихся в предыдущих войнах, мы удовольствуемся назвать здесь Раевского, Коновницына, Ермолова, графа Петра фон-дер-Палена, Васильчикова, графа Воронцова, барона Дибича, Паскевича, Чернышева. Генералы эти, равно как и некоторые другие, подобные им, слава и надежда Российской армии, одолжены достойной известностью своей происшествиям сего похода. Уважение, коим пользуются они между сослуживцами своими, есть уже для них награда, наиболее сообразная с благородными их чувствами.

Но неужели оставим мы в забвении имя сего отличного воина, который по сметливости и великим дарованиям своим был душой всех совещаний и первым виновником многих превосходных намерений, принятых фельдмаршалом князем Кутузовым в продолжение сего похода. Разумеется, что мы говорим здесь о генерал-квартирмейстере Толе. Служба Генерального штаба, столь важная и трудная, особенно в военное время, тем неблагодарнее, что оная производится втайне кабинета. Начальствующий войсками соображает, приводит в исполнение и обретает награду свою в общественном одобрении, следующем за отличными подвигами. Напротив того, офицер Генерального штаба, имея только голос для совета, весьма часто подвергается прискорбию видеть изящные соображения свои испорченными или отвергнутыми невежеством и упорством, а если случится, что, преодолев наконец всякое противоречие, он успевает склонить прочих на свое мнение, то все еще принужден бывает уступить честь и славу успеха начальнику, согласившемуся привести в действо его предположение, между тем как сам изобретатель мысли остается неизвестным. Сие полное отвержение всякой личной выгоды, может быть, есть одна из гражданских добродетелей, наитруднейших в исполнении. Офицеры, подобно генерал-квартирмейстеру Толю, в столь высокой степени исполняющие сию добродетель, да обретут награду драгоценных заслуг своих в признательности Отечества!

Теперь остается нам сделать еще одно замечание: некоторые люди думают уверить, что намерение завлечь неприятеля внутрь России было заранее принято нашим правительством. Не желая сознаться, что отступление от реки Немана к Москве неминуемо воспоследовало от малочисленности наших армий, и, напротив, утверждая, что отступление сие произведено было вследствие глубоко соображенного предначертания, они полагают тем придать более блеска нашему оружию. Но говорящие таким образом должны бы знать, что слава, приобретенная Россией, не имеет надобности в пособии хитрости и лжи. 1812 год был пробным камнем, открывшим сокровища, которые Россия заключает в недрах своих, и потомки наши всегда с гордостью вспоминать будут о сей достопамятной эпохе истории своего государства. Одного справедливого описания событий достаточно уже для доставления Отечеству нашему удивления современников и потомства. Впрочем, лесть бывает иногда столь неискусна, что, думая приукрасить происшествие, ею излагаемые, в самом деле унижает оные. Действительно, допуская предположение, что армии наши могли бы держаться на реке Немане, не возлагают ли на них ответственность за разор миллиона мирных жителей, которых они могли бы защитить. Дабы показать дела в истинном виде, мы просим читателя заметить предположение генерала Барклая де Толли сразиться с неприятелем под Витебском и Дорогобужем и наступательное движение к Рудне, произведенное российскими армиями после соединения оных под Смоленском. Если б отступление производимо

было в неполноте предначертания, уже данного правительством, то осмелились ли бы начальники наши явно нарушить оное, предпринимая наступательные действия? Сверх того, огромные магазины, учрежденные нами в Литве и которые посчастливилось нам истребить, не ясно ли доказывают, что совсем не полагали отступать с такой поспешностью, с каковой сие произведено было? Поистине, мы отступили сперва к Смоленску для того, чтобы соединить обе наши армии, ибо находили себя слишком слабыми, а потом от Смоленска к Москве, дабы сблизиться со своим подкреплением. Конечно, неоспоримо, как мы уже и сказали, что император Александр, единожды начав войну, вознамерился вести оную до последней крайности и вследствие того решился на отступление, сколь бы оное ни могло случиться продолжительным; однако ж от таковой решимости, востребованной тогдашними обстоятельствами, еще весьма далеко до исполнения заранее сделанного предначертания. К тому же какое было бы последствие сего мнимо-превосходного предначертания, если б Наполеон остановился у Смоленска? А всяк согласится, что нельзя было предвидеть того, чтобы французский император решился перейти за реку Днепр в течение одного похода! Итак, желающие сделать честь нашему правительству, приписывая ему соображение, вымышленное уже после события, кажется нам, походят на тех вестовщиков Монтескью, которые, восхваляя полководца за тысячу дурачеств, коих он не делал, приготовляют ему еще тысячу других, которых он не сделает.

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года»

Любезное Отечество! Опасность, тобой испытанная и через усердие сынов твоих сделавшаяся столь спасительной, да будет для тебя неисчерпаемым источником благоденствия! Да возможешь ты вступить на славную стезю, ведущую к высоким предназначениям, Провидением столь видимо для тебя уготовленным! Могущество твое, ужас притеснителей и прибежище угнетенных, да возрастет и утвердится для сохранения повсеместного порядка и справедливости! И Господь сил, помогавший тебе на полях Куликовском и Полтавском и еще раз столь чудесно помогал тебе в сию последнюю брань, да защитит тебя навеки могущественной десницей Своей! Уже иноплеменник содрогается, признавая неприступность твоих пределов. Отныне никакой враг не дерзнет переступать оных, и мирные граждане твои да возмогут с безопасностью собирать сокровища рождающейся промышленности и спокойно вкушать плоды улучшений, приготовляемых для них успехами просвещения и благотворным ходом времени.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Расписание Французской армии во время нашествия ее на Россию

Главнокомандующий: император Наполеон
Начальник Главного штаба: маршал Бертье
При нем начальник штаба: дивизионный генерал граф Монтион
Начальник артиллерии: дивизионный генерал граф Ларибосьер
Начальник инженеров: дивизионный генерал Шасселу-Лобат

ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ

Маршалы Лефевр, Мортье и Бесьер

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
Дивизия старой гвардии Ген. граф Дорзель	Ген. барон Рого	1-й гвардейский гренадерский	2	
		2-й гвардейский гренадерский	2	
	Ген. Дюмутье	1-й гвардейский егерский	2	
		2-й гвардейский егерский	2	
1-я дивизия молодой гвардии Ген. барон Кюриаль	Ген. Бертезан	4-й волтижерный	2	
		5-й волтижерный	2	
		6-й волтижерный	2	
	Ген. Ламюрс	4-й стрелковый	2	
		5-й стрелковый	2	
		6-й стрелковый	2	
2-я дивизия молодой гвардии Ген. Делаборд		1-й волтижерный	2	
		1-й стрелковый	2	
		Гвардейские егеря-фузилеры	2	
		Гренадеры-фузилеры	2	
		Гвардейские фланкеры	2	
	Ген. принц Эмилий Гессен-Дармштатский	Батальон Нефшательский	1	
		Гвард. Гессен-Дармштатский	2	
		Фузилеры гвардейские Гессен-Дармштатские	2	
		Насл. принца Гесс.-Дармш.	2	
		Конноегерский Португальский	—	3

Гвардейская кавалерийская дивизия Ген. граф Валтер	Ген. Шастель	Конногренадерский	—	4
		Гвардейский драгунский	—	4
		Гвардейский конноегерский	—	4
	Ген. Гюйо	1-й уланский	—	4
		Мамелюков	—	1
	Ген. Кольбер	2-й уланский	—	2
		3-й уланский	—	4
		Жандармы д'элит	—	2
		Гвардейские велиты принца Боргезе	1	
		Почетная гвардия	—	1
		Велиты Тосканской гвардии	1	
		Пионерный Испанский	1	
		7-й легкоконный	—	4
Легион Вислы Ген. Клапаред		1-й легион Вислы	3	
		2-й легион Вислы	3	
		3-й легион Вислы	3	
		4-й легион Вислы	3	
		Итого в гвард. корпусе	54	35

1-й КОРПУС
Маршал Даву

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
1-я пехотная дивизия Ген. граф Моран	Ген. Дальтон	13-й легкий	5	
		17-й линейный	5	
		30-й линейный	5	
		23-й Баденский	2	
2-я пехотная дивизия Ген. граф Фриан	Ген. Дюфир	15-й легкий	5	
		33-й линейный	5	
		48-й линейный	5	
		Иосифа Наполеона Испан.	2	
3-я пехотная дивизия Ген. граф Гюден	Ген. Жерар	7-й легкий	5	
		12-й линейный	5	
	Ген. Леклерк	21-й линейный	5	
		127-й линейный	3	

4-я пехотная дивизия	Ген. барон Фредерикс	53-й легкий	3	
		85-й линейный	5	
		108-й линейный	5	
5-я пехотная дивизия		25-й линейный	5	
		57-й линейный	5	
		61-й линейный	5	
		111-й линейный	5	
		Мекленбургский	3	
Кавалерийская дивизия	Ген. Пажоль	2-й конноегерский	—	4
		9-й уланский Польский	—	4
	Ген. Бордесульт	1-й конноегерский	—	4
		3-й конноегерский	—	4
		Итого в 1-м корпусе	88	16

2-й КОРПУС
Маршал Удино

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
6-я пехотная дивизия Ген. Легран	Ген. Мезон	26-й легкий	4	
	Ген. Альбер	19-й линейный	4	
		56-й линейный	4	
	Ген. Моро	128-й линейный	3	
		3-й Португальский	2	
8-я пехотная дивизия Ген. граф Вердье	Ген. Вивье	11-й легкий	4	
		2-й линейный	4	
	Ген. Понгет	37-й линейный	4	
		124-й линейный	3	
9-я пехотная дивизия	Ген. Амей	3-й запасной Кроатский	4	
		1-й Швейцарский	3	
	Ген. Кудрас	2-й Швейцарский	3	
		3-й Швейцарский	3	
	Ген. Кутар	4-й Швейцарский	3	
		123-й линейный	3	
Кавалерийская дивизия	Ген. Кастекс	7-й конноегерский	—	4
		23-й конноегерский	—	4
		24-й конноегерский	—	4
	Ген. Корбино	20-й конноегерский	—	4
		8-й легкоконный	—	4
		Итого во 2-м корпусе	51	20

3-й КОРПУС
Маршал Ней

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
10-я пехотная дивизия Ген. Ледрю		24-й легкий	4	
		46-й линейный	4	
		72-й линейный	4	
		129-й линейный	3	
		1-й Португальский	2	
11-я пехотная дивизия Ген. барон Разу		4-й линейный	4	
		18-й линейный	4	
		23-й линейный	4	
		Иллирийский	3	
		2-й Португальский	2	
25-я пехотная дивизия Ген. Маршан	Ген. Кох	1-й Виртембергский	2	
		2-й Виртембергский	2	
	Ген. Шелер	4-й Виртембергский	2	
		6-й Виртембергский	2	
		7-й Виртембергский	2	
	Ген. Брюкеель	1-й егерск. бат. Виртемб.	1	
		2-й егерск. бат. Виртемб.	1	
		1-й легкий	1	
		2-й легкий	1	
Кавалерийская дивизия Ген. Вельварт	Ген. Муриез	1-й гусарский	—	4
		6-й легкоконный	—	4
		4-й конноегерский	—	4
	Ген. Берман	1-й конноегерский Виртемб.	—	4
		2-й конноегерский Виртемб.	—	4
		3-й конноегерский Виртемб.	—	4
		Итого в 3-м корпусе	48	24

4-й КОРПУС
Принц Евгений, вице-король Итальянский

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
Итальянская гвардия Ген. граф Лекки		Почетная гвардия	1	
		Королевские велиты	1	
		Гвардейский егерский	1	
		Гвардейский гренадерский	2	
	Ген. Триер	Гвардейский драгунский	—	4
		Королевы драгунский	—	4
13-я пехотная дивизия Ген. барон Дельзон	Ген. Гюар	8-й легкий	4	
	Ген. Руссель, а потом ген. Нагель	1-й Кроатский	3	
		94-й линейный	4	
	Ген. Ферье	92-й линейный	4	
		106-й линейный	4	
14-я пехотная дивизия	Ген. Бертран де Сивре	18-й легкий	4	
	Ген. Жирарден	Иосифа Наполеона Гишпанский	2	
		9-й линейный	4	
	Ген. Плозань	35-й линейный	4	
		53-й линейный	4	
15-я пехотная дивизия Ген. граф Пино	Ген. Гильом	1-й легкий Итальянский	3	
		3-й легкий Итальянский	3	
		Далматский	3	
		2-й линейный Итальянский	3	
		3-й линейный Итальянский	3	
Кавалерийская дивизия Ген. Гюжон	Ген. Ферье	9-й конноегерский	—	4
		19-й конноегерский	—	4
		2-й конноегерский Итальянский	—	4
		3-й конноегерский Итальянский	—	4
		Итого в 4-м корпусе	57	24

5-й КОРПУС
Генерал князь Понятовский

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
16-я пехотная дивизия Ген. Зайончек	Ген. Аксамитовский	3-й Польский	4	
		13-й Польский	4	
	Ген. Неможевский	15-й Польский	4	
		16-й Польский	4	
17-я пехотная дивизия Ген. Домбровский	Ген. Дзевановский	1-й Польский	4	
		17-й Польский	4	
	Ген. Тулинский	6-й Польский	4	
		14-й Польский	4	
18-я пехотная дивизия Ген. Княжевич	Ген. Жолтовский	2-й Польский	4	
		8-й Польский	4	
		12-й Польский	4	
Кавалерийская дивизия Ген. Каминский		4-й конноегерский Польский	—	4
	Ген. Вейсенгоф	1-й кирасирский Польский	—	4
		12-й уланский Польский	—	4
	Ген. князь Сулковский	5-й конноегерский	—	4
		13-й гусарский	—	4
		Итого в 5-м корпусе	44	20

6-й КОРПУС
Генерал граф Гувион-Сент-Сир

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
19-я пехотная дивизия Ген. граф Деруа	Ген. граф Мунуцци	1-й линейный Баварский	2	
		2-й линейный Баварский	2	
		3-й линейный Баварский	2	
	Ген. Раглович	4-й линейный Баварский	2	
		5-й линейный Баварский	2	
		6-й линейный Баварский	2	
	Ген. Зибельн	1-й легкий батальон	1	
		3-й легкий батальон	1	
		5-й легкий батальон	1	

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
20-я пехотная дивизия	Ген. граф Бекерс	7-й линейный Баварский	2	
		8-й линейный Баварский	2	
		9-й линейный Баварский	2	
	Ген. Воллер	10-й линейный Баварский	2	
		11-й линейный Баварский	2	
	Ген. Винекуши	2-й легкий батальон	1	
		4-й легкий батальон	1	
		6-й легкий батальон	1	
Кавалерийская дивизия	Ген. граф Зейдевиц	3-й легкоконный Баварский	—	4
		6-й легкоконный Баварский	—	4
	Ген. граф Прейсинг	4-й легкоконный Баварский	—	4
		5-й легкоконный Баварский	—	4
		Итого в 6-м корпусе	28	16

7-й КОРПУС
Генерал Ренье

21-я пехотная дивизия Ген. Лекок	Ген. Стендаль	Либенау гран. бат. Саксонский	1	
	Ген. Дирн	Принца Фридриха Саксонского	2	
		Принца Клементия Саксонского	2	
		Принца Антона Саксонского	2	
		1-й легкий Саксонский	2	
22-я пехотная дивизия Ген. Функ	Ген. фон Сар	Ангериа гран. бат. Саксонский	1	
		Шпигеля гран. бат. Саксонский	1	
	Ген. Кленгель	Низемейшеля Саксонский	2	
		Королевский Саксонский	2	
	Ген. Ностиц	2-й легкий	2	
Кавалерийская дивизия	Ген. Габленц	Гусарский Саксонский	—	8
		Поленца драгунский Саксонский	—	4
		Принца Клементия улан. Саксон.	—	4
		Итого в 7-м корпусе	17	16

8-й КОРПУС
Генерал Жюно

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
23-я пехотная дивизия	Ген. Дамас	1-й легкий батальон Вестфальский	1	
		2-й легкий батальон Вестфальский	1	
		3-й легкий батальон Вестфальский	1	
	Полков. барон Борстель	3-й линейный Вестфальский	2	
		5-й линейный Вестфальский	2	
		6-й линейный Вестфальский	2	
24-я пехотная дивизия Ген. Окс	Ген. Шассерт	Гвард. гренад. бат. Вестфальский	1	
		Егерский карабин. батальон	1	
		Гвардейский егер. батальон	1	
	Ген. Фюльграф	7-й линейный Вестфальский	2	
		8-й линейный Вестфальский	2	
Кавалерийская бригада	Полков. фон Вольф	1-й гусарский Вестфальский	—	4
		2-й гусарский Вестфальский		
		Итого в 8-м корпусе	16	8

9-й КОРПУС[1]
Маршал Виктор

22-я пехотная дивизия Ген. Партуно	Ген. Бельяр	10-й легкий	4	
		29-й легкий	4	
	Ген. Камюс	Сводный из первых бат. 36, 51 и 55-го линейных	3	
		44-й линейный	4	
	Ген. Блемон	125-й линейный	5	
		126-й линейный	3	
26-я пехотная	Ген. Лагранж	1-й Бергский	2	
		2-й Бергский	2	
		3-й Бергский	2	
		4-й Бергский	2	
	Ген. граф Гохберг	1-й линейный Баденский	2	
		2-й линейный Баденский	2	
		Егерский батальон Баденский	1	
		Итого	28	

[1] Во время нашествия 9-й корпус оставался в Пруссии и не прежде сентября месяца вступил в Россию.

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
28-я пехотная дивизия Ген. Жирар		4-й Польский	4	
		7-й Польский	4	
		9-й Польский	4	
	Ген. Кленгель	Лова Саксонский	2	
		Рехтена Саксонский	2	
		1-й линейный Вестфальский	2	
		Лейб-фузилерный Гессен-Дармштатский	2	
Кавалерийская дивизия	Ген. Делетр	Бергский уланский	—	4
		Дармштатский драгунский	—	4
	Ген. Фурнье	Принца Иоанна драгунский Саксонский	—	4
		Баденский гусарский	—	4
		Итого в 9 корпусе	54	16

10-й КОРПУС
Маршал Макдональд

7-я пехотная дивизия Ген. Гранжан	Ген. Бателю	5-й Польский	4	
	Ген. князь Радзивил	10-й Польский	4	
		11-й Польский	4	
	Ген. Рикар	13-й Баварский	2	
		1-й линейный Вестфальский	2	
27-я пехотная дивизия Ген.-лейтенант Иорк	Полков. фон Белов	1-й Прусский	3	
		2-й Прусский	3	
		Восточно-Прусск. егер. батальон	1	
	Полков. Горн	3-й Прусский	3	
		4-й Прусский	3	
		Фузел. бат. 2-го Вост.-Прус. полка	1	
	Полков. фон Раумер	5-й Прусский	3	
		6-й Прусский	3	
Кавалерийская дивизия Ген.-лейтенант Массенбах	Полков. Жаннерет	Сводн. лейб-гусар. Прусский	—	4
		3-й сводный гусарский	—	4
	Полков. Гинербейн	1-й сводный драгунский	—	4
		2-й сводный драгунский	—	4
		Итого в 10 корпусе	36	16

11-й КОРПУС[1]
Маршал Ожеро

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
30-я пехотная дивизия Ген. Геделе		5-я запасная полубригада	3	
		6-я запасная полубригада	3	
		7-я запасная полубригада	3	
		8-я запасная полубригада	3	
		9-я запасная полубригада	3	
		17-я запасная полубригада	3	
31-я пехотная дивизия Ген. граф Луазон		10-я запасная полубригада	3	
		11-я запасная полубригада	3	
		12-я запасная полубригада	3	
		13-я запасная полубригада	3	
		Вирцбургский легкокон. эск.	—	1
32-я пехотная дивизия	Ген. барон Антинг	Бель-Иль	3	
		Вирцбургский	3	
		Вальхернский	3	
	Полков. Мори	1-й Средиземный	3	
		2-й Средиземный	3	
		Иль-де-Ре	3	
33-я пехотная дивизия Ген. Дестре		Пешие велиты Неаполитанские	2	
		Морской Неаполитанский	2	
		5-й линейный Неаполитанский	2	
		6-й линейный Неаполитанский	2	
		7-й линейный Неаполитанский	2	
		Почетная кон. гвар. Неаполитанская	—	2
		Конные велиты Неаполитанские	—	2
34-я пехотная дивизия Ген. Моран		22-й легкий	2	
		3-й линейный	2	
		29-й линейный	4	
		105-й линейный	2	
		113-й линейный	2	
		Велик. герцога Франкфурт.	3	
		4-й Рейнского союза	3	
		5-й Рейнского союза	2	
		6-й Рейнского союза	2	
		Принца Максимилиана Сакс.	3	

[1] 11-й корпус оставался в Германии, за исключением трех дивизий, впоследствии вошедших в Россию. Дивизия Дюрюта присоединилась к 7-му корпусу, а дивизии Луазона и Дестре пришли в Вильно.

Кавалерийская дивизия	Ген. Каваньян	2-й драгунский	—	4
		5-й драгунский	—	4
		12-й драгунский	—	4
		13-й драгунский	—	4
		14-й драгунский	—	4
		17-й драгунский	—	4
		19-й драгунский	—	4
		20-й драгунский	—	4
		Итого в 11 корпусе	83	37

1-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС
Генерал граф Нансути

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
1-я легкая кавалерийская дивизия Ген. Брюер		7-й гусарский	—	4
		9-й легкоконный	—	4
		16-й конноегерский	—	4
		8-й гусарский	—	4
		6-й уланский Польский	—	4
		8-й уланский Польский	—	4
		Гусарский Прусский	—	4
1-я тяжелая кавалерийская дивизия Ген. Сент-Жермен		2-й кирасирский	—	4
		3-й кирасирский	—	4
		9-й кирасирский	—	4
		1-й легкоконный	—	4
5-я тяжелая кавалерийская дивизия Ген. граф Валанс		6-й кирасирский	—	4
		11-й кирасирский	—	4
		12-й кирасирский	—	4
		5-й легкоконный	—	4
		Итого в 1-м кав. корпусе	—	60

2-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС
Генерал Монбюрн

2-й легкая кавалерийская дивизия Ген. Пажоль	Ген. Сент-Женье	11-й конноегерский	—	4
		12-й конноегерский	—	4
	Ген. Баурт	5-й гусарский	—	4
		9-й гусарский	—	4
	Ген. Сюпервис	10-й гусарский Польский	—	4
		3-й конноегер. Виртембергский	—	4
		Уланский Прусский	—	4

	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
3-*я тяжелая кавалерийская дивизия* Ген. Ватье	Ген. граф Коленкур	5-й кирасирский	—	4
		8-й кирасирский	—	4
	Ген. Рихтер	10-й кирасирский	—	4
		2-й легкоконный	—	4
4-я тяжелая кавалерийская дивизия Ген. Дефранс	Ген. Беркгем	1-й карабинерный	—	4
	Ген. Леритаж	2-й карабинерный	—	4
	Ген. Орнано	1-й кирасирский	—	4
		4-й легкоконный	—	4
		Итого во 2-м кав. корпусе	—	60

3-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС

Генерал граф Груши

5-я легкая кавалерийская дивизия Ген. Шастель	Ген. Готлен	6-й конноегерский	—	4
		8-й конноегерский	—	4
	Ген. Жерар	6-й гусарский	—	4
		35-й конноегерский	—	4
	Ге. Доманжет	1-й легкоконный Баварский	—	4
		2-й легкоконный Баварский	—	4
		Принца Альберта драг. Сак.	—	4
5-я тяжелая кавалерийская дивизия Ген. Думерг	Ген. Леритье	4-й кирасирский	—	4
		7-й кирасирский	—	4
		14-й кирасирский	—	4
		13-й легкоконный	—	4
6-я тяжелая кавалерийская дивизия Ген. Лагуссе		7-й драгунский	—	4
		23-й драгунский	—	4
		28-й драгунский	—	4
		30-й драгунский	—	4
		Итого в 3-м кав. корпусе	—	60

4-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС
Генерал Латур-Мобург

4-я легкая кавалерийская дивизия Ген. Рознецкий		2-й уланский Польский	—	4
		15-й уланский Польский	—	4
		16-й уланский Польский	—	4
		3-й уланский Польский	—	4
		7-й уланский Польский	—	4
		11-й уланский Польский	—	4
	Бригадные начальники	Полки	Батал.	Эскадр.
7-я тяжелая кавалерийская дивизия Ген. Лорж	Ген. Тилеман	Гвардейск. кирасир. Саксонский	—	4
		Застрова кирасир. Саксонский	—	4
		14-й уланский Польский	—	4
	Ген. граф Лепель	1-й кирасир. Вестфальский	—	4
		2-й кирасир. Вестфальский	—	4
		Итого	—	44

АВСТРИЙСКИЙ КОПУС
Генерал князь Шварценберг

Кавалерийская дивизия Ген. граф Фримон	Ген. Шмельцер	Эрцгерцога Иоанна драгунский	—	6
		Гогенцоллерна легкоконный	—	8
		Орелли легкоконный	—	8
		Императорский гусарский	—	8
		Принца Гессен-Гомбургск.	—	8
		Бланкенштейна Гессен-Гомбурск.	—	8
		Кинмаера Гессер-Гомбургск.	—	8
1-я пехотная дивизия Ген. Биянки	Ген. принц Филипп Гессен-Гомбургский	Гиллера	2	
		Коллоредо-Мансфельда	2	
		Кирхенбеттера гренад. батальон	1	
	Ген. Лилиенберг	Брежинского гренад. батальон	1	
		Зимбхена	2	
		Альвици	2	
2-я пехотная дивизия Ген. барон Зигенталь	Ген. Больца	7-й егерский батальон	1	
		Варадинские погран. батальоны	2	
	Ген. Моор	Де-Линя	2	
		Чарторижского	2	
	Князь Алоизий Лихтенштейн	Давыдовича	2	
		Стотулинского	2	

3-я пехотная дивизия Ген. барон Траутенберг	Ген. Флахер	4-й егерский батальон	1	
		Сент-Жоржа погранич. батальон	1	
	Ген. Майер	Дуки	2	
		Велик. герцога Вирцбургского	2	
		Итого в Австрийском корпусе	27	54
		Всего вообще в армии Наполеона	603	526

ПЕРЕЧЕНЬ

286 батальонов	259 эскадронов	Французских
80	64	Польских
27	54	Австрийских
30	24	Баварских
24	32	Саксонских
20	24	Прусских
20	16	Вестфальских
17	16	Итальянских
14	16	Виртембергских
12	—	Швейцарских
10	4	Неаполитанских
8	4	Гессенских
8	4	Бергских
7	4	Баденских
6	3	Португальских
7	—	Кроатских
6	—	Испанских
3	—	Мекленбургских
3	—	Иллирийских
3	—	Далматских
3	—	Франкфуртских
2	—	Герцогов Саксонских
2	—	Липп и Ангальт
1	—	Шварцбург Вальдек и Рейс-Нефшательский
1	—	Принца Боргезе
1	—	Тосканский
—	1	Мамелюков
—	1	Вирцбургский

Итого 603 батальона, 526 эскадронов.

К сему должно присовокупить 12 (615) запасных батальонов дивизии Бараге-Дильера, прибывших в окрестности Смоленска.

Из всех вышеозначенных войск только 43 батальона и 32 эскадрона 11-го корпуса не переходили реку Неман.

II

Расписание российской 1-й Западной армии при открытии военных действий

Главнокомандующий: генерал от инфантерии Барклай де Толли

Начальник Главного штаба: генерал-лейтенант Лавров; вскоре сменен генерал-лейтенантом маркизом Паулуччи, а сей последний через несколько времени — генерал-майором Ермоловым

Начальник артиллерии: генерал-майор граф Кутайсов

Генерал-квартирмейстер: генерал-майор Мухин; вскоре сменен полковником Толем

В должности дежурного генерала: полковник Кикин

Начальник инженеров: генерал-лейтенант Трузсон

1-й КОРПУС
Генерал-лейтенант граф Витгенштейн

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
5-я пехотная дивизия Ген.-майор Берг	Ген.-м. Казачковский	Севский	2			
		Калужский	2			
	Ген.-м. князь Сибирский	Пермский	2			
		Могилевский	2			
	Полк. Фролов	23-й егерский	2			
		24-й егерский	2			
		Сводный гренадерский	2			
	Подполк. Мурузи	Батарейная рота № 5	—	—	1	
		Легкие роты № 9 и 10	—	—	2	
14-я пехотная дивизия Ген.-м. Сазонов	Полк. Гарпе	Тульский	2			
		Навагинский	2			
	Ген.-м. Гельфрейх	Тенгинский	2			
		Эстландский	2			
	Полк. Денисьев	25-й егерский	2			
		26-й егерский	2			
		Сводные гренадерские	2			
	Полк. Штаден	Батарейная рота № 14	—	1		
		Легкие роты № 25 и 27	—	2		
	Кап. Афанасьев	Пионерная рота	—	1		

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
1-я кавалер. дивизия Г.-м. Баховский	Г.-м. Балк	Рижский драгунский	—	4		
		Ямбургский драгунский	—	4		
	Г.-п. Бульнев	Гродненский гусарский	—	8		
Донские казачьи полки		Родионова 2-го	—	—	—	1
		Платова 4-го	—	—	—	1
		Селиванова 2-го	—	—	—	1
1-я резервная артиллерийская бригада Подполковник Сухозаветов		Батарейная рота № 27	—	—	1	
		Конные роты № 1 и 3	—	—	2	
		Понтонные роты № 1 и 2	—	—	2	
		Итого в 1-м корпусе	28	16	12	3

2-й КОРПУС
Генерал-лейтенант Багговут

4-я пехотная дивизия Ген.-м. князь Евгений Вюртембергский		Кременчугский	2			
		Минский	2			
		Тобольский	2			
		Волынский	2			
		4-й егерский	2			
		34-й егерский	2			
		Батарейная рота № 4	—	—	2	
		Легкие роты № 7 и 8	—	—	1	
17-я пехотная дивизия Ген.-л. Олсуфьев	Полк. Чубаров	Рязанский	2			
		Белозерский	2			
	Ген.-м. Тучков 3-й	Вильманстрандский	2			
		Брестский	2			
	Полк. Потемкин	30-й егерский	2			
		48-й егерский	2			
	Подполк. Валевич 2-й	Батарейная рота № 17	—	—	1	
		Легкие роты № 32 и 33	—	—	2	
	Ген.-м. Всеволожский	Елисаветградский гусарский	—	8	—	
		Конная рота № 4	—	—	1	
		Итого во 2-м корпусе	24	8	7	

3-й КОРПУС
Генерал-лейтенант Тучков 1-й

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
3-я пехотная дивизия Ген.-л. Коновницын	Ген.-м. Тучков 4-й	Муромский	2			
		Ревельский	2			
	Полк. Воейков	Черниговский	2			
		Копорский	2			
	Ген.-м. князь Шаховской	20-й егерский	2			
		21-й егерский	2			
		Сводные гренадерские	2			
	Подполк. Торнов	Батарейная рота № 3	—	—	1	
		Легкие роты № 5 и 6	—	—	2	
1-я гренадерская дивизия Ген.-м. граф Строганов	Пол. Желтухин	Лейб-гренадерский	2			
		Графа Аракчеева гренадерск.	2			
	Ген.-м. Цвиленев	Павловский	2			
		Екатеринославский	2			
	Ген.-м. Фок 1-й	С.-Петербургский	2			
		Таврический	2			
	Полк. Глухов	Батарейная рота № 1	—	—	1	
		Легкие роты № 1 и 2	—	—	2	
Кавалерия		Лейб-гвардии казачий	—	5		
		Черноморская сотня	—	1		
		Тептярский	—	—	—	1
		Боевая рота № 2	—	—	1	
		Итого в 3-м корпусе	26	6	7	1

4-й КОРПУС
Генерал-адъютант граф Шувалов

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
		Кексгольмский	2			
		Перновский	2			
	Ген.-м. Филисов	Полоцкий	2			
		Елецкий	2			
	Полков. Бистром 1-й	1-й егерский	2			
		33-й егерский	2			
		Сводные гренадерские	2			
	Подполк. Котляров	Батарейная рота № 2	—	—	1	
		Легкие роты № 3 и 4	—	—	2	
23-я пехотная дивизия Ген.-м. Бахметьев	Ген.-м. Окулов	Рыльский	2			
		Екатеринбургский	2			
	Ген.-м. Алексаполь	Селенгинский	2			
		18-й егерский	2			
	Подполк. Гулевич	Батарейная рота № 23	—	—	1	
		Легкие роты № 43 и 44	—	—	2	
Кавалерия	Г.-м. Дорохов	Изюмский гусарский	—	8		
		Итого в 4-м корпусе	22	8	6	

5-й КОРПУС
Его Императорское Высочество цесаревич Константин Павлович

Гвардейская дивизия Ген.-м. Ермолов 2-й	Ген.-м. барон Розен	Лейб-гвардии Преображен.	3			
		Лейб-гвардии Семеновск.	3			
	Полк. Храповицкий	Лейб-гвардии Измайловск.	3			
		Лейб-гвардии Литовский	3			
	Полк. Бистром 3-й	Лейб-гвардии егерский	3			
		Лейб-гвардии Финлянд.	3			
		Гвард. батар. роты Его Высочества и графа Аракчеева	—	—	2	
		Гвардейские легкие роты	—	—	2	
		Гвардейский экипаж	1			
Сводная гренадерская дивизия		Сводн. гренад. батальоны 1-й гренадерск. дивизии	2			
		14-й пехотной дивизии	2			
		17-й пехотной дивизии	2			
		23-й пехотной дивизии	1			
		Пионерные роты	—	—	2	

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
1-я кирасирская дивизия Ген.-м. Депрерадович	Ген.-м. Шевич	Кавалергардский	—	4		
		Лейб-гвардии конный	—	4		
	Ген.-м. Бороздин 2-й	Лейб-кирас. Его Величества	—	4		
		Лейб-кирас. Ее Величества	—	4		
		Астраханский кирасирский	—	4		
		Гвардейская конная рота	—	—	1	
		Итого в 5-м корпусе	26	20	7	

1-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС

Ген.-адъютант Уваров	Ген.-м. Чаликов	Лейб-гвардии гусарский	—	4		
		Лейб-гвардии уланский	—	4		
		Лейб-гвардии драгунский	—	4		
		Курляндский	—	4		
		Казанский	—	4		
		Нежинский	—	4		
		Конная рота № 5	—	—	1	
		Итого в 1-й кав. корпусе	—	24	1	

2-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС

Ген.-адъютант барон Корф	Полк. Давыдов	Псковский драгунский	—	4		
		Московский	—	4		
	Ген.-м. Панчулидзев	Каргопольский	—	4		
		Ингерманландский	—	4		
		Польский уланский	—	8		
		Конная рота № 6	—	—	1	
		Бат. роты № 28, 29 и 30	—	—	3	
		Итого во 2-м кав. корпусе	—	24	4	

5-й КОРПУС
Генерал от инфантерии Дохтуров

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
7-я пехотная дивизия Ген.-л. Капцевич	Подполк. Ляпунов	Московский	2			
		Псковский	2			
		Либавский	2			
		Софийский	2			
	Ген.-м. Балла	11-й егерский	2			
		36-й егерский	2			
	Подполк. Девель	Батарейная рота № 7	—	—	1	
		Легкие роты № 12 и 13	—	—	2	
24-я пехотная дивизия Ген.-м. Лихачев	Ген.-м. Цыбульский	Уфимский	2			
		Ширванский	2			
	Полк. Девисьев	Бутырский	2			
		Томский	2			
	Полк. Вуич	19-й егерский	2			
		40-й егерский	2			
	Подполк. Ефремов	Батарейная рота № 24	—	—	1	
		Легкие роты № 45 и 46	—	—	2	
Кавалерия		Сумский гусарский	—	8		
		Конная рота № 7	—	—	1	
		Итого в 6-м корпусе	24	8	7	

3-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС

Ген.-м. граф Пален 2-й	Ген.-м. Скалон	Оренбургский драгунский	—	4		
		Сибирский драгунский	—	4		
		Иркутский драгунский	—	4		
	Полк. Клебек	Мариупольский гусарский	—	8		
		Конная рота № 9	—	—	1	
		Итого в 3-м кав. корпусе	—	20	1	

ЛЕТУЧИЙ КОРПУС ИЗ КАЗАЧЬИХ ПОЛКОВ

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
Войсковой атаман генерал от кавалерии Платов		Атаманский	—	—	—	1
		Денисова 7-го	—	—	—	1
		Иловайского 4-го	—	—	—	1
		Иловайского 8-го	—	—	—	1
		Харитонова	—	—	—	1
		Власова 3-го	—	—	—	1
		2-й Бутский	—	—	—	1
		2-й Бутский	—	—	—	1
		Денисова 6-го	—	—	—	1
		Гордеева 1-го	—	—	—	1
		Симферопольский Татарск.	—	—	—	1
		Перекопский Татарский	—	—	—	1
		1-й Башкирский	—	—	—	1
		Калмыцкий	—	—	—	1
		Рота Донской конной артил.	—	—	1	
		Итого в летучем корпусе	—	—	1	14
		Всего в 1-й армии	150	134	53	18

III

Расписание российской 2-й Западной армии при открытии военных действий

Главнокомандующий: генерал от инфантерии князь Багратион
Начальник Главного штаба: генерал-майор граф Сент-При
Генерал-квартирмейстер: генерал-майор Вистицкий 2-й
В должности дежурного генерала: полковник Марин
Начальник артиллерии: генерал-майор Левенштерн
Начальник инженеров: генерал-майор Ферстер

7-й КОРПУС
Генерал-лейтенант Раевский

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
26-я пехотная дивизия Ген.-м. Паскевич	Полк. Либгарт	Ладожский	2			
		Полтавский	2			
	Полк. Савойни	Нижегородский	2			
		Орловский	2			
	Полк. Гогель 2-й	5-й егерский	2			
		42-й егерский	2			
	Подполк. Шульман 2-й	Батарейная рота № 26	—	—	1	
		Легкие роты № 47 и 48	—	—	2	
12-я пехотная дивизия Ген.-м. Колюбакин	Полк. Рылеев	Нарвский	2			
		Смоленский	2			
	Полк. Панцербиттер	Новоингерманландский	2			
		Алексопольский	2			
	Ген.-м. Палицын	6-й егерский	2			
		41-й егерский	2			
	Подполк. Саблин	Батарейная рота № 12	—	—	1	
			—	—	2	
Кавалерия	Ген.-адъютант Васильчиков	Ахтырский гусарский	—	8		
		Конная рота № 8	—	—	1	
		Итого в 7-м корпусе	24	8	7	

8-й КОРПУС
Генерал-лейтенант Бороздин 1-й

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
2-я гренадерская дивизия Ген.-м. принц Карл Мекленбургский	Полк. Шатилов	Киевский гренадерский	2			
		Московский гренадерский	2			
	Полк. Буксгевден	Астраханский гренадерский	2			
		Фанагорийский гренадерский	2			
	Полк. Гессе	Сибирский гренадерский	2			
		Малороссийский гренадер.	2			
	Полк. Богуславский	Батарейная рота № 11	—	—	1	
		Легкие роты № 20 и 21	—	—	2	
Сводная гренадерская дивизия Ген.-м. граф Воронцов		Сводн. гренадер. бат. 7-й пехотной дивизии	2			
		Сводн. гренадер. бат. 24-й пехотной дивизии	2			
		Сводн. гренадер. бат. 26-й пехотной дивизии	2			
		Сводн. гренадер. бат. 12-й пехотной дивизии	2			
		Сводн. гренадер. бат. 2-й гренадерской дивизии	2			
2-я кирасирская дивизия Ген.-м. Кнорринг	Ген.-м. Кретов	Екатеринославский кирасирск.	—	4		
		Военно-Орденский кирасир.	—	4		
		Глуховский кирасирск.	—	4		
		Малороссийский кирасирск.	—	4		
		Новгородский кирасирск.	—	4		
		Батар. роты № 31 и 32	—	—	2	
		Итого в 8-м корпусе	22	20	5	

4-й РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС

Ген.-м. граф Сиверс 1-й	Ген.-м. Панчулидзев	Харьковский драгунский	—	4		
		Черниговский драгунский	—	4		
	Полк. Эмануель	Киевский драгунский	—	4		
		Новороссийский	—	4		
		Литовский уланский	—	8		
		Конная рота № 10	—	—	1	
		Итого в 4-м кав. корпусе	—	24	1	
		Понтонная рота № 4	—	—	1	
		Пионерные роты	—	—	2	

НЕРЕГУЛЯРНЫЕ ВОЙСКА

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
Ген.-м. Иловайский 5-й		Андриянова 2-го	—	—	—	1
		3-й Бугский	—	—	—	1
		Слюсарева 2-го	—	—	—	1
		Иловайского 12-го	—	—	—	1
		Карпова 2-го	—	—	—	1
		Сысоева 3-го	—	—	—	1
		Иловайского 10-го	—	—	—	1
		Иловайского 5-го	—	—	—	1
		Иловайского 11-го	—	—	—	1
		Донск. артил. конн. рота	—	—	1	
		Итого нерегулярные войска	—	—	1	9
27-я пехотная дивизия Ген.-м. Неверовский	Полк. Княжнин 1-й	Виленский	2			
		Симбирский	2			
	Полк. Ставицкий	Одесский	2			
		Тарнопольский	2			
	Полк. Воейков	49-й егерский	2			
		50-й егерский	2			
		Итого в 27-й дивизии	12			
		Всего во 2-й армии	58	52	14	9

IV

Расписание российской 3-й Западной армии при открытии военных действий

Главнокомандующий: генерал от кавалерии Тормасов
Начальник Главного штаба: генерал-майор Инзов
Генерал-квартирмейстер: генерал-майор Рене
Начальник артиллерии: генерал-майор Сиверс
Начальник инженеров: оные состояли в ведении генерал-квартирмейстера

КОРПУС
генерала от инфантерии графа Каменского 1-го

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
18-я пехотная дивизия Ген.-м. князь Щербатов	Ген.-м. Бенардос	Тамбовский	2			
		Владимирский	2			
	Ген.-м. князь Хованский	Днепровский	2			
		Костромской	2			
	Ген.-м. Мещеринов	28-й егерский	2			
		32-й егерский	2			
		Батарейная рота № 18	—	—	1	
		Легкие роты № 34 и 35	—	—	2	
Сводная гренадерская бригада		Сводн. гренад. батал. 9-й пехотной дивизии	2			
		Сводн. гренад. батал. 15-й пехотной дивизии	2			
		Сводн. гренад. батал. 15-й пехотной дивизии	2			
Кавалерия	Ген.-м. Чаплиц	Павлоградский гусарский	—	8		
		Конная рота № 11	—	—	1	
		Итого	18	8	4	

КОРПУС
генерал-лейтенанта Маркова

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
15-я пехотная дивизия Ген.-м. Назимов	Ген.-м. Степанов	Козловский	2			
		Витебский	2			
	Полк. Ольдекоп	Куринский	2			
		Колыванский	2			
	Ген.-м. князь Вяземский	13-й егерский	2			
		14-й егерский	2			
		Батарейная рота № 15	—	—	1	
		Легкие роты № 28 и 29	—	—	2	
9-я пехотная дивизия	Полк. Рейхель	Ряжский	2			
		Ашеровский	2			
	Полк. Селиверстов	Нашебургский	2			
		Якутский	2			
	Ген.-м. Удом	10-й егерский	2			
		38-й егерский	2			
		Батарейная рота № 9	—	—	1	
		Легкие роты № 16 и 17	—	—	2	
Кавалерия		Александрийский гусарский	—	8		
		Конная рота № 12	—	—	1	
		Итого	24	8	7	

КОРПУС
генерал-лейтенанта барона фон-дер-Остен-Сакена

36-я пехотная дивизия Ген.-м. Сорокин		Резервные батальоны 15-й пехотной дивизии	6			
		Резервные батальоны 18-й пехотной дивизии	6			
		Батарейная рота № 33	—	—	1	
11-я кавалерийская дивизия Ген.-м. Ласкин		Резервные эскадроны 4-й кавалерийской дивизии	—	4		
		Резервные эскадроны 5-й кавалерийской дивизии	—	8		
		Резервные эскадроны 2-й кирасирской дивизии	—	4		
	Ген.-м. Мелиссино	Лубенский гусарский	—	8		
		Конная рота № 13	—	—	1	
		Итого	12	24	2	

КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС
генерал-майора графа Ламберта

	Бригадные начальники	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
5-я кавалерийская дивизия	Ген.-м. Бердяев	Стародубовский драгунский	—	4		
		Тверской драгунский	—	4		
	Ген.-м. Хрущов	Житомирский	—	4		
		Арзамасский	—	4		
	Полк. Кнорринг	Татарский уланский	—	8		
8-я кавалерийская дивизия						
	Ген.-м. Барков	Владимирский драгунский	—	4		
		Таганрогский драгунский	—	4		
		Серпуховский драгунский	—	4		
		Итого	—	36		
Резервная артиллерия		Батарейная рота № 34	—	—	1	
		Понтонная № 5	—	—	1	
		Пионерная	—	—	1	

НЕРЕГУЛЯРНЫЕ ВОЙСКА

		Платова 5-го	—	—	—	1
		2-й Башкирский	—	—	—	1
		Барабанщикова 2-го	—	—	—	1
		1-й Калмыцкий	—	—	—	1
		Власова 2-го	—	—	—	1
		Феодосийский Татарский	—	—	—	1
		Евпаторийский Татарский	—	—	—	1
		2-й Калмыцкий	—	—	—	1
		Дячкина	—	—	—	1
		Итого нерегуляр. войск	—	—	—	9
		Всего в 3-й армии	54	76	16	9

V

Расписание российских резервных дивизий

		Батал.	Эскадр.
50-я пехотная дивизия	Резервн. батал. 14-й пехотной дивизии	6	
	Резервн. батал. 4-й пехотной дивизии	6	
31-я пехотная дивизия	Резервн. батал. 5-й пехотной дивизии	6	
	Резервн. батал. 17-й пехотной дивизии	6	
32-я пехотная дивизия Генерал-майор Гамен	Резервн. батал. 1-й гренад. дивизии	6	
	Резервн. батал. 23-й пехотной дивизии	4	
	Резервн. батал. 11-й пехотной дивизии	5	
33-я пехотная дивизия Генерал-майор Вельяминов	Резервн. батал. 3-й пехотной дивизии	6	
	Резервн. батал. 7-й пехотной дивизии	6	
9-я кавалерийская дивизия Генерал-майор князь Репнин-Волконский	Резервн. эскадр. 1-й кирас. дивизии		5
	Резервн. эскадр. гвард. кавал. дивизии		3
	Резервн. эскадр. 1-й кавал. дивизии		8
	Резервн. эскадр. 2-й кавал. дивизии		8
34-я пехотная дивизия	Резервн. эскадр. 24-й пехот. дивизии	6	
	Резервн. батал. 26-й пехотной дивизии	6	
35-я пехотная дивизия Генерал-майор Запольский	Резервн. батал. 2-й гренад. дивизии	6	
	Резервн. батал. 18-й пехотной дивизии	6	
37-я пехотная дивизия	Резервн. батал. 27-й пехотной дивизии	6	
	Резервн. батал. 9-й пехотной дивизии	6	
10-я кавалерийская дивизия	Резервн. эскадр. 3-й кавал. дивизии		8
	Резервн. эскадр. 4-й кавал. дивизии		6
12-я кавалерийская дивизия	Резервн. эскадр. 6-й кавал. дивизии		8
	Резервн. эскадр. 7-й кавал. дивизии		8
	Итого	87	54

Из предыдущих четырех расписаний видно, что при открытии военных действий россияне могли противопоставить неприятелю:

	Пехоты	Кавалерии	Артиллерии	Нерегул.
В 1-й Западной армии	150 бат.	134 эск.	53 роты	18 полков
Во 2-й Западной армии	58 бат.	52 эск.	14 рот	9 полков
В 3-й Западной армии	54 бат.	76 эск.	16 рот	9 полков
В резервных дивизиях	87 бат.	54 эск.	—	—
Всего	349 бат.	316 эск.	83 роты	36 полков

VI

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ ВОЙСК ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ, СОЕДИНЕННОЙ ПОД МОГИЛЕВОМ 11 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

Пехотная дивизия генерала Дессе	9000 человек
Пехотная дивизия генерала Компана	12 000 человек
3-й конноегерский полк	700 человек
Легкая кавалерийская дивизия генерала Веланса	2800 человек
Тяжелая кавалерийская дивизия генерала Шастеля	4000 человек
Итого	28 500 человек

В следовании к Могилеву находились:

Отряд генерала Пажоля	6000 человек
Легион Вислы	7000 человек
Итого	13 000 человек

СОСТОЯНИЕ ВОЙСК РОССИЙСКОЙ АРМИИ, СОЕДИНЕННОЙ ПРИ МЕСТЕЧКЕ ДАШКОВКЕ 11 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

7-й корпус генерал-лейтенанта Раевского	16 000 человек
8-й корпус генерал-лейтенанта Бороздина	20 000 человек
2-я кирасирская дивизия	2500 человек
4-й кавалерийский корпус генерал-майора графа Сиверса	3500 человек
Казаки 2-й армии	3500 человек
Отряд генерал-майора Дорохова	3000 человек
Казаки генерала Платова	6000 человек
Итого	55 000 человек

В сражении при Салтановке в деле находились только корпус генерала Раевского (за исключением 5-го егерского полка, оставшегося в арьергарде), несколько кавалерийских полков 4-го корпуса и небольшое число казаков.

VII

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ ВОЙСК ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ, СОЕДИНЕННОЙ ПОД ВИТЕБСКОМ 13 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

Гвардия, за исключением легиона Вислы	43 000 человек
Корпус маршала Нея	39 000 человек
Корпус вице-короля Итальянского	43 000 человек
Пехотная дивизия генерала Морана	13 000 человек
Пехотная дивизия генерала Фриана	15 000 человек
Пехотная дивизия генерала Гюдена	15 000 человек
Кавалерийский корпус генерала Нансути, кроме дивизии генерала Веланса	9000 человек
Кавалерийский корпус генерала Монбрюна	9000 человек
Итого	186 000 человек

СОСТОЯНИЕ ВОЙСК РОССИЙСКОЙ АРМИИ, СОЕДИНЕННОЙ ПОД ВИТЕБСКОМ 13 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута	16 000 человек
3-й корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го	16 000 человек
4-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова	9000 человек
5-й корпус Его императорского высочества цесаревича	19 000 человек
6-й корпус генерала от инфантерии Дохтурова	15 000 человек
1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Уварова	3000 человек
2-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа	4000 человек
Итого	82 000 человек

VIII

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ ВОЙСК ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ, СОЕДИНЕННОЙ ПОД СМОЛЕНСКОМ 4 АВГУСТА 1812 ГОДА

Гвардия	44 000 человек
Корпус маршала Даву	60 000 человек
Корпус маршала Нея	35 000 человек
Корпус генерала князя Понятовского, кроме дивизии генерала Домбровского	21 000 человек
Кавалерийский корпус генерала Нансути	10 000 человек
Кавалерийский корпус генерала Монбрюна	8000 человек
Кавалерийский корпус генерала Груши, кроме дивизии генерала Думерка	6000 человек
Итого	184 000 человек

В следовании к Смоленску находились:

Корпус вице-короля Итальянского	36 000 человек
Пехотная дивизия генерала Домбровского	10 000 человек
Корпус генерала Жюно	14 000 человек
Итого	60 000 человек

СОСТОЯНИЕ ВОЙСК РОССИЙСКОЙ АРМИИ, СОЕДИНЕННОЙ ПОД СМОЛЕНСКОМ 4 АВГУСТА 1812 ГОДА

2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута	13 000 человек
3-й корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го	13 500 человек
4-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого	9500 человек
5-й корпус Его императорского высочества цесаревича	17 500 человек
6-й корпус генерала от инфантерии Дохтурова	12 500 человек
1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Уварова	3700 человек
2-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа 2-го	1200 человек
3-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа 2-го	2100 человек
Конвой главной квартиры 1-й армии	700 человек
Казаки генерала Платова	2300 человек
7-й корпус генерал-лейтенанта Раевского	13 500 человек
8-й корпус генерал-лейтенанта Бороздина	8000 человек
Корпус генерал-лейтенанта князя Горчакова	10 000 человек
2-я кирасирская дивизия	2300 человек

4-й кавалерийский корпус генерал-майора графа Сиверса	4000 человек
Конвой главной квартиры 2-й армии	400 человек
Казаки 2-й армии	2700 человек
Итого	116 900 человек

IX

Расписание войск Главной Российской армии под предводительством генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова, бывших в сражении при селе Бородине 26 августа 1812 года[1]

Начальник Главного штаба: генерал-майор Ермолов
Начальник артиллерии: генерал-майоров граф Кутайсов
Генерал-квартирмейстер: полковник Толь

ПРАВОЕ КРЫЛО АРМИИ

Под начальством генерала от инфантерии Барклая де Толли
Генерал от инфантерии Милорадович

2-й КОПРУС

Генерал-лейтенант Багговут

4-я пехотная дивизия Генерал-майор принц Евгений Виртембергский	Тобольский пехотный полк	2 батальона
	Волынский пехотный полк	2 батальона
	Кременчугский пехотный полк	2 батальона
	Минский пехотный полк	2 батальона
	4-й егерский	2 батальона
	34-й егерский	2 батальона
	Батарейная артиллерийская рота № 4	1 рота
17-я пехотная дивизия Генерал-лейтенант Олсуфьев	Рязанский пехотный полк	2 батальона
	Белозерский пехотный полк	2 батальона
	Брестский пехотный полк	2 батальона
	Вильманстрандский пехотный полк	2 батальона
	30-й егерский	2 батальона
	48-й егерский	2 батальона
	Батарейная рота № 17	1 рота
	Итого	

[1] *Примечание переводчика.* Сие расписание извлечено из журнала генерал-квартирмейстера Толя.

4-й КОРПУС
Генерал-лейтенант граф Остерман-Толстой

11-я пехотная дивизия Генерал-майор Бахметьев 2-й	Кексгольмский пехотный полк	2 батальона
	Перновский пехотный полк	2 батальона
	Полоцкий пехотный полк	2 батальона
	Елецкий пехотный полк	2 батальона
	1-й егерский	2 батальона
	33-й егерский	2 батальона
	Сводные гренадерские	2 батальона
	Батарейная артиллерийская рота № 11	1 рота
25-я пехотная дивизия Генерал-майор Бахметьев 1-й	Рыльский пехотный	2 батальона
	Екатеринбургский пехотный	2 батальона
	Селенгинский пехотный	2 батальона
	18-й егерский	2 батальона
	Сводный гренадерский	1 батальон
	Легкая артиллерийская рота № 44	1 рота
	Итого	23 батальона 2 роты

1-й КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС
Генерал-адъютант Уваров

Лейб-гвардии драгунский полк	4 эскадрона
Лейб-гвардии гусарский полк	4 эскадрона
Лейб-гвардии уланский полк	4 эскадрона
Лейб-гвардии казачий полк	4 эскадрона
Польский уланский	8 эскадронов
Нежинский драгунский	4 эскадрона
Конная артиллерийская рота № 2	1 рота
Итого	28 эскадронов, 1 рота

2-й КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС
Генерал-адъютант барон Корф

Псковский драгунский	4 эскадрона
Московский драгунский	4 эскадрона
Каргопольский драгунский	4 эскадрона
Ингерманландский	4 эскадрона
Елисаветградский гусарский	8 эскадронов
Изюмский гусарский	8 эскадронов
Конная артиллерийская рота № 3	1 рота
Итого	32 эскадрона, 1 рота

ЦЕНТР АРМИИ

6-й КОРПУС

Генерал от инфантерии Дохтуров

7-я пехотная дивизия Генерал-лейтенант Капцевич	Московский пехотный полк	2 батальона
	Псковский пехотный полк	2 батальона
	Софийский пехотный полк	2 батальона
	Любавский пехотный полк	2 батальона
	11-й егерский	2 батальона
	36-й егерский	2 батальона
	Сводные гренадерские	2 батальона
	Батарейная артиллерийская рота № 7	1 рота
24-я пехотная дивизия Генерал-майор Лихачев	Уфимский пехотный полк	2 батальона
	Ширванский пехотный полк	2 батальона
	Бутырский пехотный полк	2 батальона
	Томский пехотный полк	2 батальона
	19-й егерский	2 батальона
	40-й егерский	2 батальона
	Сводные гренадерские	2 батальона
	Батарейная артиллерийская рота № 24	1 рота
	Итого	28 батальонов 1 рота

3-й КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС

Генерал-адъютант барон Корф[1]

Курляндский драгунский полк	4 эскадрона
Оренбургский драгунский полк	4 эскадрона
Сибирский драгунский полк	4 эскадрона
Иркутский драгунский полк	4 эскадрона
Сумский гусарский полк	8 эскадронов
Мариупольский гусарский полк	8 эскадронов
Конная артиллерийская рота № 7	1 рота
Итого	32 эскадрона, 1 рота

[1] 3-м кавалерийским корпусом командовал генерал-адъютант барон Корф по случаю болезни генерал-лейтенанта барона фон-дер-Палена 2-го.

РЕЗЕРВ ЦЕНТРА И ПРАВОГО КРЫЛА АРМИИ

Под непосредственным начальством главнокомандующего князя Голенищева-Кутузова

3-й КОРПУС

Генерал-лейтенант Тучков 1-й

1-я гренадерская дивизия Генерал-майор Строганов	Лейб-гренадерский полк	2 батальона
	Графа Аракчеева	2 батальона
	Павловский	2 батальона
	С.-Петербургский	2 батальона
	Екатеринославский	2 батальона
	Таврический	2 батальона
	Батарейная артиллерийская рота № 1	1 рота
	Легкая артиллерийская рота № 1	1 рота
	Легкая артиллерийская рота № 2	1 рота
3-я пехотная дивизия Генерал-лейтенант Коновницын	Муромский пехотный	2 батальона
	Ревельский	2 батальона
	Черниговский	2 батальона
	Копорский	2 батальона
	20-й егерский	2 батальона
	21-й егерский	2 батальона
	Батарейная рота № 1	1 рота
	Легкая батарейная рота № 5	1 рота
	Легкая батарейная рота № 6	1 рота
	Итого	24 батальона, 6 рот

5-й КОРПУС

Генерал-лейтенант Лавров

Лейб-гвардии Преображенский полк	3 батальона
Лейб-гвардии Семеновский полк	3 батальона
Лейб-гвардии Измайловский полк	3 батальона
Лейб-гвардии Литовский полк	3 батальона
Лейб-гвардии егерский полк	3 батальона
Лейб-гвардии Финляндский полк	3 батальона
Гвардейский экипаж	1 батальон
Сводные гренадерские батальоны:	
4-й пехотной дивизии	2 батальона
17-й пехотной дивизии	2 батальона
1-й гренадерской дивизии	2 батальона
3-й пехотной дивизии	2 батальона
Итого	27 батальонов

1-я кирасирская дивизия Генерал-майор Бороздин 2-й	Кавалергардский полк	4 эскадрона
	Лейб-гвардии конный	4 эскадрона
	Лейб-гвардии Его величества	4 эскадрона
	Лейб-гвардии Ее величества	4 эскадрона
	Астраханский полк	4 эскадрона
	Итого	20 эскадронов

Резервная артиллерия Генерал-майор Левенштерн	Легкая артиллерийская рота № 8
	Легкая артиллерийская рота № 12
	Легкая артиллерийская рота № 13
	Легкая артиллерийская рота № 20
	Легкая артиллерийская рота № 21
	Легкая артиллерийская рота № 32
	Легкая артиллерийская рота № 33
	Легкая артиллерийская рота № 43
	Легкая артиллерийская рота № 46
	Батарейная артиллерийская рота № 17
	Батарейная артиллерийская рота № 23
	Батарейная артиллерийская рота № 29
	Батарейная артиллерийская рота № 30
	Батарейная артиллерийская рота № 31
	Батарейная артиллерийская рота № 32
	Конная рота № 4
	Конная рота № 5
	Конная рота № 6
	Конная рота № 9
	Конная рота № 10
	Гвардейская артиллерийская бригада, состоявшая из двух легких, двух батарейных и двух конных батарей
	Одна пионерная рота
	Две понтонные роты № 3 и 4
Итого	20 рот и 6 батарей артиллерии, 1 рота пионерная и 2 понтонные
Войсковой атаман генерал от кавалерии Платов	14 казачьих полков
	Две донские конные артиллерийские роты

ЛЕВОЕ КРЫЛО АРМИИ

Под начальством генерала от инфантерии князя Багратиона

Под ним: генерал-лейтенант князь Горчаков 2-й, генерал-лейтенант князь Голицын

7-й КОРПУС

Генерал-лейтенант Раевский

26-я пехотная дивизия Генерал-майор Паскевич	Ладожский пехотный полк	2 батальона
	Полтавский пехотный полк	2 батальона
	Нижегородский пехотный полк	2 батальона
	Орловский пехотный полк	2 батальона
	5-й егерский	2 батальона
	42-й егерский	2 батальона
	Батарейная артиллерийская рота № 26	1 рота
	Легкая артиллерийская рота № 47	1 рота
12-я пехотная дивизия Генерал-адъютант Васильчиков 1-й	Нарвский пехотный полк	2 батальона
	Смоленский пехотный полк	2 батальона
	Новоингерманландский пехотный полк	2 батальона
	Алексопольский пехотный полк	2 батальона
	6-й егерский	2 батальона
	41-й егерский	2 батальона
	Итого	24 батальона 2 роты

8-й КОРПУС

Генерал-лейтенант Бороздин 1-й

2-я гренадерская дивизия Генерал-майор принц Мекленбургский Карл	Киевский гренадерский полк	2 батальона
	Астраханский гренадерский полк	2 батальона
	Московский гренадерский полк	2 батальона
	Фанагорийский гренадерский полк	2 батальона
	Сибирский гренадерский полк	2 батальона
	Малороссийский гренадерский полк	2 батальона
	Батарейная артиллерийская рота № 2	1 рота
	Легкая артиллерийская рота № 3	1 рота
27-я пехотная дивизия Генерал-майор Неверовский	Виленский пехотный полк	2 батальона
	Симбирский пехотный полк	2 батальона
	Одесский пехотный полк	2 батальона
	Тарнопольский пехотный полк	2 батальона
	40-й егерский	2 батальона
	5-й егерский	2 батальона
	Итого	24 батальона 2 роты

4-й кавалерийский корпус Генерал-майор граф Сиверс 1-й	Харьковский драгунский полк	4 эскадрона
	Черниговский драгунский полк	4 эскадрона
	Киевский драгунский полк	4 эскадрона
	Новороссийский драгунский полк	4 эскадрона
	Ахтырский гусарский полк	4 эскадрона
	Литовский уланский полк	4 эскадрона
	Конная артиллерийская рота № 8	1 рота
	Итого	32 эскадрона 1 рота

РЕЗЕРВ ЛЕВОГО КРЫЛА АРМИИ

Сводные гренадерские батальоны Генерал-майор граф Воронцов	26-й пехотная дивизия	2 батальона
	12-й пехотная дивизия	2 батальона
	2-й гренадерская дивизия	2 батальона
	Итого	6 батальонов
2-я кирасирская дивизия Генерал-майор барон Дука		4 эскадрона
		4 эскадрона
		4 эскадрона
		4 эскадрона
		4 эскадрона
	Итого	20 эскадронов
Резервная артиллерия	Легкая артиллерийская рота № 4	
	Легкая артиллерийская рота № 22	
	Легкая артиллерийская рота № 23	
	Легкая артиллерийская рота № 48	
	Легкая артиллерийская рота № 49	
	Легкая артиллерийская рота № 50	
	Батарейная рота № 12	
	Понтонная рота № 5	
Итого	Артиллерийских рот 7 и 1 понтонная рота	

6 Донских казачьих полков под начальством генерал-майора Карпова.
Смоленское ополчение — генерал-лейтенант Лебедев.
Московское ополчение — генерал-лейтенант Марков.

ПЕРЕЧЕНЬ

			Под ружьем
Правое крыло	2-й пехотный корпус	24 батареи, 2 роты	10 300 человек
	4-й пехотный корпус	23 бат., 2 роты	9500 человек
	1-й кавалерийский корпус	28 эскадронов, 1 рота	2500 человек
	2-й кавалерийский корпус	32 эск., 1 рота	3500 человек
	Итого	47 бат., 60 эск., 6 рот	25 800 человек
Центр	6-й пехотный корпус	28 бат., 2 роты	9900 человек
	3-й кавалерийский корпус	32 эск., 1 рота	5700 человек
	Итого	28 бат., 32 эск., 3 роты	13 600 человек
Резерв правого крыла и центра	3-й пехотный корпус	24 бат., 6 рот	8000 человек
	5-й пехотный корпус	27 бат.	13 000 человек
	Резервная артиллерия	26 эск.	8400 человек
	Пионерная и понтонные	3 эск.	
	14 казачьих полков	2 эск.	5500 человек
	Итого 14 полк., 51 бат., 20 эск., 37 рот		37 300 человек
		Всего в 1-й армии	76 700 человек
Левое крыло	7-й пехотный корпус	24 бат., 2 роты	10 800 человек
	8-й пехотный корпус	24 бат., 2 роты	11 200 человек
	4-й кавалерийский корпус	32 эск., 1 рота	3800 человек
	Итого	48 бат., 32 эск., 5 рот	25 800 человек
Резерв левого крыла	Сводные гренадерские	6 бат.	2100 человек
	2-я кирасирская дивизия	20 эск.	2300 человек
	Резервная артиллерия	7 рот	2400 человек
	Понтонная	1 рота	
	6 казачьих полков		1500 человек
	Итого 6 пол., 6 бат., 20 эск., 8 рот		8300 человек
		Всего во 2-й армии	34 100 человек
Ополчения Смоленского			3000 человек
Ополчения Московского			7000 человек
В Российской армии состояло 180 батальонов пехоты, 164 эскадрона кавалерии, 53 роты артиллерии, 1 рота пионерная, 3 понтонных и в них			103 800 человек
20 казачьих полков			7000 человек
Ополчения			10 000 человек
	Всего под ружьем		120 000 человек
	Орудий		610

X

Расписание войск Французской армии под предводительством императора Наполеона, бывших в сражении при селе Бородине 26 августа 1812 года[1]

1-й КОРПУС
Маршал Даву (герцог Экмюльский)

1-я пехотная дивизия Генерал Моран	13-й легкий полк	5 батальонов
	17-й линейный полк	5 батальонов
	30-й линейный полк	5 батальонов
	Баденский полк	2 батальона
2-я пехотная дивизия Генерал Фриан	15-й легкий полк	5 батальонов
	33-й линейный полк	5 батальонов
	48-й линейный полк	5 батальонов
	Испанский полк	2 батальона
5-я пехотная дивизия Генерал Жерар	7-й легкий полк	5 батальонов
	12-й линейный полк	5 батальонов
	21-й линейный полк	5 батальонов
	127-й линейный полк	3 батальона
4-я пехотная дивизия Генерал Дессе	85-й линейный полк	5 батальонов
	108-й линейный полк	5 батальонов
	Гессенский полк	5 батальонов
	25-й линейный полк	5 батальонов
	57-й линейный полк	5 батальонов
	61-й линейный полк	5 батальонов
	111-й линейный полк	5 батальонов
Кавалерийская дивизия Генерал Жирарден	1-й конноегерский полк	4 эскадрона
	2-й конноегерский полк	4 эскадрона
	3-й конноегерский полк	4 эскадрона
	9-й Польский полк	4 эскадрона
	Итого 84 батальона, 16 эскадронов	

[1] *Примечание переводчика.* Сие расписание извлечено из журнала генерал-квартирмейстера Толя.

В день Бородинского сражения 1-я и 3-я пехотные дивизии находились под начальством вице-короля Итальянского Евгения.

3-й КОРПУС
Маршал Ней (герцог Элькингенский)

10-я пехотная дивизия Генерал Ледрю	24-й легкий полк	4 батальона
	46-й линейный полк	4 батальона
	72-й линейный полк	4 батальона
	129-й линейный полк	3 батальона
11-я пехотная дивизия Генерал Разу	4-й легкий полк	4 батальона
	18-й линейный полк	4 батальона
	93-й линейный полк	4 батальона
	Иллирийский полк	3 батальона
25-я пехотная дивизия Генерал Маршан	1-й Виртембергский полк	2 батальона
	2-й Виртембергский полк	2 батальона
	4-й Виртембергский полк	2 батальона
	6-й Виртембергский полк	2 батальона
	7-й Виртембергский полк	2 батальона
	1-й егерский Виртембергский полк	1 батальон
	2-й егерский Виртембергский полк	1 батальон
	1-й легкий Виртембергский полк	1 батальон
	2-й легкий Виртембергский полк	1 батальон
Кавалерийская дивизия Генерал Вельварт	4-й конноегерский полк	4 эскадрона
	28-й конноегерский полк	4 эскадрона
	6-й легкоконный полк	4 эскадрона
	11-й гусарский полк	4 эскадрона
	Итого 44 батальона, 16 эскадронов	

4-й КОРПУС
Вице-король Итальянский Евгений

13-я пехотная дивизия Генерал Дельзон	8-й легкий полк	4 батальона
	84-й линейный полк	4 батальона
	92-й линейный полк	4 батальона
	106-й линейный полк	4 батальона
12-я пехотная дивизия Генерал Брусье	18-й легкий полк	4 батальона
	Испанский полк	2 батальона
	9-й линейный полк	4 батальона
	35-й линейный полк	4 батальона
	53-й линейный полк	4 батальона

Кавалерийская бригада Генералы Орнано и Виллата	9-й конноегерский полк	4 эскадрона
	19-й конноегерский полк	4 эскадрона
	2-й Итальянский конноегерский полк	4 эскадрона
	3-й Итальянский конноегерский полк	4 эскадрона
Кавалерийская бригада Генерал Прейсинг	1-й Баварский легкоконный полк	4 эскадрона
	2-й Баварский легкоконный полк	4 эскадрона
	Саксонский драгунский полк	4 эскадрона

Итальянская гвардия Генерал граф Леки	Почетной гвардии	1 батальон
	Королевские велиты	1 батальон
	Егерский полк	1 батальон
	Гренадерский полк	2 батальона
	Драгунский полк	4 эскадрона
	Королевы полк	4 эскадрона
	Итого 39 батальонов, 36 эскадронов	

5-й КОРПУС
Генерал князь Понятовский

16-я пехотная дивизия Генерал Зайончек	2-й Польский линейный полк	4 батальона
	8-й Польский линейный полк	4 батальона
	3-й Польский линейный полк	4 батальона
	16-й Польский линейный полк	4 батальона
18-я пехотная дивизия Генерал Княжевич	7-й Польский линейный полк	4 батальона
	12-й Польский линейный полк	4 батальона
	15-й Польский линейный полк	4 батальона
Кавалерийская дивизия Генерал Себастьяни	4-й конноегерский полк	4 эскадрона
	5-й конноегерский полк	4 эскадрона
	13-й гусарский полк	4 эскадрона
	12-й уланский полк	4 эскадрона
	Итого 28 батальонов, 16 эскадронов	

8-й КОРПУС
Маршал Жюно (герцог Абрантский)

25-я пехотная дивизия Генерал Тарро	1-й Вестфальский легкий полк	1 батальон
	2-й Вестфальский легкий полк	1 батальон
	3-й Вестфальский легкий полк	1 батальон
	3-й Вестфальский линейный полк	2 батальона
	5-й Вестфальский линейный полк	2 батальона
	6-й Вестфальский линейный полк	2 батальона

24-я пехотная дивизия Генерал Окс	Вестфальский гвард. гренад. полк	1 батальон
	Вестфальский гвард. карабин. полк	1 батальон
	Вестфальский гвард. егерский полк	1 батальон
	7-й Вестфальский линейный полк	2 батальона
	8-й Вестфальский линейный полк	2 батальона
	1-й Вестфальский гусарский полк	4 эскадрона
	2-й Вестфальский гусарский полк	4 эскадрона
	Итого 16 батальонов, 8 эскадронов	

РЕЗЕРВНЫЕ КАВАЛЕРИЙСКИЕ КОРПУСА

Под начальством короля Неаполитанского Иоахима

1-й КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС

Генерал Нансути

1-я легкая кавалерийская дивизия Генерал Брюер	16-й конноегерский полк	4 эскадрона
	7-й гусарский полк	4 эскадрона
	8-й гусарский полк	4 эскадрона
	Прусский полк	4 эскадрона
1-я тяжелая кавалерийская дивизия Генерал С.-т Жермен	2-й кирасирский полк	4 эскадрона
	3-й кирасирский полк	4 эскадрона
	9-й кирасирский полк	4 эскадрона
	1-й легкоконный полк	4 эскадрона
5-я тяжелая кавалерийская дивизия Генерал Валанс	6-й кирасирский полк	4 эскадрона
	11-й кирасирский полк	4 эскадрона
	12-й кирасирский полк	4 эскадрона
	5-й легкоконный полк	4 эскадрона
	Итого	48 эскадронов

2-й КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС

Генерал Монбрюн

2-я тяжелая кавалерийская дивизия Генерал Ватье	5-й кирасирский полк	4 эскадрона
	8-й кирасирский полк	4 эскадрона
	10-й кирасирский полк	4 эскадрона
	2-й легкоконный полк	4 эскадрона
4-я тяжелая кавалерийская дивизия Генерал Дефранс	1-й карабинерный полк	4 эскадрона
	2-й карабинерный полк	4 эскадрона
	1-й кирасирский полк	4 эскадрона
	4-й легкоконный полк	4 эскадрона
	Итого	32 эскадрона

3-й КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС

Генерал Груши

5-я легкая кавалерийская дивизия Генерал Шастель	6-й конноегерский полк	4 эскадрона
	8-й конноегерский полк	4 эскадрона
	25-й конноегерский полк	4 эскадрона
	6-й гусарский полк	4 эскадрона

6-я тяжелая кавалерийская дивизия Генерал Лагуссе	7-й драгунский полк	4 эскадрона
	23-й драгунский полк	4 эскадрона
	28-й драгунский полк	4 эскадрона
	30-й драгунский полк	4 эскадрона
	Итого	32 эскадрона

4-й КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС
Генерал Латур-Мобург

Бригада 4-й легкой кавалерийской дивизии Генерал Рознецкий	3-й Польский уланский полк	4 эскадрона
	11-й Польский уланский полк	4 эскадрона
	16-й Польский уланский полк	4 эскадрона
	Саксонский гвард. кирасирский полк	4 эскадрона
	Саксонский кирас. Застрова полк	4 эскадрона
	1-й Вестфальский кирасирский полк	4 эскадрона
	2-й Вестфальский кирасирский полк	4 эскадрона
	Итого	28 эскадронов

ГЛАВНЫЙ РЕЗЕРВ
Под непосредственным начальством Наполеона

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Гвардейская пехотная дивизия Генерал Дорсен	1-й гвардейский гренадерский полк	2 батальона
	2-й гвардейский гренадерский полк	2 батальона
	3-й гвардейский гренадерский полк	2 батальона
	1-й гвардейский егерский полк	2 батальона
	1-й гвардейский егерский полк	2 батальона
Гвардейская кавалерийская дивизия Генерал граф Вальтер	Конногвардейский полк	4 эскадрона
	Гвардейский драгунский полк	4 эскадрона
	Гвардейский конноегерский полк	4 эскадрона
	1-й уланский полк	4 эскадрона
	Мамелюков полк	1 эскадрон
	2-й уланский полк	4 эскадрона
	3-й уланский полк	4 эскадрона
	Гвардейские жандармы	2 эскадрона
	Итого 10 батальонов, 27 эскадронов	

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1-я дивизия Генерал Кюриаль	1-й вольтижерный полк	2 батальона
	4-й вольтижерный полк	2 батальона
	5-й вольтижерный полк	2 батальона
	6-й вольтижерный полк	2 батальона
	1-й стрелковый полк	2 батальона
	4-й стрелковый полк	2 батальона
	5-й стрелковый полк	2 батальона
	6-й стрелковый полк	2 батальона
2-я дивизия Генерал Делаборд	Гвард. егерский фузилерный полк	2 батальона
	Гвард. гренадерский полк	2 батальона
	Гвардейские фланкеры	2 батальона
	Нефшательский полк	1 батальон
	Дармштатский полк	2 батальона
	Гвард. фузилерный Дармштатский полк	2 батальона
	Наследн. принца Дармштатского полк	2 батальона
	Португальский конноегерский полк	3 эскадрона
	Гвар. велиты принца Боргезе	1 батальон
	Почетной гвардии	1 эскадрон
	Гвард. велиты Тосканские	1 батальон
	Испанский пионерный полк	1 батальон
	7-й легкоконный полк	4 эскадрона
Легион Вислы Генерал Клапаред	1-й полк	3 батальона
	2-й полк	3 батальона
	3-й полк	3 батальона
	4-й полк	3 батальона
	Итого 44 батальона, 8 эскадронов	

ПЕРЕЧЕНЬ

		Вместе с артиллерией
В 1-м корпусе	84 батальона, 16 эскадронов	48 000 человек
В 3-м корпусе	44 батальона, 16 эскадронов	20 000 человек
В 4-м корпусе	49 батальонов, 36 эскадронов	24 500 человек
В 5-м корпусе	28 батальонов, 16 эскадронов	17 000 человек
В 8-м корпусе	16 батальонов, 8 эскадронов	13 000 человек
В 1-м кавалер. корпусе	48 эскадронов	9800 человек
Во 2-м кавалер. корпусе	32 эскадрона	3700 человек
В 3-м кавалер. корпусе	32 эскадрона	5000 человек

В 4-м кавалер. корпусе	28 эскадронов	4000 человек
В старой гвардии	10 батальонов, 27 эскадронов	13 000 человек
В молодой гвардии	44 батальона, 8 эскадронов	27 000 человек
	Всего 265 батальонов, 267 эскадронов, 185 000 человек под ружьем Артиллерии более 1000 орудий	

XI

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ ВОЙСК ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В ДЕНЬ БИТВЫ БОРОДИНСКОЙ, 26 АВГУСТА 1812 ГОДА

Гвардия		42 000 человек
Корпус Даву		48 000 человек
Корпус Нея		20 000 человек
Корпус вице-короля, кроме дивизии Пино		25 000 человек
Корпус Понятовского, кроме дивизии Домбровского		18 000 человек
Баварская кавалерия генерала Прейсинга		1500 человек
Корпус Жюно		13 000 человек
Кавалерийский корпус Нансути		9800 человек
Кавалерийский корпус Монбрюна, кроме дивизии Пажоля		3700 человек
Кавалерийский корпус Груши, кроме дивизии Думерка		5000 человек
Кавалерийский корпус Латур-Мобурга, кроме половины дивизии Рознецкого		4000 человек
	Итого	190 000 человек

СОСТОЯНИЕ ВОЙСК РОССИЙСКОЙ АРМИИ В БИТВЕ БОРОДИНСКОЙ 26 АВГУСТА 1812 ГОДА

2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута		11 500 человек
3-й корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го		7000 человек
4-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова		10 000 человек
5-й корпус генерал-лейтенанта Лаврова		17 000 человек
6-й корпус генерала от инфантерии Дохтурова		8500 человек
1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Уварова		2500 человек
2-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа		3500 человек
Арьергард генерала Коновницына, который в день сражения распределен был по разным корпусам 1-й армии		15 000 человек
7-й корпус генерал-лейтенанта Раевского		14 000 человек
8-й корпус генерал-лейтенанта Бороздина		25 000 человек
2-я кирасирская дивизия		2200 человек
4-й кавалерийский корпус генерал-майора графа Сиверса		3800 человек
Московское и Смоленское ополчение		10 000 человек
Казаки		7000 человек
	Итого	132 000 человек

XII

Боевой порядок 1-го российского корпуса 30 июня 1812 года

Командующий корпусом: генерал-лейтенант граф Витгенштейн

	Полки и артиллерийские роты		Батал.	Эскадр.	Число людей под ружьем
	Авангард				
Генерал-майор Кульнев	Казачий Платова 4-го		—	—	336
	Гродненский гусарский		—	8	1044
	23-й егерский		2	—	1408
	25-й егерский		2	—	1267
	Батарейной роты № 28 шесть орудий		—	—	150
	Легкая рота № 9		—	—	179
БОЕВОЙ КОРПУС					
1-я линия Генерал-майор Берг	5-я пехотная дивизия	24-й егерский	2	—	1285
		Батарейная рота № 5	—	—	213
		Пермский пехотный	2	—	1215
		Могилевский	2	—	1235
		Легкая рота № 27	—	—	141
		Севский пехотный	2	—	1160
		Калужский	2	—	1065
		Батарейная рота № 27	—	—	251
	Резервный батальон 11-го егерского		1	—	240
	Резервный батальон 36-го егерского		1	—	234
	Сводный драгунский		—	4	301

	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Число людей под ружьем
2-я линия Генерал-майор Каховской	Рижский драгунский	—	4	500
	Конная рота № 1	—	—	216
	Резервный батал. лейб-гренадерского	1	—	288
	Резервный батал. Таврического гренадер.	1	—	302
	Резервный батал. Екатеринославского	1	—	363
	Резервный батал. Павловского гренад.	1	—	304
	Резервный батал. графа Аракчеева	1	—	267
	Резервный батал. С.-Петербургского	1	—	357
	Сводный гренад. батал. 5-й дивизии	2	—	1016
	Сводный гренад. батал. 14-й дивизии	2	—	972
	Конная рота № 3	—	—	213
	Ямбургский драгунский	—	4	409

РЕЗЕРВ					
Генерал-майор Сазонов	Сводный кирасирский		—	4	533
	14-я пех. дивиз.	Батарейная рота № 14	—	—	233
		26-й егерский	2	—	1243
		Тульский пехотный	2	—	1156
		Навагинский	2	—	1126
		Батар. роты № 28 шесть орудий	—	—	156
		Тенгинский пехотный	2	—	1204
		Эстляндский	2	—	1228
	Легкая рота № 26		—	—	160
	Сводный гвардейский		—	3	404
	Сводный гусарский (в откомандировке)		—	4	454
		Итого	36	31	25 082

XIII
Расписание Дунайской армии при выступлении ее из Бухареста 18 июля 1812 года

Главнокомандующий: адмирал Чичагов
Начальник Главного штаба: генерал-лейтенант Сабанеев
Генерал-квартирмейстер: генерал-майор Берг
Дежурный генерал: генерал-майор Тучков 3-й

1-й КОРПУС
Генерал от инфантерии граф Ланжерон

Полки и артиллерийские роты		Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
2-я пехотная дивизия	Выборгский пехотный	2			
	Вятский	3			
	Старооскольский	2			
	45-й егерский	3			
	29-й егерский	2			
Кавалерия	С.-Петербургский драгунский	—	4		
	Лифляндский драгунский	—	4		
	Грекова 4-го казачий	—	—	—	1
	Пантелеева 3-го казачий	—	—	—	1
	1-й Оренбургский казачий	—	—	—	1
	Батарейная рота № 22	—	—	1	
	Легкие роты № 41 и 42	—	—	2	
	Батарейная рота № 14	—	—	1	
	Итого в 1-м корпусе	12	8	4	3

3-й КОРПУС
Генерал-лейтенант Воинов

10-я пехотная дивизия	Курский пехотный	2			
	Крымский пехотный	2			
	Белостокский пехотный	3			
	39-й егерский	2			
	8-й егерский	2			

Кавалерия	Кинбурнский драгунский	—	4		
	Белорусский гусарский	—	8		
	Мельникова 5-го казачий	—	—	—	1
	3-й Уральский казачий	—	—	—	1
	4-й Уральский казачий	—	—	—	1
	Батарейные роты № 10 и 38	—	—	2	
	Легкие роты № 18 и 50	—	—	2	
	Итого в 3-м корпусе	11	12	4	3

4-й КОРПУС
Генерал-майор Булатов

Полки и артиллерийские роты		Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
16-я пехотная дивизии	Охотский пехотный	2			
	Камчатский пехотный	2			
	Мингрельский пехотный	2			
	Дерптский драгунский	—	4		
	Переяславский драгунский	—	4		
	Тираспольский драгунский	—	4		
	Чугуевский уланский	—	8		
	Мельникова 3-го казачий	—	—	—	1
	Батарейные роты № 16 и 39	—	—	2	
	Легкая рота № 31	—	—	1	
	Конная рота № 17	—	—	1	
	Итого	6	20	4	1

РЕЗЕРВНЫЙ КОРПУС
Генерал-лейтенант Сабанеев

22-й пехотной дивизии	Олонецкий пехотный	3			
10-й пехотной дивизии	Ярославский пехотный	3			
8-й пехотной дивизии	7-й егерский	3			
	Ольвиопольский гусарский	—	8		
	Луковкина казачий	—	—	—	1
	Конная рота № 16	—	—	1	
	Итого в Молдавской армии	50	56	17	11

ОТРЯД, НАХОДИВШИЙСЯ В СЛЕДОВАНИИ ИЗ СЕРБИИ

Генерал-майор Линдфорс

16-я пехотная дивизия	Нейшлотский пехотный	3			
	27-й егерский	3			
	43-й егерский	3			
	Волынский уланский	—	8		
	Киреева казачий	—	—	—	1
	Турчанинова казачий	—	—	—	1
	Легкая рота № 30	—	—	1	
	Итого	9	8	1	2

XIV
Расписание соединенных 3-й Западной и Дунайской армий 28 сентября 1812 года

Главнокомандующий: адмирал Чичагов

1-й КОРПУС
Генерал-майор граф Ламберт

	Полки	Батал.	Эскадр.	Нерег. полки
Кавалерия	Александрийский гусарский	—	8	
	Белорусский гусарский	—	8	
	Татарский уланский	—	8	
	Грекова 4-го казачий	—	—	1
	Чикелева казачий	—	—	1
	Башкирский	—	—	1
	Барабанщикова 2-го казачий	—	—	1
15-я пехотная дивизия	Козловский пехотный	2		
	Колыванский пехотный	2		
	13-й егерский	2		
9-я пехотная дивизия	Якутский пехотный	2		
	Рижский пехотный	2		
	Апшеронский пехотный	2		
	10-й егерский	2		
	38-й егерский	2		
	Итого в 1-м корпусе	16	24	4

2-й КОРПУС
Генерал-майор князь Щербатов

Полки		Батал.	Эскадр.	Нерег. полки
Кавалерия	Стародубовский драгунский	—	4	
	Тверской драгунский	—	2	
	Владимирский драгунский	—	4	
	Таганрогский драгунский	—	4	
	Павлоградский гусарский	—	8	
	Дячкина казачий	—	—	1
	2-й калмыцкий	—	—	1
9-я пехотная дивизия	Нашебургский пехотный	2		
15-я пехотная дивизия	Витебский пехотный	2		
	Куринский пехотный	2		
	14-й егерский	2		
18-я пехотная дивизия	Владимирский пехотный	2		
	Тамбовский пехотный	2		
	Днепровский пехотный	2		
	Костромской пехотный	2		
	32-й егерский	2		
	28-й егерский	2		
	Итого во 2-м корпусе	20	22	2

3-й КОРПУС
Генерал от инфантерии граф Ланжерон

Кавалерия	С.-Петербургский драгунский	—	4	
	Лифляндский драгунский	—	4	
	Серпуховский драгунский	—	4	
	Арзамасский драгунский	—	4	
	Лубенский гусарский	—	8	
	Грекова 8-го казачий	—	—	1
	4-й Уральский	—	—	1

22-я пехотная дивизия	Вятский пехотный	3		
	Старооскольский пехотный	2		
	Выборгский пехотный	2		
	29-й егерский	2		
	45-й егерский	3		
	Итого в 3-м корпусе	12	24	2

4-й КОРПУС
Генерал-лейтенант Эссен 3-й

Полки		Батал.	Эскадр.	Нерег. полки
Кавалерия	Смоленский драгунский	—	4	
	Северский драгунский	—	4	
	Житомирский драгунский	—	2	
	Власова 2-го казачий	—	—	1
	2-й Калмыцкий	—	—	1
	Евпаторийский Татарский			
3-я пехотная дивизия	Архангелогородский пехотный	2		
	Украинский пехотный	2		
	37-й егерский	3		
	Сводные гренадерские	6		
	Итого в 4-м корпусе	13	10	3

КОРПУС
генерал-лейтенанта Воинова

Кавалерия	Дерптский драгунский	—	4	
	Кинбурнский драгунский	—	4	
	3-й Уральский казачий	—	—	1
	Киреева казачий	—	—	1
	Пантелеева 2-го казачий	—	—	1
13-я пехотная дивизия	Саратовский пехотный	2		

10-я пехотная дивизия	Курский пехотный	2		
	Крымский пехотный	2		
	Белостокский пехотный	3		
	Ярославский пехотный	3		
	8-й егерский	2		
	39-й егерский	2		
	Итого в корпусе	16	8	

КОРПУС
генерал-майора Булатова

Полки		Батал.	Эскадр.	Нерег. полки
Кавалерия	Чугуевский уланский	—	8	
	Переяславский драгунский	—	4	
	Тираспольский драгунский	—	4	
	Мельникова 3-го казачий	—	—	1
	Кутейникова казачий	—	—	1
16-я пехотная дивизия	Охотский пехотный	2		
	Камчатский пехотный	2		
	Мингрельский пехотный	2		
	27-й егерский	3		
	43-й егерский	3		
	Итого в корпусе	12	16	2

ОТРЯД
генерал-майора Энгельгарда

Кавалерия	Тверской драгунский	—	2	
	Житомирский	—	2	
	Мельникова 5-го казачий	—	—	1
3-я пехотная дивизия	Шлиссельбургский пехотный	3		
	Староингерманландский пехотный	2		
	Итого	5	4	1

РЕЗЕРВНЫЙ КОРПУС

Генерал-лейтенант Сабанеев

	Ольвиопольский гусарский	—	8	
	Луковкина казачий	—	—	1
22-я пехотная дивизия	Олонецкий пехотный	3		
8-я пехотная дивизия	7-й егерский	3		
13-я пехотная дивизия	12-й егерский	2		
	Итого в резервном корпусе	8	8	1
	Всего в армии адмирала Чичагова	102	116	18

XV

Состояние Главной Российской армии под начальством фельдмаршала князя Кутузова 6 октября 1812 года

1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Меллера-Закомельского	2413 человек
2-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа	2205 человек
4-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Васильчикова	1611 человек
Кирасирский корпус генерал-лейтенанта князя Голицына	2785 человек
2-й корпус генерала Багговута	9199 человек
3-й корпус генерала графа Строганова	12 526 человек
4-й корпус генерала графа Остермана-Толстова	9308 человек
5-й корпус генерала Лаврова	8562 человека
6-й корпус генерала Дохтурова	9542 человека
7-й корпус генерала Раевского	10 813 человек
8-й корпус генерала Бороздина	9476 человек
Итого	78 440 человек, не считая казаков

Артиллерии 639 орудий

XVI

Состояние Финляндского корпуса генерал-лейтенанта графа Штейнгеля 22 сентября 1812 года

Полки и роты		Батал.	Эскадр.	В них человек
	Финляндский драгунский	—	3	278
	Лощилина казачий	—	—	316
6-я пехотная дивизия	Азовский пехотный	2	—	883
	Низовский пехотный	2	—	1274
	3-й егерский	2	—	731
21-я пехотная дивизия	Невский пехотный	2	—	1130
	Петровский пехотный	2	—	1114
	Литовский пехотный	2	—	1308
	Подольский пехотный	2	—	1411
	2-й егерский	2	—	1269
	Батарейной роты № 21 шесть орудий	—	—	130
	Легкая рота № 11	—	—	192
	Пионеров	—	—	46
	Итого	16	3	10 082

XVII

Расписание армии под начальством генерал-лейтенанта графа Витгенштейна 4 октября 1812 года

1-я КОЛОННА

Генерал-лейтенант Берг

Полки и роты			Батал.	Эскадр.	В них человек
Авангард Ген.-майор Балк	Родионова 2-го казачий		—	—	330
	Гродненский гусарский		—	4	527
	Конной роты № 3 шесть орудий		—	—	119
	14-я п.д.	25-й егерский	2	—	992
		26-й егерский	2	—	896
	Резервный батальон Кексгольмского полка		1	—	358
Боевой корпус	Сводный гвард. с 2 эскад. Польского уланск.		—	5	696
	Конной роты № 3 шесть орудий		—	—	118
	Батарейная рота № 5		—	—	199
	5-я пех. дивизия	Пермский пехотный	2	—	726
		Севский пехотный	2	—	757
		Могилевский пехотный	2	—	1093
		Калужский пехотный	2	—	924
	Легкая рота № 27		—	—	103
	Рижский драгунский		—	3	392
Резерв Генерал-майор Каховский	Сводный кирасирский		—	4	448
	Конной роты № 23 восемь орудий				149
	Батарейная рота № 14				220
	Резервные батал. 1-й гренадер. дивизии		3	—	1887
	Резервные гвардейские батальоны		2		
	Итого в 1-й колонне		18	16	11 860*

* Так в оригинале.

2-я КОЛОННА
Генерал-майор Багичев

Полки и роты		Батал.	Эскадр.	В них человек
Авангард Генерал-майор Дибич 2-й	Сотня казаков	—	—	100
	Рижский драгунский	—	1	133
	Ямбургский драгунский	—	2	234
	Ингерманландский драгунский	—	1	97
	Сводные гренад. батал. 5-й дивизии	2	—	796
	Сводные гренад. батал. 14-й дивизии	2	—	612
	Легкой роты № 45 шесть орудий	—	—	100
	Сводные егерские	3	—	620
Боевой корпус	Резервный батал. Полоцкого пехотного	1	—	236
	Легкая рота № 35	—	—	220
	С.-Петербург. ополчения шесть дружин	6	—	4310
Резерв	С.-Петербург. ополчения две дружины	2	—	1507
	Итого во 2-й колонне	16	4	8965

КОРПУС
генерал-лейтенанта князя Яшвиля

Полки и артиллерийские роты			Батал.	Эскадр.	В них человек
Авангард Генерал-майор Властов	Гродненский гусарский		—	4	526
	5-я п.д.	23-й егерский	2	—	1040
		24-й егерский	2	—	1145
	С.-Петербургского ополчения две дружины		2	—	909
	Конной роты № 1 шесть орудий		—	—	91
	Казачий Платова 4-го		—	—	341
Боевой корпус Генерал-лейтенант Сазонов	11-й пех. див.	Тульский пехотный	2	—	749
		Тенгинский пехотный	2	—	771
		Навагинский пехотный	2	—	779
		Эстляндский пехотный	2	—	777
	С.-Петербург. ополчения четыре дружины		4	—	1825
	Воронежский пехотный		2	—	1186
	Сводный драгунский		—	3	292
	Батарейной роты № 27 шесть орудий		—	—	106
	Батарейной роты № 28 шесть орудий		—	—	210
	Легкой роты № 9 шесть орудий		—	—	79
	Легкой роты № 50 шесть орудий		—	—	191
	Легкой роты № 26 шесть орудий		—	—	148
	Легкой роты № 57 шесть орудий		—	—	177
	Конной роты № 1 шесть орудий		—	—	61
	Итого		20	7	11 403

Полки и артиллерийские роты		Батал.	Эскадр.	В них человек
Отряд генерал-майора Алексеева	Митавский драгунский	—	4	569
	Легкой роты № 45 шесть орудий	—	—	105
	Первый морской	2	—	1178
	С.-Петербургского ополчения одна дружина	1	—	1468
	Итого	3	4	3320
Отряд полковника Бедряги	Казаков	—	—	75
	Сводный гусарский	—	4	557
	Итого	—	4	632
Отряд майора Беллингсгаузена	Конной роты № 23 шесть орудий	—	—	142
	1-й сводный пехотный	4	—	843
	2-й сводный пехотный	4	—	883
	Итого	8	—	1868
	Всего в армии	65	35	38 048

XVIII

Расписание армии генерала от кавалерии графа Витгенштейна по соединении с Финляндским корпусом 16 октября 1812 года

Главнокомандующий: генерал от кавалерии граф Витгенштейн

АВАНГАРД

Генерал-лейтенант князь Яшвиль

Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
Гродненский гусарский	—	8		
Сводный гусарский	—	4		
Родионова 2-го казачий	—	—	—	1
Платова 4-го казачий	—	—	—	1
2-й егерский	2			
3-й егерский	2			
25-й егерский	2			
23-й егерский	1			
Могилевский пехотный	3			
Подольский пехотный	2			
Навагинский пехотный	3			
Батарейной роты № 14 шесть орудий	—	—	1/2	
Конной роты № 1 десять орудий	—	—	1	
Легкая рота № 26	—	—	1	
Итого в авангарде	15	15	2 1/2	2

КОРПУС ПРАВОГО КРЫЛА

Генерал-лейтенант граф Штейнгель

1-я линия Генерал-лейтенант Сазонов	Митавский драгунский	—	4		
	26-й егерский	2			
	Тенгинский пехотный	3			
	Тульский пехотный	3			
	Эстландский пехотный	3			
	Воронежский пехотный	2			
	Батарейная рота № 6	—	—	1	
	Батарейной роты № 28 четыре орудия	—	—	1/3	

2-я линия Генерал-майор Ададуров	Рижский драгунский	—	4		
	Невский пехотный	2			
	Петровский пехотный	2			
	Литовский	2			
	Легкая рота № 11	—	—	1	
	Итого в корпусе	19	18	2 1/3	

КОРПУС ЛЕВОГО КРЫЛА

Генерал-лейтенант Берг

1-я линия Тайный советник Бибиков	Сводный гвардейский	—	5		
	Сводный егерский	3			
	Пермский пехотный	3			
	Севский пехотный	3			
	Батарейная рота № 5	—	—	1	
	Легкой роты № 9 семь орудий	—	—	1/2	
2-я линия Генерал-майор Кульнев	Ямбургский драгунский	—	3		
	Калужский пехотный	3			
	Азовский пехотный	2			
	Легкая рота № 27	—	—	1	
	Итого в корпусе левого крыла	14	8	2 1/2	

РЕЗЕРВНЫЙ КОРПУС

Генерал-майор Фок

	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
Резерв правого крыла Генерал-майор Рохманов	Низовский пехотный	2			
	1-й полк из гренад. резервных батал.	2			
	Сводные гренадер. батал. 5-й дивизии	2			
	Сводные гренадер. батал. 14-й дивизии	2			
	Батарейная рота № 21	—	—	1	
	Конной роты № 23 четыре орудия	—	—	1/3	
Резерв левого крыла Генерал-майор князь Сибирский	Сводный кирасирский	—	4		
	1-й морской	2			
	2-й полк из гренадер. резевн. батал.	2			
	3-й полк из гренадер. резевн. батал.				
	Батарейной роты № 14 шесть орудий	—	—	1/2	
	Конная рота № 3	—	—	1	
	Итого в резервном корпусе	14	4	2 5/6	

ОТРЯД

генерал-майора Властова

	24-й егерский	3			
	23-й егерский	3			
	1-й сводный пехотный	4			
	2-й сводный пехотный	4			
	Финляндский драгунский	—	3		
	Лащилина казачий	—	—	—	1
	Конной роты № 23 восемь орудий	—	—	2/3	
	Батарейной роты № 28 четыре орудия	—	—	1/3	
	Итого	13	3	1	3
Всего в армии генерала графа Витгенштейна		72	38	11 1/6	3

XIX
Расписание Волынской армии, оставшейся на реке Буг, 15 октября 1812 года

Главнокомандующий: генерал-лейтенант барон фон-дер-Остен-Сакен

АВАНГАРД
Генерал-майор Гампер

	Полки и артиллерийские роты	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
	Смоленский драгунский	—	4		
	4-й Уральский казачий	—	—	—	1
	Итого	—	4	—	1

КОРПУС
генерал-майора Булатова

	Власова 2-го казачий	—	—	—	1
	2-й Калмыцкий	—	—	—	1
	Чугуевский уланский	—	8		
	Переяславский драгунский	—	4		
22-я пехотная дивизия	Вятский пехотный	3			
	Старооскольский пехотный	2			
	Выборгский пехотный	2			
	45-й егерский	3			
	29-й егерский	2			
16-я пехотная дивизия	Камчатский	2			
	Галицкий	2			
	Охотский	2			
	Мингрельский	2			
	Батарейная рота № 22	—	—	1	
	Легкая рота № 41	—	—	1	
	Итого	20	12	2	2

РЕЗЕРВНЫЙ КОРПУС

генерал-майора графа Ливена

10-я пехотная дивизия	Белостокский пехотный	3			
	Ярославский	3			
	Крымский	2			
	8-й егерский	3			
	39-й егерский	2			
	Батарейная рота № 10	—	—	1	
	Легкая рота № 18	—	—	1	
	Итого	13	—	2	

КОРПУС

генерал-лейтенанта Эссена 3-го

		Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
	Серпуховский драгунский	—	4		
	Владимирский драгунский	—	3		
	Тверской драгунский	—	1		
	Лубенский гусарский	—	8		
23-я пехотная дивизия	Олонецкий пехотный	3			
8-я пехотная дивизия	Шлиссельбургский пехотный	2			
	Староингерманландский пехотный	2			
	Архангелогородский пехотный	2			
	Украинский	2			
	37-й егерский	3			
	Батарейная рота № 8	—	—	1	
	Легкие роты № 14 и 15	—	—	2	
	Конная рота № 15	—	—	1	
	Итого	14	16	4	
	Всего в Волынской армии	47	32	8	3

XX

Расписание Дунайской армии во время следования оной к реке Березине 15 октября 1812 года

Главнокомандующий: адмирал Чичагов

	Отряд Генерал-майора Чаплица	Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
	28-й егерский	2			
	32-й егерский	2			
Кавалерия	Павлоградский гусарский	—	8		
	Тверской драгунский	—	3		
	Дячкина казачий	—	—	—	1
	1-й Калмыцкий казачий	—	—	—	1
	2-й Башкирский казачий	—	—	—	1
	Конная рота № 13	—	—	1	
	Итого	4	11	1	3

АВАНГАРД

Генерал-адъютант граф Ламберт

	Грекова 8-го казачий	—	—	—	1
	Грекова 4-го казачий	—	—	—	1
	Мельникова 5-го казачий	—	—	—	1
	Барабанщикова 2-го казачий	—	—	—	1
	Евпаторийский Татарский	—	—	—	1
Кавалерия	Татарский уланский	—	8		
	Александрийский гусарский	—	8		
	Стародубовский драгунский	—	4		
	Житомирский драгунский	—	4		
	Арзамасский драгунский	—	4		
	14-й егерский	2			
	38-й егерский	2			
	27-й егерский	3			
	Конные роты № 11 и 12	—	—	2	
	Итого	7	28	2	5

БОЕВОЙ КОРПУС

Генерал-лейтенант Воинов

		Батал.	Эскадр.	Роты	Нерег. полки
	Киреева 2-го казачий	—	—	—	1
	3-й Уральский казачий	—	—	—	1
Кавалерия	Белорусский гусарский	—	8		
	С.-Петербургский драгунский	—	4		
	Лифляндский драгунский	—	4		
	Северский драгунский	—	4		
18-я пехотная дивизия	Владимирский пехотный	2			
	Тамбовский пехотный	2			
	Днепровский пехотный	2			
	Костромской пехотный	2			
9-я пехотная дивизия	Нашебургский пехотный	2			
	Апшеронский пехотный	2			
	Ряжский пехотный	2			
	Якутский пехотный	2			
	10-й егерский	2			
	Батарейные роты № 9 и 18	—	—	2	
	Легкие роты № 34, 35, 16 и 17	—	—	4	
	Итого	18	20	6	2

РЕЗЕРВНЫЙ КОРПУС

Генерал-лейтенант Сабанеев

	Луковкина казачий	—	—	—	1
	Пантелеева казачий	—	—	—	1
	Мельникова 3-го казачий	—	—	—	1
Кавалерия	Ольвиопольский гусарский	—	8		
	Дерптский драгунский	—	4		
	Кинбурнский драгунский	—	4		
15-я пехотная дивизия	Колыванский пехотный	2			
	Куринский пехотный	2			
	Витебский пехотный	2			
	Козловский пехотный	2			
	13-й егерский	2			
	7-й егерский	3			
	12-й егерский	2			
	Сводные гренадерские	6			

	Батарейные роты № 38, 39 и 34	—	—	3	
	Легкие роты № 25 и 50	—	—	3	
	Конная рота № 16	—	—	1	
	Итого	21	16	6	3
	Всего в Дунайской армии	50	75	15	13

XXI
Состояние Главной Российской армии под предводительством генерал-фельдмаршала князя Кутузова 22 ноября 1812 года

Налицо в строю:

1-й кавалерийский корпус	692 человека
2-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа	2662 человека
4-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Васильчикова	1527 человек
Кирасирский корпус генерал-лейтенанта князя Голицына	2283 человека
2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта князя Долгорукова	3315 человек
3-й пехотный корпус генерал-адъютанта графа Строганова	8531 человек
4-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова	2722 человека
5-й пехотный корпус Его императорского высочества цесаревича	5320 человек
6-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Раевского	6533 человека
8-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Бороздина 1-го	3711 человек

Всего налицо 40 290 человек.
В том числе 5142 рекрута и 1515 ратников ополчения.
Артиллерия 274 орудия.

Больных:

При армии	777 человек
Отправленных в обоз	1276 человек
Оставленных в военных госпиталях	14 531 человек
Оставленных во временных госпиталях	31 751 человек
Итого больных	48 335 человек

XXII

Расписание Главной Российской армии под предводительством генерал-фельдмаршала князя Кутузова 5 декабря 1812 года[1]

11-я пехотная дивизия	Кексгольмский	Пехотные полки
	Перновский	
	Полоцкий	
	Елецкий	
	1-й егерский	
	11-я артиллерийская бригада	
23-я пехотная дивизия	Рыльский	Пехотные полки
	Екатеринбургский	
	Копорский	
	23-я артиллерийская бригада	

2-й ПЕХОТНЫЙ КОРПУС
Генерал-лейтенант князь Долгоруков

2-я пехотная дивизия	Тобольский	Пехотные полки
	Минский	
	Волынский	
	Кременчугский	
	4-й егерский	
	4-я артиллерийская бригада	
3-я пехотная дивизия	Муромский	Пехотные полки
	Ревельский	
	Черниговский	
	Селенгинский	
	20-й егерский	
	3-я артиллерийская бригада	

[1] *Примечание переводчика.* Сие расписание извлечено из журнала генерал-квартирмейстера Толя.

Кавалерия	Псковский	Драгунские полки
	Каргопольский	
	Московский	
	Курляндский	
	Сибирский	
	Оренбургский	
	Сумский	Гусарские полки
	Елисаветградский	
	Мариупольский	
	Польский	Уланские полки
	Литовский	
Конноартиллерийские роты № 4 и 5, в каждой по 6 орудий, № 6, 7 и 8		

Донские казачьи полки	Карпова 2-го	
	Грекова 3-го	
	Чернозубова 4-го	
	Грекова 2-го	
	Жирова	
	Попова	
	Слюсарева	
	Ежова	
	Кошкина	
	Всего в авангарде:	
	Пехоты и артиллерии	5400 человек
	Кавалерии	4300 человек
	Казаков	2100 человек
	Итого	11 800 человек
	Артиллерии	120 орудий

ГЛАВНАЯ АРМИЯ
6-й ПЕХОТНЫЙ КОРПУС
Генерал от инфантерии Дохтуров

7-я пехотная дивизия	Псковский	Пехотные полки
	Московский	
	Софийский	
	Либавский	
	11-й егерский	
	7-я артиллерийская бригада	

24-я пехотная дивизия	Гирванский	Пехотные полки
	Уфимский	
	Бутырский	
	Томский	
	24-я артиллерийская бригада	

7-й ПЕХОТНЫЙ КОРПУС

Генерал-лейтенант Раевский

12-я пехотная дивизия	Смоленский	Пехотные полки
	Нарвский	
	Алексопольский	
	Новоингерманладский	
	6-й егерский	
	12-я артиллерийская бригада	
26-я пехотная дивизия	Нижегородский	Пехотные полки
	Орловский	
	Ладожский	
	Полтавский	
	5-й егерский	
	26-я артиллерийская бригада	

8-й ПЕХОТНЫЙ КОРПУС

Генерал-лейтенант Бороздин

17-я пехотная дивизия	Рязанский	Пехотные полки
	Брестский	
	Белозерский	
	Вильманстрандский	
	48-й егерский	
	17-я артиллерийская бригада	
27-я пехотная дивизия	Одесский	Пехотные полки
	Виленский	
	Симбирский	
	49-й егерский	
	27-я артиллерийская бригада	

РЕЗЕРВ ГЛАВНОЙ АРМИИ

3-й ПЕХОТНЫЙ КОРПУС

Генерал-адъютант граф Строганов

1-я гренадерская дивизия	Лейб-гренадерский	Гренадерские полки
	Графа Аракчеева	
	Екатеринославский	
	С.-Петербургский	
	Таврический	
	Павловский	
	1-я артиллерийская бригада	
2-я гренадерская дивизия	Киевский	Гренадерские полки
	Московский	
	Фанагорийский	
	Астраханский	
	Сибирский	
	Малороссийский	
	2-я артиллерийская бригада	

5-й ПЕХОТНЫЙ КОРПУС

Его императорское высочество цесаревич

	Лейб-гвардии Преображенский	
	Лейб-гвардии Семеновский	
	Лейб-гвардии Измайловский	
	Лейб-гвардии Литовский	
	Лейб-гвардии егерский	
	Лейб-гвардии Финляндский	
	Гвардейский экипаж	
	Гвардейская артиллерия	

КИРАСИРСКИЙ КОРПУС

Генерал-лейтенант князь Голицын

1-я кирасирская дивизия	Кавалергардский	
	Лейб-гвардии конный	
	Лейб-гвардии Его величества	Кирасирские полки
	Лейб-гвардии Ее величества	
	Астраханский	
	Гвардейская конная батарея	
2-я кирасирская дивизия	Екатеринославский	Кирасирские полки
	Орденский	
	Глуховский	
	Малороссийский	
	Новгородский	
Гвардейская легкая кавалерийская дивизия	Лейб-гвардии драгунский	
	Лейб-гвардии уланский	
	Лейб-гвардии гусарский	
	Лейб-гвардии казачий	
	1-го пионерного полка три роты	
	2-го пионерного полка три роты	

ОТРЯД

генерал-адъютанта Васильчикова

	Харьковский	
	Черниговский	
	Новороссийский	
	Ахтырский гусарский	
	19-й егерский	
	33-й егерский	
	Данилова	
	Андреянова 2-го	
	Андреянова 3-го	
	Конной артиллерии 12 орудий	

В Главной армии, за исключением казачьих полков, состояло под ружьем около 20 000 человек и 220 орудий считая вместе с резервной артиллерией.

XXII

Расписание армии адмирала Чичагова в декабре 1812 года[1]

АВАНГАРД

под начальством генерал-лейтенанта Чаплица

Кавалерия	Лифляндский	Драгунские полки
	Кинбурнский	
	Тверской	
	Павлоградский	Гусарские полки
	Александрийский	
	Белорусский	
	Волынский уланский	
	Дячкина	Донские казачьи полки
	Мельникова 5-го	
	Грекова 4-го	
	Киреева 2-го	
	Луковкина	
	Грекова 8-го	
	Барабанщикова 2-го	
	Исаева 2-го	
	3-й Уральский казачий	
8-я пехотная дивизия	7-й егерский	
15-я пехотная дивизия	14-й егерский	
16-я пехотная дивизия	27-й егерский	
18-я пехотная дивизия	28-й егерский	
	32-й егерский	
9-я пехотная дивизия	10-й егерский	
	38-й егерский	
	Нашебургский пехотный	
	Пионерная рота	
	Конноартиллерийские роты № 11, 12 и 13	

КОРПУС

генерал-лейтенанта Воинова

Кавалерия	С.-Петербургский	Драгунские
	Северский	

[1] *Примечание переводчика.* Сие расписание извлечено из рукописного журнала действий армии адмирала Чичагова.

18-я пехотная дивизия	Владимирский	Пехотные полки
	Тамбовский	
	Днепровский	
	Костромской	
9-я пехотная дивизия	Апшеронский	
	Ряжский	
	Якутский	
Артиллерия	Батарейная рота № 9	
	Батарейная рота № 18	
	Легкая рота № 34	
	Легкая рота № 35	
	Легкая рота № 16	
	Легкая рота № 17	

КОРПУС

генерала от инфантерии графа Ланжерона

Кавалерия	Стародубовский	Драгунские
	Житомирский	
	Арзамасский	
	Дерптский	
	Ольвиопольский гусарский	
15-я пехотная дивизия	Колыванский	Пехотные полки
	Куринский	
	Витебский	
	Козловский	
	22-й егерский	
	2-й гренадерской дивизии резервных шесть батальонов	
13-я пехотная дивизия	12-й егерский	
	Саратовский пехотный	
Артиллерия	Батарейная рота № 34	
	Батарейная рота № 38	
	Батарейная рота № 39	
	Легкая рота № 25	
	Легкая рота № 50	
	Конная рота № 16	

XXIV

Расписание армии генерала от кавалерии графа Витгенштейна 31 декабря 1812 года[1]

Кавалерия	Сводный	Драгунские
	Ряжский	
	Ямбургский	
	Митавский	
	Финляндский	
	Казанский	
	Сводный	Гусарские
	Гродненский	
	Изюмский	
	Польского уланского два эскадрона	
Нерегулярная кавалерия	Платова 4-го	Донские казачьи полки
	Родионова 2-го	
	Лощилина	
	Пантелеева 2-го	
	Иловайского 4-го	
	Иловайского 12-го	
	Чернозубова 8-го	
	Денисова 7-го	
	Горина	
	Ягодина	
	Селиванова 2-го	
	Ставропольский Калмыцкий	
	Евпаторийский Татарский	
	С.-Петербургский казачий полковника Яхонтова	
	С.-Петербургский казачий полковника Боде	

[1] *Примечание переводчика.* Сие расписание извлечено из рукописного журнала действий армии генерала графа Витгенштейна.

5-я пехотная дивизия	Пермский	Пехотные полки
	Севский	
	Могилевский	
	Калужский	
	23-й егерский	
	24-й егерский	
	Сводного гренадерского два батальона	
6-я пехотная дивизия	Азовский	Пехотные полки
	Низовский	
	3-й егерский	

14-я пехотная дивизия	Тульский	Пехотные полки
	Тенгинский	
	Навагинский	
	Эстлянский	
	25-й егерский	
	26-й егерский	
	Сводного гренадерского два батальона	
21-я пехотная дивизия	Невский	Пехотные полки
	Петровский	
	Литовский	
	2-й егерский	
25-я пехотная дивизия	Воронежский пехотный	
	1-й морской	
	2-й морской	
	1-й сводный пехотный	
	2-й сводный пехотный	
	Сводный егерский	
Отряды генерал-лейтенанта Левиза	1-й сводный пехотный	
	2-й сводный пехотный	
	3-й сводный пехотный	
	4-й сводный пехотный	
	44-й егерский	
	С.-Петербургского ополчения 11 дружин	
	Новгородского ополчения 4 дружины	

Артиллерия	Батарейная рота № 5	
	Батарейная рота № 6	
	Батарейная рота № 14	
	Батарейная рота № 21	
	Батарейная рота № 28	
	Легкая рота № 10	
	Легкая рота № 11	
	Легкая рота № 26	
	Легкая рота № 27	
	Легкая рота № 40	
	Легкая рота № 57	
	Конная рота № 1	
	Конная рота № 3	
	Конная рота № 23	

Всего в армии графа Витгенштейна, за исключением отрядов, оставленных в разных местах, начиная от города Себежа до местечка Юрбурга:

Пехоты	21 000 человек
Кавалерии	3200 человек
Казаков	3700 человек
Артиллерии	2500 человек
Ополчения	4500 человек
Итого	34 900 человек
Артиллерии	184 орудия

XXV

Приблизительное исчисление, показывающее силу корпусов Французской армии, вступивших в Россию, и остатков сей армии, возвратившихся за границу

Гвардия, 1, 2, 3-й пехотные и 1, 2 и 3-й кавалерийские корпуса под непосредственным предводительством Наполеона, перешедшие реку Неман при Ковно 12 и 13 июня	258 000 человек
10-й корпус под начальством маршала Макдональда, прибывший в Россиену 18 июня	31 000 человек
5, 7, 8-й пехотные и 4-й кавалерийский корпуса, с которыми король Вестфальский перешел реку Неман в Гродно 18 июня	82 000 человек
4-й и 6-й корпуса, которые под начальством вице-короля Итальянского перешли Неман при Пиланах 18 и 19 июня	79 000 человек
Австрийский вспомогательный корпус под начальством князя Шварценберга, перешедший реку Буг при Могельнице 21 июня	30 000 человек
Польская бригада генерала Коссинского, в августе месяце присоединившаяся к 7-му корпусу	5000 человек
9-й корпус под начальством маршала Виктора, вступивший в Россию 20 августа	30 000 человек
Дивизия генерала Бараге-д'Ильера, в сентябре месяце собравшаяся при Смоленске	9000 человек
Дивизия генерала Дюрюта, усилившая 7-й корпус в октябре месяце	12 000 человек
Дивизия генерала Луазона, в октябре месяце прибывшая в Вильно	10 000 человек
Дивизия неаполитанских войск, в ноябре месяце пришедшая в Вильно	8000 человек
Всего неприятельских войск, вступивших в Россию	554 000 человек
Остатки французской Главной армии под начальством короля Неаполитанского, возвратно перешедшие границу в Ковно 1 декабря	20 000 человек
Дивизия генерала Гранжана, прибывшая в Тильзит 15 декабря	5000 человек
Прусский корпус генерал-лейтенанта Иорка, объявивший себя нейтральным при Таурогене 18 декабря	18 000 человек
Австрийский корпус князя Шварценберга, который возвратно перешел реку Неман и прибыл к Высоким-Мазовецким 13 декабря	25 000 человек
7-й корпус под начальством генерала Ренье, обратно перешедший реку Буг при Дрогичине в последних числах декабря	11 000 человек
Всего неприятельских войск, возвратившихся за границу	79 000 человек

Неприятельских войск, вошедших в российские пределы	554 000 человек
Возвратившихся за границу	79 000 человек
Следовательно, урон, претерпленный неприятелем в 1812 году, состоял в	475 000 человек

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Предуведомление от сочинителя 7
Предуведомление от издателя 8

ГЛАВА I
Взгляд на политические сношения России с Франциею со времени Люневильского мира до войны 1812 года. — Изложение причин, произведших сей последний разрыв. 9

ГЛАВА II
Внутренние приготовления к войне с обеих сторон. — Состав армий. — Описание театра войны 40

ГЛАВА III
Положение армий при начале военных действий. — Наполеон переходит реку Неман. — Отступление Первой Западной армии к реке Двине. — Отступление Второй Западной армии. — Укрепленный лагерь при городе Дриссе. — Первая армия отступает к Полоцку. — Император Александр отъезжает в Москву для приготовления новых вооружений внутри государства. — Первая армия продолжает отступление свое к Витебску. — Бой при местечке Островне. — Первая армия уклоняется к Смоленску. — Вторая армия отступает на Могилев. — Бой при деревне Салтановке. — Обе российские армии совершают соединение свое под Смоленском. — Наполеон останавливается в Витебске. 73

ГЛАВА IV
Наступательное движение российских армий к местечку Рудне. — Наполеон переходит реку Днепр. — Бой под городом Красным; превосходное отступление генерал-майора Неверовского. — Бой под Смоленском. — Россияне оставляют сей город. — Сражение при деревне Лувине. — Отступление российских армий к Москве. — Прибытие к армии нового главнокомандующего князя Голенищева-Кутузова 116

ГЛАВА V
Битва при селе Бородине. — Отступление Российской армии к Москве. — Оставление сей столицы. — Российская армия отступает по дороге к городу Коломне. — Боковое движение с Коломенской дороги на Калужскую. — Фельдмаршал Кутузов продолжает отступление свое к селу Тарутину. 142

ГЛАВА VI
Движение маршала Макдональда к Риге. — Дело при Экау. — Маршал Удино, перейдя Двину, следует к городу Себжеву. — Сражение при селении Кляссицах. — Поражение генералов Кульнева и Вердье. — Маршал Удино возвращается в Полоцк. — Неприятель занимает Динабург и требует сдачи Риги. — Действия под сим городом. — Вторичное наступление маршала Удино. — Бой при деревне Свольне. — Граф Витгенштейн преследует маршала Удино под самый Полоцк. — Сражение при Полоцке. — Граф Витгенштейн отступает за речку Дриссу. — Дело при селении Белом. — Действия Рижского корпуса. 191

ГЛАВА VII
Корпус генерала Ренье сменяет корпус князя Шварценберга для действий против Третьей российской армии. — Генерал Тормасов действует наступательно. — Бой под городом Кобрином. Князь Шварценберг возвращается для соединения с генералом Ренье и снова идет вперед. — Сражение при корчме Городичне. — Генерал Тормасов отступает за реку Стырь. — Действия генерал-лейтенанта Эртеля. — Российская Дунайская армия, выступив из Валахии, соединяется с армией генерала Тормасова. — Россияне возобновляют наступательные действия. — Князь

Шварценберг переходит за реку Буг у местечка Влодавы. — Адмирал Чичагов назначается главнокомандующим обеих соединенных российских армий. 219

Изъяснение к плану битвы при селе Бородине между Российской армией под начальством генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова и Французской армией под личным предводительством императора Наполеона 26 августа 1812 года 241

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА VIII

Состояние армий во время пребывания Наполеона в Москве, а россиян — при селе Тарутине. — Российские партизаны. — Распространение народного духа в России. — Предначертание действий, сделанное императором Александром. — Россияне берут город Верею. — Бой при речке Чернишне. — Неприятель оставляет Москву. — Бой в городе Малом Ярославце. — Россияне отступают в направлении Калуги, а французы — к Можайску. — Движения россиян в окрестностях города Медыни. 249

ГЛАВА IX

Решительное отступление французов. — Сражение при городе Вязьма. — Дело под селом Ляховым. — Пребывание Наполеона в Смоленске. — Движение вице-короля Итальянского чрез город Духовщину к Смоленску. — Неприятельская армия продолжает свое отступление. — Сражения под городом Красным. 280

ГЛАВА X

Предначертание действий для второстепенных армий российских. Генерал-лейтенант граф Штейнгель, сделав высадку в Ревеле, отправляется в Ригу. — Поиск, произведенный графом Штейнгелем, и возвращение его в Ригу. — Движение сего генерала к местечку Друе. — Граф Витгенштейн, получив подкрепление, опять действует наступательно. — Сражение при Полоцке. — Приступ к сему городу и взятие оного россиянами. — Граф Штейнгель отступает за реку Двину. — Витгенштейн и Штейнгель преследуют неприятеля по ту сторону Двины и соединяются при городе Лепеле. — Бой при местечке Чашниках. — Россияне берут Витебск. — Бой при деревне Смолянцах. — Адмирал Чичагов, двинувшись к Бресту-Литовскому, оттесняет австро-саксонскую армию в герцогство Варшавское и потом располагает войска свои по квартирам, дабы освежить их. — Дело при городе Бяле. — Адмирал Чичагов, оставив генерал-лейтенанта барона фон-дер-Остен-Сакена у Бреста-Литовского, направляет путь свой к реке Березине. — Князь Шварценберг опять переходит на правую сторону реки Буга. — Генерал Остен-Сакен идет против него. — Дела при местечках Новом Свержене и Кайданове. — Россияне занимают Минск. — Бой под городом Борисовым. — Дело при селении Горностаевичах. — Бой под городом Волковиском. — Отступление генерала Остен-Сакена. 318

ГЛАВА XI

Наполеон отступает к городу Борисову. — Поражение авангарда адмирала Чичагова. — Дела при деревнях Узнацке и Батурах. — Наполеон в Борисове. — Неприятель переходит реку Березину при деревне Студенке. — Бой под Старым Борисовом и сдача на договор французской дивизии генерала Партуно. — Бой при деревне Стахове. — Бой при Студенке. — Отступление неприятеля к Вильно. — Россияне живо преследуют его. — Отъезд Наполеона. — Фельдмаршал князь Кутузов сближается к армии адмирала Чичагова. 369

ГЛАВА XII

Россияне преследуют неприятеля к Вильно. — Занятие сего города. — Король Неаполитанский возвратно переходит реку Неман. — Дело под Ковно. — Главная армия российская располагается на временных квартирах. — Прибытие его величества императора Александра в Вильно. — Движение адмирала Чичагова к реке Неману. — Движение графа Витгенштейна. — Отступление маршала Макдональда. — Взятие Мемеля. — Отложение пруссаков. — Маршал Макдональд отступает к Кенигсбергу. — Дело при местечке Лабиау. — Отступление австрийцев и корпуса генерала Ренье. — Движения отряда генерал-адъютанта Васильчикова и корпусов генералов Остен-Сакена, Тучкова 3-го и Эссена. — Окончательное изгнание неприятеля из пределов России. 398

Заключение 421

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Расписание Французской армии во время нашествия ее на Россию 426

II. Расписание российской 1-й Западной армии при открытии военных действий 440

III. Расписание российской 2-й Западной армии при открытии военных действий 447

IV. Расписание российской 3-й Западной армии при открытии военных действий 450

V. Расписание российских резервных дивизий 453

VI. Приблизительное исчисление войск Французской армии, соединенной под Могилевом 11 июля 1812 года 454

VII. Приблизительное исчисление войск Французской армии, соединенной под Витебском 13 июля 1812 года 455
VIII. Приблизительное исчисление войск Французской армии, соединенной под Смоленском 4 августа 1812 года 456
IX. Расписание войск Главной Российской армии под предводительством генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова, бывших в сражении при селе Бородине 26 августа 1812 года 458
X. Расписание войск Французской армии под предводительством императора Наполеона, бывших в сражении при селе Бородине 26 августа 1812 года 466
XI. Приблизительное исчисление войск Французской армии в день битвы Бородинской 26 августа 1812 года 474
XII. Боевой порядок 1-го российского корпуса 30 июня 1812 года 475
XIII. Расписание Дунайской армии при выступлении ее из Бухареста 18 июля 1812 года 477
XIV. Расписание соединенных 3-й Западной и Дунайской армий 28 сентября 1812 года 480
XV. Состояние Главной Российской армии под начальством фельдмаршала князя Кутузова 6 октября 1812 года 485
XVI. Состояние Финляндского корпуса генерал-лейтенанта графа Штейнгеля 22 сентября 1812 года 486
XVII. Расписание армии под начальством генерал-лейтенанта графа Витгенштейна 4 октября 1812 года 487
XVIII. Расписание армии генерала от кавалерии графа Витгенштейна по соединении с Финляндским корпусом 16 октября 1812 года 490
XIX. Расписание Волынской армии, оставшейся на реке Буг, 15 октября 1812 года 493
XX. Расписание Дунайской армии во время следования оной к реке Березине 15 октября 1812 года 495
XXI. Состояние Главной Российской армии под предводительством генерал-фельдмаршала князя Кутузова 22 ноября 1812 года 498
XXII. Расписание Главной Российской армии под предводительством генерал-фельдмаршала князя Кутузова 5 декабря 1812 года 499
XXII. Расписание армии адмирала Чичагова в декабре 1812 года 504
XXIV. Расписание армии генерала от кавалерии графа Витгенштейна 31 декабря 1812 года 506
XXV. Приблизительное исчисление, показывающее силу корпусов Французской армии, вступивших в Россию, и остатков сей армии, возвратившихся за границу 509

Бутурлин Дмитрий Петрович

ИСТОРИЯ НАШЕСТВИЯ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА НА РОССИЮ В 1812 ГОДУ

Редактор *Е. И. Рычкова*
Художественное оформление *А. П. Зарубин, Д. А. Стребков*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Е. Р. Ароян*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22
E-mail: kuchkovopole@mail.ru. www.kpole.ru

Подписано в печать 10.10.11. Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 41,28.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ № 3044.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
в ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати – ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122. Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http: //www.gipp.kirov.ru; e-mail: order@gipp.kirov.ru

ISBN 9785995002123

Д. П. Бутурлин

История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году

Сочинитель знал трудность
своего предприятия.
Нелегко написать современную историю.
Человек, не умеющий поступать противно
совести своей, неминуемо должен подвергнуться
негодованию оскорбленного честолюбия
и ненависти духа партий, коих пристрастные
суждения не могут быть подтверждены историей.

Гордясь тем, что писал сходно с собственным
убеждением, он ищет одобрения только людей
благородно беспристрастных, но не тех,
кои правду считают обидной или преступлением.
При всем том он не имеет высокомерия
воображать, чтобы не мог погрешить
в суждениях своих, и с признательностью
примет все замечания,
которые благоугодно будет сделать ему
для пользы военной науки.